135
9/77-2/
9С5(09)
Библиотека Аудитории Военного Дела

А. В. Петровъ.

ГОРОДЪ НАРВА.

ЕГО ПРОШЛОЕ и ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ

въ связи съ исторіей упроченія русскаго господства на Балтійскомъ побережьѣ.

1223—1900.

Съ портретомъ Петра Великаго, съ 48 иллюстраціями и планами сраженій 1700 и 1704 г.г.

ПРОВЕРЕНО 2007 ГОД
Проверено 1950 г. № 1
Филиал Библиотеки Ленинградского Окружного Дома Офицеров им. С. М. Кирова Ленинград, Дворцовая площадь
ПРОВЕРЕНО 1980/81 гг.
ПРОВЕРЕНО 1993/94 гг.
Инв. № 235
Проверено 1935 г.
ФЕВРАЛЯ 2012 ПРОВЕРЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1901.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Типъ Кнеллера, писавшаго съ натуры въ Утрехтѣ, въ 1697 году.
Оригиналъ хранится въ Гамптонъ-Кортскомъ музеѣ, близъ Лондона.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

котина,

ПАМЯТИ ОТЦА.

Добрѣ, ра́бе благі́й и вѣ́рный,
ѡ ма́лѣ былъ єси̑ вѣ́ренъ, надъ
мно́гими тѧ̀ поста́влю.

Евангеліе отъ Матѳея,
глава 25, стихъ 23.

Видъ города Нарвы.

По современной фотографіи.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыщ. 2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нарва—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европы. Основанная, по свидѣтельству ливонскихъ лѣтописей, въ 1223 году, за годъ до печальной битвы русскихъ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ, Нарва много вѣковъ служила яблокомъ раздора для сосѣднихъ народовъ.

Тамъ, гдѣ угрюмый эстъ-меланхленъ, на каменистой, неплодородной почвѣ собиралъ свои скудные посѣвы, а въ дремучихъ лѣсахъ и на болотахъ ходилъ на звѣрей и охотился на птицъ, гдѣ прекрасная, не вѣдавшая еще вліянія хищныхъ человѣческихъ рукъ, Нарова свободно несла свои прозрачныя струи къ заливу, тамъ, гдѣ воздухъ оглашали плавные звуки древне-эстской рѣчи и пѣсни,—появились новыя лица, стали захватывать землю, строить на ней себѣ жилища, убивать всѣхъ, кто имъ противился, оставляя и свои тѣла на мѣстахъ кровавыхъ побоищъ. Однообразная, унылая жизнь эстовъ, похожая на сонъ и неподвижная, какъ смерть, одухотворилась, заволновалась, закипѣла подъ вѣяніемъ принесенной пришельцами кровавой борьбы и смерти.

Въ борьбѣ за обладаніе балтійскимъ побережьемъ столкнулись два народныхъ теченія: славяно-русское и германо-скандинавское. Порубежная Нарва видѣла упорное соперничество Руси съ меченосцами, датчанами, ливонскимъ орденомъ и шведами; она видѣла и внутреннюю борьбу основныхъ элементовъ Ливоніи—архі-

епископовъ, магистровъ, вассаловъ и городского сословія,—повлекшую и самое паденіе нѣкогда сильнаго ордена.

Сначала разъѣдаемая удѣльною системою, съ ея усобицами и братоубійственною борьбою, тѣснимая и разоряемая татарами, потомъ обезсиленная смутнымъ временемъ, кознями поляковъ, голодомъ, моровою язвою, пожарами и ужасами войны, Русь долго не могла раздвинуть свои предѣлы до балтійскихъ береговъ, являвшихся для нея естественною границею. Построеніе въ 1492 году Іоанномъ III Ивангорода, напротивъ Нарвы, и завоеваніе этой послѣдней Іоанномъ Грознымъ въ 1558 году были лишь мимолетными проявленіями русскаго могущества, такъ какъ уже въ 1581 году шведы снова отняли Нарву, а въ 1611 году и Ивангородъ. Лишь когда на сценѣ міровой исторіи явился Петръ, Россіи, несмотря на первую неудачу подъ Нарвой въ 1700 году, удалось твердо обосноваться у Балтійскаго моря, открывавшаго новые широкіе торговые и культурные пути.

Нарвское пріобрѣтеніе (1704 г.) было немаловажнымъ фактомъ въ исторіи Россіи: нахожденіе Нарвы на древнемъ великомъ торговомъ пути, сближавшемъ европейскія государства съ Россіею и Азіею, ея богатство и вѣковое участіе въ ганзейской торговлѣ дѣлали ее значительнымъ торговымъ пунктомъ. Теперь вмѣстѣ съ нею переходилъ къ Россіи и этотъ торговый путь, эта золотоносная жила со всѣмъ ея достояніемъ. Нарва, кромѣ того, какъ важный стратегическій пунктъ, дѣлалась опорною базою къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ и упроченію русскаго господства на Балтійскомъ морѣ.

Съ присоединеніемъ къ Россіи, какъ и въ другихъ городахъ прибалтійскаго края, за Нарвою были сохранены ея привилегіи, но подъ „условіемъ непротиво-

рѣчія ихъ государственнымъ законамъ. Эти привилегіи, образовавшія касты надѣленныхъ ими и ревниво охранявшихъ ихъ лицъ, послужили источникомъ долговременной борьбы между этими послѣдними и русскимъ населеніемъ города. Прежнія кровавыя распри смѣнились внутреннимъ упорнымъ соперничествомъ, порожденнымъ неравномѣрнымъ и несправедливымъ раздѣленіемъ правъ и обязанностей. Уже одновременно съ подтвержденіемъ жалованными грамотами мѣстныхъ особенностей и привилегій слышались голоса, возражавшіе противъ привилегированнаго положенія жителей покореннаго края; особенно громко эти голоса раздавались въ извѣстной екатерининской коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія; но лишь реформами двухъ минувшихъ царствованій было положено твердое основаніе къ уравненію въ правахъ и обязанностяхъ всѣхъ городскихъ жителей, одинаково призванныхъ трудиться на поприщѣ самоуправленія для пользы общей.

Исторически прослѣдить всѣ фазисы развитія города Нарвы, начиная съ отдаленныхъ временъ рыцарства, приподнять завѣсу съ прошлаго и разгадать тайну, которую безмолвно хранятъ два былые соперника — длинный ливонскій Германъ и русскій Ивангородъ, развернуть рядомъ съ картинами побоищъ картину внутренней духовной борьбы разнородныхъ элементовъ въ Нарвѣ, а затѣмъ ихъ объединенія — составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

А. Петровъ.

Царское Село.
12 декабря 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Глава I. Древнѣйшіе обитатели прибалтійскаго края, свидѣтельства гре ческихъ и римскихъ историковъ, мечеиосцы (стр. 3—22). **Глава II.** Постро еніе Нарвы датчанами и датская эпоха ея исторіи (стр. 23—36). **Глава III.** В дычество ливонскаго ордена, построеніе Ивангорода Іоанномъ III, войны съ Ливоніей и паденіе послѣдней, народныя преданія изъ этой эпохи (стр. 84). **Глава IV.** Нарва подъ властью Іоанна Грознаго, участіе ея въ ганзейск торговлѣ (85—112). **Глава V.** Эпоха шведскаго владычества, памятники преданія (113—182). **Глава VI.** Нарвская кампанія 1700 года (стр. 183—268) **Глава VII.** Военныя операціи 1701—1704 г.г. и взятіе Нарвы Петромъ Вели кимъ (стр. 269—312). **Глава VIII.** Нарва при Петрѣ Великомъ, посѣщеніе имъ Нарвы, дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ и его достопамятности; нарв скіе памятники, относящіеся къ Петру и баталіямъ 1700 и 1704 г.г.; въ этой и предъидущей главахъ собраны нарвскія преданія о Петрѣ Великомъ (стр. 313—355). **Глава IX.** Первое столѣтіе пребыванія Нарвы подъ властью Россіи (1725—1801 г.), жалованныя грамоты императрицъ Анны, Елизаветы и Екатерины II, Анна Крамеръ, заключеніе опальныхъ людей въ Ивангородъ взглядъ императрицы Екатерины II на остзейскій вопросъ и мнѣнія по этому вопросу, высказанныя въ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія: достопамятные предметы старины въ Преображенскомъ соборѣ и Успенской церкви, пребываніе императрицъ, а также Державина, Карамзина и Арсенія Мацѣевича въ Нарвѣ (стр. 356—423). **Глава X.** Второе столѣтіе русской Нарвы, отголоски войнъ 1808 и 1812 г.г., артиллерійскій бой въ устьѣ Наровы 6 іюня 1855 г., развитіе фабричнаго дѣла въ Нарвѣ, посѣщеніе Нарвы государями и замѣчательными людьми, постепенное насажденіе русскихъ началъ, городская реформа и краткій историческій очеркъ самоуправленія въ Нарвѣ (стр. 424—501); перечни библіографическій и художественныхъ изображеній (стр. 502—520).

Иллюстраціи въ книгѣ:

Отдѣльные листы: 1) портретъ Петра Великаго, 2) видъ Нарвы, 3) ливонскій замокъ, 4) баталія 19 ноября 1700 г., 5) взятіе Нарвы 9 августа 1704 г., 6) Петръ останавливаетъ грабежъ въ Нарвѣ, 7—8) медаль на взятіе Нарвы. 9) нарвскій водопадъ въ 1780 г., 10) Нарва и ея достопримѣчательности, съ лит. 1856 г., 11) гимназія, 12—13) Гунгербургъ.

Листы въ текстѣ: 14) видъ Нарвы съ высоты (стр. 1), 15) нарвскій водопадъ (стр. 5), 16) ливонскій замокъ, мостъ и часть Ивангорода (стр. 55), 17—21) виды Нарвы и Ивангорода по гравюрамъ Меріана и изъ путешествія Олеарія XVII стол. (стр. 137, 147, 151, 163 и 167), 22) видъ ратуши, биржи и памятника Петру Великому (стр. 173), 23) дворецъ Петра Великаго (стр. 343).

Мелкіе рисунки въ текстѣ: 24) Ивангородъ (стр. 45), 25) церковь св. Николая въ Ивангородѣ (стр. 50), 26) башня Ивангорода и ливонскій замокъ (стр. 59), 27—28) иконы, уцѣлѣвшія отъ пожара 1558 г. (стр. 73 и 74), 29) старый домъ (стр. 114), 30—33) 4 герба Нарвы (стр. 118 и 119), 34) гербъ Ивангорода (стр. 146), 35) ворота Ивангорода 1613 г. (стр. 150), 36) нарвскій водопадъ изъ Олеарія (стр. 157), 37) Ивангородъ изъ Олеарія (стр. 159), 38) нарвскіе бастіоны (стр. 180), 39) бастіонъ Victoria (стр. 293), 40—42) памятники Петру Великому и павшимъ въ 1700 и 1704 г.г. воинамъ (стр. 354 и 355), 43—47) Спасо-Преображенскій соборъ и его древности (стр. 407, 409, 411, 413 и 415), 48) артиллерійскій бой въ устьѣ р. Наровы 6 іюня 1855 г. (стр. 452), 49) городская лѣстница (стр. 494).

Клише для иллюстрацій изготовлены въ заведеніи Вильборга, кромѣ №№ 15, 16, 22, 23, 26 и 49 (работы Вейермана); №№ 1, 2 и 5 отпечатаны у Вильборга, остальные—въ типографіи м-ва внутр. дѣлъ.

Планы: 1—2) осады Нарвы 1700 г. и острова Кампергольма, на которомъ была главная квартира Петра Великаго и 3) осады и штурма Нарвы 1704 г.

Видъ Нарвы съ высоты.

БИБЛІОТЕКА
АУДИТОРІИ ВОЕННАГО
ДѢЛА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По обоимъ берегамъ быстроводной рѣки Наровы, въ разстояніи 12 верстъ отъ Финскаго залива и около полутораста верстъ отъ Петербурга, подъ 59°23′ сѣверной широты и 45°52′ восточной долготы, раскинулся древній городъ Нарва съ его предмѣстьями, или форштадтами. Старинныя шведскія зданія изъ мѣстной плиты съ черепичными остроконечными кровлями перемѣшались здѣсь съ деревянными русскими домами недавней постройки, узкіе и кривые переулки уперлись въ широкія и просторныя улицы и площади, зелень садовъ прислонилась къ старой проросшей мхомъ и полуразвалившейся ливонской стѣнѣ, а тамъ, гдѣ сдавленная берегами Нарова ниспадаетъ шумнымъ водопадомъ съ утесовъ, положенныхъ властною рукою природы на ея пути, выросли гигантскіе корпуса всемірно-извѣстныхъ фабрикъ.

На подобіе другихъ древне-датскихъ и ливонскихъ городовъ и замковъ, нарвскій вышгородъ расположенъ на высокомъ каменистомъ холмѣ, поднимающемся на 70 футовъ надъ уровнемъ моря.

Сохранившіеся доселѣ ливонскій замокъ, шведскіе бастіоны, остатки ливонскихъ стѣнъ, а на правомъ берегу русская крѣпость Ивангородъ какъ бы заслоняютъ отъ взора то давно минувшее время, когда, взамѣнъ всѣхъ этихъ сооруженій, коренные жители края, наровская чудь строила свои недолговѣчные шалаши изъ древесныхъ вѣтвей, а отъ холода и непогодъ укрывалась звѣриными шкурами.

Пытливый взоръ изслѣдователя не останавливается только на видимыхъ знакахъ сѣдой старины, онъ ищетъ способы поднять завѣсу и съ тѣхъ древнѣйшихъ эпохъ, слѣды которыхъ открываются лишь подъ землею, въ видѣ находимыхъ случайно монетъ, предметовъ военнаго быта и домашняго обихода. Этими созданіями человѣческихъ рукъ, словно звеньями безконечной цѣпи, поддерживается связь между людскими поколѣніями; благодаря этимъ продуктамъ творческаго человѣческаго ума, жившіе за много вѣковъ до насъ обитатели земли входятъ въ духовное общеніе съ нами и напоминаютъ намъ о своемъ бытѣ, обычаяхъ, борьбѣ, печаляхъ и радостяхъ.

Историческою наукою установлено, что первоначальными насельниками прибалтійскаго края были финны, племя въ незапамятныя времена вышедшее изъ средней Азіи и занявшее обширныя пространства отъ Оби и Енисея до Балтійскаго моря. Финны, или суоми, распадались на двѣ обширныя вѣтви: восточную и западную, а эти послѣднія, въ свою очередь, дѣлились на множество мелкихъ племенъ. Восточные финны: меря, мордва, черемисы, мурома, вотяки, зыряне, вогулы и др. не составляютъ предмета нашего изслѣдованія, поэтому мы и ограничимся однимъ ихъ перечисленіемъ.

Западная вѣтвь финновъ распадалась на слѣдующія племена: нынѣшнюю эстляндскую и сѣверную часть лифляндской губерніи населяли эсты, по восточному берегу Чудскаго озера жило племя водь; русскія лѣтописи называютъ оба эти племени чудью такъ же, какъ и племя, разселившееся около Ладожскаго и Онежскаго озеръ до Сѣверной Двины; это послѣднее племя лѣтописцы именуютъ чудью заволоцкою, а эстовъ, жившихъ по рѣкѣ Наровѣ — чудь-наровою; народецъ, обитавшій у Бѣлоозера, назывался весь, сѣверныя племена заволоцкой чуди назывались корелами, а южныя, разселившіяся до самаго Ботническаго залива, носили наименованіе емь; корелы жившіе по лѣвому берегу Невы, въ свою очередь, назывались ингрmaми, или ижорами, а примыкавшіе къ Ботническому заливу—квенами; на самомъ же сѣверѣ размѣстились лопари [1]).

[1]) (Чешихинъ). Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ, выпускъ I, стр. 5—6; Карамзинъ. Исторія, т. I, гл. II, стр. 21 и слѣд.

Нарвскій водопадъ. По современной фотографіи.

Финскія племена, занимавшія прежде весь нынѣшній прибалтійскій край, были вытѣснены постепенно къ сѣверу литовско-арійскимъ племенемъ, пришедшимъ также изъ Азіи. Литовское племя, въ зависимости отъ занятыхъ имъ мѣстъ, разбилось на три вѣтви: прусскую, принѣманскую и латышскую. Эта послѣдняя, называемая также леттскою, распадалась, подобно финнамъ, на рядъ отдѣльныхъ народцевъ. То были: венды, жившіе по берегу моря отъ Мемеля до Виндавы и въ нынѣшнихъ округахъ пильтенскомъ и газенпотскомъ; куроны (или корсь), обитавшіе у Рижскаго залива и въ округахъ пильтенскомъ и туккумскомъ; семигалы (земгола), жившіе въ нынѣшнихъ округахъ добленскомъ, митавскомъ и баускомъ; зелы (или зелоны) — вдоль лѣваго берега Двины отъ Кокенгаузена до Друи, латыши (летты, летгола), жившіе по правой сторонѣ Двины и въ уѣздахъ венденскомъ, части валкскаго, рѣжицкомъ, люцинскомъ и двинскомъ; ятвяги—по Западному Бугу и голядь—по берегамъ рѣки Протвы (въ смоленской губерніи). Литовско-арійское племя частью вытѣснило финскія племена, частью смѣшалось съ ними, образовавъ новыя племенныя разновидности—ливовъ и куроновъ; съ теченіемъ времени оба названныхъ племени олатышились и потеряли совершенно національную самобытность.

Находимыя случайно въ землѣ монеты свидѣтельствуютъ, что уже древніе финикіяне, греки и римляне, задолго до Рождества Христова, посѣщали Балтійское море, запасались здѣсь янтаремъ, особенно цѣнившимся въ тѣ времена за его красоту и якобы цѣлебныя свойства, и развозили его по всему свѣту. Еще Гомеръ упоминаетъ о «хитрыхъ гостяхъ морей», финикіянахъ, привезшихъ дорогое ожерелье, въ которое былъ вдѣланъ крупный электронъ (т. е. янтарь), «оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ». О янтарѣ имѣются указанія и у Гезіода. Геродотъ (484—424 г. до Р. Хр.), лично посѣтившій лишь Ольвію и сѣверные берега Чернаго моря, имѣлъ, однако, уже смутное представленіе о жителяхъ сѣверной Европы не-скиѳскаго происхожденія, которыхъ онъ называетъ меланхленами, т. е. чернокафтанниками. Темный цвѣтъ одежды составлялъ племенную особенность финновъ, въ отличіе отъ латышей, которые любили одѣяніе свѣтлаго цвѣта. Поэтому

латыши и теперь еще называютъ иногда эстовъ чернокафтанниками (melleswairki).

Пиѳей массилійскій (360 г. до Р. Хр.) упоминаетъ о живших околo сѣвернаго моря по ту сторону Рейна остіяхъ, или остіонахъ (эстахъ), и о находившемся въ ихъ владѣніяхъ островѣ Базиліи, около котораго, въ разстояніи трехъ дней пути, скиѳы находили янтарь. Ксенофонтъ лампсакскій называетъ этотъ островъ Балтіей. Затѣмъ Тимей (320 г. до Р. Хр.), Діодоръ сицилійскій (1-я половина 1-го вѣка до Р. Хр.) и Артемидоръ ефесскій (около 100 г. до Р. Хр.) также упоминаютъ о янтарѣ и остіонахъ-эстахъ.

Римскіе писатели имѣютъ уже болѣе опредѣленное представленіе о Балтійскомъ морѣ, хотя и у нихъ рядъ достовѣрныхъ извѣстій переплетается съ нелѣпыми разсказами о жителяхъ прибалтійскаго побережья. Плиній младшій (конецъ 1-го, начало 2-го вѣка по Р. Хр.), упоминаетъ Нерингію (Норвегію) и Феннигію (страну финновъ). Птоломей (первая половина 2-го вѣка по Р. Хр.) и Марціанъ перечисляютъ довольно, впрочемъ, неопредѣленно народы литовскаго и финскаго племени, обитавшіе къ востоку и сѣверу отъ рѣки Вислы [1]).

На финскихъ племенахъ подробно останавливается Тацитъ (конецъ 1-го вѣка по Р. Хр.) въ сочиненіи своемъ «De origine, situ, moribus ac populis Germaniae».

> У него читаемъ: «Trans Suionas aliud mare, pigrum ac prope immotum, quo cingi cludique terrarum orbem, hinc fides, quod extremus cadentis jam solis fulgor in ortum edurat adeo clarus, ut sidera hebetet; sonum insuper emergentis audiri formasque deorum (или equorum) et radios capitis adspici, persuasio adicit. Illuc usque et fama vera, tantum natura. Ergo jam dextro Suebici maris litore Aestiorum gentes adluuntur, quibus ritus habitusque Sueborum, lingua Britannicae propior. Matrem deum venerantur. Insigne superstitionis formas aprorum gestant: id pro armis omnique tutela securum deae cultorem etiam inter hostis praestat. Rarus ferri, frequens fustium usus. Frumenta ceterosque fructus patientius, quam pro solita Germanorum inertia, laborant. Sed et mare scrutantur, ac soli omnium sucinum, quod ipsi glesum vocant, inter vada atque in ipso litore legunt. Nec quae natura quaeve ratio gignat, ut barbaris quaesitum compertumve; diu quin etiam inter cetera ejectamenta maris jacebat, donec luxuria nostra dedit nomen. Ipsis in nullo usu: rude legitur, informe perfertur,

[1]) Чешихинъ. Исторія Ливоніи съ древн. временъ, выпускъ 1, стр. 1—29.

pretiumque mirantes accipiunt. Sucum tamen arborum esse intellegas, quia terrena quaedam atque etiam volucria animalia plerumque interlucent, quae implicata humore mox durescente materia cluduntur. Fecundiora igitur nemora lucosque sicut orientis secretis, ubi tura balsamaque udantur, ita occidentis insulis terrisque inesse crediderim: quae vicini solis radiis expressa atque liquentia in proximum mare labuntur ac vi tempestatum in adversa litora exundant. Si naturam sucini admoto igni temptes, in modum taedae accenditur alitque flammam pinguem et olentem; mox ut in picem resinamve lentescit,» [1]) т. е. За свіонами (одно изъ подраздѣленій свевовъ, населявшихъ Германію) начинается другое море, тихое и почти неподвижное. Съ вѣроятностью можно предположить, что имъ опоясывается и замыкается земной кругъ, такъ какъ послѣдній свѣтъ уже заходящаго солнца остается до восхода и продолжаетъ быть до такой степени яркимъ, что затемняетъ звѣзды. Увѣряютъ, что можно слышать звукъ, когда солнце выплываетъ надъ поверхностью моря, и наблюдать фигуры боговъ (по другой версіи, «equorum» —коней) и лучи головы. Только до этихъ мѣстъ, какъ справедливо и принято думать, простирается природа. На правомъ берегу свевскаго моря волны омываютъ страну эстовъ, которые обычаями и наружностью близки къ свевамъ, а языкомъ - къ британцамъ. Они чтутъ мать боговъ. Какъ особый предметъ поклоненія, они носятъ на себѣ изображенія кабановъ, которые охраняютъ ихъ почитателя вмѣсто оружія и всякаго другого рода защиты даже среди враговъ. Они рѣдко употребляютъ желѣзо, а пользуются преимущественно дубинами. Рожь и другіе злаки они воздѣлываютъ съ большимъ терпѣніемъ, чѣмъ германцы, при свойственной имъ лѣни. Они отправляются на поиски и въ море и одни изъ всѣхъ собираютъ по мелководнымъ мѣстамъ и на самомъ берегу янтарь, который они сами называютъ глезомъ. Они, какъ варвары, не изслѣдовали, каковы природа и происхожденіе янтаря, и онъ долго лежалъ среди другихъ отбросовъ моря, пока наша роскошь не дала ему извѣстности. Сами они его не употребляютъ. Въ грубомъ видѣ собирается онъ и необработанный доставляется намъ, а они (эсты) удивляются, получая отъ насъ деньги Очевидно, конечно, что это древесный сокъ, такъ какъ нѣкоторыя земноводныя и перпатыя животныя просвѣчиваютъ въ немъ и т. д. (описаніе янтаря и его свойствъ).

Изъ приведеннаго отрывка можно заключить, что Тацитъ констатируетъ всетаки у тогдашнихъ эстовъ извѣстную степень культуры, выражавшуюся въ обрабатываніи полей и торговлѣ янтаремъ. Впрочемъ нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ, профессоръ В. П. Модестовъ) [2]) въ описанныхъ Тацитомъ эстахъ хотятъ видѣть народъ литовскаго племени. Остальныя финскія племена, по свидѣ-

[1]) Cornelii Taciti libri qui supersunt. De origine, situ, moribus ac populis Germaniae, cap. 45, стр. 210 и слѣд.

[2]) Сочиненія Корнелія Тацита. Перев. В. П. Модестова, т. I, стр. 63, выноска.

тельству названнаго историка, пребывали въ совершенно дикомъ состояніи.

«Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates; victui herba, vestitui pelles, cubile humus; sola in sagittis spes, quas inopia ferri ossibus asperant. Idemque venatus viros pariter ac feminas alit; passim enim comitantur partemque praedae petunt. Nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffugium, quam ut in aliquo ramorum nexu contegantur: huc redeunt juvenes, hoc senum receptaculum. Sed beatius arbitrantur, quam ingemere agris, inlaborare domibus suas alienasque fortunas spe metuque versare: securi adversus homines, securi adversus deos, rem difficillimam adsecuti sunt, ut illis ne voto quidem opus sit,» [1]) т. е. У финскихъ племенъ удивительная дикость, отвратительная бѣдность: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни коней, ни пенатовъ (т. е. домашняго очага). Они питаются травою, одѣваются шкурами, спятъ на голой землѣ. Единственная надежда у нихъ на стрѣлы, которыя они, за недостаткомъ желѣза, заостряютъ костями. Охота одинаково питаетъ и мущинъ и женщинъ: всегда сопровождая мужчинъ, онѣ требуютъ отъ нихъ своей доли добычи. Для дѣтей нѣтъ другого убѣжища отъ звѣрей и непогодъ, кромѣ шалаша, сплетеннаго изъ вѣтвей. Сюда возвращаются съ охоты юноши, здѣсь укрываются старики. Но они считаютъ себя болѣе счастливыми, чѣмъ еслибъ имъ пришлось томиться надъ обработкой полей и построеніемъ домовъ и трепетать въ страхѣ и надеждѣ за свое и чужое имущество. Не страшась ни людей, ни боговъ, они достигли труднѣйшей вещи: они не имѣютъ нужды даже желать чего-либо.

Стоя столь низко на ступеняхъ цивилизаціи, финскіе народы, однако, славились своимъ кузнечнымъ ремесломъ. Ихъ мечи воспѣты скандинавскими сагами.

Эстскія владѣнія издревле соприкасались съ страною скандинавовъ, откуда и получили первые зачатки христіанства и культуры, но вліяніе этихъ сосѣдей было слабое и не принимало тѣхъ широкихъ размѣровъ, въ которыхъ обнаружилось впослѣдствіи колонизаторское движеніе запада на земли придвинскія.

Оставаясь долгое время внѣ вліянія болѣе цивилизованныхъ сосѣдей, прибалтійскіе туземцы, какъ латыши, такъ и финны, и разновидность этихъ послѣднихъ—ливы, даже при появленіи на Двинѣ вестфальскихъ и любекскихъ купцовъ, находились еще въ первобытномъ состояніи. Нѣкоторые изъ нихъ, попрежнему, не строили себѣ домовъ, а укрывались въ жилищахъ, сложенныхъ изъ звѣриныхъ шкуръ и сучьевъ. Изъ до-

[1]) Ibidem, cap. 46, стр. 211.

машнихъ животныхъ они знали лишь собаку; лошадь и корову, а изъ хлѣбныхъ злаковъ едва ли не одинъ ячмень [1]).

Конечно, болѣе предпріимчивые и развитые туземцы строили себѣ дома и даже крѣпости изъ дерева и камня [2]); кромѣ охоты и рыбной ловли, занимались добываніемъ и продажею янтаря; у латышей существовалъ богъ торговли и мореплаванія — Пердойтъ (отъ латышскаго слова pahrdat—продавать) [3]); наиболѣе отважные строили себѣ челны и, въ подражаніе норвежскимъ викингамъ, грабили купеческія суда на морѣ и дѣлали нападенія на скандинавскіе берега. Въ эстонскихъ сагахъ упоминается великанъ Старкаддеръ, прославившійся своими морскими разбоями и странствованіями по Скандинавіи [4]). Вальдемару I-му, королю датскому, пришлось выдержать очень серьезную борьбу съ эстляндскими и курляндскими морскими разбойниками у острова Эланда. Хотя сынъ Вальдемара Христоферъ и епископъ Абсалонъ и побѣдили язычниковъ, все же папа Александръ III въ 1170 году счелъ нужнымъ обратиться къ датчанамъ съ призывомъ къ борьбѣ противъ пиратовъ: «Non parum—говорилось въ папской буллѣ—animus noster affligitur et amaritudine non modica et dolore torquetur, quum feritatem Etonum et aliorum paganorum illarum partium audimus». (Не мало скорбитъ наше сердце и преисполняется великою горечью и печалью, когда мы слышимъ о жестокости эстонцевъ и другихъ язычниковъ тѣхъ странъ и т. д.) [5]). Назначенный затѣмъ въ Эстляндію епископъ Фулько не отважился жить въ мѣстѣ назначенія, а имѣлъ свою резиденцію въ Швеціи или Даніи. Въ 1186 году эсты разорили богатый шведскій городъ Зигтунъ и убили епископа Іоанна упсальскаго. Нѣкоторыя прибалтійскія племена, составляя союзы или братства, дѣлали нападенія даже на берега Англіи.

---

[1]) Реклю. Земля и люди, т. V, стр. 75.

[2]) По археологическимъ розысканіямъ Фр. Крузе, стѣны языческихъ крѣпостей имѣли 20—40 фут. высоты. Въ серединѣ укрѣпленія вырывался обыкновенно колодецъ для снабженія защитниковъ крѣпости водою. Fr. Cruse. Necrolivonica, стр. 6.

[3]) Морской сборникъ за 1860 г., № 3. Вальдемаръ. Русскій торг. флотъ, въ особ. балтійскій, стр. 147.

[4]) Ibidem, стр. 141.

[5]) Ibidem, стр. 148.

Не поднявшись выше фетишизма въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, прибалтійскіе язычники, обоготворяя явленія природы, поклонялись камнямъ и священнымъ деревьямъ, и, вѣроятно, какъ остатокъ этихъ религіозныхъ вѣрованій, Олеарій уже въ началѣ XVII столѣтія наблюдалъ близъ Нарвы церемонію поклоненія какому-то камню.

У эстовъ сложилась своя миѳологія, съ богомъ неба и грома Юмалой или Уккомъ во главѣ, которому были посвящены особыя рощи въ Біарміи. Кромѣ того эсты боготворили солнце, луну и звѣзды, драконовъ и птицъ. Они приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы [1]). Вообще финскіе боги болѣе суровы, чѣмъ благодѣтельны. Здѣсь отразилось, конечно, вліяніе малоплодородной, покрытой болотами и лѣсами страны, населенной финскими племенами, наложившей печать угрюмости и на самыхъ обитателей. Финскіе идолы дѣлались преимущественно изъ дерева, позднѣе, впрочемъ, встрѣчаются и металлическія изображенія боговъ [2]).

Религіозныя вѣрованія латышей примыкали къ миѳологіи литовско-арійскаго племени. Древніе латыши поклонялись богу Перкуну, олицетворявшему стихію огня, грома и молніи. Затѣмъ какъ у эстовъ, такъ и у латышей, былъ особый культъ священныхъ лѣсовъ, камней и т. п. Вѣра въ колдуновъ и прорицателей, «шамановъ» была одинаково присуща языческимъ племенамъ, порубежнымъ съ Русью. Недаромъ славяне считали прибалтійскій край страною волхвовъ, и лѣтописи сохранили намъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ появленія финскихъ кудесниковъ въ Новгородѣ и во Псковѣ. Обоготворяя стихіи и постоянно наблюдая ихъ во всемъ ихъ грозномъ величіи, волхвы какъ бы читали въ блескѣ молніи и рокотѣ волнъ волю боговъ, которую и передавали людямъ.

Сосѣди съ запада, сѣвера и востока вмѣстѣ съ ужасами войны принесли туземцамъ христіанство, но насажденіе его подвигалось съ великимъ трудомъ. При всякомъ удобномъ слу-

---

[1]) Подробнѣе см. у Hiärn'a. Ehst-, Lyv-und Lettländische Geschichte, 2 первыя книги.

[2]) Fr. Crusc. Necrolivonica, стр. 7. Бронзовое изображеніе божка воспроизведено на табл. 36. Въ этомъ же сочиненіи можно найти много данныхъ о языческихъ могилахъ прибалтійскаго края и ихъ содержимомъ.

чаѣ туземцы со свойственною дикарямъ жестокостью расправлялись съ христіанами, разрушая ихъ замки и крѣпости и безъ пощады избивая ихъ отряды. Эсты, и особенно самые ярые изъ нихъ—жители острова Эзеля, предавали противниковъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ, жарили ихъ живьемъ на кострахъ, разрѣзали внутренности, вырывали сердца и ѣли ихъ, разсчитывая такимъ образомъ преисполниться мужествомъ, которое было присуще рыцарямъ. Выросшіе среди дремучихъ лѣсовъ, на топяхъ болотъ, поставленные лицомъ къ лицу съ природою, хотя и суровою, но родною, язычники увидѣли вдругъ враговъ, не четвероногихъ, съ которыми они отлично справлялись, а двуногихъ, вооруженныхъ крестомъ и мечемъ. Они отлично сознавали, что путемъ насильственнаго крещенія, вмѣстѣ съ утратою стародавнихъ вѣрованій, они теряли и свою народность и самостоятельность, становились изъ свободныхъ дѣтей природы рабами ненавистныхъ пришельцевъ. Поэтому отвращеніе ихъ къ христіанству было очень велико. Они совершали всевозможные обряды очищенія надъ крестившимися и не только надъ живыми, но и надъ умершими, вырывая для этой цѣли трупы изъ могилъ.

Къ сосѣднимъ славянскимъ племенамъ они относились терпимѣе, вѣроятно въ силу того, что до крещенія Новгорода религія славянъ и финскихъ племенъ представляла много общихъ чертъ. Лѣтопись сохранила извѣстіе, что въ 862-мъ году въ призваніи варяжскихъ князей принимали участіе и финскія племена [1]). Помимо того въ лѣтописяхъ встрѣчаются неоднократныя извѣстія о томъ, что эсты и другіе обитатели прибалтійскаго края обращались за помощью къ новгородскимъ и полоцкимъ князьямъ противъ западныхъ пришельцевъ. Самое

[1]) Именно въ псковской лѣтописи мы читаемъ: «Въ лѣто 6370 (въ 862 году) восташа словене и кривицы, и чюдь, и меря на варяги и изгнаша ихъ за море и не даша имъ дани и начаша сами себя владѣти и городы ставити, и не бѣ въ нихъ правды, восташа и бысть промежу ими брань межусобная». И вотъ, чтобы положить конецъ безначалію, «послаша словене, чюдь къ варягомъ къ Руси за море, и тако рекоша къ варягомъ: вся земля наша добра, а наряда въ ней нѣтъ; пойдите, княжите и владѣйте нами и судите право». Полное собр. рус. лѣтоп., т. IV, псковская 1-я лѣтопись, стр. 173. Надо думать, что въ призваніи князей участвовали тѣ финны, которые уже какъ покоренные входили въ составъ Руси.

наименованіе русскихъ «веннеланами» (что въ переводѣ съ эстскаго означаетъ собственно союзника) свидѣтельствовало о дружескихъ и союзныхъ отношеніяхъ между славянами и эстами. Русскіе князья, оказывая просимую помощь, не забывали, однако, и самихъ себя: они постепенно расширяли свои владѣнія на западъ, къ заповѣднымъ берегамъ Балтійскаго моря и брали дань съ туземцевъ. Существуетъ нѣсколько идеализированный взглядъ о характерѣ заселенія славянами финскихъ земель; именно предполагаютъ, будто славяне, стремясь по водному волжскому пути на сѣверъ, постепенно выжигали лѣса и строили деревни; звѣрье будто бы убѣгало изъ выжженныхъ норъ, а вмѣстѣ съ нимъ отодвигались къ сѣверу и западу звѣроловы-финны, въ поискахъ за новыми мѣстами для охоты, которою они жили. Мы не раздѣляемъ этого взгляда уже потому, что лѣтописи самыхъ древнихъ временъ описываютъ неоднократные случаи кровавыхъ набѣговъ славянъ на финскія племена.

Въ IX вѣкѣ Новгородъ, а съ нимъ вмѣстѣ и его области, населенныя туземными племенами, подпали подъ власть скандинавовъ и долгое время уже послѣ освобожденія отъ этой власти продолжали платить ежегодную дань въ 300 гривенъ «мира дѣля»,—по выраженію лѣтописи. Дань эта была установлена при Олегѣ, но ее, по преданію, платилъ и Владиміръ. Усиленіе русскихъ начинается послѣ сверженія новгородцами скандинавскаго ига, когда великій князь Ярославъ Мудрый, построивъ въ 1030-мъ году городъ Юрьевъ (Дерптъ), [1]) утвердился на балтійскомъ побережьѣ и обложилъ данью окрестныя финскія племена.

Существованіе русскихъ поселеній и русское вліяніе въ прибалтійскомъ краѣ въ самыя отдаленныя времена, кромѣ приведенныхъ данныхъ, доказывается многими несомнѣнными фактами. Древнѣйшая наша лѣтопись, лаврентьевская, упоминаетъ, что при самомъ началѣ русскаго государства племена чудь, литва, земигола, корсь, перова (*или нарова*) и либь платили дань русскимъ князьямъ. Кромѣ Юрьева, извѣстны два русскихъ города на Двинѣ: Кукейносъ (нынѣшній Кокенгаузенъ) и Герпикъ (нынѣ не существующій; онъ

[1]) О построеніи Юрьева (Дерпта) въ лѣтописи читаемъ: «Въ лѣто 6538 (1030) ходилъ Ярославъ Володимеричъ изъ Новагорода на чудь и побѣди и постави градъ Юрьевъ въ свое имя». Ibidem, стр. 176.

находился, какъ говоритъ Чешихинъ, между имѣніями Ливенгофъ и Царьградъ, близъ усадьбы Шлосбергъ). Нѣкоторыя названія мѣстностей и рѣкъ въ Эстляндіи (напримѣръ, рѣка *Россонь*, впадающая въ Нарову) свидѣтельствуютъ о бывшемъ здѣсь русскомъ господствѣ.

Изъ этихъ городовъ и поселеній распространялось между туземными язычниками православіе еще до появленія здѣсь нѣмцевъ. Необходимо замѣтить, что со стороны русскихъ князей и миссіонеровъ не было насилій въ вопросахъ вѣры даже въ то отдаленное время, когда крестоносцы проливали потоки крови язычниковъ для спасенія своей души. Въ ливонскихъ лѣтописяхъ есть даже упреки по адресу русскихъ князей, что они берутъ лишь дань съ язычниковъ, а не распространяютъ среди нихъ христіанства. Это правда: миссіонерство было вообще мало присуще русскимъ людямъ, но не слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть также доказательство широкой вѣротерпимости, составляющей свойство русскаго національнаго духа?

Конечно, въ поименованныхъ городахъ и поселеніяхъ существовали и православныя церкви [1]). Онѣ въ эпохи войнъ и невзгодъ, перенесенныхъ нашимъ отечествомъ, пришли въ разрушеніе и упадокъ; отъ нѣкоторыхъ не осталось и слѣда. Но память народная пережила твореніе рукъ человѣческихъ. Хранимыя населеніемъ во всемъ прибалтійскомъ краѣ преданія указываютъ на мѣста, гдѣ стояли въ отдаленныя времена православныя церкви, въ которыхъ возносились молитвы русскими людьми. Изъ ближайшихъ къ Нарвѣ мѣстъ вспомнимъ «святую» или «богородицкую» гору въ Нюхтицѣ; ручей Нюга-іоги въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «святая рѣка». Недалеко отъ этой рѣчки въ чудлейгской волости, везенбергскаго уѣзда, у возвышенныхъ тойльскихъ береговъ Финскаго залива (верстахъ въ 40 отъ Нарвы) на горѣ, извѣстной у эстовъ подъ названіемъ Wene kiriku mägi (гора русской церкви), въ 1898 году священникомъ Тизикомъ были открыты слѣды стараго церковнаго фундамента въ 9×4 квадр. сажень. Здѣсь же было и старое православное кладбище [2]). Въ вайварскомъ приходѣ въ дер. Удріасъ, при источникѣ Курганы стояли, по преданію, «поповскіе дома». У деревни Самокрасъ указывается мѣсто стараго кладбища и при немъ яма, называемая «поповскій прудъ», а также «поповскій колодезь» у ручья. Въ этотъ колодезь, по преданію, опущенъ колоколъ съ пріятнымъ звономъ, чтобы онъ не достался врагамъ; тутъ-же сохранились слѣды древняго «поповскаго сада». Вообще національное имя русскихъ у эстовъ есть Wene, Wend, Wenelane, и поэтому множество географическихъ названій съ приставкою Wen(e) свидѣтельствуетъ о быломъ господствѣ русскихъ; [3]) такова,

[1]) Къ соборной церкви въ Юрьевѣ въ XIII столѣтіи были приписаны 24 православныхъ деревни.

[2]) Прибалтійскій листокъ за 1898 г., № 51. Статья свящ. К. Тизика: «Остатки древняго православнаго храма въ Эстляндской губерніи».

[3]) Временникъ эстляндской губ. 1893 г. Ст. Трусмана: «Русскіе элементы въ Эстляндіи», стр. 77.

напримѣръ, деревня Венкуль на р. Россони, по нѣмецкимъ хроникамъ—Russisches Dorp (1380 г.).

Долгое время русскіе не знали соперниковъ, съ которыми можно было серьезно считаться; но вдругъ въ XII вѣкѣ изъ-за Балтійскаго моря появились новыя лица чуждаго племени. Въ 1159-мъ году въ устьѣ Западной Двины нашли пристанище заброшенные сюда бурею бременскіе купцы [1]), а въ 1187 году латинскій священникъ Мейнгардъ, съ благословенія папы Климента III-го и съ согласія полоцкаго князя Владиміра, построилъ церковь и крѣпость на Двинѣ и получилъ титулъ епископа икскюльскаго.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что нѣмецкіе купцы и миссіонеры начали селиться на Двинѣ, испросивъ на это позволеніе русскаго князя, которому были подвластны окрестные туземцы. Интересно также то, что, испросивъ позволеніе строить торговый домъ и церковь, дальновидные пришельцы построили и крѣпость. Русскіе князья не оказали имъ на первыхъ же порахъ должнаго сопротивленія, а, напротивъ, дали имъ усилиться, и сами же создали для себя въ лицѣ ихъ сильныхъ и упорныхъ враговъ.

Въ лифляндскихъ хроникахъ объ этомъ имѣются слѣдующія указанія.

Въ chronicon livonicum vetus (Генриха Латыша) мы читаемъ: «Accepta itaque licentia praefatus sacerdos a rege Voldemaro de Plosceke, cui Livones adhuc pagani tributa solvebant, simul et ab eo muneribus receptis, andacter divinum opus aggreditur, Livonibus praedicando et ecclesiam Dei in villa Vkescola construendo», [2]) т. е. Когда упомянутый священникъ (Мейнгардъ) получилъ позволеніе отъ князя полоцкаго Владиміра, которому ливы, доселѣ язычники, платили дань, и принялъ отъ него подарки, онъ отважно приступилъ къ божественному дѣлу: къ проповѣди ливонцамъ, и къ устроенію церкви Божіей въ городѣ Икскюлѣ.

Въ лѣтописи Рюссова объ этомъ говорится такъ: «Darnach gaben ihnen die Heiden die Macht, dass sie da ein Kaufhaus bauen

---

[1]) Впрочемъ жители городовъ Вестфаліи и Нижней Саксоніи имѣли свои торговыя факторіи въ Эстляндіи еще до 1159 года. Ф. Шлоссеръ. Всемірн. ист., т. VIII, стр. 72 и 73.

[2]) Scriptores rerum Livonicarum, т. I, стр. 50—52 и Arndt Livl. Chr. стр. 6 (на нѣм. яз.) Іорданъ въ своемъ сочиненіи «Ueber den sogenannten Heinrich den Letten» доказываетъ, что Генрихъ былъ не латышъ, а нѣмецъ по происхожденію.

235

möchten. Da bauten sie bei der Düne auf einem Berge ein herrlich Gemach und eine Burg, also fest, dass sie mit Frieden dawol aufliegen mochten», [1]) т. е. Затѣмъ язычники дали имъ полномочіе строить торговый домъ. Тогда построили они на горѣ у Двины великолѣпный замокъ и крѣпость настолько крѣпкую, что могли съ миромъ поселиться въ ней. Рюссовъ говоритъ, что язычники дали полномочіе нѣмцамъ строить торговый домъ. Очевидно, однако, что позволеніе это было дано кѣмъ-либо стоявшимъ во главѣ язычниковъ, а таковымъ былъ, какъ сказано у Генриха Латыша, Владиміръ полоцкій.

Чтобы наше соображеніе не показалось кому-либо недостаточно обоснованнымъ, мы приведемъ еще указаніе, именно свидѣтельство Hiärn'a который, упомянувъ, что ливонцы съ древнихъ временъ были подвластны полоцкому князю Владиміру (König von Polotzko, Nahmens Wolodimir oder Woldemar, welchem die Lywen jederzeit unterthänig waren), затѣмъ повѣствуетъ: «Bei diesem brachten es auf Antrieb des Meinhardi mitlerweile die Kaufleute durch Geschenk und Gaben dahin, dass er ihnen vergönnete eine Kirche zu bauen, welches sie auch alsobald werkstellig machten», [2]) т. е. У него, по внушенію Мейнгарда, купцы, при посредствѣ подарковъ и подношеній, добились позволенія строить церковь, которую они немедленно и соорудили.

Наконецъ рифмованная ливонская хроника (Reimchronik) прямо говоритъ:

Selhen, Liven, Letten lant

Waren in der Russen hant, т. е. земля зеловъ [3]), ливовъ, леттовъ была (до меченосцевъ) въ русскихъ рукахъ Изъ другихъ источниковъ мы видимъ, что въ странѣ ливовъ были русскіе города (Герсикъ и Кукейносъ), и что нѣкоторые язычники принимали уже до появленія западныхъ миссіонеровъ христіанство по православному обряду отъ русскихъ священниковъ (напр. литовскій князь Гипвилъ † 1199 г.) [4]).

Вышеизложенное убѣждаетъ насъ въ существованіи русскаго вліянія и господства въ прибалтійскомъ краѣ до появленія здѣсь нѣмецкихъ купцовъ и миссіонеровъ. При этомъ никакъ нельзя согласиться съ Шлоссеромъ, что пришельцы получили дозволеніе (всетаки дозволеніе!) укрѣпить свои факторіи [5]): имъ было разрѣшено лишь построить церковь и торговый домъ, а отнюдь не крѣпость, и это дозволеніе они нарушили.

[1]) Balth. Rüssow's Livl. Chr., стр. 16 и 17. Орѳографія лѣтописи (по изд. Пабста) соблюдена нами.

[2]) Monumenta Livoniae antiquae, т. I, стр. 66.

[3]) Племя на Двинѣ.

[4]) Исторія Ливоніи съ древн. врем. Рига, 1884, т. I, стр. 21. Въ Эстоніи были также русскія поселенія—Амовжа и др.

[5]) Шлоссеръ. Всемірная исторія, т. VIII, стр. 73. Еще смотри у Alnpeke. Scriptores rer. Liv. т. I, стр. 525 и сл. и у Погодина. Рус. ист. т. I, стр. 658. Планъ старинной икскюльской крѣпости можно. видѣть у Fr. Cruse. Necrolivonica, табл. 64.

Ленинград, Дворцовая

Преемникъ Мейнгарда Бертольдъ погибъ отъ руки возставшихъ противъ него ливовъ. Бертольдъ вообще отличался особенною жестокостью и насиліями при введеніи христіанства. Недаромъ, по словамъ Генриха Латыша, ливы говорили ему: «verbis non verberibus allicias» и (т. е. вводи вѣру добрыми словами, а не побоями).

Только третій епископъ Альбертъ Буксгевденъ, или фонъ Апельдернъ, сталъ твердою ногою на берегахъ Двины, особенно послѣ того какъ въ 1201-мъ году положилъ основаніе новой обширной крѣпости Ригѣ [1]).

Нѣмецкіе рыцари, искатели приключеній, богатства и почестей, устремились въ новую языческую страну и, поставивъ себѣ девизомъ слова великаго Учителя «шедше научите вся языки», основали здѣсь орденъ «братьевъ креста Господня», или «меченосцевъ» (также «рыцарей Маріи») [2]).

По остроумной характеристикѣ Шлоссера, это былъ родъ постояннаго войска, которое матеріальною силою должно было придавать значеніе словамъ слабыхъ архипастырскихъ устъ [3]).

[1]) О построеніи Риги см. Arndt. Livl. Chron. (Генр. Лат.), ч. I, стр. 27; у Alnpeke въ Script. rer. Livon., стр. 531. Alnpeke начало строенія Риги относитъ ко времени епископа Бертольда; idem Rüssow, стр. 18, и Hiärn, стр. 71. Nyenstädt относитъ построеніе Риги къ еще болѣе раннему времени (Monum. Livoniса, ч. II, стр. 17). Волховитиновъ. Ист. княж. псковск. ч. I, стр. 74.

[2]) Устройство ордена впослѣдствіи, по соединеніи его съ тевтонскимъ, было слѣдующее: во главѣ стоялъ магистръ, или мейстеръ, за нимъ слѣдовали комтуры, вѣдавшіе военную часть, судебную и финансовую. Комтуры вмѣстѣ съ магистромъ составляли капитулъ ордена. Орденъ имѣлъ свою резиденцію въ Венденѣ, а епископъ въ Ригѣ. Епископъ и магистръ вскорѣ обнаружили рознь въ стремленіяхъ. Личные интересы всплыли наружу. Стремясь къ самостоятельности, магистры оказались соперниками епископа, стремившагося къ централизаціи. Эта борьба была однимъ изъ источниковъ разложенія ордена. Для рѣшенія важныхъ вопросовъ, касавшихся ордена, собирались такъ называемые ландтаги, на которыхъ голоса подавались по сословіямъ: во первыхъ, подавали общее свое мнѣніе епископы рижскій, дерптскій, эзельскій, курляндскій и ревельскій съ аббатами Фалькенау и Падиса; затѣмъ подавали голосъ магистръ съ рыцарями, далѣе—дворянство Ливоніи и, наконецъ, города Рига, Дерптъ, Ревель, Перновъ, Венденъ, Вольмаръ, Нарва, Феллинъ, Кокенгаузенъ. Форстенъ. Балт. вопросъ. Ж. Мин. Н. Просв. 1892 г. Августъ, стр. 357, 368 и 369.

[3]) Шлоссеръ. Всем. ист. т. VIII, стр. 74. Со времени основанія Риги, Курляндія, Лифляндія и Эстляндія, по выраженію Шлоссера, сдѣлались мѣстомъ всѣхъ нѣмецкихъ рыцарей, не находившихъ себѣ достаточно добычи на родинѣ. Т. VII, стр. 257.

Папы (Климентъ, Игнатій, Гонорій и др.), объявивъ язычниковъ лишенными покровительства законовъ, обѣщали миссіонерамъ вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ часть завоеванныхъ земель. Благочестивые рыцари ревностно начали свою миссіонерскую дѣятельность, но они, вѣроятно, придавали мало цѣны внутренней силѣ христіанскаго ученія, такъ какъ рѣшились дѣйствовать огнемъ и мечемъ. Они достигли успѣха: плохо вооруженный, недисциплинированный и безхитростный туземецъ-язычникъ совершенно спасовалъ передъ закованнымъ въ латы, ловкимъ и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ рыцаремъ.

«Бѣдные ливы—говоритъ Шлоссеръ—были такъ-же безсильны противъ этихъ желѣзныхъ людей, съ дѣтства привыкшихъ драться, какъ три столѣтія спустя слабые американскіе индѣйцы въ борьбѣ съ испанцами». У того-же Шлоссера читаемъ: «нѣмецкое дворянство, занимавшееся только войною и охотою, съ удовольствіемъ приняло вызовъ папы (идти на язычниковъ), видя въ травлѣ людей пріятное препровожденіе времени и средство получить отпущеніе грѣховъ», причемъ рыцари «дѣйствовали согласно принципу Мухамеда, обрекавшему невѣрныхъ на смерть, или уподобляя ихъ собакамъ и нечистымъ животнымъ». Для противодѣйствія завоевательнымъ стремленіямъ рыцарей, по словамъ Шлоссера, «дѣвственному племени не доставало внутреннихъ условій, лежавшихъ въ основаніи остальной цивилизованной Европы, недоставало того узла, которымъ все стягивалось въ монархическо-христіанскомъ мірѣ» [1]).

Въ 1202-мъ году братъ епископа Альберта, Энгельбертъ, привезъ изъ Германіи первыхъ гражданъ для города Риги, и съ тѣхъ поръ восточное балтійское побережье постепенно стало заселяться пришельцами изъ Германіи.

Полоцкій князь Владиміръ понялъ свою ошибку и двинулся противъ нѣмцевъ. Онъ осадилъ нѣмецкія крѣпости Гольмъ и Икскюль, но, вслѣдствіе малочисленности своего войска, вскорѣ долженъ былъ снять осаду. Рыцари, видя въ лицѣ полоцкихъ князей сильныхъ соперниковъ, неоднократно вступали съ нимъ въ мирные переговоры. Въ 1206-мъ году Альбертъ посылалъ

---

[1]) Шлоссеръ, т. VIII, стр. 74—75.

съ этой цѣлью къ полоцкому князю аббата Дитриха, а въ 1210-мъ году—рыцаря Рудольфа. Епископъ даже соглашался платить дань полоцкому князю, лишь бы онъ дозволилъ свободно распространять христіанство въ Ливоніи.

Переговоры кончались перемиріями, но послѣднія постоянно нарушались, и кровь враждующихъ народовъ не переставала литься. Понемногу, но систематически нѣмцы начали захватывать земли къ сѣверу и югу отъ Риги. Полоцкіе князья оказались безсильными, а новгородскіе не оказали имъ нужной помощи. Хотя Новгородъ далеко не былъ такъ слабъ, чтобы его можно было раздавить однимъ натискомъ, хотя самостоятельная вѣчевая жизнь, естественныя богатства и обширная торговля содѣйствовали образованію изъ новгородцевъ сильнаго и удалого народа; хотя отважные «ушкуйники» изъ новгородской молодежи, не боясь лишеній, искали новыхъ путей къ распространенію новгородскаго владычества и дерзали на утлыхъ ладьяхъ проникать къ самому Ледовитому океану,—однако, въ балтійскомъ вопросѣ новгородцы оказались недальновидными, и имъ не удалось задержать наступательное движеніе чужеземцевъ. Удѣльная система, а затѣмъ нашествіе татаръ и здѣсь сослужили свою службу.

При всемъ томъ счастье благопріятствовало русскимъ, и престижъ ихъ стоялъ высоко. Къ нимъ за помощью обращались и меченосцы, и туземцы-язычники, и на этой почвѣ у тѣхъ и другихъ часто возникало даже соперничество; такъ напримѣръ, въ 1205 году епископъ Альбертъ, желая въ борьбѣ съ ливами заручиться поддержкою полоцкаго князя Владиміра, отправилъ къ нему посольство, а въ подарокъ верховаго коня и доспѣхи. Ливы, также искавшіе союза съ княземъ и бывшіе въ Полоцкѣ для переговоровъ, съ горечью воскликнули при видѣ нѣмецкаго посольства:

— «Эти люди не хотятъ и не держатъ мира!».

Болѣе отважные и дальновидные князья, сознавая свою силу, стремились упрочить русское господство въ краѣ, воюя то съ пришельцами, то съ ливами и чудью. Въ 1212 году новгородскій князь Мстиславъ осадилъ Оденпе, взялъ его, наложилъ на покоренныхъ дань и взялъ съ нихъ обѣщаніе креститься. Вслѣдъ затѣмъ 15 тысячъ новгородцевъ и псковичей подъ предводи-

тельствомъ Мстислава Удалого, Всеволода и торопецкаго князя Давида прошли земли Вагію, Чудь-Ереву и проникли къ берегу моря до Ревеля. Мстиславъ осадилъ крѣпость Варболе и взялъ ее приступомъ. Черезъ 2 года новгородцы съ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ подступали къ самой Ригѣ [1]). Около того же времени (въ 1214 г.) ливы и эсты перебили нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Моментъ былъ благопріятенъ для усиленія русскаго могущества, но въ это самое время полоцкій князь Владиміръ, по неизвѣстнымъ причинамъ, отказался отъ власти надъ ливами и леттами и заключилъ съ Альбертомъ торговый и оборонительный союзъ противъ Литвы, а псковскій князь, тоже Владиміръ, даже породнился съ епископомъ, отдавъ свою сестру за его брата Теодориха, за что и былъ изгнанъ псковичами.

Однако интересы нѣмцевъ и русскихъ не могли быть общими. Уже въ 1216-мъ году полоцкій князь Владиміръ, призываемый ливами, собрался въ походъ противъ Риги, но внезапно скончался среди военныхъ приготовленій.

Въ 1217-мъ году псковскій князь ушелъ изъ латышской земли, и подъ его начальствомъ русскіе завоевали Оденпе [2]) и осадили Венденъ. Осажденные испытывали страшныя бѣдствія. Голодъ былъ настолько великъ, что лошади, вслѣдствіе недостатка въ кормѣ, отгрызали другъ у друга хвосты. На помощь русскимъ возстали эсты. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ епископъ Альбертъ обратился за помощью къ Вальдемару II-му, королю датчанъ и вендовъ.

Данія того времени была одною изъ самыхъ благоустроенныхъ странъ въ Европѣ. Дворянство Даніи обязано было по первому призыву идти въ походъ, а неслужащіе поземельные владѣльцы, по закону, выставляли опредѣленное число солдатъ

[1]) П. с. рус. лѣт., т. IV, 1-ая псков. лѣт., стр. 177.

[2]) Въ псковской лѣтописи объ этомъ читаемъ: «Въ лѣто 6725 . . . новгородцы поидоша на чюдь, къ Медвѣжьи Головѣ (иначе Оденпе) со псковичи со княземъ Влодимеромъ. Чюдь же начаша съ поклономъ высылати лестію, а къ нѣмцамъ послаша и съ нѣмцы бишася (русскіе) и убиша двѣ воеводѣ, а третьяго руками яша, а лошадей отняли семьсотъ и пріидоша вси здрави.» П. с. л., т. IV, стр. 177.

и кораблей [1]). Мобилизація арміи представляла еще и тѣ удобства, что Данія, занимая небольшую территорію, быстро могла собирать свои военныя силы. Гражданское устройство Даніи также было образцовымъ.

Датчане уже давно дѣлали попытки къ завоеванію восточныхъ береговъ Балтійскаго моря. Мы упоминали выше, что Вальдемаръ I, король датскій, въ союзѣ съ другомъ своимъ епископомъ Акселемъ, или Абсалономъ, проникнутые тѣми же миссіонерскими стремленіями, которыми были вызваны крестовые походы, мечтали о просвѣщеніи прибалтійскихъ язычниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о присоединеніи къ Даніи ихъ земель. Въ 1214-мъ году Фридрихъ II уступилъ Вальдемару II всѣ города и земли по ту сторону Эльбы и утвердилъ это актомъ, подписаннымъ имъ самимъ и тринадцатью имперскими князьями [2]).

Приглашеніе Вальдемара II-го орденомъ, обѣщавшимъ за содѣйствіе противъ общихъ враговъ уступить Даніи Эстляндію, было какъ нельзя болѣе, своевременнымъ. Въ 1219-мъ году Вальдемаръ приплылъ изъ Даніи съ 1400 судами, въ числѣ которыхъ было 500 такъ называемыхъ «длинныхъ кораблей», выставленныхъ городами и вмѣщавшими по 120 человѣкъ каждый, и приступилъ къ построенію города Ревеля, а вслѣдъ затѣмъ—Везенберга и Нарвы, «для покоренія и охраны вокругъ лежащихъ странъ», по выраженію лифляндской хроники Рюссова. («Die umliegenden Lande daraus zu zwingen und zu beschützen») [3]).

---

1) Шлоссеръ. Всем. ист., т. VII, стр. 36, и 362.

2) Тамъ-же, стр. 363.

3) Balth. Rüssow's Livl. Chron., стр. 20 и 21. Построеніе Ревеля, очевидно, очень не понравилось новгородскому князю, и уже въ годъ основанія города (1223), какъ говоритъ лѣтописецъ, «ходи Ярославъ князь съ силою многою къ Колываню (Ревелю) и повоева всю чюдскую землю и полона приведе много, а города не взя, злато взятъ много». Полн. собр. русск. лѣт. т. IV. 1-ая новг. лѣтоп., стр. 177.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДАТА построенія города Нарвы датчанами не можетъ быть установлена съ полной точностью. Упомянутая нами выше лифляндская хроника Рюссова относитъ построеніе Ревеля къ 1223-му году и прибавляетъ, что вскорѣ послѣ того были положены основанія городамъ Везенбергу и Нарвѣ. Въ лѣтописи Nyenstädt'a о томъ-же сообщается слѣдующее: «король Вальдемаръ прибылъ въ Лифляндію (общее названіе всего прибалтійскаго края) съ епископомъ лундскимъ и въ 1223 году началъ строить городъ Ревель, а затѣмъ крѣпости Везенбергъ и Нарву [1]). Thomas Hiärn относитъ построеніе Ревеля, Везенберга и Нарвы къ 1221 году [2]). Въ текстѣ лѣтописи Генриха Латыша мы не нашли указаній по этому предмету, но въ приложеніяхъ къ изданію ея въ переводѣ Арндта говорится, что Нарва построена въ 1224 году Вальдемаромъ, королемъ датскимъ [3]).

[1]) Franz Nyenstädt. Livl. Chronik. Monumenta Livoniae antiquae, ч. 2, стр. 21. «Kurtz darnach (т. е. по отправленіи войска въ Гаррію и Вирландъ—эстляндскія провинціи) ist König Waldemarus mit dem Bischof von Lunden selbst nach Liefland gekommen und hat Anno 1223 angefangen die Stadt Reval zu bauwen (sic), auch folgends das Schloss Wesenberg und die Narva gebauwet.

[2]) Въ его Geschichte (Monumenta L. a. ч. 1, стр. 100—101). Es kam im selbigen Jahr (1221) König Woldemar aus Denmarcken wieder in Ehstland und hat damahls, wie man vermeint, den Thum (sic) und die Stadt Reval, imgleichen Narva und Wesenberg theils anlegen, theils befästigen lassen.

[3]) Arndt. Livl. Chr., ч. 2, стр. 344.

Въ русскихъ лѣтописяхъ указаніе по интересующему насъ вопросу мы встрѣчаемъ лишь подъ 1256-мъ годомъ. Именно въ новгородской лѣтописи говорится: «Въ лѣто 6764 (1256) придоша свѣи и емь и сумь и Дидманъ... и начаша чинити городъ на Наровѣ». Новгородцы послали за княземъ, «они-же оканьніи услышавше побѣгоша за море». «Въ то же лѣто— продолжаетъ лѣтопись— «на зиму пріѣха князь Олександръ и митрополитъ съ нимъ, поиде Олександръ на емь, а митрополитъ поиде въ Новгородъ, а иніи мнози новгородци въспятишася отъ Копорья, и поиде князь съ своими полкы и съ новгородци, и бысть золъ путь, акы же ни видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ Богъ сблюде, и пришедъ на землю емьскую, овыхъ избиша, а другыхъ изъимаша и придоша новгородци съ княземъ Олександромъ вси здоровы» [1]).

О датчанахъ въ этомъ отрывкѣ, повидимому, нѣтъ и рѣчи. Упоминаются шведы и мѣстныя племена емь и сумь, да еще какой-то Дидманъ. Однако, по указанію нѣкоего Гетце, приведенному Ганзеномъ въ его «Geschichte der Stadt Narva», подъ Дидманомъ слѣдуетъ разумѣть Дитриха фонъ Кивеля, датскаго ленника, владѣвшаго эстляндскимъ берегомъ рѣки Наровы [2]).

Что касается князя Александра, упоминаемаго лѣтописцемъ, то, очевидно, это былъ Александръ Невскій. Всякія сомнѣнія по этому вопросу должны исчезнуть послѣ сличенія приведеннаго отрывка новгородской лѣтописи съ другими лѣтописными сборниками. Именно, въ патріаршей, или никоновой лѣтописи Александръ подъ тѣмъ-же годомъ и при тѣхъ-же обстоятельствахъ названъ по отчеству Ярославичемъ и великимъ княземъ.

Вотъ этотъ отрывокъ: «Тое-же зимы (6764) князь велики Александръ Ярославичъ ходи съ суздальци на емь и побѣди ихъ и со многимъ полономъ возвратися во свояси. Того-же лѣта иде князь Александръ Ярославичъ на свѣйскую землю и на чудь и идоша непроходимыми мѣсты, яко не видѣти ни дни, ни ночи, но всегда тма... и повоеваша все поморіе» [3]).

[1]) Полн. собр. р. л. т. III, новгор. 1-ая лѣтоп., стр. 56.
[2]) Hansen. Geschichte der St. Narva, стр. 6.
[3]) Полн. собр. рус. лѣт., т. X, стр. 141.

Съ отчетливостью указываютъ на побѣды Александра Невскаго, а не другого какого-либо князя Александра, воскресенская [1]) и лаврентьевская [2]) лѣтописи.

Итакъ, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, датчанинъ Дитрихъ, въ союзѣ со шведами и туземными племенами, началъ строить городъ на Наровѣ въ 1256 году.

Мы имѣемъ болѣе основаній принять дату построенія Нарвы, установленную ливонскими лѣтописцами, которымъ, конечно, ближе были извѣстны происшествія собственной ихъ страны, т. е. отнести возникновеніе города Нарвы приблизительно къ 1223 году, тѣмъ болѣе что и въ нашихъ лѣтописяхъ имѣется намекъ на столкновеніе въ этомъ году русскихъ съ нѣмцами на рѣкѣ Наровѣ [3]). Что-же касается извѣстія русскихъ лѣтописей подъ 1256 годомъ, то оно могло относиться къ дальнѣйшему расширенію и укрѣпленію города на Наровѣ.

Народное преданіе говоритъ, что тамъ, гдѣ теперь находится нарвскій вышгородъ, жили въ стародавнія времена, до построенія города, безстрашные разбойники. Они дѣлали набѣги на окрестныя мѣста, грабили на сушѣ и на морѣ, а награбленныя сокровища прятали въ своей неприступной скалѣ. Недаромъ эстонская народная фантазія создала легенду о томъ, будто Нарва построена на трехъ пластахъ золота. Нѣмцы послѣ многихъ неудачъ побѣдили яко-бы разбойниковъ, а для того, чтобы прочнѣе утвердиться на Наровѣ, построили крѣпкій замокъ, который былъ началомъ вышгорода. Плиту для постройки они брали по сосѣдству, и такимъ образомъ искусственно создали долину, называемую Іоахимсталь. Здѣсь нѣмцы разбили садъ, въ которомъ потомъ устраивали прогулки и по праздникамъ пили пиво [4]).

Названіе свое Нарва (или Нерва—у нѣкоторыхъ авторовъ), получила отъ имени наровской чуди, здѣсь обитавшей. Еще

---

[1]) Ibidem, т. VII, стр. 161.

[2]) Ibidem, т. I, стр. 203.

[3]) П. с. р. л., т. IV, стр. 184: «избиша нѣмци псковичь на миру (т. е. въ мирное время) и гость во езерѣ и ловець *на Наровѣ*... и ѣха князь Давыдъ со псковичи *за Нарову* и плѣни земли ихъ и до Колываня».

[4]) Преданія жителей г. Нарвы, собранныя г. Рутодивцевымъ (Скроботовымъ). Гдовско-ямбургскій листокъ за 1872 г., № 14, стр. 14—15.

Геродотъ упоминаетъ о племени невріевъ въ странахъ къ сѣверу отъ Германіи (не отсюда ли и названіе Нева?). По словамъ греческаго историка, эти невріи обладали будто бы способностью въ извѣстное время года превращаться въ волковъ. Интересно замѣтить здѣсь, что французскій писатель и дѣятель XVI вѣка Губертъ Ланге, сближающій названіе Нарвы съ именемъ невріевъ, говоря о баснѣ Геродота относительно превращенія людей въ волковъ, прибавляетъ (быть можетъ иносказательно?), что «и до сихъ поръ (такое превращеніе) обыкновенно въ этихъ странахъ» [1]).

Въ русскихъ лѣтописахъ самыхъ отдаленныхъ временъ Нарва извѣстна подъ наименованіемъ Ругодива, или Ругодева. Не имѣя никакихъ другихъ данныхъ къ объясненію этого слова, мы склонны сблизить его со словомъ ругодѣй, т. е. производитель руги, пеньки. Дѣйствительно, пенька, доставлявшаяся изъ псковской губерніи, составляла одну изъ важнѣйшихъ отраслей нарвской вывозной торговли. Впрочемъ въ статьѣ г. Трусмана, помѣщенной во временникѣ эстляндской губерніи за 1893 годъ, подъ заглавіемъ «русскіе элементы въ Эстляндіи» [2]), указывается, что слово Ругодивъ въ переводѣ съ лопарскаго нарѣчія означаетъ «островъ защиты». Мы склонны видѣть въ приведенномъ наименованіи русскій корень, такъ какъ если производить это слово изъ лопарскаго лексикона, то покажется страннымъ, почему-же русскіе усвоили кличку лопарей, неизвѣстно какъ сюда попавшихъ, а не получившее права гражданства названіе Нарва. Самъ Петръ Великій называетъ еще Нарву во многихъ случаяхъ Ругодивомъ и Ругодевомъ, производя это слово, надо думать, отъ русскаго, а не отъ лопарскаго корня. Впрочемъ, если даже отвергнуть русское происхожденіе этого наименованія и искать связь его со скандинавскими корнями, всетаки можно допустить, что въ понятіи русскихъ людей иностранное созвучіе получило смыслъ русскихъ словъ, на него похожихъ. Во многихъ источникахъ, въ силу приведеннаго соображенія, и рѣка Нарова сближается съ русскимъ

[1]) Русская старина за 1885 г. 2 замѣтки о Губертѣ Ланге. Апрѣльская и майская книжки, стр. 185 и 410.

[2]) Временникъ эстляндской губ. 1893 г., т. I, стр. 56.

созвучіемъ, когда называется Неровой, т. е. рѣкой неровной, прерываемой порогами и блуждающей.

По всѣмъ вѣроятіямъ, новгородцы разрушили укрѣпленіе датчанъ. Это, однако, не помѣшало сыну Дитриха въ 1294-мъ году поставить городокъ даже на «сей». т. е. на новгородской сторонѣ Наровы. Новгородская лѣтописи говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «того-же лѣта (6802—1294) постави Титьмановичъ отій городъ на сей сторонѣ Наровы, новгородцы же шедъ пожгоша городокъ и село его великое взяша и пожгоша» [1]).

Очевидно, датчанамъ не сидѣлось въ Эстляндіи, они стремились къ новымъ завоеваніямъ. Изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что датчане перебрались даже на русскую сторону Наровы и успѣли здѣсь построить «великое село». Великое село скоро не строится, а разъ оно построено, да еще въ чужой землѣ, не лучшее-ли это доказательство завоевательныхъ стремленій?

Въ теченіе ста двадцати пяти лѣтъ датчане удерживали за собою Эстляндію. Однако, чуждую по населенію территорію трудно было инкорпорировать окончательно. Къ тому-же датскіе правители не отличались, повидимому, мягкимъ характеромъ. По крайней мѣрѣ, въ 1344 году «бысть мятежъ за Наровою великъ: избиша чюдь своихъ бояръ земскихъ и въ колыванской земли и въ ругодивской волости».

Мятежъ этотъ довольно подробно описанъ у Піärn'а въ его

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣтоп., т. IV, стр. 41.

Слово Титьмановичъ (т. е. сынъ Титмана или Дитмана) Карамзинъ раздѣлилъ на двѣ части, и у него это мѣсто лѣтописи читаемъ такъ: «Титъ Мановичъ постави отій городокъ на сей сторонѣ Наровы». Очевидно, чтеніе невѣрное, и въ такомъ видѣ фраза непонятна. Что это за отчество Мановичъ и какой отій городокъ построилъ этотъ миѳическій Титъ? (т. IV., пр. 206). По чтенію, принятому археографическою коммисіею, смыслъ отрывка не подлежитъ сомнѣнію: сынъ Дитмана (Дитриха) построилъ отчій городъ на русской сторонѣ Наровы. («Отчій», т. е. отцовскій, принадлежавшій отцу, получившій начало при отцѣ). Ошибка Карамзина объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ не имѣлъ по тому времени возможности пользоваться хорошимъ изданіемъ лѣтописей, а по большей части пользовался старинными рукописями, которыя при неразборчивости различныхъ почерковъ отличаются еще и тѣмъ, что слова въ нихъ не раздѣляются другъ отъ друга промежутками, что и было ближайшей причиной неправильнаго чтенія упомянутаго слова Карамзинымъ.

«исторіи эстовъ, ливовъ и леттовъ». Вотъ что мы здѣсь читаемъ: «Въ 1343-мъ году эсты Гарріи составили тайный заговоръ, который осуществили въ ночь на св. Юрія, перебивъ 1800 человѣкъ нѣмцевъ изъ дворянъ, молодыхъ и старыхъ, женщинъ и дѣвицъ, господъ и слугъ, и сокрушивъ все, что было нѣмецкаго или датскаго. Ихъ примѣру послѣдовали немедленно другіе эсты, такъ что нѣмцы во всей Эстляндіи подвергались не малой опасности. Въ ту самую ночь, когда происходила рѣзня, многіе дворяне мужчины, женщины и дѣвицы, почти нагіе, отправились по непроходимымъ дорогамъ въ Ревель и Вейсенштейнъ и такимъ образомъ спасли свою жизнь». [1]).

Возставшіе эсты подступили къ самому Ревелю и угрожали избіеніемъ его гражданъ. Когда, однако, поднялось противъ мятежниковъ громадное нѣмецкое и датское воинство, эсты, видя неравенство силъ и не получивъ помощи отъ шведовъ и русскихъ, къ которымъ они обращались, отправили въ Ревель посольство и обѣщали покориться, подъ условіемъ освобожденія ихъ отъ тиранніи надменныхъ дворянъ, выносить которую долѣе они были не въ состояніи [2]). Предложенія посольства были отвергнуты, и мятежники жестоко поплатились за попытку освободиться отъ чужеземнаго гнета: около 10 тысячъ эстовъ было перебито, а зачинщики были преданы лютой казни [3]). Причинами этого кроваваго возстанія слѣдуетъ считать, во первыхъ, непомѣрно жестокое обращеніе дворянъ съ крестья-

---

[1]) Anno 1343 rotteten sich die Ehsten in Harrien heimlich zu einer greulichen Meuterei, welche sie in St.-Jürgens Nacht werkstellig machten, da sie über 1800 Teutsche on Adel, jung und alt, Frau und Jungfrauen, Herren und Knechte und alles was Teutsch oder Dänisch war, jämmerlich ermordeten und umbbrachten. Deren Exempel folgten alsobald die andern Ehsten, dass die Teutschen in gantz Ehstland nicht in eine geringe Gefahr geriethen. In derselben Nacht, da dieser Mord geschehen, haben sich viel von Adel an Männern, sowohl als Frau und Jungfrauen fast ganz nackend durch ungebahnte Wege nach Reval und Weissenstein begeben und also ihr Leben friesten müssen. Es wurde auch der Klöster nicht verschönet». (Monumenta L. a. ч. 1, стр. 152).

[2]) У Hiärn'a: «. . . . . dasz sie von den Edelleuten befreyt seyn möchten, derer Hochmuth und Tyranney sie nicht länger ertragen könten». Тамъ-же, стр. 152 (орѳографія подлинника).

[3]) Ibidem; также у Шлоссера, т. VIII, 85 и у Рихтера, ист. р. крест. сослов. въ приб. губ., стр. 8.

нами-эстами, которыхъ они произвольно продавали, какъ товаръ и мѣняли на собакъ, не говоря уже о частыхъ захватахъ ихъ поземельной собственности и всего имущества; во вторыхъ, чрезмѣрное обложеніе туземцевъ податями и повинностями, сопровождавшееся кромѣ того еще незаконными и превышавшими всякую мѣру поборами.

«Трудно повѣрить—говоритъ Рихтеръ [1]),—что первымъ поводомъ къ обложенію коренныхъ жителей прибалтійскаго края податями и повинностями было обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру, а между тѣмъ это такъ». Немедленно по учрежденіи епископской каѳедры на туземцевъ былъ наложенъ десятинный сборъ въ пользу церкви, который въ 1211-мъ году былъ замѣненъ сборомъ натурою по одной мѣркѣ хлѣба въ 18 куб. дюймовъ (почти 2 фунта ржи) съ каждой крестьянской лошади. Впослѣдствіи взималось по 10 фунтовъ ржи (поллисфунтъ) съ каждой бороны и столько-же съ каждой сохи. Донынѣ сохранившееся слово Haken обозначало пространство земли, обложенное еженедѣльною конною службою крестьянина на парѣ лошадей.

Первоначально, однако, прибалтійскіе крестьяне не были лишены имущества и личныхъ правъ. Все это случилось съ теченіемъ времени и болѣе силою обстоятельствъ и произвола, чѣмъ закона. Папа Григорій IX грозилъ еще отлученіемъ отъ церкви дворянамъ, лишавшимъ туземца личной свободы и имущества [2]) однако ленное владѣніе, какимъ пользовались дворяне въ прибалтійскомъ краѣ, благодаря свойственной «саксамъ» жестокости и надменности, повлекло къ полному порабощенію туземныхъ племенъ.

Датскіе дворяне вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ земель унаслѣдовали отъ рыцарей ордена всѣ ихъ привилегіи, въ томъ числѣ—основанныя на крѣпостномъ правѣ. Наряду съ податями въ пользу помѣщиковъ, крестьяне были обложены значительными сборами на королей. Извѣстно, что Эрихъ VI для

---

[1]) Назв. сочин., стр. 7.

[2]) Значитъ, такія злоупотребленія были весьма обильны, если слухъ о нихъ достигъ святѣйшаго престола, который и счелъ необходимымъ положить предѣлъ произволу помѣщиковъ

поддержанія своей власти въ Эстляндіи установилъ налогъ съ плуга, и за это въ насмѣшку былъ прозванъ Plogpenning [1]).

Возстаніе 1343 или 1344-го года, конечно, было не первымъ: туземцы острова Эзеля поднимались на защиту своихъ человѣческихъ правъ въ 1241 и 1251 годахъ [2]) и неоднократно раньше и послѣ того; только мятежъ 1344 года принялъ наиболѣе крупные размѣры и погубилъ наибольшее количество жизней безъ облегченія, однако, бѣдственнаго положенія крестьянъ.

Какъ бы то ни было, основы датскаго владычества въ Эстляндіи начали колебаться: съ одной стороны грознымъ призракомъ вставала внутренняя смута, съ другой стороны не дремали внѣшніе враги, русскіе и рыцари ордена меченосцевъ. Въ 1342-мъ году русскіе побѣдили наровскихъ нѣмцевъ у села Кутели на болотѣ; въ 1347 году псковичи взяли и сожгли посадъ у Ругодива (Нарвы) и т. п. [3]).

Что касается меченосцевъ, то уже въ 1221 году гермейстеръ ихъ Альбертъ обращался къ императору Фридриху II-му за помощью противъ датчанъ; Фридрихъ, однако, не оказалъ ему помощи. Въ 1223 году король Вальдемаръ II, находившійся въ любовной связи съ женою владѣтельнаго графа шверинскаго Генриха, попался къ послѣднему въ плѣнъ и пробылъ въ заточеніи 3 года. Этимъ обстоятельствомъ уже тогда хотѣлъ воспользоваться епископъ Альбертъ Букгевденъ, чтобы расширить свои владѣнія въ ущербъ Даніи, но это ему не удалось, въ виду встрѣченнаго имъ сильнаго сопротивленія со стороны эстовъ. Къ тому же и самъ Вальдемаръ вскорѣ выкупился изъ плѣна за 45 тысячъ марокъ и всталъ на защиту своихъ эстонскихъ владѣній [4]). Въ 1237 году орденъ меченосцевъ соединился съ прусскимъ тевтонскимъ орденомъ, и послѣ этого власть Даніи въ Эстляндіи сдѣлалась въ особенности шаткой, несмотря даже на то, что въ силу договора о соединеніи орденовъ, утвержденнаго папою Григо-

[1]) Arndt. Livl. Chr., ч. 2, стр 43; Hiärn, стр. 125, Шлоссеръ, т. VIII, стр. 51.

[2]) Рихтеръ. Истор. крест. сосл. въ приб. краѣ, стр. 8.

[3]) Полн. собр. рус. лѣтоп., т. IV, стр. 186; Карамзинъ, т. IV, стр. 336.

[4]) Козакевичъ. Городъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкою Наровою, стр. 4.

ріемъ IX, за Даніею укрѣплялись права на области Гаррію съ Ревелемъ, Вирляндію съ Везенбергомъ и Аллентакію съ Нарвою.

При Эрихѣ VIII-мъ, когда Любекъ и графы голштинскіе вмѣстѣ съ Генрихомъ мекленбургскимъ признали протекторатъ Даніи, послѣдняя снова подняла было свой престижъ въ Эстляндіи; но этотъ подъемъ датскаго могущества былъ кратковременнымъ [1]).

Въ 1345 году, января 25, вслѣдствіе непрочности своей власти въ Эстляндіи, датскій король Вальдемаръ III уступилъ Нарву ливонскому ордену (меченосцамъ, соединившимся съ тевтонскимъ орденомъ) на 1 годъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы орденъ защищалъ городъ въ теченіе этого времени отъ внѣшнихъ враговъ, а затѣмъ возвратилъ бы его вновь Даніи за 1323 рижскихъ марки, т. е., иными словами, Вальдемаръ, желая сбросить съ себя излишнюю обузу, какъ бы отдавалъ Нарву въ аренду ордену, оставляя за собою права собственника [2]).

Въ томъ же году Вальдемаръ пытался привилегіями расположить жителей города Нарвы въ свою пользу. Онъ далъ Нарвѣ двѣ жалованныхъ грамоты: одну католическимъ церквамъ и духовенству, другую—бюргерамъ. Въ обѣихъ грамотахъ проводилась забота объ улучшеніи матеріальнаго быта упомянутыхъ сословій, постоянно страдавшихъ отъ невзгодъ военнаго времени. Духовенству король обѣщалъ отъ своихъ щедротъ столъ и одежду, по сюртуку изъ хорошаго сукна ежегодно, церковное одѣяніе черезъ каждые два года, и пару лошадей съ прокормомъ для объѣзда новообращенныхъ. Бюргеровъ Вальдемаръ обнадеживалъ въ своей милости, подтвердилъ данныя имъ еще его дѣдомъ, королемъ Эрикомъ, привилегіи, обѣщалъ защиту ихъ владѣній, полей, луговъ, сѣнокосовъ, лѣсовъ, водныхъ пространствъ и рыбныхъ ловель,

---

[1]) Шлоссеръ. Всем. ист., т. VIII, стр. 60.

[2]) Hiärn: ... «Dass sie es ein Jahr einhaben und wider allen feindlichen Anlauf dem König in Dänemarken zum besten schützen; darnach aber, wenn das Jahr verflossen, gegen 1323 Mark Rigisch wieder abtreten und ferner keine Erstattung der Ankosten fordern solten» (орѳографія подлинника). Monum. L. a. ч. I, стр. 153.

обезпечилъ за ними въ особенности продажу угрей, столь обильныхъ и теперь въ Наровѣ. Въ случаѣ опустошенія города русскими, датское правительство обязывалось устроить для бюргеровъ лавки и дома въ замкѣ, причемъ ни одинъ королевскій чиновникъ не смѣлъ чинить имъ какія-либо притѣсненія [1]).

Эти грамоты были послѣднимъ проявленіемъ датскаго владычества въ Эстляндіи и въ Нарвѣ. Въ 1347 году датскій король, въ виду политическихъ и военныхъ затрудненій, а также, какъ говорятъ, испытывая нужду въ деньгахъ на предположенную имъ поѣздку въ Іерусалимъ, рѣшился продать все герцогство эстляндское вмѣстѣ съ Нарвой ливонскому ордену за 19 тысячъ кельнскихъ марокъ, т. е. 270 тысячъ рублей.

Ніагп разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ. «Наконецъ король Вальдемаръ, не смотря на обязательство его отца на вѣчныя времена не отчуждать принадлежащія Даніи эстонскія владѣнія, продалъ все, что принадлежало ему и его тестю [2]) въ Эстляндіи, т. е. Гаррію, Вирландію и Аллентакію, со всѣми лежащими въ нихъ городами, крѣпостями и селами, Ревелемъ, Нарвою, Везенбергомъ и т. д. нѣмецкому ордену за 19000 фунтовъ» [3]).

За все время датскаго владычества прибалтійскій край представлялъ изъ себя, можно сказать, обширное поле битвы. Швеція съ подвластными ей племенами дѣлала неоднократныя попытки отвоевать отъ новгородцевъ ихъ область. Въ 1239 году папа Гонорій призывалъ крестоносцевъ къ союзу со шведами, чтобы совокупными силами оттѣснить русскихъ отъ балтійскаго прибрежья, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожить всякое вліяніе

---

[1]) Hansen. Geschichte der Stadt Harva. Dorpat, 1858, стр. 12—13.

[2]) Людвигу, маркграфу Бранденбургскому. См. Генриха Латыша по изд. Арндта, стр. 93.

[3]) «Endlich aber, unangesehen sein Herr Vater sich verpflichtet hatte die zum Königreich Dänmarken gehörige Ehstnische Länder zu ewigen Zeiten von den Reich nicht zu trennen, verkaufte dennoch König Waldemar alles, was ihm und seinem Schwager in Ehstland zustunde, nemlich Harrien, Wirland und Alentaken samt denen darin gelegenen Stadten, Schlössern und Flecken Revel, Narva und Wesenberg etc. an den Teutschen Orden für 19000 Pfund lötiges Silbers Kölnischen Gewichts». См. также Nyenstädt. Livl. Chr. въ Monumenta Livonica, ч. 2, стр. 21 и Шлоссеръ, т. VIII, стр. 85.

«греческаго раскола», противъ котораго католицизмъ боролся такъ-же ожесточенно, какъ и противъ язычества.

Всѣмъ извѣстна побѣда Александра Невскаго, «столь-же славнаго въ лѣтописяхъ Россіи, какъ Арминій въ исторіи Германіи» [1]), надъ Биргеромъ при устьѣ рѣки Ижоры, впадающей въ Неву, въ 1240-мъ году, когда великій князь, по выраженію лѣтописи, «самому королю (т. е. полководцу Биргеру) възложи печать на лицо острымъ своимъ копіемъ» [2]). Невское пораженіе пріостановило завоевательныя стремленія шведовъ.

Около того же времени ливонскіе рыцари, овладѣвъ Псковомъ, покушались покорить и Новгородъ. Опустошивъ водскую область (нынѣшнюю петербургскую губернію), они захватили Лугу, Копорье, Карелію и Ижору. Папа поспѣшилъ даже приписать эти земли къ эзельскому епископству, и епископъ Генрихъ дѣлалъ уже расчеты будущимъ барышамъ въ формѣ десятины. Но въ 1242-мъ году снова всталъ Александръ и, послѣ ряда мелкихъ побѣдъ, разбилъ окончательно нѣмецкое воинство, выступившее, подъ предводительствомъ мейстера Валька, на льду Чудского озера. Слѣдствіемъ этой побѣды былъ отказъ рыцарей отъ прежнихъ своихъ завоеваній. «Что есмя зашли мечемъ, того ся сступаемъ»—заявилъ орденъ великому князю, какъ объ этомъ передаетъ наша лѣтопись [3]). Двумя своими побѣдами на Невѣ и на Чудскомъ озерѣ—Александръ Невскій спасъ Новгородъ и Россію отъ иноплеменниковъ.

Однако борьба русскихъ какъ со шведами, такъ и съ орденомъ не прекращалась. Въ 1251-мъ году нѣмцы подступили было ко Пскову, но были отбиты. Новгородцы, въ свою очередь, предали огню и мечу земли за Наровой. Какъ мы видѣли уже выше, шведы («свѣи») принимали участіе при построеніи датчанами города на Наровѣ въ 1256-мъ году, но были изгнаны за море.

---

[1]) Шлоссеръ. Всем. ист. т., VIII, стр. 79.

[2]) П. собр. руск. лѣт. Повѣсть о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра, стр. 3.

[3]) П. собр. р. л., т. IV, 1-ая псковск. лѣт., стр. 180. Здѣсь-же о потеряхъ рыцарей говорится: «а нѣмець накладоша двѣ ямы, а добрыхъ (т. е. знатныхъ) повезоша два корабля» (очевидно, съ цѣлью похоронить на родинѣ), стр. 179.

Пользуясь тѣмъ, что Русь была опустошена татарами, папа Александръ IV призывалъ рыцарей къ завоеванію русскихъ земель, суля завоевателямъ всевозможныя блага земныя и небесныя. Но въ 1262 году русскіе побѣдили нѣмце въ Дерпта, а въ 1268 году «князь Юрьи съ новгородцы воева Занаровье [1])»: очевидно, бороться съ русскимъ воинствомъ было не такъ-то легко даже и въ годины бѣдствій, испытываемыхъ Русью!

Нѣмцы неоднократно подступали къ Пскову, но въ 1269 году были побѣждены псковичами, подъ предводительствомъ Ярослава Ярославича (внука Всеволода), который привелъ съ собой татаръ, и отступились отъ Наровы, «зѣло бо бояхуся и имени татарскаго» [2]). Затѣмъ князь Довмонтъ побѣдилъ нѣмцевъ и при вторичномъ покушеніи ихъ овладѣть Псковомъ въ 1299 году [3]).

Шведы также не прекращали нападеній и строили города: въ 1300 году они построили городъ Лапдскроне у устья рѣки Охты [4]), но русскіе взяли приступомъ этотъ городъ, а въ 1311-мъ году новгородцы ходили въ Финляндію и предали ее опустошенію...

Нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ отдѣльныхъ сраженіяхъ, происходившихъ на ливонскихъ и шведскихъ поляхъ. Отрывочныя свѣдѣнія о кровопролитныхъ битвахъ, когда Русь грудью отстаивала свои права и пролагала себѣ путь къ морю, приведены нами въ той увѣренности, что кровавыя сцены, потрясавшія прибалтійскій край, не были безслѣдными и для города Нарвы.

Объ опустошеніи русскими земель, лежавшихъ за Наровою, въ лѣтописяхъ имѣются прямыя указанія и нѣкоторыя изъ нихъ приведены нами выше. Но и помимо того археологическія раскопки выяснили бы намъ еще очень многое, что пока остается неизвѣстнымъ. Каждый клочекъ городской земли,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 46.

[2]) Тамъ-же, т. X, никон. или патр. лѣт., стр. 147.

[3]) Тамъ-же, т. V. Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ, стр. 6—8.

[4]) Тамъ-же, т. IV, новгор. 4 лѣт., стр. 46. «Того-же лѣта поставиша свѣи городъ надъ Невою, на устьи Охты рѣки, нарѣкоша его Вѣнецъ земли». (или Ландскроне).

несомнѣнно, рядомъ съ полуистлѣвшими костями, скрываетъ въ себѣ обломки вооруженій, обрывки одеждъ, куски утвари, могильныя плиты и множество другихъ предметовъ какъ военнаго быта, такъ и домашняго обихода, которые могли бы свидѣтельствовать о давно минувшей жизни краснорѣчивѣе самыхъ скелетовъ. Къ сожалѣнію, правильныхъ раскопокъ въ Нарвѣ еще не производилось, и историку остается пользоваться только письменными историческими памятниками и тѣмъ, что сохранилось въ немногихъ устныхъ преданіяхъ.

Въ заключеніе этой главы мы считаемъ нелишнимъ привести одинъ памятникъ изъ разсматриваемой эпохи, характеризующій взглядъ нашего лѣтописца, а слѣдовательно и многихъ русскихъ людей того времени, на взаимныя отношенія Швеціи и Руси. Памятникъ этотъ любопытенъ уже потому, что, вопреки приводимымъ въ немъ взглядамъ, Россія и Швеція долгое время—до самаго Петра—враждовали другъ съ другомъ изъ за земельныхъ пріобрѣтеній, пока, наконецъ, русскій герой не заставилъ героя Швеціи преклониться и уступить...

Мы разумѣемъ «рукописаніе Магнуса, короля свійскаго». Начинается оно такъ: «Се азъ Магнусъ, король свійскій, нареченный во св. крещеніи Григорій, отходя сего свѣта, пишу рукописаніе при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ и своимъ братіямъ и всей земли свійской, не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, занеже намъ не пособляется». Указавъ на побѣды Александра Невскаго и Андрея Александровича, король Магнусъ говоритъ, что онъ, нарушивъ крестное цѣлованіе, поднялся на Русь и хотя взялъ городъ Орѣховъ, однако вскорѣ принужденъ былъ отступить, и вотъ, когда онъ былъ на морѣ, «вста буря велми силна, что въ волнахъ парусовъ не знати и потопи рати моей многое множество на усть Наровы рѣки. Съ того времени посыпались на Швецію разныя бѣды, «а у мене самого (Магнуса) отъя Богъ умъ». Свое завѣщаніе Магнусъ заключаетъ тѣмъ же воззваніемъ, которымъ и началъ: «а нынѣ приказываю—не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ и огнь и вода, имъ же мене казнилъ; а все то Богъ сотворилъ мнѣ ко спасенію моему».

Надо думать, что все это завѣщаніе есть лишь плодъ фан-

тазіи русскаго лѣтописца, но оно интересно, во-первыхъ, своею поэтическою подкладкою; во-вторыхъ, тѣмъ, что правильно передаетъ нѣкоторые историческіе факты, напримѣръ, о побѣдахъ Александра Невскаго; въ третьихъ, тѣмъ, что отражаетъ на себѣ (какъ мы уже говорили) воззрѣніе русскихъ людей той эпохи, по которому война Руси со Швеціей послѣ побѣдъ Александра Невскаго была совершенно излишней, такъ какъ обоимъ государствамъ, отдѣленнымъ естественной границей, оставалось лишь заботиться о цѣлости другихъ своихъ границъ, и если Магнусъ всетаки пошелъ на Русь, то поступилъ крайне необдуманно, за что и потерпѣлъ наказаніе отъ самого Бога.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОДЪ властью ливонскаго ордена Нарва пробыла болѣе 200 лѣтъ (1347—1558). Къ сожалѣнію, архивные источники, проливавшіе свѣтъ на эту продолжительную эпоху, утрачены во время пожаровъ, и особенно въ 1558 году, когда выгорѣлъ почти весь городъ. Часть архива, а именно переписка фохта, управлявшаго Нарвою отъ имени гермейстера, вмѣстѣ съ нѣкоторыми актами уже шведскихъ временъ (переписка шведскаго коменданта и генералъ-штатгальтера Ингерманландіи и Кексгольма), впрочемъ, уцѣлѣла и хранилась довольно продолжительное время въ германовой башнѣ; но затѣмъ въ 1823 году весь этотъ богатый историческій матеріалъ былъ безжалостно проданъ на бумажную фабрику [1]).

Въ настоящее время въ архивѣ бывшаго нарвскаго магистрата хранится лишь незначительное количество бумагъ XVI-го столѣтія, но зато уцѣлѣли, по крайней мѣрѣ, протоколы магистрата XVII вѣка. Въ 1892-мъ году магистратскій архивъ былъ вытребованъ въ Ревель, но затѣмъ его снова переслали въ Нарву и, съ грустью надо сознаться, что прежній образцовый порядокъ въ дѣлахъ, установленный нѣмецкимъ историкомъ Нарвы Ганзеномъ, былъ нарушенъ. Надо думать, нѣкоторые акты остались въ Ревелѣ, въ архивѣ губернскаго

[1]) Hansen. Geschichte der St. Narva, стр. 14—15.

правленія, или окружнаго суда; часть же рукописей, кажется, позаимствована частнымъ нѣмецкимъ археологическимъ обществомъ въ Нарвѣ.

Отъ гермейстерскихъ временъ сохранилось нѣсколько жалованныхъ грамотъ жителямъ Нарвы. Всѣ эти грамоты были направлены къ тому, чтобы поддержать и развить нарождавшуюся торговлю и промышленность и вознаградить мирныхъ гражданъ Нарвы за вредныя послѣдствія военнаго времени.

Первая такая грамота относится къ 1363 году. Она выдана гермейстеромъ Вильгельмомъ Фримерсеномъ (или Фримерсгеймомъ). Въ этой грамотѣ онъ называетъ Нарву своимъ городомъ и надѣляетъ ее разными привилегіями, которыя затѣмъ были подтверждены имъ въ 1374 году, когда, между прочимъ, были опредѣлены и границы города. Къ Нарвѣ была приписана деревня Венсендорпъ (позднѣе —Венскюль). Самыя привилегіи были направлены къ облегченію землепашества, лѣсоводства, рыбнаго промысла, пивоваренія и продажи спиртныхъ напитковъ.

Затѣмъ въ 1399 году гермейстеръ Вернеръ фонъ Брюггеней жалованною грамотою подтвердилъ прежнія привилегіи города Нарвы и увеличилъ ея владѣнія и доходы, приписавъ къ ней деревни Тундердорпъ и Сарендорпъ (или Тундеркюль и Саравель). Наконецъ, послѣднимъ актомъ орденскаго владычества въ Нарвѣ была жалованная грамота мейстера фонъ Галена 1552 года [1]).

Гербъ города Нарвы, относящійся къ эпохѣ правленія мейстера Цизе-фонъ-Рутенберга (1420 г.), изображаетъ на щитѣ крестъ, а по бокамъ креста двѣ дикія розы [2]). Рыцари ордена и граждане города, утомленные войной съ ея неизбѣжными спутниками, пожаромъ и разрушеніемъ, очевидно, мечтали отдохнуть. Идея священной войны съ язычниками, обя-

---

1) Упомянутыя жалованныя грамоты (въ копіяхъ) хранятся въ архивѣ упраздненнаго нарвскаго магистрата вмѣстѣ съ другими привилегіями, данными имъ разное время Нарвѣ,—въ особомъ переплетѣ, подъ заглавіемъ «Corpus privilegiorum Narvensium».

2) До этого времени нарвскій гербъ изображалъ рыбу, увѣнчанную короной. Исторія нарвскаго герба подробно изложена у Арндта, въ его изданіи лѣтописи Генриха Латыша, въ приложеніи, озаглавленномъ, «Wappen und Siegel der Städte und Flecken», стр. 310; см. также ч. 2, стр. 127.

заиная своимъ возникновеніемъ эпохѣ крестовыхъ походовъ, успѣла померкнуть и уступила мѣсто другой болѣе возвышенной идеѣ—распространенія господства путемъ культуры и внутренней силы христіанскаго ученія.

Во время ливонскаго владычества въ Нарвѣ существовала церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится каѳедральный соборъ во имя Спаса Преображенія. Построеніе ея относится еще къ датской эпохѣ Нарвы. Древность этой церкви доказывается находящимися подъ основаніемъ ея надгробными надписями, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ къ началу XIV столѣтія. Впрочемъ алтарь и новая цилиндрическая колокольня, вышиною въ 24 сажени, построены уже сравнительно въ позднѣйшее время [1]).

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что Спасо-Преображенскій соборъ, въ числѣ очень немногихъ городскихъ зданій, сохранилъ свой древній обликъ. Пожары, опустошавшіе Нарву въ разное время, по счастливой случайности, происходили въ сторонѣ отъ церковнаго зданія; даже страшный пожаръ 1558 г. его не коснулся.

Ніенштедтъ говоритъ, что послѣ битвы подъ Псковомъ, бывшей въ 1502 году, когда былъ заключенъ миръ между Москвою и орденомъ, многіе изъ знатнѣйшихъ убитыхъ ливонцевъ были отправлены на родину, и въ числѣ ихъ—братъ бабушки лѣтописца нѣкто Арендъ Волкенгааръ. Ніенштедтъ прибавляетъ, что этотъ Волкенгааръ былъ похороненъ въ нарвской церкви за алтаремъ, и что въ его еще время (т. е. въ началѣ XVII стол., когда написана лѣтопись) существовалъ памятникъ его предка съ подобающею надписью.

Изъ этого свидѣтельства ливонской хроники Ганзенъ справедливо заключаетъ, что соборъ не былъ тронутъ пожаромъ 1558 года,—ибо цѣлость его еще въ XVII столѣтіи удостовѣрена Ніенштедтомъ,—и что церковь существовала здѣсь ранѣе 1502 года, т. е. до погребенія въ ней Волкенгаара. Надо замѣтить, впрочемъ, что плиты подъ поломъ церкви, относящіяся къ 1314 году уже достаточно ясно свидѣтель-

1) Новая колокольня окончена въ 1842 году и строилась въ теченіи шестидесяти лѣтъ.

ствуютъ о существованіи ея ранѣе 1502 года. Наконецъ, неизлишне принять и то во вниманіе, что стѣны церкви, сложенныя изъ мѣстной плиты, имѣютъ сажень толщины въ основаніи и $^3/_4$ аршина въ сводахъ, такъ что сами собою представляютъ достаточную защиту противъ огненной стихіи.

Гермейстеры, направляя свои заботы къ мирному преуспѣянію города, не позабыли также укрѣпить его стѣною съ бойницами на случай военныхъ дѣйствій. Въ лѣтописи Германа Вартберга (конца XIV столѣтія) говорится, что немедленно послѣ покупки орденомъ въ 1347 году эстляндскихъ владѣній Даніи мейстеръ Генрихъ Дуземеръ окружилъ города Ревель, Везенбергъ и Нарву стѣнами и рвами, употребивъ большія деньги на ихъ укрѣпленіе и постройку башенъ. Старыя ливонскія стѣны, почти уже развалившіяся, сохранились въ Нарвѣ еще до настоящаго времени на крайнихъ границахъ вышгорода; онѣ теряются между вновь построенными домами, для которыхъ послужили готовымъ брантмауеромъ (напр., между домами Петрова и Гугина).

Въ городскихъ стѣнахъ были проложены каменныя ворота съ затворами. Одни ворота вели со стороны такъ называемаго «новаго города» (Neustadt) въ главную улицу Нарвы. Въ старыхъ актахъ они назывались то «городскими» (Stadtthor), то «темными» (Dunkelpforte), то «скотскими» (Karripforte), ибо черезъ нихъ прогонялся скотъ въ поле. Другія ворота подъ названіемъ «темныхъ», «малыхъ береговыхъ» (kleine Strandpforte), а впослѣдствіи—«мясничьихъ» (Fleischerpforte), находились у рѣки при входѣ въ нынѣшній «темный садъ»; мясничьими они были названы русскимъ населеніемъ, потому что около нихъ русскіе мясники имѣли свои лавки. Наконецъ, третьи ворота вели изъ замка въ Юальское поле.

До 1746 года сохранялся камень, вынутый изъ вышеупомянутыхъ главныхъ городскихъ воротъ, съ двумя старинными гербами и съ надписью «Dieser Stein ward gehauen da man schrieb 1556». Камень этотъ, по постановленію городского совѣта отъ 13 іюня 1746 года, хранился въ биржевомъ залѣ, но затѣмъ, по невѣжеству каменщиковъ, а вѣрнѣе вслѣдствіе нерадѣнія отцовъ града, былъ сломанъ и застроенъ, неизвѣстно въ какое зданіе, и только благодаря сохранившемуся описанію

этого камня, составленному нарвскимъ ратсгеромъ Франкомъ фонъ Франкенбергомъ мы можемъ установить дату построенія или перестройки воротъ, изъ которыхъ онъ вынутъ [1]).

Усиливавшееся могущество ливонскаго ордена не давало покоя русскимъ князьямъ. Мало того, что враги отрѣзывали отъ русскихъ Балтійское море, они еще неоднократно обнаруживали стремленіе расширить свои владѣнія далѣе на востокъ. Битвы, происходившія между враждующими сторонами, долгое время не влекли за собою крупныхъ территоріальныхъ измѣненій. Псковская лѣтопись говоритъ о построеніи нѣмцами въ 1348 году городка надъ Наровою, противъ исада [2]) псковскаго и прибавляетъ, что псковичи, поднявшись всею своею волостью, подъ предводительствомъ посадника Ивана, двинулись на ладьяхъ и коняхъ къ вновь построенному городу и выжгли въ немъ жителей, а тѣхъ, которые бѣжали изъ города, изрубили мечами [3]). Очевидно, это былъ Нейшлотъ, впослѣдствіи названный русскими Сыренцемъ.

Въ 1407 году псковичи съ княземъ Константиномъ [4]) ходили за Нарову къ нѣмецкому городу Порху и завоевали его, но потомъ были отбиты подоспѣвшимъ съ рыцарями гермейстеромъ ордена.

Въ 1420 году новгородцы съѣхались съ представителями ливонскаго ордена на берегу рѣки Наровы. Съ ливонской стороны были магистръ Зейфертъ, ландмаршалъ Вальрабе, ревельскій командоръ Дитрихъ и венденскій фохтъ Іоаннъ; съ русской стороны были высланы на съѣздъ намѣстникъ московскій князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, два посадника и три боярина. Затѣмъ договорная запись была отправлена въ Новгородъ, куда пріѣзжали феллинскій командоръ Госвинъ и нарвскій фохтъ также Госвинъ.

Миръ былъ утвержденъ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго, побѣдителя ливонцевъ, изъ чего можно

---

1) Hansen. Gescichte der St. Narva, стр. 16 и сл.

2) Исадъ—пристань.

3) Полн. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 190.

4) Этого Константина лѣтопись характеризуетъ такъ: «еще унъ сый верстою (т. е. возрастомъ), но совершенъ умомъ». Полн. собр. рус. л. т. IV, стр. 198.

заключить, что и позднѣйшія русскія побѣды были внушительны для Ливоніи. Въ договорѣ было сказано, что рѣка Нарова должна служить границею новгородскихъ и орденскихъ владѣній; нѣмцы не могли на другой сторонѣ ея рубить лѣсъ, косить сѣно и т. п.; не должны пропускать изъ Выборга и Ревеля хлѣбъ сухимъ путемъ въ Россію, а также и шведское войско; русскимъ купцамъ выговаривалось право свободнаго въѣзда и торговли въ Ливоніи [1]).

Миръ этотъ, однако, вскорѣ же былъ нарушенъ, и поводомъ къ тому было слѣдующее обстоятельство. Въ 1438 году принцъ клевскій Эбергардъ ѣздилъ черезъ Россію въ Палестину. Гермейстеръ ордена, принявшій юнаго принца подъ свое покровительство, просилъ новгородскаго князя (Юрія) оказать путешественнику достойное его гостепріимство. Между тѣмъ, возвратившись въ Ливонію черезъ Нарву, Эбергардъ жаловался магистру, что русскіе не только не приняли его, какъ было должно, но, напротивъ, нанесли ему цѣлый рядъ оскорбленій. Магистръ ордена Финке фонъ Обербергенъ открылъ военныя дѣйствія противъ Россіи и выслалъ новгородскаго посла изъ Ливоніи, раздѣвъ его до нага. Магистръ мстилъ этимъ не только за оскорбленіе принца клевскаго, но и за многія другія обиды, «которыя причиняли нѣмцамъ безпокойные и наглые русскіе, всегда охотно грабящіе чужую собственность и еще жалующіеся послѣ». Орденскія войска разбили русскихъ у Ямы (Ямбурга) и разорили земли водскую, ижорскую и по Невѣ. Магистръ требовалъ отъ новгородцевъ всего берега Наровы съ островомъ. Его требованія, однако, не были уважены. Напротивъ, новгородцы опустошили ливонскія владѣнія за Наровою [2]).

Затѣмъ въ 1444 году русскіе ходили за Нарову съ княземъ Иваномъ Владиміровичемъ, сожгли предмѣстья Нарвы до Пудожни и прошли по Наровѣ до Чудскаго озера [3]).

Убѣдившись въ невозможности однѣми собственными силами сломить русскихъ, магистръ Обербергенъ обратился за помощью

1) Карамзинъ, книга II, т. V, стр. 122 и примѣч. 218.

2) Карамзинъ, исторія, т. V, стр. 176 и исторія Ливоніи Чешихина, т. III, тр. 127 и слѣд.

3) Карамзинъ, исторія, т. V, прим. 316.

къ великому магистру прусскаго ордена. Этотъ, въ свою очередь, посовѣтовалъ заключить союзъ съ датскимъ королемъ Христофоромъ. Впрочемъ великій магистръ всетаки стоялъ скорѣе за миръ съ новгородцами.

Въ 1447 году союзъ Ливоніи съ датскимъ королемъ былъ заключенъ, и тогда же примкнулъ къ нимъ и прусскій магистръ. На снаряженіе войска въ Пруссіи, съ разрѣшенія папы Николая V, были употреблены деньги, собиравшіяся за такъ называемыя разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты (Ablass-Geld). Интересно, что папа разрѣшилъ $^2/_3$ этихъ Ablass-Geld употребить на войну съ русскими, а $^1/_3$ на войну съ турками въ Венгріи. Когда союзныя войска двинулись на Русь, во многихъ прусскихъ церквахъ служили обѣдни Пресвятой Дѣвѣ Маріи о счастливомъ успѣхѣ христіанскаго оружія противъ язычниковъ (contra paganos) новгородскихъ и союзниковъ ихъ московитовъ, волоховъ и татаръ.

Собранное прусскимъ орденомъ войско было отправлено къ Нарвѣ частію моремъ, изъ Данцига, частію сухимъ путемъ, изъ Мемеля. Вмѣстѣ съ пѣхотою и конницею прибыли къ порубежной рѣкѣ Наровѣ и пушкари съ рыцаремъ Генрихомъ, изучившимъ употребленіе новыхъ огнестрѣльныхъ орудій. Этотъ походъ «contra paganos» окончился полною неудачею. Союзники частію были перебиты новгородцами, частію забраны въ плѣнъ. Многіе гданскіе (данцигскіе) корабли было потоплены въ Наровѣ и на морѣ; четыре князя попали въ плѣнъ. Ливонскій орденъ просилъ мира у новгородцевъ, который и былъ заключенъ въ томъ же 1448 году на 25 лѣтъ, на съѣздѣ у рѣки Наровы. Отъ этого мира выиграли псковичи, такъ какъ имъ «они погани возвратиша со студомъ вся старины псковскія» [1]).

Однако въ тѣ времена договоры, скрѣпленные «крестнымъ цѣлованіемъ», нарушались очень быстро. Первые нарушили миръ ливонцы около 1459 года. Они ѣздили за Нарову въ Березовскую волость и сожгли 42 двора, а на Наровѣ ограбили псковское судно. Псковичи, подъ начальствомъ князя

[1]) Карамзинъ. Исторія, т. V, стр. 177—178, примѣч. 319. Исторія Ливоніи съ древн. врем. т, III, стр. 129—132.

Чарторыйскаго, побѣдителя союзныхъ войскъ въ 1448 году, опустошили за это нѣмецкую землю на пространствѣ 70 верстъ кругомъ. Въ 1464-мъ году новгородцы подступали къ Ругодиву (Нарвѣ) [1]), а въ 1471-мъ году сожгли «Новое село» на Наровѣ [2]).

Въ томъ же году происходили новые переговоры въ Нарвѣ, причемъ магистръ требовалъ нѣкоторыхъ земель у Пскова, но ему было отказано, и битвы продолжались. Въ 1473 году воеводы Ивана Васильевича «ходили за Ругодивъ и нѣмецъ побиша ругодивцевъ, а иныхъ изсѣкоша, иныхъ руками изымаша» [3]). Въ 1481 году русскіе у города Каркуса многихъ убили и взяли въ плѣнъ «нѣмецъ и нѣмокъ, чюди и чюдокъ, и малыхъ робятъ и нѣстъ числа» [4]). Наконецъ, въ 1482 году, когда вся нѣмецкая земля «бяше не въ опасѣ, безъ страха и безъ боязни поганіи живяху, пива мнози варяху, нечаяху на себя пагубы», русскіе снова опустошили Ливонію.

Заключеннымъ послѣ того въ Нарвѣ десятилѣтнимъ перемиріемъ Іоаннъ III воспользовался для упроченія своихъ границъ посредствомъ укрѣпленія порубежныхъ городовъ и постройки новыхъ крѣпостей. Въ 1492 году онъ соорудилъ новую русскую крѣпость, или «дѣтинецъ», на правомъ берегу Наровы, на Дѣвичьей горѣ, какъ разъ насупротивъ орденскаго укрѣпленія.

Дѣвичья гора, выбранная для этой цѣли Иваномъ III, получила свое наименованіе отъ старинnаго обычая русскихъ дѣвушекъ собираться здѣсь на ѳоминой недѣлѣ и устраивать игрища и хороводы, на которыхъ обыкновенно происходило и сватовство. Уголокъ для любовныхъ цѣлей былъ дѣйствительно уютный и поэтическій, но, разумѣется, великому князю въ то время было не до мирной поэзіи: необходимо было отстаивать свои права и, сколько возможно, стремиться къ ихъ расширенію. И вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде раздавались звонкіе дѣвичьи голоса, возникло грозное укрѣпленіе и зазвучали

---

[1]) Новгородскія лѣтописи, стр. 52.
[2]) Карамзинъ, т. VI, стр. 51.
[3]) Полное собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 257.
[4]) Полн. собр. р. л., т. IV, стр. 265.

воинскія трубы. По имени Ивана III-го, крѣпость получила названіе Ивангородъ.

Наши лѣтописи о построеніи Ивангорода свидѣтельствуютъ слѣдующимъ образомъ:

«Тое-же весны (7000=1492)—говоритъ новгородская (4-ая) лѣтопись—повелѣніемъ великаго князя Ивана Васильевича, заложиша градъ каменъ на нѣмецкомъ рубежи противъ Ругодива, города нѣмецкаго, на рѣцѣ на Наровѣ, на Дивичьи горѣ на слудѣ четвероуголенъ, и нареченъ имя ему Иванъ-градъ, въ свое имя.» [1]).

Въ новгородской 2-ой лѣтописи говорится просто: «въ лѣто 7000 князь великии Иванъ велѣлъ городъ ставити противъ Ругодива» [2]).

Ивангородъ. По современной фотографіи.

Въ прибавленіи къ псковскимъ лѣтописямъ археографическая коммиссія помѣстила интересное сказаніе «о прежнемъ пришествіи нѣмецкомъ и о нынѣшнемъ на новгородскую землю и о нашествіи богомерзкаго короля Густафа съ погаными латыны на русскую землю и о клятвѣ ихъ». Отрывокъ начинается порицаніемъ шведовъ, какъ народа «не славнаго и невѣдомаго», «грубаго и немудраго» (причемъ шведы смѣшиваются безграмотнымъ повѣствователемъ съ чудью), котораго «и донынѣ во всѣхъ ихъ западныхъ странахъ гнушаются»; затѣмъ сообщается, что «князь нѣкій отъ иныя земли началъ владѣть ими» (шведами), причемъ «началъ сій свейскій князецъ разбоемъ кормитися и богатѣти, разбивая на морѣ ходящихъ кораблей», и, наконецъ, сказатель повѣствуетъ о

[1]) Полн. собр. р. л., т. IV, стр. 161.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 144 и новгор. лѣт., стр. 58.

построеніи Ивангорода. Въ лѣто 7000—говоритъ онъ—начаша поганіи тіи свейстіи нѣмцы клятву свою нарушивати и приходити на новгородскую землю и хрестьянъ плѣнити, и присла благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи воеводы своя и повелѣ поставити на рубежи близъ моря Варяжскаго на устіѣ Неровы рѣки (неправильность, характеризующая все сказаніе) [1]) въ свое имя Ивангородъ» «И оттолѣ—заключаетъ авторъ—преставша нѣмцы ходити на Русь, токмо ливонстіи нѣмцы часто приходиша на псковскую землю» [2]).

Воскресенская лѣтопись о построеніи крѣпости говоритъ такъ: «Тоя-же весны (7000 г.), повелѣніемъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, заложиша градъ» и т. д. совершенно одинаково съ новгородскою 4-ою лѣтописью [3]).

Въ ливонскихъ лѣтописяхъ о началѣ Ивангорода имѣются слѣдующія извѣстія.

Rüssow повѣствуетъ объ этомъ такъ: «Въ 1492 году Иванъ Васильевичъ, великій князь московскій, началъ строить крѣпость Ивангородъ, по нѣмецки—«русскую Нарву», на ливонской границѣ. И крѣпость эта, будучи начата на праздникъ Божьяго тѣла, была чрезвычайно быстро окончена въ то-же лѣто къ Успенію Пресв. Богородицы, со многими высокими башнями и крѣпкими стѣнами [4]. Судя по приведенному отрывку, Ивангородъ былъ построенъ всего въ два съ небольшимъ мѣсяца: работа, какъ видно, кипѣла, и удивительнѣе всего то, что орденъ, отдѣленный лишь теченіемъ рѣки Наровы, далъ возможность своему заклятому врагу создать въ лицѣ новой крѣпости оплотъ для защиты и для дальнѣйшихъ завоеваній... Впрочемъ Ивангородъ построенъ въ отсутствіи гермейстера изъ Нарвы и за годъ до окончанія 10-ти лѣтняго перемирія между Москвою и орденомъ, заключеннаго въ 1483 году. Затѣмъ Рюссовъ продолжаетъ: «И, послѣ того времени, какъ замокъ былъ готовъ, христіане въ Ливоніи, а въ особенности жители Нарвы должны были терпѣть оттуда много поруганій и насмѣшекъ, потому что русскіе изъ новаго замка, Ивангорода, и во время перемирія стрѣляли въ

---

[1]) У Болховитинова въ «исторіи княжества псковскаго» говорится, что въ 1490-мъ году Ивангородъ былъ поставленъ на устьѣ р. Наровы и затѣмъ въ 1492 г. перенесенъ на Дѣвичью гору, противъ Ругодива. Очевидно, Болховитиновъ хотѣлъ дать объясненіе невѣрному указанію вышеупомянутаго приложенія къ псковскимъ лѣтописямъ, гдѣ сказано, что Ивангородъ былъ поставленъ «на устьѣ Наровы рѣки». На самомъ дѣлѣ крѣпость Ивангородъ никогда здѣсь не сооружалась.

[2]) П. с. р. л., т. V, стр. 51 и 52.

[3]) Тамъ-же, т. VIII, стр. 224.

[4]) Rüssow's Livl. Chr., стр. 56: «Anno 1492 hat Iwan Wasilewitz, der Grossfürst von der Muscow (sic) das Schloss Iwanowgorod (sic) auf deutsch die Russische Narve geheissen, angefangen zu bauen auf der Livländischen Gränze. Und als es auf Corporis Christi ist angefangen worden, ist es denselbigen Sommer auf Marien-Himmelfahrt mit vielen hohen, dicken Thürmen und Mauern vor Gewalt gar eilig fertig geworden». См. также Hiärn (Monum, ч. 1, стр. 187).

ливонскую Нарву такъ много и часто, какъ имъ было угодно, и убили много знатныхъ особъ, именно Іоанна Мейнингенскаго, бургомистра въ Нарвѣ и многихъ другихъ. И когда къ нимъ послали спросить, по какой причинѣ они это дѣлаютъ, то они не знали; какими бы только насмѣшками и издѣваньемъ принять тѣхъословъ и творили всевозможныя шутки, какія только могли придумать, надъ жителями Наровы, все это написать неприлично» [1]).

Нѣнштедтъ о построеніи Ивангорода дѣлаетъ лишь краткое упоминаніе: «Московитъ выстроилъ въ 1492 году крѣпкій замокъ на другой сторонѣ Наровы на самомъ берегу, какъ разъ противъ Нарвы, такъ что изъ нарвскаго замка почти можно было перекинуть черезъ рѣку въ городъ камень» [2]).

Въ формулярѣ ивангородской крѣпости значится: «По волѣ великаго князя Іоанна Васильевича III, въ 1492 году построенъ Ивангородъ, крѣпкій замокъ, съ тройною къ рѣкѣ стѣною, высокими зубчатыми башнями, подземными и подводными ходами, на нигерманландскомъ, или нарвскомъ правомъ берегу Наровы, противъ вышгорода, или стараго города, на высокой плитослоенной горѣ, называемой Дѣвичьею. Построеніе начато выписанными изъ лучшихъ краевъ мастерами въ день св. Троицы, а окончено въ день Успенія Пресв. Богородицы» [3]).

По изустному преданію, сохранившемуся среди нарвскихъ старожиловъ и сходному съ легендою о построеніи Карѳагена, обстоятельства возникновенія крѣпости на Дѣвичьей горѣ были слѣдующія. Русскій и шведъ на Наровѣ часто воевали (ливонцы смѣшиваются со шведами: искаженіе, свойственное большинству изустныхъ преданій!). Царь (тогда еще не существовало этого титула) выговорилъ у шведовъ кусокъ земли по лѣвому берегу Наровы, величиною въ конскую шкуру и приказалъ разрѣзать шкуру на узкіе ремни, скрѣпить ихъ вмѣстѣ и отмежевать отъ шведскихъ владѣній площадь, которую упомянутая мѣра въ состояніи была ограничить. Этимъ русскій, конечно, перехитрилъ шведа. Выстроивъ на пріобрѣтенномъ такимъ путемъ мѣстѣ сильную крѣпость, русскій соорудилъ на всякій случай тайный ходъ между этою крѣпостью и сосѣднею шведскою (по другому преданію, приводимому ниже, ходъ подъ рѣкой былъ устроенъ рыцаремъ Беренгауптомъ); затѣмъ запрудилъ Нарову съ южной стороны вновь возведен-

1) Rüssow, 56—57; приб. сб., т. 2, стр. 293.

2) Приб. сб., т. 3, стр. 362.

3) Истор.-стат. свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи, вып. X, стр. 298 и слѣд.

ной крѣпости и направилъ воды ея по новому руслу, между русскою и шведскою крѣпостями, гдѣ для того было подходящее мѣсто, ибо плита для постройки крѣпости ломалась тутъ-же, и такимъ образомъ упомянутый секретный ходъ, выломанный русскими въ днѣ новаго протока и, конечно, подобающимъ образомъ крытый сверху, остался подъ водою. Въ немъ, говорятъ, позднѣе, именно при взятіи Нарвы Петромъ Великимъ, шведы, узнавшіе какъ-то о существованіи этого прохода, и русскіе встрѣтились и дрались отчаянно за шумѣвшую надъ ихъ головами прекрасную Нарову... Ходъ этотъ недавно еще существовалъ, и проходящимъ тамъ, какъ разсказываютъ, являлись разныя видѣнія... До сегодня крѣпость Ивангородъ называется эстами «Hobuse naha linn», что въ буквальномъ переводѣ значитъ «городъ лошадиной шкуры».

Необходимо замѣтить, что приведенное преданіе сильно грѣшитъ вообще противъ исторической истины. Въ то время, когда строился Ивангородъ, какъ мы видѣли изъ изложенныхъ выше историческихъ указаній, между русскою и ливонскою крѣпостями протекала уже Нарова, такъ что русскимъ не было надобности запруживать ее у южной стороны Ивангорода. Очень можетъ быть, что рѣка Нарова въ былое время, очень отдаленное (только отнюдь не въ концѣ 15 столѣтія, когда построенъ Ивангородъ), имѣла иное теченіе, чѣмъ теперь; въ былыя времена она дѣйствительно протекала по ложбинѣ, находящейся за Ивангородомъ, но при построеніи сего послѣдняго Нарова, несомнѣнно, раздѣляла уже двѣ враждебныхъ крѣпости, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный баронъ Герберштейнъ, и какъ мы видѣли изъ вышеприведенныхъ лѣтописныхъ указаній. Изложенное преданіе сложилось, вѣроятно, уже въ XVII столѣтіи, когда въ Эстляндіи утвердились шведы, и когда изъ памяти народной успѣло изгладиться воспоминаніе о бывшихъ сосѣдяхъ ливонцахъ. Поэтому то, касаясь событій временъ ливонскаго ордена, преданіе смѣшиваетъ рыцарей со шведами: шведъ въ то время былъ врагомъ, и всѣ бывшіе враги въ глазахъ простого народа отождествлялись съ нимъ...

Существуетъ еще преданіе, связанное съ построеніемъ Ивангорода, излагаемое г. де ла Мотрэ въ описаніи путешествія его по Пруссіи, Россіи и Польшѣ (1732 г.). Преданіе

это заключается въ томъ, что, по приказанію Ивана III, польскій архитекторъ, по рисунку котораго выстроена эта крѣпость, былъ ослѣпленъ, чтобы онъ не могъ построить такой же крѣпости непріятелямъ [1]), или, вѣрнѣе, чтобы не повѣдалъ имъ ея плана.

Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ построенія, Ивангородъ вмѣстѣ съ другими городами и поселеніями былъ внесенъ въ переписную оброчную книгу шелонской пятины за 1498 годъ. Изъ этой книги мы почерпаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о только что возникшей русской крѣпости. «Иваньгородъ на рѣцѣ на Наровѣ—значится здѣсь—противу Гдова (своеобразная точность: Ивангородъ отстоитъ отъ Гдова почти на 50 верстъ!). Внутри города церковь Никола Святый, да дворъ намѣстничь. Затѣмъ слѣдуетъ перечень жителей, изъ котораго узнаемъ, что священникомъ въ Ивангородѣ въ то время былъ Иванъ Никольскій. Это былъ, надо думать, первый священникъ въ новосозданной крѣпости. Русскіе проживали какъ въ самомъ Ивангородѣ, такъ и «на подолѣ», т. е. въ предмѣстьѣ (по направленію къ нынѣшнему ивангородскому форштадту). Всѣхъ дворовъ въ Ивангородѣ и «за городомъ на посадѣ» было 165, а жителей 198. Ивангородцамъ принадлежала рыбная ловля на Наровѣ на 30 коловъ. У подножія крѣпости, на берегу Наровы, гдѣ теперь лѣсопильный заводъ г. Зиновьева, какъ видно изъ другихъ источниковъ, находилось и первое православное кладбище.

Къ Ивангороду были приписаны деревни: Тявзино и Заханіе, а кромѣ того въ ивангородскомъ уѣздѣ «на усть Наровы и Росоны у моря» числилось «великаго князя село Наровское». Въ немъ было 62 двора и 71 человѣкъ жителей. Впрочемъ великому князю принадлежала въ селѣ треть, съ которой собиралъ доходы ямской намѣстникъ, а «два жеребья» (т. е. остальныя двѣ трети) принадлежали «своеземцамъ», т. е. частнымъ собственникамъ [2]). Упомянутыя географическія названія деревень сохранились и понынѣ.

---

[1]) Voyages d'A. De La Motraye, t. III, 284.

[2]) Новгородскія писцовыя книги, изданныя археографическою коммиссіею, томъ IV. Переписныя оброчныя книги шелонской пятины, стр. 227—231.

Церковь во имя св. Николая Чудотворца, о которой говорится въ означенной оброчной книгѣ, по преданію, построена Иваномъ III въ теченіе сутокъ, отчего она называлась «обыденною». Можно думать, что церковь или часовня существовала на Дѣвичьей горѣ еще до построенія крѣпости, такъ какъ у крестьянъ и теперь водится исконный обычай устраивать гулянья и хороводы именно около приходскихъ церквей съ ихъ погостами. Иванъ III могъ расширить прежнее церковное зданіе, или же вмѣсто прежней деревянной построить каменную церковь.

Церковь во имя св. Николая Чудотворца въ Ивангородѣ.
По современной фотографіи.

Церковь эта въ реставрированномъ видѣ до сихъ поръ еще существуетъ въ ивангородской крѣпости, но въ ней уже давно не происходитъ богослуженій, и она сохраняется лишь какъ памятникъ стародавнихъ временъ.

Путешествія въ Россію барона Герберштейна, о которомъ выше упомянуто, относятся къ началу XVI столѣтія (1517 и 1526 г.), т. е. немного спустя по сооруженіи Ивангорода. Герберштейнъ ѣздилъ, по порученію императоровъ Максиміліана и Карла V, съ дипломатическими цѣлями (для примиренія великаго князя Василія Іоанновича съ Польшею и для

устройства брака между польскимъ королемъ Сигизмундомъ и родственницей императорскаго дома принцессой Боной). Собственно дипломатическая миссія Герберштейна для насъ не интересна. Къ тому же она сопровождалась неудачей. Все, чего достигъ Герберштейнъ, это было заключеніе перемирія на 6 лѣтъ между Россіею и Польшей. Для насъ эти путешествія Герберштейна важны по тѣмъ запискамъ, которыя онъ составилъ о Россіи, о ея городахъ, внѣшнемъ благоустройствѣ и внутреннемъ бытѣ русскихъ того времени. Между прочимъ онъ описалъ и Ивангородъ съ окрестностями. Описаніе это любопытно, какъ свидѣтельство очевидца, и мы, пользуясь краткостью, приведемъ его цѣликомъ.

«Крѣпость Иваньгородъ — повѣствуетъ Герберштейнъ— выстроена изъ камня у берега рѣки Наровы Іоанномъ Васильевичемъ, отъ котораго она и получила свое имя. Тамъ же на противоположномъ берегу стоитъ ливонская крѣпость, получившая названіе отъ рѣки Наровы. Между этими двумя крѣпостями протекаетъ рѣка Нарова и новгородскія владѣнія отдѣляетъ отъ ливонскихъ. Судоходная рѣка Нарова вытекаетъ изъ того озера, которое русскіе называютъ Чудскимъ или Чудинымъ, латины же—Бицисъ или Пеласъ, а германцы—Пейфюсъ. Оно принимаетъ въ себя двѣ рѣки: Плесковію и Велікую, которая идетъ съ юга и протекаетъ черезъ городъ Опочку, оставивъ Псковъ вправѣ. Плаваніе между Псковомъ и Балтійскимъ моремъ было бы легко, если бы не были тому препятствіемъ пороги недалеко отъ Иваньгорода и Нарвы» [1]).

1) Записки о Московіи барона Герберштейна. Перев. Анонимова СПб. 1866, стр. I—V, 115—116. Подлинный текстъ въ Базельскомъ изданіи 1571 года слѣдующій: «Ivuanovugorod castrum Ioannes Basilij, a quo etiam nomen accepit ad ripam Nervuae fluvij, lapide exaedificavit. Est ibi quoque ex adverso in altera ripa Livoniensium castrum, quod ab eodem fluvio Nervua appellatur.

Haec duo castra Narvua fluvius interlabitur dominiumque Novogardensium ab Livuoniensi dividit. Porro Narvua fluvius navigabilis ex eo lacu, quem Rutheni Czutzko seu Czudin, Latini Bicis, seu Pelas, Germani vero Peijfues appellant, emergit, duobusque in se receptis fluvijs Plescovuja et Vuelikareca, qui venit ex Meridie, Opotzka oppidum, Plescovuja a dexteris relicta, praeterfluit. Facilior autem ex Plescovuja in mare Baltheum esset navigatio, nisi scopuli quidam, non longe ab Ivuanovugorod et Narva impedimento essent». Rer. Moscov. commentarii Sig. Lib. Baronis in Herberstain, 75—76.

Вновь построенная крѣпость, очевидно, не могла правиться ливонцамъ; она была для нихъ бѣльмомъ на глазу. Они назвали ее «eine Trutz Narwa». Вслѣдствіе построенія русской крѣпости въ Нарвѣ было стѣснено рыболовство, и упала торговля. Изъ декретовъ орденскаго гермейстера Вальтера фонъ Плеттенберга, изданныхъ въ разное время узнаемъ, что нарвцы принуждены были ловить рыбу въ открытомъ морѣ, или-же въ устьѣ Наровы, и что окрестные крестьяне стали возить свои продукты не въ Нарву, а въ Ивангородъ. Швеціи, издавна притязавшей на Эстляндію, Ивангородъ также не пришелся по вкусу. Плеттенбергъ, знаменитѣйшій полководецъ того времени, заключилъ союзъ съ администраторомъ Швеціи Стенъ Стуре, какъ бы въ противовѣсъ союзу между великимъ княземъ московскимъ Иваномъ III и Іоанномъ датскимъ, заключенному въ 1493 г. въ Нарвѣ [1]).

Въ 1496 году двухтысячное шведское войско, приплывшее по Балтійскому морю и Наровѣ изъ Стокгольма, подъ предводительствомъ Стенъ-Стура, обложило Ивангородъ. Семьдесятъ шведскихъ кораблей, нагруженныхъ огнестрѣльными снарядами, расположились по Паровѣ и открыли канонаду. Князь Юрій Бабичъ, комендантъ Ивангорода, испугавшись усовершенствованныхъ шведскихъ пушекъ, отъ дѣйствія которыхъ начали горѣть дома, бросилъ крѣпость на произволъ судьбы, а находившіеся недалеко отъ Ивангорода воеводы Иванъ Брюхо и Гундоровъ не оказали осажденному городу никакой помощи. Не мудрено послѣ этого, что побѣда далась шведамъ почти безъ всякихъ потерь съ ихъ стороны: они взяли приступомъ Ивангородъ, оставленный его защитниками. Въ это время, однако, въ Швеціи происходили внутреннія смуты. Поэтому шведскій полководецъ отзывался на родину и, не надѣясь, по отдаленности, удержать за собою завоеванную русскую крѣпость, онъ предлагалъ ее за деньги ливонскому ордену, но орденъ весьма безразсудно отказался отъ сдѣлки, и шведы, разоривъ Ивангородъ, отплыли на родину, увозя съ собою

[1]) Форстенъ. Балтійскій вопросъ, т. I, стр. 63. Также — собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. V, стр. 129—131. («Дружественный и союзный договоръ между датскимъ королемъ Іоанномъ и россійскимъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, заключенной 1493 года ноября 8 дня»).

300 плѣнныхъ. Русскіе же снова заняли пострадавшую отъ шведовъ крѣпость и принялись за ея исправленіе и укрѣпленіе [1]).

Затѣмъ опять начинается цѣлый рядъ сраженій русскихъ съ ливонцами, и не одну сотню труповъ унесла Нарова въ море. Ивангородъ стоялъ лицомъ къ лицу съ Нарвою. Завоевать ее и оттѣснить нѣмцевъ за море сдѣлалось завѣтною мечтою русскихъ. На Ивангородѣ лежала миссія выполнить эту задачу, и онъ самоотверженно дѣлалъ попытки къ ея осуществленію. Дѣло затормозилось, однако, благодаря тому, что во главѣ ордена стоялъ мужественный и талантливый гермейстеръ Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ. Онъ отражалъ всѣ нападенія русскихъ и самъ одерживалъ надъ ними побѣды.

Въ 1501 году русскіе одержали большую побѣду надъ войсками ордена, близъ Гельмета (лифл. губ.), такъ что у враговъ не осталось даже «вѣстоноши», который бы повѣдалъ своимъ о пораженіи. «Не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ—говоритъ наша лѣтопись—но биша ихъ московичи и татарове, аки свиней, шестероперы и идоша мимо Юрьевъ и Ругодивъ къ Ивангороду» [2]). О кровавыхъ столкновеніяхъ подъ Нарвой,

---

[1]) Карамзинъ, VI, 167; Соловьевъ, т. V, 1489; Козакевичъ, 7; Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси, т. I, стр. 268.

Наши лѣтописи о взятіи Ивангорода шведами въ 1496 г. повѣствуютъ слѣдующимъ образомъ: «Того-же лѣта (7004=1496) нѣмцы взяша Ивангородъ супротивъ Ругодива, и пришедъ нѣмцы свѣйцы людей мужей, и женъ, и дѣтей мечю предаша, а во градѣ хоромы и животы огневи предаша, августа въ 26 день». П. с. р. л., т. IV, стр. 270. И еще: «Пріидоша нѣмцы изъ заморія изъ Стеколна (Стокгольма) свѣйскаго государства князь Стефанъ Стура, вскорѣ разбоемъ, семьдесятъ бусъ (кораблей) въ Нарову рѣку, подъ Ивангородъ; и начаша къ граду вборзѣ приступати съ пушками и пещальми, и дворы въ градѣ зажгоша, огнемъ стрѣляя, понеже бо не бысть имъ супротивника. Воевода и намѣстникъ ивангородцкій, именемъ князь Юрій Бабичь, наполнився духа ратна и храбра, нимало супротивися супостатомъ, ни гражданъ укрѣпивъ, но вскорѣ устрашився и побѣже изъ града; въ градѣ же не бысть воеводы и людей бѣ мало, и запасу ратнаго не бысть въ градѣ. А князь Иванъ Брюхо и князь Иванъ Гундоръ стояху съ людьми близь града и видяще градъ плѣнуемъ отъ нѣмецъ, и ко граду въ помощь не поидоша. Нѣмцы же градъ плѣниша и не обрѣтоша въ немъ противящагося имъ, вскорѣ немилостиво пограбиша животы и товаръ безчисленно, а людей сѣкоша, а иныхъ съ собою въ плѣнъ ведоша, и тако вскорѣ возвратившася и побѣгоша въ море».

[2]) Карамзинъ. Исторія, VI, стр. 191, примѣчанія 518, 519.

повлекшихъ дальнѣйшую борьбу съ Плеттенбергомъ, свидѣтельствуетъ и ливонская хроника Рюссова: «Когда русскій совершенно былъ склоненъ къ войнѣ,—говорится здѣсь—онъ показалъ свою враждебность пожарами, грабежами и убійствами не только вокругъ Нарвы, но и въ епископствѣ рижскомъ, Дерптѣ и др. мѣстахъ на 70 миль въ окружности»... Въ 1502 году счастье перешло на сторону Ливоніи: Плеттенбергъ одержалъ побѣду надъ русскими при Псковѣ, хотя и самъ понесъ значительныя потери. Въ томъ же году ливонцы разорили ивангородское предмѣстье, причемъ погибъ и воевода ивангородскій Лобанъ Колычевъ, а съ нимъ 200 латниковъ (изъ всего числа 1600). Нѣмцы гнались за бѣгущими до города Ямы, но затѣмъ вернулись «отъ усталости».

Перемиріе, заключенное въ 1503 году на 6 лѣтъ, пріостановило военныя дѣйствія между орденомъ и Москвою, и война уже не возобновлялась болѣе 50 лѣтъ, такъ какъ, по окончаніи срока, въ 1509 году миръ былъ продолженъ еще на 14 лѣтъ, затѣмъ въ 1521 году — на 10 лѣтъ, наконецъ, въ 1535 году—еще на 17 лѣтъ. Условія мира заключались въ томъ, что рѣка Нарова, какъ и прежде, признавалась границею между русскими и ливонскими владѣніями; договаривающіяся стороны обязывались покровительствовать торговлѣ иноземцевъ даже во время войны [1]), не казнить русскихъ въ Ливоніи и ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ правительствъ, нѣмцы обѣщали беречь церкви и жилища русскія въ своихъ городахъ; кромѣ того еще на основаніи трактата 1503 года епископъ дерптскій отъ имени магистра обязался платить Москвѣ старинную дань, такъ какъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ, считался древнею русскою вотчиною. Какъ увидимъ ниже, неплатежъ ливонцами этой дани послужилъ поводомъ къ новой войнѣ, повлекшей паденіе ордена, надъ которымъ сбылись заключительныя слова дого-

[1]) Ганзейскіе города, въ свою очередь, хлопотали объ упроченіи торговли въ Россіи. Они нашли поддержку въ императорѣ Максиміліанѣ, который и обратился по этому поводу съ дружественнымъ письмомъ къ великому князю Василію Іоанновичу. Письмо это (отъ 17 Іюня 1509 года) привезли изъ Нарвы къ ивангородскому намѣстнику, князю Ивану Темкѣ «нѣмцы Гридя и Ерсмейке заморяне». (Оно писано изъ Брюсселя).

Ливонскій замокъ, мостъ черезъ Нарову и часть Ивангорода.
По современной фотографіи.

вора 1535 года: «а кто преступитъ клятву, на того Богъ и клятва, моръ, гладъ, огнь и мечъ» [1]).

Итакъ съ 1503 года Нарва въ числѣ другихъ земель и городовъ, залитыхъ кровью и засыпанныхъ пожарнымъ пепломъ, снова вступила въ періодъ мирнаго существованія. Но приготовленія къ войнѣ какъ съ той, такъ и съ другой стороны не прекращались. Приготовленія эти собственно въ Нарвѣ выразились построеніемъ преемникомъ Плеттенберга, Германомъ фонъ Брюггеней, высокой четырехугольной башни, существующей и доселѣ подъ названіемъ «Langer Hermann». Изъ этой башни была видна, какъ на ладони, внутренность крѣпости Ивангорода. Брюггеней, очевидно, къ тому и стремился, что бы постоянно видѣть, что дѣлаютъ русскіе [2]). Однако, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, этотъ каменный гигантъ, Langer Hermann, надѣленный тысячью глазъ и одѣтый въ непроницаемые доспѣхи, не устоялъ противъ плохо вооруженнаго, но великаго духомъ русскаго витязя.

Мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь преданіе, связанное съ этой башней и ея замкомъ, тѣмъ болѣе, что оно отлично рисуетъ характеръ воинственной эпохи, къ которой относится. По преданію, въ замкѣ жилъ въ ливонскія времена рыцарь Индрикъ фонъ Беренгауптъ вмѣстѣ съ красавицей женой и малолѣтнимъ сыномъ. Во время одного изъ нападеній русскіе проникли въ самый замокъ рыцаря. Бурною волной, съ жаждою крови и добычи разсыпались они по покоямъ замка и достигли, наконецъ, комнаты, гдѣ скрывалась жена рыцаря съ сыномъ. Предводитель русскихъ, ослѣпленный красотою представшей его глазамъ женщины, приказалъ своимъ воинамъ взять ее живою и увести въ русскій лагерь. Но рыцарь Беренгауптъ заслонилъ собою свою супругу и отчаянно защищалъ ее. Наконецъ, видя, что силы его истощаются, а русскіе могутъ ежеминутно вырвать у него то, что было для него дороже

---

[1]) Карамзинъ. Исторія, т. VI, 198—200; т. VII, 19, 20, 72, примѣч. 49; т. VIII, 13.

[2]) Надо замѣтить, что впослѣдствіи Ивангородъ былъ перегороженъ поперечною высокою стѣною (существующею въ реставрированномъ видѣ и понынѣ), которая заслонила отъ наблюдателя изъ ливонскаго замка внутренность крѣпости.

всего на свѣтѣ, онъ въ отчаяніи прибѣгъ къ послѣднему кровавому средству: онъ собственнымъ мечемъ зарубилъ свою жену. Въ это время подожженный замокъ началъ наполняться чадомъ, и русскіе бросились къ выходу, увлекая за собою сына Беренгаупта, его единственное утѣшеніе. Несчастный владѣлецъ замка также вышелъ изъ горѣвшаго зданія.

Оставшись одинокимъ на свѣтѣ, Беренгауптъ поклялся жестоко отомстить врагамъ, разбившимъ его жизнь. Онъ задался колоссальною мыслью вырыть подземный ходъ подъ Наровою, изъ Нарвы въ Ивангородъ, чтобы такимъ путемъ врасплохъ напасть на враговъ и перебить ихъ всѣхъ до послѣдняго.

Послѣ процедуры средневѣковыхъ обрядовъ, съ благословенія духовенства, Беренгауптъ, въ траурномъ одѣяніи, при пѣніи реквіема, спустился въ сопровожденіи двухъ вѣрныхъ слугъ въ подземелье. Надъ ямой былъ повѣшенъ колоколъ, и стражѣ было приказано при первомъ его звукѣ тащить веревку съ доскою, на которой былъ опущенъ Беренгауптъ со своими спутниками. Каждый день аккуратно въ подземелье опускались пища и питье для поддержанія жизни добровольныхъ узниковъ.

По прошествіи 30 лѣтъ Беренгауптъ, лишившійся уже обоихъ своихъ вѣрныхъ слугъ, умершихъ въ подземельѣ, по звуку колокола, поднятъ былъ наконецъ на свѣтъ Божій. Изъ нѣкогда цвѣтущаго рыцаря онъ превратился въ сгорбленнаго, сѣдого и полуслѣпого старика, но онъ былъ радостенъ, такъ какъ достигалъ своей цѣли. Наканунѣ рѣшительнаго нападенія на русскихъ онъ отважился одинъ проникнуть въ Ивангородъ, чтобы разузнать, куда вѣрнѣе сдѣлать натискъ, главное же, чтобы увести своего сына, ради котораго онъ подвергся столькимъ лишеніямъ. Поздно ночью проникъ Беренгауптъ въ русскій городъ и послѣ многихъ усилій ему удалось разыскать сына, превратившагося уже въ стройнаго, красиваго мужчину.

Свиданіе съ сыномъ было, однако, послѣднимъ тягостнымъ ударомъ судьбы для рыцаря: сынъ отказался слѣдовать за отцомъ и сообщилъ ему, что онъ воспитанъ въ русской вѣрѣ и пылаетъ любовью къ русской боярышнѣ, съ которой желаетъ

соединиться бракомъ. Никакія увѣщанія отца не могли сломить упорство сына: любовь побѣдила жалость къ старику, пожертвовавшему собою для спасенія изъ плѣна своего любимаго дѣтища, любовь-же стерла въ плѣнникѣ всякое воспоминаніе о родной Ливоніи. Заклеймивъ отступника пощечиной, Беренгауптъ удалился, еще болѣе готовый къ безпощадному мщенію. Толпа ливонцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, предводимая Беренгауптомъ, при тускломъ мерцаніи факеловъ вступила въ подземелье. Не доходя, однако, до середины подземнаго хода, путники услышали шумъ приближающихся съ противоположной стороны шаговъ, бряцанье оружія и говоръ множества людей. Это шли русскіе, отыскавшіе на своей сторонѣ входъ въ туннель. Впереди русскихъ шелъ сынъ Беренгаупта. Когда отряды сошлись, отецъ яростно замахнулся на измѣнника, но самъ палъ подъ ударомъ сыновняго меча. Въ это время напоромъ воды прорвало слой земли, отдѣлявшій подземный ходъ отъ рѣки, и волны залили все подземелье, заживо похоронивъ въ немъ сражавшихся. По преданію, у входа въ подземелье въ бурныя ночи стража, караулившая замокъ, часто слышала протяжные стоны: то стонала душа отцеубійцы, не находившая себѣ покоя [1]).

Башня Ивангорода и въ перспективѣ ливонскій замокъ.

[1]) См. Фурманъ. Нарвская легенда.

Замокъ Langer Hermann существуетъ со своею башнею по настоящее время. Впрочемъ башня эта прежде была нѣсколько ниже, чѣмъ теперь, такъ какъ на ней до 1786 года не было нынѣшней четырехъ-угольной деревянной вышки. Башня замка возвышается надъ уровнемъ воды на 34, а надъ поверхностью холма, на которомъ она расположена, на 24 сажени. Она построена въ 6 ярусовъ настолько прочно, что желѣзо не откалываетъ скрѣпляющаго плиту цемента. 60 каменныхъ и 183 деревянныхъ ступени ведутъ на ея вершину. Въ замкѣ сохранилась глубокая, до уровня Наровы, цистерна. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ уцѣлѣло много старыхъ погребовъ. Въ одномъ изъ такихъ погребовъ въ 1835 году нашли до 2 тысячъ латъ и шлемовъ [1]). Въ замкѣ жили сначала рыцари, потомъ шведскіе губернаторы, затѣмъ нѣкоторое время русскіе коменданты; теперь же здѣсь расположены казармы квартирующаго въ Нарвѣ печорскаго полка.

Въ 1553-мъ году истекъ срокъ перемирія, заключеннаго между Плеттенбергомъ и Иваномъ III-мъ. Ливонскій орденъ за 50 лѣтъ мира успѣлъ позабыть о своихъ былыхъ доблестяхъ. Вмѣстѣ съ упадкомъ нравственности у рыцарей, предававшихся лишь пирамъ и всевозможнымъ удовольствіямъ, между самыми представителями власти ордена начались междоусобія. Магистръ Фюрстенбергъ захватилъ архіепископа рижскаго, маркграфа Вильгельма и освободилъ его лишь по требованію короля Августа [2]).

Вообще, уже начиная съ XIII столѣтія, въ Ливоніи не прекращалась внутренняя борьба двухъ элементовъ: епископа и ордена. Орденъ желалъ сбросить съ себя всякую зависимость отъ епископа рижскаго. Съ теченіемъ времени къ двумъ враждующимъ партіямъ присоединились еще двѣ: города (особенно Рига) и дворянство, искавшіе самостоятельности. Такимъ образомъ уже въ самомъ организмѣ Ливоніи, въ борьбѣ составныхъ ея элементовъ, заключался источникъ ея разложенія. «Пока двѣ собаки (рижскій епископъ и магистръ) грызлись изъ за кости,—какъ выражается одинъ любекскій современный пи-

---

[1]) Козакевичъ. Городъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкою Наровою, стр. 75—76.

[2]) Карамзинъ, Исторія, т. VIII, стр. 159 и 160.

сатель, — пришла третья и завладѣла ею» [1]). Упадокъ нравовъ и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства только ускорили гибель ордена.

Объ упадкѣ нравственности въ ливонскихъ владѣніяхъ князь Курбскій повѣтствуетъ слѣдующимъ образомъ: «Тамъ земля зѣло была богатая, и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ (намекъ на распространеніе лютеранства въ Ливоніи), но удалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому и невоздержанію и ко долгому спанію и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопроліванію междоусобному, яко есть обычай, презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣламъ послѣдовати. И сихъ ради, мню,—прибавляетъ Курбскій—и не допустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчинами своими» [2]).

Россія между тѣмъ, начиная съ Іоанна III, постепенно усиливала свое могущество. Пріобрѣтая новыхъ союзниковъ и примиряясь со старинными врагами, она грозно напирала на рубежъ ливонскихъ владѣній. Въ 1517 году великій князь Василій Іоанновичъ возобновилъ договоръ съ датскимъ королемъ Христіаномъ II-мъ воевать общими силами противъ внѣшнихъ враговъ, преимущественно Швеціи и Польши. Тѣмъ-же самымъ договоромъ была урегулирована торговля между Даніей и Россіей, и датчанамъ было разрѣшено построить дворъ и кирку въ Ивангородѣ; кромѣ того датчанамъ отводились избы въ деревнѣ Увагѣ, около Ивангорода, и въ Новгородѣ [3]).

Заручаясь на случай войны союзниками, великіе князья не забывали развивать и свои собственныя военныя силы. Москва,

---

[1]) Форстенъ. Балт. вопр. въ XVI и XVII ст., стр. 80.

[2]) Сказанія князя Курбскаго. Исторія князя великаго московскаго (т. I, 1833 г.), стр. 69.

[3]) Карамзинъ, исторія, т. VII, стр. 50 и прим. 153. «А въ Иванѣгородѣ такожъ указалъ имъ мѣсто дать въ деревнѣ Увагѣ избу подъ горою противъ Стрильской улицы къ воротамъ противъ города, длинникy 30 сажень, поперешнику 20 сажень, а кирку на томъ дворѣ пожаловали строить велѣли и держать имъ попа или старца въ той киркѣ, а въ Иванѣгородѣ строить имъ дворъ и кирку, такожъ заборъ около деревянный»... (Выписка изъ договора 1517 года). См. также рус. акты копенгагенскаго архива, 22—23.

централизуя въ своихъ рукахъ верховную власть, сознавала, что лучшимъ средствомъ къ поддержанію этой власти какъ въ отношеніи внутреннихъ соперниковъ, не мирившихся съ духомъ единовластія,—Новгорода и Пскова, такъ и въ отношеніи внѣшнихъ враговъ, было учрежденіе надежнаго войска.

Съ усиленіемъ московскихъ князей народъ въ полномъ своемъ составѣ перестаетъ быть войскомъ. Взамѣнъ того воинская повинность дѣлается спеціальнымъ дѣломъ нѣкоторыхъ разрядовъ лицъ, обязанныхъ служить съ помѣстій и пашенъ. Войска получаютъ нѣкоторую организацію и вмѣсто прежней системы содержанія ихъ грабежемъ непріятельскихъ странъ или средствами мирныхъ гражданъ, обязанныхъ отводить постой и давать кормъ солдатамъ, вводится система вооруженія и содержанія полковъ на счетъ казны. Ко времени Ивана Васильевича Грознаго относится образованіе въ московскомъ государствѣ постоянныхъ стрѣлецкихъ полковъ, прототипомъ которыхъ были прежніе «пищальники». По границамъ своего государства, особенно на сѣверѣ и югѣ, московскіе князья разставляли дозорныхъ людей, надѣленныхъ землею, которые при первомъ-же приближеніи непріятеля къ границамъ должны были немедленно сообщать объ этомъ въ Москву [1]).

Предвидя войну съ ливонскимъ орденомъ, исконнымъ соперникомъ Россіи въ обладаніи берегами Балтійскаго моря, Иванъ Грозный готовился къ этой войнѣ. Конечно, прежде всего слѣдовало обратить вниманіе на пограничныя съ Ливоніей крѣпости. Ивангородъ, отдѣленный только теченіемъ рѣки Наровы отъ ливонскаго замка и поставленный лицомъ къ лицу съ сильной Нарвою, былъ предметомъ особой заботливости со стороны московскаго правительства. Единовременно съ починкою и укрѣпленіемъ этого передового пункта русскаго государства, Іоаннъ Васильевичъ принималъ мѣры къ снабженію Ивангорода достаточнымъ количествомъ военныхъ припасовъ, а также объ усиленіи состава находившагося въ немъ гарнизона.

Въ 1555-мъ году, ноября 17-го, въ Ивангородъ былъ посланъ воеводою Михаилъ Годуновъ, которому предписывалось

[1]) Сергѣевичъ. Истор. рус. права, стр. 601—603.

«дѣла нашего беречи»; при этомъ въ царской грамотѣ было оговорено, что до прибытія Годунова къ мѣсту служенія слѣдовало назначить временно воеводою какое-либо другое лицо, такъ какъ обстоятельства требовали особой бдительности со стороны начальства и защитниковъ крѣпости [1]). Затѣмъ забота царя объ усиленіи Ивангорода выразилась грамотою отъ 18 января 1556 года новгородскимъ дьякамъ Ѳедору Еремѣеву и Казарину Дубровскому о выборѣ пушкарей и пищальниковъ на службу въ эту порубежную крѣпость.

Грамота была слѣдующаго содержанія: «Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи въ нашу отчину въ Великій Новгородъ... Писали есмя прежъ сего на Ивангородъ къ Микитѣ Шереметеву и велѣли ему на Иванѣгородѣ прибрати изъ старыхъ изъ отставныхъ пушкарей и пищальниковъ гораздыхъ стрѣльцовъ по большому наряду восемьдесятъ два человѣка, а не будетъ столько въ Ивангородѣ пушкарей... (то дополнить изъ Новгорода).... И нынѣ писалъ къ намъ съ Иванягорода воевода нашъ Михайло Васильевичь Годуновъ, что на Иванѣгородѣ пушкарей и пищальниковъ сорокъ шесть человѣкъ, а наряду городоваго много... И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и вы бъ часа того по первой нашей грамотѣ прибрали въ Великомъ Новѣгородѣ и на Иванѣгородѣ пушкарей пищальниковъ по большому наряду восемьдесятъ два человѣка, да и къ цѣлованью бъ есте ихъ привели и поруки по нихъ съ записми въ нашей службѣ поимали, что имъ съ Иванягорода не отъѣзжать никуды, да и жалованье бы есте имъ наше дали по нашему нынѣшнему уложенію и по прежней нашей грамотѣ» [2]).

Наконецъ, въ 1557 году Іоаннъ Васильевичъ, съ цѣлью закрыть наровское устье для вражескихъ кораблей, приказалъ князю Шестунову построить крѣпость съ пристанью у самаго впаденія рѣки Наровы въ Финскій заливъ. Къ іюлю мѣсяцу новое укрѣпленіе, благодаря энергіи князя Шестунова и его помощниковъ Петра Петрова и Ивана Выродкова, было закончено и снабжено необходимымъ количествомъ военныхъ припасовъ [3]).

Ливонскій орденъ, не желая войны, уже въ 1553 году отправилъ въ Москву посольство, имѣвшее цѣлью договориться о продолженіи перемирія. Въ посольствѣ были Бокгорстъ, Гротгузенъ, Врангель и др. Окольничій Алексѣй Адашевъ, уполно-

---

[1]) Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I, стр. 127, 143 и сл.

[2]) Тамъ-же, стр. 431.

[3]) Карамзинъ, исторія, т. VIII, стр. 159 и примѣч. 487.

моченный для переговоровъ съ послами, заявилъ, что русскіе не могутъ согласиться на миръ до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ выплачена подать, наложенная на орденъ при Плеттенбергѣ. Послы отвѣчали, что они не знаютъ, о какой подати имъ говорятъ, такъ какъ въ грамотахъ своихъ и государственныхъ актахъ не нашли указаній на то, чтобы орденъ обязался выплачивать Россіи какую бы то ни было дань. Въ виду того, однако, что Іоаннъ угрожалъ немедленною войною, епископъ дерптскій, извѣщенный послами о безуспѣшности переговоровъ, принялъ на себя обязательство платить Россіи ежегодно по маркѣ съ каждаго приписаннаго къ дерптской епископіи и, кромѣ того, въ теченіе трехъ лѣтъ выплатить недоимку, скопившуюся за 50 лѣтъ со времени заключенія русскими договора съ Плеттенбергомъ. Сверхъ того орденъ далъ обѣщаніе не помогать польскому королю и не препятствовать ввозу въ Россію товаровъ, за исключеніемъ панцырей, шлемовъ и вообще боевыхъ принадлежностей.

Представители орденской власти долгое время не хотѣли подписать грамоту дерптскаго епископа и, чтобы выгодать время, просили русскаго полномочнаго посла Терпигорева, отправленнаго за грамотою въ Лифляндію, подождать согласія римскаго папы. Послѣ долгихъ безплодныхъ попытокъ затормозить дѣло, ливонцы, наконецъ, подписали грамоту, и Терпигоревъ, вручая драгоцѣнный актъ слугѣ, сказалъ съ шуткою, осуществившеюся впослѣдствіи на дѣлѣ:

«Смотри, береги мнѣ и откармливай этого теленка, чтобы онъ выросъ и разжирѣлъ! [1])».

Дѣйствительно, какъ читатель увидитъ ниже, права русскихъ въ Ливоніи при Иванѣ Грозномъ, хотя и временно, достигли значительнаго расширенія. Договорный актъ былъ завернутъ въ шелковую ткань и положенъ въ ларецъ, обитый сукномъ.

Изслѣдованіе профессора Форстена по поводу дани, которой требовалъ отъ Ливоніи Іоаннъ Грозный привело къ слѣдующимъ данными. Около Нейгауза, на границѣ съ Россіей, ливонцы имѣли нѣсколько сотъ пчельниковъ, изъ-за которыхъ неоднократно происходили столкновенія съ псковичами. Чтобы положить конецъ спорамъ, ливонцы вошли въ

[1]) Лѣтопись Ніснштедта. Прибл. сб. т. IV, стр. 12.

Ливонскій замокъ. По современной фотографіи.

соглашеніе съ русскими: послѣдніе обѣщали ихъ не безпокоить, взамѣнъ чего получали ежегодную дань въ 5 пудовъ меду. Столкновенія, однако, продолжались. Ливонцы неаккуратно выплачивали дань, а русскіе понемногу оттягивали къ себѣ спорную полосу земли (въ 6 миль). Іоаннъ имѣлъ въ виду именно этотъ медовый сборъ, но онъ расширилъ свои требованія, домогаясь «десятины истинной вѣры», и притомъ не отъ одной дерптской области (которая платила медовой сборъ), но отъ всей Ливоніи. Къ сожалѣнію, авторъ основывается лишь на иноземныхъ источникахъ; русскіе-же источники утверждаютъ, что дань на земли, перешедшія къ Ливоніи, была наложена, какъ на издревле русскую вотчину, еще при Ярославѣ Мудромъ. На это указывалъ въ своихъ грамотахъ царь Іоаннъ Грозный; ее-же выразилъ во время переговоровъ 1554 года русскій представитель Адашевъ:

Удивительно, какъ это вы не хотите знать, что ваши предки пришли въ Ливонію изъ-за моря, вторгнулись въ вотчину великихъ князей русскихъ, за что много крови проливалось; не желая видѣть пролитія крови христіанской, предки государевы позволили нѣмцамъ жить въ занятой ими странѣ съ условіемъ, чтобы они платили дань великимъ князьямъ; но они обѣщаніе свое нарушили, дани не платили, такъ теперь должны заплатить всѣ недоимки.

Шведскіе и датскіе дипломатическіе агенты, однако, видѣли въ требованіи дани Іоанномъ лишь предлогъ къ объявленію войны Ливоніи. «Царю не эта дань дорога—доносили они,—онъ выставляетъ ее только для вида; на самомъ же дѣлѣ онъ добивается стать твердою ногою на берегу моря: Нарва и Дерптъ—его конечная цѣль» [1]).

Когда, по прошествіи трехъ лѣтъ со дня подписанія грамоты, орденъ не исполнилъ принятыхъ на себя обязательствъ Іоаннъ Грозный, именовавшій уже себя государемъ ливонскимъ, рѣшилъ взяться за оружіе. Ливонія очутилась въ стѣсненномъ положеніи тѣмъ болѣе, что у нея возникли еще несогласія съ Польшей.

Новое посольство нѣмцевъ на пути въ Москву всюду видѣло дѣятельныя приготовленія со стороны русскихъ къ войнѣ: фуры, нагруженныя военными припасами, обозы съ провіантомъ, вооруженные отряды, совершенно готовые къ бою, попадались на каждомъ шагу. Царь Иванъ Васильевичъ встрѣтилъ ливонскихъ пословъ сухо и назвалъ нѣмцевъ клятвопреступниками, не заслуживающими никакого довѣрія. Вообще царь и теперь, и прежде не скрывалъ отъ Ливоніи своихъ воинственныхъ намѣреній. «Необузданные ливонцы, противящіеся

[1]) Форстенъ. Балт. вопр., т. I, стр. 86; Соловьевъ. Исторія, т. VI, стр. 100—12; лѣтопись Ніенштедта, приб. сб., т. IV, стр. 9—11.

Богу и законному правительству,—писалъ онъ ордену по случаю разграбленія русскихъ церквей въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ,—вы перемѣнили вѣру, свергнули иго императора и папы римскаго. Если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ мстителя, долженствующаго привести васъ въ послушаніе». Нѣмецкія хроники передаютъ, что вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Іоаннъ отправилъ въ Ливонію кнутъ, какъ бы призывая такимъ образомъ ливонцевъ къ покорности.

Переговоры съ ливонскими послами не привели къ мирному соглашенію, такъ такъ и на этотъ разъ они не привезли требуемой дани. Іоаннъ Грозный, желая подѣйствовать угрозой, приказалъ стрѣльцамъ выѣхать въ поле и цѣлый день стрѣлять изъ пушекъ. Наконецъ, осенью 1557 года русское войско, въ количествѣ 40 тысячъ человѣкъ, выступило къ границѣ ливонскихъ владѣній. Съ русскими было много черкасъ, татаръ, черемисовъ и другихъ инородцевъ. Можетъ быть, этимъ объясняется тотъ фактъ, что войска, состоявшія изъ некультурныхъ и даже прямо дикихъ элементовъ, позволяли себѣ грабить своихъ же мирныхъ гражданъ. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что надъ воеводою Михайломъ Васильевичемъ Глинскимъ, по приказанію самого царя, было наряжено строжайшее слѣдствіе, которое окончилось постановленіемъ—удовлетворить изъ имѣнія Глинскаго всѣхъ, кого ограбилъ онъ и его солдаты [1]).

Шигъ-Алей, одержавъ рядъ мелкихъ побѣдъ надъ ливонскими войсками, вскорѣ возвратился въ Псковъ и отсюда убѣждалъ противниковъ внести добровольно контрибуцію [2]).

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 309.

[2]) Объ опустошеніи ливонскихъ земель въ январѣ 1558 года князь Курбскій, бывшій въ сторожевомъ полку, повѣствуетъ слѣдующее: «И послалъ тогда (царь) насъ трехъ великихъ воеводъ и съ нами другихъ стратилатовъ и войска аки четыредесять тысящей и вяще, не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати. И воевахомъ се мѣсяцъ цѣлый и нигдѣ-же опрошася намъ битвою; точію со единаго града изошли сопротивъ посылокъ нашихъ и тамо поражено ихъ. И шли есмя ихъ землею, воююще вдоль вяще четыредесять миль и изыдохомъ въ землю лифляндскую съ великаго мѣста Пскова и вышли есмы совсѣмъ здраво съ ихъ земли, ажъ на Иваньградъ, вколо ихъ землею ходяще и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей». (Сказанія, I, 68—69).

Ливонскій орденъ снова отправилъ посольство къ царю. Иванъ Васильевичъ потребовалъ немедленнаго взноса 60000 талеровъ. У посланцевъ такой суммы съ собою не было, и они послали за нею въ Лифляндію, такъ какъ московскимъ купцамъ строго запрещено было давать посламъ въ долгъ. Разсказываютъ, что Іоаннъ, не получая отъ пословъ требуемой суммы, пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и въ насмѣшку надъ ними велѣлъ подать имъ только пустыя блюда.

Пока отряженныя ливонскими послами лица ѣздили въ Ливонію за контрибуціею, нѣмцы въ началѣ апрѣля 1558 года внезапно открыли огонь изъ Нарвы по Ивангороду. Защитники Ивангорода оказались въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ имъ было предписано не начинать военныхъ дѣйствій безъ полученія на то приказанія отъ царя. Князь Куракинъ и Бутурлинъ отправили гонца въ Москву съ запросомъ, что имъ дѣлать. Имъ предписано было обороняться, и на помощь къ нимъ былъ высланъ князь Темкинъ, который и разбилъ ливонцевъ у Валка. Ивангородцы открыли жестокую канонаду по нарвскимъ укрѣпленіямъ «изъ всего наряду», какъ приказывалъ имъ царь черезъ дьяка Шестака Воронина, нарочно посланнаго въ Ивангородъ. Ежедневно въ Нарву летѣло до 300 мѣдныхъ и каменныхъ ядеръ, причемъ нѣкоторыя ядра вѣсили по 13 лисфунтовъ (т. е. 20 ф. $\times$ 13$=$6½ пуд.) [1]). Осажденные терпѣли большую нужду вслѣдствіе недостатка жизненныхъ припасовъ. Наемные кнехты требовали жалованья, угрожая, что покинутъ городъ на произволъ судьбы. Бургомистръ Крумгаузенъ принужденъ былъ для удовлетворенія наемниковъ конфисковать купеческіе товары на сумму въ 8000 марокъ. Жители Нарвы обращались къ займамъ и взывали о помощи къ магистру, Ревелю и Ригѣ, но никто, по словамъ Крумгаузена, даже яйца не прислалъ голодавшимъ защитникамъ Нарвы.

27 апрѣля гарнизонъ Нарвы, состоявшій всего изъ 300 наемныхъ кнехтовъ и 150 воиновъ, шлетъ въ Ревель отчаян-

1) Нѣсколько каменныхъ ядеръ, которыми русскіе бомбардировали въ 1558 году Нарву, хранится во дворцѣ Петра Великаго. Кромѣ того нѣкоторыя изъ этихъ ядеръ вдѣланы въ стѣны нарвскихъ домовъ (какъ украшеніе). Иногда ихъ находятъ также во время земляныхъ работъ.

ное извѣстіе, что городъ запертъ русскими со всѣхъ сторонъ, и что подвозъ съѣстныхъ припасовъ вслѣдствіе этого совершенно прекращенъ. Наконецъ, не видя ни откуда помощи, нарвцы стали просить у русскихъ пощады, слагая всю вину на городского фохта Шнелленберга и говоря, что онъ «воровалъ о своей головѣ». Къ этому они прибавляли, что готовы отложиться отъ магистра и отдаться въ государеву волю. Въ Москву было отряжено новое посольство, во главѣ котораго находились Іоахимъ Крумгаузенъ и Арндъ фонъ Деденъ, а въ Ивангородѣ оставлены заложниками «лучшіе люди палатники» (ратманы?) Иванъ Бѣлый (Іоганъ Берндъ) да Ашпиръ Чермный.

Когда окольничій Адашевъ спросилъ прибывшихъ въ Москву нарвскихъ депутатовъ, чего они хотятъ, то они отвѣчали:

— «Быть, какъ мы были, не перемѣнять нашихъ законовъ, остаться городомъ ливонскимъ, удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ царя милостиваго [1]).

Адашевъ отъ имени государя потребовалъ сдачи Нарвы, обѣщая сохранить ея status quo.

— Вы чрезъ опасную грамоту стрѣляли въ государевъ городъ и по людямъ—говорилъ онъ. Потомъ, видя бѣду, били челомъ, что отъ магистра отстали и хотите быть во всей государевой волѣ; воля государева такова, выдайте князьца, который у васъ начальствуетъ крѣпостью, а крѣпость сдайте нашимъ воеводамъ. Тогда государь васъ пожалуетъ, изъ домовъ не разведетъ, старины вашей и торгу не нарушитъ; а будутъ владѣть и вышгородомъ (т. е. замкомъ) и Нарвою царскіе воеводы, какъ владѣли магистръ и князецъ; иначе тому дѣлу не бывать [2]).

Депутатамъ Нарвы ничего не оставалось болѣе, какъ присягнуть; со слезами на глазахъ цѣловали они крестъ въ подданствѣ царю за себя и за всѣхъ своихъ согражданъ. Затѣмъ они были представлены Іоанну и получили отъ него жалованную грамоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь писалъ ивангородскимъ воеводамъ, чтобы они берегли Нарву, какъ русскій городъ, отъ магистра [3]).

---

[1]) Карамзинъ. Исторія, т. VIII, стр. 165 и слѣд.

[2]) Соловьевъ. Исторія, т. VI, стр. 114.

[3]) Карамзинъ. Исторія, VIII, стр. 166.

Когда до жителей Нарвы дошла вѣсть о томъ, что депутаты подписали капитуляцію, то они, ободренные ожиданіемъ помощи въ 1000 человѣкъ, шедшей изъ Феллина и изъ Ревеля подъ начальствомъ Готгарда Кетлера и Франца фонъ Зегехафена, объявили, что они не уполномочивали своихъ пословъ передать Нарву русскимъ, и потому считаютъ себя свободными отъ всякихъ обязательствъ; стало ясно, что нарвцы посылая въ Москву Крумгаузена и Дедена, имѣли въ виду лишь оттянуть время. Когда около вайварскихъ горъ появился Зегехафенъ, русскій отрядъ, посланный для развѣдокъ, отступилъ къ Наровѣ и въ 5 верстахъ ниже Нарвы сталъ переправляться; но здѣсь былъ застигнутъ ливонцами. Произошла стычка, во время которой 100 русскихъ было взято въ плѣнъ. Въ свою очередь 33 ливонца были уведены русскими въ Ивангородъ. Изъ показаній этихъ плѣнныхъ выяснились коварные замыслы ругодивцевъ, которые, отпустивъ пословъ къ царю, сами снеслись съ мейстеромъ, прославшимъ имъ въ помощь «князьца толыванскаго» съ войскомъ въ 1000 конныхъ и 700 пѣшихъ. Вскорѣ, впрочемъ, этотъ «князецъ» (Вульфъ фонъ Страсбургъ) предпочелъ уйти изъ опасной Нарвы.

Измѣна не спасла нарвцевъ отъ погибели. 11 мая 1558 года въ 9-мъ часу утра въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Загорѣлось первоначально въ домѣ парикмахера Кордта Улькена, затѣмъ пламя перешло на сосѣдніе дома и вскорѣ охватило всю Нарву. По улицамъ пылавшаго города пронеслись отчаянные крики: «Fürloss, Fürloss»! (Пожаръ, пожаръ!) [1]). Жители, вмѣсто того чтобы тушить огонь, бросились изъ города въ замокъ, а тѣ, которые не успѣли туда проникнуть, расположились во рву, отдѣлявшемъ замокъ отъ города. Между тѣмъ кнехты выстроились въ боевомъ порядкѣ на рыночной площади и заняли позицію у городскихъ воротъ. Пламя вскорѣ вытѣснило и ихъ въ замокъ.

Ивангородцы, видя смятеніе въ непріятельскомъ лагерѣ, воспользовались удобнымъ моментомъ; переправились черезъ рѣку, кто на чемъ могъ,—иные даже на выломанныхъ две-

1) Fürloss, т. е. Feuer los.

ряхъ—и быстро овладѣли воротами. Черезъ «русскія» [1]) (впослѣдствіи—«водяныя» находившіяся у моста черезъ Нарову) ворота вошли бояринъ Алексѣй Басмановъ и окольничій Данило Адашевъ, а черезъ «колыванскія»—князь Иванъ Бутурлинъ.

Въ объятомъ пламенемъ городѣ русская рать не встрѣтила сопротивленія и безпрепятственно подошла къ воротамъ замка. Кнехты, охранявшіе ворота, не выдержали натиска русскихъ и отступили, не успѣвши захватить съ собою пушекъ. Осаждавшіе ивангородцы тотчасъ завладѣли ими и начали стрѣлять изъ нихъ въ ливонцевъ. Кромѣ этихъ пушекъ во власти русскихъ остались всѣ орудія, находившіяся на городскихъ стѣнахъ, такъ какъ нѣмцы, застигнутые пожаромъ, не успѣли перетащить ихъ въ замокъ. Въ довершеніе бѣдствія осажденныхъ, одну изъ пушекъ, поставленныхъ на германовой башнѣ, разорвало при первыхъ же выстрѣлахъ, а другую при этомъ взрывѣ сбросило съ лафета.

Положеніе запертыхъ въ замкѣ защитниковъ Нарвы было отчаянное; въ нихъ летѣли ядра съ собственныхъ стѣнъ и изъ противоположнаго Ивангорода; кромѣ того русскіе осыпали ихъ множествомъ стрѣлъ. Но поддерживаемые молитвами своего проповѣдника Зунена, нарвцы не сдавались. Въ страхѣ и надеждѣ поджидали они подкрѣпленія отъ Кетлера, и поставленнымъ на самомъ верху германовой башни дозорнымъ было предписано тщательно слѣдить за появленіемъ въ окрестностяхъ Нарвы орденскихъ войскъ, отъ которыхъ зависѣло освобожденіе города.

Между тѣмъ русскіе, не желая напраснаго пролитія крови, выслали къ воротамъ бывшаго въ ихъ отрядѣ нарвскаго бюргера Бартольда Вестермана, который заявилъ осажденнымъ, что, въ случаѣ добровольной сдачи, фохтъ со всѣми слугами, лошадьми и со всѣмъ имуществомъ, а также ландскнехты съ женами и дѣтьми и всѣмъ тѣмъ, что могутъ снести съ собою, будутъ выпущены на свободу; тѣмъ же изъ бюргеровъ, которые пожелали бы остаться, царь обѣщалъ построить новые дома, безъ всякихъ съ ихъ стороны расходовъ. Осажденные, очевидно, все еще поджидая подкрѣпленія отъ Кетлера, отвѣчали:

---

[1]) Форстенъ неправильно называетъ «рузскія».

— Отдаютъ только яблоки да ягоды, а не господскіе и княжескіе дома. Они ссылались на незаконный образъ дѣйствій русскихъ, воспользовавшихся пожаромъ и напавшихъ на Нарву въ то время, когда не были еще окончены переговоры съ ливонскимъ посольствомъ, отправленнымъ въ Москву.

Немного времени спустя Вестерманъ снова подошелъ къ воротамъ и сказалъ:

— Воевода (Павелъ Петровичъ Заболоцкій) велѣлъ передать вамъ, что онъ не знаетъ ни о какомъ перемиріи; онъ видитъ въ случившемся свою пользу, отъ которой не хочетъ отказаться. Богъ наказываетъ васъ за ваши грѣхи; что самъ Богъ даетъ ему, того онъ не желаетъ отвергнуть. Мы должны объявить ему, не откладывая, свое рѣшеніе и принять, пользуясь случаемъ, милость, которая въ другое время уже не будетъ намъ предложена, хотя бы мы и пожелали.

Осажденные, видя безвыходное свое положеніе, сдѣлались уступчивѣе, но все еще медлили и старались затянуть время въ надеждѣ, что ихъ выручатъ изъ бѣды. Они просили дать имъ срокъ для совѣщанія до слѣдующаго утра. Едва Вестерманъ отошелъ отъ воротъ, раздался крикъ съ германовой башни:

— Наши рыцари идутъ!

Кнехты и бюргеры преисполнились радости.

— Теперь, по милости Божьей, обстоятельства должны перемѣниться къ лучшему!—воскликнули они.

Но это была ложная тревога, послѣдняя вспышка надежды осажденныхъ; съ верхушки башни снова прокричали:

— Это не наши рыцари, это—русскіе!

Ядра и стрѣлы, по прежнему, летѣли въ замокъ и торопили нарвцевъ съ отвѣтомъ. Вестерманъ опять подошелъ къ воротамъ и заявилъ, что воевода не дастъ осажденнымъ ни одного часа отсрочки, такъ какъ надвигается ночь. Имъ слѣдуетъ рѣшиться на лучшее въ ихъ положеніи, такъ какъ русскіе приступятъ къ дѣйствіямъ, и если силою возьмутъ замокъ, то всѣхъ ихъ выгонятъ оттуда. На рыцарей же не слѣдуетъ полагаться, ибо между ними и Нарвой стоитъ такъ много русскихъ, что никому нельзя пробраться ни къ ней, ни отъ нея.

Положеніе было отчаянное, и осажденные собрались на военный совѣтъ. Стали считать, сколько у нихъ провіанта:

оказалось три бочки пива, немного ржаной муки и хлѣба и лишь порядочное количество сала и масла. Пороху было такъ мало, что, по расчету, его можно было разстрѣлять въ ½ часа. При такихъ условіяхъ сопротивляться долѣе было бы безполезно. «Русскіе уже владѣютъ городомъ, а между городомъ и замкомъ находится лишь полуразрушенная стѣна, стрѣлять съ нея нѣтъ возможности; къ тому же жены и дѣти не могутъ подняться въ городъ; ихъ нѣсколько сотенъ лежитъ въ сыромъ рву; надежда на помощь отъ рыцарей оказалась тщетною; странѣ будетъ мало пользы, если защитники Нарвы всѣ здѣсь погибнутъ; непріятель стрѣляетъ безъ перерыва, такъ что всѣ мы не въ безопасности и не можемъ отвѣчать изъ своихъ орудій»—такъ разсуждали на военномъ совѣтѣ.

Когда Вестерманъ снова подошелъ къ воротамъ съ требованіемъ немедленнаго отвѣта и съ угрозою отъ имени русскаго военачальника сейчасъ-же начать штурмъ, то осажденные изъявили готовность сдаться и просили лишь удостовѣренія, что всѣ они останутся неприкосновенными. Тогда русскій воевода велѣлъ выслать изъ замка четырехъ лицъ для переговоровъ: двухъ воиновъ и двухъ гражданъ. Ворота замка отворились, подъемный мостъ опущенъ, и нарвскіе уполномоченные направились въ русскій лагерь. За спиною у нихъ, во время прохода черезъ мостъ былъ застрѣленъ изъ Ивангорода какой-то любопытный бюргеръ, такъ какъ русскіе не прекращали пальбы, быть можетъ, не зная о начавшихся окончательныхъ переговорахъ.

Воевода поджидалъ пословъ въ открытой галлереѣ одного изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, ближайшихъ къ замку. Солнце уже зашло, когда начались переговоры. Послѣ долгихъ пререканій рѣшено было, что жители Нарвы выйдутъ изъ замка, взявъ съ собою все, что въ состояніи будутъ унести или увезти, кромѣ тяжелыхъ орудій. Воевода обѣщалъ дать покидавшимъ замокъ эскортъ, который будетъ сопровождать ихъ на протяженіи полумили, чтобы они могли безпрепятственно пройти черезъ весь русскій лагерь. Затѣмъ воевода приказалъ подать воды и, умывшись, приложился къ образу въ подтвержденіе того, что исполнитъ обѣщанное, и что ни одинъ русскій не войдетъ въ замокъ, пока его совершенно не очистятъ ли-

вонцы. Впредь до исполненія условій перемирія воевода потребовалъ, чтобы два нарвскихъ бюргера, принимавшіе участіе въ переговорахъ (Бастіанъ и Ламбертусъ), были оставлены заложниками, взамѣнъ чего русскіе съ своей стороны выдали двухъ заложниковъ.

Уже темной ночью началось шествіе осажденныхъ изъ нарвскаго замка. Мужья и жены шли, держась за руки, и несли дѣтей, которыя не могли идти. Изъ имущества они могли взять лишь то, что было на себѣ; остальное все сгорѣло вмѣстѣ съ домами. Такъ прошли они черезъ опустошенный городъ, наполненный развалинами домовъ; только «вирскія» ворота уцѣлѣли и вырисовывались темнымъ силуэтомъ. Къ утру слѣдующаго дня (12 мая) прибыли эмигранты въ лагерь Кетлера (у вайварскихъ горъ) и здѣсь также застали пожаръ. Едва опомнившіеся отъ всѣхъ ужасовъ и треволненій предъидущаго дня и послѣдовавшей затѣмъ безсонной ночи, они принуждены были принять участіе въ тушеніи этого пожара, что бы спасти себѣ для отдыха хоть нѣсколько палатокъ и бараковъ.

Икона св. Николая Чудотворца, уцѣлѣвшая послѣ пожара 1558 г.

Затѣмъ войско Кетлера и нарвскіе граждане двинулись въ Везенбергъ; [1]) впрочемъ часть нарвцевъ осталась на родномъ пепелищѣ и присягнула русскому царю.

---

[1]) Подробности о переговорахъ и взятіи Нарвы заимствованы изъ извѣстія Вольфа фонъ Зингегофа, предводителя рижскихъ кнехтовъ, выдержавшаго осаду и затѣмъ высланнаго нарвцами въ числѣ четырехъ депутатовъ для переговоровъ съ Заболоцкимъ. См. ergänzende Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva, 1864. (Ганзена), стр. 22—34.

По русскимъ источникамъ, взятіе Нарвы въ 1558 году было сопряжено съ чудомъ, а именно нѣмцы варили пиво и, издѣваясь, подбросили подъ котелъ образъ Николая Чудотворца, принадлежавшій русскимъ купцамъ; пламя выкинуло изъ печки и спалило домъ, гдѣ произошло кощунство, а затѣмъ и весь городъ. Впослѣдствіи нашли въ пеплѣ цѣлыми брошенный въ печь образъ Святителя Николая, а также икону Божіей Матери Одигитріи. Эти образа понынѣ хранятся въ Нарвѣ: одинъ (Одигитріи) въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ ивангородской крѣпости, другой (св. Николая)—въ Преображенскомъ соборѣ; оба считаются чудотворными и составляютъ предметъ особаго почитанія.

Икона Божіей Матери Одигитріи, уцѣлѣвшая послѣ пожара 1558 г.

Пожаръ 1558 года настолько врѣзался въ памяти народной, что долго послѣ того русскіе жители Нарвы для выраженія чего-нибудь очень стараго, давно минувшаго употребляли поговорку: «когда Ругодивъ горѣлъ».

Псковская лѣтопись повѣствуетъ о взятіи Нарвы слѣдующимъ образомъ: «Того-же лѣта (7066=1558), Божіимъ гнѣвомъ. загорѣся городъ нѣмецкій Ругодивъ, мѣсяца мая въ 11 день, а сказываютъ отъ того: варилъ чюдинъ пиво, да образъ Чудотворца Николы тотъ чюдинъ подъ котелъ подкинулъ, и отъ того пламень пибся и весь городъ выгорѣлъ, а образъ соблюдеся цѣлъ. И наши воеводы съ Ивапягорода Алексѣй Басмановъ съ товарищи [1]) видѣвъ ту ихъ гибель, Божіимъ гнѣвомъ, и вскорѣ прешли рѣку Нарову и, приступивъ,

[1]) Съ Басмановымъ были Данило Адашевъ и Иванъ Бутурлинъ, а также Павелъ Петровичъ Сабелинскій. Карамзинъ, VIII, стр. 167; Arndt, ч. 2, стр. 231.

взяли городъ; а нѣмецъ отпустиша и чюдь изъ града, и туто-жъ нашли Пречистыя Богородицы образъ Одигитрія Пятницу и Николинъ образъ въ пепелу цѣлы» [1]).

Преданіе, сохраненное псковской лѣтописью, повторяетъ и князь Курбскій въ исторіи своей «о казанскомъ взятіи, о лифляндскомъ разореніи и о московскихъ настоящихъ древнихъ бѣдахъ». «Всѣмъ есть вѣдомо-говоритъ Курбскій — иже нѣмецкое мѣсто, глаголемое Нарва, и русское Иваньградъ объ едину рѣку стоятъ, а оба два града и мѣста немалые, паче-же той русскій многонароденъ [2]); и на самый день, въ онь же Господь нашъ Іисусъ Христосъ за человѣческій родъ плотію пострадалъ, и въ той день, ему по силѣ своей каждый христіанинъ подобяся, страстямъ его терпитъ, въ постѣ и въ воздержаніи пребывающе, а ихъ милость нѣмцы велеможные и гордые, сами себѣ новое имя изобрѣтше, нарекшеся евангелики, въ началѣ еще дня того ужравшися и упившися, стрѣляти на мѣсто русское начали и побиша люда немало христіанскаго съ женами и дѣтками и проліяша кровь христіанскую въ такіе великіе и святые дни: бо безпрестанѣ били три дни, и на самый день Христова Воскресенія не унялися, будучи въ премирію, присягами утвержденномъ.

А на Иванѣградѣ воевода, не смѣючи безъ царева вѣдома премирья нарушити, далъ скоро до Москвы знати; царь-же вниде въ совѣтъ о томъ, и по совѣтѣ, на томъ положилъ, иже по нуждѣ за ихъ початкомъ (т. е. такъ какъ нарвцы сами начали) повелѣлъ бронитися (обороняться) и стрѣляти съ дѣлъ (пушекъ) на ихъ градъ и мѣсто: бо уже было и великихъ дѣлъ (пушекъ) съ Москвы припровожено тамо немало и къ тому послалъ стратилатовъ и повелѣлъ двѣмя пятинамъ новгородскимъ воинству сбиратися къ нимъ. Наши-жъ, егда заточиша дѣла (пушки) великія на мѣста ихъ, и начаша бити по граду кулями каменными великими; они-же, яко отнюдь тому неискусные, живши множество лѣтъ въ покою, гордость отложа, абіе начаша просити премирья, аки на четыре недѣли, беручи себѣ на размышленіе о подданію мѣста и града. И выправили до Москвы царю нашему двухъ бурмистровъ своихъ, къ тому же трехъ мужей богатыхъ, обѣщающе за четыре недѣли мѣсто и градъ поддати, ко майстру-жъ лифляндскому и ко другимъ властемъ нѣмецкимъ послаша, просяще помощи. «Аще ли, рече, не дадите помощи, мы отъ такой великія стрѣльбы не можемъ терпѣти: поддадимъ градъ и мѣсто». Майстръ же абіе далъ имъ въ помощь антипата феллинскаго, а другаго съ Ревеля, и съ ними четыре тысящи люду нѣмецкаго, и конныхъ и пѣшихъ.

Егдажъ пріидоша войско нѣмецкое во градъ, аки во дву недѣляхъ потомъ, наши-же, не начинающе брани, дондеже минетъ оный мѣсяцъ премирью; онижъ не преста обыкновенія своего, сирѣчь

---

[1]) Полн. с. р. л., т. IV, стр. 310.

[2]) Очень интересное указаніе. Тамъ, гдѣ теперь безмолвно стоятъ поросшія мхомъ и полуразвалившіяся стѣны Ивангорода, нѣкогда била жизнь ключемъ, процвѣталъ многонародный городъ. Впрочемъ, Курбскій, очевидно, разумѣетъ и предмѣстье Ивангорода—нынѣшній ивангородскій форштадтъ.

пьянства многаго и руганія надъ догматы христіанскими и обрѣтше икону Пресвятыя Богородицы, у нея-же на руку написанъ во плоти Превѣчный Младенецъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ коморахъ оныхъ, идѣже купцы русскіе у нихъ нѣкогда обитали, воззрѣвше на нее, господинъ дому съ нѣкоторыми новопришедшими нѣмцы начаша ругатися, глаголюще: «сей болванъ поставленъ былъ купцовъ ради русскихъ, а намъ уже нынѣ не потребенъ, пріидемъ и истребимъ его».

Яко Пророкъ нѣкогда рече о таковыхъ безумныхъ: сѣчивомъ и теслою (т. е. топоромъ и стругомъ) разрушающе и огнемъ зажигающе свѣтило Божіе; сему подобно и тѣ безумные южики сотворища. И взявше образъ со стѣны и приведше къ великому огню, идѣже потребныя шитья свои въ котлѣ варяще, и ввергше абіе въ огонь... О Христе! неизреченны силы чудесъ твоихъ, ими же обличаеши хотящихъ дерзати и на имя твое беззаконновавшихъ!.. Абіе паче пращи, прутко (т. е. быстро, прытко) летящія, або изъ якого великаго дѣла (т. е. какъ изъ пушки) весь огнь (вонъ) изъ подъ котла ударилъ, вопстинну яко при халдейской пещи, и не обрѣтесь ничтоже огня тамо, идѣже образъ ввержепъ, и абіе въ верху палаты загорѣлось. Сія-жъ быша, аки по третьей годинѣ, въ день недѣльный (т. е. въ воскресенье въ 3-мъ часу) [1]), аеру (воздуху) чисту бывше и тиху, и абіе внезапу пріиде буря великая и загорѣлося мѣсто такъ скоро, иже за малый часъ все мѣсто объяло. Людіе же нѣмецкіе всѣ отъ мѣста избѣгоша во градъ отъ огня великаго, и не возмогоша ни мало помощи; народи-жъ русскіе, видѣвше, иже стѣны мѣскія (т. е. мѣстныя, городскія?) пусты, абіе устремишася чрезъ рѣку, овіи въ кораблецѣхъ различныхъ, овіи на дщицахъ (т. е. на доскахъ), овіи же врата вымаше (т. е. вынимая) отъ домовъ своихъ и поплыша; потомъ и воинство устремилось, аще и воеводамъ крѣпцѣ возбраняющимъ имъ о семъ, премирья ради [2]); они-жъ не послушавъ, видѣвше явственный Божій гнѣвъ на нихъ пущенный, а нашимъ подающій помощь, и абіе разломавши врата желѣзныя и проломавши стѣны, випдоша въ мѣсто: бѣ бо буря она зѣлная (т. е. сильная), отъ мѣста на градъ возбуряще огнь. Егдажъ пріидоша съ мѣста ко граду войско наше, тогда начаша нѣмцы противитися имъ, исходяще изъ вратъ вышеградскихъ и бишася съ нами, аки на двѣ годины (2 часа) и взявши наши дѣла (пушки), яже во вратѣхъ мѣста нѣмецкаго и которыя на стѣнахъ стояли, и начаша на нихъ стрѣляти изъ дѣлъ оныхъ. Потомъ приспѣша стрѣльцы русскіе со стратилаты ихъ, такожъ и стрѣлъ множество отъ нашихъ вкупѣ съ ручничною (ружейною) стрѣльбою пущаемо на нихъ. Абіе встиснуша ихъ во вышеградъ, и ово отъ великаго духа огня, ово отъ стрѣльбы, яже изъ нихъ дѣлъ на нихъ по вратомъ вышеградскимъ стрѣляно, ово отъ великаго множества народу (бо онъ вышеградъ былъ тѣсенъ),

---

[1]) У Зингегофа, какъ мы видѣли, говорится, что пожаръ случился въ 9-мъ часу утра.

[2]) Т. е. воины бросились въ городъ, не смотря на то, что воеводы удерживали ихъ, вслѣдствіе заключеннаго перемирія.

начаша абіе просити, да повелѣно будетъ имъ розмовити (переговорить). Егдажъ утишишась съ обѣихъ странъ войска, изыдоша изъ града и начаша постановляти съ нашими, да дадутъ имъ вольное исхожденіе и да пустятъ здравыхъ совсѣмъ. И на томъ постановили: пустили ихъ съ оружіемъ, яже точію при бедрахъ, новопришедшее во градъ воинство ихъ, а тутошнихъ жителей со женами и съ дѣтьми токмо, а богатство и стяжанія во градѣ оставили; а нѣцыи произволиша ту въ домѣхъ своихъ остати: то пущено на волю ихъ (это имъ предоставлено).

Се такова мзда ругателей, иже употребляютъ Христовъ образъ, по плоти написанъ и Родшія Его болваномъ поганскихъ боговъ! Се икономахомъ (иконоборцамъ) воздаяніе! Абіе, яко за четыре годины, або за пять, ото всѣхъ отчинъ и отъ превысокихъ палатъ и домовъ златописанныхъ лишены и премногихъ богатствъ и стяжаній обнажены, со униженіемъ и постыденіемъ и со многою срамотою отойдоша, аки нази: воистину знаменіе суда, прежде суда, на нихъ изъявлено, да прочіе накажутся и убоятся не хулити святыни. Сице первое мѣсто нѣмецкое вкупѣ со градомъ взято. О образѣ же ономъ тогожъ дня исповѣдано стратилатомъ нашимъ. Егдажъ до конца погашенъ огнь въ той нощи, обрѣтенъ образъ Пречистыя въ пеплѣ, идѣже былъ ввержень, наутріи цѣлъ, ничѣмъ же не рушенъ, Божія ради благодати; потомъ въ повосозданной великой церкви поставленъ, поднесь всѣми зримъ» [1]).

Ливонскіе лѣтописцы, описывая бѣдствія, постигшія ихъ отечество, прежде всего, по обычаю всѣхъ лѣтописныхъ сборниковъ, приводятъ рядъ чудесныхъ явленій и знаменій, волновавшихъ въ серединѣ XVI столѣтія жителей Ливоніи и пророчившихъ имъ гибель. Рюссовъ сообщаетъ, что въ 1556 году, въ посту, огненная комета долго была видна надъ Ливоніею. Въ это время ливонскіе чины засѣдали на сеймѣ въ Вольмарѣ. Увидѣвши на небѣ необыкновенную звѣзду, «похожую на метлу», они просили бывшаго съ ними каноника разъяснить имъ значеніе небеснаго явленія. Каноникъ объяснилъ, что это—комета, и что она не предвѣщаетъ ничего добраго.

Въ 1557 году зимой изъ верхне-германскихъ земель, черезъ Польшу и Пруссію, въ Ливонію явился пророкъ, по имени Юргенъ. Не смотря на стужу, онъ прошелъ почти всю Ливонію босой, покрытый однимъ мѣшкомъ; только длинные волоса защищали его голову и плечи отъ морозовъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ пришелъ, онъ отвѣчалъ, что Господь послалъ его, чтобы наказать жадность, высокомѣріе и тунеядство ливонцевъ. Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ, другіе-же говорили, что это знаменіе Божіе, и что-нибудь непремѣнно случится въ Ливоніи. Вскорѣ пророкъ этотъ поѣхалъ изъ Ревеля въ Нарву и тамъ пропалъ: предполагали, что онъ былъ убитъ крестьянами [2]).

1) Сказанія князя Курбскаго, часть I, стр. 69—74.

2) Приб. сб. т. II, стр. 344 и 353 (лѣтопись Рюссова). Видѣнная въ 1556 году комета извѣстна астрономамъ подъ названіемъ фабриціевой. Объ этой кометѣ см. Nienstädt, monum., т. 2, 48.

Кромѣ этихъ, и другія разнообразныя явленія и небесныя знаменія наводили ужасъ на населеніе. Немудрено послѣ этого, что когда явился въ Ливоніи московскій посолъ Терпигоревъ, неся въ подарокъ епископу дерптскому сѣть и двухъ борзыхъ псовъ, жители Ливоніи усмотрѣли въ этихъ дарахъ намекъ на намѣреніе великаго князя опутать ихъ сѣтями, т. е. лишить ихъ земель и свободы.

Въ частности о взятіи Нарвы въ ливонскихъ лѣтописяхъ находимъ слѣдующія указанія.

Въ лѣтописи Нienштедта объ этомъ повѣствуется слѣдующимъ образомъ: «Нѣмецкая Нарва еще не была обстрѣливаема, какъ случился, по волѣ Господней, въ домѣ одного цирюльника, именемъ Кордта Улькена (Фолькена), пожаръ и скоро распространился повсюду, потому что дома и крыши были деревянные. Какъ только московиты въ лагерѣ, лежавшемъ по ту сторону рѣки, это замѣтили, то переправились на лодкахъ и плотахъ, подобно рою пчелъ, на другую сторону, взобрались на стѣны и, такъ какъ нельзя же было въ одно и тоже время и пожаръ тушить, и врага отражать, то жители и убѣжали въ замокъ, а городъ предоставили непріятелю. Тогда непріятели стали усиленно тушить огонь, чтобы тѣмъ легче можно было овладѣть замкомъ, который, хотя съ наружной стороны и былъ довольно сильно укрѣпленъ, но со стороны, обращенной къ городу, былъ не такъ хорошо защищенъ. Тогда тѣ, что засѣли въ замкѣ, послали одного рижскаго начальника къ коадъютору тогдашняго магистра Фюрстенберга, Готгарду Кетлеру, который былъ назначенъ съ гарійскими и вирскими ланзассами и рижскими кнехтами составить гарнизонъ и защищать городъ, чтобы онъ спѣшилъ въ замокъ; но это было напрасно: Кетлеръ не осмѣлился подойти и остановился только въ 3-хъ миляхъ отъ Нарвы; поэтому тѣ, что оставались въ замкѣ, должны были сдаться, но съ условіемъ, что ихъ оставятъ живыми и дозволятъ имъ свободный пропускъ» [1]).

[1]) Прив. сб. т. IV, стр. 15. Nienstädt въ Monum. Liv., ч. 2., стр. 49 (орѳографія соблюдена): «Die teutsche war noch unbeschossen, es entstund jedoch durch Gottes Verhängnisse ein Feuer in eines Barbierers Hauss Cordt Volcken genandt und nahm uberhandt, weilen da viele hölzerne Gebäuwe und Dächer waren. Wie die Moscowiter im Lager, das jenseits der Beche lag, solches gewahr worden, begaben sie sich mit Böten und Flössen, wie ein Immen-Schwarm uber die Beche, huben an uber die Mauren zu klimmen, und weilen die in der Stadt nicht zu gleicher Zeit den Feind und das Feuer abwehren konnten, so mussten sie die Flucht geben auff das Schloss, und die Stadt dem Feinde räumen. Da begunten die Feinde mit Gewalt das Feuer zu löschen, damit sie sich umb so leichter an das Schloss machen könnten, welches von aussen zwar ziemlich fest, nach der Stadt zu aber nicht eben so gut versehen war. Nun sandten die auff dem Schlosse einen rigischen Befehlshalber an des damahligen Heermeisters Fürstenbergs Coadjutoren Gotthardum Ketler ab, welcher verordnet war mit den Harrischen und Wierischen Landsassen und den rigischen Knechten, die er, als Besatzung in die Stadt Narva gelegt, hatte dieselbe zu beschützen, dass er sie entsetzen sollte; aber es war vergebens. Er durffte es nicht wagen; zog aus dem Felde 3 Meilen von Narva und da mussten die auf dem Schlosse sich ergeben doch so, dass sie sich das Leben und freyen Abzug bedungen».

Рюссовъ описываетъ паденіе Нарвы такъ: «Между тѣмъ русскій подошелъ къ Нарвѣ съ войскомъ и сильными военными снарядами. Такъ какъ ливонская Нарва лежала очень близко къ Россіи, и только маленькая рѣка раздѣляла здѣсь Ливонію отъ Россіи, то русскій съ той стороны рѣки изъ собственной земли обстрѣливалъ Нарву, бросалъ бомбы и ядра, но причинилъ мало вреда до 12 мая. Тогда начался большой пожаръ въ домѣ одного цирюльника Кордтъ Улькена; этотъ неожиданный пожаръ сжегъ весь городъ Нарву. При этомъ же пожарѣ московитъ взялъ приступомъ Нарву. А граждане, видя, что все потеряно, отступили со своими женами и дѣтьми въ замокъ и вели оттуда переговоры съ русскими о позволеніи уйти совсѣмъ, что у нихъ еще было; русскіе обѣщали имъ свободный пропускъ и исполнили свое обѣщаніе. И такъ московитъ завоевалъ и добылъ городъ Нарву и замокъ 12 мая 1558 года» [1]).

Вообще ливонскія хроники, излагая событія, сопровождавшія взятіе Нарвы русскими въ 1558 году, начало военныхъ дѣйствій приписываютъ не ливонскому ордену, а Россіи. Іоаннъ Васильевичъ, дѣйствительно, началъ войну, отправивъ, какъ мы видѣли, въ Ливонію Шигъ-Алея съ 40-тысячнымъ войскомъ; но онъ былъ вызванъ къ этому неуплатою ливонцами въ срокъ подати, которую они обязались вносить ежегодно. Затѣмъ, когда было заключено перемиріе, русскія войска прекратили военныя дѣйствія и въ особенности воздерживались отъ нихъ во дни великаго поста, какъ объ этомъ повѣствуетъ и князь Курбскій въ приведенномъ отрывкѣ. Если же Нарва въ самую Пасху должна была выдержать бомбардировку, то виною были не русскіе, а сами нѣмцы, первые открывшіе огонь по Ивангороду и вызвавшіе русскихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Кромѣ того ливонскіе лѣтописцы намекаютъ на то, что взятію Нарвы русскими способствовала измѣна нѣкоторыхъ ливонцевъ и совершенно непонятное бездѣйствіе пришедшаго изъ Ревеля отряда, который, находясь всего въ 4 миляхъ отъ города, не оказалъ осажденнымъ гражданамъ никакой помощи. Объ измѣнѣ въ ливонскомъ лагерѣ мы не нашли никакихъ положительныхъ указаній, хотя не

---

[1]) Прибалт. сб. т. II, стр. 361 и слѣд.; Rüssow, 101. «Mittlerweile rückt der Russe vor die Narve mit Heereskraft und mit gewaltiger Kriegsmunition. Und dieweil die Livländische Narve gar nah an Russland gelegen ist und ein schlichter Bach oder Strom Russland und Livland dar scheidet, hat der Russe von jener Seite des Bachs aus seinem eignen Lande die Narve beschossen, Tummler und Feuerbälle darin geworfen, aber wenig Schaden damit gethan bis auf den 12 Mai. Da erhob sich ein eigen Feuer aus Cord Ulken, eines Barbierers, Hause, welches verrätherische Feuer das ganze Städtchen Narve angesteckt und verbrannt hat. In demselbigen Brande hat der Muscowiter die Narve gestürmt und erobert. Die Bürger aber, als sie gesehen, dass es verloren war, sind mit Ihren Frauen und Kindern auf das Schloss gewichen und haben dar mit den Russen um einen freien Pass, mit demjenigen, was sie noch bei sich hatten, wegzuziehen gehandelt, welches ihnen die Russen gelobt und auch gehalten haben. Also hat der Muscowiter beides, die Stadt und das Schloss Narve eingekriegt und erlangt den 15 Mai Anno 1558».

можемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицать, что одинъ изъ нарвскихъ пословъ Крумгаузенъ (Кромышъ—по русскимъ лѣтописямъ), повидимому, былъ сторонникомъ Россіи и еще задолго до войны имѣлъ отъ московскаго царя грамоту на право торговли въ русскихъ городахъ. Но симпатіи къ Россіи не даютъ еще основанія считать Крумгаузена измѣнникомъ, тѣмъ болѣе, что вначалѣ онъ уклонялся и отъ самаго посольства въ Россію, а затѣмъ во время переговоровъ въ Москвѣ, какъ мы видѣли, настаивалъ на оставленіи Нарвы подъ властью Ливоніи и сохраненіи ея правъ. Что-же касается бездѣйствія вспомогательнаго отряда, то, по свидѣтельству самого Ніärn'a, отрядъ этотъ пришелъ слишкомъ поздно, когда дѣло уже было пропграно; къ тому-же, Кетлеръ воздержался отъ военныхъ дѣйствій, считая свои силы черезчуръ слабыми и будучи вполнѣ увѣренъ, что городъ, имѣющій каменныя стѣны и желѣзныя ворота, самостоятельно отразитъ натискъ враговъ.

По ливонскимъ источникамъ, и причина пожара въ Нарвѣ объясняется иначе, чѣмъ въ русскихъ лѣтописяхъ: именно ливонскія хроники передаютъ, что нарвскій бургомистръ Іоакимъ Крумгаузенъ, отправляясь изъ Нарвы въ Ивангородъ для переговоровъ о мирѣ, убѣждалъ своихъ родственниковъ поджечь городъ. Съ 11 мая начались въ городѣ пожары, и ихъ никто не тушилъ. Передаютъ еще, что Кетлеръ отправилъ было въ Нарву своихъ рейтеровъ для тушенія пожара, но второй бургомистръ Германъ фонъ Мюленъ далъ знать Кетлеру, что пожаръ потушенъ и помощи не нужно. Однимъ словомъ ливонскіе лѣтописцы пожаръ Нарвы связываютъ также съ измѣной нарвскихъ бургомистровъ. Фактъ поджоговъ, однако, ничѣмъ не удостовѣренъ, какъ не доказана и самая измѣна.

Итакъ въ 1558 году Нарва перешла во власть московскаго князя. Русскіе нашли въ городѣ много товаровъ, принадлежавшихъ ганзейскимъ купцамъ, и овладѣли запасами пороха и оружія; 230 пушекъ поступило въ ихъ собственность.

«Не малую радость—говоритъ Форстенъ—доставило Іоанну Грозному взятіе Нарвы. Онъ ликовалъ: ему удалось, наконецъ, стать прочною ногою у моря, пріобрѣсти гавань, откуда подданные его вполнѣ свободно и независимо отъ нѣмцевъ могли сноситься съ западною Европою, гавань которая должна была стать фундаментомъ морской силы Россіи. Мечта грознаго царя осуществилась. Сосѣды Ливоніи и Москвы покачивали головою; не всѣмъ желательно было утвержденіе московита на Балтійскомъ морѣ. Еще во время осады Нарвы шведскіе агенты писали Густаву Вазѣ, что московскому царю вовсе не дорога дань ливонцевъ, онъ ухватился за нее только для виду. Нарва и Дерптъ—вотъ конечная цѣль всей его ливонской политики. Шведы не ошиблись; Грозному нужно было море, онъ

теперь имѣлъ его. Великое значеніе его для Россіи пока сознавалъ одинъ только царь, цѣлою головою возвышавшійся надъ своими современниками политическою смѣтливостью и дальновидностью [1]). Во все свое царствованіе онъ съ особенною заботливостью относился къ Нарвѣ, любимому дѣтищу своему, холилъ его, награждалъ привилегіями и льготами. Майское пріобрѣтеніе явилось высокознаменательнымъ моментомъ въ исторіи сѣверно-восточной Европы» [2]).

Потеря, понесенная Ливоніею, со взятіемъ Нарвы русскими, была очень чувствительна. «Нарва, которою владѣютъ русскіе, это—глазъ Ливоніи (das einzige Auge zu Liefland)—писалъ Кетлеръ императору—и ее необходимо отвоевать, ибо безъ Нарвы русскіе, лишившись главной опоры, не страшны».

Христіанъ III, король датскій, боялся также усиленія Москвы, которое неминуемо должно было послѣдовать за взятіемъ Нарвы. Въ письмѣ на имя Іоанна Грознаго онъ указывалъ, что Нарва издавна принадлежала Даніи, и что Даніи же были искони подчинены вся Эстонія, Гаррія, Вирландъ и городъ Ревель. 13 августа 1558 года послѣдовалъ очень рѣзкій отвѣтъ намѣстника въ Нарвѣ, въ которомъ отклонялись притязанія датскаго короля на Ливонію [3]).

Преемникъ Христіана, Фридрихъ II, также просилъ московскаго князя пощадить Ливонію. На это Іоаннъ Грозный отвѣтилъ, что эта земля принадлежитъ уже шестьсотъ лѣтъ Россіи, и что великій князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви греческія и обложилъ всю землю данью.

Заступившемуся за Ливонію польскому королю Сигизмунду Августу Іоаннъ Грозный написалъ въ томъ же родѣ: «Ливонцы суть древніе данники Россіи, а не ваши; я наказываю ихъ за невѣрность, обманы, торговыя вины и разореніе церквей». Наконецъ, шведскому королю Густаву Вазѣ, предлагавшему

[1]) Отзывъ, очевидно, преувеличенный. Не одинъ царь понималъ значеніе для насъ Балтійскаго моря. Это сознавали многіе русскіе люди, хотя бы тѣ-же Адашевъ, Курбскій и др.

[2]) Форстенъ. Балт. вопросъ, т. I, стр. 96.

[3]) Тамъ же, стр. 177—178.

написать магистру, чтобы онъ палъ къ ногамъ царя съ раскаяніемъ, лишь бы только дарованъ былъ Ливоніи миръ, Іоаннъ отвѣчалъ: «Нѣтъ нужды писать магистру, я самъ найду способъ образумить его».

Заступаясь за Ливонію, болѣе могущественные сосѣди были не чужды и собственныхъ выгодъ: они стремились расширить свои владѣнія за счетъ обезсиленной страны. «Ливонія—богатая невѣста, около которой всѣ пляшутъ»—говорилось въ одномъ современномъ документѣ [1]).

Событія на востокѣ волновали общественное мнѣніе Европы. 14-го августа 1558 года появился въ Германіи листокъ (Zeitung), въ которомъ сообщалось: «Московитъ успѣлъ уже захватить въ свою власть половину Ливоніи; изъ городовъ и замковъ онъ занялъ Дерптъ, Нарву, Везенбергъ, Нейгаузъ, Феллинъ и Фалькенау; всѣ завоеванные города онъ сильно укрѣпляетъ и снабжаетъ гарнизонами. Царь писалъ къ магистру, что согласенъ снова начать съ нимъ переговоры о мирѣ, но съ условіемъ, чтобы за Москвою признано было все, что до сихъ поръ завоевано русскими. Женщины и дѣти выселяются изъ городовъ, увозятъ съ собою все движимое имущество. Магистръ взываетъ ко всѣмъ о помощи. Ревель ведетъ переговоры съ Даніей и желаетъ отдаться подъ покровительство Христіана III».

Почти одновременно (26 августа 1558 г.) извѣстный французскій политическій дѣятель и писатель Губертъ Лангe, изъѣздившій почти всю сѣверную Европу и посѣтившій Данію, Швецію и Норвегію, въ письмѣ изъ Саксоніи на имя Кальвина излагалъ: «Князь московскій вторгнулся въ Ливонію (съ которой до сихъ поръ были самые крупные обороты саксонцевъ), которую почти всю обезлюдилъ и взялъ города Нарву и Дерптъ. Говорятъ даже, что онъ недавно занялъ Ревель, значительный приморскій городъ, гавань котораго самая удобная и безопасная для всѣхъ плывущихъ по Балтійскому морю. Любекъ приготовляетъ на средства саксонскихъ городовъ флотъ для доставленія подкрѣпленій ливонцамъ; но сколько остается добычи московиту, имѣющему въ своемъ войскѣ

[1]) Форстенъ, т. I, стр. 254.

до восьмидесяти или ста тысячъ всадниковъ. Король польскій остается безучастнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ несчастій, а его же владѣнія опустошитъ московитъ, если займетъ Ливонію, которая граничитъ съ Литвою, Пруссіею и Самогитіею. Неправдоподобно тоже, чтобы князь московскій успокоился, такъ какъ ему едва 28 лѣтъ, почти съ отрочества воюетъ и характера самаго свирѣпаго; воинственность-же его увеличилась вслѣдствіе многихъ счастливыхъ битвъ съ татарами, въ которыхъ, говорятъ, ихъ легло триста или четыреста тысячъ. Онъ даже имѣетъ трехъ плѣнныхъ царей, которыхъ всегда съ собою водитъ и у которыхъ онъ отнялъ царство казанское. Въ послѣдніе годы досталось сильно и королю шведскому, который, наконецъ, деньгами достигъ мира. *Если въ Европѣ чье-либо могущество должно возвеличиться, то это будетъ — Москвы*» [1]) (пророческія слова!).

Раздѣлъ Ливоніи начался покупкою датскимъ королемъ Фридрихомъ II (для брата Магнуса, который уступилъ ему удѣлъ въ Голштиніи) отъ епископовъ Іоанна фонъ Менихгаузена и Морица Врангеля острова Эзеля и округовъ викскаго и пильтенскаго. Послѣ того Ревель отдался королю шведскому (1561 г.), къ владѣніямъ котораго присоединились также провинція Гарріенъ и половина Вирландіи. Сигизмундъ, король польскій, удержалъ южную Ливонію съ городомъ Ригою, который выговорилъ себѣ, впрочемъ, нѣкоторую автономію; Кетлеръ, послѣдній орденскій магистръ, по договору съ польскимъ королемъ въ Вильнѣ, удержалъ за собою Курляндію и Семигалію. Наконецъ, въ рукахъ московскаго царя остались Нарва, Дерптъ, части земель ервенской и вирляндской и всѣ мѣста, пограничныя съ Россіею. Такимъ образомъ ливонскій орденъ прекратилъ свое существованіе.

Окидывая взоромъ эти давно минувшія времена, мы не можемъ не засвидѣтельствовать, что хотя рыцари задержали поступательное движеніе Руси къ Балтійскому морю, хотя они и пролили много крови при распространеніи своего господства, однако они явились въ страну язычниковъ-эстовъ, оду-

[1]) Русская старина за 1885 г., апрѣльская и майская книжки, стр. 185 — 186 и 411—415 (Губертъ Ланге, мнѣніе о Россіи въ 1558 году).

шевляемые благими стремленіями насадить среди нихъ христіанство. Произволъ и насилія лежатъ тяжелымъ упрекомъ на памяти орденской братіи, но за ними-же должна быть признана заслуга, какъ сѣятелей ученія Христова, не щадившихъ живота своего при осуществленіи великой идеи среди грубаго и жестокаго языческаго племени. Невольно вспоминается задушевное стихотвореніе нашего поэта Языкова, посвященное счастливому прошлому Ливоніи.

Ливонія.

Не встанешь ты изъ вѣкового праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой,
Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!
Но тишина постыднаго забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла...
Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
Для гордости поэтова чела!
Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь,
Гдѣ торжество не вѣдало пощады,
И грозную разгорячало месть, —
Несмѣлый внукъ ливонца удалого
Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ...
И нѣтъ въ груди волненія живого,
И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ!
Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
Въ душѣ его такая-ль тишина,
Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Онъ зритъ въ мечтахъ минувшіе вѣка;
Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды...
И падаетъ къ струнамъ его рука.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ переходомъ Нарвы подъ власть русскаго государства, Иванъ Васильевичъ, отслуживъ молебны съ крестнымъ ходомъ, «чтобы очистить городъ отъ вѣры латинской и лютеровой», приказалъ воздвигнуть двѣ церкви: одну, во имя Воскресенія Христова, «въ вышгородѣ», т. е. въ ливонскомъ гермейстерскомъ замкѣ, другую, во имя Пречистыя Божіей Матери, «въ Ругодивѣ», т. е. въ самомъ городѣ.

Что касается первой церкви, то отъ нея не осталось никакихъ слѣдовъ, и можно предположить, что она даже вовсе не сооружалась, такъ какъ о существованіи ея нѣтъ указаній ни въ дѣлахъ нарвскаго магистрата, ни въ другихъ источникахъ, касающихся Нарвы.

Остается заключить, что первоначальное предположеніе построить церковь въ вышгородѣ не было осуществлено за кратковременностью пребыванія Нарвы въ русскихъ рукахъ (23 года).

Другая же церковь, во имя Божіей Матери, дѣйствительно была построена и, какъ видно изъ плана города Нарвы 1649-го года, помѣщалась въ сѣверо-восточной части нынѣшней вышгородской улицы, около старой крѣпостной стѣны [1]).

1) Hansen, стр. 37.

Во времена шведскаго владычества, въ 1684 году, когда послѣдовало много всевозможныхъ перестроекъ, на мѣстѣ прежней православной церкви былъ учрежденъ домъ призрѣнія бѣдныхъ.

Однако зданіе это, сохранившееся (въ измѣненномъ видѣ) доселѣ [1]), и теперь еще носитъ на себѣ нѣкоторыя примѣты бывшаго храма. Напротивъ него въ настоящее время находятся церковные дома, принадлежащіе Спасо-Преображенскому собору. Вѣроятно, все это мѣсто уже издревле было во владѣніи православнаго духовенства.

Очищая городъ отъ вѣръ латинской и лютеровой, Иванъ Грозный, вѣроятно, и бывшія здѣсь иновѣрныя церкви превратилъ въ православныя. Нынѣшній Спасо-Преображенскій соборъ въ то время, какъ мы видѣли, уже несомнѣнно существовалъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ качествѣ лютеранской церкви, ученіе которой, судя по вышеприведенному отрывку изъ сказаній князя Курбскаго, было господствующимъ въ городѣ. Невольно даже рождается предположеніе, не эту ли церковь подразумѣвалъ лѣтописецъ подъ именемъ храма Воскресенія Христова въ вышгородѣ.

Въ лѣтописи мы находимъ указаніе, что въ 1558 году въ Нарву пріѣзжалъ архимандритъ Варѳоломей освящать вновь построенныя церкви. Новгородская лѣтопись, по архивскому сборнику, говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «да того же лѣта (7066—1558) архимандритъ Юрьева монастыря Варѳоломей въ Ругодивъ ѣздилъ церкви свящати» [2]).

Въ томъ же лѣтописномъ сборникѣ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія объ образахъ Богородицы и Николая Чудотворца, спасенныхъ чуднымъ образомъ во время пожара 1558 года. Иконы эти немедленно по взятіи Нарвы были привезены сначала въ Новгородъ, а затѣмъ въ Москву, гдѣ при громадномъ стеченіи народа, ихъ встрѣтилъ самъ царь съ митрополитомъ. Затѣмъ онѣ были возвращены обратно въ Нарву, и, какъ выше упомянуто, хранятся здѣсь по настоящее время.

---

[1]) Теперь это зданіе составляетъ собственность наслѣдниковъ нарвскаго купца Семенова.

[2]) Новгородская лѣтопись, стр. 89.

О путешествіи духовенства съ иконами въ Новгородъ и Москву псковскій лѣтописецъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: «А по тѣ образы чудотворные царь и великій князь велѣлъ богомольцу своему архіепископу Пимену послати изъ Новгорода юрьевскаго архимандрита Варѳоломея, да протопопа съ діакономъ, а изъ Пскова печерскаго игумена Корнилія да святыя Троицы протопопа Ларіона, да протодьякона Ивана въ Ругодиво; и по его государеву наказу около градовъ Иванагорода и Ругодива со кресты ходили и молебны пѣли и церкви свящали: и затѣмъ образы и до Новгорода послѣдовали. и изъ Новгорода архіепископъ Пименъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ боляры и со гражданы стрѣтили тѣ образы у скудельницы, а на Москвѣ царь и митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и съ боляры и всенародное множество также стрѣчали за градомъ» [1]).

Въ новгородской лѣтописи о томъ же читаемъ: «Въ лѣто 7060 шестаго, мѣсяца іюля въ 23, въ субботу, привезъ изъ Ругодива изъ н(ѣм)ецкаго города ар(хи)мандритъ юр(ь)ева монастыря иконы: Пречисты(я) образъ Одегитріе пядница на золотѣ, да Ни ко)линъ образъ, Власей святый. святыи Козма и Деміянъ, скорописные на краскѣ; и стрѣчалъ ихъ архіепископъ со всѣмъ соборомъ со множествомъ народа и внесоша иконы въ церковь Святую Софію и положени быша на налой... Да того же мѣсяца іюля 26, вторникъ, поѣхалъ архимандритъ юр(ь)евской къ Москвѣ, повезъ иконы тѣ, кои привезли изъ Ругодиво, да игуменъ благовѣщенъскаго мо(на)стыря Трифонъ»[2]).

Построеніемъ двухъ церквей, конечно, не ограничилась строительная дѣятельность Ивана Грознаго въ Нарвѣ. Кромѣ починки поврежденныхъ пожаромъ и боевыми снарядами домовъ было возведено много новыхъ сооруженій. Городскія стѣны и ворота были укрѣплены, а черезъ Нарову наведенъ мостъ, куда русскіе свезли военную добычу.

Подъ русскимъ владычествомъ Нарва, уже завязавшая сношенія съ ганзейскими городами, значительно расширила свои торговые обороты, тѣмъ болѣе, что Иванъ Грозный предоставилъ ей право свободной и безпошлинной торговли по всей Россіи и съ Германіей [3]).

[1]) Полн. с. р. л., т. IV, 1-ая новг. лѣт., стр. 310.

[2]) Новгородскія лѣтописи, стр. 90.

[3]) Вообще Иванъ Грозный отнесся очень милостиво къ жителямъ завоеванныхъ отъ Ливоніи городовъ и селеній, приказалъ объявлять, что всѣ принявшіе русское подданство останутся на своихъ мѣстахъ, при своихъ правахъ по старинѣ. Однако фохты и дворяне разбѣгались, и лишь поселяне во множествѣ присягали московскому князю. Прибл. об., II, 364.

Въ виду дѣятельнаго участія, принятаго Нарвою въ торговомъ посредничествѣ между ганзою,—этимъ всемірнымъ рынкомъ, центромъ, къ которому, какъ кровь по артеріямъ къ сердцу, приливали люди всевозможныхъ національностей со своими произведеніями,—и Россіею, мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателей въ бѣгломъ очеркѣ съ исторіей и характеромъ ганзейской торговли, главнымъ образомъ въ примѣненіи къ Нарвѣ [1]).

Русь завязала правильныя торговыя сношенія съ нѣмецкими городами еще въ 13-мъ вѣкѣ. Уже въ концѣ XII вѣка въ Новгородѣ была нѣмецкая, или любская контора [2]). Конечно, торговые обороты иностранцевъ въ Россіи первоначально были невелики, но начиная съ усиленія города Висби, центра балтійской торговли, наплывъ иностранныхъ купцовъ въ Новгородъ дѣлается замѣтнымъ.

До насъ сохранилось пять договорныхъ грамотъ Новгорода съ городами, вошедшими потомъ въ составъ ганзейскаго союза. Нѣмцы выговаривали себѣ всевозможныя льготы: свободу богослуженія, облегченіе въ платежѣ торговыхъ пошлинъ, корпоративныя права [3]), неподсудность русскимъ судамъ, право

---

[1]) Подробнѣе см. у Костомарова, въ сочиненіи «Сѣверноруссвія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. СПБ. 1863» и у Андреевскаго въ его сочиненіи «О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ» и диссертація «О правахъ иностранцевъ въ Россіи».

[2]) Андреевскій. О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами, стр. 2 и 3.

[3]) Во главѣ корпораціи купцовъ стоялъ ольдерманъ съ 4-мя помощниками, которые назывались ратманами. Ольдерманъ былъ представителемъ ганзейскихъ купцовъ и защитникомъ ихъ интересовъ. Вообще ганзейскимъ купцамъ принадлежали слѣдующія корпоративныя права: право составлять собранія и выбирать лицъ на службу, имѣть общую казну, подъ именемъ кассы св. Петра, владѣть дворомъ и землями на правѣ общей собственности и, наконецъ, право самоуправленія и внутренней полицейской расправы. Права свои ганзейцы ревниво охраняли, и у нихъ было постановлено: «кто умыслитъ скопомъ и силою ослабить или разрушить право двора и будетъ въ томъ уличенъ, долженъ заплатить 50 марокъ серебра и удалиться изъ двора навсегда». См. Андреевскій, о правахъ иностранцевъ въ Россіи, стр. 88 — 94. Во 2-ой половинѣ XVI столѣтія ганзейскій союзъ состоялъ изъ 65 городовъ, съ Любекомъ во главѣ (Гамбургъ, Ростокъ, Висмаръ и др.) Дѣла, касавшіяся всего союза, разсматривались на съѣздахъ, которые обыкновенно пріурочивались къ Вознесенью и Троицѣ. Предсѣдательствовалъ Любекъ въ лицѣ 4 бургомистровъ, 2 синдиковъ, 4 ратсгеровъ и секретарей; другіе города высылали по 2—4 депутата. Форстенъ, т. I, стр. 147.

рубки лѣса для сооруженія мачтъ на торговыхъ корабляхъ (въ договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 г. значится: «когда гость, т. е. купецъ, прибудетъ въ Неву и будетъ имѣть нужду въ деревѣ или мачтѣ, то имѣетъ право рубить таковыя по обоимъ берегамъ воды, гдѣ хочетъ») и т. п. Обанкротившійся новгородецъ долженъ былъ сперва выплачивать долги иноземцамъ; обанкротившійся нѣмецъ не подлежалъ личному задержанію за долги [1]). Подобныя же льготы предоставлялись и русскимъ, торговавшимъ за границею.

Надо думать, что не будь иноземная торговля обставлена такими льготами, она не могла бы свить прочнаго гнѣзда въ Россіи. Надъ иностранцами постоянно висѣлъ дамокловъ мечъ. Частыя войны, сопровождавшіяся пожарами и опустошеніями, насиліе и произволъ мѣстныхъ властей, при отсутствіи гарантій, создаваемыхъ правильными дипломатическими сношеніями; наконецъ, плутоватость русскаго купечества, на которую постоянно жаловались иностранные «гости», — все это въ корнѣ подрывало внѣшнюю торговлю, такъ что только всевозможными льготами (которыя, къ слову сказать, часто только на бумагѣ оказывались таковыми) можно было создать тотъ наплывъ въ Россію иноземныхъ купцовъ, какой мы наблюдаемъ, особенно со времени Ивана Грознаго. Торговый обманъ выражался преимущественно въ формѣ обмѣриванья и обвѣса. Въ 1414 г. нѣкто Брюгге жаловался, что новгородскій купецъ наложилъ кирпичей въ проданный воскъ для приданія ему вѣса.

Впрочемъ, надо замѣтать, что и нѣмецкіе купцы не всегда отличались добросовѣстностью. Обмѣриваніе и обвѣшиваніе практиковалось и у нихъ и вызывало преслѣдованіе въ формѣ денежнаго штрафа (полторы марки серебра) на основаніи «скры», т. е. акта, регулировавшаго внутренній бытъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ [2]). Около 1300 года одинъ «гость»

---

[1]) Договоръ Новгорода съ нѣм. гор. 1270 г., пп. X и XX (Андреевскій, стр. 25 и 32).

[2]) См. «Скра новгородская», § 34, у Андреевскаго о договорѣ Новг. съ нѣм. гор., стр. 59.

Скра слово исландское; означаетъ таблицу, грамоту, актъ. Ibidem, стр. 39, примѣч. 1.

привезъ партію полотенъ, оказавшихся недоброкачественными, даже по признанію самого нѣмецкаго ольдермана.

Но нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ въ Россіи, кромѣ обмана, какъ упомянуто выше, приходилось еще терпѣть отъ насилій, которыя были такъ естественны въ то бурное, воинственное время. Часто торговый человѣкъ лишался послѣдняго куска хлѣба вслѣдствіе произвола расходившейся черни или нерѣдко по капризу князя.

Въ 1392 году нѣмцы жаловались, что новгородцы отняли у дерптскихъ купцовъ ихъ имущество и повредили нѣмецкую церковь. Новгородцы въ свое оправданіе заявили, что въ Нарвѣ и по рѣкѣ Невѣ нѣмцы ограбили ихъ купцовъ.

Въ 1493 году въ Ревелѣ былъ сожженъ какой-то русскій, уличенный in horrendo flagitio (въ скотоложствѣ), при чемъ нѣкоторые ревельцы говорили русскимъ, что они сожгли бы и русскаго князя, еслибы онъ поступилъ, какъ его подданный. Иванъ III, до котораго дошли эти слова, потребовалъ выдачи ревельскаго магистрата и, не получивъ удовлетворенія, велѣлъ схватить ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ. Нѣмцы предлагали съѣхаться для переговоровъ на островѣ рѣки Наровы, но переговоры не состоялись.

Вообще несогласія возникали очень часто, но улаживались уполномоченными, съѣзжавшимися съ обѣихъ сторонъ. Сохранилось извѣстіе, что такой съѣздъ уполномоченныхъ состоялся въ 1420 году въ городѣ Нарвѣ, бывшемъ тогда подъ властью ливонскаго ордена. Но договоры быстро нарушались, и снова начинались недоразумѣнія.

Издревле существовало 3 пути для торговыхъ сношеній ганзы съ Новгородомъ: первый главный путь по Балтійскому морю до Котлина, затѣмъ по Невѣ, Ладогѣ и Волхову; второй путь—по Наровѣ [1]) черезъ Псковъ и третій—черезъ Перновъ, Чудское озеро и Псковъ. Другіе пути считались контрабанд-

---

[1]) Реклю (Земля и люди, т. V, 1883 г.) дѣлаетъ предположеніе, что прежде Нарова была глубже, чѣмъ теперь. Этимъ и можно объяснить тотъ фактъ, что въ балтійскомъ торговомъ пути ей было отведено такое важное мѣсто. Значеніе ея для торговыхъ сношеній усиливалось еще тѣмъ, что она въ среднемъ была (и теперь бываетъ) свободна отъ ледохода на 11 дней больше, чѣмъ Нева.

ными. Понятно, поэтому, что послѣ паденія великаго Новгорода Нарва оставалась почти единственнымъ пунктомъ, представлявшимъ громадныя удобства для коммерческихъ оборотовъ, такъ какъ черезъ нее главнымъ образомъ текла ганзейская торговля.

Ганзейцы еще въ 1521 году дѣлали попытки къ открытію торговой конторы въ Нарвѣ, но противъ этого возстали ливонскіе города, боявшіеся усиленія Ивангорода при посредствѣ Нарвы и непрочности нарвской торговли въ виду столь близкаго сосѣдства опаснаго врага. Но на ганзетагѣ 1542 г. вновь вносится предложеніе о принятіи Нарвы въ ганзейскій союзъ. Ревель соглашался на это подъ условіемъ, чтобы Нарва, бывшая еще подъ властью Ливоніи, прервала сношенія съ Ивангородомъ. Особенно хлопоталъ о включеніи Нарвы въ союзъ городъ Любекъ. Представители самой Нарвы, сознавая всю выгоду для ганзы отъ включенія столь важнаго приморскаго города въ союзъ, со своей стороны, ставили условіемъ вступленія въ этотъ союзъ освобожденіе отъ обязанности нести военныя повинности и являться на общіе ганзетаги. Условія небывалыя въ ганзѣ XV столѣтія!—замѣчаетъ Форстенъ [1]).

Иванъ Грозный еще въ 1557 году (до завоеванія Нарвы) добивался торговыхъ сношеній съ Ганзою черезъ Ивангородъ и отправилъ посольство въ Нарву, обѣщая ея купцамъ свободную торговлю въ Ивангородѣ, откуда и русскіе свозили бы свои товары въ Нарву. Царь соглашался построить особый торговый дворъ въ Ивангородѣ. Хотя существовало подозрѣніе, что онъ хочетъ собрать въ Ивангородѣ запасъ оружія, однако ратъ (т. е. городской совѣтъ) Нарвы разрѣшилъ торговлю съ Русью и постановилъ лишь взимать подать съ купцовъ, ѣздившихъ во Псковъ и Новгородъ, причемъ подать эта обращалась на укрѣпленіе нарвскихъ стѣнъ.

Конкуренція Нарвы даже для Ревеля была настолько чувствительна, что въ 1561 году ревельцы обратились къ королю шведскому Эрику XIV-му, съ просьбою запретить Любеку и другимъ нѣмецкимъ городамъ торговлю съ Нарвою. Однако нѣмецкіе города не желали поступиться собственными инте-

[1]) Форстенъ, I, 149, 152.

ресами, такъ какъ имъ самимъ было выгодно удержать торговлю въ Нарвѣ, бывшей тогда, какъ мы уже сказали, однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ для торговыхъ сношеній запада Европы съ Россіей.

Торговые обороты города Нарвы расширялись не отъ одной связи съ ганзейскими городами.

Предпріимчивые англійскіе купцы, отыскавшіе новый путь въ Россію мимо сѣверныхъ береговъ Скандинавскаго полуострова и получившіе торговыя льготы у Ивана Грознаго, проникли и въ Нарву. Христоферъ Гудсонъ, Лаврентій Манлей и Георгъ Миддлетонъ, съ дозволенія Ивана Васильевича, основали торговые дома въ Нарвѣ [1]).

Привилегія на право торговли съ Россіей была дана особой, образованной въ Лондонѣ, «россійской компаніи», которая и разсылала своихъ агентовъ въ русскіе города. Но впослѣдствіи въ Нарву проникли и другіе англійскіе купцы, не принадлежавшіе къ названной компаніи. Эта конкурренція была весьма непріятна послѣдней, и вотъ въ 1567 г. отъ имени королевы англійской былъ посланъ въ Россію Лоренсъ (Лаврентій) Манлей, а съ нимъ Николай Прокторъ и имъ поручалось уладить торговыя недоразумѣнія. Съ этою же цѣлью мѣсяца черезъ три былъ отправленъ въ Москву и Георгъ Миддлетонъ. Въ письмѣ королевы, которое повезъ этотъ новый депутатъ говорилось: «Въ числѣ порученій, возложенныхъ на Миддлетона, главное состоитъ въ томъ, чтобы онъ тщательно ходатайствовалъ у вашего величества о взятіи подъ стражу въ самоскорѣйшемъ времени нѣкоторыхъ англичанъ въ Нарвѣ (Томаса Гловера, Ральфа Руттера, Джемса Уаттона и Христофора Бениста), которые съ явнымъ къ намъ пренебреженіемъ, съ величайшимъ обманомъ для нашихъ подданныхъ и къ немалому оскорбленію вашего величества, показали себя въ отношеніи къ намъ чрезвычайно невѣрными, дерзкими и лукавыми. Безъ вѣдома своихъ господъ, находящихся въ Англіи, они, какъ мы слышали, тайно вступили въ бракъ съ польскими женщинами, и потому, если къ арестованію ихъ не будутъ приняты мѣры тотчасъ и навѣрное, надобно опасаться, что они убѣгутъ въ Польшу». Къ этому прибавлялось, что будущею весною королева предполагаетъ отправить въ Москву посла съ почетными купцами для переговоровъ о дѣлахъ торговыхъ.

Дѣйствительно, вскорѣ (лѣтомъ 1568 г.) въ Москву было отряжено новое посольство съ Рандольфомъ во главѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ было отослано въ Москву черезъ Нарву и письмо королевы Елизаветы отъ 16 сентября 1568 года [2]).

---

[1]) Передъ этимъ особая англійская экспедиція, подъ начальствомъ Томаса Соутгема и Джона Спарка, осмотрѣла путь и изучила способы передвиженія отъ Сѣв. Двины до Новгорода и Нарвы.

[2]) Переписка королевы Елизаветы, а также россійской компаніи въ Лон-

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Елизавета въ другомъ посланіи на имя нарвскаго магистрата выражала свое удивленіе, что послы ея къ царю Манлей и Миддлетонъ были задержаны въ Нарвѣ. По этому поводу королева писала: «Magnificis et illustribus Narvensis Emporii, sub potentissimo Imperatore Russiæ e. c. supremis Gubernatoribus, amicis nostris charissimis. Magnifici, illustres amici charissimi. Misimus hoc anno duos nuncios Laurentium Manley et Georgium Middleton, utrumque nostrum perdilectum famulum cum literis nostris ad Imperatoriam Majestatem Russiæ. Accepimus, facultatem transeundi per vestram Iurisdictionem ad Imperatorem vestrum nostro muncio Georgio Middletono a vobis esse denegatam. Quæ res eo majorem nobis admirationem commovet, quo certiores nos sumus vobis incertum esse non posse, quaequam certa amicitiæ ratio, quaequam magna et multa mutuae benevolentiæ officia inter vestrum Principem et nos, inter nostros utrobique subditos, amice et humaniter hoc tempore intercedunt. Sed cum certae jam res sunt momenti magni, quas communicandas habemus hoc tempore cum vestro Imperatore, et quas intelligere imprimis intererit Sua Majestate propterea a vobis primum pro vestra erga Principem vestrum obedientia, admodum requirimus, deinde pro vestra, uti superamus, erga nos quoque observantia etiam petimus, ut has nostras literas, quas cum his vestris conjunximus, primo quoque tempore, ad Suam Majestatem perferri curetis. Sic ut nobis aliquando constet (id quod ut constare possit, diligenter procurabimus), vos fuisse in hac officii parte et vestro Principi obsequiosos Magistratus et nobis gratos et officiosos amicos. Quo officio vestro, vos nobis non minimam et commendationem a vestro Principe, et gratiam a nobis etiam poteritis promereri. Id quod vobis pro nostra quidem parte exploratum erit, cum ulla nobis ad id idonea dabitur opportunitas. Foeliciter valeatis» etc.

Переговоры съ Москвою окончились очень счастливо для россійской компаніи въ Лондонѣ. За нею была подтверждена прежняя привилегія отъ 22 сентября 1557 года, въ силу которой ей предоставлялось право торговли въ Казани и Астрахани, въ Нарвѣ и Дерптѣ, а также въ Персіи черезъ Россію; теперь эта торговля признавалась монополіею компаніи, а гавани на Ледовитомъ океанѣ и Бѣломъ морѣ были закрыты не только для англійскихъ, не принадлежавшихъ къ россійской компаніи, но и для другихъ иноземныхъ купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены компаніи получили дозволеніе передѣлывать иностранные талеры въ ходячую монету.

Нельзя не упомянуть, что подъ прикрытіемъ торговыхъ переговоровъ, между Москвою и Лондономъ происходили тайныя совѣщанія по интимному дѣлу царя, предлагавшаго руку и сердце англійской королевѣ (миссія Дженкинсона). Какъ извѣстно, бракосочетаніе двухъ царственныхъ особъ не состоялось, и Іоаннъ Васильевичъ

донѣ съ Рандольфомъ и Миддлетономъ вообще производилась при посредствѣ жившаго въ Нарвѣ Андрея Атертона. Одно изъ писемъ къ Рандольфу Атертонъ передалъ пробиреру Томасу Грину (также нарвскому жителю). Это навлекло подозрѣнія, и оба, Атертонъ и Гринъ, были заключены подъ стражу.

свичъ вскорѣ женился на дочери живнаго въ Нарвѣ окольничаго Григорія Степановича Собакина Маріѣ Васильевнѣ, которая сдѣлалась третьею супругою Грознаго [1]).

Развитіе въ Россіи англійской торговли встревожило польскаго короля Сигизмунда, опасавшагося также и тайнаго провоза военныхъ припасовъ черезъ Нарву, и онъ писалъ по этому поводу Елизаветѣ англійской (въ 1568 г.): «Мы еще разъ подтверждаемъ вашему величеству, что царь московскій ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; привозятъ не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ; но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?» Сигизмундъ предрекалъ, что если не положить предѣла торговлѣ Россіи съ Англіей черезъ Нарву, то «русскій царь въ безумной гордости устремится на христіанство» [2]).

Нельзя не замѣтить, что Сигизмундъ всѣми силами старался устроить дѣло такъ, чтобы Ливонія перешла къ нему въ руки, а отнюдь не къ русскому царю. Поэтому онъ всячески препятствовалъ русскимъ утвердиться въ Нарвѣ или другомъ приморскомъ городѣ; когда-же русскіе взяли Нарву, онъ стремился уронить торговлю этого города, поставщика на всю Россію. Быть можетъ, Сигизмунду удалось бы утвердиться на Балтійскомъ морѣ, въ Ливоніи, и, въ свою очередь, завоевать Нарву; но этому препятствовали весьма существенныя обстоятельства, а именно зависимость короля отъ шляхты, подъ вліяніемъ которой отъ откладывалъ со дня на день исполненіе своихъ плановъ, религіозная смута и

[1]) Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Соч. академика І. Гамеля. «ПГ. 1865, стр. 79, 82—93.

[2]) Соловьевъ. Ист. Россіи. т. VI. гл. 5, стр. 211; Карамзинъ, т. IX, примѣч. 264.

отношенія къ Литвѣ, прусскимъ городамъ и императору Максиміліану II-му [1]).

При такихъ условіяхъ противодѣйствіе Польши не могло уронить англійской торговли въ Нарвѣ. По словамъ Форстена, англичане стремились даже сдѣлать нарвскую торговлю своей монополіей, какъ это имъ удалось относительно бѣломорской. Однако въ этомъ они получили отказъ: Нарва до самаго своего паденія продолжала оставаться «общеевропейскимъ рынкомъ». «Что царь отказалъ англичанамъ—говоритъ Форстенъ—въ ихъ нарвскихъ искательствахъ, тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу политической дальновидности Іоанна, что вѣдь онъ осыпалъ англичанъ такими щедротами въ Бѣломъ морѣ, которыя удивляли самихъ англичанъ; то, что было возможно относительно бѣломорской торговли, было немыслимо въ Нарвѣ; царь высоко цѣнилъ этотъ пунктъ, понималъ, что въ Нарвѣ у него звено, соединяющее его подданныхъ съ западной Европой; въ Нарвѣ у него лучшая коммерческая школа для его еще начинающихъ коммерческій курсъ подданныхъ. Онъ всѣмъ готовъ былъ поступиться, только не этимъ любимымъ дѣтищемъ своимъ. Англичане напрасно думали, что Іоаннъ не видѣлъ насквозь ихъ своекорыстія; когда оно не вредило Россіи, онъ его допускалъ, но какъ скоро съ этимъ связывалось все будущее его государства,—онъ рѣшительно отказывался отъ прежней тактики, которой держался съ англичанами. Передать имъ Нарву значило потерять счастливую связь съ Европой» [2]).

Кромѣ торговли съ ганзейскими городами и Англіей, Нарва завязала сношенія съ Голландіей, Шотландіей, Даніей, Франціей и Испаніей [3]). Нарвскій рейдъ, несмотря на его значительныя неудобства для мореплавателей, постоянно посѣщали торговыя суда подъ всевозможными флагами. Нарва, по выраженію Карамзина, купечествовала съ цѣлой Европой и даже своею торговлею способствовала возвышенію Новгорода [4]).

---

[1]) Форстенъ, I, 340 и сл.

[2]) Тамъ-же, стр. 393.

[3]) О торговлѣ съ Испаніей и препятствіяхъ со стороны польскаго короля см. тамъ-же, стр. 417—418.

[4]) Карамзинъ, IX, 277.

Россія отпускала черезъ нарвскій портъ, по словамъ Флетчера, одного воска 50 тысячъ пудовъ; съ завоеваніемъ Нарвы шведами въ 1581 году цифра отпускаемаго Россіею черезъ Нарву воска упала до 10 тысячъ пудовъ, т. е. уменьшилась въ 5 разъ.

Изъ челобитной торговыхъ людей, поданной Алексѣю Михайловичу, въ которой, между прочимъ, изложена исторія торговыхъ сношеній Россіи съ иноземцами, мы узнаемъ, что во время существованія торговой пристани у Ивангорода казною собиралось вдвое болѣе пошлинъ, чѣмъ съ архангельскаго порта, а именно ежегодный доходъ казны простирался до 50 тысячъ рублей [1]). Болховитиновъ въ своей исторіи княжества псковскаго говоритъ, что до 18 столѣтія по Наровѣ сплавлялся корабельный лѣсъ, отъ продажи котораго одной пошлины собиралось до 15 тысячъ рублей [2]).

Въ 1567 году на Наровѣ было однихъ любекскихъ кораблей—33, въ 1570 году 40 любекскихъ кораблей прибыло въ Нарву съ солью, сельдями, хлѣбомъ и другими продуктами. Особенно много было англійскихъ кораблей. Англичане черезъ Нарву завязали торговыя сношенія съ Персіей и Арменіей. Стеченіе иностранныхъ «гостей» (т. е. купцовъ) въ Нарвѣ бывало громадное; туда свозилось такое обильное количество товаровъ, что, по словамъ лѣтописи Ніенштедта, цѣна на нихъ падала, и они продавались здѣсь дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. По свидѣтельству той-же лѣтописи, царь очень радовался развитію торговли въ Нарвѣ, такъ какъ надѣялся такимъ образомъ прочнѣе утвердиться въ Ливоніи; поэтому иностранные купцы были въ большомъ почетѣ, за ними ухаживали, ихъ приглашали въ домъ намѣстника въ Нарвѣ и угощали на славу [3]).

Предметами нарвской торговли, кромѣ лѣса и воска, служили еще ленъ, пенька, сало, соль, пряности и напитки, мѣха, полотна, бархатъ, шелкъ и т. д.

---

[1]) Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ россійской имперіи, IV, стр. 14.

[2]) Болховитиновъ, ч. I, стр. 74.

[3]) Форстенъ I, 417.

Причину расширенія нашей сѣверной торговли вообще, а нарвской въ частности слѣдуетъ искать въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ самомъ географическомъ положеніи Новгорода и окрестныхъ мѣстъ, лежавшихъ на естественномъ водномъ пути, сближавшемъ западную Европу съ Россіей, а черезъ послѣднюю съ Азіей (припомнимъ, что до 16 столѣтія не было южнаго морского пути въ Индію), во-вторыхъ,— въ очень печальномъ моментѣ русской исторіи,—въ монгольскомъ нашествіи. Какъ это ни странно, но дѣло обстоитъ именно такъ. Извѣстно, что монголы въ своемъ опустошительномъ шествіи по Россіи не достигли Новгорода. Послѣ разоренія большихъ городовъ южной и средней Россіи, торговля изъ нихъ перешла на сѣверъ и здѣсь, благодаря мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ режима новгородской жизни, свила себѣ прочное гнѣздо; послѣ же паденія Новгорода перешла во Псковъ, Нарву и другіе города, представлявшіе удобства для торговыхъ сношеній.

Усиленіе нарвской торговли было не по душѣ врагамъ московскаго царя. Изъ письма къ Елизаветѣ англійской мы видѣли, какъ боялся расширенія торговыхъ сношеній Москвы черезъ Нарву Сигизмундъ польскій. Не ограничиваясь этимъ письмомъ, онъ въ 1571-мъ году издалъ указъ, запрещавшій нарвское плаваніе и грозилъ ослушникамъ лишеніемъ всѣхъ привилегій и обвиненіемъ въ оскорбленіи королевскаго величества (crimen laesae majestatis). Но кромѣ того упроченіе московскаго князя въ Ливоніи представлялось опаснымъ и нежелательнымъ для самой германской имперіи. Вотъ почему 27 ноября 1561 года Фердинандъ I издалъ указъ, составленный въ томъ же духѣ. «И наши предшественники, и мы сами — объявлялъ Фердинандъ подвластнымъ ему курфюрстамъ, князьямъ, рыцарямъ и бюргерамъ, — неоднократно обращались ко всѣмъ своимъ подданнымъ и запрещали имъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, вывозить изъ имперіи оружіе, латы, мотыки, панцыри, порохъ, олово, сѣру и иные военные снаряды. Съ тѣхъ поръ, какъ московскій царь началъ воевать Ливонію, мы запретили своимъ подданнымъ имѣть съ нимъ какія бы то ни было торговыя сношенія, доставлять ему провіантъ или оружіе. Несмотря однако на это, до насъ

доходятъ свѣдѣнія, что сношенія съ русскими всетаки поддерживаются, и имъ доставляютъ, кромѣ оружія и пороха, въ большомъ количествѣ соль, сельди и др. съѣстные припасы. Поддерживаемый нѣмцами и другими иностранцами московскій царь все усиливается и съ бо́льшимъ успѣхомъ ведетъ свою опустошительную войну въ Ливоніи: послѣ Нарвы съ ея фарватеромъ въ его руки попали Дерптъ, Маріенбургъ и многіе другіе города и крѣпости. Разорена вся Ливонія, множество людей обоего пола уведено въ плѣнъ, захваченъ скотъ и имущество жителей; чего нельзя было унести — русскіе предали огню и мечу. Такимъ образомъ Ливонія лишена и народа, и денегъ, и провіанта; у царя же силы все растутъ и дошли уже до 130 тысячъ человѣкъ. Опустошительные набѣги московитовъ достигли уже до самой Курляндіи; многіе знатные мужи Ливоніи погибли или томятся въ плѣну, напримѣръ, Вильгельмъ Фюрстенбергъ. Лучшія части провинціи, какъ Эстонія, Гаррія, Вирландъ въ рукахъ великаго князя московскаго. Помогая русскимъ, вы помогаете врагамъ всей германской имперіи. Мы рѣшили не допустить униженія и умаленія имперіи и сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для сохраненія мира и спокойствія. Подъ страхомъ уничтоженія всѣхъ регалій, леновъ, привилегій, льготъ и правъ мы запрещаемъ всѣмъ подданнымъ имперіи сноситься съ русскими и доставлять имъ оружіе и провіантъ. Это приказаніе наше должно быть тотчасъ обнародовано во всѣхъ княжествахъ, земляхъ, городахъ и мѣстечкахъ» [1]). Еще до изданія этого указа императоръ просилъ Фридриха II, Эрика XIV, Елизавету англійскую, Маргариту нидерландскую, Любекъ и другіе города отказаться отъ торговыхъ сношеній съ Русью черезъ Нарву.

Шведскій король Эрикъ, съ своей стороны, воспретилъ торговлю съ Нарвой. Ганзейскимъ городамъ подтверждались привилегіи ихъ лишь съ условіемъ не ѣздить въ Нарву. Любеку, въ случаѣ неповиновенія, король угрожалъ, что найдетъ средство подчинить его своей волѣ. Ревель объявлялся единственнымъ стапельнымъ пунктомъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря [2]).

---

[1]) Форстенъ, I, 142.

[2]) Тамъ же, стр. 239.

Однако любекскіе корабли всетаки пріѣзжали въ Нарву. «Плаваніе въ Нарву продолжается—жаловался Ревель королю,— и русскіе получаютъ отъ любчанъ и другихъ всевозможные товары; нарвское плаваніе грозитъ Ревелю совершеннымъ обѣднѣніемъ; слѣдствія его скажутся и на благосостояніи всей Ливоніи». Тогда Эрикъ рѣшилъ прибѣгнутъ къ силѣ: въ море было послано нѣсколько военныхъ судовъ и галеръ для захвата купеческихъ кораблей, появлявшихся въ виду нарвскаго фарватера; Эрикъ просилъ и мѣстное населеніе помочь ему въ захватѣ контрабандныхъ кораблей, обѣщая ему половину захваченнаго товара. Ревельцы съ необыкновеннымъ усердіемъ отозвались на призывъ короля, и начинается система каперства: корабли, направляющіеся въ Нарву, захватываются, добыча конфискуется. Наконецъ, въ 1562 году Эрикъ издалъ инструкцію своему адмиралу въ наровскомъ фарватерѣ расположиться между Нюландомъ и Лифляндіей и не допускать иностранныя суда, ганзейскія, датскія, англійскія, испанскія, шотландскія и фламандскія, ни въ Нарву, ни изъ Нарвы. Система каперства, учрежденная шведскимъ, а затѣмъ датскимъ и польскимъ королями, сильно роняла торговлю въ Нарвѣ. Въ 1568 году былъ захваченъ даже одинъ голландскій корабль, потерпѣвшій крушеніе, несмотря на заявленіе экипажа, что онъ плылъ не изъ Нарвы. Одинъ изъ голландскихъ моряковъ былъ убитъ, а капитанъ и матросы взяты въ плѣнъ. Нарвскіе купцы неоднократно жаловались, что ревельскіе пираты грабятъ ихъ на морѣ. Каперство, какъ видно, было очень выгодно, такъ что и Любекъ учредилъ его, конечно, противъ враждебныхъ кораблей; въ 1566 году любекскіе пираты захватили корабль, шедшій изъ Нарвы и принадлежавшій купцу Аренту фонъ Дедену. Самъ владѣлецъ корабля былъ освобожденъ лишь по настойчивому требованію царскаго намѣстника въ Нарвѣ Григорія Ивановича Заболоцкаго. Въ 1575 году шведами было захвачено въ Балтійскомъ морѣ 18 любекскихъ кораблей, шедшихъ въ Нарву и другіе приморскіе города. Кромѣ захвата кораблей, шведы сжигали любекскіе пакгаузы у Нарвы. Весь убытокъ, нанесенный ими Любеку считался въ 700 тысячъ талеровъ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 419, 469, 592, 656 и 657.

Торговля англичанъ въ Нарвѣ была прочнѣе; они принимали всевозможныя мѣры предосторожности противъ корсаровъ. Въ 1567 году агентъ англійской компаніи Гудсонъ привезъ въ Нарву товаровъ на 11 тыс. фунтовъ стерлинговъ (сукно, каразея, соль). Въ 1569 г. онъ доставилъ товаръ въ Нарву уже на 3 корабляхъ и надѣялся, въ свою очередь, нагрузить ихъ въ Нарвѣ, при этомъ заботился лишь о вооруженіи экипажа огнестрѣльнымъ оружіемъ на случай встрѣчи съ пиратами. На обратномъ пути ихъ дѣйствительно окружили польскіе корсары, но были побѣждены: одинъ корсарскій корабль ушелъ въ море, другой былъ сожженъ, а остальные четыре были приведены въ Нарву и съ 82 плѣнными пиратами выданы воеводѣ [1]).

По свидѣтельству лѣтописи Рюссова, въ 1570 году нѣсколько данцигскихъ крейсеровъ было взято въ плѣнъ англичанами въ наровскомъ фарватерѣ и привезено въ Нарву; болѣе 70 плѣнныхъ было повѣшено, въ числѣ ихъ былъ капитанъ Асмусъ Іендрихсонъ. По словамъ той-же лѣтописи, торговля въ Нарвѣ, несмотря на каперство, процвѣтала, а въ Ревелѣ клонилась къ упадку. «Не только любекскіе города при Балтійскомъ морѣ—говоритъ Рюссовъ—но и всѣ французы, англичане, шотландцы и датчане большими толпами отправлялись въ Нарву и вели большую торговлю, происходившую сперва въ Ревелѣ, различными товарами, золотомъ и серебромъ; изъ за этого городъ Ревель сталъ пустымъ и бѣднымъ городомъ. Тогда-то ревельскіе купцы и бюргеры стаивали въ розовомъ саду (иронія!) и на валахъ и съ большой тоской и печалью смотрѣли, какъ корабли неслись мимо города Ревеля въ Нарву... Въ то время городъ Ревель былъ печальнымъ городомъ, не знавшимъ ни конца, ни мѣры своему несчастію»! [2]).

Между тѣмъ какъ нарвская торговля съ каждымъ годомъ расширяла свои размѣры, внезапно въ 1570 году въ Нарву нагрянули опричники (уже разграбившіе Новгородъ), можетъ быть, привлеченные слухами объ ея богатствѣ, и, уличая гражданъ въ намѣреніи передаться польскому королю, стали, по обыкновенію, грабить мирныхъ обывателей и насиловать ихъ женъ и дочерей.

---

[1]) Соловьевъ, VII, I, 395.

[2]) Rüssow, стр. 171. Приб. сб. II, 384.

Много товаровъ и добра было побросано въ прорубь рѣки Наровы и туда-же, надо полагать, вслѣдъ за товарами были отправлены и ихъ владѣльцы.

Рюссовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ постигшее Нарву бѣдствіе: «Въ то-же время (1570 г.), послѣ казней, имѣвшихъ мѣсто въ Новгородѣ и Псковѣ, московскій царь отправилъ нѣсколько тысячъ опричниковъ въ лифляндскую Нарву. Сначала опричники дѣлали видъ какъ будто идутъ на шведовъ въ Лифляндію; но когда ихъ впустили въ Нарву, то они начали немедленно убивать гражданъ, свирѣпствовать и бушевать. Не было пощады никому изъ русскихъ, будь онъ высокаго или низкаго званія, и даже женщинамъ и дѣтямъ. Но нѣмецкимъ купцамъ и лифляндскимъ крестьянамъ не было причинено никакого вреда; имъ было только запрещено подъ угрозою потери жизни и имущества прятать у себя русскихъ какъ старыхъ, такъ и молодыхъ. Во время этого избіенія всѣ дома, амбары и лавки были разграблены, а товары, состоявшіе изъ льна, воска, сала, кожъ, конопли и драгоцѣнныхъ мѣховъ, на громадную сумму денегъ, были вытащены на улицы и въ поле и преданы огню... Такъ какъ, однако, всѣхъ товаровъ сжечь не удалось, то они перенесли ихъ къ нарвскому мосту, сдѣлали въ рѣкѣ прорубь и, разорвавъ товары на мелкіе куски, бросали ихъ въ рѣку, гдѣ они тонули или плыли въ море... и никто не осмѣливался спасать свое имущество [1]).

Въ 1568 году корона шведская перешла въ руки Іоанна III-го, герцога финляндскаго, брата Эрика. Іоаннъ III прекратилъ начавшуюся при его братѣ войну съ Даніей, и на основаніи мира, заключеннаго въ Штетинѣ въ 1570 году, между прочими пунктами договора, ганзейскимъ городамъ было предоставлено свободно торговать съ Нарвой. Вскорѣ, однако, Іоаннъ III былъ вовлеченъ въ войну съ Россіей и пытался вновь уничтожить свободу нарвской торговли изъ боязни, что въ Нарву вмѣстѣ съ товарами будутъ доставляемы военные припасы [2]).

Шведы воспользовались тѣмъ, что Іоаннъ Грозный отозвалъ изъ Эстляндіи свои войска и сдѣлали рядъ нападеній на русскіе города, но почти всюду были отбиты.

Въ 1574-мъ году шведскій флотъ потерпѣлъ крушеніе близъ нарвской бухты, которая и теперь еще, несмотря на массу

1) Rüssow, 165; приб. сб., III, 185—186.

2) Собственно война со Швеціей началась изъ за города Ревеля, который Іоанну Грозному хотѣлось присоединить къ Россіи.

произведенныхъ работъ по очисткѣ и углубленію дна, изобилуетъ мелями.

При этомъ адмиральскій корабль былъ выброшенъ на берегъ, а экипажъ погибъ, кромѣ одного дворянина, который былъ схваченъ русскими и долгое время жилъ въ Нарвѣ.

Въ лѣтописи Рюссова объ этомъ читаемъ: «Въ 1574 г. военные корабли короля шведскаго отправились въ Нарву преслѣдовать московита. Но здѣсь имъ удалось не больше, чѣмъ и въ другихъ походахъ и замыслахъ, потому что, когда они прибыли къ нарвскому рейду, то поднялась страшная буря, разогнавшая корабли и прибившая адмирала къ берегу. При этомъ погибли почти всѣ люди; между ними былъ также одинъ дворянинъ изъ мейсенской земли, по имени Антоній Плохъ, живьемъ взятый московитомъ и послѣ долгаго заточенія повѣшенный въ Нарвѣ». [1]).

Послѣ этого шведская эскадра въ 1577 году бомбардировала устье Наровы и сожгла построенныя здѣсь три деревянныя крѣпостцы, въ которыхъ погибли и ея защитники (75 человѣкъ); пять человѣкъ, спасшихся отъ огня, не избѣгли, однако, плѣна [2]).

Иванъ Грозный, собравъ большое войско, со своей стороны, хотѣлъ сдѣлать нападеніе на Лифляндію, чтобы пробиться наконецъ къ Балтійскому морю, но это ему не удалось. Шведскій король Іоаннъ III, въ союзѣ съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточилась большая часть владѣній упраздненнаго ливонскаго ордена, напали на Россію съ двухъ сторонъ.

Баторій, командуя искуснымъ наемнымъ войскомъ, составленнымъ изъ венгровъ и нѣмцевъ, взялъ Полоцкъ, а за нимъ нѣсколько другихъ городовъ. Онъ подступилъ къ самому Пскову, но здѣсь встрѣтилъ энергичное сопротивленіе и долженъ былъ оставить свое наступательное движеніе на Россію.

Между тѣмъ 18 іюля 1579 года шведскій адмиралъ Бентъ Северинсонъ опустошилъ предмѣстье Ивангорода и Нарвы. Немного времени спустя и самая Нарва была обложена шведами, предводительствуемыми Генрихомъ Горномъ.

Однако и на этотъ разъ счастье имъ не благопріятствовало.

---

[1]) Rüssow, 206; приб. сб., III, 233.

[2]) Лѣтопись Нienштедта. Прибл. сб., т. IV, стр. 47. Mon Liv., ч. 2, стр. 76.

Наступила суровая осенняя пора. Каждый день лили съ утра до вечера дожди, такъ что у многихъ солдатъ одежда, пропитанная влагой, начала гнить на тѣлѣ. Къ этому еще, вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, въ виду запозданія посланныхъ изъ Швеціи кораблей съ провіантомъ, присоединился голодъ, а съ нимъ всевозможныя болѣзни. Послѣ трехъ недѣль безуспѣшной осады шведы отступили отъ Нарвы, потерявъ 4000 человѣкъ.

Въ лѣтописи Рюссова осада Нарвы 1579 года описывается слѣдующимъ образомъ: «13 сентября шведы осадили Нарву, по случаю чего была большая радость и ликованіе по всей Ливоніи, особенно же въ Ревелѣ. Но скоро послѣ этой радости наступило великое горе и печаль, такъ какъ этотъ нарвскій походъ и осада окончились крайне несчастливо. Въ продолженіе двухъ недѣль, во все время, которое шведы пробыли подъ Нарвой, имъ встрѣчались постоянныя неудачи: во-первыхъ, несносная дождливая погода, которая такъ одолѣвала солдатъ, что у нихъ сгнила одежда на тѣлѣ; во-вторыхъ адмиралъ черезчуръ замедлилъ доставкою артиллеріи и кораблей съ провіантомъ, вслѣдствіе чего въ лагерѣ произошелъ такой голодъ и изнуреніе, что отъ голода умерло болѣе 1500 кнехтовъ; въ третьихъ, и татары стали ставить шведамъ препятствія при фуражировкѣ и наносили имъ вредъ, такъ что они никакъ не могли добыть чего-либо изъ земель непріятеля. И когда выходилъ отрядъ шведовъ немного поспѣшнѣе, то татары всегда убѣгали отъ нихъ; когда же шведы возвращались назадъ въ лагерь, то татары снова поспѣшно нападали на нихъ и постоянно мучили шведовъ. Итакъ, когда повсюду рушились всѣ попытки шведовъ, и когда ихъ совершенно одолѣли голодъ и горе, то вслѣдствіе крайней нужды они въ сентябрѣ отступили отъ Нарвы» [1]). Вообще шведы всюду терпѣли отъ сырости и недостатка съѣстныхъ припасовъ.

Отступленіе шведовъ только отсрочило паденіе Нарвы. Россія, истощенная уже войнами съ татарскими ордами: казанскою, астраханскою и крымскою, а также предшествующей борьбою изъ-за Ливоніи, не могла оказать должнаго сопротивленія, которое сломило бы натискъ сильныхъ союзныхъ войскъ Польши и Швеціи.

18 іюня 1581 года Іоаннъ III (шведскій) прислалъ инструкцію своимъ генераламъ Делагарди, Флемингу и Горну, въ которой предписывалось, собравъ всѣ военныя силы, идти къ Нарвѣ и тамъ сдѣлать развѣдки, какую Нарву легче взять,

[1]) Russow, 376; прив. сб. III, 311.

нѣмецкую или русскую. Если бы взятіе Нарвы оказалось невозможнымъ, Делагарди предписывалось идти въ Ингерманландію занять Нотебургъ, Яму и другія крѣпости. Если бы, однако, взятіе Нарвы не представляло особенныхъ трудностей, то слѣдовало приступить къ ея осадѣ, отправивъ при этомъ развѣдчиковъ ко Пскову для того, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла польскаго короля. Во время осады Нарвы съ суши и съ воды 1000 человѣкъ должно было находиться для рекогносцировокъ между Новгородомъ и Псковомъ. Если бы Делагарди удалось взять Нарву, военную добычу предписывалось размѣстить по ближайшимъ крѣпостямъ, а въ случаѣ штурма дозволить солдатамъ въ теченіе 24 часовъ грабить жителей города, причемъ воспрещалось лишь присвоивать церковные колокола и военные припасы. Женщинъ, стариковъ дѣтей и духовенство предписывалось не трогать, подъ угрозою смертной казни. По взятіи Нарвы шведы обязаны были укрѣпить разрушенныя стѣны; всѣ кнехты должны были принять участіе въ этой работѣ. Если бы, наконецъ, Нарвы никоимъ образомъ нельзя было взять, то Делагарди предписывалось отступить и построить лишь у устья рѣки Наровы нѣсколько блокгаузовъ для загражденія подвоза къ городу военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ [1]).

Въ 1581-мъ году шведскій полководецъ Понтусъ Делагарди и адмиралъ Флемингъ, приплывшій съ войскомъ по Финскому заливу и Наровѣ, съ трехъ сторонъ обложили Нарву. Послѣ непрерывной канонады въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей, пробивъ толстыя трехсаженныя стѣны, шведы рѣшили идти на приступъ. Положеніе осажденныхъ было отчаянное, такъ какъ имъ неоткуда было ждать помощи. Делагарди обѣщалъ, въ случаѣ взятія Нарвы, отдать людямъ городъ на разграбленіе въ теченіе сутокъ, и это обѣщаніе такъ сильно подѣйствовало на корыстолюбивыхъ воиновъ, что они, по выраженію хроники

[1]) Вѣроятно, крѣпость, построенная княземъ Шестуновымъ на устьѣ Наровы, не сослужила на этотъ разъ возложенной на нее службы удерживать непріятельскія суда на почтительномъ разстояніи отъ рѣки, открывавшей естественную и удобную дорогу къ Нарвѣ и Ивангороду.

Рюссова, стали готовиться къ штурму города, какъ будто къ пляскѣ [1]).

6 сентября 1581 года Нарва пала. Разъяренные шведы не дали пощады ни старымъ, ни малымъ [2]) и, воспользовавшись разрѣшеніемъ своего военачальника, въ теченіе сутокъ безчинствовали въ завоеванномъ городѣ [3]); при штурмѣ пало до 7000 русскихъ.

Потеря Нарвы для русскихъ была очень чувствительна. Мало того, что Россія потеряла крѣпость, которая должна была удерживать шведовъ въ ихъ наступательномъ движеніи, она лишилась еще одной изъ лучшихъ, если не самой лучшей по тому времени гавани, въ которую приходили корабли всѣхъ націй и привозили Россіи всевозможные товары, начиная съ первой необходимости и кончая предметами роскоши.

Вслѣдъ за Нарвой были взяты шведами Ивангородъ (17-го сентября 1581 года), Яма, Копорье, Орѣшекъ и Виттенштейнъ.

Вотъ какъ лѣтопись Рюссова описываетъ взятіе Нарвы Понтусомъ Делагарди въ 1581 году:

«Между тѣмъ какъ Карлъ Генриксенъ былъ вполнѣ занятъ Гапсалемъ, въ Эстонію прибываетъ Понтусъ Делагарди, шведскій военачальникъ, полководецъ и губернаторъ, съ большимъ войскомъ и поспѣшно идетъ также къ Гапсалю окончить переговоры съ русскими на счетъ замка. Когда же всѣ дѣла были тамъ улажены, то онъ снова прибылъ въ Ревель, роздалъ жалованье всѣмъ воинамъ и тотчасъ же по сушѣ отправилъ къ Нарвѣ, а также по морю велѣлъ отправить королевскую армаду кораблей и галеръ съ сильной артиллеріей и боевыми снарядами, также нѣсколько кораблей съ людьми. Адмираломъ этой армады и кораблей былъ господинъ Клаусъ Флемингъ. Тогда была война, и военные клики въ землѣ московита раздавались по всѣмъ концамъ. А такъ какъ къ дѣлу было приложено самое неутомимое усердіе, то и всемогущій Господь даровалъ въ немъ счастье и свое благословеніе.

4-го сентября шведы стали обстрѣливать Нарву со всѣхъ сторонъ изъ 24-хъ двойныхъ и половинныхъ картаунъ (осадныхъ пушекъ), которыя были такъ велики, что всѣ воины разныхъ народностей, находившіеся предъ Нарвою, сознавались, что до сихъ

---

[1]) Rüssow's Livl. Chr., стр. 292. «Da ist Jedermann bald bereit gewesen und hat sich mit grossen Freuden zu dem Sturme gerüstet, nicht anders, als zu dem Tanze».

[2]) Ibidem, стр. 293. «Da ist weder jung, noch alt verschont worden».

[3]) О завоеваніи Нарвы шведами см. также Hiärn, въ mon Liv. ant., ч. I, 332, 333; Болховитиновъ. Исторія кн. пск., ч. 1, стр. 227 и ч. 4, стр. 135; Карамзинъ, т. IX, 201 и слѣд., прим. 592.

поръ не видывали ни у одного государя такихъ орудій. Прострѣлявши безпрерывно два дня и двѣ ночи и проломивъ стѣны, толщиною болѣе трехъ сажень, они стали приготовляться къ приступу и сначала добромъ потребовали сдачи города. Но русскіе въ Нарвѣ не хотѣли сдаваться.

Понтусъ Делагарди разрѣшилъ идти на приступъ не только ландскнехтамъ, но и гофлейтамъ, матросамъ и всѣмъ, кто только пожелаетъ.

И если, съ Божьею помощью, они приступомъ возьмутъ городъ, то въ продолженіе 24-хъ часовъ въ ихъ распоряженіи будетъ все добро, находящееся въ Нарвѣ, и всѣмъ, что въ это время каждый сможетъ или захочетъ, добыть, тѣмъ можетъ воспользоваться. Тогда скоро всѣ снарядились и стали собираться на приступъ, будто на пляску. Въ дѣлѣ участвовали также и всѣ капитаны, военные совѣтники и командиры. Идти на приступъ вызвались также и гофлейты или рейтеры, шведскіе и нѣмецкіе, и выбрали изъ своей среды начальника и знаменоносца, которые должны были вести ихъ. Тогда Шведеръ лундскій былъ избранъ начальникомъ, а Асмусъ зольтведельскій прапорщикомъ жаждавшихъ приступа гофлейтовъ. Оба упомянутые начальника, вмѣстѣ съ начальниками и прапорщиками шведскихъ и нѣмецкихъ кнехтовъ и гофлейтовъ, или рейтеровъ, храбро и весело предводительствовали своимъ отрядомъ. Когда же они всѣ вмѣстѣ бросились на приступъ, то сначала казалось, что дѣло будетъ очень трудно. Съ начала штурма пали Юргенъ Бельцковъ, прапорщикъ нѣмецкихъ кнехтовъ, и Асмусъ зольтведельскій, прапорщикъ гофлейтовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими кнехтами и гофлейтами. Но наконецъ, счастіе перешло на сторону шведовъ, и они съ перваго же приступа ворвались въ Нарву. Когда же они взобрались на блокгаузы и лѣстницы внутри города, которыя построены были какъ нельзя болѣе выгодно для нихъ, тогда въ Нарвѣ началась рѣзня и истребленіе; тутъ не щадили ни стараго, ни малаго. При этомъ, по признанію самихъ русскихъ, было избито двѣ тысячи стрѣльцовъ и триста бояръ (боярскихъ дѣтей) съ ихъ слугами,—всего около тысячи человѣкъ, всего же было убито около семи тысячъ человѣкъ русскихъ горожанъ, жителей и ихъ женъ и дѣтей и всякой челяди. Тутъ же на приступъ ходили и нѣкоторые везенбергскіе и падисскіе русскіе, перешедшіе на службу къ королю шведскому и обошедшіеся со своими земляками и кровными еще хуже и жесточе, чѣмъ шведскіе и нѣмецкіе кнехты.

Что за радость была тогда въ Ливоніи и особенно въ городѣ Ревелѣ, и что за печаль въ Москвѣ и по всей Россіи, можетъ представить себѣ всякій разумный человѣкъ. Въ этомъ приступѣ нашихъ, слава Богу, пало очень мало; между ними самыми знатными были оба упомянутые прапорщика. Такимъ образомъ королевство шведское овладѣло Нарвою въ 1581 году, 6-го сентября.

Эта потеря города Нарвы была для московита не малымъ позоромъ и ущербомъ, потому что Нарва была однимъ изъ его важнѣйшихъ владѣній, которыя онъ считалъ выше и лучше всей Ливоніи, ибо тутъ онъ устроилъ складочное мѣсто товаровъ для всѣхъ

московитовъ и русскихъ; сюда пріѣзжали корабли всѣхъ христіанскихъ народовъ, привозя московиту всякіе припасы, какіе только могъ онъ пожелать, и покупая тамъ всякіе товары, и жили съ его милости» [1]).

О взятіи Ивангорода имѣются нѣкоторыя подробности въ современныхъ запискахъ курляндскаго герцогскаго гофрата Лаврентія Миллера. Въ нихъ говорится: «Замокъ противъ Нарвы есть крѣпость, расположенная на великой горѣ. Русскіе зовутъ эту крѣпость Ивангородомъ, купцы-же называютъ ее русскою Нарвою. Въ Ивангородѣ находился гарнизонъ, состоявшій изъ 3 тысячъ московитовъ, не желавшихъ сдаваться. Господинъ Понтусъ, предложивъ сдачу, далъ имъ три дня на размышленіе, а по минованіи этого срока, направилъ свои картауны на крѣпость и велѣлъ сдѣлать залпъ на воздухъ поверхъ крѣпости. Московиты хорошо знали, что великій князь не приходилъ на помощь ни Полоцку, ни Великимъ Лукамъ, не придетъ и къ Пскову; безъ всякаго сомнѣнія, знали, что имъ былъ важенъ единственно Псковъ; могли также изъ крѣпости видѣть, какъ обошлись шведы съ московитами въ Нарвѣ, потому потребовали еще разъ переговоровъ. Когда же имъ былъ дозволенъ свободный выходъ изъ крѣпости со всѣмъ тѣмъ, что могли унести на себѣ, то они и сдали весьма сильную крѣпость Ивангородъ господину Понтусу. Выходили они изъ крѣпости опечаленные, и когда имъ пришлось проходить между двумя рядами шведскихъ ратниковъ, то никому въ глаза не смотрѣли, а глядѣли на небо и знаменовали себя, по ихъ обычаю, крестомъ на лобъ, грудь и оба плеча, наклоняли голову къ землѣ и снова смотрѣли въ небо. Ихъ проводили до границы. Въ крѣпости нашли достаточно всякаго провіанта, но изъ большихъ орудій нашли не болѣе шести, изъ чего можно заключить, какую силу непріятель сосредоточилъ во Псковѣ» [2]).

Во всѣ завоеванные города Понтусъ Делагарди посадилъ своихъ комендантовъ. Въ Нарву былъ назначенъ Карлъ Гинриксенъ Горнъ. Самъ Делагарди въ награду за подвиги получилъ отъ короля каменный домъ въ Нарвѣ. Одно имя счастливаго въ бояхъ шведскаго полководца наводило ужасъ на русскихъ; въ церквахъ ежедневно пѣлись молебны о спасеніи родины отъ непобѣдимаго врага.

Страхъ и смятеніе суевѣрныхъ людей усиливались еще небесными знаменіями, которыя наблюдались передъ пришествіемъ шведовъ. По словамъ хроники Ніенштедта, въ Нарвѣ

---

[1]) Прибалт. сборникъ, т. III, стр. 326—327 (лѣтопись Рюссова); Rüssow, 291—293.

[2]) Записки курляндскаго герцогскаго гофрата Лаврентія Миллера о временахъ Стефана Баторія (Лейпцигъ, 1585 г.). Переводъ—въ прибалтійскомъ сборникѣ, т. IV, стр. 138—139. О сдачѣ Ивангорода у Hiärn'a. Mon. Liv. ant., ч. I, стр. 332.

были видны на небѣ три солнца, а по словамъ нашей лѣтописи (воскресенской), «въ лѣто 7088 (1580) явися знаменіе: звѣзда копейнымъ образомъ». Указанное знаменіе наша лѣтопись ставитъ въ прямую связь съ послѣдовавшими затѣмъ завоеваніями шведовъ: «того же лѣта—говоритъ лѣтопись—свѣйскіе нѣмцы, пришедъ, взяли въ новгородской области городокъ Корелу и Ругодивъ, и Ивангородъ на Наровѣ, Орѣшекъ, Копорье и Яму» [1]).

Стефанъ Баторій, союзникъ шведовъ, завидовалъ ихъ военному счастью и, по завоеваніи Нарвы, писалъ шведскому королю Іоанну III-му: «Ты воспользовался моими успѣхами и присвоилъ себѣ Нарву съ другими городами нѣмецкими». На это Іоаннъ III отвѣчалъ Стефану: «Что пріобрѣтено кровью нашихъ, то наше. Вспомни, что вся Европа трепетала нѣкогда имени готѳовъ, отъ которыхъ мы наслѣдовали силу и мужество: не боимся меча ни русскаго, ни седмиградскаго» [2]).

Обостреніе отношеній между Швеціей и Польшей было естественнымъ послѣдствіемъ одинаковости поставленныхъ обоими государствами задачъ. Какъ Швеція, такъ и Польша стремились присоединить къ своимъ владѣніямъ Ливонію; Ливонія сдѣлалась для нихъ яблокомъ раздора [3]).

Между тѣмъ Иванъ Грозный, желая прекратить военныя дѣйствія, снесся съ римскимъ дворомъ и черезъ гонца Истому Шевригина просилъ папу Григорія XIII-то отвлечь польскаго короля отъ кровопролитія съ Россіею. Папа командировалъ въ Россію извѣстнаго іезуита Антонія Поссевина, которому былъ данъ наказъ, кромѣ посредничества въ переговорахъ между польскимъ королемъ и русскимъ царемъ, всѣми силами склонять Іоанна къ католицизму.

Самъ Григорій XIII прислалъ царю грамоту, въ которой обѣщалъ свое содѣйствіе въ примиреніи Россіи съ польскимъ королемъ. «А мы вамъ обѣма извѣщаемъ писалъ папа—желанье наше и хотѣнье, только будетъ похочете, въ вашихъ розняхъ чтобъ васъ содиначить и съ тѣхъ мѣстъ престанете такія великія пролитія крови хрестьян-

[1]) Полн. собр. р. лѣт., т. VIII, стр. 319.

[2]) Карамзинъ, т. IX, стр. 243.

[3]) Польскій сеймъ, однако, не допустилъ Стефана до окончательнаго разрыва со Швеціей и энергично возсталъ противъ предложенія короля объявить шведамъ войну. Карамзинъ, т. IX, стр. 244 и 245.

скія.... А кто у кого что взялъ силою да кривдою, чтобъ то назадъ воротить, а дѣла, которые промежъ вами будутъ, вмѣстѣ (вести?), и тогда лучше тѣ збруи хрестьянскіе на невѣрнаго вмѣстѣ поворотить».

По вопросу, главнымъ образомъ интересовавшему римскую курію, въ надеждѣ на способности Антонія Поссевина, который устною пропагандою могъ сдѣлать больше, чѣмъ папа письмомъ, Григорій XIII не считалъ нужнымъ очень распространяться.

— Посылаемъ до величества твоего книгу—писалъ онъ—собору флорентинского печатная.... просимо, чтобъ ты ее челъ и своимъ дохторомъ велми прикажи... а язъ отъ тебя только одного хочу такъ, чтобъ святая и апостольская церковь съ тобою въ одной вѣрѣ была» [1]).

Антоній Поссевинъ исполнилъ только одну часть возложенной на него задачи, ту именно, на которую папа менѣе обращалъ вниманія: благодаря посредничеству присланнаго изъ Рима іезуита, между Россіей и Польшей, послѣ многихъ проволочекъ и утомительныхъ переговоровъ [2]), въ 1582 г. было заключено десятилѣтнее перемиріе у Запольскаго Яма. Нѣкоторое время послѣ того уполномоченные спорили еще о титулахъ и величаніяхъ въ договорной грамотѣ и до того горячо, что однажды Поссевинъ схватилъ за шиворотъ русскаго уполномоченнаго Олферьева [3]). Какъ бы то ни было губительная ливонская война приходила къ концу [4]).

По миру съ Польшею Россія отказывалась отъ Ливоніи и уступила Польшѣ еще города Полоцкъ съ Велижемъ. Стефанъ, въ свою очередь, отказался отъ требованія контрибуціи, согла-

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ держ. иностр., томъ X, стр. 82.

[2]) Стефанъ Баторій требовалъ всей Ливоніи, а русскіе хотѣли удержать за собою Дерптъ и еще 15 крѣпостей. Поссевинъ отъ имени польскаго короля писалъ Іоанну: «чимъ де ты отдаваніе тыхъ городовъ проволкаешь, тымъ де они сами большая часть лацне въ руки его короля Стефана приходятъ. А король свицкой теперь Нарвь, тоижъ Ругодивъ взялъ (и др. города)... а и теперь колп тебя король Стефанъ воюетъ, бачишь, што туды-жъ и король свицкій на тебя рать свою поднялъ... покуль съ Стефаномъ королемъ миру не сдѣлаешь... Ibidem, стр. 249.

[3]) Карамзинъ, т. IX, стр. 205 и пр. 600 и 601.

[4]) Что касается переговоровъ о соединеніи церквей, то переговоры эти приняли острый характеръ: Іоаннъ неодобрительно отзывался о папѣ и обычаяхъ католическихъ, такъ что Поссевинъ даже обидѣлся, особенно послѣ того какъ Іоаннъ сказалъ: «который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію почнетъ жити, и тотъ папа волкъ есть, а не пастырь». Пам. дипл. снош., X, стр. 308. Вообще переговоры о вѣрѣ не привели ни къ какому результату.

сился не упоминать въ грамотѣ ни о шведскомъ королѣ, ни о городахъ Ревелѣ и, Нарвѣ и, кромѣ того, возвращалъ Россіи Псковъ и всѣ его пригороды (Гдовъ, Великія Луки, Островъ и др.) [1]).

Заключивъ миръ съ Польшею, Іоаннъ нѣкоторое время не прекращалъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Русскія войска устремились къ Нарвѣ, Ямѣ и даже перешли въ наступленіе, двинувшись въ Финляндію. Князь Дмитрій Хворостининъ побѣдилъ шведовъ у села Лялицы, въ водской пятинѣ, а воевода князь Ростовскій, Судаковъ и Хвостовъ разбили шведское войско на берегахъ Невы, у Орѣшка.

Однако истощенная непрерывными войнами Россія жаждала мира и со шведами.

26 мая 1583 г. на берегу рѣки Плюсы, впадающей въ Нарову въ семи верстахъ выше города, состоялся съѣздъ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ. Съ русской стороны для переговоровъ были командированы: князь Семенъ Лобановъ, Игнатій Татищевъ и Иванъ Феофилактьевъ, при дьякахъ Петелинѣ, Бурцовѣ и Костинѣ; шведскими делегатами явились Понтусъ Делагарди, Класъ Тоттъ и Стенбокъ. Переговоры, сопровождавшіеся бурными преніями, долгое время не приводили ни къ какому соглашенію. Шведы намѣрены были возобновить уже военныя дѣйствія; наконецъ, было заключено перемиріе первоначально на два мѣсяца; но затѣмъ, 10 августа, уполномоченные съѣхались снова на томъ же мѣстѣ и продолжили срокъ перемирія до трехъ лѣтъ.

По смерти Іоанна Грознаго Понтусъ Делагарди, управлявшій въ качествѣ намѣстника шведскаго Эстляндіей, спрашивалъ новгородскаго воеводу, князя Василія Федоровича Скопина-Шуйскаго, будутъ ли русскіе при новомъ царѣ соблюдать условія плюсскаго перемирія, и не пришлетъ ли царь делегатовъ въ Стокгольмъ для заключенія вѣчнаго мира со Швеціей. Въ письмѣ своемъ Делагарди назвалъ шведскаго короля великимъ княземъ ижорскимъ и шелонской пятины въ землѣ русской. Шуйскій отвѣчалъ шведскому намѣстнику, что въ Россіи не знаютъ о великомъ князѣ шелонской пятины, и

---

[1]) Карамзинъ, т. IX, стр. 205.

что русскіе не намѣрены посылать делегатовъ въ Стокгольмъ, а ждутъ шведскихъ пословъ къ себѣ. Делагарди въ отвѣтъ на посланіе Шуйскаго прислалъ наглое письмо, въ которомъ выставлялъ свои побѣды надъ русскими, которыхъ неоднократно «училъ смиренію». «Вы не забыли, думаю—писалъ надменный шведъ—сколько разъ мои знамена встрѣчались съ вашими, т. е. сколько разъ вы уклоняли ихъ предо мною и спасались бѣгствомъ?» [1])

Послѣ подобнаго рода переписки, не предвѣщавшей ничего хорошаго, русскіе и шведскіе делегаты 25 октября 1585 г. снова съѣхались на берегу рѣки Плюсы [2]). Шведы помѣстились въ одномъ шатрѣ, русскіе—въ другомъ, и долгое время ни тѣ, ни другіе не выходили изъ своихъ палатокъ, желая устроить совѣщаніе каждый у себя. Ни шведы, ни русскіе не хотѣли сдѣлать уступки даже въ такихъ пустякахъ и, тормозя дѣло, подготовляли такимъ образомъ почву для взаимныхъ неудовольствій.

Наконецъ, съѣхавшіеся приступили къ переговорамъ. Та и другая сторона предъявляла всевозможныя требованія. Шведы требовали Новгорода и Пскова, русскіе настаивали на возвращеніи имъ Эстляндіи съ ея городами. Пренія были не менѣе бурны, чѣмъ и въ былое время. Понтусъ Делагарди, на требованіе князя Шестунова о возвращеніи Россіи Ивангорода, Ямы и Копорья, заявилъ: «Гдѣ это слыхано, чтобы города отдавали даромъ? отдаютъ яблоки да груши, а не города».

Въ спорахъ своихъ делегаты опять чуть было не дошли до объявленія войны, но во время одумались и заключили на прежнихъ условіяхъ четырехлѣтнее перемиріе, порѣшивъ съѣхаться еще для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ въ слѣдующемъ 1586 году.

Возвращаясь съ устья рѣки Плюсы по Наровѣ, Понтусъ Делагарди, въ ознаменованіе счастливаго исхода переговоровъ, приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, бывшихъ на кораблѣ. Однако, при первомъ же салютѣ, старое судно, нагруженное болѣе,

[1]) Карамзинъ, т. X, стр. 30—31 и прим. 85—90.

[2]) Русскими уполномоченными были князь Ѳедоръ Дмитріевичъ Шестуновъ и принимавшій уже участіе въ прежнихъ переговорахъ думный дворянинъ Игнатій Татищевъ.

чѣмъ слѣдовало, разломалось, и знаменитый полководецъ, вмѣстѣ съ другими лицами экипажа, утонулъ въ Наровѣ.

По другой версіи, «послы свѣйскіе ѣхали въ суднѣ на греблѣ, а съ ними было человѣкъ съ 70, и принесло судно вѣтромъ на пень, да выломило доску, а нѣмцы почали метатца въ воду, и судно потонуло, и назавтрее, въ субботу, выволокли изъ воды Пунцу» (т. е. Понтуса) [1]).

Трупъ знаменитаго полководца былъ отправленъ въ Ревель, гдѣ и погребенъ въ Domkirche.

О погибели заклятаго врага русскіе послы донесли въ Москву и получили отвѣтъ: «Сказываете вы, что Понтусъ Делагарди умеръ. А сталось то Божіимъ изволеніемъ и милостью Николы Чудотворца» [2]).

---

[1]) Карамзинъ, X, прим. 90.
[2]) Соловьевъ, VII, 578

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ТАКЪ въ 1581 году Нарва, пробывъ въ рукахъ Іоанна Грознаго 23 года, перешла во власть шведовъ. Пріобрѣтеніе спорнаго города, отворявшаго русскимъ пути къ господству на Балтійскомъ морѣ, вызвало великую радость въ Швеціи, которая торжественно отпраздновала свои побѣды. Шведская армія въ день св. Луки съ распущенными знаменами прибыла въ Ревель. Въ церкви св. Николая была заказана особая служба. Графы, бароны и воины, подъѣхавъ къ церкви, сошли съ коней и, оставивъ свои знамена на улицѣ, въ сапогахъ со шпорами (какъ повѣствуетъ Рюссовъ) вошли въ церковь. Здѣсь они сдѣлали земной поклонъ, и затѣмъ состоялось торжественное молебствіе, во время котораго пасторъ прочиталъ 20-ю главу 5-ой книги Моисея. («Когда ты выйдешь на войну противъ врага твоего и увидишь коней и колесницы народа болѣе, нежели у тебя, то не бойся ихъ, ибо съ тобою Господь Богъ твой» и т. д.). Затѣмъ послѣ проповѣди пропѣли «Te Deum laudamus» (Тебе Бога хвалимъ). По окончаніи богослуженія былъ сдѣланъ салютъ со всѣхъ валовъ и укрѣпленій. Многіе плакали отъ радости [1]).

Нарва пробыла подъ шведскимъ владычествомъ до 1704 г., т. е. 123 года. Отсюда понятенъ шведскій обликъ Нарвы.

[1]) Прибалтійскій сборникъ, III (лѣтопись Рюссова), стр. 329—330.

Большинство сохранившихся доселѣ городскихъ зданій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, съ ихъ плафонами, изразцами и мозаикой, шведскаго происхожденія. Многія изъ нихъ украшены художественными порталами, которые, какъ видно изъ сохранившихся на нихъ надписей, восходятъ къ XVII столѣтію [1]). Обиліемъ этихъ порталовъ Нарва превосходитъ Ревель; въ Везенбергѣ же ихъ совсѣмъ не сохранилось.

Случайно находимыя въ землѣ монеты и предметы домашняго обихода, военныя принадлежности, гробницы, а также уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ домахъ вещи, книги и картины — все это еще и теперь живо напоминаетъ времена владычества

Одинъ изъ старѣйшихъ домовъ въ Нарвѣ.

надъ Нарвою «сѣвернаго льва». Самое устройство городского управленія въ Нарвѣ долгое время имѣло въ основѣ принципы шведскаго городового права, а многія мѣстныя привилегіи проистекали отъ щедротъ шведскихъ королей.

---

[1]) Фотографическіе снимки съ нарвскихъ порталовъ изданы въ видѣ альбома г. Ланцкимъ.

Приведемъ образчики надписей. На домѣ насл. купца Мартинсона (по вышгородской улицѣ, рядомъ съ биржей):

DIS HAUS DES HERREN GVTHE
FUR UNGLVCK BEHVTHE:
GOTT WOLLE GUTH GEDEVEN
DARINNEN STETS VERLEVEN
Anno 1651.
Renov. 1764.

Окрестности Нарвы съ ихъ могильными насыпями и надгробными надписями также носятъ на себѣ слѣды шведскаго господства; о немъ же свидѣтельствуютъ и самыя географическія названія. Напримѣръ, деревня Федоровка по Наровѣ иначе называется Вазагофъ, отъ имени Густава Вазы, имѣвшаго здѣсь одну изъ лѣтнихъ своихъ резиденцій. Слѣды рощи Густава Вазы, говорятъ, видны и въ настоящее время. Берегъ, на которомъ расположена эта деревня обращаетъ на себя вниманіе красивымъ полукруглымъ выступомъ, у котораго, вѣроятно, была пристань для королевской флотиліи. Вообще мѣстность, пересѣкаемая небольшою рѣчкою съ каменнымъ мостомъ, очень живописна и избрана недаромъ Густавомъ Вазою. Шведскую эпоху напоминаетъ названіе лежащей по петербургскому тракту, верстахъ въ трехъ отъ Нарвы, деревни «Королевской» и расположенные за мызой барона Штакельберга такъ называемые «королевскіе луга».

Впрочемъ Нарва сохранила также много особенностей болѣе древней ливонской эпохи, а нѣкоторыя географическія названія окрестныхъ мѣстъ относятся также къ этому времени. Самый племенной составъ Нарвы характеризуется обиліемъ нѣмецкихъ, а не шведскихъ фамилій; все это потомки

Этотъ домъ уцѣлѣлъ отъ страшнаго пожара 1659 года.

На домѣ бывшемъ Шварца, затѣмъ бургомистра Креймана, а послѣ него купца Болтона (на южномъ концѣ остерской улицы):

Anno I. C. S. H. N. 1666.

(стоящіе въ серединѣ инціалы изображены на домѣ въ видѣ монограммы; здѣсь буквы выдѣлены; онѣ означаютъ: «Iohann Christoph Schwartz и Hedwig Numens» — жена Шварца). Далѣе стихотворная надпись:

Den Eingang segn'o Gott! Den Ausgang gleichermaszen
Bescher was dem Leibe Noth, Die Seel'führ auf Himmelsstraszen
Endlich schenk ein selig Sterben. Und mach uns zu Deine Erben.

На домѣ, принадлежавшемъ т. наз. соляной компаніи въ Нарвѣ (по сосѣдству съ магистратомъ; теперь, кажется, пожарное депо).

WO GOTT NICHT DIESES HAVS BEWACHE
IST ALES (sic) WERK VMBSONST GEMA(CHT).

(слово недописано по недостатку мѣста на камнѣ).

ANNO 1653.

См. протоколы нарвскаго археологическаго общества отъ 11 ноября 1864 г. (стр. 8), 10 февраля и 10 ноября 1865 г. (стр. 8 и 5—6). Ниже при подробномъ описаніи Спасо-Преображенскаго собора приводится, какъ образецъ нарвскихъ порталовъ, изображеніе воротъ, ведущихъ во дворъ собора.

отчасти старыхъ ливонскихъ родовъ, а затѣмъ и позднѣйшихъ выходцевъ изъ разныхъ нѣмецкихъ княжествъ. Существующее же въ Нарвѣ такъ называемое шведо-финское общество немногочисленно.

Къ шведской эпохѣ Нарвы относятся слѣдующія два сохранившіяся еще въ устахъ старожиловъ нѣмцевъ и эстовъ народныя преданія.

Жилъ въ Нарвѣ богатый купецъ. Молва о его богатствахъ протекала по всей странѣ, но еще болѣе говорила эта молва о красотѣ его единственной дочери. Много жениховъ сватало ее, искало взаимности чудной «нарвской дѣвы», но всѣмъ она отказывала, такъ какъ уже любила первою любовью только что пробудившагося сердца, и любила—самаго бѣднаго человѣка въ городѣ. И вотъ провѣдалъ о ея необыкновенной красотѣ самъ король; онъ шлетъ въ Нарву своего сына, королевича, котораго сопровождаютъ нарядные корабли, нагруженные дарами: король желаетъ женить сына на нарвской красавицѣ [1]).

Купецъ считалъ себя на высотѣ счастья отъ неожиданно выпавшей на его долю королевской милости: дочь простого человѣка дѣлалась женою королевича, будущаго короля. Но красавица загрустила, и слезы печали омрачили ея милое лицо.

Невѣсту одѣли въ пышные наряды, посадили на корабль и повезли изъ роднаго города. Она успѣла однако шепнуть своему возлюбленному, что никогда не будетъ женою королевича. Въ открытомъ морѣ она бросилась въ волны и утонула, а опечаленный женихъ вернулся одинъ.

И слышится съ тѣхъ поръ во время бурь и непогодъ какъ бы плачъ и стонъ, несущійся отъ шведскихъ береговъ къ нарвскому прибрежью, и часто, когда забушуетъ море и заходятъ сердитыя волны, видны на поверхности нарвскаго залива бѣлыя, какъ пѣна, руки русалки, опасныя для кораблей, которымъ она готовитъ гибель.

Это преданіе переложено на рифмованные эстскіе стихи, къ которымъ также имѣются ноты, и въ такомъ видѣ оно

[1]) По другой версіи, самъ король сватался дочь нарвскаго купца.

является довольно популярною пѣснею для обильныхъ эстскихъ пѣвческихъ хоровъ [1]).

Имѣется и нѣмецкое изложеніе этого преданія въ прозѣ [2]) и въ стихахъ [3]).

Другое преданіе источникомъ своимъ имѣетъ вѣками не прекращавшіяся у стѣнъ Нарвы кровавыя столкновенія, когда всѣ проявленія частной жизни, всѣ душевные запросы и личныя чувства отступали на задній планъ передъ исполненіемъ долга и воинскими доблестями. Воинъ Олафъ поставленъ былъ охранять знамя, водруженное на высокой нарвской стѣнѣ. Подъ городскими стѣнами только что утихъ бой, и хранитель священнаго знамени долженъ былъ особенно напрягать вниманіе и слѣдить, чтобы врагъ тайно не проникъ въ городъ. Вдругъ видитъ Олафъ, словно бѣлый призракъ, что-то промелькнуло невдалекѣ . . . все ближе, ближе—о счастье!—это его невѣста, съ которою онъ уже давно не видался.

— Милый!—шепчетъ она—я изстрадалась, я искала тебя. Мнѣ сказали, что ты убитъ . . . Но ты живъ, и я опять съ тобою. Но что это ты такъ холоденъ? Олафъ крѣпко обнялъ ее и возразилъ: «Я не холоденъ, холодны мои доспѣхи; скоро я сниму ихъ, и мы будемъ счастливы навѣки». Онъ осыпалъ ее поцѣлуями, ласкалъ ее, клялся въ любви. Вдругъ раздался шорохъ: по стѣнѣ ползутъ, и уже дерзкая рука хватаетъ знамя, ввѣренное охранѣ Олафа.

Враговъ нѣсколько человѣкъ, а онъ одинъ; что дѣлать? какъ спасти городъ и свою честь?

И вотъ Олафъ стремительно бросается на горсть людей, карабкающихся по стѣнѣ и вмѣстѣ съ врагами низвергается съ высокой крѣпости въ каменистый ровъ. Всѣ погибли—и враги, и защитникъ знамени.

Одна бѣдная дѣвушка осталась на стѣнѣ: едва нашла она свое счастье, и внезапно потеряла его навсегда.

«Медлить нечего! смерть соединитъ насъ»—рѣшила она и бросилась съ городской стѣны вслѣдъ за милымъ сердцу.

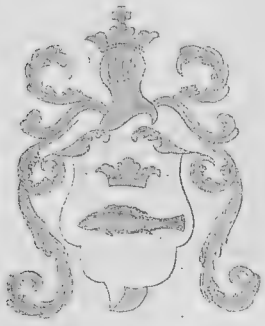
---

[1]) Сообщено нарвскимъ жителемъ г-мъ Сирнакомъ.

[2]) Achte Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft 25 März 1865, стр. 24 (Die Stadt Narva in Ehstnischen Erinnerungen).

[3]) 11 Sitzung, 6—10. (Die Narvasche Königsbraut).

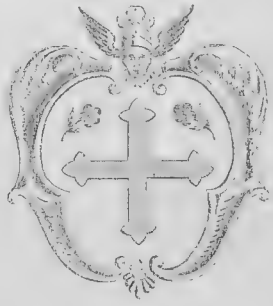
Долгое время послѣ того, когда уже прекратилась война, и миръ воцарился въ городѣ, на мѣстѣ описаннаго происшествія въ темныя и бурныя ночи являлись призраки знаменоносца Олафа и невѣсты его въ бѣломъ одѣяніи, слышались вздохи и крики и трепетанье знамени, и долго трусливая стража обѣгала это страшное мѣсто [1]).



Древнѣйшій гербъ Нарвы (по Арндту).

Обращаемся къ историческому изложенію событій.

Черезъ 4 года по завоеваніи Нарвы, въ 1585 году, шведскій король Іоаннъ III далъ Нарвѣ жалованную грамоту, въ которой были выговорены особыя льготы евангелическо-лютеранской церкви и предоставлены городу шведскіе законы. Граждане были раздѣлены на двѣ гильдіи, освобождены отъ платежа податей и повинностей на 10 лѣтъ, духовенству отведены дома. Наконецъ, городу жаловался гербъ, сохранившійся и по настоящее время. На голубомъ полѣ герба изображены двѣ рыбы (харьюсы), поверхъ нихъ—шпага между двухъ ядеръ, а внизу мечъ и подъ нимъ ядро (22 іюля 1585) [2]).



Гербъ 1426 года (ливонскій).

Желая расположить къ себѣ гражданъ вновь присоединеннаго города, Іоаннъ III, сверхъ указанныхъ привилегій, 5 октября 1587 года отдалъ распоряженіе въ Кальмарѣ, чтобы шведы не стѣсняли русской торговли съ ганзейскими городами. Въ интересахъ жителей Нарвы предписано было купцамъ, проѣзжавшимъ съ товарами черезъ Нарву во Псковъ, оста-

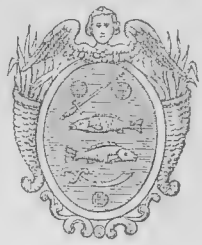
---

[1]) Стихотворное изложеніе этого преданія на нѣмецкомъ языкѣ см. Dreizehnte Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 8 December 1865, стр. 9—11.

[2]) Arndt. Die Liefländische Chronik, прилож., стр. 310. Харьюсы изображены на гербѣ потому, что въ былое время Нарова изобиловала этого рода рыбой, вообще довольно рѣдкой. Впрочемъ она попадается и нынѣ въ сибирскихъ рѣкахъ. Въ Наровѣ въ послѣднее время уловъ ея крайне незначителенъ.

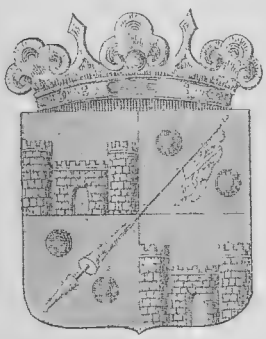
навливаться въ Нарвѣ на 14 дней и предлагать свои товары первоначально нарвцамъ [1]).

Однако гражданамъ не долго пришлось наслаждаться миромъ. Въ 1589 году истекъ срокъ перемирія, заключеннаго у рѣки Плюсы.



Гербъ 1585 года (шведскій, утвержденный Петромъ Великимъ и существующій понынѣ).

Лѣтомъ этого года начались новые переговоры между русскимъ и шведскимъ правительствами. Король шведскій писалъ Ѳеодору Іоанновичу, что военныя дѣйствія противъ шведовъ были начаты русскими, что русскіе учинили цѣлый рядъ насилій надъ подданными шведской короны, и что если Ѳеодоръ желаетъ мира, то пусть высылаетъ своихъ пословъ; въ противномъ случаѣ онъ, Іоаннъ, не будетъ держать свои войска безъ дѣла. Русское правительство отвѣчало съ достоинствомъ, что у русскихъ царей нѣтъ обыкновенія начинать войну до окончанія срока перемирія, и что если Іоаннъ всетаки желаетъ войны, то русская рать готова биться; но кровопролитіе будетъ на совѣсти короля шведскаго, нарушившаго крестное цѣлованіе. Тѣмъ не менѣе Ѳеодоръ выслалъ пословъ для переговоровъ со шведами «на съѣздъ на рѣку Нарову, къ устью Плюсы рѣки».



Гербъ 1650 года (шведскій).

Послами были назначены окольничій князь Хворостининъ и казначей Черемисиновъ. Имъ предписано было заключить миръ, подъ условіемъ уступки шведами Нарвы, Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы. За эти города они должны были предложить шведскимъ уполномоченнымъ 20 тысячъ рублей, а безъ Нарвы 15 тысячъ. При этомъ, однако, имъ предписывалось добиваться уступки этихъ городовъ безъ всякаго вознагражденія съ русской стороны и вообще говорить со швед-

---

[1]) Hansen, стр. 52 и 53.

скими послами «по большимъ, высокимъ мѣрамъ» (т. е. предъявлять возможно большія требованія).

10-го сентября у устья Плюсы съѣхались уполномоченные съ русской и шведской стороны. Переговоры, по обыкновенію, были недружелюбные, причемъ, по словамъ одного изъ очевидцевъ, русскіе держали себя скромнѣе шведовъ. На съѣздѣ 13 октября шведскій уполномоченный Аксель Лейонгувудъ вскричалъ, что онъ предлагаетъ русскимъ выбрать одно изъ двухъ, миръ или войну. На это князь Хворостининъ возразилъ:

— «Подумайте о томъ, что готовитесь сдѣлать! Или вы думаете, что мы не знаемъ вашихъ силъ. Король шведскій не имѣетъ казны, не пользуется довѣріемъ войска, онъ не можетъ сопротивляться нашему царю, и если онъ начнетъ войну, то погубитъ лишь жителей Ливоніи. Лучше, поэтому, вамъ за деньги возвратить намъ все вами завоеванное и заключить съ нами вѣчный миръ, такъ какъ нашъ царь ни за что не потерпитъ, чтобы его крѣпости дольше оставались подъ вашею властью».

При этомъ одинъ изъ русскихъ уполномоченныхъ сказалъ Лейонгувуду (очевидно, возмущенный его надменностью):

— «Ты все твердишь о войнѣ, но не быть тебѣ въ ней; если-же ты будешь участвовать въ ней, я постараюсь тебя повидать, и тогда мы поговоримъ съ тобою» [1]).

Несмотря на требованія и угрозы русскихъ пословъ, шведы не уступили ни единой пяди земли, а относительно Ивангорода, Ямы и Копорья заявили, что крѣпости эти уже уступлены шведскимъ королемъ его сыну, королю польскому.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, чувствуя свое превосходство, такъ какъ уже не было въ живыхъ сильнаго и опаснаго союзника шведовъ Стефана Баторія, писалъ королю, что онъ не примирится со Швеціей до тѣхъ поръ, пока не получитъ отчины своей, городовъ ливонскихъ, и что онъ заставитъ шведовъ смириться, такъ какъ ему помогутъ въ этомъ императоръ Рудольфъ и шахъ персидскій, а кромѣ того и Литва намѣрена ему отдаться.

Іоаннъ на это отвѣчалъ: «Пришла къ намъ твоя грамота,

[1]) Форстенъ. Балт. вопр., т. II, стр. 51.

писана неподобно и гордо; мы на нее не хотимъ больше отвѣчать, а полагаемся на волю Божію. Ты пишешь, что ждешь помощи отъ императора и другихъ государей, и мы рады, что теперь сталъ ты безсиленъ и ждешь отъ другихъ помощи. Увидимъ, какая помощь отъ нихъ тебѣ будетъ. Пишешь, что Литва хочетъ подъ твою руку поддаться: все это ложь! Мы знаемъ подлинно, что Литва клятвы своей не нарушитъ. Знай, что мы оба, я и милый мой сынъ (король польскій), можемъ нашихъ подданныхъ, которые намъ не прямятъ, унять, и тебѣ за великую твою гордость отомстить. Отецъ твой въ своей спѣсивости не хотѣлъ покориться, и земля его въ чужія руки пошла. Хочешь у насъ земель и городовъ, такъ попытайся отнять ихъ воинскою силою, а гордостью и спѣсивыми грамотами не возьмешь» [1]).

Послѣ такихъ переговоровъ и такой переписки нечего было и думать о мирѣ.

По свидѣтельству нашихъ старинныхъ приказныхъ бумагъ, Борисъ Годуновъ собралъ около трехсотъ тысячъ войска съ тремя стами пушекъ. Всѣ бояре были вызваны изъ помѣстій, татарскіе царевичи также явились подъ знамена. Самъ царь верхомъ на конѣ выступилъ въ походъ. «Большимъ» полкомъ начальствовалъ князь Ѳедоръ Мстиславскій, въ «передовомъ» полку шелъ князь Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ. При немъ состояли, въ званіи «дворовыхъ или ближнихъ воеводъ», Годуновъ и двоюродный братъ царя Ѳедоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ (впослѣдствіи знаменитый Филаретъ). Царица Ирина провожала государя до Новгорода. Здѣсь, простившись съ нею, царь распредѣлилъ полки: часть отправилъ въ Финляндію, часть въ Эстляндію къ морю, а самъ съ главнымъ войскомъ 18 января 1590 года выступилъ къ Нарвѣ [2]).

Стояла суровая зима, и походъ былъ труденъ, но руководимая царемъ рать не страшилась ни стужи, ни предстоявшихъ опасностей войны.

Отъ семерыхъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, жители Нарвы узнали, что у царя 180 тысячъ войска. 31 января русскіе

[1]) Соловьевъ, т. VII, гл. 3, стр. 576 и слѣд.
[2]) Карамзинъ, т. X, гл. 2, стр. 63 и слѣд.

передовые отряды явились подъ Нарвою и до 4-го февраля въ виду непріятеля строили шанцы. Между тѣмъ князь Дмитрій Хворостининъ разбилъ близъ Нарвы 20-тысячное шведское войско, бывшее подъ командой Густава Банера. Банеръ съ остатками своей арміи искалъ спасенія въ Нарвѣ, но городъ, осажденный русскими и не имѣвшій достаточнаго количества жизненныхъ припасовъ, не могъ прокормить своихъ защитниковъ; поэтому Банеръ вскорѣ отступилъ къ Везенбергу, оставивъ русскимъ всѣ свои пушки и массу военныхъ припасовъ.

18 февраля, разрушивъ безпрестаннымъ въ теченіе 17 дней метаніемъ камней и бомбъ часть нарвскихъ укрѣпленій и не вынудивъ коменданта Карла Горна къ добровольной сдачѣ, русскіе рѣшили идти на приступъ.

Князь Токмаковъ съ тысячнымъ отрядомъ первый пошелъ въ проломъ; за нимъ слѣдовалъ окольничій Семенъ Сабуровъ съ 750 стрѣльцами и почти трехтысячнымъ войскомъ. Несмотря на отвагу русскихъ воиновъ, первый ихъ натискъ былъ отбитъ. Мужественный князь Токмаковъ и окольничій Сабуровъ погибли во время штурма. Съ ними пало 700 человѣкъ (шведовъ—500). Это не прекратило осадныхъ дѣйствій со стороны русскихъ. Войска Ѳеодора Іоанновича разоряли окрестности Нарвы и свирѣпствовали какъ въ Эстляндіи, такъ и въ Финляндіи, куда былъ отправленъ отрядъ войска еще до осады Нарвы.

Укрѣпленія города Нарвы, сильно поврежденныя русскими пушками, представляли плохую защиту для осажденныхъ. Царь готовился къ новому штурму; но не приступая еще къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, русскіе пытались, при посредствѣ плѣннаго шведа (Марделя), убѣдить коменданта Нарвы Карла Генриксена Горна сдать городъ добровольно. Однако, несмотря на то, что Мардель восхвалялъ милосердіе царя Ѳеодора, «не сочувствовавшаго тиранніи его отца», несмотря на то, что онъ обѣщалъ жителямъ города разныя милости, а начальникамъ почести и богатства,—Горнъ не сдавался. Не помогли и переговоры, веденные черезъ другого шведа Отто Донгофа [1]).

Наконецъ, когда русскіе уже приступили къ рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ, Горнъ, видя безуспѣшность со-

[1]) Форстенъ, II, стр. 51 и слѣд.

противленія и желая спасти хотя уцѣлѣвшую половину нарвскаго гарнизона, вступилъ съ царемъ въ переговоры, результатомъ которыхъ была сдача русскимъ Ивангорода и Копорья [1]).

Нарва осталась за шведами, и нашъ лѣтописецъ ставитъ это обстоятельство въ вину Борису Годунову, который будто бы шведамъ «норовилъ: изъ наряду билъ по стѣнѣ, а по башнямъ и по отводнымъ боемъ бити не давалъ» [2]). Лѣтописецъ, недружелюбно относившійся къ Борису Годунову, едвали не упрекаетъ его въ измѣнѣ.

На нашъ взглядъ, положительно невозможно допустить, чтобы Борисъ шелъ противъ интересовъ своего царя, а слѣдовательно и своихъ собственныхъ (всѣмъ извѣстна сила Бориса у Ѳеодора Іоанновича). Правильнѣе думать, что наши лѣтописцы, вообще не симпатизировавшіе Борису, старались очернить его при всякомъ удобномъ случаѣ; недаромъ же они сложили про него поговорку: «происковался, какъ лисица, правительствовалъ, какъ левъ, или, паче рещи, какъ волкъ, а умеръ, какъ собака» [3]).

Впрочемъ иностранцы, писавшіе о Россіи, также мало симпатизируютъ Годунову. Голландскій географъ и историкъ Масса, жившій въ Москвѣ во времена Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго, даже самый походъ къ Нарвѣ приписываетъ эгоистическимъ побужденіямъ Годунова. По его мнѣнію, для того чтобы безнаказанно убить царевича Димитрія, Борису Годунову необходимо было подчинить себѣ окончательно слабаго царя Ѳеодора, а средствомъ къ этому была война. «Борисъ полагалъ—говоритъ Масса—что царь отъ страха и смятенія будетъ смотрѣть ему въ глаза (т. е. будетъ исключительно на него полагаться), такъ какъ Ѳеодоръ походилъ болѣе на невѣжественнаго монаха, чѣмъ на великаго князя и сверхъ того

---

[1]) Карамзинъ, X, стр. 68. Въ своемъ донесеніи королю Горнъ указывалъ, что рѣшился сдаться по требованію всего войска. Форстенъ, II, 52.

[2]) Полное собр. рус. лѣт., т. VIII, стр. 320. «Того же лѣта (7096, слѣдовало бы 7098) по землѣ ходилъ государь царь и великій князь Федоръ Ивановичь всеа Русіи съ нарядомъ ратію подъ Ругодивъ и взялъ Ивангородъ, Яму и Копорье, а Ругодива не могли взять, понеже Борисъ имъ норовилъ» и т. д.

[3]) См. въ отрывкѣ изъ лѣтоп. сборника 7107—7113 г., помѣщеннаго въ собраніи новгородскихъ лѣтописей.

отличался легковѣріемъ и крайнею довѣрчивостью. Онъ вѣрилъ всему тому, что говорилъ ему Борисъ, все представлялъ на его волю, изъявлялъ согласіе на всѣ его желанія и все то, что онъ дѣлалъ, было хорошо (по мнѣнію царя)».

По словамъ Массы, русское войско подъ Нарвой простиралось до 300 тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 50 тысячъ черемисъ и татаръ; послѣдніе будто бы всѣ до одного были убиты во время перваго приступа.

Масса прибавляетъ, что Борисъ намѣревался еще разъ идти на приступъ, но «великій князь, опечаленный кровопролитіемъ, велѣлъ отступить».

Между тѣмъ въ Нарвѣ оставалось всего 80 человѣкъ, способныхъ къ защитѣ, и граждане рѣшили сдаться при первомъ же приступѣ русскихъ.

Рисуя Бориса грубымъ эгоистомъ и интриганомъ, Масса кончаетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: «Борисъ черезъ нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ распространилъ по всему лагерю слухъ, что онъ единственно изъ расположенія и любви къ своему народу уговорилъ царя возвратиться. Такимъ поступкомъ Борисъ пріобрѣлъ расположеніе многихъ простыхъ людей, чему вельможи и дворяне втайнѣ очень завидовали, но не смѣли говорить о Борисѣ что-нибудь дурное».

Страннымъ, однако, представляется заявленіе Массы, что если бы Борису удалось овладѣть Нарвою, то онъ тотчасъ же велѣлъ бы умертвить царевича Дмитрія, но что такъ какъ походъ былъ неудаченъ, то Борисъ сталъ выжидать другого случая [1]).

По заявленію самого-же Массы, Нарва еле держалась; довольно было одного натиска, и Борисъ разомъ достигъ бы своей цѣли. Между тѣмъ онъ высказывается въ пользу отступленія, а, по русскимъ лѣтописямъ, даже «норовилъ» (т. е. способствовалъ) непріятелямъ. Все это какъ-то перепутано. Несомнѣнно, что Борисъ не пользовался симпатіями, и будущему историку предстоитъ трудная задача выдѣлить изъ имѣющихся свѣдѣній объ этой крупной исторической личности то,

[1]) Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи, стр. 38 и 39.

что составляетъ непреложную истину отъ цѣлаго слоя вымысловъ и искаженныхъ повѣствованій.

Въ «лѣтописи о многихъ мятежахъ и разореніи московскаго государства» (изданной въ 1771 году) сраженіе подъ Нарвой 1590 года описывается слѣдующимъ образомъ:

«Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, видя свицкаго (шведскаго) короля неправду и къ себѣ непокореніе, совѣтовалъ съ патріархомъ Іовомъ и со своими государевыми бояры приговорили: иттить въ нѣмецкую землю подъ городъ подъ Ругодевъ. И посла пословъ своихъ и воеводъ въ Новгородъ со многою ратью; а самъ государь пошелъ въ Великій Новгородъ, въ филиповъ постъ и пріиде въ Великій Новгородъ. а изъ Новгорода пошелъ государь подъ Ругодевъ, а царицу Ирину оставилъ въ Новгородѣ, а подъ Ругодевъ пришедъ, велѣлъ бить по стѣнѣ изъ наряду и пробивъ стѣну, велѣлъ воеводамъ итти приступомъ со многими приступными людьми. Нѣмцы-же съ города бьющеся противляхуся и крѣпко стояху. Воеводы же съ ратными людьми взыдоша на городъ. Нѣмцы же съ города сбиша и убиша воеводъ на городѣ: князя Ивана Юрьевича Токмакова, да Ивана Ивановича Сабурова и иныхъ воеводъ поранища многихъ и головъ стрѣлецкихъ убили: Григорья Мамонтова и иныхъ головъ и сотниковъ, и многихъ ратныхъ людей побиша, и отбиша отъ града прочь. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичъ, видя ихъ суровство, и велѣлъ по граду бити изъ наряду безпрестани. Нѣмцы-же, видя свое изнеможеніе, и били челомъ государю со многимъ молепіемъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ разорити, и у нихъ велѣлъ бы государь взять три города: Ивангородъ, Копорье, Яму. Онъ же государь праведный и щедрый, не хотя не токмо православной крови пролити, уклонися на милость. и тѣ городы велѣлъ взяти, а по граду бити перестати повелѣ; и устроилъ въ Ивангородѣ, и въ Копорьѣ и въ Ямѣ своихъ воеводъ и ратныхъ людей; а самъ государь пошелъ въ Великій Новградъ; а изъ Новграда поиде къ Москвѣ и пришелъ къ Москвѣ тоя же зимы. А походъ его государевъ Подругодевъ (т. е. подъ Ругодивъ, подъ Нарву) былъ въ 7098/1590 году».

Къ описываемому времени, несомнѣнно, относится приводимая Козакевичемъ въ его описаніи города Нарвы пѣсня, которая, по словамъ автора, была въ повсемѣстномъ употребленіи въ новгородскомъ уѣздѣ въ 1826 году:

Подойду, подступлю,
Подъ Ивангородъ подъ стѣну;
Проломлю, проломлю
Порокомъ стѣну каменну;
Отворю, отворю

Колыванскі [1]) воротечкі,
Колыванскі широкія;
Выведу, выведу
Душу красну дѣвицу [2]).

Русскіе подступали подъ Ивангородъ два раза, — въ 1590-мъ году и затѣмъ уже при Петрѣ Великомъ, во время нарвскихъ баталій. Что пѣсня эта сложена ранѣе Петра, тому доказательствомъ служитъ употребленное въ ней старинное слово по́рокъ (стѣнобитное орудіе). При Петрѣ уже не было по́роковъ, онъ бомбардировалъ Нарву чугунными ядрами, и теперь еще находимыми во множествѣ въ нарвскихъ поляхъ. Слѣдовательно, приведенная пѣсня представляетъ наслѣдіе старины глубокой, когда русскій царь отвоевывалъ вотчину свою, попавшую въ руки шведовъ.

Послѣ заключенія 9-го января 1591 года перемирія со шведами, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ торжественно вступилъ въ Ивангородъ съ восточной его стороны (т. е. со стороны нынѣшняго ивангородскаго форштадта). Восточныя ворота и теперь еще видны въ Ивангородѣ, но входъ въ крѣпость въ настоящее время находится на противоположной западной сторонѣ, обращенной къ рѣкѣ.

Царь ѣхалъ въ деревянной каретѣ съ печью, и везли его не лошади, а люди [3]).

Отслуживъ молебны въ Ивангородѣ, Ѳеодоръ Іоанновичъ поѣхалъ въ Москву, и здѣсь во время торжественной встрѣчи митрополитъ Іовъ произнесъ рѣчь, въ которой сравнивалъ царя съ Константиномъ Великимъ и Владиміромъ и восхвалялъ

---

[1]) Т. е. ревельскія. Смыслъ, надо думать, тотъ, что по завоеваніи Ивангорода, легко будетъ овладѣть и Ревелемъ, отворить «колыванскі воротечкі» и вывести, вѣроятно, изъ вражьяго плѣна «душу красну дѣвицу». Быть можетъ, и такъ, что какія-нибудь ивангородскія ворота назывались колыванскими.

[2]) Козакевичъ, гродъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкою Наровою, стр. 10 и 77. У профессора Соболевскаго, въ его собраніи великорусскихъ пѣсенъ, этой пѣсни нѣтъ, но приведенъ цѣлый рядъ похожихъ на нее (томъ II, №№ 608—613), съ упоминаніемъ другихъ городовъ и съ видоизмѣненіемъ самаго сюжета.

[3]) У Hiärn'a объ этомъ... «auf einem hölzernen Wagen gefahren, darauf ein Camin war und der nicht von Pferden, sondern von viel Menschen gezogen wird», стр. 371.

его за возстановленіе алтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III-го, т. е. въ Ивангородѣ [1]).

Горнъ за сдачу Ивангорода былъ посаженъ Іоанномъ III въ тюрьму и затѣмъ даже присужденъ къ смертной казни, отъ которой избавился, лишь благодаря заступничеству герцога зюдерманландскаго Карла, брата короля.

Желая возвратить завоеванныя русскими крѣпости Яму, Ивангородъ и Копорье, Іоаннъ отправилъ для переговоровъ объ этомъ намѣстниковъ упсальскаго и вестерготскаго къ устью рѣки Плюсы на съѣздъ съ русскими уполномоченными, княземъ Хворостининымъ и думнымъ дворяниномъ Писемскимъ. Разумѣется, русскіе не согласились отдать шведамъ завоеванные съ такимъ пролитіемъ крови города, составлявшіе издавна собственность Россіи; напротивъ, они сами требовали у шведовъ возвращенія Нарвы. Уполномоченные разъѣхались, не придя ни къ какому соглашенію. Карлъ зюдерманландскій, вмѣстѣ съ генераломъ Бое, осадили Ивангородъ, желая силою взять то, чего имъ не давали миромъ. Однако шведскія войска были разбиты на голову воеводою Иваномъ Сабуровымъ и отступили отъ Ивангорода, такъ что русскому гарнизону крѣпости уже не понадобилось подкрѣпленіе, пришедшее изъ Новгорода.

Вслѣдствіе не прекращавшейся войны, въ Нарвѣ постоянно хранились большіе запасы военныхъ снарядовъ и пороху. Въ 1593 г. отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ, при чемъ, по словамъ Ніärn'a, погибло около 70 человѣкъ, и были значительно повреждены стѣны и башни, близъ которыхъ случилась катастрофа [2]).

Преемникъ Іоанна III Сигизмундъ (бывшій единовременно и польскимъ королемъ), во вниманіе къ военнымъ бѣдствіямъ, постоянно претерпѣваемымъ городомъ, поспѣшилъ жалованной грамотой 1594 года подтвердить всѣ привилегіи, дарованныя Нарвѣ его предшественниками на шведскомъ престолѣ. Привилегіи эти были направлены, главнымъ образомъ, къ поддержанію торговли и промышленности. Къ числу ихъ относилось, между прочимъ, подтвержденіе, чтобы купцы, провозившіе

[1]) Карамзинъ, т. X, стр. 65.

[2]) Monum. Livon. ant., т. I, стр. 373.

товары во Псковъ черезъ Нарву, въ теченіе 14 дней останавливались въ Нарвѣ и предлагали въ это время свои товары сначала нарвскимъ жителямъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сигизмундъ стремился положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ между Швеціею и Россіею. Прибывшіе еще въ 1591 году въ Москву послы Сигизмунда объявили, что царь первый нарушилъ перемиріе завоеваніемъ шведскихъ городовъ и предлагали заключить вѣчный миръ подъ условіемъ уступки Россіею хотя бы Смоленска или даже какой-нибудь деревни.

— Хотя бы одну деревню государь вашъ уступилъ нашему, а то какъ ничѣмъ не потѣшить на докончанье?—говорили послы. На это имъ возражали: «Деревня дѣло пустое, нашимъ братьямъ можно уступать другъ другу деревни для любви; но великимъ государямъ не деревня дорога, дороги государское имя да честь; какъ государю нашему отдавать отъ любви и отъ соединенья города? государю нашему не только города, не давать и деревни» [2]).

Русское правительство, въ свою очередь, требовало, кромѣ завоеванныхъ крѣпостей,—и Нарвы. Послы Сигизмунда на это не согласились и выѣхали изъ Россіи ни съ чѣмъ.

Новые переговоры начались посылкою русскихъ пословъ Салтыкова и Татищева въ Польшу. Посламъ былъ данъ тайный наказъ слѣдить, въ случаѣ заключенія мира, чтобы «король на обѣихъ грамотахъ (т. е. на той, которую послы повезутъ въ Россію, и на той, которая останется въ Польшѣ) крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножье, и не мимо креста, и не носомъ».

Относительно Нарвы предписывалось въ наказѣ, чтобы, въ случаѣ если захотятъ писать ее «въ королевскую сторону», давать за нее отъ 20 до 50 тысячъ золотыхъ венгерскихъ, «только бы перемирье закрѣпить и Нарву написать въ государеву сторону».

Русскіе послы, прибывъ въ Польшу, добивались прежде всего главной цѣли—заключенія мира и прибавляли, что о

[1]) Hansen, стр. 53.
[2]) Соловьевъ, VII, гл. 3, стр. 583.

другихъ мелкихъ дѣлахъ, которыя еще не были рѣшены въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ польскихъ пословъ, они поведутъ рѣчь особо. На это польскіе паны возразили: «Мы знаемъ, для чего вы этого хотите; обманываете насъ, что глупыхъ пташекъ: одну поймавъ, послѣ всѣхъ переловите. Мы вамъ говоримъ, что, не постановя о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ не договорено, перемирья государь самъ писать не велитъ и креста цѣловать не будетъ».

На предложеніе (согласно вышеупомянутому наказу) продать Нарву Россіи тѣ же паны радные заявили: «Это не товаръ, государи великихъ городовъ не продаютъ; вотъ у вашего государя Псковъ и Смоленскъ; только-бъ ихъ продали,— и мы бы собрали съ своего государства деньги большія, да за Псковъ и Смоленскъ дали». Фальшивый отвѣтъ, характеризующій «пановъ радныхъ» вообще: съ одной стороны—«государи великихъ городовъ не продаютъ», а съ другой стороны—«продай намъ Псковъ и Смоленскъ!».

Московское правительство вынуждено было, въ виду такого упорства, отказаться отъ Нарвы. На основаніи перемирія, заключеннаго въ 1593 году на 2 года, было постановлено, чтобы каждая сторона удержала за собою все то, чѣмъ владѣла, и чтобы ни для той, ни для другой стороны не было допущено никакихъ приращеній.

Въ 1595 году начались новые переговоры о вѣчномъ мирѣ, при посредничествѣ императорскаго посла Минквица въ Нарвѣ.

Уполномоченные, Стенъ Банеръ, Горнъ и Бое со шведской стороны, князь Туренинъ и Пушкинъ—съ русской, съѣхались у Тявзина [1]), близъ Ивангорода. Съ той и съ другой стороны были предъявлены различныя требованія: шведы требовали городовъ, завоеванныхъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, русскіе настаивали на выдачѣ имъ Нарвы и Корелы. Говорили о торговлѣ: при заключеніи вѣчнаго мира необходимо было обставить ее прочными гарантіями. Шведы настаивали на томъ, что принадлежитъ имъ. «Мимо Выборга—говорили они—торговыхъ людей въ Ивангородъ и Нарву, съ ихъ товарами

[1]) Нынѣ деревня Извозъ ямбургскаго уѣзда, на рѣкѣ Лугѣ, въ 20 верстахъ отъ Ямбурга. См. памятную книжку спб. губ. 1868 и 1898 гг.

намъ не пропускать, потому что море наше, и въ томъ мы вольны».

На это русскіе уполномоченные возражали: «Сотворилъ Богъ человѣка самовластна и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать; такъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ поморскихъ и нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ землею и моремъ задержки и неволи чинить непригоже.» Наконецъ, былъ заключенъ миръ (18 мая 1595 г.).

По этому миру Швеція выговорила себѣ право свободно владѣть Нарвою, Ревелемъ и всѣмъ чухонскимъ или эстонскимъ княжествомъ [1]). Русскіе, взамѣнъ этого, удержали всѣ свои пріобрѣтенія въ Ингерманландіи. Итакъ Нарву, пріобрѣсти которую они такъ стремились, отстоять имъ не удалось. Шведы, конечно, понимали всю выгоду удержанія ея за собою. Отъ Нарвы, внизъ по Наровѣ, открывался свободный путь въ море; подчинить его своему господству шведамъ было чрезвычайно важно. Вотъ почему и самую иноземную торговлю, направляемую въ Русь черезъ море, шведы стремились поставить подъ свой исключительный надзоръ и контроль, съ тѣмъ чтобы извлекать изъ нея возможно болѣе выгодъ. На этомъ основаніи тявзинскимъ договоромъ было, между прочимъ, постановлено, что торговля должна происходить на нарвской сторонѣ, а не на ивангородской. Здѣсь должны были храниться вѣсы, мѣры и проч.

Впрочемъ тѣмъ-же договоромъ было признано, что между подданными обоихъ государствъ торговля должна быть свободна; шведы обязывались пропускать въ Россію иноземныхъ купцовъ, а также докторовъ, ремесленниковъ и служилыхъ людей. При этомъ, однако, было оговорено, что ни одинъ иностранный купецъ не могъ пріѣзжать въ Нарву.

Тявзинскій миръ не былъ выгоденъ для Россіи. Форстенъ предполагаетъ даже, что русскіе послы, подписывая договоръ, превзошли свои полномочія. По крайней мѣрѣ, этотъ договоръ не былъ ратификованъ московскимъ правительствомъ [2]).

---

[1]) Карамзинъ, X, стр. 97 и примѣч. 290.

[2]) Соловьевъ, VII, стр. 586 и слѣд.; Форстенъ, II, 52—54.

Шведы, напротивъ, по этому миру пріобрѣтали всѣ выгоды и стратегическія, и торговыя. Поэтому радость шведскаго правительства и населенія шведскихъ городовъ была безпредѣльна. Во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны, пѣли «Te Deum», всѣ другъ друга поздравляли и проливали слезы радости. Война была такъ длительна и кровопролитна, что немногіе отъ начала ея остались въ живыхъ. Императорскій посолъ Минквицъ отбылъ въ Германію, а шведскіе уполномоченные отправились въ Ревель, и здѣсь имъ была устроена торжественная встрѣча.

На почвѣ тявзинскаго мирнаго договора штадтгальтеръ Арвидъ Эриксонъ въ 1595 году издалъ декретъ (помѣщенный въ сборникѣ нарвскихъ привилегій) слѣдующаго содержанія: «Торговля на русской сторонѣ запрещается. Русскіе для производства торговли должны пріѣзжать въ Нарву. Каждая заключенная съ ними сдѣлка купли-продажи должна быть прописана сборщикомъ податей» и т. д. [1]).

Въ 1598 году запрещеніе торговать въ Ивангородѣ снова было подтверждено. Все это, однако, не помѣшало шведскимъ купцамъ въ 1602 году, во время страшнаго голода, постигшаго Россію, привезти большую партію хлѣба въ Ивангородъ.

Нѣкоторые иностранные писатели, передавая это извѣстіе, неправильно утверждаютъ, будто Борисъ запретилъ покупать у иностранцевъ рожь, стыдясь кормить свой народъ чужимъ хлѣбомъ.

Мартинъ Беръ въ своей московской лѣтописи (1584—1612 г.) пишетъ объ этомъ слѣдующее: «По изволенію долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ русскую Нарву (т. е. Ивангородъ) нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многія тысячи могли бы прокормиться, но царь запретилъ россіянамъ, подъ смертною казнію, оный покупать, думая, что для него было бы стыдно, еслибы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ то-

[1]) Hansen, стр. 58: «Der Handel auf der Russischen Seite ist verboten. Die Russen sollen mit ihren Waaren zum Handel nach Narva kommen. Jeder mit ihnen geschlossene Kauf soll durch den Zöllner verschrieben werden» etc.

варъ, возвратились назадъ». Свидѣтельство Бера необходимо признать ложнымъ.

Можетъ быть, Борисъ и стыдился кормить своихъ подданныхъ хлѣбомъ, привезеннымъ иностранцами, но это, конечно, не могло вызвать со стороны умнаго человѣка и правителя, какимъ, несомнѣнно, былъ Годуновъ, упомянутаго нелѣпаго распоряженія [1]).

Вообще въ годину неурожая Годуновъ выказалъ большую энергію и распорядительность; между прочимъ, онъ держался той-же системы въ борьбѣ съ постигшимъ отечество бѣдствіемъ, какой держится правительство и теперь во время голодовокъ: онъ организовалъ общественныя работы и отправилъ по городамъ уполномоченныхъ для раздачи бѣднымъ людямъ хлѣба, денегъ и для соотвѣтственныхъ мѣропріятій на мѣстѣ. Въ Ивангородъ съ этой цѣлью былъ отправленъ Головинъ [2]).

Въ 1601 году многіе ливонцы, покинувшіе родину во время борьбы Карла, короля шведскаго съ племянникомъ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, стремившимся отнять у дяди шведскую корону, искали защиты и покровительства у Бориса [3]). Съ этимъ фактомъ находится въ связи и составленіе въ 1601 году между жителями Нарвы заговора, имѣвшаго цѣлью предать городъ въ руки русскаго царя.

Во главѣ заговора сталъ Конрадъ Бусъ, или Кондратъ Бушъ, какъ называли его русскіе. Бусъ родился въ половинѣ XVI столѣтія въ нѣмецкой части княжества Люнебургъ, откуда въ 1569 году переѣхалъ въ Лифляндію, гдѣ и женился. До 1600 года онъ былъ на службѣ у польскихъ королей Стефана Баторія и Сигизмунда III, затѣмъ перекочевалъ къ гер-

[1]) Сказ. совр. о Дм. Самозв., ч. I (Берова лѣтопись московская), стр. 40.

[2]) Карамзинъ, т. XI, стр. 68 и прим. 170. Интересно замѣтить здѣсь, что, по сказанію лѣтописей, во время голодовки 1601—2 гг. впервые введена въ употребленіе малая мѣра четверикъ, а до того хлѣбъ измѣрялся у насъ оковами, бочками, или кадями, четвертями и осьминами.

[3]) Ibidem, стр. 18 и 19. Беръ, вообще мало симпатизирующій Борису, все-таки отдаетъ должное этому царю и отрывокъ, передающій о переходѣ ливонцевъ въ подданство Россіи, заключаетъ слѣдующими словами: «Нѣмцы до сихъ поръ угнетенные горестію, не помнили себя отъ радости и прославляли великодушіе русскаго государя», стр. 28.

цогу Карлу вмѣстѣ со многими другими лифляндцами и эстляндцами. Карлъ назначилъ его комендантомъ сначала Нейгаузена, а потомъ Маріенбурга. Въ теченіе 1590—1600 годовъ Бусъ часто бывалъ въ Нарвѣ, свелъ въ ней знакомства съ русскими людьми. Не безъ вліянія его, вѣроятно, въ 1599 и 1600 годахъ ивангородскіе воеводы отправляли въ Нарву и Ревель купца Тимофея Выходца и нѣкоего Иванова, чтобы агитировать въ пользу русскаго правительства. Впрочемъ, надо замѣтить, что на Выходца была возложена Годуновымъ и особая миссія—просить о возстановленіи въ Нарвѣ православной церкви во имя св. Николая Чудотворца. Кромѣ того въ 1600 году въ Москву пріѣзжалъ нарвскій ратманъ Арманъ Скровъ, который говорилъ, что его сограждане желаютъ предаться Борису [1]). Планъ заговорщиковъ, однако, окончился полной неудачей, и Бусъ принужденъ былъ, спасая свою жизнь, бѣжать въ Москву. Прочіе заговорщики были пойманы, а затѣмъ обезглавлены и колесованы. Есть основаніе думать, что Бусъ преслѣдовалъ лишь эгоистическія цѣли; иначе трудно объяснить фактъ нахожденія его въ 1611 году въ рядахъ поляковъ, осаждавшихъ Москву.

Извѣстно, что Борисъ Годуновъ предполагалъ выдать свою дочь за герцога датскаго Іоанна, и что въ 1602 году Іоаннъ предпринялъ путешествіе въ Россію, чтобы повидаться съ невѣстой. Событіе это памятно и для Нарвы. 10 августа 1602 г. Іоаннъ прибылъ къ устью рѣки Наровы, гдѣ ему была приготовлена торжественная встрѣча. Когда лодка, украшенная бархатомъ и золотомъ, пристала къ берегу, былъ произведенъ пушечный салютъ, а затѣмъ бояринъ Салтыковъ и думный дьякъ Власьевъ отъ имени царя привѣтствовали молодого герцога и, введя его въ богато убранную палатку, по русскому обычаю, поднесли ему въ подарокъ 80 соболей. Затѣмъ «свѣтлѣйшій королевичъ» былъ усаженъ въ золотую карету и поѣхалъ черезъ Нарву въ Ивангородъ, гдѣ народъ привѣтствовалъ его радостными кликами. Стѣны Нарвы были украшены флагами и усѣяны любопытными зрителями. Процессія направлялась въ такомъ порядкѣ: сначала шли стрѣльцы, за ними

---

[1]) Карамзинъ, т. XI, примѣч. 43.

выборные дворяне, въ количествѣ 100 человѣкъ, далѣе свита герцога, затѣмъ въ каретѣ слѣдовалъ самъ герцогъ и съ нимъ три датскихъ сенатора: Гильденштернъ, Браге и Голькъ и, наконецъ, боярин Салтыковъ со своимъ полкомъ. Іоаннъ былъ въ пуховой шляпѣ, отдѣланной кружевами, золотомъ и серебромъ, въ платьѣ алаго атласа, украшенномъ канителью нѣмецкой работы, въ шелковыхъ, также алыхъ чулкахъ, и башмакахъ синяго сафьяна. Изъ Ивангорода королевичъ Іоаннъ преслѣдовалъ далѣе въ Москву, всюду встрѣчая пріемъ, свойственный врожденному русскому гостепріимству, а, можетъ быть, отчасти навѣянный тонкою политикою Годунова [1]).

Масса повѣствуетъ о встрѣчѣ Іоанна слѣдующимъ образомъ: «Въ Ивангородъ, куда онъ (герцогъ Іоаннъ) долженъ былъ прибыть, Борисъ прежде всего послалъ всякаго рода съѣстные припасы и царскую утварь, какъ-то: постели, подушки, кухонную посуду, все, что было необходимо для конюшни и погреба; туда же посланы были многіе придворные, которые должны были ожидать прибытія герцога. Затѣмъ царь отправилъ думнаго дьяка, который долженъ былъ встрѣтить герцога отъ имени царя. Дьяка этого звали Аѳанасіемъ Ивановичемъ Власовымъ (Власьевымъ). Это былъ человѣкъ умный, нѣсколько разъ уже бывшій посланникомъ при дворѣ римскаго императора, ибо былъ образованъ и умѣлъ хорошо говорить. Въ помощники ему былъ назначенъ Борисъ Глѣбовичъ Салтыковъ. Посланные съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія кораблей изъ Даніи. 23 іюля 1602 года изъ Даніи пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что корабли отплыли, и герцогъ въ дорогѣ. Гонца щедро одарили и немедленно отпустили 25 іюля.

Между тѣмъ герцогъ прибылъ къ Ивангороду или Нарвѣ. На нѣсколькихъ судахъ, прибывшихъ съ нимъ, было до 400 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много дворянъ. Знатные вельможи, дворянство, а также и всѣ горожане приняли его съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, радостно привѣтствуя его отъ имени царя. Герцогу и его свитѣ приготовлены были лучшіе дома, въ которыхъ они помѣстились. Здѣсь они провели нѣсколько дней очень весело. Значительная поклажа герцога, утварь, деньги и вина были взяты съ кораблей и на царскихъ почтовыхъ лошадяхъ отправлены въ Москву. Отсюда привезли также нѣсколько экипажей, а для герцога царскій экипажъ, очень искусно сдѣланный.

По дорогѣ во всѣхъ почтовыхъ домахъ были приготовлены лошади для перевозки свиты, багажа и съѣстныхъ припасовъ. Гонцы ежедневно скакали къ царю и отъ царя къ герцогу съ ежечасными извѣстіями. Когда выгрузили съ кораблей все имущество, герцогъ, пробывшій нѣсколько дней въ Нарвѣ, отправился въ сопровожденіи боль-

[1]) Карамзинъ, т. XI, стр. 28—29 и прамѣч.

ной свиты, состоявшей изъ московскихъ дворянъ и придворныхъ въ Москву» [1]).

Обращаясь къ исторіи Швеціи, мы видимъ, что въ 1604 г. послѣ упомянутой уже нами продолжительной междоусобной войны между дядей Карломъ, герцогомъ зюдерманландскимъ, и племянникомъ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ и шведскимъ, [2]) на престолъ Швеціи вступилъ Карлъ и вскорѣ короновался въ Упсалѣ подъ именемъ Карла IX-го.

Нарва, въ числѣ другихъ шведскихъ городовъ, была извѣщена о коронаціи, причемъ король приглашалъ изъ Нарвы делегатовъ для присутствованія на торжествѣ. Вслѣдъ за тѣмъ 24 августа 1607 года Карлъ IX подтвердилъ привилегіи, данныя Нарвѣ при прежнихъ короляхъ. Къ этому же году относится постановленіе Карла IX относительно взиманія пошлинъ, а именно прежнія правила о томъ, чтобы русскіе купцы платили 3 талера въ Нарвѣ и 6 марокъ въ Ревелѣ, были замѣнены новыми, заключавшимися въ слѣдующемъ: русскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Нарву съ товарами, обязаны были платить $4^1/_2$ талера на сто. Въ случаѣ дальнѣйшаго слѣдованія въ Ревель, имъ выдавалась росписка въ уплатѣ пошлины, вслѣдствіе чего въ Ревелѣ они уже ея не платили. Точно также и товары, вывозимые русскими купцами изъ Ревеля въ Нарву, подлежали пошлинѣ. Между тѣмъ иностранные купцы, привозившіе товары въ Нарву или покупавшіе что-либо у русскихъ, были свободны отъ всякихъ пошлинъ.

Объ этомъ постановленіи былъ извѣщенъ ивангородскій воевода, а въ Нарвѣ приказано было поставить военный

---

[1]) Сказанія Массы, стр. 85—87. Въ 1599 году Ивангородъ принималъ также участіе во встрѣчѣ Густава, сына шведскаго короля Эрика; на этого Густава Годуновъ въ свое время возлагалъ надежды не меньшія, чѣмъ на герцога Іоанна. Ibidem, стр. 71; Карамзинъ, т. XI, стр. 20, пр. 38. О встрѣчѣ герцога Іоанна см. также 5 Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 9 December 1864, стр. 8—10.

[2]) Во время этой войны Карлъ просилъ Годунова задержать ганзейскіе корабли въ Россіи на томъ основаніи, что ганза будто бы посылала военные припасы Сигизмунду. Любекскіе бургомистры, въ свою очередь, убѣждали Бориса не вѣрить клеветѣ Карла и отпустить корабли, захваченные въ Ивангородѣ и Псковѣ. Карамзинъ, т. XI, примѣч. 107.

корабль, который долженъ былъ слѣдить за правильнымъ взиманіемъ пошлинъ съ русскихъ купцовъ [1]).

Король Карлъ имѣлъ свои причины благосклонно относиться къ Нарвѣ, такъ какъ во время борьбы его съ польскимъ королемъ Нарва первая признала его. Впрочемъ и здѣсь намѣстникъ Отто фонъ Икскуль, считая себя несвободнымъ отъ присяги королю Сигизмунду, опасался принять сторону Карла, но гарнизонъ и бюргеры принудили его передать послѣднему крѣпость. Самъ Икскуль былъ отстраненъ отъ должности и посаженъ подъ арестъ, а на его мѣсто назначенъ Карломъ Петръ Столпенъ.

Видя въ жителяхъ Нарвы своихъ доброжелателей, Карлъ еще въ 1601 году (до вступленія на шведскій престолъ) послалъ имъ интересное приглашеніе принять участіе въ церемоніи крещенія его сына, родившагося въ Ревелѣ. «Нашъ милостивый поклонъ и благосклонныя пожеланія – писалъ онъ. Почтенные и мудрые любезные союзники. Мы не можемъ милостиво васъ не извѣстить, что наша любимая супруга 23 апрѣля въ 12 часовъ ночи, слава Богу, благополучно разрѣшилась отъ бремени, и всемогущій Богъ даровалъ намъ молодого сына съ веселымъ видомъ. Оба, мать и дитя, при этомъ чувствуютъ себя хорошо, и такъ какъ мы увѣрены, что вы вмѣстѣ съ нами радуетесь этому, и такъ какъ дитя родилось въ этой странѣ, то мы и извѣщаемъ васъ, какъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ вмѣстѣ со всею страною и другими городами.... И рѣшивши крестить нашего юнаго сына въ Ревелѣ 17-го мая, мы объявляемъ вамъ наше милостивое желаніе, чтобы вы къ указанному дню послали своихъ представителей и такимъ образомъ приняли участіе въ христіанскомъ дѣлѣ св. крещенія, а затѣмъ отпраздновали это событіе вмѣстѣ съ нами и крестными отцами. Дано въ нашемъ городѣ Ревелѣ 30 апрѣля 1601 года» [2]).

Что касается вообще отношеній Карла IX къ Россіи, то, повидимому, они были дружественны. Шведскій король постоянно предлагалъ свою помощь Василію Шуйскому и намѣстникамъ и воеводамъ русскихъ городовъ въ тяжелую для Россіи эпоху самозванцевъ и безначалія, когда внѣшніе враги овладѣвали старинными русскими городами, пользуясь враждой и несогласіями въ средѣ бояръ, преслѣдовавшихъ въ годину бѣдствія свои личные интересы. Однако, изъ дѣйствій и различ-

[1]) Форстенъ, II, 74 и 75.

[2]) Переведено съ нѣк. сокращеніями съ нѣмецкаго текста, помѣщеннаго у Ганзена въ его Geschichte der St. Narva, стр. 61.

Общій видъ Нарвы и Ивангорода. По гравюрѣ Меріана начала XVII стол.

ныхъ тайныхъ инструкцій Карла нельзя не усмотрѣть, что, помогая Россіи, онъ преслѣдовалъ личныя цѣли. Съ одной стороны, онъ всѣми силами стремился положить конецъ усиленію Польши, своего исконнаго врага, извлекавшаго всѣ выгоды изъ смутнаго времени въ Россіи и выдвинувшаго въ ней самозванцевъ; съ другой стороны, Карлъ стремился урвать и въ свою пользу часть, и возможно бо́льшую, изъ обездоленной и изнывавшей отъ смутъ обширной Россіи.

Еще при появленіи перваго Лжедимитрія король отдалъ приказаніе своимъ коммисарамъ въ Финляндіи доставлять всѣ получаемыя ими свѣдѣнія о самозванцѣ. На границу Финляндіи было двинуто большое шведское войско, повсюду дѣлались усиленные рекрутскіе наборы (каждый пятый мужчина поступалъ въ войска). Шведскіе военачальники и правители постоянно предлагали русскимъ помощь противъ поляковъ и самозванцевъ.

Въ маѣ 1609 года первый Лжедимитрій былъ свергнутъ съ престола и убитъ. Сейчасъ же полетѣли объ этомъ вѣсти въ сосѣднія государства.

Въ датскомъ (копенгагенскомъ) архивѣ г. Щербачевъ нашелъ слѣдующее интересное письмо о происшествіяхъ въ Россіи.

«1606 года, 27 мая изъ Нарвы.

Не скрою отъ васъ извѣстія, что позавчера русскіе на Ивангородѣ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, какъ нынѣ оказывается вслѣдствіе того, что великій князь (подразумѣвается Лжедимитрій), сыгравшій свадьбу 7-го мая, 8-го былъ преданъ пыткѣ; когда онъ признался въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, и что онъ хотѣлъ предать страну полякамъ, они размозжили ему голову, и такимъ образомъ страна теперь безначальна. Полагаютъ, что правителемъ долженъ стать одинъ изъ Романовыхъ, [1]) и русскіе утверждаютъ, что они присягнули другъ другу (не измѣнять?), пока имъ не будетъ избранъ великій князь. Если это дѣйствительно такъ, что вполнѣ правдоподобно, то за этимъ въ Россіи послѣдуютъ великія перемѣны» [2]).

---

[1]) Интересно, что тогда уже родъ Романовыхъ признавался достойнымъ царской короны, и тогда уже возлагали на него всѣ упованія.

[2]) Щербачевъ. Датскій архивъ. М. 1893, стр. 300 — 301. См. также два печатныхъ современныхъ листка (1606 г.) со свѣдѣніями о самозванцѣ и о русскихъ дѣлахъ (Warhafftige Copia des Schreibens von dem Reussischen Woiwoden auff Iwangorodt etc и Warhafftige newe Zeitung aus der Narfue etc), хранящіеся въ отдѣленіи «Rossica» въ имп. публ. библіотекѣ. Подр. заглавія приведены въ перечнѣ источниковъ.

По смерти Лжедимитрія Карлъ уже прямо отъ своего имени предложилъ царю Василію Шуйскому содѣйствіе къ искорененію мятежа. При этомъ онъ стращалъ царя, что за Польшу стоитъ германскій императоръ и Римъ, и что Испанія, въ свою очередь, готовитъ многочисленный флотъ, съ цѣлью утвердиться въ Балтійскомъ морѣ и затѣмъ вторгнуться въ русскія владѣнія.

Уполномоченнымъ, посланнымъ въ Россію для переговоровъ о союзѣ со Швеціей, король предписалъ свято блюсти прежде всего собственные интересы и требовать отъ русскихъ уступки въ пользу Швеціи Нотебурга, Кексгольма, Ямы, Копорья, Ивангорода и Колы. Въ случаѣ отказа Россіи исполнить эти требованія, посламъ было приказано прибѣгнуть къ угрозѣ союзомъ Швеціи съ Польшей. Затѣмъ послы должны были настаивать, чтобы только Выборгъ и Ревель были признаны торговыми центрами, гдѣ торговля могла производиться безпошлинно. Если бы русскіе выражали желаніе торговать въ Нарвѣ, то ихъ слѣдовало поставить въ извѣстность, что здѣсь они должны будутъ платить такую пошлину, какую назначатъ шведы.

Въ письмѣ къ пограничнымъ коммисарамъ отъ 24 декабря 1609 г. Карлъ прямо открываетъ свои карты: «Надо пользоваться временемъ смутъ въ Россіи, — писалъ онъ — ибо пока между русскими нѣтъ единства, не трудно составить себѣ тамъ партію преверженцевъ и черезъ нее дѣйствовать въ свою пользу. Не упускайте, поэтому случая переманивать на нашу сторону сколько возможно больше русскихъ».

Въ письмѣ отъ того же числа на имя новгородскаго намѣстника Карлъ просилъ указать ему, кого новгородцы признаютъ царемъ. При этомъ король, въ объясненіе своей просьбы, довольно безцеремонно указывалъ, что «русскіе такъ-же часто мѣняютъ своихъ правителей, какъ зайцы свой цвѣтъ: лѣтомъ они сѣры, зимою бѣлы». При всемъ томъ онъ выражалъ готовность помочь русскимъ въ борьбѣ съ самозванцами.

Весною 1607 года до короля дошла вѣсть о пораженіи Шуйскаго у Калуги. Онъ сильно встревожился и вновь подтвердилъ своимъ коммисарамъ, чтобы они предлагали помощь Шуйскому. Въ случаѣ, если бы русскіе обратились, наконецъ,

за этою помощью, предписывалось послать къ королю нарочнаго, который долженъ былъ ѣхать къ нему днемъ и ночью безъ отдыха. По первой просьбѣ русскихъ король выражалъ готовность немедленно выслать нѣсколько шведскихъ отрядовъ въ Выборгъ или въ Нарву съ тѣмъ, конечно, чтобы слѣдовать далѣе на помощь русскимъ городамъ.

Наконецъ, не видя исхода въ непосильной борьбѣ съ внѣшними врагами и внутреннею смутою, царь Василій Шуйскій принялъ предложенія Карла [1]).

Воевода Семенъ Головинъ и дьякъ Сыдавной Зиновьевъ, по приказанію царя, съѣхавшись съ полномочными послами шведскаго короля, составили договорную запись, на основаніи которой Карлъ обязался прислать Шуйскому для борьбы съ тушинскимъ воромъ (второй Лжедимитрій) 5000 человѣкъ войска, при чемъ условлено было о пропускѣ шведовъ черезъ копорскій, ямскій и ивангородскій уѣзды и о продажѣ имъ необходимыхъ припасовъ. «А какъ впредь нашего вельможнѣйшаго короля и государя ратные люди — говорилось въ грамотѣ — черезъ русскую землю въ Ругодивъ пройдутъ, имъ также подъ смертною казнью въ копорскомъ, и въ ямбургскомъ, и въ ивангородскомъ уѣздѣ сильно ничто не отъимати и царя и великаго князя подданнымъ людемъ насильства никотораго не учинити; а ѣдучи имъ всякіе кормы покупать на свои деньги по прямой цѣнѣ» [2]).

Своекорыстные расчеты Карла при заключеніи союза съ Россіей сказались уже въ самомъ непродолжительномъ времени. Онъ предписалъ графу Мансфельду занять Ивангородъ и затѣмъ двинуться далѣе въ глубь Россіи, ко Пскову. Города эти, по полученнымъ королемъ извѣстіямъ, передались самозванцу. Карлъ, предписывая отвоевать ихъ, лишь прикрывался интересами Россіи; на самомъ-же дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду присоединить ихъ къ владѣніямъ шведской короны.

---

[1]) Форстенъ, II, стр. 68—79.

[2]) Акты истор. т. II, стр. 187 и 188, также стр. 183. Акты, собр. въ библ. и архивахъ рос. имп., т. II, стр. 226. Первый самозванецъ памятенъ для Нарвы тѣмъ, что хотѣлъ было строить мостъ черезъ Нарову для удобства военныхъ дѣйствій противъ шведовъ. Однако Лжедимитрій, по совѣту бояръ, оставилъ намѣреніе осаждать Нарву, такъ какъ время было неудобно для осады. Карамзинъ, XI, примѣч. 455; Масса, стр. 206.

Въ тайныхъ инструкціяхъ коммисарамъ и военачальникамъ Карлъ указывалъ, что планъ его «сосредоточить всѣ свои силы въ Ивангородѣ, укрѣпить его и сдѣлать форпостомъ шведскихъ владѣній на востокѣ» остается неизмѣненъ [1]).

Въ одномъ изъ писемъ къ Эверту Горну король настаивалъ на удержаніи, во что бы то ни стало, Новгорода, пока не выяснится положеніе дѣлъ въ Россіи.

«Намъ всего важнѣе — писалъ онъ — собственная польза, а потому и слѣдуетъ позаботиться о вознагражденіи за всѣ понесенные нами убытки въ настоящей войнѣ» [2]).

Корыстныя стремленія Карла обнаружились съ полной ясностью послѣ паденія Василія Шуйскаго, когда онъ съ одинаковымъ предложеніемъ помощи,—теперь уже противъ однихъ поляковъ (о самозванцахъ не упоминалось, да и не могло упоминаться въ переговорахъ съ самозванцемъ же), — обращался къ второму Лжедимитрію, появившемуся въ Ивангородѣ, именуя его царемъ, самодержавцемъ и великимъ княземъ всея Россіи.

Очевидно, король хлопоталъ ради собственныхъ выгодъ, — ради территоріальныхъ пріобрѣтеній. Цѣль была поставлена, а средствами онъ не стѣснялся.

Въ 1609 году явился въ предѣлахъ Россіи шведскій полководецъ Яковъ Делагарди и въ слѣдующемъ году овладѣлъ укрѣпленіемъ Кексгольмомъ, а въ 1611-мъ году завоевалъ Новгородъ. Другой шведскій генералъ — Горнъ овладѣлъ Нотебургомъ, Копорьемъ, Ямбургомъ и Ивангородомъ.

Петръ Петрей де-Эрлезундъ передаетъ въ своей «исторіи о великомъ княжествѣ московскомъ» [3]), что около того же времени въ Ивангородѣ появился новый самозванецъ (третій по счету, — діаконъ Сидорка изъ-за Яузы), который, такъ же, какъ и первые два, выдавалъ себя за спасеннаго царевича Димитрія. Въ Новгородѣ, гдѣ онъ былъ до того, его постигла неудача; но ивангородцы его признали за царя и по этому случаю три дня звонили въ городѣ въ колокола и палили изъ

[1]) Форстенъ, II, стр. 81.
[2]) Тамъ-же, стр. 85.
[3]) Петрей, указ. сочиненіе, стр. 297 и 298.

пушекъ [1]). Самозванецъ завелъ переговоры съ нарвскимъ комендантомъ Филиппомъ Шейдингомъ, прося помощи у шведовъ.

Карлъ IX отправилъ въ Ивангородъ Петрея съ письмами и полномочіями и приказалъ «доподлинно развѣдать, дѣйствительно ли это царевичъ Димитрій, вѣнчанный и помазанный въ Москвѣ». Когда Петрей явился въ крѣпость, самозванецъ, отговариваясь то нездоровьемъ, то тѣмъ, что не такъ одѣтъ, не хотѣлъ его допустить къ себѣ, потому что Петрей — какъ это было не безъизвѣстно Сидоркѣ — видѣлъ и зналъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Москвѣ воскресшаго Димитріа; укрываясь отъ внимательныхъ взоровъ шведскаго депутата, онъ всетаки желалъ заручиться поддержкой Швеціи, и потому продолжалъ переговоры какъ съ нимъ, такъ и съ комендантомъ Нарвы Шейдингомъ. Однако, этому послѣднему, по приказанію короля, понявшаго обманъ, запрещено было сноситься съ самозванцемъ. Тогда, убѣдившись въ непрочности своего положенія въ Ивангородѣ, Сидорка съ преданными ему казаками 24 іюня 1611 года удалился во Псковъ, гдѣ и былъ признанъ царемъ. Посланный вслѣдъ за нимъ шведскій полководецъ тщетно искалъ его во Псковѣ: онъ снова бѣжалъ въ Ивангородъ.

Наконецъ, всѣ его мытарства завершились тѣмъ, что онъ былъ изловленъ русскимъ правительствомъ и «жалостнымъ образомъ», какъ выражается Петрей, повѣшенъ [2]).

Въ правленіе Карла IX Нарву посѣтило большое бѣдствіе: то былъ страшный пожаръ, вспыхнувшій въ 1610-мъ году. Пожаръ этотъ испепелилъ почти весь городъ. Имущество жителей частью сгорѣло, а частью было расхищено стоявшими по близости войсками. Можно себѣ представить положеніе гражданъ, оказавшихся въ осеннюю пору (пожаръ случился 20 августа) безъ куска хлѣба.

[1]) Въ одной изъ оффиціальныхъ бумагъ того времени значится, что «Ивангородъ цѣловалъ крестъ вору». См. акты, собр. въ библ. и арх. рос. имп., т. II, стр. 196. (Отписка Вас. Вербышева къ вычегодцамъ янв. 13, 1609 года).

[2]) Петрей въ своей исторіи, между прочимъ, отдаетъ должное мужеству и выносливости русскихъ воиновъ, и пораженія ихъ, кромѣ внутреннихъ неурядицъ, приписываетъ недостатку въ провіантѣ и водѣ, вслѣдствіе чего въ войскѣ развивался скорбутъ, уносившій многихъ въ могилу, а у остававшихся въ живыхъ ослаблявшій силы.

Болѣе 20 лѣтъ отстраивался сгорѣвшій городъ, такъ что уже въ 1633-мъ году Олеарій, секретарь голштинскаго посольства, отправленнаго въ Россію, упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что онъ нашелъ въ Нарвѣ множество новыхъ построекъ. Строительная дѣятельность города, подмѣченная Олеаріемъ, ясно свидѣтельствовала о бывшемъ пожарѣ.

Карлу IX-му наслѣдовалъ въ 1611 году Густавъ Адольфъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, утвердившись въ 1613 году на престолѣ, потребовалъ отъ новаго короля, чтобы онъ вывелъ изъ Россіи свои полки и возвратилъ Новгородъ, а такъ какъ это требованіе не было удовлетворено, то русскія войска двинулись противъ шведовъ. Вновь закипѣвшая война окончилась въ 1617-мъ году, при посредничествѣ англійскаго посла Джона Мерика, столбовскимъ миромъ [1]), по которому Швеція получила Ивангородъ, Яму, Копорье и Орѣшекъ со всѣми ихъ посадами и деревнями. Города эти Михаилъ Ѳеодоровичъ отдалъ Швеціи, поручившись не отвоевывать ихъ болѣе за себя и своихъ наслѣдниковъ «и потомъ будущихъ россійскаго царствія великихъ государей, царей и великихъ князей».

Новгородъ же, Старая Русса, Порховъ, Ладога и Гдовъ остались за русскими.

[1]) Деревня Столбово находится въ новоладожскомъ уѣздѣ.

Карновичъ, собр. узак. рус. госуд., стр. 173—217. Договоръ, учиненный въ погран. дер. Столбовѣ о заключеніи м. Россіею и Швеціей вѣчнаго мира и 2 межевыя записи и ратификація корол. Христины. У Петрея стр. 316—339. Приведемъ здѣсь описаніе шведскихъ рубежей въ окрестностяхъ Нарвы: «И тутъ у Пяты рѣки на сумерской сторонѣ ель, а на ней грань, крестъ большой, а на ямской сторонѣ осина, а на ней грань—короны, да тутъ-же на сумерской сторонѣ Вилья гора и тутъ у Пяты рѣка сумерской волости съ ямскимъ уѣздомъ межа отошла, а пошла межа гдовскому уѣзду съ ямскимъ и съ иванегородскимъ уѣздомъ, Пятою рѣкою внизъ, чистою водою съ полверсты до мху, а по мху Пята рѣка пошла по подземелью двѣ версты до острова и тутъ на острову грань—три сосны, а на нихъ кресты и короны, а отъ того острова пошла межа Пятою-жъ рѣкою внизъ, до устья Пяты рѣки, гдѣ она впала въ Плюсу рѣку, 16 верстъ, а отъ устья Пяты рѣки межа пошла Плюсою рѣкою внизъ до устья, гдѣ она впала въ Нерову (Нарову) рѣку съ версту и тутъ у плюсскова устья и у Неровы рѣки межа гдовскому уѣзду съ иванегородскимъ уѣздомъ отошла» (стр. 197—198).

Во время смутъ и войны страна была сильно опустошена и совершенно обѣднѣла. По свидѣтельству Фалька, бочка зерна въ Нарвѣ въ это время стоила $5^1/_2$ талеровъ.

Заключенію столбовскаго мира предшествовали переговоры между шведскими и русскими уполномоченными въ селѣ Дедеринѣ, въ новгородскомъ намѣстничествѣ.

На съѣздѣ 7 января 1617 года происходили бурныя пререканія. Не смотря на пережитую годину бѣдствій, русскіе послы держали себя съ достоинствомъ и требовали возвращенія лифляндскихъ (ливонскихъ) городовъ и Великаго Новгорода, какъ вотчинъ великихъ государей россійскихъ.

На это шведы имъ отвѣчали: «Не только что лифляндская земля вотчина государя вашего, но и Новгородомъ недавно вы начали владѣть, а лифляндскою землею московскіе государи завладѣли неправдою, и за то Богъ имъ месть воздалъ». Русскіе возражали:

— Лифляндія за нами отъ прародителей государей нашихъ, отъ государя Георгія-Ярослава Владиміровича, который построилъ Юрьевъ ливонскій въ свое имя, а новгородское государство было за россійскими государями во времена Рюрика и ни за кѣмъ, кромѣ россійскихъ царей, не бывало.

Шведы говорили съ насмѣшкой: «Видали-ль вы Юрьевъ ливонскій? Ливонскихъ городовъ вамъ за государемъ своимъ не видать какъ ушей своихъ».

— Вы такъ говорите, снимая помощь съ Бога—получили они отвѣтъ; — а мы, прося у Бога милости, будемъ доискиваться своего: не отдадите безъ крови, отдадите съ кровью.

Шведы продолжали: «Оставьте говорить высокія слова. Лисовскій не Богъ знаетъ кто, обычный человѣкъ, — и тотъ съ невеликими людьми прошелъ все московское государство; рати ваши, русскія и татарскія, мы знаемъ».

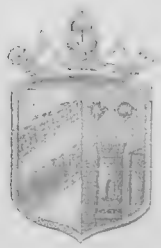
Вы наши рати знаете—отвѣчали русскіе послы — а помните, какъ вашъ государь нашему государю Ѳеодору Ивановичу отдалъ города Иваньгородъ, Копорье и другіе; и когда государь нашъ велѣлъ стрѣлять по Ругодиву, то нѣмцы ваши всѣ тотчасъ замахали съ города шляпами и били челомъ, чтобъ государь кровь ихъ пролить не велѣлъ; а когда государь послалъ князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, то помните, какая была отъ нашихъ людей въ вашей землѣ война и плѣнъ? И нигдѣ тогда нашимъ людямъ ваши люди противны не были; такъ государю вашему надобно того остерегаться: въ правдѣ всякому Богъ помогаетъ, а не въ правдѣ сокрушаетъ».

Шведскій король былъ радъ заключенію мира, что и выразилъ въ рѣчи своей на сеймѣ того-же 1617 года.

«Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи — говорилъ онъ — тѣмъ, что русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ безпокоили. Русскіе—опасные сосѣди; границы земли ихъ простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго

и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могутъ выставить въ поле большое войско. А теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить въ Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него. У Россіи отнято море, и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ» [1]).

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ привести описаніе Ивангорода начала XVII столѣтія, составленное Петреемъ, котораго мы выше уже цитировали. Это описаніе, краткое само по себѣ, нѣсколько дополняетъ приведенный выше отрывокъ объ Ивангородѣ за сто лѣтъ назадъ (начало XVI столѣтія), принадлежащій перу барона Герберштейна. «Крѣпость Ивангородъ — говоритъ Петрей [2])—лежитъ на рѣкѣ Наровѣ, чрезвычайно сильна и раздѣлена на три части. Она получила названіе отъ великаго князя, по имени Ивана. Касаясь затѣмъ топографіи рѣки Наровы, Петрей замѣчаетъ: «изъ городовъ Пскова и Дерпта можно было бы плавать на судахъ Пейпусомъ и Наровою въ Балтійское море, еслибы не мѣшали какіе-то утесы и кустарники, находящіеся въ полумилѣ отъ крѣпости».

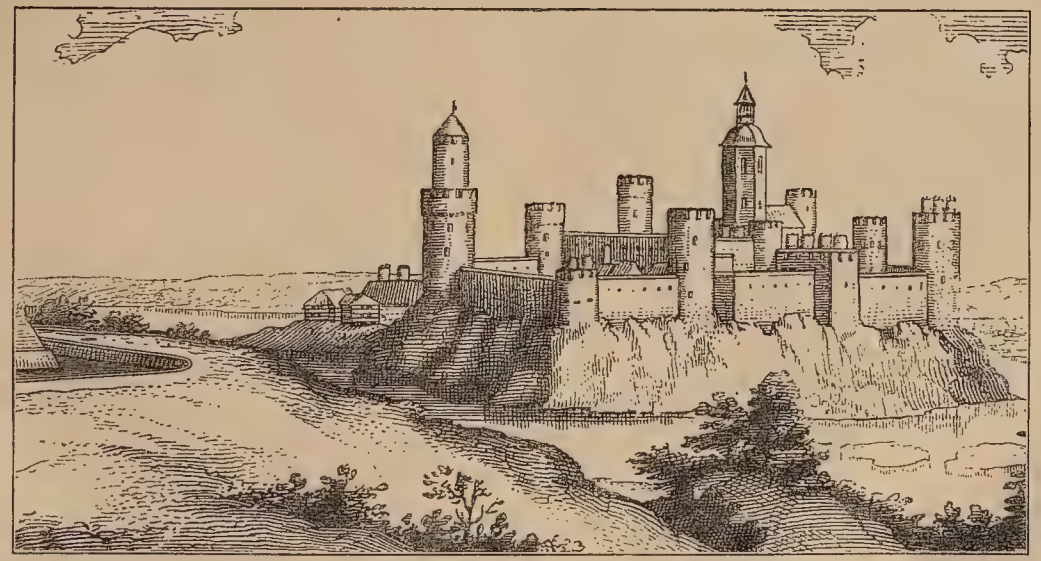


Гербъ Ивангорода шведскихъ временъ.

Говоря о томъ, что въ 1612-мъ году Ивангородъ взятъ шведскимъ полководцемъ графомъ Яковомъ Делагарди, Петрей въ заключеніе прибавляетъ: «оттого и теперь еще славный король шведскій по справедливости употребляетъ въ своемъ титулѣ названіе Ивангорода».

Включая только что присоединенный Ивангородъ въ число городовъ, упоминавшихся въ подробномъ титулѣ, шведскій король, очевидно, придавалъ небольшому укрѣпленію существенное значеніе. И дѣйствительно, Ивангородъ въ то время былъ

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. IX, стр. 1118 и сл. и 1131.
[2]) Петрей. Исторія о вел. кн. московскомъ, стр. 50.



Видъ Ивангорода. По гравюрѣ Меріана начала XVII столѣтія.

оплотомъ для Швеціи противъ русскихъ, не отказывавшихся и послѣ столбовскаго мира отъ своихъ враждебныхъ намѣреній.

Въ 1622-мъ году Густавъ Адольфъ, передавъ главное командованіе войсками, расположенными въ Эстляндіи и Лифляндіи графу Якову Делагарди, самъ съ братомъ своимъ, герцогомъ Карломъ-Филиппомъ, отправился въ Швецію на имперскій сеймъ. Когда братья проѣзжали черезъ Нарву, герцогъ Карлъ внезапно заболѣлъ и, несмотря на медицинскую помощь, умеръ въ Нарвѣ 17-го января 1622-го года [1]).

Заключеніе мира со Швеціей не спасло Россіи отъ бѣдствій войны и смуты. Въ 1617-мъ году королевичъ польскій Владиславъ, которому часть Москвы присягнула еще въ 1611-мъ году, заручившись союзомъ малороссійскихъ казаковъ, шелъ къ столицѣ Россіи. Нарва была свидѣтельницей этого грустнаго событія. Именно 15-го декабря 1617-го года Владиславъ отправилъ изъ Нарвы, гдѣ онъ временно стоялъ лагеремъ, въ русскіе города окружную грамоту, въ которой доказывалъ права свои на русскій престолъ и которую начиналъ словами: «Отъ царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всеа Русіи въ московское государство бояромъ нашимъ» и т. д. [2]).

По деулинскому миру (1618 г.) Польша пріобрѣла Смоленскъ и Сѣверскую землю, но Владиславъ не отказался отъ правъ на московскій престолъ и только въ 1632 году, по смерти отца своего Сигизмунда III, избранный на престолъ Польши, онъ оставилъ свои упорныя притязанія на россійскую корону.

Въ томъ-же 1632 году окончилъ свои дни и Густавъ Адольфъ, смертельно раненый въ битвѣ при Люценѣ.

Таковы внѣшнія событія, имѣвшія мѣсто въ правленіе короля Густава и такъ или иначе отразившіяся на исторіи Нарвы и Ивангорода. Но внутренняя жизнь города шла своимъ чередомъ и находила живой отголосокъ какъ въ королевскихъ актахъ, такъ и въ

---

[1]) Hansen. Geschichte der St. Narva, стр. 82.

[2]) Акты истор., т. III, стр. 68. Владиславъ совѣтовалъ покориться и обѣщалъ защиту отъ враговъ; въ противномъ случаѣ угрожалъ насиліемъ.

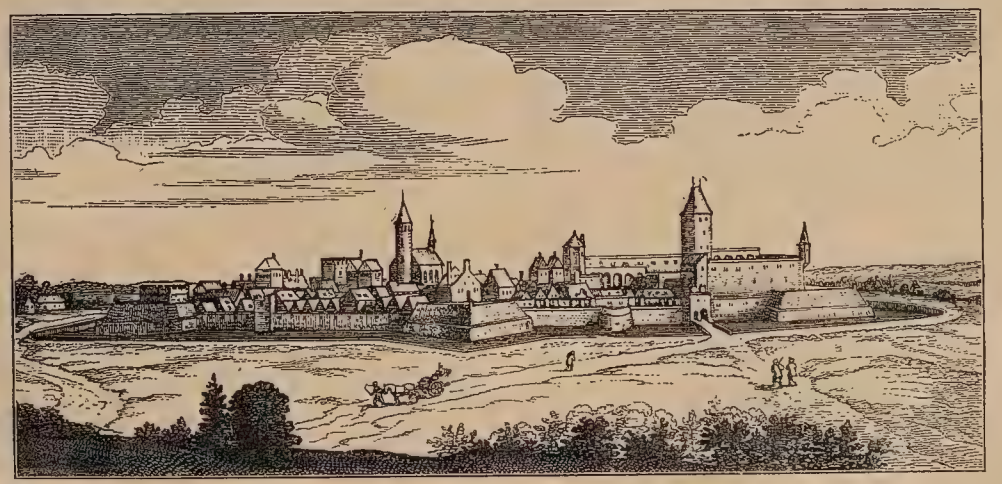
распоряженіяхъ городского совѣта. Нѣкоторыя изъ этихъ актовъ и распоряженій мы приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1613 году Густавъ Адольфъ, во вниманіе къ бѣдствіямъ, перенесеннымъ Нарвою отъ непрерывныхъ войнъ и отъ опустошительнаго пожара, выдалъ ей жалованную грамоту, на основаніи которой съ гражданъ слагалась недоимка въ 3000 талеровъ и отдавалась городу въ шестилѣтнюю аренду деревня Амферъ.

Въ годъ изданія упомянутой грамоты были сооружены ворота, ведущія въ крѣпость Ивангородъ съ западной стороны. Эти ворота, подвергшіяся послѣ построенія неоднократной реставраціи, существуютъ и доселѣ, съ надписью вверху: «Anno 1613».

Ворота въ Ивангородъ. По современной фотографіи.

По поводу этой надписи Козакевичъ (стр. 82) замѣчаетъ: «Нельзя оставить безъ вниманія то обстоятельство, что мѣстное инженерное вѣдомство, реставрируя это зданіе (крѣпость Ивангородъ), не обратило вниманія на годъ основанія Ивангорода, а найдя гдѣ-то въ мусорѣ плитняковый камень съ вырубленнымъ на немъ годомъ, безъ дальнихъ справокъ помѣстило этотъ камень надъ входомъ въ Ивангородъ, такъ что надъ этими воротами красуется надпись «Anno 1613», чего прежде не было. Если реставраторъ хотѣлъ напомнить этою надписью не годъ основанія Ивангорода русскими въ 1492 году, а годъ взятія у насъ этого города шведами во время невзгоды нашего отечества, то и это несправедливо, потому что Ивангородъ взяли у насъ шведы въ 1611-мъ году. Что именно выражаетъ здѣсь годъ 1613—неизвѣстно. Но вѣроятнѣе всего то, что впослѣдствіи времени, не одинъ археологъ крѣпко призадумается надъ значеніемъ этой надписи». У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ источниковъ къ полному выясненію этого вопроса, но думается, что дата могла обозначать не время построенія Ивангорода или взятія его шведами, а просто время сооруженія воротъ. При такомъ предположеніи отпадаютъ догадки г. Козакевича. Трудно, въ самомъ дѣлѣ,



Видъ Нарвы. По гравюрѣ Меріана начала XVII столѣтія.

допустить, чтобы инженеры помѣстили надъ воротами первый попавшійся камень. Онъ могъ лежать въ мусорѣ при реставраціи воротъ, но, надо думать, что онъ былъ вынутъ изъ этихъ же воротъ Иначе откуда онъ могъ взяться въ Ивангородѣ?

Во всякомъ случаѣ, разумѣется, годъ 1613 слѣдовало бы замѣнить датою построенія Ивангорода, т. е. 1492. Объ этомъ могло бы ходатайствовать нынѣшнее городское управленіе.

Въ 1614 году Густавъ Адольфъ, вслѣдствіе жалобы нарвскаго бюргерскаго общества, издалъ декретъ, въ силу котораго было запрещено дворянамъ и королевскимъ чиновникамъ производить торговлю пивомъ и водкою. Декретъ этотъ подписанъ королемъ во время пребыванія его въ Нарвѣ [1]), гдѣ въ томъ-же году происходили переговоры, а затѣмъ заключенъ миръ между враждовавшими дотолѣ Швеціей и Польшей.

Въ 1615 году нарвскій ратсгеръ Дирихъ Вернекенъ завѣщалъ свое имѣніе Нейтгофъ на вѣчныя времена нѣмецкой церкви.

Въ томъ-же году происходилъ въ Нарвѣ интересный судебный процессъ, всецѣло напоминающій средневѣковые процессы надъ вѣдьмами.

Въ ратушу явилась вдова нарвскаго жителя Ватсона и заявила, что финская женщина, по имени Бригитта, посредствомъ колдовства причинила болѣзнь ея дочери и ребенку другой дочери. Семь свидѣтелей подъ присягой подтвердили это заявленіе и указали еще на другія дѣянія Бригитты.

Рѣшено было произвести надъ вѣдьмой испытаніе водою: палачъ нѣсколько разъ бросалъ ее въ воду, но она постоянно всплывала на поверхность и не могла утонуть.

Пасторъ уговаривалъ ее покаяться и спасти свою душу, но уговоры на нее не подѣйствовали; она показала только, что въ теченіе 12 лѣтъ служила у одного пастора въ Выборгѣ, вела благочестивую жизнь и никому не причинила никакого зла; дочь жалобщицы она дѣйствительно лѣчила и употребляла для этого воду, которою мыли покойника. Потомъ она перемѣнила показаніе и сказала, что воду брала изъ фонтана.

Показанія свидѣтелей и въ числѣ ихъ нѣкоего Филиппа Эриксона она признавала ложными.

Въ виду запирательства Бригитты, она была подвергнута пыткѣ, во время которой созналась, что свидѣтели показываютъ на нее правильно. При этомъ она восклицала: «О Филиппъ Эриксонъ, не слѣдуетъ такія вещи открывать!»

Затѣмъ выяснились снадобья и формулы, которыя она употребляла; это были: красная кровь Іисуса, сладкое молоко Маріи, для успокоенія боли, для исцѣленія ранъ, «пос olcon», «5 Weliexellen», «Th. 9 Wierahallen» (?). Иногда колдунья пропадала изъ дому и не приходила даже ночевать; по ея показаніямъ, она просто иногда выпивала и тогда проводила ночи внѣ дома.

Судъ постановилъ: «такъ какъ изъ показаній свидѣтелей и изъ

---

[1]) Густавъ Адольфъ былъ въ Нарвѣ и въ слѣдующемъ 1615 году.

собственнаго сознанія обвиняемой выяснилось, что она занималась волшебствомъ, однимъ помогая, другимъ причиняя болѣзни, то ее за такое злое дѣло слѣдуетъ сжечь». Приговоръ приведенъ въ исполненіе 5-го мая 1615 года [1]).

Въ 1625-мъ году губернаторъ Андрей Эриксонъ декретомъ, даннымъ въ Нарвѣ, предоставилъ городскому совѣту (ратушѣ) право держать открытый винный погребъ [2]).

Въ 1629 году Франція черезъ посла своего Шарнассэ добилась торговыхъ льготъ въ сношеніяхъ съ Нарвою, а именно таможенные сборы для товаровъ, привозимыхъ сюда французскими купцами, были понижены до $2^0/_0$ (при Карлѣ, какъ мы видѣли, этотъ сборъ простирался до $4^1/_2$ талеровъ на сто) [3]).

Наконецъ, въ 1631 году генералъ-губернаторъ Скитте издалъ слѣдующія постановленія для Нарвы: нарвскіе извозчики должны доставлять королевскую почту до ближайшей почтовой станціи, за двѣ мили отъ города; граждане должны давать солдатамъ только квартиры, но члены совѣта свободны отъ квартирной повинности; перекупка продуктовъ воспрещается, а торговля съ крестьянами должна производиться на открытомъ рынкѣ [4]. Какъ видно, съ этимъ зломъ, столь распространеннымъ въ Нарвѣ и въ настоящее время, боролись уже почти триста лѣтъ тому назадъ.

Ко времени королевы Христины, преемницы Густава Адольфа на шведскомъ престолѣ, относятся посольства въ Россію и Персію, снаряженныя въ 1633, 1636 и 1639 гг. герцогомъ голштинскимъ и имѣвшія главною задачею завязать торговыя сношенія съ упомянутыми государствами; герцогъ Фридрихъ, покровитель наукъ и искусствъ, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду составленіе научно-географическаго описанія Московіи и Персіи, ихъ устройства и быта.

Согласно инструкціи герцога, секретарь посольства, извѣстный Адамъ Олеарій оставилъ намъ обстоятельныя записки касательно посѣщенныхъ имъ странъ и городовъ.

Между прочимъ мы находимъ у него описаніе Нарвы [5]), которое и приведемъ. Посольство прибыло въ Нарву 3 января 1633 года. Оно остановилось у богатаго купца Якова фонъ-Келленъ и прожило въ Нарвѣ 22 недѣли, предаваясь всевоз-

---

[1]) Hansen. Geschichte d. St. N., 76—79.

[2]) Тамъ-же, 83.

[3]) Форстенъ, II, 331.

[4]) Hansen, 87.

[5]) Олеарій описалъ также городъ Ревель. Мѣстные жители и теперь еще съ гордостью показываютъ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Объ этомъ сообщилъ мнѣ Н. Н. Епанчинъ.

можнымъ удовольствіямъ и питаясь ежедневно чисто княжескими—какъ выражается Олеарій—обѣдами, за которыми не переставала играть музыка. Только прислуга и низшіе чины посольства часто затѣвали ссоры съ мѣстными солдатами, вѣроятно, подъ вліяніемъ менѣе тонкихъ винъ, чѣмъ тѣ, которыя употреблялись ихъ господами.

Олеарій оставилъ любопытное описаніе обычая, который онъ наблюдалъ у русскаго населенія города 24 мая, въ субботу, наканунѣ Троицына дня. Обычай этотъ отчасти уцѣлѣлъ и донынѣ.

Вотъ что пишетъ Олеарій [1]): «24 мая я пошелъ въ русскую часть [2]) Нарвы полюбопытствовать, какъ русскіе совершаютъ поминки по своимъ умершимъ и погребеннымъ родственникамъ и друзьямъ. Все кладбище наполнено было русскими женщинами, которыя разстилали на могилахъ и надгробныхъ камняхъ красивые шитые пестрые платки и ставили на нихъ нѣкоторыя блюда съ тремя или четырьмя продолговатыми лепешками, или оладьями, и съ пирогами, а другія съ двумя или тремя сушеными рыбами и крашеными яйцами.

Однѣ изъ этихъ женщинъ стояли на ногахъ, другія на колѣняхъ, лежали у могилъ, вопили, кричали и дѣлали мертвому вопросы.

Если въ это время проходилъ ихъ знакомый какой, онѣ подходили къ нему, разговаривали съ нимъ, иногда съ громкимъ смѣхомъ, и потомъ, по уходѣ его, опять принимались плакать и вопить.

Тутъ же между могилами ходилъ священникъ съ двумя причетниками; онъ держалъ въ рукахъ кадило, въ которое по временамъ бросалъ кусочки ладону и которымъ кадилъ предъ могилами; при этомъ онъ произносилъ какія-то молитвы, а женщины называли ему усопшихъ, одного за другимъ, часто даже имена умершихъ уже лѣтъ 10 назадъ.

Однѣ изъ этихъ женщинъ вычитывали эти имена изъ книжки, другія же давали книжки читать церковнымъ причетникамъ, и

---

[1]) Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Перев. съ нѣм. П. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 16 и слѣд.

[2]) т. е. въ Ивангородъ.

попъ (такъ называютъ они своего священника) долженъ былъ повторять за ними эти имена въ своихъ молитвахъ. Иногда женщины съ крестнымъ знаменіемъ кланялись по нѣскольку разъ священнику, а священникъ кадилъ на нихъ въ это время своимъ кадиломъ. Женщины звали и таскали поповъ съ мѣста на мѣсто, каждая желая прежде совершить память о своемъ умершемъ.

Когда такія моленія и кажденіе кадиломъ, совершаемыя священникомъ, оканчивались, жители давали попу круглыя мѣдныя деньги; пироги и яйца забирали себѣ причетники и дали часть ихъ и намъ, нѣмцамъ, случившимся тутъ, ради любопытства; мы роздали послѣ эти подарки нищимъ ребятишкамъ».

Описывая второе свое путешествіе (1636 года), Олеарій даетъ читателю нѣкоторыя географическія и историческія свѣдѣнія о Нарвѣ, представляющія значительный интересъ. «Городъ Нарва—сообщаетъ Олеарій—лежитъ въ Аллентакіи, на ижорской границѣ, подъ 60 градусомъ отъ равноденственника, при быстрой рѣкѣ, называемой горожанами Бекъ» [1]). Вода этого Бека (т. е. Наровы), вытекающая изъ озера Пейпуса, по свидѣтельству Олеарія, темная, коричневатая. Олеарій упоминаетъ и о водопадѣ, находящемся въ полумилѣ отъ озера, и кончаетъ свое описаніе Нарвы указаніемъ на то, что въ 2 миляхъ ниже города рѣка впадаетъ въ Чудской заливъ [2]). Картину нарвскаго водопада Олеарій рисуетъ слѣдующимъ образомъ: «низвергаясь на скалу, вода брызжетъ высоко мелкими брызгами, и потому здѣсь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, до обѣда и послѣ, образуется всегда цѣлая радуга, доставляющая пріятное зрѣлище».

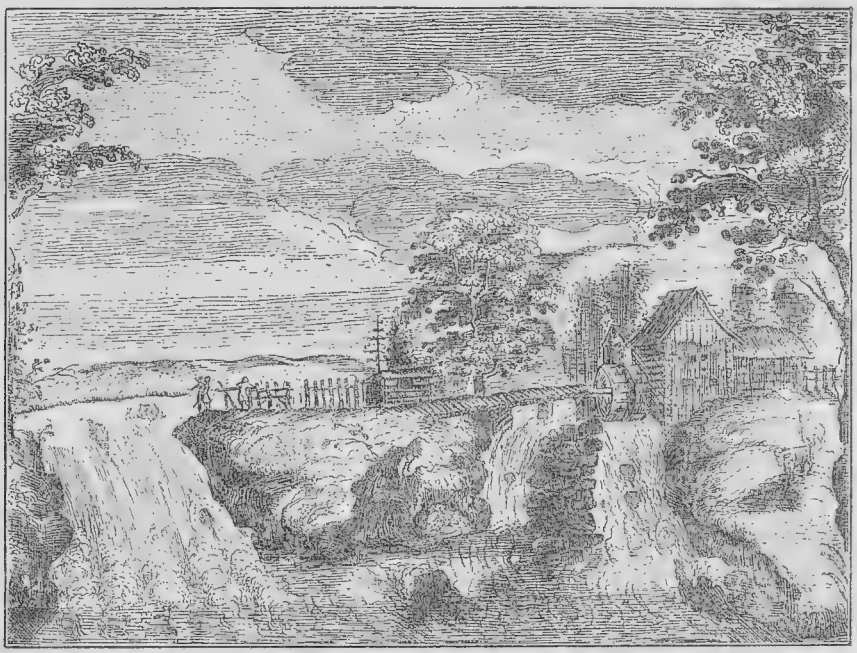
Касаясь исторіи города, Олеарій сообщаетъ, что Нарва основана датскимъ королемъ Вальдемаромъ II въ 1223 году, а Ивангородъ, Иваномъ Васильевичемъ въ 1492 году. Въ 1558 году Иванъ Грозный взялъ Нарву, но въ 1581 году полководецъ шведскаго короля Іоанна, Понтусъ Делагарди снова отвоевалъ ее Швеціи.

[1]) Интересно, что еще въ серединѣ 17-го столѣтія Нарова носила наименованіе «Бекъ», теперь уже совершенно забытое.

[2]) т. е. Финскій.

Городъ Нарва, какъ пограничный, въ то время, по описанію Олеарія, былъ обнесенъ стѣнами и окопами и всегда заключалъ въ себѣ надежный гарнизонъ на случай нападенія непріятеля.

Позади замка находились укрѣпленія, называемыя «русскою Нарвою» [1]). Въ одной насыпи, недалеко отъ ливонскихъ (?) воротъ Олеарій наблюдалъ слѣдующее явленіе: «вода, просочившаяся со свода (такъ какъ насыпь внутри полая и сдѣ-



Нарвскій водопадъ. Съ гравюры, помѣщенной въ гамбургскомъ изданіи Олеарія 1696 года.

лана сводомъ) и ниспадавшая внизъ, сдѣлалась твердою, подобно камню и съ земли она имѣла видъ какъ бы разжиженнаго тѣла» [2]).

[1]) Русскою Нарвою иностранцы называли Ивангородъ.

[2]) Олеарій, очевидно, разумѣетъ одну изъ сталактитныхъ пещеръ, каковыя и намъ въ годы дѣтства приходилось наблюдать въ глубокихъ ходахъ, проложенныхъ въ нарвскихъ «валахъ», т. е. укрѣпленіяхъ. Вода, просачиваясь сквозь известковую почву, мало-по малу, въ теченіе многихъ лѣтъ, путемъ скопленія твердыхъ известковыхъ осадковъ, образовала рядъ большихъ твердыхъ сосулекъ. Это и есть сталактиты.

Олеарій нашелъ въ Нарвѣ много новыхъ построекъ (слѣдствіе бывшаго въ 1610 г. пожара), преимущественно каменныхъ, такъ какъ деревянныя были запрещены.

Городъ былъ раздѣленъ на правильныя улицы, вѣроятно, на тѣ самыя, которыя значатся на планѣ Нарвы 1649 г. [1]).

Олеарій, констатируя обширную торговую дѣятельность города Нарвы, расцвѣтъ нарвской торговли объясняетъ прекращеніемъ торговаго пути въ Архангельскъ во время войны англичанъ съ голландцами. Это предположеніе Олеарія, однако, слѣдуетъ дополнить указаніемъ на то, что вслѣдствіе не прекращавшейся со временъ Сигизмунда войны между Швеціей и Польшей, когда Рига постоянно терпѣла отъ военныхъ дѣйствій, большая часть рижской торговли перешла въ Ревель и Нарву.

Въ устьѣ рѣки Наровы во время пріѣзда голштинскаго посольства стеклось болѣе 60 кораблей съ запада и востока. Олеарій даже дѣлаетъ догадку, не оправдавшуюся, однако, на дѣлѣ, что Ревель долженъ будетъ со временемъ пасть, а Нарва, наоборотъ, возвыситься, тѣмъ болѣе, что уже тогда предположено было очистить дно рѣки Бекъ (Наровы) отъ устья до города, такъ чтобы корабли могли подплывать къ самому городу.

При Олеаріи въ Нарвѣ существовала церковь, принадлежавшая нѣмецкой общинѣ [2]), и начиналась постройкой шведская церковь [3]). Суперинтендентъ Генрихъ Стааль усердно пропагандировалъ лютеранство какъ между эстами, такъ и между русскими, но дѣло это, по выраженію Олеарія, доставляло ревностному Стаалю «болѣе тяжелаго труда, чѣмъ счастливаго успѣха».

---

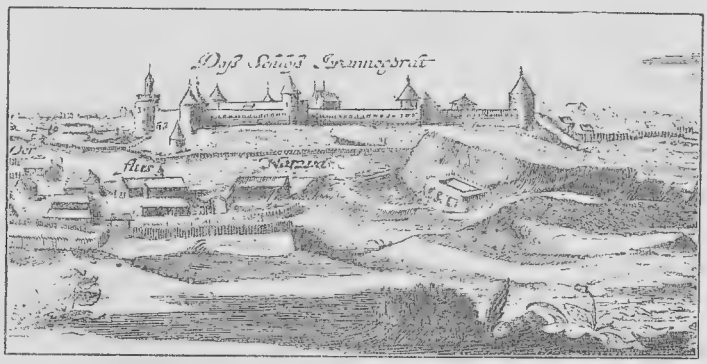
[1]) Hansen. Geschichte, между стр. 96 и 97. На этомъ планѣ значится и домъ Якова фонъ-Келлена, въ которомъ останавливалось голштинское посольство. Домъ этотъ находился противъ тогдашней русской церкви, помѣщавшейся, какъ выше упомянуто, въ зданіи, принадлежащемъ нынѣ гг. Семеновымъ.

[2]) Нынѣшній православный соборъ Спасо-Преображенія.

[3]) Нынѣ—евангелическо-лютеранская церковь св. Іоанна Іерусалимскаго. Кромѣ помянутыхъ двухъ церквей и еще финской, неподалеку отъ шведской, въ самомъ городѣ была православная церковь на мѣстѣ, уже указанномъ нами. Въ Ивангородѣ также была православная церковь, а у крѣпости, гдѣ теперь заводъ г. Зиновьева,—православное кладбище. На этомъ кладбищѣ Олеарій и наблюдалъ обрядъ поминовенія усопшихъ.

Окрестности города, представлявшія въ то время обширныя лѣсныя и болотистыя пространства, были наполнены всевозможными дикими звѣрями, причинявшими людямъ много непріятностей.

Олеарій приводитъ примѣры нападенія дикихъ звѣрей на путешественниковъ. Въ 1634-мъ году, 25 января, въ полумилѣ отъ города волкъ напалъ на толпу крестьянъ, состоявшую изъ 10 человѣкъ; двоихъ изъ нихъ загрызъ на мѣстѣ, а четверыхъ изранилъ. Одного изъ раненыхъ крестьянъ, лежавшаго въ нарвской больницѣ, посѣтилъ самъ Олеарій съ посольскимъ врачемъ.



Видъ Ивангорода. Изъ Олеарія, по изданію 1696 года.

Въ другой разъ дама, проѣзжавшая полемъ недалеко отъ города, видѣла, какъ медвѣдь тащилъ покойника, вырытаго, очевидно, на городскомъ кладбищѣ, волоча за нимъ также и саванъ, въ который онъ былъ обернутъ. Въ томъ-же 1634 году медвѣди вырыли на кладбищѣ 13 труповъ и утащили ихъ вмѣстѣ съ гробами.

Говоря объ окрестностяхъ Нарвы, Олеарій упоминаетъ, что проѣздомъ изъ Нарвы въ Ревель онъ посѣтилъ приходскую церковь и полуразвалившуюся часовню, лежавшія въ двухъ миляхъ отъ помѣстья «Кунда». Къ этой часовнѣ, по его словамъ, православные жители окрестныхъ мѣстъ собирались въ день Благовѣщенья на богомолье и ползали на колѣняхъ около

какого-то камня. Сюда стекались всевозможные колдуны и знахари, цѣлившіе отъ недуговъ [1]).

Въ противоположность религіозному фанатизму простолюдиновъ Олеарій приводитъ примѣръ либеральнаго отношенія къ обрядамъ, освященнымъ православною церковью, со стороны нѣкоего Филиппа Н. (фамиліи этого господина Олеарій не называетъ), который въ бесѣдѣ съ Олеаріемъ и другими лицами голштинскаго посольства высказывалъ очень свободные взгляды на иконы, посты и вообще обрядовую сторону богослуженія у православныхъ. Критическое отношеніе къ внѣшней сторонѣ греко-россійскаго вѣроученія у выше поименованнаго Филиппа Н., православнаго жителя «русской Нарвы» сложилось, надо полагать, подъ вліяніемъ господствовавшей среди жителей города лютеранской религіи, не признающей обрядностей.

Этимъ мы закончимъ обозрѣніе записокъ Олеарія и приступимъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни города Нарвы.

Декретами королевы Христины отъ 12 сентября 1642 года, 1 іюля 1646 года и 27 ноября 1650 года городское управленіе Нарвы было урегулировано слѣдующимъ образомъ:

Городской совѣтъ долженъ былъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ 2 бургомистровъ и 8 ратсгеровъ подъ предсѣдательствомъ бургграфа, назначаемаго правительствомъ. Городскому обществу предоставлено было избирать пасторовъ и другихъ церковнослужителей, но съ согласія суперинтендента и консисторій. Впрочемъ, согласно постановленію той-же королевы Христины отъ 19 августа 1634 г., нарвскому магистрату также принадлежало право избирать пасторовъ. Вѣроятно, декретомъ 1646 г. это право отмѣнялось. На обязанности консисторіи [2]), кромѣ

[1]) Обращенные въ христіанство язычники, очевидно, сохранили нѣкоторые изъ прежнихъ своихъ обрядовъ. Намъ самимъ приходилось наблюдать ижоръ, ползавшихъ на колѣняхъ вокругъ храма со свѣчею, прилѣпленною ко лбу, а во время стеченія народа въ село Ильеши (бл. станціи Молосковицы) въ самое недавнее время можно было видѣть процедуру изгнанія бѣсовъ и т. п.

[2]) Въ 1648 г. (по нѣкоторымъ даннымъ въ 1646) королева Христина учредила въ Нарвѣ для всей Ингерманландіи особую евангелическо-лютеранскую консисторію, первымъ президентомъ которой былъ упоминаемый Олеаріемъ Генрихъ Стааль. Нарвская консисторія существовала до 1833 года, когда была упразднена съ передачею дѣлъ въ с.-петербургскую консисторію.

дѣлъ духовныхъ, лежало также—экзаменовать начальниковъ училищъ предварительно назначенія ихъ на должности. Ради удобства торговыхъ сношеній городу Нарвѣ жаловались деревни Кутеркюль и Юала.

Декретомъ отъ 1 іюля 1646 года предписывалось гражданамъ строить исключительно каменные дома. При отсутствіи въ то время средствъ къ оборонѣ отъ страшныхъ пожаровъ, уничтожавшихъ цѣлые города, забота правительства о сооруженіи гражданами болѣе или менѣе огнеупорныхъ построекъ была очень естественна.

Пожаръ Нарвы 1610 года, когда выгорѣлъ почти весь городъ, былъ еще въ памяти и у правительства, и у гражданъ. Необходимо было воспользоваться грознымъ урокомъ, во избѣжаніе могущаго повториться бѣдствія. Однако, какъ увидимъ ниже, Нарва горѣла еще нѣсколько разъ, несмотря на всѣ предосторожности, а пожаръ 1659-го года своими размѣрами превзошелъ даже пожаръ 1610 года.

Изъ другихъ постановленій этого времени относительно Нарвы слѣдуетъ упомянуть:

1) декретъ генералъ-губернатора Бенедикта Оксенштіерна отъ 9 мая 1640 года, коимъ разрѣшена постройка русской гостинницы на русской сторонѣ. Пріѣзжіе русскіе должны тамъ останавливаться и складывать свои товары. Русскимъ купцамъ, перешедшимъ въ подданство Швеціи, предоставлено останавливаться съ товарами по выбору, въ ивангородской или нарвской гостинницахъ. Ловля угрей должна предпочтительно разрѣшаться нарвцамъ передъ ивангородцами;

2) декретъ штатгальтера Ипльса отъ 1 октября 1640 года, въ силу коего русскимъ возбранялось производить торговлю на корабляхъ, а предписывалось выжидать, пока товары не будутъ выгружены и доставлены въ городъ. Нарвскимъ нѣмцамъ вообще была непріятна конкуренція въ торговлѣ не только русскихъ, но и другихъ иноземныхъ купцовъ; такъ, изъ декрета королевы Христины отъ 19 августа 1634 года видно, что они жаловались на стѣсненія въ торговлѣ, благодаря монополіямъ французскихъ, голландскихъ и англійскихъ купцовъ, а въ декретѣ отъ 12 сентября 1642 года указывалось, какъ на нежелательное явленіе, что жители Любека, голландцы и другіе чужеземцы снабжаютъ ивангородцевъ деньгами и этимъ помогаютъ имъ въ торговыхъ дѣлахъ въ ущербъ нарвцамъ;

3) декретъ генералъ-губернатора Гилленштіерна, данный въ Нарвѣ 6 марта 1643 года, которымъ запрещено было нарвскимъ купцамъ производить торговлю до окончанія церковной службы. Надо полагать, это ограниченіе торговли имѣло мѣсто лишь въ праздники. Какъ видно, вопросъ о праздничномъ отдыхѣ торговыхъ

служащихъ поднимался уже въ то отдаленное время и рѣшался шведскимъ правительствомъ довольно удовлетворительно;

4) декретъ королевы Христины отъ 29 ноября 1648 года, въ которомъ выражалась забота объ улучшеніи фарватера рѣки Наровы.

Независимо того, въ разное время принимались мѣры къ застройкѣ пустыхъ пространствъ, исправленію пустующихъ домовъ и устройству площадей, къ исправленію мясныхъ и рыбныхъ лавокъ, вообще—къ созданію въ городѣ внѣшняго благоустройства. При этомъ русской части населенія отводился для построекъ Hakelverk, т. е. посадъ, или ивангородскій форштадтъ, а не самый городъ. Изъ всего видно, что русскихъ тогда держали въ черномъ тѣлѣ и, къ сожалѣнію, эти шведскія привилегіи до послѣдняго времени принимались въ основаніе къ опредѣленію взаимныхъ отношеній русскаго и нѣмецкаго элементовъ въ Нарвѣ.

Въ 1649 году снятъ планъ съ гор. Нарвы, значительно отличающійся отъ современнаго.

Въ шведской гербовой книгѣ 1650 года имѣется гербъ города Нарвы, изображающій крѣпостныя строенія, рядъ бомбъ и знамя.

Гербъ этотъ послѣ завоеванія Нарвы Петромъ Великимъ былъ замѣненъ старинnымъ гербомъ 1585-го года существующимъ и донынѣ. Ивангородъ имѣлъ также свой гербъ, изображавшій башню и стѣны, унизанныя бомбами [1]).

Въ 1654 году на шведскій престолъ вступилъ Карлъ X. Новый король, въ подражаніе своимъ предшественникамъ, поспѣшилъ выдать жителямъ Нарвы жалованную грамоту, подтверждавшую ихъ привилегіи. Кромѣ того онъ далъ особую грамоту ругодивскимъ торговымъ людямъ православнаго исповѣданія, ноября 20-го 1654-го года.

Часть этой грамоты мы приведемъ: «Королевскаго величества милостивый указъ на тѣ статьи, которыя ругодивскіе приграды торговые люди греческой вѣры покорно есть бьютъ челомъ.

Что они покорно извѣщаютъ о всѣхъ своихъ привиліяхъ, (т. е. привилегіяхъ), что у нихъ за нѣкое время въ пожарѣ погорѣло и бьютъ челомъ о поновленіи тѣмъ привиліямъ; и королевское величество радѣлъ бы ихъ челобитье подняти, только что таковскіе и всякіе грацкіе (т. о. городскія) иные поновленные грамоты для нѣкоторыхъ мѣръ и особныхъ статей до ставного времени уложены; а се къ тому и то, что всѣ привилеи, которыя прежереченные боргары (т. е. бюргеры, граждане) и торговые люди блаженныя и высокославныя памяти короля Густафа Адольфа достали и даны, когда они на иванегородской стороны жили, еще и присудомъ съ Ругодивомъ во особствѣ и на рознѣ были; а нынѣ послѣ того видя, что и по мѣненію (т. е. измѣненію) временамъ отъ той розни мно-

---

[1]) Hansen, 96—98; Arndt. Die Liefl. Chr., прил., стр. 310.

Общій видъ Нарвы съ ингерманландской стороны. По гравюрѣ изъ гамбургскаго изданія Олеарія (1696 года).

гія неисправленія и безсовѣстность сочинилась, что ругодивцы и иванегородцы, живучи въ разныхъ присудѣхъ, всякой свой искалъ другому ко испорченью и къ помѣшкѣ, и для того иванегородцы за нѣкои годы на ругодивскую половину перепеслись, и нынѣ, аки суставы водные, въ одномъ тѣлѣ другъ со другомъ совокуплены; и для того имѣютъ тѣ прежереченные боргары въ приградѣхъ равны и единыхъ привиліяхъ сограждамъ въ самомъ Ругодивѣ, только будетъ греческія вѣры, про себя во особѣ иныхъ волностей, какихъ достигли и ихъ дѣломъ за собою и бьетъ челомъ. И о томъ королевское величество по своей милости впредь осмотрѣлъ и думати изволилъ; а пока поновлялная на то дати возможно, и генералю ижерской земли со нимъ, копмъ ее достоитъ и доложитъ, держати ихъ въ обереженіи, не дабы имъ въ томъ какая шкота и обида учинилась» [1]).

Въ слѣдующихъ пунктахъ этой грамоты дозволяется православнымъ выписать изъ Кіева діакона для освященія церквей и разрѣшается какое-то судебное дѣло. Грамота, помимо интереса по существу, любопытна еще тѣмъ, что отлично характеризуетъ враждебныя отношенія иванородцевъ, почти сплошь православныхъ, къ ругодивцамъ-боргарамъ (т. е. бюргерамъ), создавшимъ себѣ, въ явный ущербъ русскимъ, исключительно привилегированное положеніе.

Вслѣдствіе открывшейся вновь войны съ Польшей шведы искали союза съ Россіей и отправили къ Алексѣю Михайловичу посольство, чтобы заключить съ нимъ коалицію. Но шведское посольство было принято сухо. Алексѣю Михайловичу, очевидно, желательно было вернуть отъ Швеціи русскіе города, утраченные по столбовскому мирному договору; къ тому же онъ опасался усиленія Швеціи за счетъ Польши.

Все это побудило шведское правительство быть насторожѣ противъ русскихъ; началось дѣятельное вооруженіе арміи и починка укрѣпленій. Въ 1655 году и Нарва, передовой пунктъ обороны противъ русскихъ, въ числѣ другихъ шведскихъ городовъ, подверглась значительнымъ перестройкамъ, починкамъ и укрѣпленіямъ.

Въ протоколахъ нарвскаго магистрата объ этомъ имѣются слѣдующія указанія.

22 сентября 1655 года цейхмейстеръ Генрихъ Скуленбергъ и маіоръ Арве Гаммельманъ отъ имени генералъ-губернатора сообщили городскому совѣту, что ветхіе валы и стѣны, въ виду особыхъ обстоятельствъ времени, крайне необходимо исправить, и что такъ какъ люди мѣстнаго гарнизона имѣютъ много другихъ занятій, то

[1]) Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ россійской имперіи археографическою экспедиціею при императорской академіи наукъ, томъ IV, стр. 112. (Правописаніе подлинника).

возстановленіе городскихъ укрѣпленій жители должны взять на себя, на что и отрядитъ 500 человѣкъ. При этомъ указывались и самыя работы, которыя слѣдовало произвести безотлагательно, а именно: на песочномъ валу передъ Karri-Pforte (стѣна и эти ворота находились около домовъ, принадлежащихъ нынѣ собору; они отдѣляли впослѣдствіи старый городъ отъ новаго) устроить двойное укрѣпленіе съ полукружіемъ и контръ-эскарпомъ, а у замковыхъ воротъ соорудить, насколько можно, высокій равелинъ и, еслибы сюда попадобилось болѣе народа, чѣмъ было въ распоряженіи генералъ-губернатора, то совѣтъ долженъ былъ оказать требуемую помощь.

Городъ могъ выставить, однако, лишь 200 человѣкъ для работъ и согласился внести потребную сумму для найма еще 100 рабочихъ.

Вообще военные сборы тяжелымъ бременемъ ложились на населеніе, къ уплатѣ ихъ привлекались и русскіе жители Нарвы и Ивангорода. Вообще какъ тогда, такъ и впослѣдствіи льготы и привилегіи нѣмцы брали себѣ, а повинности непремѣнно дѣлили между собою и русскимъ элементомъ. Представитель русскихъ Бѣлоусъ жаловался магистрату, что пока было имущество, русскіе охотно платили сборы, но теперь во всѣхъ домачъ большая бѣдность, и имъ грозитъ полное разореніе. Налоги, однако, по-прежнему продолжали взиматься [1]).

Ничѣмъ инымъ, какъ ожиданіемъ войны была вызвана и забота объ улучшеніи казармъ, находившихся во рву между городомъ и замкомъ. Казармы эти страдали—странно подумать!—отъ свиней, которыя, забираясь на крыши, разрывали ихъ зубами. 17 октября 1655 г. капитанъ Гаммельманъ и квартирмейстеръ Эрве указывали объ этомъ городскому совѣту и просили принять мѣры противъ своеволія свиней; при этомъ военное начальство высказывалось за истребленіе свиней. Совѣтъ города, вступаясь за животныхъ, истребленіе которыхъ грозило прекращеніемъ выдѣлки окороковъ и колбасы, постановилъ удалить свиней для пастьбы за городъ и предоставилъ лишь солдатамъ сгонять ихъ не только съ крышъ, но и съ улицъ, а въ случаѣ причиненія ими вреда, гарантировалъ выдачу солдатамъ вознагражденія за починки.

Въ связи съ ожиданіемъ войны находилось, несомнѣнно, и распоряженіе городского совѣта отъ 23 октября того-же года объ осмотрѣ форштадта (тогда былъ одинъ ивангородскій форштадтъ, гдѣ жили русскіе) и конфискаціи домовъ тѣхъ жителей, которые оставили ихъ на произволъ судьбы и ушли изъ города. Надо думать, что многіе русскіе люди уходили въ Россію, намѣреваясь вернуться по окончаніи военнаго времени.

Въ томъ-же 1655 году была поставлена въ Нарвѣ, на рынкѣ висѣлица, для приведенія въ исполненіе приговоровъ надъ преступниками. Она была, повидимому, особенно нужна во время войны, такъ какъ и докладчиками о ея необходимости были военные люди (цейхмейстеръ Скуленбергъ и капитанъ Гаммельманъ). Они, впрочемъ, указывали, что висѣлица должна составлять принадлежность всѣхъ благоустроенныхъ городовъ. Таковы были времена!

[1]) Hansen, 103—106, 109.

Общій видъ Нарвы съ лифляндской стороны. По гравюрѣ изъ гамбургскаго изданія Олеарія (1696 года).

Алексѣй Михайловичъ не замедлилъ открыть военныя дѣйствія. Часть русскихъ войскъ переправилась черезъ Нарову. Русскіе взяли Кокенгаузенъ и Дюнамюндъ и подступили къ Нарвѣ, такъ что купцы съ семействами искали спасенія въ Стокгольмѣ.

Воевода Хованскій выжегъ предмѣстья Нарвы, но самаго города не тронулъ, и на этотъ разъ Нарва осталась внѣ арены военныхъ дѣйствій, хотя русскій отрядъ въ 5000 человѣкъ и подходилъ къ самой Юалѣ; шведскій генералъ Кундшафтъ при этомъ отдалъ приказаніе сжечь деревню и бывшую въ ней мельницу (у водопада). Нѣкоторое время послѣ того русскіе стояли лагеремъ около Кулги, а затѣмъ, когда въ Москвѣ было получено извѣстіе о заключеніи между Швеціею и Даніей ротшильдскаго мира (1658 г.), Хованскому предписано было отступить. При этомъ какъ русскіе, такъ и шведы разрядили свои пушки.

Пощаженные войною жители Нарвы претерпѣли, однако, отъ чумы, свирѣпствовавшей тогда во всемъ прибалтійскомъ краѣ. Изъ письма нарвскаго купца Родде (въ мартѣ 1658 г.) видно, что въ одномъ его домѣ вымерло отъ чумы 15 человѣкъ.

Бѣдствія войны и эпидеміи побудили жителей Эстляндіи и Лифляндіи обратиться съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ королю, но онъ отвѣчалъ, что у Швеціи такъ много враговъ, что онъ не можетъ думать объ одной Эстляндіи и Лифляндіи [1]).

По перемирію, заключенному въ Валіезарн, близъ Нарвы, 20 декабря 1658 года, Алексѣй Михайловичъ пріобрѣлъ отъ Швеціи нѣсколько крѣпостей: Дерптъ, Маріенбургъ, Кокенгаузенъ и др. Вскорѣ, однако, война возобновилась и на этотъ разъ окончилась неудачно для русскихъ: по миру, заключенному въ Кардисѣ 21 іюня 1661 г. (во время регентства вдовствующей супруги Карла X Гедвиги-Элеоноры), Россія потеряла всѣ свои лифляндскія пріобрѣтенія. Заключенію этого невыгоднаго мира способствовали смуты въ Малороссіи и новая война съ Польшей.

[1]) Тамъ же, 114.

Деревня Валіезари (или Валлисари) была выбрана для съѣзда не сразу. Предполагалось съѣхаться на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ въ былое время собирались русскіе послы, на устьѣ рѣки Плюсы. Была даже мысль устроить съѣздъ въ шатрахъ на мосту рѣки Наровы. Плюса особенно привлекала шведовъ. Русскіе на это возражали, что устройствомъ съѣзда на Плюсѣ, гдѣ были прежніе рубежи московскаго государства со шведскимъ, шведы хотятъ «снискать себѣ вѣчную славу, а мирные переговоры вести по своей волѣ, потому что урочище на устьѣ Плюсы мѣсто тѣсное и болотное, конскими кормами бѣдное, необороннос и во всемъ негодное». Наконецъ, когда шведы выбрали для съѣзда деревню Валіезари, между Нарвою и Сыренскомъ, царь написалъ Прозоровскому (одному изъ уполномоченныхъ): «Развѣдавъ подлинно, что на съѣздѣ вамъ и нашему дѣлу порухи никакой не будетъ, съѣзжайтесь въ деревнѣ Валіезари, а изъ-за мѣстъ не разъѣзжайтесь».

Между прочимъ предписывалось русскимъ уполномоченнымъ требовать отъ шведовъ Ивангорода. На это Ордынъ-Нащокинъ доносилъ царю: «Отъ Иваньгорода прибыли никакой нѣтъ; Нарва получше его, и та теперь запустѣла, потому что отъ Новгорода торги худы, а съ моря быть купцамъ ихъ-же, шведскимъ, да къ Ивангороду и корабли не ходятъ. Когда Ивангородъ былъ въ русскомъ владѣніи, то черезъ Нарову рѣку съ городомъ Нарвою безпрестанныя ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будутъ за однимъ государемъ. (Совершенно правильная мысль!). Еслибы даже на шведа и упадокъ былъ и уступилъ бы онъ Ивангородъ и Канцы, (Нієншанцъ), то города эти лежатъ къ шведской и финской землѣ; кромѣ шведовъ, другихъ купцовъ нѣтъ; на этомъ же морѣ у нихъ города Рига, Ревель, Пернау, Гапсаль, Нарва: велятъ купцамъ пріѣзжать къ своимъ городамъ, и русскіе люди поневолѣ съ своими товарами къ ихъ же городамъ будутъ ѣздить; въ торговлѣ русскіе люди слабы другъ передъ другомъ,—туда пойдутъ, куда ихъ поманятъ, на своихъ мѣстахъ не держатся» [1]).

По кардисскому миру Алексѣй Михайловичъ отказался отъ притязаній на Ивангородъ и уступилъ Швеціи Кокенгаузенъ, Юрьевъ, Маріенбургъ, Адзель, Новгородокъ (Нейгаузъ) и Сыренецъ со всѣми ихъ угодьями, пушками, и имуществомъ. Русскій царь обязался не помогать Польшѣ противъ Швеціи. Тѣмъ-же договоромъ установлена «вольная и безпомѣшная» торговля между договаривающимися сторонами. Русскимъ купцамъ «особенно» дозволено было торговать въ королевскомъ городѣ Стекольнѣ (Стокгольмѣ), въ Ригѣ, въ Выборгѣ, въ Колывани (Ревелѣ), въ Ругодивѣ, въ Ижорѣ, въ Корѣлахъ и Канцахъ. Съ той и другой стороны обезпечивалась свобода богослуженія, но при этомъ русскимъ возбранялось строить въ шведскихъ городахъ новыя церкви, а предлагалось довольствоваться церковью, «которую они въ Колывани изстари имѣютъ» [2]).

---

[1]) Соловьевъ т. XI, стр. 59—66.

[2]) Кардисскій договоръ изложенъ у Карновича въ собраніи узаконеній рус. государства, стр. 523—539.

Переговоры со шведами, начиная съ валіезарскаго и пюхестекюльскаго (въ Пюхтицѣ) примѣчательны участіемъ въ нихъ извѣстнаго Котошихина, занимавшаго въ то время должность подъячаго. Въ одной изъ грамотъ онъ послѣ слова «великаго» пропустилъ «государя», и за это былъ наказанъ батогами.

Вскорѣ послѣ того, обиженный отобраніемъ имущества отъ его отца, ложно обвиненнаго въ расточеніи ввѣренной ему монастырской казны въ одной изъ московскихъ обителей, Котошихинъ бѣжалъ въ Швецію и поступилъ тамъ на службу по прошенію, поданному имъ проживавшему въ Нарвѣ шведскому губернатору Ингерманландіи Якову Таубе.

Живя въ Швеціи подъ именемъ Ивана Селицкаго, Котошихинъ написалъ свое извѣстное сочиненіе «О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича», открытое впервые въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ въ шведскомъ переводѣ, а затѣмъ окончательно изслѣдованное профессоромъ гельсингфорскаго университета Сергѣемъ Васильевичемъ Соловьевымъ, который въ 1838 г. отыскалъ въ библіотекѣ упсальскаго университета и русскій подлинникъ указаннаго сочиненія. Котошихинъ, какъ извѣстно, окончилъ жизнь свою трагически: онъ былъ казненъ, по приговору стокгольмскаго уголовнаго суда, за убійство въ ссорѣ нѣкоего Анастасіуса, который за бутылкою вина упрекнулъ Котошихина въ связи съ его женою. [1]).

Между тѣмъ вслѣдъ за эпидеміей Нарву постигла новая бѣда: 5 іюня 1659 года, въ 9 часовъ утра, загорѣлся домъ полковника Карла Кнорринга. Пламя вскорѣ перешло на сосѣдніе дома бургомистровъ Кельна и Герберса, и, наконецъ, при дувшемъ въ этотъ день зюдъ-вестѣ, весь городъ превратился въ громадный пылающій костеръ. Отъ пожара осталось всего нѣсколько домовъ; при этомъ нѣмецкая, шведская и финская церкви сильно пострадали, а уцѣлѣли лишь нѣмецкій и шведскій пасторскіе дома.

Къ эпохѣ Карла X относится заключеніе въ ивангородской крѣпости измѣннически схваченнаго въ Митавѣ курляндскаго герцога Якова Кетлера. Дѣло въ томъ, что во время войны Швеціи съ Польшей Курляндія держала себя нейтрально, что очень не нравилось шведскому королю, считавшему Кетлера своимъ вассаломъ. Поэтому онъ приказалъ генералу Дугласу захватить герцога въ его замкѣ, Дугласъ подошелъ къ Митавѣ съ 3-тысячнымъ отрядомъ и, расположившись лагеремъ у рѣки Аа, вступилъ съ Кетлеромъ въ переговоры отно-

[1]) Сочиненіе Котошихина издано археографическою комиссіею первоначально въ 1840 году, затѣмъ въ 1859 и, наконецъ, —въ 1884 г.

сительно пропуска войскъ черезъ городъ. Во время переговоровъ 500 шведскихъ солдатъ, заранѣе подготовленныхъ, ворвались въ замокъ и захватили герцога съ семействомъ въ плѣнъ. При этомъ одинъ изъ солдатъ на глазахъ у беременной герцогини отрубилъ правую руку по самое плечо придворному балетмейстеру-французу, вздумавшему сопротивляться. Это такъ подѣйствовало на герцогиню, что она впослѣдствіи родила сына безъ правой руки. Дѣйствительно, какъ говорятъ, тѣло принца Александра Кетлера, покоящееся нынѣ въ склепѣ митавскаго дворца, лишено правой руки.

Герцогъ Яковъ съ семействомъ былъ отправленъ въ Ивангородъ, гдѣ и пробылъ въ заключеніи два года, съ 1658 по 1660 г., до подписанія оливскаго мира [1]).

Во время регентства Гедвиги Элеоноры, а затѣмъ при Карлѣ XI, взявшемъ въ 1672 году въ свои руки, послѣ 12-лѣтняго опекунства (вслѣдствіе его несовершеннолѣтія) управленіе государствомъ, Нарва, благодаря заботамъ правительства и городского совѣта, а главное торговлѣ, отстроилась уже настолько, что страшный пожаръ 1659 года успѣлъ отойти въ область преданія. Въ 1663 году, 26 февраля, было отведено мѣсто для постройки ратуши, а въ 1671 г. самое зданіе, существующее и доселѣ подъ именемъ магистрата, было окончено.

Изъ городского плана 1649 г. видно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ построена ратуша, прежде находился домъ Вернекена; мѣстонахожденіе же городского совѣта показано на вирской улицѣ. По сооруженіи башни, на шпицѣ ея былъ поставленъ журавль, опирающійся на яблоко, въ которое вмѣстѣ съ монетами, чеканенными въ Нарвѣ былъ вложенъ манускриптъ, содержавшій указаніе о годѣ открытія ратуши въ новомъ домѣ и перечень лицъ, стоявшихъ во главѣ государства. Между прочимъ, была и такая фраза: «Боже, сохрани этотъ домъ опорою Божіей церкви, жилищемъ правосудія, оракуломъ жаждущимъ утѣшенія, пріютомъ невинныхъ и притѣсняемыхъ, страшилищемъ для преступниковъ и обереги его отъ всякаго несчастія, чтобы земля, на которой онъ стоитъ, вмѣстѣ съ нимъ, не запустѣла прежде всеобщаго запустѣнія» [2]).

Зданіе ратуши и нынѣ еще составляетъ нарвскую достопримѣчательность. Въ него ведетъ высокое наружное каменное крыльцо, украшенное массивною чугунною рѣшеткою съ литымъ узоромъ.

---

[1]) Историч. вѣстникъ за 1896 г., кн. VI, стр. 865—866 (Герцогъ Яковъ Кетлеръ).

[2]) Hansen, 123—4.

Видъ ратуши, бывшей биржи (нынѣ театръ) и памятника Петру Великому на рыночной площади. По современной фотографіи.

Надъ входными дверьми находятся городской гербъ и изображеніе Ѳемиды съ вѣсами въ рукахъ, а также городскіе часы.

Въ зданіи ратуши нынѣ помѣщаются городское управленіе, полиція, сиротскій судъ, арестантская и безплатная библіотека-читальня. Залъ присутствія городского управленія украшенъ портретами русскихъ государей и государынь. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе два современныхъ портрета Петра Великаго (одинъ изъ нихъ изображаетъ монарха въ молодые годы, въ латахъ) и художественно написанный портретъ Петра Ш, покровителя прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Потолки, по примѣру старинныхъ нарвскихъ домовъ, украшены аллегорическими изображеніями созвѣздій, небесныхъ свѣтилъ и четырехъ стихій вселенной [1]). Въ большой залѣ (первой при входѣ во второй этажъ) развѣшаны на стѣнахъ четыре картины, изображающія: судъ Соломоновъ, Іосифа, объясняющаго фараону его сны, страшный судъ и Товія, возвращающаго отцу зрѣніе.

Здѣсь же до упраздненія магистрата стояли высокія массивныя сѣдалища, обитыя краснымъ сукномъ. На нихъ въ былое время возсѣдали бургграфъ (званіе это существовало до 1725 года), бургомистры юстиціи и полиціи и ратманы. Теперь эти сѣдалища переданы нарвскому археологическому обществу и хранятся во дворцѣ Петра Великаго. Въ упомянутой залѣ были прежде хоры, на которыхъ помѣщалась музыка, подъ звуки которой здѣсь устраивались танцы [2]).

Во дворѣ ратуши 11-го сентября 1704 года покоренные жители Нарвы присягали на вѣрность подданства Петру Великому на библіи, принесенной изъ нѣмецкой церкви [3]). Въ томъ-же году первый губернаторъ Нарвы и завоеванныхъ мѣстъ Александръ Даниловичъ Меньшиковъ объявилъ собравшимся въ ратушѣ бургомистрамъ и ратманамъ монаршую волю, чтобы они попрежнему отправляли здѣсь свои обязанности.

Планъ города Нарвы, относящійся къ 1684 году, въ общихъ чертахъ напоминаетъ нынѣшнюю Нарву. Всѣ названія тогдашнихъ улицъ сохранились еще до сихъ поръ, таковы: остерская, рыцарская, кирочная, булочная, гельсингерская, вестерская, школьная, вышгородская и др. [4]).

Мы упомянули уже, что успѣхи строительной дѣятельности города Нарвы находили себѣ объясненіе преимущественно въ успѣхахъ торговли. Помимо своихъ географическихъ удобствъ,

[1]) См. ниже описаніе ратуши Арсеньева, посѣтившаго Нарву въ 1834 году. Имъ приведены нѣкоторыя надписи съ плафона, украшающаго залу бывш. магистрата.

[2]) Козакевичъ, 74.

[3]) Эта библія, хранящаяся нынѣ на алтарѣ лютеранской церкви, была пожертвована нарвской нѣмецкой общинѣ Гедвигою Третцель въ 1694-мъ году.

[4]) Hansen, между стр. 126 и 128.

въ этомъ отношеніи Нарва была обязана развитіемъ коммерческихъ оборотовъ также и правительственнымъ декретамъ, стремившимся къ поднятію благосостоянія города. Напримѣръ, декретомъ Карла XI отъ 30 мая 1679 года городу была предоставлена табачная монополія, другими декретами установлены разныя льготы по торговому мореплаванію и винокуренію и т. п.

Въ 1679 году городскимъ совѣтомъ постановлено было открыть вновь существовавшія въ былое время ярмарки (въ дни Дороѳея и Якова). По словамъ одного нѣмецкаго писателя (пастора Кельха), вслѣдствіе стеченія въ Нарву для коммерческихъ надобностей лицъ различныхъ національностей, ни въ одномъ городѣ во всей Швеціи нельзя было услышать столькихъ языковъ, какъ здѣсь. Русскій языкъ въ торговыхъ оборотахъ, конечно, игралъ также не послѣднюю роль; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что шведскіе купцы города Нарвы отправляли своихъ дѣтей для изученія русскаго языка въ Ивангородъ, гдѣ русское населеніе было преобладающимъ.

Въ 1698 г. въ виду развитія торговыхъ оборотовъ, былъ построенъ въ Нарвѣ биржевой домъ (нынѣ зданіе театра), и къ тому же времени относится сооруженіе постояннаго каменнаго моста черезъ Нарову. Какъ биржу, такъ и мостъ строилъ архитекторъ Кюнтлеръ. Еще въ 1663 г. Нарвѣ было предоставлено право въ теченіе 8 лѣтъ чеканить собственную монету. Право это было отдано въ аренду нарвскому ратсгеру Нумменсу. Ради торговыхъ цѣлей на «Большомъ» островѣ была устроена купеческая верфь, слѣды которой, по словамъ Козакевича, были замѣтны еще въ его время.

Заботясь о торговыхъ интересахъ Швеціи, Карлъ долгое время былъ занятъ планомъ перенести торговлю Индіи и внутренней Азіи на берега Балтійскаго моря, но послѣдовавшая война помѣшала этому плану осуществиться.

Отношенія Карла XI къ русскимъ жителямъ Нарвы и Ивангорода характеризуются двумя данными имъ жалованными грамотами.

Первая грамота отъ 4 іюля 1662-го года, изданная на основаніи челобитья русскихъ объ «конфармацыонѣ» привилегій, вкратцѣ содержитъ слѣдующіе пункты:

1. Король дозволяетъ русскимъ выбрать для отправленія церковной службы поповъ изъ своей среды, лишь бы они «помнили свою вѣру и такъ живали бы, какъ и инымъ добрымъ вѣрно-подданнымъ подобаетъ, и за королевскаго величества и за его королевство прилежно и всегда въ своихъ придикахъ изъ сердца Бога молили-бъ по той формѣ и такимъ обычаемъ, какъ ихъ супер(интен)дентъ тамо будетъ научать».

2. Купцамъ и погорѣльцамъ дозволяется строиться на ивангородской сторонѣ у деревни Юлды.

3-й пунктъ, въ силу его интереса, изложимъ подлинными словами грамоты. Здѣсь именно мы читаемъ: «Что они гораздо жаловались въ томъ, что они на времени были подъ владѣньемъ ратушнымъ въ Нарвѣ; и для того королевское величество указалъ имъ впредь быти подъ своимъ генералъ-губернаторомъ, кой имъ поставитъ нѣкоихъ прямыхъ персоновъ... но и городу Нарвѣ волность была-бъ также своихъ нѣкоихъ персоновъ тута держать, кои смотрятъ, чтобъ противъ ихъ привилей ничто не чинилось».

4. Русскимъ даруются такія же торговыя права, какъ и шведамъ, и предоставляется купцамъ торговать, гдѣ они захотятъ: у себя на мѣстѣ—въ Россіи, или Швеціи, и съ ругодивцами, «какъ они межи собою помирятся». Сдѣланное мимоходомъ замѣчаніе о примиреніи проливаетъ очень яркій свѣтъ на тотъ постоянный антагонизмъ, который существовалъ между русскими обитателями Нарвы и «боргарами» (бюргерами).

Пунктъ 5 касается также торговыхъ правъ, именно разрѣшается русскимъ купцамъ въ шведскихъ городахъ продавать и покупать какіе угодно товары.

Въ пунктѣ 6-мъ король обѣщаетъ особую милость отступникамъ отъ православной вѣры: «И тому человѣку его королевское величество особно милость свою покажетъ и повелитъ, ему такая-же волность и правда будетъ, что иному его подданному человѣку или боргару».

Въ остальныхъ пунктахъ (всего 13) король разрѣшаетъ русскимъ варить пиво и печь хлѣбъ, подъ условіемъ уплаты опредѣленной пошлины, обѣщаетъ возвратить отнятые у православныхъ въ Ивангородѣ образа и священныя книги, разрѣшать справедливо ихъ тяжебныя дѣла и вообще быть мило-

стивымъ и справедливымъ къ гражданамъ города, которыхъ въ довершеніе всего освобождаетъ на 6 лѣтъ отъ уплаты податей[1]).

Вторая грамота Карла XI-го «ивангородскимъ посадскимъ людямъ» (данная 29 ноября 1664 года), во 1-хъ, вновь подтверждаетъ свободу богослуженія «безъ мечтанія и всякой мѣшкоты»; во 2-хъ, разрѣшаетъ селиться не у Юлды, оказавшейся неудобною, а гдѣ угодно; въ 3-хъ, возлагаетъ судебныя функціи на генералъ-губернатора съ 2-мя членами; въ 4-хъ, подтверждаетъ торговыя льготы купцовъ.

Кромѣ того, въ виду жалобы русскихъ жителей, «что иванскій монастырь и сады ихъ и дворы и мѣста ихъ въ разоренное время отъ нихъ отняты», предписано было все это имъ вернуть.

Таковы были милости къ русскимъ людямъ; но черезъ десять лѣтъ, въ 1674 году, повѣяло новымъ духомъ, а именно въ королевскомъ декретѣ отъ 5 ноября указаннаго года говорилось: «Такъ какъ русскіе все еще продолжаютъ производить продажу въ посадѣ (т. е. въ Ивангородѣ), то это имъ воспрещается. Если они хотятъ заниматься торговлей и быть нарвскими купцами, то должны переселиться въ городъ, построить каменные дома и нести бюргерскія повинности. Тѣ, которые не хотятъ или не могутъ этого сдѣлать, должны переселиться въ Копорье, исключая ремесленниковъ и рабочихъ. Съ русскими, прибывающими въ Нарву изъ другихъ городовъ, слѣдуетъ, однако, поступать учтиво, и если бы они пожелали сдѣлаться купцами, не ставить имъ тяжелыхъ условій. Указъ о выселеніи русскихъ купцовъ въ Копорье подрывалъ благосостояніе русскихъ торговцевъ, а условія оставленія въ Нарвѣ, по бѣдности, не дававшей основанія даже мечтать о каменныхъ домахъ, были прямо неисполнимы.

Вотъ почему, надо думать, уже черезъ 2 года этотъ грозный указъ отмѣняется: русскихъ въ Копорье не гонятъ; имъ предложено оставаться въ посадѣ и вести тамъ торговлю, но только солью, сельдями, табакомъ и виномъ, а рожь продавать только нарвскимъ бюргерамъ. Взамѣнъ этихъ льготъ русскому населенію (очень условныхъ) городъ получилъ права

---

[1]) Акты, собр. въ библ. и арх., т. IV, стр. 183—186.

судебной юрисдикціи надъ Ивангородомъ и привилегію открыть здѣсь свой кабакъ (Krügerei) [1]).

Карлъ XI, благодаря ряду благоразумныхъ мѣропріятій [2]), оставилъ своему преемнику Карлу XII-му сильное государство.

Наканунѣ великой сѣверной войны укрѣпленія Нарвы частью были исправлены, частью построены вновь и раздѣлены на слѣдующіе бастіоны:

На сѣверѣ: Gloria (Слава),
Honor (Честь),
Victoria (Побѣда).
На югѣ: германова башня и ея укрѣпленія;
На востокѣ: Pax (Миръ),
Justitia (Правосудіе),
Spes (Надежда);
На западѣ: Fortuna (Судьба),
Triumph (Тріумфъ),
Fama (Молва).

Рвы у бастіоновъ заполнялись водою. Когда въ 1784 году строили у «водяныхъ» воротъ (между городомъ и ливонскимъ замкомъ) каменную гауптвахту, то наткнулись въ землѣ на остатки стѣны съ желѣзнымъ кольцомъ, которое служило, очевидно, для привязыванія лодокъ. На картинѣ Олеарія 1636 года видно, что городскіе рвы соединялись съ Наровой. Впослѣдствіи, впрочемъ, въ этихъ рвахъ были устроены казармы.

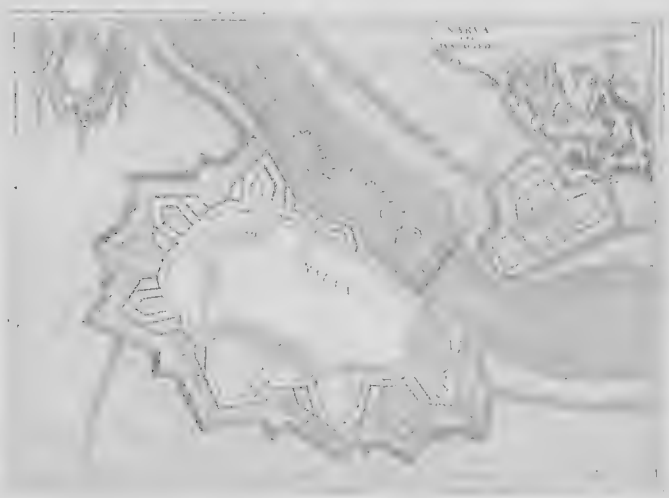
Ѣздившій въ 1682 году къ шведскому королю, для извѣщенія о кончинѣ великаго князя Ѳеодора Алексѣевича и о вступленіи на престолъ Петра и Іоанна, подьячій посольскаго приказа Никита Алексѣевъ, которому поручено было также собрать негласныя свѣдѣнія о посѣщенныхъ шведскихъ горо-

[1]) Hansen, 125—126.

[2]) Касаясь общихъ мѣропріятій Карла XI, необходимо упомянуть, что, облегчая положеніе крестьянъ установленіемъ законныхъ размѣровъ податей и повинностей въ пользу дворянъ (на основаніи т. наз. вакенбуховъ), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнялъ у дворянъ значительную часть ихъ помѣстій. Этою мѣрою онъ очень поправилъ государственные финансы, хотя и возстановилъ противъ себя помѣщиковъ.

Подробнѣе см. Шлоссеръ, всем. ист., т. XVI, стр. 32; Рихтеръ, ист. крест. сословія въ приб. губ., стр. 14; мор. сб. 1860 г., № 8, стр. 125. О крестьянахъ подъ ливонскимъ и шведскимъ владычествомъ смотри также мою статью въ журналѣ «Жизнь» за 1897 годъ (№ 11), подъ заглавіемъ «церковь въ прибалтійскомъ краѣ».

дахъ, сообщалъ о предпринятыхъ въ Нарвѣ обширныхъ крѣпостныхъ работахъ; при этомъ, впрочемъ, онъ допускалъ преувеличенія и повторялъ нѣкоторые совершенно невѣроятные слухи. Описавъ пріемъ его нарвскимъ комендантомъ (Гервортъ фонъ Фонкенъ), назначившимъ, согласно договорамъ, русскому посольству настолько скудную сумму на прокормъ, что Алексѣевъ отъ нея отказался («того малаго числа корму не принялъ, потому, государи, что мнѣ и толмачемъ и съ людишками прокормиться нечѣмъ, и поѣду изъ Ругодива до Стеколна на своихъ харчахъ»), онъ далѣе доносилъ:



Нарвскіе бастіоны.

«Въ Ругодивѣ вновь дѣлаютъ каменную стѣну великую отъ лога рѣки подлѣ моря, а другой конецъ той стѣны приведенъ къ городовой старой стѣнѣ ругодивской, что отъ Иванягорода, и занято поле великое, гдѣ возможно ихъ нѣмецкимъ дворамъ тысячамъ двумъ или тремъ быть, а дѣлаютъ ту стѣну для того, что прежніе городы Иваньгородъ, Яму, Орѣшекъ розрывать будутъ, а жителей тѣхъ городовъ переводить въ тотъ новой городъ, и въ нынѣшнемъ во (7)190 (т. е. 1682) году на Троицынъ день вывезены были на площадь сорокъ бочекъ пороху, которой порохъ развозить было по тѣмъ городамъ для розрыванія и лежалъ тотъ порохъ на площади два дни, и послѣ того придумали, что до совершенья той стѣны тѣхъ

городовъ не розрывать, а той стѣны сдѣлано вышиною на сажень или малымъ чѣмъ больши, а толщиною сажени въ двѣ или въ полтретьи» [1]).

Очевидно, въ этомъ донесеніи рядомъ съ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о производившихся въ Нарвѣ крѣпостныхъ работахъ нашли себѣ мѣсто и досужіе розсказни объ истребленіи цѣлыхъ городовъ.

Карлъ XII былъ замѣчательный король. Постоянною гимнастикою, охотою на медвѣдей и другихъ дикихъ звѣрей, суровымъ чисто-солдатскимъ режимомъ жизни онъ необычайно развилъ свои физическія силы. Ему и во снѣ и на яву грезились военные подвиги.

Семилѣтній Карлъ уже завидовалъ Александру Македонскому.

— «Что до того, сколько лѣтъ онъ (Александръ) жилъ, если онъ успѣлъ покорить столько царствъ, отвѣтилъ Карлъ своему учителю, замѣтившему, что Александръ Македонскій прожилъ всего 32 года.

15-ти лѣтнимъ мальчикомъ Карлъ вступилъ на престолъ Швеціи и временно находился подъ опекою бабушки и рейхсрата, но уже черезъ 7 мѣсяцевъ онъ, благодаря содѣйствію одного изъ своихъ приближенныхъ, извѣстнаго Пипера, былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался полноправнымъ и единымъ правителемъ Швеціи.

Карлъ не испугался союза трехъ государствъ (Россіи, Даніи и Польши), объявившихъ ему войну.

— «Богъ, мечъ мой и любовь народа — мои союзники» [2]) — говорилъ отважный король лицамъ, сомнѣвавшимся въ успѣхѣ войны.

13 апрѣля 1700 года Карлъ выѣхалъ изъ Стокгольма, сказавши своей бабушкѣ и сестрамъ, что ѣдетъ въ увеселительный замокъ Кунгсеръ, а самъ двинулся въ Данію, появился у Копенгагена и принудилъ датскаго короля къ заключенію мира въ Травендалѣ. Затѣмъ онъ отправилъ шведскія войска на освобожденіе Риги, осажденной поляками и саксонцами.

Петръ Великій поспѣшилъ заключить миръ съ Турціей,

---

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, томъ VI. Спб. 1862, стр. 187—191.

[2]) Полевой. Исторія Петра Великаго, ч. 2, стр. 15. (СПБ. 1843).

съ которой онъ тогда воевалъ, и явился со своей арміей въ Ингерманландіи. Онъ, какъ и прежніе русскіе государи, сознавалъ, что Россіи надо стать твердою ногою у Балтійскаго моря, чтобы навсегда сломить силу шведовъ.

Въ ряду шведскихъ крѣпостей прежде всего для этой цѣли нужно было завладѣть Нарвой, изъ-за которой уже и прежде было пролито не мало крови, и которую шведы, отвоевавъ у Ивана Грознаго, упорно удерживали за собою. Послѣ ряда неудачъ Петру удалось осуществить старинное завѣтное желаніе русскихъ: онъ пробился къ морю и раздвинулъ, наконецъ, Россію до ея естественныхъ границъ.

Фактъ завоеванія балтійскихъ береговъ самъ по себѣ служитъ достаточнымъ основаніемъ для именованія Петра Великимъ. Профессоръ Петровъ (допускающій впрочемъ нѣкоторую гиперболу) утверждаетъ, что вся русская исторія не представляетъ вопроса, болѣе важнаго, какъ обладаніе балтійскимъ побережьемъ [1]).

По формулировкѣ того-же М. Н. Петрова, Петръ Великій пріобрѣтеніемъ береговъ Балтійскаго моря достигалъ трехъ цѣлей: во-первыхъ, раздвигалъ Россію на западъ до ея природныхъ границъ; во-вторыхъ, дѣлалъ ее связующимъ звеномъ между Европой и Азіей, и въ-третьихъ, спасалъ Россію отъ неминуемаго кризиса, грозившаго ей во всѣхъ почти отрасляхъ ея внутренней жизни.

Не задаваясь цѣлью представить подробное описаніе великой сѣверной войны, мы, согласно намѣченной нами задачѣ, остановимся лишь на двухъ нарвскихъ баталіяхъ 1700-го и 1704-го годовъ, занимающихъ въ исторіи упомянутой войны выдающееся мѣсто, когда, по словамъ поэта,

Нарва пала, и орелъ
Крыломъ своимъ могучимъ
Брега балтійскіе одѣлъ,
И будто громъ сквозь тучи,
Предрекъ грядущихъ счастье дней—
Паденье шведской славы,
И средь Эстоніи полей
Великій день Полтавы.

---

[1]) Петровъ. Очерки всемірной исторіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГОТОВЯСЬ къ войнѣ со шведами, Петръ Великій въ 1700 году приказалъ фельдмаршалу Федору Алексѣевичу Головину послать въ Нарву инженера, сержанта преображенскаго полка Василія Корчмина [1]) для тайнаго осмотра ея, подъ видомъ покупки пушекъ. «Пришло мнѣ на мысль—писалъ царь Головину — сказывалъ мнѣ Брантъ [2]), что есть въ Ругодевѣ пушки продажныя, корабельныя, въ 12, въ 18 и въ 6 фунтовъ ядромъ, и я съ нимъ говорилъ, чтобы купить, и нынѣ для тѣхъ пушекъ пошли ты Корчмина, чтобы онъ ихъ пробовалъ и купилъ нѣсколько, а межъ тѣмъ накажи ему, чтобъ присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ; также, если возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшекъ; а буде въ немъ нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно, протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки. А дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ снесть. Зѣло нужно, чтобы Кипиеръ того не вѣдалъ, потому что онъ знаетъ, что онъ ученъ» [3]).

[1]) Впослѣдствіи Корчмину было поручено управленіе осадными работами на правомъ берегу Наровы противъ Ивангорода.

[2]) Брантъ—голландскій купецъ, исполнявшій разныя порученія Петра Великаго за границею.

[3]) Письма и бумаги Петра Великаго (собранныя академикомъ Бычковымъ) т. I, стр. 338 и 801.

7 марта 1700 года состоялось опредѣленіе посольскаго приказа объ отправленіи Корчмина въ Нарву, съ назначеніемъ ему 1000 ефимковъ на покупку пушекъ, а въ августѣ того-же года послѣдовало объявленіе войны шведамъ. «Изволили мы, великій государь, наше царское величество,—писалъ Петръ князю Андрею Хилкову въ Нарву 21 августа 1700 года—съ королевствомъ свейскимъ за многія ихъ свейскія неправды и нашимъ царскаго величества подданнымъ учиненныя обиды, напаче за самое главное безчестіе, учиненное нашимъ царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ въ Ригѣ въ прошломъ 1697 году, которое касалось самой нашей царскаго величества персоны, о чемъ свейскимъ войскамъ, на Москвѣ будучимъ, ближній боярин нашъ Ф. А. Головинъ съ товарищи въ отвѣтѣ говорили и на письмѣ дали, а свейскіе послы о томъ до короля своего хотѣли донести и обнадежили учинить за то надъ рижскимъ генераломъ оборонь; а послѣ того на Москвѣ живущій торговыхъ дѣлъ королевскаго величества факторъ иноземецъ Томасъ Книперъ объявилъ съ листа королевскаго величества, къ нему посланнаго, списокъ, въ которомъ никакого удовольствованія на оное предложеніе не учинено. И за тое Богомъ дарованную намъ честь и за многія ихъ свейскія неправды и подданнымъ нашимъ обиды указали мы, наше царское величество, всчать войну. И какъ къ тебѣ сія наша, великаго государя, грамота придетъ, и ты, будучи у канцлера, о томъ объяви» [1]).

Въ письмахъ царя къ разнымъ сановникамъ причины объявленія войны Швеціи излагались кратко и въ общихъ чертахъ. Впослѣдствіи, однако, ради опроверженія разныхъ иностранныхъ памфлетовъ, Петръ Великій призналъ необходимымъ подробно пояснить современникамъ какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, что побудило его объявить войну Карлу, и какъ онъ ее велъ. Съ этою цѣлью барону Шафирову поручено было составить обстоятельное разсужденіе, которое, съ исправленіями и дополненіями Петра, и было напечатано первоначально въ 1717 году, а затѣмъ перепечатано еще

[1]) На отпускѣ помѣчено: «Отправлена въ Ругодевъ 22 августа черезъ Новгородъ съ почтою. Устряловъ. Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 367—8, и т. IV, ч. 2 (приложенія). Царск. рескрипты, указы и записки, стр. 1.

нѣсколько разъ и выпущено въ громадномъ числѣ экземпляровъ [1]).

Главнѣйшею причиною войны выставлялось давнишнее притязаніе Россіи на балтійское прибережье. Шафировъ указывалъ, что Ингерманландія и Карелія издревле принадлежали Россіи и перешли къ шведамъ лишь путемъ «насильствія и завоеванія». Ближайшимъ поводомъ и одною изъ «новыхъ причинъ», какъ выражается Шафировъ, къ началію войны со шведами послужило оскорбленіе царскихъ пословъ въ Ригѣ (въ числѣ пословъ incognito находился и самъ царь); оскорбленіе это заключалось въ томъ, что русскому посольству не было устроено должной встрѣчи, [2]) а затѣмъ задерживался провіантъ и кормъ для лошадей; кромѣ того посламъ не отвели даже приличнаго помѣщенія. Губернаторъ (Дальбергъ), подъ предлогомъ глубокой печали вслѣдствіе смерти дочери, не отдалъ посольству визита и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы русскіе ходили по городу не болѣе, какъ по шести человѣкъ, да и то за карауломъ. При этомъ еще имъ воспрещено было подходить близко къ городскимъ стѣнамъ и осматривать валы [3]). Шведы, зная царя въ лицо, одинаково учредили надзоръ и за его особой, такъ что онъ, какъ и прочіе, ходилъ по городу въ сопровожденіи двухъ шведскихъ солдатъ, вооруженныхъ мушкетами и, когда однажды онъ хотѣлъ пройти къ стоявшимъ въ рижской гавани голландскимъ кораблямъ, чтобы нанять одинъ изъ нихъ для путешествія, то пикеты его не пропустили, а съ крикомъ и угрозами даже взяли ружья на прицѣлъ [4]). Въ оправданіе свое шведы ссылались на то, будто русскіе, лишь прикрываясь видомъ посольства, явились, чтобы

[1]) Подробное заглавіе этого разсужденія см. въ перечнѣ источниковъ. Имѣющійся у меня экземпляръ отпечатанъ въ 1722 году. Такихъ книгъ въ этомъ году было выпущено 20 тысячъ. Печатаніе производилось на 5 станкахъ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ. Бумаги пошло свыше 1006 стопъ. Каждый экземпляръ ради большаго распространенія продавался всего по 10 алтынъ. Сочиненіе правлено рукою самого царя, а заключительныя страницы принадлежатъ ему всецѣло. См. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, СПБ. 1862, стр. 585.

[2]) Посольство было встрѣчено не губернаторомъ, а лишь бургомистрами и мѣщанами. Шафировъ, назв. соч. 1722 г., стр. 76.

[3]) Тамъ-же, стр. 79.

[4]) Тамъ-же, стр. 82.

изучить расположеніе укрѣпленій города Риги и снять съ нихъ планы. Затѣмъ, какъ поводъ къ войнѣ, приводилось то обстоятельство, что Карлъ XII позволилъ себѣ употребить обидныя выраженія относительно самой особы царя, называя его «вѣроломнымъ непріятелемъ» [1]).

Къ этому присоединилось ограбленіе лифляндскими крестьянами русскаго посла Возницына по пути изъ Вѣны во Псковъ [2]), арестованіе русскихъ купцовъ въ Швеціи по долговымъ претензіямъ, недоразумѣніе между почтмейстерами рижскимъ и московскимъ и еще нѣсколько мелкихъ причинъ.

Уже одно оскорбленіе особы царя было, конечно, достаточнымъ поводомъ къ объявленію войны. По свидѣтельству Катифоро, англійскій и голландскій посланники старались отвратить царя отъ кровопролитной войны, но онъ, выдернувъ шпагу, поклялся не влагать ея въ ножны, прежде чѣмъ не отомститъ непріятелю за себя и за своихъ союзниковъ (датчанъ, саксонцевъ и поляковъ).

Немедленно по разрывѣ со Швеціей начались приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. «Мы здѣсь въ 18 день (августа 1700 года)—писалъ царь адмиралу Апраксину—объявили миръ съ турками зѣло съ преизрядным фейерверкомъ; въ 19 день объявили войну противъ шведовъ [3]), и сего числа пойдемъ съ генералъ-маіоромъ Иваномъ Бутурлинымъ въ походъ на подводахъ; одни полки: нашъ семеновскій, старый лефортовъ да новоприборныхъ три полка, въ которыхъ во всѣхъ будетъ 8000 человѣкъ. Здѣсь я нашелъ мастера въ алтиллеріи (sic) русскаго, который зѣло удобенъ будетъ къ корабельному дѣлу, ибо боуты на кольцахъ умѣетъ такъ скоро защурупливать, что 10 изготовитъ такъ скоро, какъ проговоритъ «Отче нашъ»; и какъ отдѣлается въ алтиллеріи, пришлемъ къ вамъ. За симъ Piter». («Съ Москвы, августа въ 22 день») [4]). «За симъ»

---

[1]) Тамъ-же, стр. 177.

[2]) Бергманъ въ своей «исторіи Петра Великаго» (СПБ. 1840 г., т. II, стр. 4) приводитъ, на основаніи документовъ шведскаго архива въ Ригѣ, опись предметовъ, похищенныхъ у Возницына.

[3]) Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ былъ прочитанъ всенародно манифестъ объ объявленіи войны Швеціи.

[4]) Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, ч. 2, стр. 2.

великій Piter началъ готовиться къ походу подъ Нарву. Союзникамъ Петра движеніе русскихъ войскъ къ Нарвѣ было не менѣе непріятно, чѣмъ самому Карлу.

Саксонскій дипломатъ баронъ Лангенъ писалъ Паткулю, что его непріятно поразило обнаруженіе Петромъ замысла идти къ Нарвѣ. «Я сдѣлалъ все на свѣтѣ, вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ — сообщалъ онъ, чтобы отклонить его (царя) отъ этого намѣренія: мы нашли его до такой степени упорнымъ, что опасались долѣе трогать столь нѣжную струну и должны довольствоваться разрывомъ царя со Швеціею, въ надеждѣ, что Нарва со временемъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ».

Въ отвѣтномъ письмѣ Лангену Паткуль подробнѣе изложилъ опасенія «вѣрныхъ союзниковъ» Россіи.

«Вы знаете — писалъ онъ — какіе мы употребили труды, чтобы отвлечь царя отъ Нарвы; не въ нашихъ видахъ допускать его въ сердце Ливоніи. Взявъ Нарву, онъ пріобрѣтаетъ надежное средство завоевать Ревель, Дерптъ, Пернау, прежде чѣмъ узнаютъ въ Варшавѣ, а потомъ покорить и всю Ливонію . . . Благоразуміе требуетъ принять всѣ возможныя мѣры, чтобы Ливонія не подпала власти могущественнаго друга и союзника нашего государя. Съ другой же стороны мы слабы, помощь царя намъ необходима, если хотимъ что нибудь сдѣлать, и Швеція не мало ослабнетъ, потерявъ Нарву. Слѣдовательно, мы не должны торговаться съ царемъ, чтобы не раздражить его. Я думаю, не надобно спорить съ нимъ объ осадѣ Нарвы, и только искусно вручить ему записку въ обезпеченіе правъ короля, на основаніи договора, чтобы *дѣйствовать* впослѣдствіи, когда не нужно будетъ беречь царя съ такою осторожностью, какъ нынѣ (!). Но вникните въ поступки датскаго посланника: не онъ ли внушилъ царю мысль овладѣть Нарвою?» [1]).

Много писалось впослѣдствіи о постигшей союзниковъ неудачѣ въ борьбѣ съ молодымъ и отважнымъ королемъ, но мало вообще останавливались на оцѣнкѣ того обстоятельства, какими слабыми нитками былъ скрѣпленъ союзъ Россіи съ поляками и датчанами и этихъ послѣднихъ другъ съ другомъ.

---

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 5 и 6.

Приведенная переписка барона Лангена съ Паткулемъ съ очевидностью доказываетъ, что союзники не довѣряли другъ другу, боялись усиленія одинъ другого и старались воспрепятствовать такому усиленію въ ущербъ себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали осуществленію побѣдоносныхъ плановъ Карла. Удивляться ли побѣдамъ послѣдняго, когда у враговъ его не было единодушія, когда видимая дружба покоилась на тайномъ лицемѣріи, когда самая опасность не сплочивала ихъ воедино и, разбиваемые порознь, они гибли, позорно наказываемые за нарушеніе союза?

Петръ былъ выше своихъ союзниковъ. Даже терпя военныя неудачи, онъ не переставалъ увѣщевать польскаго короля, чтобы тотъ не падалъ духомъ, предрекая будущую побѣду надъ шведами. Конечно, Петръ преслѣдовалъ свои цѣли, но онъ ихъ и не скрывалъ: ему была нужна Нарва, — къ ней онъ и направился, несмотря на всѣ увѣщанія барона Лангена и другихъ «союзниковъ».

22 августа 1700 года русскія войска начали свой походъ подъ Нарву. Первымъ выступилъ изъ Москвы генералъ-маіоръ Бутурлинъ съ двумя полками гвардіи: преображенскимъ и семеновскимъ. Самъ царь принялъ званіе капитана «бомбардирской роты» и шелъ въ рядахъ преображенскаго полка [1]).

30-го августа полки гвардіи прибыли въ Новгородъ, и здѣсь къ Петру явился герцогъ Карлъ-Евгеній де-Круа или де-Крои (потомокъ венгерскихъ королей, служившій до того въ арміяхъ датской и австрійской, у саксонскаго курфюрста и у польскаго короля) отъ Августа II, короля польскаго, и предложилъ свои услуги. Царь, знавшій де-Круа съ 1698 года, когда онъ являлся съ рекомендаціями императора Леопольда

[1]) Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія нейштатскаго мира. Въ Санктпетербургѣ при имп. академіи наукъ 1770 года. ч. I, стр. 12.

Этотъ журналъ является главнѣйшимъ источникомъ для описанія великой сѣверной войны. Онъ составленъ по порученію царя кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, исправленъ и дополненъ самимъ Петромъ. Въ основу журнала были положены подлинные документы и справки, доставленные по требованію Макарова военною коллегіею въ 1722 году. При Петрѣ журналъ этотъ не былъ напечатанъ и впервые увидѣлъ свѣтъ въ 1770 году, благодаря трудамъ князя Михаила Щербатова.

русскому великому посольству при выѣздѣ сего послѣдняго изъ Амстердама, принялъ его въ русскую службу и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, сдѣлалъ его главнокомандующимъ русской арміей подъ Нарвой.

Де-Круа прибылъ съ двумя генералъ-адъютантами (Дукодре и фанъ-деръ-Фекеномъ), пятью капитанами, однимъ поручикомъ, тремя прапорщиками и сержантомъ. Ему было поручено польскимъ королемъ, пріѣхавъ, какъ можно скорѣе, къ Петру черезъ Псковъ и Новгородъ, всѣми силами стараться укрѣпить существующій между Россіею и Польшею союзъ и просить царя послать подъ Ригу 20 тысячъ войска съ артиллеріею, причемъ обѣщать со своей стороны помощь, едва только будетъ взята Рига. Конечно, предвидѣлись и секретныя депеши и ихъ предписывалось де-Круа писать шифромъ самому, не довѣряя секретарю [1]). При затаенномъ недовѣріи со стороны польскаго короля къ русскому царю и при собственныхъ завоевательныхъ стремленіяхъ Августа, шифръ, надо думать, былъ въ большомъ ходу.

Въ Новгородѣ Петръ оставался 8 дней въ ожиданіи шедшихъ изъ Москвы войскъ (съ 30 августа по 8 сентября). Въ теченіе этого времени губернаторъ новгородскій князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, «имѣя указъ идти къ Нарвѣ и оную блоковать», двинулся въ походъ съ полками Романа Брюса, Ивана Кулума, двумя новгородскими старыми стрѣлецкими полками Захарія Вестова и Мирона Баншева и двумя псковскими стрѣлецкими полками Юрія Вестова и Козодавлева. Въ стрѣлецкихъ полкахъ было 2184 человѣка, въ двухъ солдатскихъ—1700. Кромѣ того съ Трубецкимъ выступили «новгородскаго разряда всѣ дворяне», числомъ до 250, такъ что вся эта дивизія состояла изъ 4130 человѣкъ.

Трубецкой прибылъ въ Нарву 9 сентября, а 23 сентября сталъ стягиваться и корпусъ генералъ-маіора Бутурлина съ 2 гвардейскими полками, причемъ въ преображенскомъ полку было 1698 человѣкъ, въ семеновскомъ — 1238 и въ старомъ лефортовскомъ—1018 [2]),

---

[1]) Устряловъ. Исторія царствов. Петра Великаго, т. IV, ч. 1, стр. 10—11.
[2]) Журналъ Петра Великаго, ч. 1, стр. 12—13.

О прибытіи своемъ въ Нарву Петръ Великій писалъ разнымъ лицамъ (князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, Андрею Андреевичу Виніусу, Тихону Никитичу Стрешневу, Бутурлину и Головину): «Мы при помощи Божіей третьяго дня сюды пришли въ полдни, и перешедъ рѣку Нарву, стали отъ моря» и т. д. Подписано: «Piter, отъ Ругодева; сентября 25 дня 1700 года» [1]). Вмѣстѣ съ этимъ Петръ увѣдомлялъ названныхъ лицъ о сдачѣ городовъ: Ямы, Сыренца и Копорья, въ которыхъ числилось около 7 тысячъ дворовъ. Благопріятныя извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій возбуждали общую радость и надежду на дальнѣйшій успѣхъ. Ромодановскій отвѣчалъ царю: «Не по малу же мнѣ пріятно, слыша благіе начатки прилежныхъ вашихъ трудовъ, ибо толикіе чуждые грады и многочисленные люди, точію блистающія оружія храбрыхъ христіанскихъ воиновъ увидя, отверзая врата своя и преклонь выя, вамъ въ покореніе предашася».

Стрешневъ по тому же поводу писалъ: «Съ первымъ сего дѣла счастіемъ дай Господи здравствовать и радоваться и получить по желанію своему и паки счастіе и о томъ бы радоваться за многотрудныя свои дѣла паче всѣхъ». Бутурлинъ выражалъ пожеланіе: «дабы какъ сіи (города), тако бы и Нарва была покорена тебѣ, государю, не токмо съ семью тысячи, но стократно больше». Наконецъ, Головинъ писалъ царю: «Благодаря, Бога, зѣло радуюсь о счастливомъ милости твоей, государя, приходѣ къ Ругодиву. Дай Боже конецъ благополученъ» [2]). И самъ царь, и его генералы, видно, не чуяли еще горькаго испытанія, которое выпало на ихъ долю подъ Нарвою!

Прибывъ къ Нарвѣ, Петръ Великій избралъ себѣ квартиру на островѣ рѣки Наровы, у пильной мельницы (Кампергольмъ, или Кампфергольмъ).

Относительно этого острова считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Ганзенъ [3]), а съ его словъ и Устряловъ [4]) увѣряютъ, что этотъ островъ нынѣ уже не существуетъ, что

---

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 4; Бычковъ, т. I, стр. 390—392.
[2]) Бычковъ. Бумаги Петра, т. I, стр. 833—836.
[3]) Geschichte der St. Narva, стр. 133—134.
[4]) т. IV, ч 1, стр. 13. Потоцкій повторяетъ эту ошибку (стр. 9—10).

онъ съ давнихъ поръ покрытъ водою фута на три, и только иногда, при убыли рѣки, видна осока на мѣстѣ, гдѣ прежде былъ Кампергольмъ. Козакевичъ [1]), въ свою очередь, опровергаетъ это мнѣніе и говоритъ, что та часть праваго берега рѣки, гдѣ была главная квартира, и къ которой былъ наведенъ плавучій мостъ, теперь отдѣляется отъ материка глубокимъ оврагомъ съ малымъ остаткомъ бывшаго здѣсь прежде значительнаго протока воды, образовывавшаго нѣкогда островокъ Кампергольмъ, который, будто бы, отъ песчаныхъ наносовъ теперь почти слился съ материкомъ; на лѣвомъ же берегу Наровы противъ самой середины бывшаго острова Кампергольма еще въ 1878 году, по словамъ Козакевича, можно было различать слѣды бывшаго здѣсь мостового прикрытія. Какое изъ этихъ двухъ мнѣній вѣрнѣе? Оба изслѣдователя говорятъ, что, кромѣ нынѣшняго «Большого острова» [2]), рядомъ съ нимъ существовалъ еще другой островъ, который подъ вліяніемъ различныхъ метаморфозъ пересталъ нынѣ существовать, какъ островъ, и, по словамъ одного, затопленъ, а по словамъ другого — слился съ материкомъ.

Мы, съ своей стороны, не можемъ не присоединиться къ мнѣнію г-на Козакевича. Дѣйствительно, какъ допустить, чтобы Кампергольмъ очутился подъ водою. Для этого слѣдуетъ предположить, что воды въ Наровѣ стало больше, или-же, что островъ опустился. Между тѣмъ многіе факты ясно свидѣтельствуютъ, что рѣка мелѣетъ, и тамъ, гдѣ прежде было дно, во многихъ мѣстахъ по Наровѣ зеленѣютъ луга, къ признанію-же такихъ рѣзкихъ геологическихъ переворотовъ на Наровѣ, какъ опусканіе острова, нѣтъ достаточныхъ основаній. Предположеніе Козакевича о томъ, что Кампергольмъ слился съ материкомъ, находитъ себѣ подтвержденіе уже въ томъ, что

---

[1]) Городъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкою Наровою, стр. 13. Мнѣнія Козакевича придерживается также Крузенштернъ въ соч. «Городъ Нарва. Историческій очеркъ». СПБ. 1890 г., стр. 18.

[2]) Прежде, какъ говоритъ Козакевичъ, Большой островъ назывался еще Государевымъ. На немъ, по словамъ того-же изслѣдователя, также ступала нога великаго монарха, который, по взятіи Нарвы, посадилъ, по обыкновенію своему, на немъ десять дубовъ. Дѣйствительно, широкостволые дубы и теперь еще украшаютъ островъ. Они пережили царя, посадившаго ихъ, но слава его, несомнѣнно, переживетъ ихъ!

та-же самая исторія повторяется и съ Большимъ островомъ. Лѣвый берегъ его постепенно смывается теченіемъ рѣки, а правый заносится пескомъ, такъ что, несомнѣнно, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, можетъ быть, черезъ столѣтіе, протокъ, омывающій островъ съ правой стороны постепенно обмелѣетъ, и островъ сольется съ материкомъ.

Кому приходилось присматриваться къ берегамъ Большого острова, тотъ не могъ не замѣтить, какъ обваливается берегъ съ лѣвой стороны, при чемъ обнажаются и корни прибрежныхъ деревьевъ. По словамъ эста-старожила, арендующаго островъ у барона Аргсгофена, прежде посѣвъ на островѣ былъ слѣва, (если встать лицомъ къ западу), теперь-же онъ—справа. При изслѣдованіи дна рѣки оказывается, что у лѣваго берега тянется на нѣсколько сажень мель, которая затѣмъ круто обрывается: ясно, что островъ доходилъ до крайнихъ очертаній этой мели. Подобная же метаморфоза могла произойти и съ Кампергольмомъ: лѣвый берегъ нѣсколько смыло и обвѣтрило, а правый, вслѣдствіе обмелѣнія протока, соединился съ материкомъ.

Лѣтомъ 1900 года авторъ настоящей исторіи тщательно изслѣдовалъ древній Кампергольмъ. Очертанія острова, приходящагося нынѣ какъ разъ напротивъ лѣсопильнаго завода Гермонта, видны совершенно явственно. Протокъ, отдѣлявшій правый берегъ отъ материка, обмелѣлъ и густо заросъ осокой [1]). На бывшемъ берегу материка, почти сплошь вспаханномъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, можно еще различить слѣды земляныхъ работъ и прикрытія, значащагося на планѣ 1700 года.

На самомъ островѣ обозначается съ достаточною точностью мѣсто, гдѣ начинался злосчастный мостъ, обрушившійся при отступленіи русскихъ 19 ноября 1700 года. Мѣсто это обложено доставленнымъ сюда спеціально для постройки моста плитнякомъ (весь грунтъ острова не плитяной); на противоположномъ лѣвомъ берегу рѣки рядъ торчащихъ изъ земли

[1]) При поверхностныхъ раскопкахъ на Кампергольмѣ были найдены обломки печныхъ изразцовъ и кирпичей отъ царской квартиры, много кованныхъ старыхъ гвоздей, кусокъ желѣзнаго молота, складной ножикъ, осколки снарядовъ и т. п.

старыхъ бревенъ указываетъ направленіе этого моста. При сличеніи съ планомъ оказывается, что его обозначенія совпадаютъ съ дѣйствительнымъ мѣстонахожденіемъ моста, отъ котораго уцѣлѣли слѣды крайнихъ оконечностей. Хотя Нарова въ этомъ мѣстѣ очень широка, но съ обѣихъ сторонъ существуютъ отмели, способствовавшія сооруженію пловучаго моста.

Необходимо замѣтить, что, кромѣ упомянутаго моста черезъ Нарову, на планѣ 1700 года значился ниже его по теченію, на узкомъ сравнительно мѣстѣ рѣки, еще мостъ. Благодаря указаніямъ эста-старожила, о которомъ мы уже упомянули, въ 1898 году намъ удалось на правомъ берегу рѣки, противъ кожевеннаго завода, нѣсколько ниже деревни Вепскюль, въ глубинѣ $^1/_2$—1 аршина найти бревна и сучья, проложенныя по топкимъ мѣстамъ по направленію къ этому мосту. Очертаніе сохранившихся здѣсь насыпей съ двумя съуживающимися книзу дорогами и съ площадкою наверху ясно указываетъ на спускъ къ пловучему мосту. Правда, въ этихъ мѣстахъ былъ наведенъ понтонный мостъ при Николаѣ I, во время происходившихъ въ Нарвѣ (въ 40-хъ годахъ) маневровъ; но что и при Петрѣ существовалъ здѣсь мостъ, слѣды котораго намъ удалось изслѣдовать, доказывается, во-первыхъ, планомъ 1700 года, а во вторыхъ, свидѣтельствомъ старожила-эста, указавшаго намъ мѣсто петровскаго моста и знавшаго о немъ по семейнымъ преданіямъ, а именно со словъ отца, умершаго 60 лѣтъ отъ роду болѣе 30 лѣтъ тому назадъ.

Очевидно, этотъ мостъ не имѣлъ стратегическаго значенія и, надо думать, по нему совершилась лишь переправа русскихъ войскъ, а затѣмъ, по сооруженіи моста отъ острова Кампергольма, онъ былъ разобранъ.

Нѣкоторое время спустя послѣ прибытія къ Нарвѣ, Петръ Великій отправилъ съ двумя барабанщиками къ нарвскому коменданту письмо, въ которомъ, отъ имени князя Трубецкого излагалась просьба не чинить притѣсненій «англійской компаніи московскимъ жителямъ» (Андрею Стельсу и другимъ), задержаннымъ въ Нарвѣ, а отпустить ихъ съ товарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени Трубецкого-же было отправлено также письмо «англійскимъ торговымъ людямъ» въ Нарвѣ слѣдующаго содержанія:

«Господа торговые отъ англійской компаніи, въ Нарвѣ обрѣтающейся. Понеже я, при приходѣ своемъ подъ Нарву съ частію войскъ всем. моего царя и государя, имѣю нѣкоторую нужду въ виноградныхъ винахъ, и того ради прошу при семъ случаѣ, дабы, съ позволенія г. коменданта, мнѣ нѣкоторую часть оныхъ прислати, за что пристойную цѣну готовъ немедленно вамъ заплатити, и не сумнѣваюсь, что въ томъ моемъ желаніи, по обыкновенію всѣхъ европейскихъ христіанскихъ народовъ, мнѣ удовольство учините, за что всегда меня склонна обрящете. Съ симъ же посланнымъ писалъ я къ г. коменданту и о вашихъ нѣкоторыхъ принадлежностяхъ, о которыхъ отъ него увѣдомитесь. При семъ пребываю вашъ склонный пріятель» [1]).

Близъ Нарвы русскіе отряды захватили одного шведскаго кавалериста и прапорщика Симеона Даргеля. Отъ нихъ они получили нѣкоторыя свѣдѣнія о численности нарвскаго гарнизона. По словамъ захваченныхъ, войска въ Нарвѣ было очень мало, ибо Карлъ, отвлеченный войною съ Даніей и Польшей, не позаботился обезопасить себя со стороны русскихъ. По словамъ вышедшаго около того-же времени изъ Нарвы и отдавшагося въ плѣнъ русскимъ ротмистра шведской службы Бауера (родомъ голштинца), [2]) гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 1300 человѣкъ пѣхоты, 200 всадниковъ и 400 гражданъ; при этомъ провіанту и дровъ было запасено почти на годъ. Бауеръ же сообщилъ, что вслѣдствіе малолюдства осажденные сняли караулъ съ контръ-эскарпа и разломали наплавные мосты [3]).

Въ палаткѣ князя Трубецкого Петру былъ представленъ присланный, по его просьбѣ, польскимъ королемъ генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ Аллартъ, который прибылъ на службу къ русскому царю съ нѣсколькими артиллерійскими

---

[1]) Черновой отпускъ письма писанъ собственною рукою Петра Великаго. Устряловъ, т. IX, ч. 2, стр. 6.

[2]) Бауеръ убилъ на дуэли какого-то шведа и искалъ спасенія отъ наказанія въ русскомъ лагерѣ. Впослѣдствіи—генералъ отъ кавалеріи.

[3]) Журналъ Петра В., ч. 1, стр. 14. По показанію Даргеля, въ Нарвѣ было всего 150 пушекъ, 20 пушкарей, а прямыхъ (т. е. настоящихъ) бомбардировъ не болѣе 6.

и инженерными штабъ и оберъ-офицерами за два дня до пріѣзда Петра подъ Нарву. Впослѣдствіи Алларту было поручено главное руководство надъ производившимися вокругъ Нарвы осадными работами.

Царь принялъ Алларта очень ласково.

Перейдя послѣ обѣда изъ палатки князя Трубецкого въ палатку полковника Чамберса, Петръ прилегъ здѣсь на походную кровать и, посадивъ Алларта и де-Круа подлѣ себя, долго разговаривалъ съ ними по голландски. Сначала царь разспрашивалъ генераловъ о причинахъ неудачной осады польскимъ королемъ г. Риги. Затѣмъ перешелъ къ Нарвѣ [1]). Разобравши выгоды и невыгоды нарвскихъ укрѣпленій, Петръ предложилъ Алларту составить счетъ орудіямъ и военнымъ припасамъ, необходимымъ для штурма. Царь былъ такъ доволенъ обоими иностранными генералами, что, отпуская ихъ, поцѣловалъ герцога (дюка) нѣсколько разъ, а барона —однажды [2]).

На слѣдующій день Аллартъ представилъ требуемый счетъ. По его предположенію, необходимо было 60 орудій 48 и 24 фунтовыхъ, 120,000 ядеръ, 20 шлангъ (12 фунтовыхъ) и 12000 ядеръ, 40 мортиръ, 12000 бомбъ и 6000 каркасовъ, 15000 ручныхъ гранатъ и 10 бочекъ уксуса для охлажденія орудій.

28 сентября Аллартъ рано утромъ выѣхалъ въ поле и увидѣлъ Петра съ бумагою и карандашемъ, снимающаго верки. Онъ выразилъ свое удивленіе неутомимой энергіи царя. На это монархъ ему возразилъ: «Апостолъ Павелъ пишетъ: яко аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ».

Послѣ этого царь въ сопровожденіи Алларта и герцога де-Круа поѣхали на коняхъ верхомъ вдоль лагеря и, когда они проѣзжали мимо крѣпостныхъ валовъ, подъ выстрѣлами непріятеля, то Петръ, на которомъ былъ надѣтъ зеленый морской мундиръ, обращаясь къ герцогу, просилъ его прикрыть плащемъ красный съ позументами нарядъ его, такъ какъ онъ могъ служить удобной мишенью для шведскихъ выстрѣловъ [3]).

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 14.
[2]) Бергманъ. Исторія Петра В., т. II, стр. 7.
[3]) Бергманъ, II, 8.

Самъ царь, однако, обнаружилъ полную неустрашимость. «Кто труситъ, тотъ оставайся назади! (или—ступай въ обозъ!) окрикнулъ Петръ полковника Бломберга, предостерегавшаго царя отъ опасности, которой онъ себя подвергалъ. Къ этому онъ, какъ говорятъ, прибавилъ еще по голландски: «Ick ben geen Hontsfot» [1]).

Царь всюду поспѣвалъ самъ, объѣзжалъ лагерь, осматривалъ укрѣпленія, снималъ планы, даже самъ «своею особою» заложилъ одинъ кетель на 8 «мортиръ по лѣвую сторону города, близъ Наровы рѣки» [2]). На шлюпкѣ онъ проѣхалъ къ устью Наровы, осмотрѣлъ мѣстность и приказалъ у взморья строить крѣпость на случай нападенія шведовъ съ моря [3]). Петръ старался ободрить войско примѣромъ личнаго труда и неустрашимости. Не щадя себя, царь требовалъ и отъ другихъ усердія и дѣятельности; генераламъ, медленно подвигавшимся къ Нарвѣ, онъ писалъ понудительныя письма, старался поддерживать духъ дисциплины и порядокъ въ войскахъ. Одинъ капитанъ изъ отряда князя Трубецкого былъ привязанъ къ орудію на 3 часа за то, что послалъ своего деньщика на промыселъ окна для барака [4]). Петръ находилъ время и для управленія внутренними дѣлами государства, а также для дипломатическихъ сношеній и переписки съ союзниками. Это былъ истинный гигантъ: онъ входилъ во всякую мелочь, но при этомъ не былъ кропотливъ, своимъ быстрымъ и свѣтлымъ умомъ онъ постигалъ труднѣйшіе вопросы стратегіи и инженернаго искусства. За его фигурою стушевываются его сотрудники, хотя они и приложили къ дѣлу достаточно знаній и личной храбрости (особенно офицеры гвардіи и два «потѣшныхъ» полка, какъ увидимъ ниже). Карлъ XII былъ горячъ и воспламенялся, какъ порохъ; Петръ бралъ упорствомъ, желѣзной волею и выдержкой. Молодой шведскій король (Карлу въ 1700 году было всего 18 лѣтъ), блеснулъ своими необы-

[1]) Бергманъ, II, 7, (выноска); Полевой, исторія Петра Вел., т. II, стр. 20.

[2]) Журналъ Петра Вел., ч. I, стр. 15.

[3]) Въ «журналѣ» объ этомъ говорится, что 29 сентября государь былъ на взморьѣ, «для осмотра, гдѣ дѣлать крѣпость для внезапнаго прихода непріятельскаго съ моря».

[4]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 14.

чайными военными успѣхами. Онъ, какъ впослѣдствіи Наполеонъ, поразилъ современниковъ воинскимъ талантомъ и счастьемъ, которое всюду его сопровождало; онъ покрылъ славою шведское оружіе, но силъ у него не хватило, чтобы удержать за собою перевѣсъ въ борьбѣ съ могучимъ русскимъ царемъ. Петръ въ 1700 году былъ также въ расцвѣтѣ силъ (ему было 28 лѣтъ), но онъ не полагался на одно счастье: онъ дѣйствовалъ методически; не торопясь, развивалъ свои силы, создавая опору для будущей борьбы. Въ результатѣ онъ сберегъ и энергію, и силы, несмотря на всѣ невзгоды, тогда какъ Карлъ угасъ, не соразмѣривъ своего пыла съ боевыми средствами, которыми онъ располагалъ. Съ несомнѣнностью можно утверждать, что Петръ обладалъ бо́льшею политическою дальновидностью, чѣмъ Карлъ.

1-го октября прибылъ къ Нарвѣ Вейде съ дивизіей. Съ нимъ пришли полки фонъ-Вердена, Ивана и Вильгельма фонъ Дельденовъ, Николая и Федора Балькова, Александра Гордона и драгунскій полкъ Гульцова [1]).

Генералъ Вейде помѣстился со своими войсками по лѣвому берегу Наровы выше города, со стороны водопада.

2-го октября русскіе, подъ главнымъ руководствомъ Алларта, приступили къ сооруженію батарей [2]). Шведы очень мѣшали осаднымъ работамъ, постоянно обстрѣливая работавшихъ солдатъ. Въ первый же день было убито двое и ранено 4 человѣка.

На правомъ берегу Наровы, за Ивангородомъ, на горѣ, близъ часовни, въ разстояніи 540 саженъ отъ крѣпости, была поставлена батарея для обстрѣливанія моста и бомбардированія Ивангорода.

3-го октября изъ Пскова были привезены 34 мѣдныхъ пушки, которыя, по словамъ журнала Петра Великаго, «неисправны были станками и прочимъ», и кромѣ того—3 мѣд-

---

[1]) Журналъ П. В., ч. 1, стр. 14.

[2]) Аллартъ оставилъ подробное описаніе осады города Нарвы въ 1700 году, которое напечатано въ «сѣверномъ архивѣ» за 1822 годъ (№№ 1 и 2). Составитель описанія велъ поденную запись всего того, что происходило подъ Нарвой. Наряду съ журналомъ Петра Великаго, записки Алларта служатъ главнѣйшимъ пособіемъ для обозрѣнія нарвской баталіи 1700 года.

выхъ мортиры, «изъ которыхъ только камнемъ можно было бросать» [1]).

11-го октября изъ Новгорода было доставлено еще 29 пушекъ и нѣсколько мортиръ, вѣроятно, того же достоинства, что изъ Пскова.

14-го октября пришли къ Нарвѣ фельдмаршалъ графъ Ѳедоръ Головинъ съ иррегулярною конницею, дворянами московскими и смоленскими (всего около 5000 человѣкъ) и генералъ Автономъ Головинъ съ полками Девсиновымъ, Матвѣя и Ивана Трейденовъ, Иваницкаго, Мевса, Больмановымъ, Бильсовымъ и драгунскимъ полкомъ Шневенцовымъ [2]).

Русская армія раскинулась по лѣвому берегу Наровы, на протяженіи 7 верстъ, фронтомъ въ поле и примыкая флангами къ рѣкѣ. Правый флангъ, противъ острова Кампергольма, составили полки гвардіи (преображенскій и семеновскій) и дивизія Головина; въ центрѣ расположились войска князя Трубецкого, а на лѣвомъ флангѣ размѣстились дивизія Вейде и конница Шереметева [3]). Послѣдняя, какъ видно изъ современнаго плана, расположилась за Юалой, выше водопада, около находящихся въ этомъ мѣстѣ на Наровѣ острововъ.

Кромѣ прямой цѣли, заключавшейся въ осадѣ и штурмѣ Нарвы, русской арміи необходимо было обезопасить себя на случай прихода шведскихъ подкрѣпленій. Поэтому крѣпость была окружена двойной линіею непрерывнаго вала, т. е. контрвалаціонною и циркумвалаціонною линіями, которыя, начинаясь у деревни Вепскюль и Малаго острова (или Шнелленгольма), шли по выпуклой дугѣ до деревни Юала. Длина этихъ дугъ, постепенно сближавшихся по мѣрѣ приближенія къ центру, была 6 (контрвалаціонной) и 7 верстъ (циркумвалаціонной). Контрвалаціонная линія была усилена къ сторонѣ крѣпости 4-мя редутами и 3-мя флешами. Для праваго фланга циркумвалаціонной линіи было устроено прикрытіе при посредствѣ батареи, расположенной на отдѣльномъ холмѣ, а

[1]) Журналъ П. Р., ч. I, стр. 15. Орудія были доставлены водою, какъ объ этомъ сообщаетъ Желябужскій въ своихъ запискахъ (стр. 168): «А снарядъ весь большой, пушки, всѣ изо Пскова вывели подъ Ругодевъ въ судахъ водою».

[2]) Журналъ Петра Великаго, стр. 16.

[3]) Леверъ. Обзоръ войнъ Россіи, ч. I, стр. 11.

центръ, отдѣленный отъ обоихъ фланговъ рогатками и обставленный со всѣхъ сторонъ бараками, представлялъ изъ себя родъ крѣпостцы, способной къ долговременной оборонѣ, особенно благодаря выгодному своему расположенію на вершинѣ холма, командующаго надъ мѣстностью (Гольденгофъ). Лѣвый флангъ представлялся менѣе укрѣпленнымъ и подготовленнымъ къ бою, такъ какъ здѣсь обѣ линіи окоповъ сходились очень близко другъ къ другу (30—50 сажень, тогда какъ на правомъ флангѣ разстояніе линій было 600 саж., а въ центрѣ 120), и войска Вейде должны были стоять въ одну линію развернутымъ строемъ [1]). Въ общемъ оборона со стороны поля была слабая, такъ какъ на всемъ пространствѣ въ 7 верстъ было поставлено лишь 22 пушки и 18 мортиръ. Остальныя орудія были расположены противъ западныхъ бастіоновъ Нарвы (91 пушка и 11 мортиръ) и противъ Ивангорода (32 пушки и 3 мортиры).

При всемъ томъ осада города велась неумѣло, и не всѣ посылаемые въ Нарву снаряды достигали своей цѣли, такъ какъ батареи были заложены на слишкомъ большомъ разстояніи. Кромѣ того, какъ мы видѣли, артиллерійскія орудія были ниже всякой критики: поминутно ломались у пушекъ лафеты, колеса и оси, а такъ какъ нѣкоторые заряды не разряжались, то взрывало и самыя пушки. Изъ мортиръ можно было стрѣлять лишь камнями, такъ какъ бомбы не соотвѣтствовали калибру орудій. Въ довершеніе всѣхъ золъ дождями размыло дороги, вслѣдствіе чего прекратился подвозъ военныхъ припасовъ и провіанта.

Нарва крѣпко держалась, несмотря на свои незначительныя силы. 21-го октября вспыхнулъ въ городѣ пожаръ, но онъ вскорѣ былъ потушенъ. Шведы энергично подновляли разрушаемыя русскими снарядами укрѣпленія. Мирные граж-

[1]) Слѣды циркумвалаціонной линіи 1700 года сохранились по настоящее время; они особенно замѣтны на правомъ флангѣ, начиная отъ стараго эстонскаго кладбища, расположеннаго нѣсколько выше деревни Вепскюль. Очертанія флешей мѣстами совершенно отчетливы. Лѣтомъ 1900 года я нѣсколько разъ былъ въ этихъ мѣстахъ, а также у острововъ, гдѣ стояла конница Шереметева (выше дер. Юалы). Съ Гольденгофа очень красивый видъ на Нарву. Земляныя работы временъ Петра заслуживаютъ того, чтобы ихъ поддерживали, какъ памятникъ старины.

дане наравнѣ съ солдатами работали подъ непрерывнымъ огнемъ. Петръ былъ очень недоволенъ, что «какъ мѣщане, такъ и дворянство и крестьянство вмѣстѣ на валъ и караулы ходятъ, которое дѣло токмо однихъ военныхъ касается», что и выразилъ въ плакатахъ на нѣмецкомъ и эстляндскомъ языкахъ, посланныхъ въ Нарву и Ивангородъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ выражалъ негодованіе по поводу распускаемыхъ безлѣльными людьми лживыхъ слуховъ, будто онъ намѣренъ варварски поступить съ жителями Нарвы послѣ ея взятія и ради опроверженія этихъ слуховъ издалъ 6 ноября 1700 года подъ Нарвой особый манифестъ на шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, который и былъ распространенъ среди населенія.

Манифестъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія: «Мы въ походѣ семъ не имѣемъ намѣренія умышленно причинить какую обиду или вредъ дворянству, городамъ, мѣщанамъ и жителямъ ни въ особѣ, ни въ жизни, ни въ имѣніи ихъ; но, напротивъ того, мы прилагали все наше стараніе къ сохраненію всѣхъ и каждаго жителя Лифляндіи и къ приведенію ихъ въ безопасность въ продолженіе пребыванія войскъ нашихъ въ сей землѣ отъ всѣхъ несчастій, которыя война влечетъ за собой; почему мы принимали въ покровительство нашего царскаго величества вообще всѣхъ жителей сей провинціи, дворянства, духовенства, мѣщанъ и всѣхъ жителей, какого бы званія и состоянія кто ни былъ, и какимъ бы образомъ въ ней ни жилъ, не только ихъ фамиліи, домы, земли и имѣніе но и все то, что только отъ нихъ зависитъ, также, чтобы никто изъ нашихъ войскъ или изъ тѣхъ, которые въ нихъ находятся, подъ смертною казнью не дѣлалъ ниже терпѣлъ, чтобъ дѣлана была малѣйшая обида или вредъ помянутымъ жителямъ или тому, что имъ принадлежитъ; но чтобъ, напротивъ того, сохранили ихъ въ мирѣ и спокойствіи, и ежели кто, какимъ бы образомъ то ни было, не захочетъ повиноваться сему нашему повелѣнію, то онъ будетъ наказанъ, какъ виновный въ оскорбленіи величества, и по учиненіи ему въ краткихъ словахъ суда, въ ту же минуту, по изобличеніи своемъ, получитъ наказаніе, безъ всякаго переноса дѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ учинено преступленіе....

Сіе заставляетъ насъ надѣяться, что всѣ и каждый изъ помянутыхъ жителей не будетъ производить никакого непріятельскаго дѣйствія ни тайно, ни явно, и не будетъ поступать такъ, какъ шпіонъ, измѣнникъ, вѣроломецъ или возмутитель, а упражняться въ домашней своей работѣ мирно, въ спокойствіи, наблюдая вѣрность, дабы тѣмъ заслужить всемилостивѣйшее наше покровительство и не привлечь на себя строгаго и достойнаго наказанія.

Сверхъ того наше точное, истинное и безпристрастное намѣ-

[1]) Аллартъ, 8. (сѣверн. арх. за 1822 г.).

реніе есть, чтобъ вспомоществовать возстановленію торговли, дабы привести оную въ цвѣтущее состояніе къ приращенію и возстановленію блага княжества лифляндскаго, какъ природныхъ гражданъ, такъ и иностранныхъ купцовъ и сосѣдовъ въ семъ княжествѣ, хотя они получили право гражданства или только поселились въ немъ, какъ иностранцы; почему мы равно и ихъ принимаемъ въ наше покровительство и даемъ имъ свободу во все продолженіе настоящей войны производить торговлю вольно, безопасно и безъ всякаго препятствія, на сухомъ пути и на морѣ, не вводя никакихъ новыхъ налоговъ; на какой конецъ будутъ они покровительствованы и защищаемы всѣми нашими гражданскими и военными офицерами, и просящіе получатъ пашпорты и всѣмъ имъ оказываема будетъ всякая услуга, и дабы никакой купецъ, природный или иностранный не имѣлъ ни малаго страха и не удалился изъ сей земли, но чтобъ, напротивъ того, увѣренъ былъ въ нашемъ покровительствѣ и милости, для споспѣшествованія его дѣлъ и коммерціи, то мы строго наказали нашему генералъ-фельдмаршалу, чтобъ каждый неусыпно старался о сохраненіи лифляндскихъ городовъ, щадя ихъ, сколько возможно, отъ бомбардированія и слѣдственно отъ разоренія ихъ, ежели только они не будутъ весьма упорны, въ каковомъ случаѣ мы противъ воли будемъ ихъ почитать за непріятелей, не достойныхъ нашей милости, и не будемъ щадить ни людей, ни зданій».

Тяжелое осадное положеніе хотя и не довело гражданъ Нарвы до полнаго упадка духа, всетаки дѣйствовало на нихъ самымъ удручающимъ образомъ. Неизвѣстно еще было, придетъ ли король; съ высокихъ стѣнъ видно было только, какъ грозная 34-тысячная русская армія облегла городъ со всѣхъ сторонъ. Комендантъ Нарвы Гентингъ Рудольфъ Горнъ рѣшилъ биться до послѣдней капли крови.

Ежедневно во время церковной службы произносилась молитва объ избавленіи города отъ враговъ. «Мы принуждены ѣсть нашъ хлѣбъ съ трепетомъ и пить наше питье съ дрожью и унынiемъ—взывали осажденные. На всѣхъ улицахъ слышно только «увы! увы!» Божественная служба въ церквахъ, наставленіе юношей въ школахъ воспрепятствованы. Хорошая полиція и управленіе распались. Страна разорена, и обитатели ея стенаютъ. Хотятъ ниспровергнуть нашъ городъ и разорить наши дома. О какой благословенный народъ были мы до войны; всего было у насъ довольно, и мы ни въ чемъ не испытывали недостатка! [1])».

[1]) Hansen. Geschichte der St. Narva, стр. 139.

Пока русскія войска осаждали Нарву, Карлъ XII, побѣдивъ датчанъ и принудивъ ихъ, какъ уже упомянуто, подписать невыгодный для Даніи миръ въ Травендалѣ [1]), двинулся къ Нарвѣ черезъ Лифляндію. Король Августъ, осаждавшій Ригу, услышавъ о пораженіи датчанъ и движеніи Карла на Лифляндію, снялъ осаду 15 сентября и ограничился занятіемъ крѣпости Когенгаузена. Карлъ съ эскадрою изъ 9 кораблей [2]) и 2 фрегатовъ [3]) 20 сентября вышелъ изъ Карлскроны. Король находился на кораблѣ Вестманландъ, подъ флагомъ адмирала Анкарсштіерна. 25 сентября флотилія прибыла въ Перновъ. Подъѣзжая къ берегу на яхтѣ Софія, король нечаянно упалъ въ воду и чуть не утонулъ, но генералъ Реншильдъ спасъ его [4]).

Когда до Петра дошла вѣсть, что Карлъ идетъ на него, онъ (26 октября 1700 г.) выслалъ мальтійскаго кавалера, боярина Шереметева съ иррегулярною конницею въ числѣ 5000 человѣкъ къ Везенбергу, по ревельской дорогѣ, для наблюденія за дѣйствіями непріятелей посредствомъ посылки отрядовъ къ Ревелю, Дерпту и Пернову [5]). Въ распоряженіи Шереметева, какъ говоритъ Леверъ, было нѣсколько орудій [6]).

Единовременно съ высылкою Шереметева къ Везенбергу, князю Григорію Долгорукову (капитану гвардіи) было поручено ѣхать къ польскому королю и просить его, чтобы онъ отвлекъ силы Карла, а также, чтобы назначилъ мѣсто, куда царь могъ бы пріѣхать для переговоровъ, какимъ образомъ общими усиліями наиболѣе успѣшно опрокинуть непріятеля. Заранѣе выраженное царемъ желаніе увидѣться съ Августомъ необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи причинъ отъѣзда Петра изъ подъ Нарвы наканунѣ сраженія со шведами.

Высланный для развѣдокъ Шереметевъ занялъ Везенбергъ,

---

[1]) Во время сраженія на датскомъ берегу у Гумблебека, король, услышавъ свистъ пуль, спросилъ, что это такое, и когда ему объяснили, что это пули, онъ воскликнулъ: «Славная музыка! она мнѣ такъ нравится, что отнынѣ я отказываюсь отъ всякой другой». Полевой, II, 22.

[2]) Вестманландъ, Вахмейстеръ, Готландъ, Эзель, Норкепингъ, Вреде, Кальмаръ, Висмаръ и Стенбакенъ.

[3]) Фрамъ и Нептунъ.

[4]) Козакевичъ, 14.

[5]) Журналъ П. В., ч. 1, стр. 17; Аллартъ, стр. 15.

[6]) Леверъ, I, 12.

но, получивъ свѣдѣніе о движеніи шведовъ, отступилъ къ деревнѣ Пурцъ (въ 36 верстахъ отъ Везенберга). Въ деревнѣ Пурцъ онъ оставилъ 200 человѣкъ, а остальныхъ размѣстилъ по деревнямъ Гакгофъ, Верила (или Воріель), Кохуль (или Кохтель) и Пованда.

Между тѣмъ шведскій генералъ Веллингъ, занявши Везенбергъ, выслалъ къ Пурцу авангардъ, который напалъ на русскій отрядъ и прогналъ его. Затѣмъ 600 человѣкъ шведовъ, подъ командою маіоровъ Паткуля и Тизенгаузена, направились къ деревнямъ Верила и Гакгофъ. Русскіе солдаты были застигнуты врасплохъ въ избахъ, такъ что не успѣли собраться, чтобы оказать должное сопротивленіе.

Селеніе Верила было зажжено шведами, солдаты изрублены, и только немногіе успѣли вскочить на коней и принести Шереметеву, стоявшему въ деревнѣ Пованда, вѣсть о случившемся. Шереметевъ тотчасъ-же откомандировалъ навстрѣчу шведамъ 21 эскадронъ. Шведы были окружены близъ Пурца (у деревни Варгала). Часть ихъ успѣла спастись бѣгствомъ, остальные остались на мѣстахъ или были взяты въ плѣнъ, въ числѣ ихъ маіоръ Паткуль и капитанъ Адеркасъ [1]).

Около того-же времени отрядъ Шлиппенбаха у деревни Раппиль одержалъ побѣду надъ стоявшимъ здѣсь русскимъ войскомъ (въ количествѣ 1.500 чел.), при чемъ русскіе потеряли 800 человѣкъ убитыми и 150 плѣнными. Кромѣ того шведы захватили на озерѣ 12 судовъ, пришедшихъ изъ Нарвы, и, какъ особый трофей, — знамя псковской губерніи, на которомъ были изображены цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, и помѣщена надпись: «Сіе знамя ко охраненію царей учинено въ 7201 (т. е. 1693) году, марта 1 дня» [2]) Это знамя затѣмъ изображалось во множествѣ современныхъ шведскихъ листковъ и брошюръ, какъ важный военный трофей.

Находя позицію у Пурца неудобною въ стратегическомъ

[1]) Въ этой «акціи», какъ выражается журналъ Петра Великаго, русскихъ убито 46 человѣкъ и ранено 72. Кромѣ Паткуля и Адеркаса, взято въ плѣнъ 26 шведовъ. (стр. 17).

[2]) Нарвская операція 1700 года, статья А. Петрова (однофамильца автора этой исторіи) въ военномъ сборникѣ за 1892 г. Іюльская книжка (№ 7), стр. 13—15.

отношеніи, Шереметевъ отступилъ на 33 версты къ деревнѣ Пюхаіогги. Въ письмѣ на имя царя Шереметевъ объяснялъ отступленіе тѣмъ, что у Пурца «болота и топи несказанныя и лѣса превеликіе», такъ что одинъ человѣкъ, подкравшись изъ лѣсу, могъ бы зажечь всю деревню «и учинилъ бы великія бѣды». Главнымъ же образомъ Шереметевъ боялся, какъ бы шведы не обошли его съ тылу и не отрѣзали отъ остальной русской арміи: опасеніе весьма основательное, такъ какъ Карлъ XII, дѣйствительно, при помощи мѣстныхъ жителей эстовъ, которымъ окрестные лѣса и топи были знакомы въ совершенствѣ, развѣдывалъ объ окольныхъ путяхъ къ русскому лагерю и, какъ говоритъ преданіе, руководимый проводникомъ-эстомъ, явился подъ Нарву по лѣснымъ тропинкамъ и гатямъ быстрѣе, чѣмъ его ожидали.

Отъ взятаго въ плѣнъ маіора Паткуля узнали, что онъ былъ откомандированъ генераломъ Веллингомъ для развѣдокъ о числѣ русскихъ войскъ и ихъ расположеніи и для того, чтобы взять кого-нибудь въ плѣнъ въ качествѣ «языка» [1]).

Относительно кавалеріи генерала Веллинга Паткуль, самъ попавшій къ русскимъ въ качествѣ «языка», сообщилъ, что численность ея простирается до 5000 человѣкъ, и что Веллингъ остановился въ Везенбергѣ въ ожиданіи короля, ибо тогда шведское войско «все въ маршѣ обрѣталось».

Общую численность шведовъ, шедшихъ къ Нарвѣ, Паткуль скрылъ, очевидно, умышленно. «Все войско въ маршѣ обрѣталось»—фраза неопредѣленная. Не хотѣлъ ли Паткуль запугать этими свѣдѣніями Шереметева? Дѣйствительно: 5000 человѣкъ (и притомъ одной конницы)—въ Везенбергѣ, всѣ остальные съ королемъ идутъ; можно было подумать, что армія Карла очень многочисленна, если одинъ передовой отрядъ простирался до 5000.

Укрѣпившись въ деревнѣ Пюхаіогги, Шереметевъ послалъ небольшіе отряды къ деревнямъ Пованда, Сомнекюль [2]) и Кохтель. Шведскій генералъ-маіоръ Майдель съ 400 человѣкъ кавалеріи неожиданно атаковалъ русскихъ фуражировъ. Они

[1]) Журналъ П. В., стр. 17.

[2]) Г. Петровъ (упоминаемый выше) смѣшиваетъ Сомнекюль съ Силламяги.

бросились бѣжать. Шведы между тѣмъ обходнымъ путемъ подошли къ деревнѣ Сомнекюль. Появленіе ихъ въ Пюхаіогги было настолько неожиданно, что весь отрядъ Шереметева, не успѣвши приготовиться къ оборонѣ, бросился бѣжать, оставивъ во власти непріятеля всѣ военные припасы и не успѣвши даже взорвать мосты.

Наши военные историки обвиняютъ Шереметева въ допущенной имъ въ Пюхаіогги стратегической ошибкѣ. Г. Петровъ (у котораго мы заимствовали отчасти описаніе операцій у Пурца и Пюхаіогги) говоритъ: «Еслибы Шереметевъ принялъ мѣры къ загражденію четырехверстной плотины между Пехатомъ и Повандой, на большой дорогѣ, а также дефиле у Кохтеля и двѣнадцативерстной узкой дороги, идущей по болоту между Іевве и Пюхаіогги, обстрѣливая ихъ продольно и во флангъ артиллеріею, то шведы могли бы подойти къ Пюхаіогги только по дорогѣ, идущей по берегу Финскаго залива. Но выходъ съ этой стороны могъ быть удобно защищенъ главными силами отряда. Правый флангъ его прикрывался бы моремъ, а фронтъ—теченіемъ рѣки Пюхаіогги и мѣстечкомъ того же имени, командующимъ всею окрестной мѣстностью». По словамъ г-на Петрова, позиція у Пюхаіогги, во время укрѣпленная, могла бы дать сильную оборону и задержать всю армію Карла отъ Нарвы, въ особенности, еслибы съ Шереметевымъ, кромѣ конницы, была выслана туда еще и пѣхота съ артиллеріей [1]).

Впрочемъ, у Устрялова и въ «обзорѣ войнъ Россіи», изданномъ подъ редакціею генералъ-лейтенанта Леера (бывшаго начальника академіи генеральнаго штаба) положительно указывается, что съ Шереметевымъ было нѣсколько орудій.

Откуда взято это свѣдѣніе, намъ изслѣдовать не удалось; ни въ журналѣ Петра Великаго, ни въ запискахъ Алларта не имѣется указаній по этому предмету [2]).

---

[1]) Военный сборникъ 1892 г., № 7, стр. 18.

[2]) Журналъ Петра Вел. (стр. 17): «Въ 26 день (октября) отправленъ изъ лагеря съ перегулярною конницею главнымъ командиромъ боярин Борисъ Шереметевъ по дорогѣ къ Ревелю, и велѣно ему прилежно смотрѣть и развѣдывать о непріятельскихъ подвигахъ, и стараться ради лучшаго извѣстія языка достать и потомъ имѣлъ онъ съ непріятельскою партіею, которая состояла въ 600 человѣкахъ, въ 9 миляхъ отъ Нарвы, акцію, и оныхъ разбилъ и взялъ въ

Составитель описанія нарвской операціи 1700 года въ упомянутомъ «обзорѣ» указываетъ, съ своей стороны, что позиція, занятая Шереметевымъ, была очень удобна, такъ какъ черезъ нее вела единственная дорога къ Нарвѣ. Параллельно фронту войскъ Шереметева протекалъ ручей, на которомъ было поставлено два моста. Очевидно, слѣдовало снять эти мосты и стрѣльбою мѣшать наступательному движенію шведовъ. Шесть тысячъ человѣкъ, бывшія подъ командою Шереметева, при удобствѣ занятой позиціи, могли бы задержать шведовъ тѣмъ болѣе, что дорога къ Пюхаіогги была проложена по болоту и препятствовала шведскимъ войскамъ идти широкою линіей. Шереметевъ, однако, непредусмотрительно переправилъ черезъ ручей 800 человѣкъ конницы. Отрядъ этотъ, при первомъ же столкновеніи съ шведскимъ авангардомъ, бѣжалъ и навелъ панику на всѣ войска Шереметева, такъ что послѣдній, даже не уничтоживъ мостовъ, отступилъ къ Нарвѣ [1]).

Не-стратегу затруднительно судить, насколько правы военные писатели въ оцѣнкѣ дѣйствій Шереметева, имѣвшихъ мѣсто къ тому же двѣсти лѣтъ тому назадъ. Мы позволимъ только себѣ сдѣлать небольшія замѣчанія противъ нѣкоторыхъ положеній г. Петрова и составителя описанія нарвской операціи въ «обзорѣ войнъ».

Оба автора упрекаютъ Шереметева, что онъ не укрѣпился, какъ было должно, въ занятой позиціи и не задержалъ шведовъ при ихъ походѣ на Нарву. Между тѣмъ оба историка упускаютъ изъ вида то важное обстоятельство, что, по журналу Петра Великаго, редактированному самимъ монархомъ, который ко-

полонъ маіора шведскаго Паткуля и капитана-порутчика Адеркаса, да съ 26 человѣкъ рядовыхъ, которыхъ тогда же прислалъ въ лагерь. А на той акціи нашихъ убито 46, да ранено 72 человѣка».

Записки Алларта (сѣв. архивъ, 1822 г., стр. 15). «5 ноября (по новому стилю) г. генералъ Шереметевъ съ 5000 человѣкъ нерегулярной кавалеріи откомандированъ съ багажемъ и скотомъ, съ такимъ указомъ, чтобы у Везенберга стоялъ, который 16 миль отъ Нарвы, и оттуда прилежно свои партіи къ Ревелю, Дерпту и къ Пернову высылалъ; всѣ дороги и проѣзды прилежно объѣзжать велѣлъ».

[1]) Леверъ, стр. 12. Вольтеръ въ исторіи Карла XII впадаетъ въ очевидную гиперболу, утверждая, что сто человѣкъ, занимая позицію Шереметева, расположенную между скалами (sic!), могли бы остановить цѣлую армію. Назв. сочиненіе, перев. 1803 г. (Москва), стр. 137.

нечно, слѣдилъ за полною точностью изложенія, Шереметевъ со своимъ отрядомъ кавалеріи въ 5000 человѣкъ (а не въ 6 тысячъ, какъ неправильно указывается у г. Петрова и въ «обзорѣ войнъ») былъ высланъ къ Везенбергу единственно для развѣдокъ. Поэтому-то и не имѣется указаній, чтобы ему въ помощь была дана артиллерія: сраженія не предполагалось, не нужны были и пушки. Шереметеву была дана инструкція разсылать въ окрестныя мѣста именно отдѣльныя партіи [1]), съ цѣлью собирать свѣдѣнія о движеніи шведской арміи и, при посредствѣ плѣнныхъ, о состояніи шведскаго войска и намѣреніяхъ короля.

Эту задачу Шереметевъ выполнилъ съ точностью. Имъ былъ взятъ въ плѣнъ маіоръ Паткуль, отъ котораго и были получены хотя не полныя, но все-же важныя свѣдѣнія.

Виноватъ ли Шереметевъ въ томъ, что отступилъ отъ Пюхаіогги? По нашему мнѣнію, нѣтъ: безъ артиллеріи и пѣхоты, и къ тому-же еще терпя недостатокъ въ лошадяхъ, падавшихъ въ большомъ количествѣ вслѣдствіе безкормицы (на это Шереметевъ постоянно указывалъ въ своихъ письмахъ), онъ не могъ дать сраженія образцовому шведскому войску. Сраженіе повело бы лишь къ совершенно безполезной потерѣ людей, тогда какъ, соединившись съ общей русской арміей, Шереметевъ надѣялся усилить какъ себя, такъ и сію послѣднюю.

Допустимъ даже, что отрядъ Шереметева могъ бы удержать шведовъ отъ Нарвы въ теченіе нѣсколькихъ дней, но затѣмъ отступленіе передъ сильнѣйшимъ шведскимъ войскомъ, предводимымъ самимъ королемъ, всетаки было неизбѣжно, и сопротивленіе лишь на короткій срокъ оттянуло бы баталію подъ Нарвой, закончившуюся столь печально. Правда, на войнѣ оттяжка иногда имѣетъ значеніе, и очень большое. Но въ данномъ случаѣ она едвали была полезна, несмотря даже на то, что подъ Нарву ожидался отрядъ Репнина и казаки подъ предводительствомъ Мазепы [2]). Войска было достаточно, недостатокъ ощущался скорѣе не въ людяхъ, а въ припасахъ, доставить же послѣдніе въ скоромъ времени не представлялось воз-

[1]) Г. Петровъ ставитъ Шереметеву въ вину разбросанность его отряда.
[2]) Впослѣдствіи измѣнника.

можнымъ по размытымъ дорогамъ, въ глухую осень, при недостаткѣ подводъ [1]).

Шереметева обвиняютъ еще въ томъ, что при отступленіи онъ не взорвалъ мосты, проложенные черезъ рѣчку Пюхаіогги. Но онъ, застигнутый шведами почти врасплохъ, не успѣлъ этого сдѣлать. Кромѣ того, рѣчка или даже ручей могъ быть перейденъ и безъ мостовъ въ бродъ; если же не допустить и этого, то самое устройство небольшихъ мостовъ едвали могло представить шведамъ большія затрудненія.

Въ укоръ г. Петрову, при оцѣнкѣ сдѣланнаго имъ описанія позиціи Шереметева, можно поставить, какъ это и сдѣлалъ проф. Масловскій въ рецензіи на его статью [2]), то обстоятельство, что, говоря о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто почти 200 лѣтъ тому назадъ, онъ пользовался новѣйшими военно-топографическими планами: пріемъ неправильный, въ доказательство чего достаточно привести метаморфозу, происшедшую съ островомъ Кампергольмомъ.

Впрочемъ, и самъ Петръ не былъ доволенъ отступленіемъ Шереметева, что видно изъ отвѣтныхъ писемъ послѣдняго царю и изъ переписки его съ Головинымъ, хотя уже въ самомъ началѣ ноября Шереметевъ писалъ о неудобствахъ корма, о томъ, что шведы выжигаютъ окрестныя поселенія, [3]) болѣзняхъ въ войскѣ и т. п.

На гнѣвное письмо царя, не одобрившаго оставленіе позиціи, Шереметевъ написалъ отвѣтъ, въ которомъ указывалъ, что отступилъ не изъ боязни, а по неудобству позиціи и «для цѣлости и для промыслу надъ непріятели». «Богъ видитъ мое намѣреніе сердечное—писалъ Шереметевъ—сколько есть во мнѣ ума и силы, съ великою охотою хочу служить, а себя я не жалѣлъ и не жалѣю. Изволь, кому вѣришь, посвидѣтельствовать мое дѣло, и письмо твое, государево, съ животомъ

[1]) На этотъ недостатокъ генералы постоянно жаловались царю (Напр. письма Ѳ. Головина отъ 12, 13, 19 и 22 сентября).

[2]) Военный сборникъ 1892 года, № 10 (октябрь): «матеріалы сѣверной войны» (по поводу статьи: «нарвская операція 1700 г.»), стр. 227 (выноска).

[3]) Объ этомъ писалъ и Трубецкой царю еще 15 сентября: «Шведы тайно по ночамъ жгутъ окрестныя мызы, какъ мы ни бережемъ ихъ». Устряловъ, IV, 2, 155). Тутъ рѣчь идетъ, конечно, о ближайшихъ къ Нарвѣ мызахъ.

меня не разлучитъ ли? Во всю мою жизнь первое мое бѣдство». По этому же поводу Шереметевъ писалъ Головину: «Письмо меня капитанское (т. е. царя) мало къ смерти не гонило (т. е. я чуть не умеръ отъ этого письма). А мнѣ мнится, что я сдѣлалъ къ лучшей цѣлости и охраненію; а для чего сдѣлано, писалъ я къ его милости, капитану. Доношу тебѣ: ей, обезлошаденѣли и больныхъ является много; а иные, чаю, притворствуютъ» и т. д. Въ другомъ письмѣ къ Головину Шереметевъ сообщалъ: «Тутъ стоять никакими мѣрами нельзя для того: вода колодезная безмѣрно худа; люди отъ нея болѣютъ; поселенія никакова нѣтъ; все пожжено, дровъ нѣтъ, кормовъ конскихъ нѣтъ» [1]).

Необходимо замѣтить, что вся эта переписка относится къ отступленію Шереметева отъ Пурца, ибо письма къ царю и къ Головину писаны 3 и 10 ноября; дѣло же у Пюхаіогги было лишь 16 ноября къ вечеру [2]).

Отступленіе отъ Пурца, послѣ только что одержанной побѣды, дѣйствительно, могло разсердить царя, да и то лишь на первыхъ порахъ; журналъ же Петра Великаго, въ спокойномъ тонѣ повѣствуя о побѣдѣ Шереметева у Пурца, совершенно не касается его отступленія, надо думать, уже потому, что оно не имѣло серьезнаго значенія въ нарвской операціи.

Состояніе русскаго войска подъ Нарвою наканунѣ прихода шведовъ было весьма неудовлетворительное. Дисциплина среди солдатъ почти отсутствовала; немедленно по пріѣздѣ въ нарвскій лагерь, Петръ поставилъ князю Трубецкому на видъ отсутствіе порядка въ его отрядѣ. Большая часть войска состояла изъ новобранцевъ. По словамъ Вольтера [3]), правда допускающаго нѣкоторое преувеличеніе, такихъ полковъ, на которые можно было положиться, было немного; прочіе были «дикіе, исторгнутые изъ глубины лѣсовъ, покрытые звѣриными кожами: одни вооруженные стрѣлами, другіе дубинами; немно-

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. 2, прил. II, стр. 167—168.

[2]) Петровъ. Нарвская операція 1700 г. Воен. сб. 1892, VII (іюль), стр. 18.

[3]) Исторія Карла XII, короля шведскаго. Москва, 1803 г., ч. 1, стр. 133 и слѣд. То же самое свидѣтельствуетъ и Аллартъ: «къ тому же непотребная и ни къ чему годная кавалерія, которая не токмо стрѣлять, но и оружье негодное имѣла, а именно сабли, колчуги и луки». Сѣв. арх. 1822 г., № 2, стр. 132.

гіе имѣли ружья». «Никто—говоритъ далѣе Вольтеръ—не видалъ правильной осады, во всей арміи не было ни одного хорошаго канонера. Полтораста пушекъ, которыя должны были превратить въ прахъ малый городъ Нарву, едва сдѣлали проломъ, между тѣмъ какъ отъ крѣпостной артиллеріи каждую минуту падали цѣлые ряды въ траншеяхъ».

Къ указаніямъ Вольтера вообще необходимо относиться съ нѣкоторою осторожностью, но всетаки нельзя не признать, что русская армія стояла ниже тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ регулярному войску.

Это признавали и русскіе источники. Баронъ Шафировъ, въ разсужденіи своемъ о причинахъ объявленія войны Швеціи, указываетъ, что войска подъ Нарвой состояли изъ новобранцевъ, и что вся кавалерія «весьма нерегулярная была», что большая часть лошадей пала отъ безкормицы, что, наконецъ, пѣхота, кромѣ трехъ полковъ, никогда еще не видѣла непріятеля [1]). Въ журналѣ Петра Великаго также указывается на крайне неудовлетворительное состояніе русскаго войска подъ Нарвой въ 1700 году. Притомъ еще главная команда была поручена иностранцамъ, къ которымъ относились недоброжелательно. Неудовлетворительна была и матеріальная часть: не хватало провіанта, медицинская помощь почти отсутствовала, снаряды и орудія доставлялись медленно по недостатку подводъ, о качествѣ орудій мы уже говорили.

6 ноября собрался военный совѣтъ. Нѣкоторые генералы предлагали дѣлать брешь. Однако, прежде чѣмъ приступить къ этому, было рѣшено привести въ извѣстность, сколько имѣется въ наличности бомбъ и ядеръ.

Отъ генералъ-фельдцейхмейстера, принца Имеретійскаго, узнали, что въ готовности было всего 3,000 пушечныхъ ядеръ, 1200 пуд. пороху и 1100 бомбъ. По расчету, всѣхъ этихъ припасовъ хватило бы лишь на 20 часовъ, и такъ какъ за такимъ недостаткомъ, по выраженію Алларта, было бы больше поношенія, нежели чести, то и рѣшено было ожидать подвоза

---

[1]) Разсужденіе, какіе законные причины и т. д., стр. 177.

ядеръ и пороху и на всякій случай лишь содержать въ готовности батареи [1]).

Герцогъ де-Круа не безъ ироніи писалъ по этому поводу польскому королю: «Аппроши всѣ готовы, всѣ батареи завтра могутъ открыть огонь; недостаетъ только бездѣлицы—ядеръ, бомбъ и тому подобнаго» [2]).

Стрѣльцы пытались было сдѣлать брешь въ Ивангородѣ. Они залегли въ палисадахъ, но были вытѣснены шведами, выступившими изъ крѣпости. При этомъ съ русской стороны было убито 48 человѣкъ и ранено 63. По словамъ Алларта, русскіе могли бы овладѣть Ивангородомъ, если бы штурмовыя лѣстницы, взятыя ими, были длиннѣе.

Въ вылазкѣ изъ Ивангорода участвовало всего 100 шведовъ. Поэтому, въ виду столь значительныхъ потерь въ отрядѣ стрѣльцовъ въ стычкѣ съ небольшой партіей шведовъ, надъ полковниками Сухаревымъ и Ельчаниновымъ былъ назначенъ военный судъ. «Его царское величество указалъ — говорится въ запискахъ Алларта—за честной арестъ отдать до изслѣдованія той причины, якобы они не по должности своей поступали». Разслѣдованіе было поручено генералъ-фельдмаршалу графу Головину. Оба полковника по суду были освобождены отъ наказанія, но изъ солдатъ велѣно было десятаго повѣсить [3]).

Осадныя работы у Ивангорода продолжались, но на успѣхъ можно было расчитывать лишь въ отдаленномъ будущемъ [4]).

---

[1]) Журналъ П. В. стр. 18. Записки Алларта въ с. арх. 1822 г., № 1, стр. 19 и 20.

[2]) При этомъ де-Круа сообщалъ, что король ожидается съ войскомъ отъ 30 до 32 тысячъ. Устряловъ, IV, 1, 28.

[3]) Сѣв. архивъ 1822 г., № 1, стр. 21. Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 28. Впрочемъ, распоряженіе о повѣшеніи солдатъ нуждается въ провѣркѣ. Извѣстіе о такомъ наказаніи имѣется лишь въ рукописи Алларта, въ переводѣ же помѣщенномъ въ сѣв. архивѣ, оно опущено.

[4]) Аллартъ: «Ноября 19 (по нов. стилю)... генералъ Аллартъ еще одну линію съ лѣвой стороны отъ батарей провелъ на гору 120 шаговъ длиною, гдѣ никакой коммуникаціи почитай не было; также приказалъ онъ еще одну провесть линію для посылки на помощь къ своимъ людямъ, на 200 шаговъ подъ горою; тутъ же опредѣлилъ онъ два редута, при которой работѣ 2 человѣка убито и 1 раненъ. На тѣхъ редутахъ была сдѣлана одна батарея подъ 6 пушекъ, съ которой бы впредь можно имѣть коммуникацію изъ Нарвы въ Ивангородъ. А для запаленія и разоренія того моста сдѣланъ былъ фейерверкъ.

Между тѣмъ русскій лагерь былъ встревоженъ неожиданной измѣной второго капитана бомбардирской роты преображенскаго полка Яна Гуммерта. Этотъ Гуммертъ, или Гумортъ, былъ «въ особливой милости у государя, понеже его величество и самъ у той роты былъ первымъ капитаномъ» [1]).

Сначала не допускали измѣны, думали, что Гуммертъ утонулъ или захваченъ непріятелемъ. Поэтому къ нарвскому коменданту Горну было отправлено съ барабанщикомъ письмо, въ которомъ излагалась просьба, чтобы въ томъ случаѣ, если Гуммертъ взятъ въ плѣнъ, съ нимъ поступили снисходительно «по христіанскому военному обычаю», какъ обращались и русскіе съ плѣнными шведами, въ доказательство чего были приложены добровольныя свидѣтельства этихъ плѣнныхъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы распоряженія къ розыску Гуммерта, что видно изъ письма Шереметева, стоявшаго тогда еще у Пюхаіогги, къ Головину: «По письму твоему о Гуморѣ заказъ учиненъ крѣпкій. Чаю, что ушелъ въ Сыренскъ, или въ городъ (Нарву). А здѣсь уйти нельзя. Если ушелъ къ королю, великую пакость учинилъ; а если въ городъ, опасаться нечего» [3]).

«Ноября 20 паки начали такое пріуготовленіе строить къ атакованію Ивань-города съ правой стороны противъ полубастіона, что безъ штурма въ контръ-эскарпъ войти было можно; при томъ никого не убито, ни ранено. Также рвомъ подъ Ивань-городомъ, или паче натуральною низкостью, на 80 шаговъ подалися.

«Ноября 21 еще дѣлали одну линію близъ палисадовъ на сторонѣ Ивань-города; а понеже та ночь весьма была свѣтлая, то много при томъ нашихъ людей убито, и хотя инженеръ Пурнети оную работу началъ, однако же безъ указа съ нѣкоторыми людьми туда пошелъ и въ голову былъ пострѣленъ, да одинъ работникъ; въ ту ночь почитай ничего не сдѣлали. Оный инженеръ былъ человѣкъ добрый, урожденный изъ Люксенбургіи, и для того онъ былъ отставленъ».

[1]) Журналъ П. В., стр. 17. Гуммертъ былъ родомъ лифляндецъ. По словамъ Алларта, Гуммертъ «все состояніе россійскаго войска непріятелю объявилъ». Гюйсенъ говоритъ, что Гуммертъ, будучи лифляндцемъ по рожденію, ушелъ въ Нарву съ тоски по родинѣ. Онъ предложилъ будто бы Горну съ отрядомъ въ 600 человѣкъ захватить въ плѣнъ самого царя, но Горнъ ему не повѣрилъ и учредилъ за нимъ въ Нарвѣ надзоръ, благодаря чему было перехвачено его письмо къ женѣ въ Москву, въ которомъ онъ хвалилъ русскихъ и порицалъ шведовъ. За это Гуммерта судили и повѣсили въ Нарвѣ, какъ русскаго шпіона.

[2]) Аллартъ, стр. 22 и слѣд.

[3]) Устряловъ, IV, 1, 29.

Когда были получены прямыя доказательства измѣны Гуммерта, генералы собрались на военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, что пребываніе царя на островѣ небезопасно, такъ какъ Гуммертъ ушелъ именно съ Кампергольма, и слѣдовательно зналъ расположеніе царской квартиры, и что лучше Петру выѣхать ближе къ арміи. Тогда же рѣшено было усилить развѣдочную и сторожевую службы, а всѣ шведскіе офицеры, находившіеся въ русскомъ лагерѣ, были высланы въ Москву до окончанія войны. При этомъ, однако, царь приказалъ не чинить имъ обиды и оставить ихъ въ тѣхъ рангахъ, какіе они имѣли при полкахъ.

Впослѣдствіи Петръ приказалъ повѣсить на висѣлицѣ въ Москвѣ передъ домомъ Гуммерта изображеніе измѣнника, съ надписями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Можно думать, что Гуммертъ велъ двойную игру. Сохранилось нѣсколько его писемъ къ царю (1701—1702 г.), въ которыхъ онъ намекалъ на желаніе содѣйствовать успѣху русскаго оружія въ бытность свою въ Нарвѣ. Вѣрить искренности его, конечно, нельзя. Измѣнникъ и шпіонъ по призванію, тайно, какъ воръ, ушедшій изъ русскаго лагеря, онъ прежде всего заботился о своихъ интересахъ: въ Нарвѣ ему не повезло, его даже не обезпечили матеріально, что видно изъ его просьбъ о высылкѣ денегъ, — вотъ онъ и рѣшился снова попытать счастья у великодушнаго русскаго царя.

Письма Гуммерта интересны по столько, по скольку онъ, какъ очевидецъ, и притомъ со свойственною шпіонамъ наблюдательностью, описываетъ различные недостатки русской арміи и ея военачальниковъ.

Гуммертъ прежде всего указывалъ на отсутствіе дисциплины въ русскихъ войскахъ и на недостатокъ ихъ обученія. «Сила вашего величества — заявлялъ онъ — неописанна и тако велика, что съ тремя или четырьмя непріятелями вмѣстѣ можно вести войну съ пользою; люди сами по себѣ такъ хороши, что во всемъ свѣтѣ нельзя найти лучше; но нѣтъ главнаго—прямого порядка и ученія. Никто не хочетъ дѣлать должнаго, думаютъ только наполнить свое чрево и мѣшокъ, а тамъ хоть все пропади! Взять Нарву было бы завтракомъ. Боже мой! какъ я подумаю, въ какомъ состояніи была она въ то время, когда

мы подъ нее подошли, сердце обливается кровью, и я плачу горькими слезами. Казалось, у насъ все вывѣдали, а вывѣдыватели сами ничего не знали: со стороны, гдѣ стоялъ Адамъ Вейде [1]), сказываютъ, и валу почти не было: на лошадяхъ можно бы въѣхать; ни пушекъ, ни батарей вблизи не было; оттого шведы сперва не могли стрѣлять. Нынѣ все это укрѣплено въ то время, какъ мы мучились безполезно тяжкою работою» [2]).

Проломъ въ Ивангородѣ, по словамъ Гуммерта, былъ задуманъ въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ за старою стѣною были новыя двойныя крѣпкія стѣны, вооруженныя орудіями. Гуммертъ упрекалъ русскихъ генераловъ въ недостаткѣ рѣшимости и указывалъ, что они ходили, какъ кошка около горячей каши, и никто не хотѣлъ пальцевъ ожечь: надобно было прежде построить шанцы для храненія своихъ винныхъ флягъ и хлѣбныхъ мѣшковъ. «Люди наши—продолжаетъ Гуммертъ—сначала рвались на приступъ; но что пользы, когда псы очень бодры, а ловцы неискусны. Плохая ловля»!

Горнъ, конечно, видѣлъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находились русскія войска. Это придавало ему бодрости. Къ тому же онъ получилъ извѣстіе о приближеніи къ Нарвѣ короля со свѣжимъ войскомъ [3]). Поэтому-то, когда русскіе послѣ безуспѣшной бомбардировки потребовали отъ нарвскаго гарнизона сдачи, Горнъ, съ насмѣшкой отвѣчалъ посланнымъ для переговоровъ, указывая на выстрѣлившую пушку: «Вотъ изъ этой чернильницы я посылаю вашему царю отвѣтъ» [4]).

Карлъ XII не замедлилъ появиться близъ деревни Пю-

---

[1]) Т. е. со стороны водопада.

[2]) Устряловъ, IV, 1, 30—31.

[3]) Не безъ вліянія Гуммерта была произведена вылазка шведовъ изъ Ивангорода на слабѣйшіе наши редуты «24 (13) ноября—пишетъ объ этомъ Аллартъ—была вылазка съ шведской стороны отъ Ивангорода изъ 150 человѣкъ противъ нашихъ, внизу лежащихъ людей, которые не токмо изъ прикрытыхъ мѣстъ выходили, но изъ той линіи, что была сдѣлана во рву и разорили одну линію на 120 шаговъ, что учинивши, паки возвратилися въ Ивангородъ; причемъ съ нашей стороны убито 41 человѣкъ и 64 ранено; да полковника Ельчанинова въ полонъ взяли и одного подполковника. Съ шведской стороны весьма малое число урона было» (стр. 24—25).

[4]) Полевой. Исторіи Петра Великаго, т. II, стр. 27.

хаіогги. Черезъ мосты, оставленные Шереметевымъ, онъ перешелъ ручей.

Шведы надвигались, наступала рѣшительная минута...

И въ это тревожное время Петръ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Головинымъ и сержантомъ Меньшиковымъ 18 ноября раннимъ утромъ уѣхалъ изъ подъ Нарвы въ Новгородъ.

Въ журналѣ Петра Великаго о причинахъ отъѣзда царя изъ подъ Нарвы говорится коротко, но ясно: «Противъ 18 числа (ноября) государь пошелъ отъ арміи въ Новгородъ для того, чтобы идущіе достальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву, а особливо, чтобъ имѣть свиданіе съ королемъ польскимъ и для совѣта» [1]).

Въ запискахъ Алларта указывается, что кромѣ свиданія съ королемъ польскимъ, царь уѣхалъ и ради другихъ «нужнѣйшихъ дѣлъ», между прочимъ, для принятія въ Москвѣ турецкаго посла. Таковы показанія современныхъ источниковъ. Голиковъ совершенно правильно поступаетъ, держась почвы петровскаго журнала, источника наиболѣе достовѣрнаго. Онъ именно говоритъ, что Петръ ушелъ изъ подъ Нарвы, «чтобы скорѣйше необходимые военные снаряды, также провіантъ, въ коемъ уже и недостатокъ чувствовать начали, и достальные полки доставить къ Нарвѣ... и имѣя притомъ желаніе свидѣться съ королемъ польскимъ ради совѣта о общихъ интересахъ» [2]).

Позднѣйшіе историки даютъ бо́льшій просторъ собственнымъ предположеніямъ и догадкамъ.

Въ исторіи Петра Великаго Устрялова и въ обзорѣ войнъ Россіи Леера сказано, что Петръ уѣхалъ изъ подъ Нарвы «по настоянію главнѣйшихъ начальниковъ» [3]). Мы не

[1]) Журналъ П. В., стр. 19.

[2]) Голиковъ, II, 35.

[3]) Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи, стр. 13. Устряловъ считаетъ вѣроятнымъ свидѣтельство Плейера, что царь уѣхалъ по настоятельному и разумному убѣжденію близкихъ особъ отъ могущей встрѣтиться опасности. «Много было случаевъ—говоритъ онъ—когда Петръ въ трудныя минуты подъ Азовомъ, на берегахъ Невы, подъ Полтавою, при Гангудѣ оказывалъ рѣдкую неустрашимость; но подъ Нарвою недостатокъ военныхъ снарядовъ, въ особенности слухъ о многочисленности Карловой арміи едва ли не оправдываютъ извѣстія Плейера» (IV, 1, 34). Намъ представляется страннымъ, какъ такой солидный изслѣдователь исторіи Петра, какъ Устряловъ, могъ допустить предположеніе, ни-

нашли этому мнѣнію фактическаго подтвержденія и считаемъ непонятнымъ, какъ могли военачальники настоять (если это было въ дѣйствительности) на отъѣздѣ царя, который личнымъ присутствіемъ всегда поддерживалъ дисциплину и духъ доблести въ войскахъ.

Вѣроятно, названные авторы придали слишкомъ широкое толкованіе заявленію журнала Петра Великаго о томъ, что генералы совѣтовали царю, послѣ побѣга Гуммерта, покинуть островъ Кампергольмъ, такъ какъ измѣнникъ могъ открыть шведамъ мѣстопребываніе Петра. Правда, Плейеръ доносилъ цесарю, что Петръ удалился отъ могущей встрѣтиться опасности «по настоятельному и разумному убѣжденію близкихъ особъ»; но едвали можно вполнѣ довѣряться Плейеру, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ даже на театрѣ военныхъ дѣйствій; во всякомъ случаѣ, надежнѣе вѣрить журналу Петра Великаго, написанному совершенно откровенно, безъ прикрашиванія истины.

Бергманъ въ своей исторіи Петра, горячо возставая противъ приписываемаго царю нѣкоторыми иностранными авторами недостатка мужества, говоритъ, что Петръ уѣхалъ, такъ какъ считалъ нужнымъ увеличить подъ Нарвою число войска и артиллеріи, такъ какъ въ арміи своей былъ лишь капитаномъ (очень шаткій доводъ!), и въ слабѣйшемъ силами непріятелѣ не предполагалъ дерзкой рѣшимости напасть на укрѣпленный станъ. «Это послѣднее обстоятельство—прибавляетъ весьма неосновательно Бергманъ—было, можетъ статься, главнѣйшею причиною его отъѣзда» [1]). Въ этомъ же родѣ строитъ свои предположенія Полевой [2]).

Брикнеръ предполагаетъ, что, убѣдившись въ недостаточ-

чѣмъ не доказанное и явно оскорбительное для памяти великаго царя, котораго будто бы особенно могла напугать многочисленность Карловой арміи. Впрочемъ, упоминаніемъ Азова, Гангуда и Полтавы Устряловъ самъ себя и разбиваетъ.

[1]) Бергманъ. Исторія Петра В., т. II, стр. 12.

[2]) Полевой. Исторія П. В., 2, стр. 28: «Петръ... не робѣлъ прибытія короля шведскаго, но спѣшилъ подкрѣпить снарядами и припасами русское войско, хотѣлъ проѣхать къ Ригѣ, повидаться съ Августомъ, придвинуть 1.500 свѣжаго запаснаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Репнина и условиться въ единствѣ дѣйствій съ польскимъ королемъ».

ности своихъ средствъ подъ Нарвой, Петръ, быть можетъ, надѣялся быть болѣе полезнымъ участіемъ въ военно-административныхъ дѣлахъ у Пскова и Новгорода. «Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія—прибавляетъ Брикнеръ—что Петръ, оставляя войско, былъ въ нѣкоторомъ волненіи» [1]). Соловьевъ строитъ также голословное предположеніе: «Петръ могъ уѣхать изъ лагеря при вѣсти о приближеніи Карла, убѣдившись, что оставаться опасно и безполезно». Такъ говорятъ русскіе историки.

Въ итальянской исторіи Петра Великаго, составленной Катифоро, причиною отъѣзда Петра Великаго изъ арміи подъ Нарвой выставляется дошедшій до царя слухъ, будто 50 тысячъ шведскаго войска направляется къ г. Архангельску. «Чего ради—говорится въ русскомъ переводѣ (Писарева) этой исторіи—великій Петръ принялъ намѣреніе покинуть армію и ѣхать туда безъ замедленія самолично, чтобъ запасти все потребное къ защищенію городовъ, въ тѣхъ краяхъ находящихся, разсуждая премудро, что не надобно государю упражняться во внѣшней войнѣ, пока прежде не приведетъ въ должное состояніе своей области, какъ и Демосѳенъ о семъ упомянулъ» [2]). Надо замѣтить, что и Голиковъ какъ одну изъ причинъ отъѣзда царя выставлялъ полученный въ русскомъ лагерѣ слухъ о движеніи шведовъ на Архангельскъ, который Петръ имѣлъ намѣреніе приготовить къ оборонѣ. Вольтеръ въ исторіи Петра Великаго отъѣздъ царя объясняетъ полною увѣренностью его, что городъ будетъ взятъ и безъ него [3]). По словамъ Шлоссера, «Петръ предчувствовалъ судьбу своего войска и удалился отъ него».

Трудно разобраться въ отдѣльныхъ взглядахъ на причины отъѣзда Петра наканунѣ нарвскаго сраженія. Конечно, историки могутъ строить различныя предположенія, опираясь на весьма скудный фактическій матеріалъ по этому вопросу. Но ошибочно, по нашему мнѣнію, стараніе нѣкоторыхъ изслѣдо-

---

1) Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, томъ II, стр. 406.

2) Житіе Петра Великаго (Катифоро). М. 1788. (Первоначально эта книга была издана на итальянскомъ языкѣ, затѣмъ въ 1737 г.—на греческомъ, съ котораго и переведена Писаревымъ въ 1743 г.), стр. 172—173.

3) Вольтеръ. Исторія царствованія императора Петра Великаго, Москва 1810, ч. 1, кн. 2, стр. 93.

вателей проникнуть въ душу Петра, въ его мысли и чувства наканунѣ отъѣзда. Что Петръ былъ чуждъ страха, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: великій царь не одинъ разъ доказалъ свою неустрашимость и дома, во время внутреннихъ смутъ, и на войнѣ. Мы могли бы, съ своей стороны, привести то соображеніе, что подъ Нарвой русскіе впервые встрѣчались со шведами; царь зналъ, что будутъ новыя встрѣчи, къ которымъ нужно было подготовиться возможно скорѣе: собрать войско, уговориться съ союзниками и т. д. Поэтому то онъ и уѣхалъ... Далѣе этого соображенія, вполнѣ подтверждаемаго фактами, приводимыми журналомъ Петра и записками Алларта, мы не считаемъ себя вправѣ идти и вообще присоединяемся къ взгляду проф. Масловскаго, что историческія предположенія не разъясняютъ дѣла, а свидѣтельствуютъ лишь объ отсутствіи фактическихъ данныхъ [1]).

Наканунѣ своего отъѣзда, 17-го ноября, царь приказалъ всѣмъ генераламъ собраться у Головина и здѣсь, объявивъ о намѣреніи ѣхать изъ лагеря «для нужнѣйшихъ дѣлъ», поручилъ герцогу де-Круа главную команду надъ русскимъ войскомъ подъ Нарвой. Герцогъ долго отказывался, ссылаясь на то, что онъ еще былъ чужой въ войскѣ, что къ нему не привыкли, что у него не было даже порядочной верховой лошади; но царь настоялъ на своемъ. На слѣдующій день, за четыре часа до солнечнаго восхода, онъ посылалъ къ де-Круа семерыхъ посыльныхъ, одного за другимъ. Такъ какъ герцогъ не являлся, то монархъ поспѣшилъ къ нему самъ и повторилъ свое требованіе, подкрѣпивъ рѣшимость дюка стаканомъ вина [2]).

Наконецъ, де-Круа согласился, но попросилъ у царя дать ему инструкцію. Онъ хотѣлъ, очевидно, обезпечить себя отъ обвиненій на случай неудачи, хотѣлъ прикрыться инструкціей. Сія послѣдняя наскоро была составлена и вручена герцогу.

По словамъ г. Петрова, эта инструкція выдана не Петромъ. Между тѣмъ Устряловъ говоритъ, что черновая *руки Петра* (кромѣ пункта 5-го, писаннаго Головинымъ) хранится

[1]) Военный сб. 1892 г., № 10 (октябрь). Матеріалы сѣверной войны, стр. 223 и 226.

[2]) Бергманъ, II, 11.

въ московскомъ главномъ архивѣ [1]). Это-же подтверждаетъ и Бычковъ [2]). Г. Петровъ ничѣмъ не обосновалъ своего опроверженія, а потому мы остаемся въ убѣжденіи, что грамоту писалъ самъ царь.

Содержаніе этой грамоты нижеслѣдующее:

«In Gotsnam.

Понеже его царское величество, ради нужнѣйшихъ дѣлъ, отъѣзжаетъ для свиданія и разговоровъ съ королевскимъ величествомъ польскимъ, купно съ генераломъ-фельдмаршалкомъ, того ради вручаетъ все войско его княжеской пресвѣтлости, по нижеписаннымъ статьямъ:

1) Что его пресвѣтлѣйшество имѣетъ быть главнѣйшимъ начальникомъ.

2) Что всѣ генералы, офицеры, даже и до солдата, имѣютъ (въ небытіи его царскаго величества) быть подъ его командою во всемъ, яко самому его царскому величеству, подъ тѣмъ же артикуломъ.

3) Его величествію, дождався довольство потребъ артиллерійскихъ, добывать немедленно Нарву и Ивань-городъ всячески, понеже какъ царскаго величества ради себя, такъ равно и ради королевскаго величества, ибо, не получа сей крѣпости, невозможно будетъ царскому величеству сильно помогать королевскому величеству.

4) Такожде его пресвѣтлѣйшеству зѣло провѣдывать про свейскій секурсъ, и когда подлинно увѣдомится о бытіи его, тогда обождать (если оный нарочито силенъ) начатіемъ добываній и въ прибытіи онаго накрѣпко стеречь, чтобъ онаго въ городъ не пропустить и поискъ по возможности, за помощію Божіею, надъ нимъ искать. Если же, по вѣрнымъ вѣдомостямъ, возможно до бытія его сіе исполнить, начинать весьма во имя Божіе.

5) Запасы служилымъ людямъ имѣютъ даватися отъ генерала-провіантмейстера. И его пресвѣтлости, если какіе указы въ державу царскаго величества посылать будетъ надобно, для привозки оныхъ, о томъ повелѣвать генералу-провіантмейстеру. Если же ослушаніе какое пограничные воеводы покажутъ, то чинить надъ ними, яко надъ подданными своими, хотя удостоятъ себя и смерти, также надъ прочими начальники и бурмистры.

Но понеже всего на всякій случай окрислити (обмыслить) невозможно, того ради полагаетъ его царское величество на его (т. е. де-Круа) обыклое разсужденіе, вѣдая его искусна въ военныхъ случаяхъ.

Въ запискахъ Алларта приведена эта же инструкція, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Существенную особенность грамоты въ изложеніи Алларта составляетъ указаніе на то, что главная команда передается герцогу де-Круа «вмѣстѣ съ нашимъ тайнымъ совѣтни-

---

[1]) Устряловъ, IV, 1, 35.

[2]) Бычковъ. Письма и бумаги Петра Вел., т. I, стр. 843. У Бычкова помѣщенъ и нѣмецкій переводъ этой инструкціи, заимствованный у Нордберга («Leben Carl des Zwölften», ч. 1. 1745 г., стр. 221).

комъ генералъ-комиссаромъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ Долгорукимъ съ прочими генералами».

Кромѣ того у Алларта инструкція датирована («Дана въ лагерѣ подъ Нарвою въ 19 день ноября 1700 года»), чѣмъ до нѣкоторой степени разбивается утвержденіе, будто инструкція герцогу выдана безъ даты. У Алларта же подъ грамотою приведена и подпись. Въ журналѣ Петра В. также имѣется указаніе, что верховная команда была поручена царемъ герцогу де-Круа и князю Долгорукому.

О назначеніи де-Круа главнокомандующимъ Петръ счелъ нужнымъ поставить въ извѣстность Шереметева собственноручнымъ письмомъ: «Приказалъ я вѣдать—пишетъ царь—надъ войски и надъ вами арцуху фонъ-Крою. Изволь сіе вѣдать и по тому чинить, какъ написано въ статьяхъ у него за моею рукою и сему повѣрь» [1]).

Заслуживаетъ вниманія выраженіе Петра «сему повѣрь». Царь сознавалъ, что къ возвышаемымъ имъ иностранцамъ относились недоброжелательно не только солдаты, но и русскіе генералы, такъ что ихъ еще нужно было спеціально увѣрять въ томъ, что данное лицо поставлено на высокій постъ самимъ царемъ, и призывать къ повиновенію...

Относительно численности шведовъ, шедшихъ на выручку осажденной Нарвы, существуютъ разногласія. Адлерфельдъ и нѣкоторые иностранные изслѣдователи указываютъ, что шведовъ было всего 8 тысячъ (а именно 5000 инфантеріи и 3000 кавалеріи), при 37 орудіяхъ [2]), да въ Нарвѣ полторы тысячи; слѣдовательно, вся шведская армія состояла будто бы изъ $9^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

Вольтеръ въ исторіи Карла XII говоритъ, что король вышелъ у Пернова, имѣя съ собою около 16 тысячъ человѣкъ пѣхоты и немного болѣе четырехъ тысячъ конницы; но что изъ Пернова онъ устремился по ревельской дорогѣ со всею конницею и только четырьмя тысячами пѣхоты [3]). Слѣдовательно, по исчисленію Вольтера, къ Нарвѣ выступило также около 8 тысячъ шведовъ.

Въ исторіи Петра Великаго тотъ-же Вольтеръ говоритъ:

---

[1]) Устряловъ, IV, 1, 36; Бычковъ, I, 407.
[2]) Adlerfeld, т. I, p. 84, 85.
[3]) Вольтеръ. Исторія Карла XII, стр. 136.

«молодой король шведскій едвали имѣлъ съ собою девять тысячъ человѣкъ и не могъ выставить болѣе десяти орудій» [1]).

По словамъ Алларта, численность шведской арміи простиралась отъ 15 до 16 тысячъ человѣкъ. Въ журналѣ Петра Великаго говорится, что шведовъ подъ Нарву шло 18 тысячъ человѣкъ, но при этомъ прибавляется: «а иные сказывали меньше».

По указанію Соловьева, Карлъ XII велъ за собою около 8500 человѣкъ войска. Устряловъ говоритъ, что у шведскаго короля наканунѣ битвы было не болѣе 8430 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣхоты 5300 и конницы 3130 человѣкъ. По словамъ Бергмана, шведовъ было всего отъ 10 до 11 тысячъ (20 баталіоновъ по 300 и 40 эскадроновъ по 100—110 человѣкъ).

Военный историкъ Петровъ устанавливаетъ новыя данныя относительно численности шведскаго войска у Нарвы. По его словамъ, около Везенберга должны были сосредоточиться почти всѣ шведскія войска, отплывшія изъ Стокгольма, а именно 15 тысячъ, пришедшіе изъ Пернова, 5000, прибывшіе позже изъ Швеціи, и 8000 войскъ генерала Веллинга, т. е. всего 28000 человѣкъ, не считая 5000 человѣкъ милиціи, занимавшей гарнизонъ въ городахъ. Небольшая часть этого войска была выслана къ Дерпту, такъ что къ Нарвѣ съ Карломъ подошло около 25000 человѣкъ.

По вопросу о численности русскаго войска подъ Нарвою въ 1700 году также существуютъ разногласія. Иностранные писатели указываютъ, что русскихъ было до 80 тысячъ человѣкъ. По этому поводу существуетъ разсказъ, что на сомнѣніе нѣкоторыхъ шведскихъ генераловъ въ успѣшности сраженія Карлъ надменно замѣтилъ:

— «Неужели вы думаете, что 8000 храбрыхъ шведовъ не справятся съ 80000 московскихъ мужиковъ»? [2]).

---

[1]) Вольтеръ. Исторія Петра Вел., ч. I, кн. 8, стр. 95.

[2]) Ложный слухъ о численности русскаго войска, циркулировавшій въ шведскомъ лагерѣ, далъ поводъ Адлерфельду, написавшему очень дѣльную вообще исторію Карла XII-го, сдѣлать слѣдующее замѣчаніе по поводу побѣды Карла подъ Нарвой въ 1700 году:

«Tel fut le succès de cette grande journée qui sera toujours fameuse dans l'histoire et ou un jeune héros mit en déroute et défit entièrement une armée

Въ нѣкоторыхъ, не имѣющихъ, конечно, значенія историческаго документа, современныхъ шведскихъ листкахъ цыфра русскихъ подъ Нарвою возводилась даже до 150 тысячъ (такова, напримѣръ, подпись подъ картинкой: «Narva obsessa ac liberata» и т. п.) [1]).

Дѣйствительное число русскихъ солдатъ установлено журналомъ Петра Великаго. Здѣсь именно говорится, что послѣ пораженія подъ Нарвой явилось въ Новгородъ всего 22967 человѣкъ, да 6000 человѣкъ выбыло изъ строя и, кромѣ того, спаслась конница Шереметева, за исключеніемъ той части, которая во время бѣгства утонула въ Наровѣ. Такимъ образомъ русская армія до баталіи состояла изъ

22967 (возвратившіеся)
+6000 (уронъ)
5000 (конница Шереметева)

33967 человѣкъ [1]).

Къ этой цыфрѣ подходитъ и показаніе генерала Алларта, сдѣланное имъ уже въ плѣну шведскому королю. Несмотря на увѣренія шведовъ, что русская армія состояла изъ 60 и даже 70 тысячъ человѣкъ, Аллартъ дважды подтвердилъ, что русскаго войска подъ Нарвой было 29—30 тысячъ человѣкъ, а именно 75 баталіоновъ по 300—350 человѣкъ, да отъ 5—6 тысячъ нерегулярной конницы [3]).

de quatre vingt mille hommes retranchés», т. е. Таковъ былъ успѣхъ этого великаго дня, который будетъ всегда славенъ въ исторіи, когда молодой герой нанесъ пораженіе и разбилъ окончательно армію въ 80 тысячъ человѣкъ, окруженныхъ траншеями (Adlerfeld. Histoire milit. de Charles XII, I, page 96). Вольтеръ, заимствуя, несомнѣнно, у Адлерфельда, говоритъ въ своей исторіи Карла XII, что съ Петромъ пришло подъ Нарву 80 тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, въ исторіи Петра онъ уже мѣняетъ цифру. «Изъ записокъ, которыми я руководствуюсь—заявляетъ онъ—видно, что было тогда въ сраженіи 50, а изъ другихъ,—что 40 тысячъ человѣкъ (русскихъ)».

[1]) См. приводимый мною перечень иллюстрацій, касающихся Нарвы.

[2]) Журналъ П. В., стр. 27. По указанію Устрялова, всего собрано было въ нарвскій походъ 63520 человѣкъ, но полки генеральства Репнина, въ числѣ 10836 человѣкъ, и малороссійскіе казаки къ Нарвѣ не поспѣли; кромѣ того и въ генеральствахъ Головина и Вейде оказался неизбѣжный недочетъ; такъ что, по мнѣнію Устрялова, около Нарвы сосредоточилось не болѣе 40000 чел. войска.

[3]) Аллартъ, записки, стр. 138 и 139. Г. Петровъ въ статьѣ своей «Нарвская операція» (Воен. сб. 1892 г., № 7) говоритъ, что Нарва въ 1700 году была обложена 33-хъ тысячной русской арміей.

Гордонъ сходно съ этимъ говоритъ, что русская армія подъ Нарвой простиралась до 34 тысячъ человѣкъ. Камергеръ шведскаго короля графъ Карлъ Вреде, участникъ боя, въ письмѣ своемъ на имя отца изъ Нарвы, описывая побѣду шведскаго оружія, упоминаетъ, что русскихъ было не болѣе 40 тысячъ. Наконецъ, въ 1705 году чрезвычайный англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ Витвортъ доносилъ своему правительству: «Когда царская армія потерпѣла пораженіе подъ Нарвой въ 1700 году, въ ней было не болѣе 32 тысячъ человѣкъ, хотя шведы послѣ сраженія и увѣряли, что москвитянъ было болѣе 100 тысячъ» [1]).

Осадная артиллерія, прибывшая изъ Москвы, Новгорода и Пскова, кромѣ показаннаго выше числа орудій, заключала 12 тысячъ пудовъ пороха, 5018 пудовъ свинца, 6 тыс. пудовъ ядеръ, 11337 пудовъ бомбъ и 11500 ручныхъ гранатъ [2]).

По отъѣздѣ Петра, 18-го ноября, герцогъ де-Круа, получивъ свѣдѣнія о наступательномъ движеніи шведовъ, приказалъ въ лагерѣ бить въ строй и сдѣлалъ смотръ войскамъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы передъ ретраншементомъ былъ выставленъ караулъ въ 100 человѣкъ конницы. Вечеромъ того же дня при паролѣ «Петрусъ и Москва» всѣмъ генераламъ былъ разосланъ письменный ордеръ о готовности къ бою.

Ордеръ былъ слѣдующаго содержанія:

1. Со всякимъ тщаніемъ чрезъ всю ночь ходить дозоромъ отъ одного полка до другого; и буде тревога учинится, о томъ его свѣтлости донести немедленно.

2. По отданіи же пароля, чрезъ всю ночь чтобъ никто въ лагерѣ стрѣлять не дерзалъ, подъ смертнымъ штрафомъ, такъ какъ прежде было.

3. Чтобъ половина полковъ и баталіоновъ чрезъ всю ночь въ ружьѣ стояла.

4. А поутру до солнечнаго восходу чтобъ роздана была солдатамъ аммуниція, дабы всякъ имѣлъ по 24 патрона.

5. Старые заряды изъ мушкетовъ вывертѣть или выстрѣлять,

---

[1]) Сборникъ императорскаго историч. общества, т. 39, стр. 54.

[2]) Устряловъ, IV, 1, 9. Въ числѣ пушекъ были двѣ, отлитыя еще въ 1590 году пушкарями Андреемъ Чоховымъ и Семеномъ Дубинкою, подъ именами «Левъ» и «Медвѣдь» (вѣсомъ въ 320 и 290 пудовъ). Эти пушки хранятся нынѣ въ артиллерійскомъ музеѣ съ вычеканенною шведами надписью, что взяты Карломъ XII подъ Нарвою въ 1700 году.

и чтобъ то учинено было до восходу солнечнаго; а потомъ вновь зарядить съ пулями, и всѣ чтобъ во всякой были готовности и никому не отлучаться, какъ оберъ, такъ и унтеръ-офицерамъ.

6. А ежели тревога учинится, то имѣетъ полковникъ отъ артиллеріи или самъ, или добрый оберъ офицеръ на высокой батареѣ стоять какъ днемъ, какъ и ночью и когда сигналъ изъ трехъ пушекъ дастся, то чтобъ всякъ былъ въ готовности въ ружье вступить и на своемъ мѣстѣ стоять; также и офицеры бы со своими полками или на показанныя имъ мѣста.

7. Ко всѣмъ пушкамъ опредѣлить надлежащихъ констапелей и поставить ихъ съ нѣмцами пополамъ.

8. Чтобъ вся армія прежде солнечнаго восхода вышла, дабы его свѣтлости можно было видѣть, въ какомъ состояніи полки находятся, и какъ ретраншементъ людьми удовольствовать; и что-бъ когда случится нужда, можно было удобнѣе всякія погрѣшности поправить.

9. А какъ скоро сигналъ по трехъ пушекъ дастся, и чтобъ всѣ инструменты, какъ музыка играла, такъ и барабаны били; также, чтобъ всѣ знамена къ ретраншементу распустя были поставлены; а потомъ, чтобъ всякъ такъ постоялъ, какъ бы могъ предъ Богомъ и его царскимъ величествомъ отвѣтствовать. Такъ же чтобъ никто отнюдь стрѣлять прежде не дерзалъ, пока непріятель на 20 или на 30 шаговъ на насъ не приблизится. Учинено въ лагерѣ подъ Нарвою, 29 ноября (по нов. стилю) 1700 года.

Герцогъ фонъ Круа [1]).

Шведская армія шла безостановочно. 18-го ноября она была у мызы Лагена, въ 10 верстахъ отъ Нарвы. Здѣсь былъ данъ сигналъ двумя ракетами осажденному городу, откуда отвѣчали тѣмъ-же. На слѣдующій день (19 ноября) шведы, руководимые проводникомъ-эстомъ, современный гравированный портретъ котораго, какъ unicum, хранится въ особой витринѣ въ императорской публичной библіотекѣ (полный текстъ, относящійся къ этому портрету приведенъ нами въ перечнѣ иллюстрированныхъ изображеній, касающихся Нарвы),—направились къ Нарвѣ не по большой дорогѣ, какъ ихъ ждали русскіе, а черезъ лѣсъ по узкимъ тропинкамъ, проложеннымъ по болотамъ, считавшимся дотолѣ непроходимыми. Сто часовыхъ, разставленныхъ герцогомъ де-Круа впереди лагеря, не воспрепятствовали шведскому генералу Ребингу наканунѣ ночью измѣрить глубину рва и произвести съемку мѣстности. Въ 11 часовъ утра шведы появились на высотѣ Германсбергъ, въ

[1]) Записки Алларта (свв. арх. 1822, № 2), стр. 123—124.

виду русскихъ. Жителямъ Нарвы снова былъ данъ сигналъ залпомъ изъ 4 орудій, на что осажденные отвѣчали такимъ-же залпомъ.

Въ этотъ день герцогъ де-Круа, вставши рано поутру со всѣмъ генералитетомъ, снова сдѣлалъ смотръ войскамъ и занятой ими позиціи [1]). Затѣмъ, по приказанію главнокомандующаго, былъ сдѣланъ залпъ изъ трехъ орудій. Генералы размѣстились по своимъ полкамъ, раздался барабанный бой, знамена распустились.

Шведы также стали въ боевой порядокъ. Правое крыло, состоявшее изъ 11 баталіоновъ пѣхоты и 24 эскадроновъ кавалеріи, выстроилось въ двѣ линіи: отрядъ генерала Веллинга впереди, кавалерія Вахтмейстера назади. Здѣсь же находился маіоръ Оппельманъ съ 16 полевыми орудіями. Центръ позиціи заняли войска Поссе и Майделя. Впереди центра расположилась артиллерія генералъ-фельдцейхмейстера Сейблата (21 орудіе), а передъ ней король со своими драбантами. На лѣвомъ флангѣ построились также въ двѣ линіи 10 баталіоновъ генералъ-поручика Реншильда и генералъ-маіора Ребинга [2]).

Обозрѣвъ съ германсбергскаго холма расположеніе русской арміи, Карлъ усмотрѣлъ, что наиболѣе укрѣпленнымъ представлялся русскій центръ, а потому тогда же король рѣшилъ, что слѣдуетъ сдѣлать атаку на болѣе слабые фланги, минуя центръ.

Сраженіе началось перестрѣлкою съ обѣихъ сторонъ, которая продолжалась три часа; послѣ этого шведы, видя, что русскіе солдаты остаются въ окопахъ и не выходятъ для сраженія въ открытое поле [3]), приготовились къ атакѣ.

---

[1]) Во время смотра, по словамъ Алларта, де-Круа обратилъ вниманіе на недостатки русской арміи: «А герцогъ тогда объѣхалъ всю линію, даже до Наровы рѣки и смотрѣлъ, что ретраншементъ такъ великъ, что хотя армія была бы до 70000 человѣкъ, то бы его довольно было; однакоже съ 20000 было вооруженныхъ, кромѣ тѣхъ, которые въ апрошахъ сидѣли, и такъ что ретраншемента рвы въ два человѣка вышиною поднять было можно; но токмо подъ онымъ случилось безъ резерву, а люди отъ дождевой холодной погоды и холоду весьма обезсилѣли». Сѣв. арх. 1822 г., № 2, стр. 125.

[2]) Петровъ. Нарвская операція (Воен. сб. 1892 г., іюль), стр. 28. См. также Adlerfeld, 1, p. 87—89 и Леверъ, стр. 14. (нѣсколько иное указаніе).

[3]) На военномъ совѣтѣ, бывшемъ 18 ноября, Шереметевъ, находя опаснымъ положеніе растянутаго строя въ окопахъ, настаивалъ на томъ

Король, объѣзжая войска, ободрялъ ихъ, говорилъ, что имъ побѣждать не въ первый разъ, несмотря на число противника, и что и теперь онъ ожидаетъ отъ нихъ или побѣды, или смерти.

По словамъ Катифоро, Карлъ XII передъ нарвской битвой будто бы обратился къ своему войску со слѣдующею рѣчью:

«Видѣли вы, друзья мои и товарищи, третьяго дня, да и сами о томъ свидѣтельствуете, какую силу и какую надежду имѣютъ наши непріятели, съ которыми сегодня хотимъ мы сразиться. Хотя лучшее ихъ солдатство и было окружено шанцами въ неудобопроходимомъ и неприступномъ мѣстѣ, однако вы примѣтили и видѣли, какъ смутилъ Господь Богъ гордость ихъ, что пришедъ они въ превеликую робость, обратились всѣ къ бѣгу! [1]) Итакъ, сему печальному случаю надобно быть у насъ благополучнымъ предвозвѣстіемъ будущихъ дѣйствъ. Многочисленность непріятелей нашихъ не устрашитъ васъ никакъ, если вы разсудите, что они русскіе, а мы шведы. Не вѣдаете ли, что сіе многолюдство трепещетъ и трясется, увидя только знамена наши? И какого еще больше доказательства вы хотите, кромѣ настоящаго? Не видите ли ихъ, какъ они прячутся въ шанцахъ своихъ и не смѣютъ никакъ прежде на сраженіе выступить, хотя и превосходятъ насъ несравненно большимъ числомъ? Однако, друзья мои, если кто изъ васъ чувствуетъ себя хоть мало что въ страхѣ отъ опасности, состоящей не въ самомъ дѣлѣ, но только во мнѣніи, или если кто не надѣется быть соучастникомъ той славы, которую имѣетъ роду шведскому нынѣшній день произвесть, тому я позволю, а особливо повелѣваю выйти вонъ изъ строя и отойти далѣе, куда захочетъ. Третьей части только войска моего, утвердившагося смѣлостью и возложеніемъ крѣпости надежды на государя, да еще славы той и чести, которая въ прошедшія времена отъ предковъ нашихъ пріобрѣтена, будетъ съ меня довольно къ отгнанію сего многолюдства и освобожденію въ нынѣшній день моихъ единоплеменниковъ, защищающихъ городъ по сегодняшній день» [2]).

чтобы русская армія вышла въ поле и дала здѣсь сраженіе шведамъ. Большая часть генераловъ, однако, порѣшила на томъ, чтобы ожидать шведовъ, не покидая позиціи, такъ какъ не надѣялась на солдатъ, которые, за исключеніемъ лишь полковъ гвардіи и бывшаго лефортовскаго (тогда—Лима), участвовавшаго въ азовскомъ походѣ, никогда еще не были въ дѣлѣ. Въ подтвержденіе преимущества баталіи въ открытомъ полѣ Шереметевъ говорилъ: «Въ семъ случаѣ мы можемъ употребить всѣ наши войска противу непріятеля; здѣсь же, гдѣ едва десятая часть оныхъ можетъ принять участіе въ сраженіи, превосходство силъ нашихъ вовсе намъ будетъ безполезно». Галемъ, жизнь Петра Великаго. СПБ. 1812 г., ч. 1, стр. 169—170; Петровъ, 27.

[1]) Вѣроятно, намекъ на бѣгство Шереметева отъ Пюхаіогги.

[2]) Житіе Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, отца отечества. Москва 1788 (Катифоро), стр. 176—178.

Затѣмъ въ виду арміи Карлъ сошелъ съ коня, преклонилъ колѣна и произнесъ молитву о дарованіи ему побѣды. Обнявъ стоявшихъ вблизи генераловъ и солдатъ и облобызавшись съ ними, король сѣлъ на коня. По сигналу, данному двумя ракетами, шведы въ 2 часа пополудни съ восклицаніями: «Съ нами Богъ!» («Meth Guds hielp!») пошли на штурмъ.

Атаку открывали генералъ Реншильдъ, во главѣ 50 гренадеръ, и баталіонъ графа Шперлинга.

Герцогъ де-Круа всю шведскую армію принялъ лишь за авангардъ и остался въ этомъ заблужденіи, такъ какъ во время атаки шведовъ, внезапно, при западномъ вѣтрѣ, пошелъ снѣгъ съ градомъ въ косомъ направленіи, залѣпляя глаза у русскихъ солдатъ и начальниковъ и не давая разглядѣть, какова численность врага [1]). Центръ русской арміи и лѣвое ея крыло мгновенно были смяты.

Войска генерала Вейде (у Юалы) были сбиты съ вала отрядами генераловъ Веллинга, Вахтмейстера и Косена. Отступая къ сторонѣ водопада, дивизія Вейде стала тѣснить кавалерію Шереметева. Эта послѣдняя также обратилась въ бѣгство, и такъ какъ черезъ Нарову въ этомъ мѣстѣ не было моста, то отступавшіе, воспользовавшись тѣмъ, что берегъ рѣки въ этомъ мѣстѣ теряетъ свою скалистость и полого спускается къ водѣ, вогнали своихъ коней въ рѣку, надѣясь переплыть ее. Однако, осилить бурную, вслѣдствіе близости водопада, Нарову удалось лишь съ большимъ урономъ: болѣе 1000 человѣкъ было снесено теченіемъ въ водопадъ и погибло въ волнахъ. Намъ живо представляется ужасная, потрясающая картина борьбы пустившагося вплавь пятитысячнаго кавалерійскаго отрядя съ водной стихіей, завладѣвшей такимъ огромнымъ количествомъ жертвъ, и мы не можемъ не надивиться паникѣ, обуявшей бѣглецовъ настолько, что, бросаясь въ воду, они забыли о близости водопада, хотя онъ, несомнѣнно, напоминалъ о себѣ своимъ ревомъ. Впослѣдствіи, при оцѣнкѣ дѣйствій русскихъ войскъ подъ Нарвой въ

[1]) Adlerfeld p. 86—90. «Le temps qui avoit été fort serein jusqu'à ce moment, se chargea tout à coup d'un épais nuage, mêlé de grêle et de neige, qui donnoit au visage des ennemis, ce qui fut cause qu'ils ne s'apperçurent de l'approche des Suédois»

1700 году, Петръ Великій осудилъ поступокъ кавалеріи. «Ежелибъ наша конница—говорится въ журналѣ—по должности своей поступала, то бы можно уповать о викторіи; но оная (конница) побѣжала черезъ рѣку Нарову вплавь, въ которой болѣе 1000 человѣкъ потонуло» [1]).

Аллартъ въ своихъ запискахъ еще рѣзче отзывается о дѣйствіяхъ русской конницы. «Итакъ оная кавалерія—говоритъ онъ—разсудила честнѣе потонуть, нежели отъ непріятеля обороняться; въ томъ великомъ уронѣ (т. е. въ пораженіи) одна кавалерія была причиною» [2]). Въ виду этихъ отзывовъ самого царя и генерала, знавшаго хорошо положеніе дѣла, страннымъ представляется намъ замѣчаніе г-на Петрова, [3]) что когда дивизія Вейде потѣснила конницу Шереметева, то будто сей послѣдней не оставалось ничего болѣе, какъ выйти изъ окоповъ и искать спасенія въ бѣгствѣ, направляясь къ островамъ, бывшимъ по близости на рѣкѣ Наровѣ, въ надеждѣ переплыть рукава рѣки, раздѣляющіе эти острова. Кавалерія состояла изъ 5000 человѣкъ, и она могла бы удержать отступавшую пѣхоту, а если бы это не удалось, то она могла бы, выйдя изъ окоповъ и отступивши отъ рѣки, встрѣтить наступавшихъ шведовъ, или даже обойти ихъ съ тылу, чего самъ король очень боялся. Насколько несправедливо было обвинять конницу Шереметева въ отступленіи отъ Пюхаіогги, настолько справедливо было требовать отъ нея, чтобы подъ Нарвою, въ соединеніи съ другими войсками, она «по должности своей поступала». Потѣснивши дивизію Вейде, генералъ Веллингъ остановился. Далѣе онъ не могъ ничего предпринять: русское войско, пользуясь разбросанными на каждомъ шагу бараками и домиками, а также находившимися на брустверѣ рогатками, могло строить баррикады и, въ случаѣ наступленія шведовъ, обороняться, стрѣляя изъ засады въ упоръ непріятелю [4]).

[1]) Журналъ Петра Вел., стр. 20.

[2]) Аллартъ. Записки, свв. арх., № 2, стр. 128.

[3]) Нарвская операція, воен. сб., іюль 1892 г., стр. 32.

[4]) Петровъ, тамъ-же. Изложенное также говоритъ не въ пользу нашей кавалеріи. Шереметевъ не могъ не знать выгодъ позиціи, занятой сосѣдними войсками Вейде, а зная эти выгоды, какъ могъ онъ отступить?

На правомъ русскомъ флангѣ солдаты Головина, атакованные генералами Реншильдомъ и Майделемъ и полковникомъ Стенбокомъ, также пришли въ замѣшательство, дрогнули и побѣжали съ крикомъ:

«Нѣмцы намъ измѣнили!»

Громадная масса войска хлынула къ пловучему бревенчатому мосту, перекинутому съ острова Кампергольма. Мостъ не выдержалъ, разорвался и увлекъ за собою въ рѣку всѣхъ бывшихъ на немъ солдатъ съ оружіемъ и поклажею [1]).

Впослѣдствіи, касаясь этого момента нарвской баталіи, Карлъ говорилъ: «Нѣтъ никакого удовольствія биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едвали бы удалось убить хотя одного человѣка. Лучшее зрѣлище было, когда русскіе взбѣжали на мостъ, и мостъ подъ ними подломился: точно фараонъ поглощенъ былъ въ Чермномъ морѣ; повсюду высовывались изъ воды головы людскія и конскія, руки и ноги; наши солдаты стрѣляли ихъ, какъ дикихъ утокъ» [2]).

Часть русскаго войска, задерживаемая отступавшими полками, вышла изъ-за линіи укрѣпленій въ поле, въ надеждѣ обогнать отступавшихъ, но была атакована самимъ королемъ съ двумя эскадронами драбантовъ и эскадрономъ драгунъ и снова вогнана въ окопы [3]). Войска отступали въ полномъ безпорядкѣ. Никто не слушалъ команды.

Герцогъ де-Круа всячески старался привести въ порядокъ правое крыло съ тѣмъ, чтобы, обметавшись рогатками, обороняться при помощи остававшихся 9 пушекъ, но войска ему не повиновались; «оная конфузія—какъ выражается Аллартъ—такъ была смутна, что всѣ, якобы овцы, не имѣющія пастыря, въ одномъ смятеніи побѣжали, и такъ, что полковъ совокупить было невозможно, и ни единаго офицера не было, который бы командовалъ, и кто бы ихъ слушался въ тотъ часъ» [4]).

[1]) Журналъ Петра Вел., стр. 20—21; Adlerfeld, t. I, p. 91.
[2]) Соловьевъ. Исторія, т. XIV, стр. 1249.
[3]) Петровъ, стр. 31.
[4]) Аллартъ, стр. 129.

Мало того, разсвирѣпѣвшіе солдаты, обвиняя иностранцевъ въ своемъ несчастіи, набросились на нихъ и многихъ убили. Жертвами ихъ озлобленія пали полковникъ Ліонъ, адъютантъ Имгофъ, инженерный офицеръ Биркенштейнъ, секретарь, камердинеръ, повара герцога и его гайдуки, и даже двѣ женщины, жены иностранныхъ офицеровъ [1]).

Солдаты грозились убить и самого дюка вмѣстѣ со всѣми иностранными генералами. Тогда де-Круа, посовѣтовавшись съ генераломъ Аллартомъ, рѣшился лучше сдаться шведамъ добровольно, чѣмъ погибнуть отъ руки яростныхъ солдатъ. Съ проклятіями бросился онъ вдоль Наровы по болоту къ шведскому отряду Стенбока. «Es möchte der Teufel mit solchen Soldaten fechten!» (Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами!)—воскликнулъ онъ, оставляя врученную ему армію. За главнокомандующимъ послѣдовали Аллартъ, полковники Бломбергъ и Лефортъ, польскій уполномоченный генералъ-маіоръ Лангенъ и многіе другіе иностранные офицеры [2]). Всѣ они отдались на пароль полковнику графу Стенбоку и вручили ему свои шпаги.

Только въ самомъ концѣ праваго фланга у деревни Вепскюль, гвардейскіе полки преображенскій и семеновскій, загородившись рогатками и артиллерійскими повозками, оказали мужественное сопротивленіе атаковавшимъ ихъ шведамъ, подкрѣпляемымъ орудійными выстрѣлами генералъ-фельдцейхмейстера Сейблата (по Устрялову—Шеблата). Гвардейскіе пушкари, перетащивъ изъ передовыхъ редутовъ 6 орудій, поражали непріятеля выстрѣлами изъ нихъ и штыками отражали всѣ атаки шведовъ.

Карлъ, заслышавши учащенные выстрѣлы на правомъ русскомъ флангѣ, понялъ, что тамъ завязался упорный бой. Черезъ болото, въ сопровожденіи одного своего камергера Акселя Герда, король бросился къ русскому вагенбургу, чтобы личнымъ присутствіемъ ободрить свои войска. При этомъ, однако, онъ вмѣстѣ съ лошадью застрялъ въ болотѣ, оставилъ

---

[1]) Бергманъ, стр. 14; Полевой, т. II, стр. 31, Аллартъ: «Нѣкоторые нѣмцы въ разныхъ мѣстахъ отъ русскихъ съ великимъ сердцемъ были биты въ нашемъ виду какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ».

[2]) Бергманъ, стр. 14.

въ немъ сапогъ и шпагу, но былъ вытащенъ драбантами [1]). Подоспѣвши къ своимъ, король нѣсколько разъ самъ водилъ ихъ въ атаку; однако, всѣ атаки были отбиваемы русскою гвардіею.

Пуля на излетѣ попала Карлу въ галстухъ, ядромъ убило подъ нимъ лошадь, но это не устрашило отважнаго короля. Онъ лишь воскликнулъ:

— «Каковы мужики! Они, видно, хотятъ упражнять меня въ верховой ѣздѣ?» [2]).

Видя, что съ одними наличными силами нельзя ничего подѣлать противъ стойкихъ полковъ гвардіи, Карлъ приказалъ отрядить отъ войскъ Веллинга пять гвардейскихъ баталіоновъ и выслать ихъ къ мѣсту боя.

Былъ уже восьмой часъ пополудни, когда войска Веллинга стали приближаться на помощь Карлу. За осеннею темнотою, полкъ деликарлійцевъ, стоявшій у кампергольмскаго моста, не узналъ своихъ и, принявъ ихъ за русскихъ, открылъ учащенную пальбу. Шведская гвардія, въ свою очередь, начала отстрѣливаться и уже готова была ударить въ штыки, и только, наконецъ, когда съ обѣихъ сторонъ стали различать команду, отдаваемую на шведскомъ языкѣ, перестрѣлка прекратилась [3]).

Нѣкоторые иностранные историки, едвали основательно, прибавляютъ, что уронъ, бывшій слѣдствіемъ такой ошибки шведовъ, превышалъ потери, понесенныя ими въ теченіе всего сраженія.

Насколько мужественно было сопротивленіе полковъ русской гвардіи, можно судить по убыли семеновскаго полка (убыль преображенскаго полка и бомбардирской роты не установлена). Изъ всего наличнаго числа, въ 23 штабъ и оберъ-офицера и 1200 нижнихъ чиновъ, полкъ потерялъ убитыми 5 офицеровъ и 177 нижнихъ чиновъ, ранеными 10 офицеровъ, 278 нижнихъ чиновъ, пропавшими безъ вѣсти 2

---

[1]) Adlerfeld, histoire militaire de Charles XII, t. I, p. 92.

[2]) Полевой. Исторія Петра Вел., т. II, стр. 32. Соловьевъ. Исторія, т. XIV, стр. 1247. Эти слова короля были сообщены Вольтеру нѣкіимъ Спаромъ, вѣроятно, очевидцемъ сраженія (Исторія Карла XII, стр. 140).

[3]) Петровъ, стр. 33.

офицеровъ и 22 нижнихъ чина, т. е. всего 17 офицеровъ (почти весь личный составъ) и 477 нижнихъ чиновъ (болѣе третьей части) [1]).

Впослѣдствіи Петръ Великій увѣковѣчилъ подвигъ гвардіи, даровавъ всѣмъ оберъ-офицерамъ на знакахъ надпись: «1700—N019» (т. е. 19 ноября 1700 года—день баталіи). Эта награда является старѣйшимъ знакомъ отличія въ нашихъ войскахъ [2]).

Наступившій холодный, туманный вечеръ прекратилъ баталію. Мракъ покрылъ нарвскія поля и павшее на нихъ русское воинство. Бурная, неумолчно шумящая Нарова, поглотившая въ своихъ волнахъ столько жертвъ, безучастно несла въ море свою добычу. Водопадъ глухо ревѣлъ, какъ разъяренный звѣрь, и ни одна звѣздочка не освѣщала кровавой картины побоища; только свинцовыя тучи бросали мокрые хлопья снѣга, какъ бы оплакивая погибшихъ на полѣ брани...

Перевѣсъ этого дня былъ явно на сторонѣ шведовъ; но русскіе еще держались: гвардія твердо стояла на своей позиціи; отрядъ Вейде, хотя самъ генералъ уже былъ раненъ въ бокъ, также занималъ довольно выгодное положеніе, такъ что, по словамъ Алларта, еслибы нашелся умный начальникъ, который замѣнилъ бы раненаго Вейде, то онъ могъ бы напасть на шведовъ съ тыла [3]).

Къ тому-же и въ шведскомъ лагерѣ не все было въ образцовомъ порядкѣ: войска были изнурены длинными и поспѣшными переходами; отъ холодной сырой погоды и недостатка провіанта многіе переболѣли; самое сраженіе потребовало громаднаго напряженія силъ и энергіи; большинство

[1]) Карцовъ. Исторія семеновскаго полка, стр. 48. Относительно обороны со стороны нашей гвардіи шведскій офицеръ Адлерфельдъ—очевидецъ сраженія—говоритъ: «между повозками вагенбурга они защищались еще съ большимъ мужествомъ, нежели можно было ожидать, и несмотря на страшный и безпрерывный огонь шведовъ, не было возможности ихъ вытѣснить».

[2]) Изображеніе знака съ надписью см. на переплетѣ книги П. Потоцкаго: «Гвардія русскаго царя подъ Нарвою въ 1700 и 1704 г.г.», а описаніе перемѣнъ въ знакѣ—у Азанчевскаго. Приложенія стр. 36—37.

[3]) «И ежелибы одинъ генералъ притомъ былъ резолютный, то могъ бы онъ генерала Веллинга въ спину гнати» (стр. 128).

Сраженіе подъ Нарвой 19 ноября 1700 г.

оберъ-офицеровъ было ранено; полки разрознились, такъ какъ солдаты разбрелись на добычу; сами генералы, по свидѣтельству Алларта, не знали, гдѣ находятся ихъ части; бывшіе въ шведскомъ войскѣ финскіе солдаты, разграбивъ русскія землянки, перепились найденнымъ въ нихъ виномъ, перессорились и начали другъ въ друга стрѣлять; однимъ словомъ, «у побѣдителя самое сущее смятеніе было, и ежелибъ русскіе въ ту ночь могли собраться, то весьма могли бы они съ малыми 1000 человѣкъ всю шведскую армію побить» [1]).

Между тѣмъ русскіе генералы праваго фланга, не зная, что дѣлается на лѣвомъ у Вейде, собрались въ окопѣ подъ землею, въ деревянномъ домикѣ и, по долгомъ разсужденіи, рѣшили сдаться.

Для переговоровъ о сдачѣ былъ отправленъ въ шведскій лагерь первоначально князь Козловскій, но онъ былъ убитъ въ темнотѣ шальной пулей; отправленный вслѣдъ за нимъ маіоръ Пиль возвратился, не видавъ короля. Послѣ этого отправился къ королю самъ Бутурлинъ. Шведскіе генералы, по повелѣнію королевскому, въ присутствіи самого короля, дали слово дозволить русской арміи свободное отступленіе съ ружьями и знаменами, но безъ артиллеріи.

Изъ шведскаго лагеря Бутурлинъ прошелъ къ генералу Вейде и здѣсь засталъ какъ его, такъ и многихъ полковниковъ ранеными. Возвратясь къ себѣ на правое крыло, Бутурлинъ повѣдалъ обо всемъ нетерпѣливо ожидавшимъ его генераламъ.

Вскорѣ послѣ того всѣ генералы, расположившіеся около кампергольмскаго моста, были позваны къ Карлу. Здѣсь договоръ, заключенный съ Бутурлинымъ, былъ подтвержденъ словомъ самого короля.

Русскіе генералы просили всей артиллеріи, которую шведы взяли въ шанцахъ, но король возразилъ, что артиллерія уже

[1]) Аллартъ, 130—131. Очевидецъ сраженія графъ Вреде по этому случаю писалъ своему отцу: «Еслибы русскій генералъ, имѣвшій до 6.000 человѣкъ подъ ружьемъ, рѣшился на насъ ударить, мы были бы разбиты непремѣнно: мы были крайне утомлены, не имѣя ни пищи, ни покоя нѣсколько дней; притомъ же наши солдаты такъ упились виномъ, которое нашли въ московскомъ лагерѣ, что невозможно было немногимъ оставшимся у насъ офицерамъ привести ихъ въ порядокъ».

въ рукахъ шведовъ («артиллерія ваша у васъ уже за спиною»), и что поэтому отдать ее онъ не согласенъ. По настоянію генераловъ, однако, онъ обѣщалъ выдать шесть полковыхъ пушекъ [1]).

Договоръ окончательно былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣмъ генераламъ, офицерамъ и всему войску съ знаменами и ружьемъ [2]) и съ шестью полевыми пушками (выше упомянутыми) свободно отступить; 2) на обѣихъ сторонахъ плѣнныхъ освободить и тѣла мертвыя свободно разобрать и похоронить; 3) всю тяжелую, при атакѣ Нарвы бывшую, и всю остальную полевую артиллерію оставить шведамъ; все же прочее, что находилось при войскѣ съ багажемъ полковымъ и офицерскимъ, свободно перевести черезъ мостъ вмѣстѣ съ войскомъ. Всѣ эти пункты были прочтены королю и имъ изустно подтверждены, при чемъ, по выраженію Шафирова, «самъ его величество далъ на томъ господину генералу и тайному совѣтнику князю Долгорукову руку, что по тому акорду все отъ него сдержано будетъ» [3]).

Послѣ этихъ переговоровъ былъ уступленъ шведамъ вагенбургъ, гдѣ гвардія оказала столь мужественное сопротивленіе, и въ 11-мъ часу вечера шведы и русскіе начали чинить мостъ для перехода на слѣдующее утро русской арміи черезъ рѣку [4]).

Четыре старѣйшихъ русскихъ генерала (князья Долгорукій и Трубецкой, Головинъ и Бутурлинъ), по требованію короля, остались въ шведскомъ лагерѣ въ качествѣ заложниковъ, ради обезпеченія заключеннаго съ русскими договора, столь выгоднаго для шведовъ, положеніе которыхъ, какъ мы видѣли, далеко не было прочно и устойчиво. Самое разрѣшеніе всей русской арміи отступить ясно свидѣтельствовало о слабости швед-

---

[1]) Журналъ Петра В., стр. 21—22.

[2]) Передаютъ, что Карлъ сказалъ по этому поводу: «Я позволяю русскимъ солдатамъ сохранить оружіе за храбрость, съ какою они защищались!» Соловьевъ, т. XIV, 1247.

[3]) Шафировъ. Разсужденіе, какія законныя причины и т. д., стр. 180—182; Голиковъ. Дѣянія Петра В., ч. 2, стр. 30—31.

[4]) Шведы были очень довольны капитуляціей русской арміи. Говорятъ, Реншильдъ выразился, что для бѣглаго непріятеля нужно построить золотой мостъ. Соловьевъ, XIV, 1248.

скаго войска, боявшагося имѣть столько плѣнныхъ, могущихъ взяться за оружіе и перебить побѣдителей.

Генералъ Вейде со своими войсками былъ отрѣзанъ отъ остальной русской арміи. Бутурлинъ, бывшій у него, разумѣется, открылъ ему намѣреніе прочихъ генераловъ сдаться Карлу. Вейде сознавалъ, что съ разсвѣтомъ всѣ силы непріятеля обратятся противъ него. Онъ видѣлъ, какъ артиллерія Сейблата заняла бывшій русскій центръ и уставила противъ него свои грозныя орудія. Очевидно, непріятель имѣлъ намѣреніе поджечь бараки и домики, разбросанные въ мѣстѣ расположенія дивизіи Вейде, съ цѣлью заставить ее выйти въ поле и здѣсь окончательно ее истребить.

Истощеніе отъ раны и угрожавшая войску неминуемая гибель вынудили, наконецъ, генерала Вейде къ сдачѣ. Онъ написалъ Веллингу: «Отрѣзанный отъ прочихъ частей арміи, я рѣшился защищаться до послѣдней капли крови; однако я готовъ принять почетную капитуляцію и сдаться на разумныхъ условіяхъ, если таковыя будутъ приняты».

Веллингъ переслалъ это письмо королю. Была уже глухая ночь (около 2-хъ часовъ). Карлъ, завернувшись въ походную шинель, спалъ у разведеннаго костра на голой землѣ. При слабомъ мерцаніи огня онъ прочелъ письмо Вейде. Безвыходность положенія сего послѣдняго была причиною того, что къ нему, по приказанію короля, были предъявлены болѣе строгія условія сдачи. Дивизія Вейде должна была сдать шведамъ всѣ пушки, ружья и знамена, весь отрядъ объявлялся военноплѣннымъ, но ему разрѣшалось безъ ружей перейти мостъ и присоединиться къ полкамъ гвардіи.

Едва забрезжило сырое и непривѣтливое утро, русскія войска начали отступать черезъ починенный пловучій мостъ на островъ Кампергольмъ.

Первою отступила дивизія Головина и полки гвардіи. Солдаты шли съ ружьями и распущенными знаменами, имѣя при себѣ нѣсколько малыхъ пушекъ [1]).

---

[1]) При этомъ была унесена съ мѣста сраженія спасенная чудеснымъ образомъ икона св. Николая Чудотворца, которая въ 1694 году была пожалована Петромъ Великимъ бомбардирской ротѣ (когда бомбардиры впервые совершали путешествіе по Бѣлому морю) и во время осады Нарвы хранилась въ дощатой

Когда-же настала очередь идти черезъ шведскіе ряды войскамъ генерала Вейде, то шведы отняли отъ нихъ ружья, знамена и даже одежду, какую успѣли захватить. Де-Круа, царевичъ Александръ Имеретійскій (начальствовавшій артиллеріей въ званіи фельдцейхмейстера), Долгорукій, Автономъ Головинъ [1]), Вейде, Трубецкой, Бутурлинъ, Аллартъ, Лангенъ, Шахеръ и др. (см. ниже) были объявлены военноплѣнными. За ними былъ присланъ шведскій офицеръ Лагаръ Кронъ, и ихъ привели сначала въ Нарву. Здѣсь плѣнниковъ помѣстили въ домѣ Горна, отобравъ предварительно все, что у нихъ было. Къ нимъ былъ приставленъ строжайшій караулъ, и такимъ образомъ въ нетопленной залѣ русскіе генералы провели весь день до поздняго вечера «не ѣдчи», какъ выражается журналъ Петра Великаго. Вечеромъ они были размѣщены по квартирамъ, и къ каждому былъ приставленъ конвой изъ офицера и двухъ рядовыхъ.

походной церкви, устроенной передъ центромъ позиціи, у холма Гольденгофъ. Въ настоящее время этотъ образъ принадлежитъ лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригадѣ и помѣщается въ особомъ кіотѣ въ офицерскомъ собраніи. Потоцкій, 40—41; Аллартъ, 131; журналъ Петра Великаго, стр. 22. Въ запискахъ Желябужскаго (стр. 169): «И ноября въ 20 день изъ подъ Ругодева изъ обозу пошли съ знамены и съ ружьемъ безъ пушекъ, покинувъ пушки и казну и шатры, и палатки, и всѣ свои скарбы». По Вольтеру выходитъ, будто всѣ русскія войска отступили безоружными. Онъ именно сообщаетъ (о полкахъ гвардіи): «Всѣ нижніе офицеры и солдаты отведены были обезоруженные къ рѣкѣ Наровѣ; тамъ дали имъ суда для переѣзда и возвращенія къ своимъ». Въ другомъ мѣстѣ о дивизіи Вейде онъ пишетъ: «Всѣ они, солдаты и офицеры, шли, съ открытою головою, мимо шведовъ, которыхъ было менѣе семи тысячъ. Солдаты, проходя мимо короля, бросали ружья и тесаки свои, а офицеры клали къ ногамъ его значки и знамена. Карлъ приказалъ переправить черезъ рѣку все это множество и не оставилъ въ плѣну ни одного солдата. Еслибы онъ удержалъ ихъ, то число плѣнниковъ, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ превосходило бы число побѣдителей» (Исторія Карла XII, стр. 141 и 143). Объ отступленіи дивизіи Вейде Адлерфельдъ сообщаетъ слѣдующее: «Ils défilèrent ensuite tant officiers que soldats,la tête nue et un bâton à la main le long du retranchement et du camp vers la rivière qu' ils passèrent sur le même pont dont nous venons de parler (рѣчь идетъ о кампергольмскомъ мостѣ). Ils étoient en si grand nombre que la marche dura toute la journée jusqu'au lendemain matin» (Adlerfeld, t. I, p 95—96). Вольтеръ, очевидно, заимствовалъ подробности отступленія русской арміи у Адлерфельда, но проглядѣлъ, вѣроятно, что, по тому-же Адлерфельду, полки гвардіи отступили съ ружьями и знаменами (ibidem, 95).

[1]) Фельдмаршалъ Ѳ. А. Головинъ, какъ упомянуто выше, уѣхалъ съ Петромъ.

Изъ Нарвы, подъ надзоромъ Паткуля, плѣнники были переправлены въ Ревель, а отсюда въ Стокгольмъ, гдѣ имъ пришлось вынести всѣ невзгоды тажкаго плѣна [1]), такъ что нѣкоторые изъ нихъ (напр. царевичъ Александръ Имеретійскій) умерли, вслѣдствіе обрушившихся на нихъ непривычныхъ лишеній [2]).

Герцогъ де-Круа остался въ Ревелѣ, гдѣ и умеръ въ 1702 году [3]), оставивъ громадные долги, которые при сдачѣ Ревеля Бауеру 29 сентября 1710 года, частію были покрыты изъ средствъ русскаго казначейства [4]).

Противъ вѣроломнаго захвата русскихъ генераловъ и офицеровъ Петръ, по словамъ Шафирова, энергически протестовалъ при чужестранныхъ дворахъ. Дѣйствительно, объявленіе заложниковъ военноплѣнными явно противорѣчило основаніямъ международнаго права. Шведы ссылались на то, что русскіе коммисары, вопреки обѣщанію, увезли денежную казну

[1]) Неправъ, очевидно, Вольтеръ увѣряя, что Карлъ принялъ знаменитыхъ плѣнниковъ съ самою непринужденною учтивостью, съ такимъ ласковымъ видомъ, какъ будто бы давалъ имъ пиршество при дворѣ своемъ. Кажется, глава энциклопедистовъ перенесъ свои обычаи и утонченный этикетъ въ иной вѣкъ, вѣкъ войнъ и грубости нравовъ.

[2]) Царевичъ Имеретійскій умеръ на пути изъ плѣна въ Россію въ 1711 году, будучи вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ обмѣненъ на графа Пипера. Устряловъ, IV, 1, 64.

[3]) По словамъ Плейера, Петръ Великій, получивъ извѣстіе о смерти де-Круа, будто бы выразился: «Сердечно жаль мнѣ добраго старика. Онъ былъ поистинѣ умный и опытный полководецъ. Ввѣривъ ему команду 14 дней прежде, я бы не потерпѣлъ пораженія подъ Нарвой.

[4]) Главнымъ кредиторомъ герцога былъ ревельскій купецъ и ратсгеръ Іоаннъ Лантингъ. Въ лютеранской церкви св. Николая въ Ревелѣ (на углу липовой и рыцарской ул.) до самаго послѣдняго времени показывался еще трупъ Де-Круа, не подвергшійся тлѣнію, вѣроятно, вслѣдствіе особыхъ сойствъ почвы, гдѣ находился могильный склепъ. По преданію, онъ будто бы, согласно мѣстнымъ обычаямъ, не былъ преданъ землѣ вслѣдствіе того, что не уплатилъ долговъ своимъ кредиторамъ. Хороши были мѣстные остзейскіе обычаи (если только это такъ), не пощадившіе даже главнокомандующаго русскою арміей! Лишь въ 1897 году было сдѣлано распоряженіе о погребеніи де-Круа. 15 января, въ присутствіи эстляндскаго губернатора и высшихъ властей, тѣло герцога было положено въ новый гробъ и опущено въ склепъ, устроенный въ той-же церкви св. Николая. На гробѣ помѣщена слѣдующая надпись: «Герцогъ Карлъ-Евгеній де-Кроа, Duc de Croy, главнокомандующій русскою арміей при Нарвѣ въ 1700 году. Скончался 20 января 1702 года въ г. Ревелѣ» (рижскій вѣстникъ 1897 г., № 13).

въ 300 тыс. рублей; однако въ договорѣ объ этой казнѣ не упоминалось. Однимъ словомъ, допущено было явное насиліе. Захвативъ русскихъ военачальниковъ (всего 79), Карлъ предполагалъ этимъ обезсилить русскую армію, но ошибся.

22 ноября 1700 года король, въ сопровожденіи блестящей свиты и войска, вступилъ въ Нарву и прежде всего приказалъ отслужить торжественный молебенъ, при чемъ, при пѣніи гимна «Тебе Бога хвалимъ» (Te Deum), гремѣли пушки, разставленныя по стѣнамъ Нарвы и Ивангорода, въ полѣ и траншеяхъ, а солдаты производили салюты изъ ружей.

Горнъ за храбрую оборону города былъ произведенъ въ генералы.

Озабочиваясь обезпеченіемъ продовольствія для войскъ, расположившихся въ Нарвѣ и около нея, а также желая гарантировать мирный трудъ, прерванный войною, Карлъ разослалъ по окрестнымъ мѣстамъ нѣсколько универсаловъ въ этомъ духѣ на русскомъ языкѣ, напечатанныхъ шрифтомъ, захваченнымъ въ русскомъ лагерѣ.

Въ московскомъ главномъ архивѣ хранится 7 такихъ универсаловъ.

Одинъ изъ нихъ, напечатанный Шафировымъ и повторенный Устряловымъ въ приложеніяхъ къ исторіи Петра Великаго, мы приведемъ здѣсь въ виду представляемаго имъ интереса.

«Мы великомогущій король и проч. (весь титулъ). Объявляю, какъ превышейшій и правдивый Богъ неправдивыхъ, и лукавыхъ и крестопреступниковъ ненавидитъ, и нынѣ не въ давныхъ днехъ Господь Богъ всему свѣту явилъ, яко всемогущій Господь Богъ нашего правдиваго оружія благословилъ счастіемъ и неуслышаннымъ и непремѣннымъ благословеніемъ надъ нашимъ неправдивымъ непріятелемъ царемъ московскимъ, который не противъ своей святой поставленной и невдавно вновь подтвержденной вѣковѣчной миръ занапрасно и безо всякой данной винности въ нашую землю, въ которомъ не по человѣчески выжегъ и разорилъ и подданныхъ мучилъ, такожде и городы наши Ругодевъ и Ивангородъ своимъ войскамъ осадилъ; однакожъ-де нынѣ можемъ Бога хвалить и впредь надежду имѣемъ, что превышейшій Богъ наше оружіе своею милостію благословитъ надъ нашимъ неправдивымъ непріятелемъ. И понеже мы, во имя Господне, думаемъ иттить своимъ храбрымъ оружіемъ въ его непріятельскую землю и возвратить его насильство, что онъ творилъ въ нашей странѣ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, не противъ вѣковѣчнаго миру, которой царь московскій часто имепемъ Божіимъ обѣщалъ и обнадеживалъ съ нами жить въ доброй дружбѣ и въ сусѣдственной любви, и хотя намъ нынѣ возможно

такими-жъ мѣрами творить надъ царскими подданными, какъ царь московскій творилъ безъ пощаденія, и непослушной ярости надъ нашими подданными, однакожъ-де мы, яко крестьянскому государю всегда пристойно, что милость и милосердіе во всякомъ дѣлѣ объявить, а не какъ варварствомъ и яростію противъ своего непріятеля чинить: для того мы всѣхъ царскихъ подданныхъ, которые на Руси живутъ, дворяне, попы и посадскіе торговые люди и крестьяне, нашею милостію пожалуемъ и въ нашу королевскую милость пріемлемъ съ женами и съ дѣтьми и съ пожитками, лишь бы они жили въ своихъ помѣстьяхъ и въ домахъ безъ побѣжки и безо всякаго страху, потому, намъ довольно вѣстимо, что они подданные къ эхтому дѣлу и непріятельскому разоренію ни въ чемъ невинны, но къ эхтому неправдивому воинству понуждены. Для того мы его королевскаго величества всѣмъ царскимъ подданнымъ крѣпчайшимъ обычаемъ обѣщаемъ, чтобъ имъ не токмо самимъ съ женами и съ дѣтьми и съ пожитками жить во всякомъ покою, но такожде и вѣру свою со всякою вольностью имѣти и со всякою милостію и обереганіемъ отъ насъ пожалованы будутъ, а не отнюдь въ такую тягость и налогу, какъ они до сихъ поръ жили подъ царемъ московскимъ и подъ его царскихъ воеводскихъ досадъ и корыстей. И повелѣваю вамъ, чтобъ вы привезли къ намъ въ Ругодевъ, или куда надобно будетъ, запасу малое число по росписи на потребленіе нашему войску; а будетъ вы какіе запасы привезете, и вамъ на то отписи даны будутъ, и то все послѣ въ окладныя деньги зачтено будетъ до послѣднія копѣйки, а будетъ кто сверхъ того королевскаго окладу чего привезетъ на продажу, и имъ за тотъ ихъ привезеной запасъ заплачены будутъ деньги, и чтобъ имъ, царскимъ подданнымъ, которые къ намъ, по нашему королевскому указу, сюда запасы возить станутъ въ Ругодевъ или куда велятъ, никакой обиды на дорогахъ и насильства не учинилось бы, и къ нимъ для того нарочныхъ людей съ сими нашими оберегательными грамматами и крѣпчайшими заказами посланы будутъ, чтобъ отнюдь никакой досады и обиды имъ русскимъ подданнымъ не учинилось бы, такожде всѣмъ нашимъ воинскимъ людемъ заказано будетъ, подъ смертною казнію, чтобъ никто не смѣлъ русскаго человѣка, у кого сіи оберегательныя грамоты даны будутъ, не токмо ихъ самихъ и ихъ пожитковъ, но и курепка не смѣлъ бы тронуть. А будетъ кто изъ русскихъ людей сему нашему королевскому указу ослушенъ и не вскорѣ привезутъ, что отъ нихъ по росписи выписано, и побѣгутъ изъ своихъ домовъ или станутъ скрываться: и имъ быть безо всякаго пощаденія въ конечномъ разореніи и смертной казни. И для вѣрности, мы, его королевскаго величества, сію оберегательную грамоту нашею рукою и государственною печатью укрѣпляемъ. Писано въ Ругодевѣ, декабря въ 3 числѣ, 1700 года. Carolus. C. Piper»[1]).

[1]) Устряловъ, IV, 2, 182—184; Шафировъ, 374—380.

Потери русскихъ подъ Нарвою въ 1700-мъ году выразились слѣдующимъ образомъ: убито, утонуло въ Наровѣ, умерло отъ голода и погибло на обратномъ пути въ Новгородъ около 6000 человѣкъ, въ томъ числѣ полковники Фливеркъ, Больманъ, Куломъ, Девсинъ, Крое и Ухаревъ (или Сухаревъ), подполковники Конрадъ фонъ Верденъ и Питеръ Минстерманъ), 3 маіора и 1 инженеръ [1]).

Иностранные писатели преувеличиваютъ потери русскихъ и уменьшаютъ убыль шведовъ. Вольтеръ въ исторіи Карла XII утверждаетъ, что съ русской стороны пало 18 тысячъ человѣкъ, тогда какъ шведы потеряли не болѣе шестисотъ [2]). Впрочемъ въ исторіи Петра Великаго тотъ-же авторъ говоритъ, что шведовъ пало около 1200; потерю-же русскихъ, пользуясь источниками, присланными изъ Петербурга, онъ устанавливаетъ въ 6000 человѣкъ [3]).

Далинъ не стѣсняется цыфру русской убыли показать въ 36 тысячъ [4]).

Современники событія также различно указывали цыфру убыли русскихъ: Аллартъ насчитываетъ отъ 8—9 тысячъ, Александръ Гордонъ, участвовавшій въ сраженіи,—12 тысячъ, Адлерфельдъ—18 тысячъ. Это-же число указывалось въ оффиціальномъ шведскомъ объявленіи о нарвской битвѣ [5]).

Во всякомъ случаѣ сраженіе подъ Нарвой въ 1700 году было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ.

---

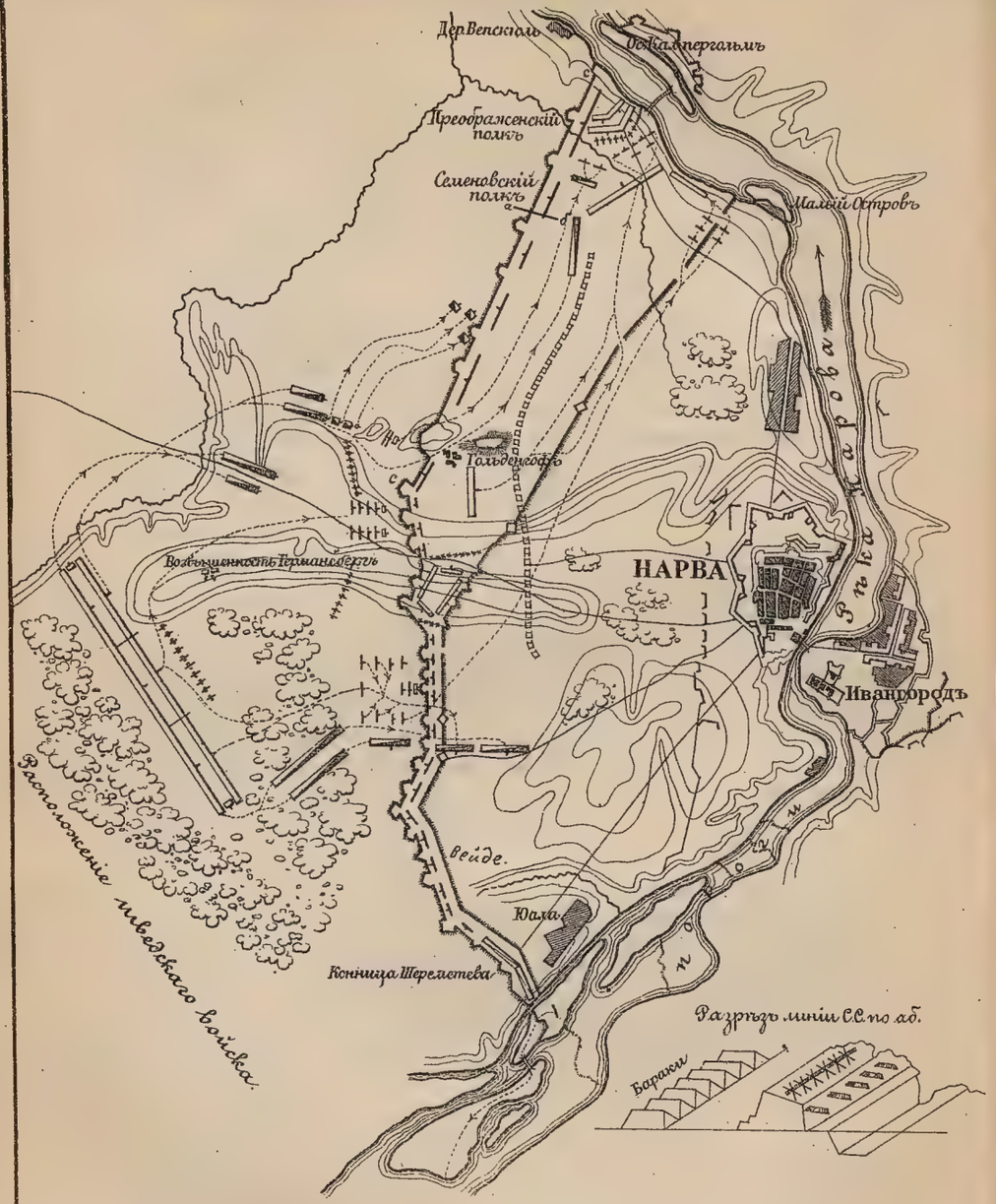
[1]) Кромѣ того, изъ лицъ, пришедшихъ отъ польскаго короля., убиты: 1 полковникъ, 1 инженеръ, 2 адъютанта и 3 капитана. Журналъ П. В., стр. 23—25. Относительно взятыхъ въ плѣнъ и убитыхъ между журналомъ Петра Вел. и дневникомъ Алларта существуетъ противорѣчіе: напр. въ журналѣ Бальцеръ, кн. Мещерскій и фонъ-Виттенъ показаны взятыми въ плѣнъ, а у Алларта убитыми «подъ городомъ». У Алларта показано не три, а пять убитыхъ маіоровъ: (Стральманъ, фонъ Дерстенъ, Дмитрій Рыжиковъ, Фелькерзамъ и Басіеръ). Вообще мы придерживаемся журнала, признавая за нимъ бо́льшую историческую достовѣрность.

[2]) Назв. сочин., стр. 141.

[3]) Назв. соч., ч. I., кн. 2, стр. 98.

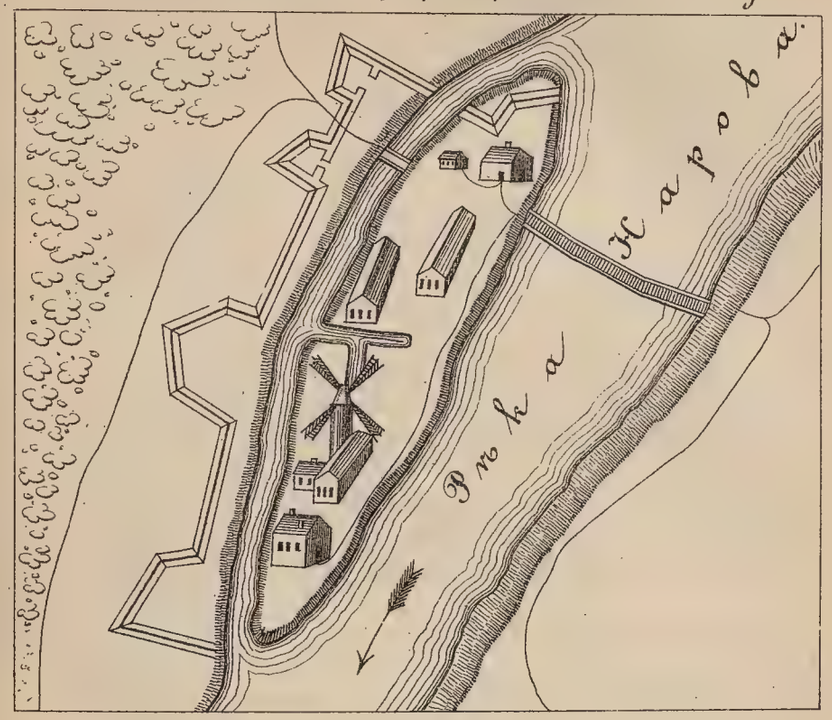
[4]) Далинъ. Ист. Швеціи, т. 8, стр. 963. При этомъ тотъ-же Далинъ указываетъ, что число русскихъ до битвы въ три раза превышало число шведовъ. Тутъ шведскій историкъ обнаруживаетъ бо́льшую умѣренность, чѣмъ другіе его собратья, утверждавшіе, будто русскихъ было вдесятеро болѣе, нежели шведовъ.

[5]) Устряловъ, IV, I, стр. 52.



Островъ Кампергольмъ,

гдѣ находилась главная квартира Петра Великаго въ 1700-мъ году.



ПЛАНЪ
ОСАДЫ НАРВЫ
и сраженія 19 ноября 1700 года.

Лит. Юделевича, С.П.Б.

Кромѣ указанныхъ уже нами генераловъ, въ плѣнъ были взяты еще: 1) полковники Карлъ Иваницкій, Вилимъ фонъ Делденъ, Яковъ и Александръ Гордоны, Гульцъ, Вестъ, Петръ Лефортъ и Бломбергъ, послѣдній, впрочемъ, по свидѣтельству журнала Петра Великаго, «не яко плѣнникъ, но болѣе своею волею, оставя свою команду, къ непріятелю ушелъ напередъ»;

2) подполковники Гордонъ, Бальцеръ, кн. Дмитрій Мещерскій, фонъ Виттенъ;

3) 6 маіоровъ, 14 капитановъ, 7 поручиковъ, 4 прапорщика, 4 сержанта и 9 фейерверкеровъ и бомбардировъ;

4) Лейбъ-медикъ Карбонарій и другихъ лицъ медицинскаго персонала 8 человѣкъ [1]).

Въ рукахъ шведовъ осталась почти вся русская артиллерія, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ малыхъ пушекъ, взятыхъ гвардейскими полками при отступленіи черезъ кампергольмскій мостъ, т. е. около 145 орудій [2]).

Шведы захватили массу знаменъ (по Адлерфельду 151), штандартовъ, ружей (по словамъ Фрибе около 24000), большое количество пороху, денежную казну (32000 рублей) и весь обозъ [3]).

Сами шведы потеряли въ бою до 2000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и раненыхъ [4]).

Вѣсть о пораженіи русскихъ войскъ подъ Нарвой застала Петра Великаго въ Новгородѣ.

Царь былъ сильно пораженъ. Онъ заперся одинъ въ комнатѣ и приказалъ никого не впускать къ себѣ [5]). Ему нужно было успокоиться и обдумать дальнѣйшее. Русская армія

[1]) Журналъ П. В., стр. 23—24. Изъ лицъ, присланныхъ польскимъ королемъ, кромѣ Алларта и Деланга, или Лангена, были взяты въ плѣнъ: 1 оберъ-инженеръ, 1 инженеръ-капитанъ, 1 полковникъ и 1 подполковникъ. Ibidem, стр. 24—25. У Леера значится (стр. 15), что потеря русскихъ *за весь нарвскій походъ* доходила до 17000 человѣкъ.

[2]) Въ оффиціальномъ шведскомъ сообщеніи о побѣдѣ подъ Нарвой указывалось, что въ русскомъ лагерѣ захвачено 177 орудій.

[3]) Кромѣ того, около Кулги шведы захватили обозъ и пушки, переправленныя по Чудскому озеру изъ Пскова.

[4]) Въ числѣ убитыхъ былъ генералъ-маіоръ Ребингъ, измѣрившій, какъ мы видѣли, глубину рва, за которымъ находилась русская позиція, а въ числѣ раненыхъ оказались полковники графъ Стенбокъ (или Штейнбокъ), Ребингъ и нѣсколько подполковниковъ и оберъ-офицеровъ (Аллартъ, 133).

[5]) Полевой. Исторія Петра, т. II, стр. 36.

оказалась сломленною чуть ли не съ перваго натиска. Было надъ чѣмъ призадуматься! «Нарвское пораженіе—говорится въ обзорѣ войнъ Россіи—было страшнымъ ударомъ для всей Россіи и для арміи: довѣріе къ собственнымъ силамъ было подорвано, убѣжденіе въ непобѣдимости шведской арміи, имѣвшей во главѣ самого Карла XII, въ теченіе многихъ лѣтъ проникало во всѣ предпріятія русскихъ войскъ». Впрочемъ, Петръ не упалъ духомъ. Напротивъ, по поводу нарвскаго пораженія, онъ, говорятъ, замѣтилъ: «Шведы долго еще будутъ побѣждать насъ, но своими побѣдами они научатъ, наконецъ, побѣдить ихъ самихъ; когда-же ученье проходитъ безъ потерь и огорченія?» [2]).

Простой народъ на Руси объяснялъ побѣду шведовъ чародѣйствомъ. «Такова была гордость и невѣжество народа русскаго—пишетъ Вольтеръ,—что они думали, будто побѣждены силою выше человѣческой, и что шведы настоящіе волшебники. Эта мысль такъ распространилась, что въ Москвѣ указаны публичныя молебствія св. Николаю, защитнику Россіи».

Народная легенда говоритъ, что шведы побѣдили русскихъ при помощи колдуньи, матери Карла (!), которая жила на самой верхушкѣ германовой башни и волшебными чарами дѣлала безвредными всѣ ядра и бомбы, которыя летѣли въ осажденный городъ изъ русскихъ пушекъ, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ одинъ русскій солдатъ зарядилъ ружье пуговицею и застрѣлилъ вѣдьму, при чемъ и самъ долженъ былъ погибнуть. Только послѣ этого будто-бы русскіе начали одерживать верхъ надъ шведскимъ оружіемъ и овладѣли Нарвою.

Карлъ радовался побѣдѣ, но, какъ юноша, хотя и вѣнценосный, онъ черезчуръ увлекся своими успѣхами. Въ немъ утвердилась увѣренность въ непобѣдимости, непогрѣшимости и даже въ посланничествѣ свыше, а рядомъ съ этимъ презрѣніе къ врагу. «Король ни о чемъ больше не думаетъ—писалъ генералъ Стенбокъ—какъ только о войнѣ; онъ уже больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, какъ будто Богъ непосредственно внушаетъ ему, что онъ долженъ дѣлать».

[1]) Леверъ. 15.

[2]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, ч. 2, стр. 34. Вольтеръ. Исторія Карла XII, стр. 148.

Фельдцейхмейстеръ Кронстедтъ послѣ нарвской битвы, писалъ въ Швецію: «Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божію, что не боится съ 4000 человѣкъ броситься на 60000». Полковникъ королевской гвардіи Поссе выражался въ этомъ-же родѣ: «Несмотря на холодъ и голодъ, король еще не хочетъ отпустить насъ на зимнія квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человѣкъ, то онъ съ ними вторгнется въ Россію, не заботясь, чѣмъ будутъ солдаты питаться. Если кого нибудь изъ нашихъ убиваютъ, то это его нисколько не трогаетъ» [1]).

Въ спальнѣ короля висѣла карта Россіи, и онъ показывалъ окружавшимъ его генераламъ дорогу въ Москву, разсчитывая весьма скоро и легко добраться до сердца Россіи.

Русскіе резиденты при европейскихъ дворахъ чувствовали себя весьма неловко, такъ какъ иностранные дипломаты, не стѣсняясь, выражали свое злорадство по поводу пораженія царскихъ войскъ подъ Нарвой.

«Главный министръ, графъ Кауницъ и говорить со мною не хочетъ—писалъ князь Голицынъ изъ Вѣны—да и на другихъ нельзя полагаться. Они только смѣются надъ нами. Былъ я въ оперѣ въ «Фаворитѣ» съ польскимъ посланникомъ; къ намъ подошелъ французскій и привелъ шведскаго. Сначала всѣ веселились. Потомъ французскій посланникъ сказалъ, что надобно бы заключить союзъ между Швеціею, Польшею и Россіею. Шведъ отвѣчалъ, что король его съ Польшею намѣренъ заключить союзъ, а съ царемъ не только союза, но и мира имѣть не хочетъ,—и сталъ смѣяться. У насъ вышла было ссора, но развелъ французскій посланникъ... Всякими способами надо домогаться получить надъ непріятелемъ побѣду. Хотя и вѣчный миръ заключимъ, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладимъ? Непремѣнно нужна нашему государю хотя малая викторія, которою бы имя его попрежнему во всей Европѣ славилось; а теперь войскамъ нашимъ и управленію только смѣются. Никакъ не могу видѣть министровъ: сколько ни ухаживаю за ними, всѣ бѣгаютъ отъ меня и не хотятъ говорить» [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 1249—50.

[2]) Устряловъ, IV, 1, стр. 81. Брикнеръ. Исторія Петра Вел., т. II, стр. 410.

Въ Вѣнѣ при дворѣ открыто читали вѣсти о новомъ пораженіи царя, о воцареніи Софіи, о бѣгствѣ Петра съ немногими приближенными. Шведскій посланникъ, въ присутствіи другихъ дипломатовъ, насмѣхался надъ Петромъ. «Что говоритъ шведъ, мерзко слышать!»—сообщалъ въ своихъ донесеніяхъ князь Голицынъ [1]).

Въ томъ-же духѣ писалъ и русскій посолъ въ Нидерландахъ Матвѣевъ. «Шведскій посолъ съ великими ругательствами, самъ ѣздя по министрамъ,—доносилъ онъ—не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дни пошли въ Москву изъ полковъ, и какія я слышу отъ него руганія, рука моя того написать не можетъ. Шведы съ здѣшними, какъ могутъ, всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ знать даютъ не только о войскахъ нашихъ и о самой вашей особѣ.... Жить мнѣ здѣсь очень трудно» и т. д. [2]).

Впрочемъ, получивъ изъ Россіи подробныя свѣдѣнія о нарвской баталіи, Матвѣевъ подалъ нидерландскимъ штатамъ меморіалъ, въ которомъ говорилось, что шведы, ворвавшись въ ретраншементъ, поставили себя между дивизіею Вейде и гвардейскими полками; видя свою бѣду, они троекратно присылали трубача съ предложеніемъ перемирія, но когда договоръ былъ заключенъ, и русскіе полки одинъ за другимъ стали переходить черезъ Нарову, шведы набросились на нихъ, вопреки королевскому слову, и все разграбили, захвативъ оружіе и артилерію.

Меморіалъ произвелъ свое дѣйствіе, такъ какъ, по словамъ Матвѣева, въ Гаагѣ «дивились непостоянству и

[1]) Виновникомъ неблагопріятныхъ слуховъ, циркулировавшихъ при вѣнскомъ дворѣ относительно Петра, князь Голицынъ называлъ Гваріента, бывшаго въ Москвѣ цесарскимъ посланникомъ въ 1698 году. «Много разъ я просилъ цесаря чрезъ патера Вольфа, чтобы приказалъ ему ротъ зажать –писалъ Голицынъ Головину,—не допускаетъ до того графъ Кауницъ, которому онъ приноситъ вѣдомости съ Москвы, имѣя тамъ сношенія со многими». «Истинно, какъ я слышалъ здѣсь,—прибавлялъ Голицынъ—такова поганца и ругателя на московское государство не бывало; съ пріѣзду его сюда, насъ учинили барбарами и не ставятъ ни во что. Если такой поганецъ будетъ впредь, и не такія пакости можетъ учинить». Устряловъ, IV, 1, стр. 82.

[2]) Соловьевъ, XV, 1312; Брикнеръ, 411.

лживой перемѣнѣ шведовъ въ постановленьи перемирья съ нашими генералы, и здѣсь во весь народъ то отозвалося къ великому безславью шведу». Чтобы заглушить толки, неблагопріятные для Карла, шведскій посолъ въ Гаагѣ Лиліенротъ заказалъ написать на французскомъ языкѣ замѣчанія на меморіалъ Матвѣева. По словамъ Соловьева, замѣчанія эти написаны ловко и зло [1]).

Въ различныхъ брошюрахъ и стихотворныхъ памфлетахъ шведы старались уронить Петра въ глазахъ Европы, намекая на упадокъ духа наканунѣ сраженія какъ у самого царя, такъ и у генераловъ Вейде и Головина. Фокеродтъ писалъ, будто Петръ, получивъ извѣстіе о пораженіи русскихъ войскъ подъ Нарвою, одѣлся въ крестьянское платье, обулся въ лапти, плакалъ, долгое время ни съ кѣмъ не разговаривалъ и велъ бесѣду лишь съ тѣми генералами, которые совѣтовали заключить миръ съ какими бы то ни было жертвами. Даже извѣстный философъ Лейбницъ, прежде желавшій процвѣтанія Россіи, увлекся успѣхами Карла и выражалъ надежду, что юный герой овладѣетъ всѣмъ московскимъ государствомъ до рѣки Амура. Побѣду Карла подъ Нарвою Лейбницъ воспѣлъ въ стихотвореніи, въ которомъ проводилъ мысль, будто Петръ старался скрыть передъ Европой нѣкоторую долю своего урона. Эту-же мысль выразилъ и Плейеръ въ донесеніи своемъ императору Леопольду. Онъ писалъ, что московское правительство старалось уменьшить число убитыхъ и раненыхъ и строжайше запретило говорить о нарвскомъ сраженіи [2]).

Въ нѣкоторыхъ шведскихъ сочиненіяхъ указывалось на несправедливость образа дѣйствій русскаго царя при внезапномъ открытіи военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. (Напримѣръ, въ брошюрѣ Гермелина «Discussio criminationum quibus usus est Moscorum Czarus») [3]).

Даже впослѣдствіи иностранные писатели не могли отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ на сраженіе подъ Нарвой въ 1700 году и его послѣдствія. Они преувеличивали числен-

---

[1]) Соловьевъ, XV, 13—12; Устряловъ, IV, 1, 77—78.

[2]) Брикнеръ, 409 и 412. Авторъ, къ сожалѣнію, придаетъ вѣру тенденціозному донесенію Плейера.

[3]) См. перечень источниковъ.

ность русскаго войска, умаляя притомъ число шведовъ, приводили разныя небылицы о царѣ и его генералахъ и т. п.

Этой ошибки не избѣжалъ и Вольтеръ, несмотря на то, что пользовался источниками, доставленными ему, по приказанію Императрицы Екатерины II, изъ С.-Петербурга.

Въ годъ сраженія подъ Нарвой вышла брошюра съ стихотвореніями на шведскомъ и латинскомъ языкахъ, воспѣвавшая подвиги Карла, который, подобно Цезарю, «пришелъ увидѣлъ и побѣдилъ» московскаго царя.

Приведемъ эту брошюру, какъ образчикъ хвалебныхъ одъ того времени, въ подлинникѣ и въ переводѣ:

Narva triumphans super Gloriosissima Victoria, quam Invictissimus Heros, Augustissimus et Potentissimus Princeps Carolus XII-mus Sueciae, Gothiae, Vandaliaeque Rex, Magnus Princeps Finnoniae, Dux Scaniae. etc., etc.. etc., felici omine, sub auspicio Dei et suo proprio ductu in campis Narvensibus Estoniae Anno 1700 diebus 20 et 21 Novembris ab hoste Mosco reportavit devotissime delineata per G. S. B.

I.

Qui cupis rerum monumenta vera
Principis Celsi, Ducis atque Regis
Indolis rarae juvenis Virique
Noscere summa,
Nosce gestarum specimen potentis
Caroli rerum, magis efferendum
Tempore hoc, cujus meritis nec unus
sufficit orbis.
Quo nihil majus meliusque Succis
Est datum, magno subeunte fata
Patre, nec visus reliquum per orbem hoc
Principe major.
Fortibus fortes generare suevit
Ipse naturae geniusque sanguis;
Non fugax prodit lepus e feroci
Stirpe leonum.
Lacte materno biberat fluentum
Indolis summae; patris hic imago
Vivit aeternum, meliorque fulget,
Carole, per Te.
Sueciae Princeps, memorande Karle,
Tempus hoc mentem stimulat quietam
Ingredi laudum mare tot tuarum,
Magne Monarcha.
Te dolor justus vocat ad triumphos
Te vocant Ingri, Livonesque, pressa
Narva, mox vastis inimica rumpis
Castra ruinis.

Narva mirata est faciem timendam
Hostium, cinctum tenuere namque
Oppidum clarum regionis arctâ
Obsidione.

Primus in plures ruit hic cruentos
Caede, quo vincat populos feroces,
Obvios stravit sine clade Victor,
Fortis Achilles.
Intrat hic Narvam medios per hostes
Carolus Victor bene tutus inter
Tela, mucrones, globulos et ignes,
Hoste fugato.

Hinc procul curae super urbe nostra
Occidunt Mosci, Peter exit ante;
Dessident armis sibi luctuosis
Saxo-Poloni.
Ipse in hostiles velut ipse Mavars
Heic ruis turmas, feris atque vincis
Parcis at victis, oriunde forti
Stirpe Leonum.

Commodus Marti genioque campus
Est tuo Augusto datus ad triumphos
Nobiles, gaudent animi piorum,
Narvaque plaudit.
Rebus in duris animosus idem
Fortis adpares, ea Carolorum
Laus fuit quorum Sacra fama perstat
Patris avique.

Sed tuas laudes pia fama cantat,
Ibit in cunctas regionis oras
Fama per terras, caput ipsa ducet
Fulgida ad astra.
Omnibus major, pietate clarus
Justus et fortis, validus potensque
Copiae cornu bonitate abundans
Civibus adfers.

Vince sic plures cupidos iniqui
Sterne, conculca tumidos avaros,
Qui tuis Regnis inimica cudunt,
Fraude notandi;
Sed Tuo Sacro capiti, Monarcha,
Parce, ne vitae nimis ac pericli
Prodigus fias, anima es tuorum
Vita salusque.

Sic sumus tecti clypeo micanti
Maximi Regis, populus beatus,
Sueciae, Mosci jugulus petitus
Parte resectâ.

Duret aeternum status hic tuorum
Faustus et felix, Tuus et Monarcha
Magne, quo forti Duce ter quaterque
Narva triumphat.

II.

Carolus ut venit, vidit, bene vicit et hostem.
Noster Hyperboreo fortis in orbe Leo.
Moscus adest decuplo major, superatur, abitve,
Vindictam exposcat quo temerata fides.
Pacem qui rupit malesano Martis amore,
Is profugus prior est, nuncius atque suis.
Hic sit crudelis, sit multa caede cruentus,
Ultor adest subito, qui modo victor erit.
Carolus Herculeâ solus virtute triumphat,
Adspirante Deo magna trophea refert.
Exserit heic vires firmas, tyrociniumque
Deponit fuso lactus ab hoste redit.
Ante ferox Moscus, quem causa adversa trahebat,
Reliquit profugus deseruitque suos.
Ingria Sacra Deo Regique, ad utrumque parata,
Cives innocua mente animoque fovet;
Narva caput gentis, vallis circumdata firmis,
Felix flore Virûm, relligiosa Deo,
Supplicis ora tulit, tensis ad sidera palmis
Auxilium exspectat, Carole Magne, tuum.
Cujus in adspectu confusis mentibus hostes
Ingenti trepidant corde manuque, metu.
Carolus heic praesens numero praestantior omni,
Militiae ostendit fortia gesta suae.
Tanta erat hic virtus et cum virtute triumphus,
Ut vix audierint secla priora parem.
Pone Ducem Regem comitatur fortis in armis
Quisquis adest suecus mente manuque valens.
Carolus est felix, cui caelum et militat aether,
Cui Deus â dextris estque manetque favens;
Carmina non possunt Regem describere talem,
Qualem aetas juvenem, facta dedere senem.
Nam qnibus est junctus sincero foedere amatur,
Ast fugiunt hostes, vel quoque morte cadunt.
Post caesos ubicunque feros, ubicunque fugatos
Hostes, submissis parcit, ut ipse Leo.
Nulli sponte nocet, sed amabilis hostibus ipsis,
In quo res magna est, perdit et ira locum.
En generosus adest Leo, quem dare terga nec ira,
Nec virtus patitur gloria et ampla sua.
Regem sponte tua Victorem, Mosce, saluta,
Fortior haud victor, mitior atque datur.
Parcere subjectis et debellare superbos.

Est tua, Rex, virtus, Carole, noster amor.
Tantane Te tenuit fiducia, Zare, tuorum.
Ut credas superis posse latere nefas?
Exemplum pulchrum versandi pectore fraudes!
Si fidas causae, cur prior ipse fugis?
Sed Deus est vindex Ejus, qui vincula rupit
Aeternae pacis, juraque Sancta Dei.
Illa dies semper memoranda, ut postera credant
Saecula, quod Moscus sic temere ausa luat.
Discite, mortales, meditantes falsa dolosque,
Quod non sit nihili, sic temerare fidem.

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Нарва, торжествующая славнѣйшую побѣду, которую непобѣдимѣйшій герой августѣйшій и могущественнѣйшій государь Карлъ XII-ый Швеціи, Готіи и Вандаліи король, великій государь финновъ, повелитель Сканіи и проч. и проч., напутствуемый счастьемъ, съ помощью Божіей, предводительствуя войсками, на поляхъ нарвскихъ въ Эстоніи, въ 1700 году въ дни 20—21 ноября надъ врагомъ московскимъ одержалъ, преданнѣйше изображается Г. С. Б. [1]).

Кто желаетъ познать правдивую исторію дѣлъ великаго государя, вождя и короля, мужественнѣйшаго юноши рѣдкихъ дарованій, Тотъ пусть послушаетъ о подвигахъ могущественнаго Карла, которые нынѣ весьма подобаетъ превозносить, и заслугъ котораго не въ состояніи вмѣстить земной шаръ.

Шведамъ не было дано ничего выше и лучше его, рожденнаго волею судьбы отъ великаго отца, и въ остальной вселенной не было государя лучше, чѣмъ этотъ.

Сама родовая кровь и геній имѣетъ обыкновеніе рождать храбрымъ храбрыхъ, и не быстроногій заяцъ произошелъ изъ суроваго поколѣнія львовъ.

Съ материнскимъ молокомъ онъ всосалъ какъ бы источникъ высшаго дарованія; въ немъ живетъ приснопамятный образъ отца и еще ярче блещетъ чрезъ тебя, о Карлъ.

Король Швеціи, достопамятный Карлъ! твои времена будятъ заснувшую мысль, заставляя ее вступить въ безбрежное море твоей славы, великій монархъ.

Справедливая скорбь зоветъ тебя къ тріумфамъ; тебя зовутъ ингры и ливонцы, стѣсненная Нарва. Ты вскорѣ обращаешь въ обширныя развалины вражескій лагерь.

Изумилась Нарва страшному лицу враговъ, ибо они держали славный городъ страны опоясаннымъ тѣсною осадою.

Первый онъ ринулся на полчища враговъ, покрытыхъ кровью пораженія, чтобы побѣдить свирѣпые народы; сопротивлявшихся побѣдитель, храбрый Ахиллъ, повергаетъ на землю безъ вреда для себя.

[1]) Инціалы имени автора.

Вотъ вступаетъ въ Нарву, среди враговъ, Карлъ побѣдитель, невредимый между копьями, мечами, ядрами и пламенемъ, обративъ въ бѣгство врага.

Тутъ, оставивъ попеченіе о нашемъ городѣ, московиты гибнутъ. Петръ вышелъ ранѣе; праздно сидятъ саксонцы и поляки, при своемъ, на горе поднятомъ, оружіи.

Ты самъ устремляешься на вражескія толпы, словно Марсъ, поражаешь и побѣждаешь, но щадишь побѣжденныхъ, о отрасль храбраго поколѣнія львовъ.

На долю твою выпали знаменитые тріумфы, достойные Марса и твоего августѣйшаго генія; радуются души вѣрныхъ тебѣ, и Нарва рукоплещетъ.

Мужественный и твердый въ трудныхъ обстоятельствахъ—такова была слава Карловъ, отца и дѣда, такова она и осталась.

Тебѣ поетъ хвалу священная молва, она пойдетъ по землѣ во всѣ края свѣта и вознесетъ главу къ свѣтлымъ звѣздамъ.

Ты выше всѣхъ, славный своимъ благочестіемъ, справедливый и мужественный, крѣпкій и могущественный; полный доброты, ты несешь гражданамъ рогъ изобилія.

Побѣждай такимъ образомъ многихъ, стремящихся къ неправильнымъ стяжаніямъ, ниспровергай, попирай ногами надменныхъ и жадныхъ, которые коварно строятъ козни твоему государству;

Но пощади, монархъ, свою священную голову и не подвергай жизнь свою опасности; вѣдь ты душа, жизнь и благо твоихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ мы, счастливый народъ Швеціи, покрыты блестящимъ щитомъ величайшаго короля, а московиту нанесенъ ударъ (въ горло) и причинена потеря.

Да живетъ вѣчно, это благополучіе и счастье твоихъ подданныхъ и твое, великій монархъ, подъ доблестнымъ главенствомъ, котораго трижды и четырежды торжествуетъ Нарва.

II.

Нашъ храбрый сѣверный левъ Карлъ пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ врага. Московитъ, болѣе чѣмъ въ десять разъ многочисленный, побѣжденъ и отступаетъ. Пусть онъ потребуетъ возмездія отъ того, кѣмъ нарушено довѣріе. Кто нарушилъ миръ, вслѣдствіе безумной любви къ Марсу (безумной воинственности), тотъ первый бѣжалъ и повѣдалъ своимъ. Пусть онъ (т. е. Карлъ) жестокъ, пусть онъ окровавленъ многимъ убійствомъ, но онъ—мститель, который только и будетъ побѣдителемъ. Одинъ только Карлъ торжествуетъ геркулесовскою доблестью; вдохновляемый Богомъ, онъ несетъ великіе трофеи. Онъ обнаруживаетъ крѣпкія силы, прекращаетъ воинскіе подвиги и возвращается веселый, разсѣявъ врага.

Прежде жестокій московитъ, котораго увлекала злая участь, убѣгая, оставилъ и покинулъ своихъ. Ингрія, посвященная Богу и королю, готовая служить тому и другому, покровительствуетъ гражданамъ съ чистымъ умомъ и духомъ; Нарва, глава народа, окру-

женная крѣпкими валами, счастливая цвѣтущими мужами, религіозная, обращаетъ просящія уста, протянувъ руки въ звѣздамъ, ожидаетъ помощи — твоей, великій Карлъ. При видѣ тебя, у врага трепещутъ сердца и руки. Но вотъ Карлъ тутъ, болѣе сильный, чѣмъ всякая численность, онъ показываетъ своему войску подвиги храбрости. Столь велика была его доблесть, а съ нею и торжество, что едва ли прошлые вѣка слыхали о подобномъ. За королемъ-вождемъ охотно слѣдуетъ съ оружіемъ всякій храбрый шведъ и душою и тѣломъ; Карлъ, у котораго воинствуютъ и небо, и воздухъ, которому Богъ всегда помогаетъ, счастливъ; поэзія безсильна описать такого короля, который съ возрастомъ юноши соединилъ въ себѣ дѣянія, возможныя лишь къ старости.

Его любятъ тѣ, съ кѣмъ онъ связанъ искреннимъ союзомъ, а враги бѣгутъ отъ него или смертью погибаютъ.

Частью убивши свирѣпыхъ враговъ, частью обративши ихъ въ бѣгство, онъ щадитъ покорныхъ, какъ самъ левъ. Онъ никому намѣренно не вредитъ и любимъ самыми врагами. Въ комъ великая сила, въ томъ и гнѣвъ не имѣетъ мѣста.

Вотъ благородный левъ, ни гнѣвъ, ни мужество, ни слава, ни величіе его не потерпятъ, чтобы онъ обратился въ бѣгство. Московитъ, привѣтствуй добровольно короля-побѣдителя; нѣтъ побѣдителей болѣе храбрыхъ и болѣе кроткихъ. Щадить покорепныхъ и смирять гордыхъ — это твое свойство, король Карлъ, наша любовь. Неужели, царь (Петръ), ты такъ поддался вѣроломству, что полагаешь возможнымъ сокрыть беззаконіе отъ высшихъ. Прекрасный примѣръ грудью отвращать коварства! Если ты вѣришь дѣлу, то зачѣмъ ты самъ первый бѣжишь? Но Богъ есть отмститель тому, кто разрушилъ узы вѣчнаго мира и святой клятвы; пусть будетъ вѣчно памятенъ этотъ день, чтобы позднѣйшіе вѣка вѣрили, что московитъ такъ безразсудно разрушаетъ узы.

Поучайтесь, смертные, размышляя о лжи и коварствѣ, что значитъ такъ нарушить довѣріе.

Къ осадѣ Нарвы русскими въ 1700 году относятся помѣщенныя въ современномъ шведскомъ листкѣ, имѣющемъ заголовокъ «Narva Moscorum clade nobilitata», еще слѣдующія эпиграммы неизвѣстнаго автора, основанныя на игрѣ словъ Varna и Narva (Narva per anagramma Varna):

I.

Nomina foedifragis fatalia bina notantur:
Varna quidem antiquo nomine, Narva—novo.
Hungare, ut ad Varnam perjuria foeda luisti;
Ad Narvam prorsus sic tua, Mosce, luis.

II.

Varna Jagellonidi, Mosco sed Narva tyranno
Nomine fatali; cladis origo fuit.
Par in utraque scelus, divos contemsit uterque,

Et modo juratam rupit uterque fidem,
Exitus haud dispar: ferro cadit ille cruento.
Evadit celeri turpius iste fuga.
At qui funeribus potuit superesse suorum,
Innumeras patitur verius ipse neces.

III.

Ebria perjuro cum staret Varna cruore,
Olim Sarmaticos admonitura duces:
Lechiadum sprevit priscum rex immemor omen;
Noluit externo Moscus habere fidem.
Narva sed ut simili geminavit nomine cladem,
Jam capit ille recens omen, et iste domi.

IV.

Czari confessio.

Varna celebratur funesta clade Polono;
Narva sed exitio nobilitata meo est.
Pontificum monitis alter sacra foedera rupit:
Me socius docuit perfidus esse levem.
Sic cum perjuros Nemesis divina sequatur,
Discite mortales non temerare fidem.

V.

In perfidiam Czari.

Czarus, Moscua cui subest Tyranno,
Quum bello petit obsidere Narvam,
Deponit veterem, noviq; sumit
Vestitus habitum, modo Hungarorum.
Non fausto omine: quippe Narva, versa ei
In Varnam, documenta certa praebet,
Semper perfidiam esse luctuosam.
Autoriq; suo exitus acerbos,
Et longe miseras parare clades.
Si fraudare datam fidem quis optat,
Varnam cogitet is bene, atq; Narvam.

VI.

Narva, tuum nomen terras spargetur in omnes,
Fatalis Moscis scopule, ac memorabile bustum
Barbariae: sic porro locis ac finibus illis
Plena lacessitis veniat victoria Svecis [1]).

[1]) См. соврем. листокъ «Narva Moscorum clade nobilitata». Въ имп. публ. библіотекѣ въ СПБ. нѣсколько подобныхъ листковъ и брошюръ на латинскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (въ томъ числѣ и вышеприведенная брошюра «Narva triumphans») собраны въ одинъ переплетъ.

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Двѣ судьбы связаны съ именемъ нарушителей договоровъ: Варна—съ именемъ древнимъ, съ именемъ новымъ—Нарва. Какъ ты, венгерецъ, за нарушеніе клятвы заплатилъ подъ Варной, такъ точно ты, московитъ, платишь подъ Нарвой.

II.

Роковымъ для Ягеллона именемъ стала Варна, а для московскаго тирана—Нарва: она была началомъ пораженія. Одинаковое въ отношеніи обоихъ городовъ преступленіе: оба оскорбили божество и оба нарушили только что данную клятву. И исходъ отсюда не различенъ: тотъ падаетъ подъ ударомъ окровавленнаго меча, этотъ избѣжалъ смерти постыднымъ бѣгствомъ, и хотя онъ могъ пережить смерть своихъ людей, но самъ по справедливости терпитъ безчисленныя бѣды [1]).

III.

Когда Варна стояла напоенная вѣроломною кровью, она предрекала судьбу сарматскихъ. (т. е. русскихъ) вождей: непамятливый царь презрѣлъ старое предвѣстіе ляховъ; московитъ не хотѣлъ вѣрить чужеземному примѣру; но когда Нарва, городъ съ подобнымъ же именемъ, повторила пораженье, то онъ (Петръ) тотчасъ понялъ это новое предвѣстіе у себя дома.

IV.

Признаніе царя.

Варна извѣстна гибельнымъ пораженіемъ полька, а Нарва ознаменована моею гибелью. Тотъ (т. е. полякъ), по внушенію папъ, нарушилъ священный союзъ: меня вѣроломный союзникъ научилъ быть легкомысленнымъ. Когда такимъ образомъ божественная Немезида преслѣдуетъ вѣроломныхъ, учитесь, смертные, не обманывать довѣрія.

V.

На вѣроломство царя.

Когда царь, которому подвластна Москва, стремится войною осадить Нарву, то снимаетъ старую одежду и надѣваетъ новую, венгерскую. Но это не счастливый признакъ: именно Нарва, обратившаяся для него въ Варну, представляетъ несомнѣнныя доказательства, что

---

[1]) Эти двѣ эпиграммы съ переводами повторены въ русской старинѣ за 1893 г., книга 8 (мнѣнія иностранцевъ-современниковъ о великой сѣверной войнѣ), стр. 281.

вѣроломство всегда бываетъ плачевнымъ, что виновному въ немъ оно причиняетъ горестныя послѣдствія и печальныя пораженія. Если кто намѣренъ обмануть довѣріе, то пусть хорошенько поразмыслитъ о Варнѣ и Нарвѣ.

VI.

Нарва, роковой подводный камень для московитовъ, достопамятная могила варваровъ, твое имя распространится по всѣмъ землямъ: пусть такимъ образомъ далѣе этихъ мѣстъ и границъ придетъ полная побѣда для гнѣвныхъ шведовъ [1]).

Нѣкоторые одописцы и пѣты, какъ и въ приведенныхъ эпиграммахъ, упражнялись игрою надъ словами, перестановками въ нихъ буквъ съ цѣлью прославленія Карла и умаленія достоинства московскаго врага: имя короля Carolus преображалось въ clauros, т. е. clarus (славный), Moscua въ musca (муха), причемъ надменно проводилась параллель между львомъ и мухой и т. п.

Въ 1701 году въ городѣ Фрейштадтѣ, въ Силезіи, сталъ издаваться періодическій листокъ, подъ заглавіемъ «Geheime Briefe, so zwischen curieusen Personen über notable Sachen der Staats und gelehrten Welt gewechselt worden, bestehend in zwölf unterschiedenen Posten, über das 1701 Jahr nebenst einem vollkommenen Register», (т. е. Секретныя письма замѣчательныхъ людей о любопытныхъ предметахъ политическаго и ученаго міра, состоящія изъ 12 различныхъ почтъ на 1701 годъ, съ приложеніемъ полнаго указателя). Листокъ этотъ выходилъ ежемѣсячно. Въ немъ помѣщались письма безъ подписей о разныхъ предметахъ и карикатуры. Нѣкоторыя письма касались возникшей тогда сѣверной войны и, какъ заключающія сужденія (хотя и пристрастныя) современниковъ, представляютъ значительный интересъ. Три изъ нихъ, касающіяся нарвской баталіи 1700 года, мы здѣсь приведемъ.

1) О пораженіи москвитянъ подъ Нарвой и почему они никогда не станутъ твердой ногой въ Лифляндіи и не въ состояніи будутъ ничего сдѣлать противъ Польши (Письмо 20-ое).

Милостивый государь!

Всякаго по справедливости крайне удивляетъ пораженіе москвитянъ подъ Нарвой. Такая большая армія, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ 80.000 человѣкъ, не только не могла, послѣ почти девятимѣсячной осады, овладѣть Нарвой, не особенно сильно укрѣпленной,

---

[1]) Въ приведенныхъ эпиграммахъ пораженіе Петра Великаго подъ Нарвой сравнивается съ пораженіемъ 10 ноября 1444 года подъ Варною польскаго короля Владислава III, который нарушилъ, подъ давленіемъ папы Евгенія IV, только что заключенный въ Чегединѣ миръ съ султаномъ, за что и заплатилъ собственною жизнію.

Переводъ эпиграммъ (кромѣ №№ I и II), одъ и далѣе приводимыхъ изреченій на медаляхъ принадлежитъ моему другу, кандидату спб. университета К. А. Строльману.

но даже захваченная 20-го ноября врасплохъ въ своемъ лагерѣ гораздо слабѣйшимъ шведскимъ войскомъ, подъ предводительствомъ короля Карла XII, была разбита, и весь лагерь со всею артиллеріею изъ 150 орудій, 30 мортиръ, весь багажъ и 25 оберъ-офицеровъ (генераловъ и другихъ начальниковъ), между коими находился самъ генералъ-фельдмаршалъ герцогъ фонъ-Кронъ, достался шведамъ въ плѣнъ и добычу. Если бы это были все только одни москвитяне, то никто бы, знакомый съ храбростью и военнымъ искусствомъ шведовъ, этому не удивился; но, такъ какъ офицеры были большею частію нѣмцы, шотландцы, датчане и изъ другихъ извѣстныхъ своею храбростью націй, то это еще удивительнѣе и скорѣе должно почесться за дѣло Божеское, чѣмъ человѣческое. По поводу этого происшествія мнѣ пришло въ голову много серьезныхъ и замѣчательныхъ мыслей; между прочимъ то, что не безъ основанія можно сказать, что это пораженіе обошлось москвитянамъ дороже, чѣмъ прежнія, потому что они переступили границы, назначенныя самимъ Богомъ ихъ государству, и поэтому не могутъ имѣть никакой удачи, такъ какъ опытомъ доказано, что всякому государству самимъ Богомъ назначены извѣстныя границы, черезъ которыя они не могутъ переступить, какіе бы труды и усилія они ни употребляли, и если они поступятъ вопреки божественному опредѣленію, то будутъ наказаны за это стыдомъ и позоромъ....

По всѣмъ соображеніямъ, подобною роковою границею представляется Лифляндія и Ливонія для московскаго государства, котораго царь властвуетъ далеко на востокѣ и распространилъ свою власть надъ половиной великой азіатской Татаріи, на пространствѣ 500 миль, до огромнаго государства Китая, какъ это можно видѣть изъ описанія путешествія въ Китай русскаго посланника Избрандта; но на западѣ, въ Лифляндіи и Ливоніи, московскіе монархи въ теченіе двухъ столѣтій не могли пріобрѣсти ни одной мили. Въ прошломъ столѣтіи московскій тиранъ Иванъ Васильевичъ какія ни употреблялъ для этого усилія, но все напрасно; въ нынѣшнемъ столѣтіи царь Михаилъ Ѳедоровичъ, дѣдъ (отецъ) нынѣшняго великаго князя, думалъ, что съ надлежащаго пункта начинаетъ дѣло, осадивъ городъ Ригу въ 1656 г., въ то время, какъ шведы впутались въ опасную и тяжелую войну съ поляками, но долженъ былъ со стыдомъ и позоромъ уйти назадъ.

Точно такъ и съ нынѣшнимъ предпріятіемъ царя не могло быть иначе, потому что онъ захотѣлъ поступить вопреки опредѣленію Божію, да еще къ тому же напротивъ вѣрности и вѣры, какъ нарушитель мира; да и впредь не можетъ быть лучше, если онъ не запомнитъ этого опредѣленія и не обратитъ своей отъ Бога полученной власти съ большимъ правомъ въ другую сторону, противъ турокъ и татаръ. За симъ остаюсь и проч. N. 6 января 1701 года.

2) О томъ, что осада и освобожденіе Нарвы во многомъ похожи на осаду Вѣны турками, и что побѣда шведовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣе для христіанъ побѣды ихъ подъ Вѣною (Письмо 22-ое).

Милостивый государь!

Осада Вѣны турками въ 1683 г. и блестящая побѣда христіанъ, которую они одержали при ея освобожденіи, есть, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій этого вѣка и одна изъ самыхъ достохвальныхъ побѣдъ христіанъ, какую только они одерживали въ теченіе долгаго времени надъ своими исконными врагами. Эта осада Вѣны и побѣда христіанъ подъ ея стѣнами во многомъ похожи, по моему мнѣнію, на осаду Нарвы москвитянами и на побѣду надъ ними шведовъ при ея освобожденіи; только шведская побѣда еще важнѣе. Вѣна была тогда оплотомъ христіанства противъ турокъ; тѣмъ же самымъ служитъ Нарва въ Лифляндіи съ шведской стороны противъ Москвы. Турки были убѣждены, что если они овладѣютъ Вѣной, то вся Германія будетъ лежать у ихъ ногъ, вслѣдствіе чего они, и тотъ, и другой разъ употребляли всѣ усилія, хотя и напрасно, чтобы овладѣть этимъ городомъ. Москвитяне не менѣе убѣждены, что отъ завоеванія крѣпости Нарвы зависитъ обладаніе всей Лифляндіей и даже болѣе, вслѣдствіе чего они и прежде, и теперь, предполагая, что выбрали самое удобное время, тщетно нападали на этотъ городъ. Турки нарушили миръ съ императоромъ изъ-за самаго ничтожнаго предлога; подобное же сдѣлали и москвитяне, нарушивъ миръ, который они незадолго передъ тѣмъ утвердили большимъ посольствомъ къ шведскому королю. Спасеніе обоихъ осажденныхъ городовъ зависѣло отъ храбрости освобождавшихъ; оба города были осаждены огромными арміями, изъ которыхъ турецкая состояла изъ 200.000, а московская болѣе, чѣмъ изъ 80.000 человѣкъ. Турецкою арміею предводительствовалъ великій визирь, между тѣмъ какъ султанъ находился по близости, въ Бѣлградѣ; московскою арміею предводительствовалъ самъ царь; въ обоихъ мѣстахъ былъ употребленъ въ дѣло сильный огонь. Какъ христіане подъ Вѣной, полагаясь на свое правое дѣло, съ весельемъ и необычайной храбростью напали на турокъ, точно также и шведскій король не испугался великой опасности, но сказалъ, что онъ надѣется на свое правое дѣло, полагается на Бога и готовъ подвергнуть опасности свою жизнь за благо своихъ подданныхъ: Богъ скорѣе поможетъ при малочисленности силъ, чѣмъ при ихъ многочисленности. Наконецъ, еще и въ томъ сходны оба осажденные города, что оба имѣли храбрыхъ комендантовъ: Вѣна—графа Штаренберга, Нарва графа Горна, и оба храбро выдержали осаду.

До сихъ поръ объ осады были одинаковы; но въ ихъ освобожденіи и въ одержанныхъ при этомъ побѣдахъ заключается та разница, что турецкая армія не обезопасила себя укрѣпленіями, а московская защитила себя хорошими ретраншементами. Турецкая армія состояла изъ однихъ только турокъ, и поэтому христіанамъ легче было разсѣять этихъ варваровъ, не могущихъ твердо стоять въ сраженіи и обратить ихъ въ бѣгство; между тѣмъ какъ московская армія имѣла настоящихъ христіанскихъ оберъ-офицеровъ, опытныхъ въ войнѣ и умѣвшихъ противупоставлять непріятелю остріе своего оружія. Христіанское войско подъ Вѣной состояло болѣе, чѣмъ изъ 60.000 человѣкъ, шведское же едва изъ 25.000. Подъ Вѣной

христіане овладѣли почти всѣмъ турецкимъ лагеремъ, турецкую же армію обратили въ бѣгство; подъ Нарвою шведы захватили не только весь московскій лагерь, состоящій изъ артиллеріи, амуниціи, провіанта и багажа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ генералитетомъ, большею частію оберъ и унтеръ-офицеровъ и почти всею арміею и положили на мѣстѣ болѣе 20.000 человѣкъ. И такъ какъ эта только что начатая московско-шведская война похожа по своему началу на бывшую турецко-венгерскую, то желательно, чтобы она не была похожа на нее по продолжительности и кровопролитію, но скорѣе пришла бы къ своему окончанію. .. 9-го января 1701 года.

3) О томъ, что въ предпринимаемой войнѣ весьма много значитъ, имѣетъ-ли государь счастливыхъ или несчастливыхъ генераловъ; также о томъ, какое значеніе имѣютъ въ сраженіяхъ justiciae causae (оправдательныя причины), и когда самъ государь долженъ принимать участіе въ военныхъ предпріятіяхъ. (Письмо 24-ое).

Милостивый государь.

Эти примѣчаемыя при освобожденіи шведами Нарвы необыкновенныя обстоятельства навели меня, въ свою очередь, на нѣкоторыя размышленія, такъ что я почти готовъ сказать, что пораженію москвитянъ немало способствовала замѣченная неудача на войнѣ герцога фонъ-Крои, какъ генералъ-фельдмаршала, и я могу этого, всетаки храбраго, человѣка присоединить къ числу несчастливыхъ генераловъ. Въ 1690 году, когда турки осаждали Бѣлградъ, былъ онъ посланъ его императорскимъ величествомъ въ этотъ городъ, въ которомъ, впрочемъ, былъ комендантомъ генералъ Аспермонтъ; но, когда этотъ городъ, несмотря на все свое сопротивленіе, былъ взятъ штурмомъ турками, герцогъ фонъ-Крои, вмѣстѣ съ немногими оставшимися, едва успѣлъ спастись на судахъ.

Въ 1693 году императорскія войска рѣшились, подъ начальствомъ помянутаго герцога, снова завоевать Бѣлградъ, но принуждены были, при приближеніи турецкаго войска, со стыдомъ отступить.

Такимъ образомъ этотъ, всетаки храбрый князь есть одинъ изъ несчастливыхъ генераловъ нашего вѣка и можетъ быть сравненъ съ покойнымъ княземъ фонъ-Вальдекомъ, тоже отличавшимся замѣчательными военными неудачами, какъ это показываютъ примѣры, бывшіе съ нимъ во время польскихъ и нидерландскихъ войнъ. И какъ, съ одной стороны, весьма много значитъ, чтобы государь, предпринимая войну, имѣлъ счастливыхъ генераловъ, такъ, съ другой стороны, весьма опасно, если, по Божьей волѣ, его постигнетъ неудача.

Далѣе я примѣтилъ, что для офицеровъ и простыхъ солдатъ имѣетъ большое значеніе справедливость войны, которую они ведутъ. Мудро сказалъ языческій поэтъ:

Frangit et attolit vires in milite causa,
Quae nisi justa subest, excutit arma pudor [1]).

[1]) Причина войны возвышаетъ и уменьшаетъ силы въ воинѣ, и если она несправедлива, то отъ стыда выпадаетъ оружіе.

И нигдѣ яснѣе не обнаружилась справедливость этого изреченія, какъ при освобожденіи шведами города Нарвы. Шведскій король, несмотря на всѣ убѣжденія императорскаго и французскаго посланниковъ, съ неописанною храбростію рѣшился на освобожденіе (Нарвы), сказавъ, что онъ полагается на свое правое дѣло и надѣется на Бога, послѣ чего обратился къ своему войску съ рѣшительнымъ вопросомъ: хотятъ-ли они вмѣстѣ съ нимъ положить жизнь свою въ предстоящемъ сраженіи, и, когда они отвѣчали на это утвердительно, онъ двинулся со своимъ несравненнымъ войскомъ впередъ и напалъ на огромное и занимавшее выгодную позицію московское войско, окончательно струсившее и растерявшееся, и, при всеобщемъ смятеніи, разбилъ его и захватилъ въ плѣнъ, такъ что къ нему очень хорошо можно примѣнить побѣдное изреченіе Юлія Цезаря: «Veni, vidi, vici» (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ). Одержанная имъ побѣда ясно выразилась въ его боевомъ истинно-христіанскомъ возгласѣ: «съ помощію Христа!» такъ что здѣсь исполнилось то, что говоритъ Линсіусъ: «altus animus Deoque fisus per obstantes catervas explicuit sua victor arma» [1]).

Наконецъ, должно считать большою мудростью со стороны этого юнаго короля (Карла XII) и то, что онъ самъ лично предпринялъ освобожденіе Нарвы и не поручилъ этого дѣла кому-либо изъ своихъ генераловъ, потому что въ дѣлахъ первостепенной важности, каковымъ было это освобожденіе, крайне необходимо присутствіе верховнаго главы или князя; и, если бы сраженіе было проиграно, то Нарва и даже, безъ сомнѣнія, нѣчто и бо́льшее, были бы потеряны, тогда какъ теперь дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ: ибо московское войско совершенно разбито. Но было бы иначе, если бы освобожденіе не удалось, или непріятель былъ бы принужденъ только отступить. Побѣда эта, при которой столько офицеровъ попало въ плѣнъ, похожа на ту, которую одержало баварское войско надъ французско-веймарскою арміею, при Дютлингенѣ, въ 1643 году, потому что тогда попали въ плѣнъ главнокомандующій веймарскою арміею, генералъ-лейтенантъ Ранцау, четыре фельдмаршала, генералъ-маіоръ Шёнбахъ, 7 оберъ-офицеровъ, 7 оберъ-лейтенантовъ, 4 маіора, 90 капитановъ и ритмейстеровъ, 98 лейтенантовъ, 52 фендриха и корнета.

Такимъ образомъ можно сказать, что подъ Нарвой остался цвѣтъ московскаго войска, и впередъ, если захотятъ изобразить несчастную осаду, то будутъ называть ее нарвскою, а про потерпѣвшаго пораженіе будутъ говорить, что съ нимъ случилось то же, что съ москвитянами подъ Нарвой. 12 января 1701 года. [2])

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (33-мъ) указывалось, впрочемъ, что хотя шведская побѣда подъ Нарвою есть событіе, достой-

[1]) Высокій и преданный Богу духъ собственнымъ оружіемъ пролагаетъ себѣ дорогу черезъ противустоящія ему толпы (непріятелей).

[2]) Русскій архивъ 1896 г. Книга первая. Отзывы иностранцевъ-современниковъ о великой сѣверной войнѣ, стр. 5 — 19 (сообщено Ф. Витбергомъ). Также въ русской старинѣ за 1893 г., т. VIII, стр. 268—286.

ное великой славы, заслуживаетъ удивленіе потомства и должна быть отнесена къ числу знаменитѣйшихъ героическихъ подвиговъ всѣхъ временъ, однако не слѣдуетъ думать, что этимъ оканчивается дѣло, и что московское государство вполнѣ уничтожено, такъ какъ еще много встрѣтится препятствій и затрудненій, прежде чѣмъ будетъ достигнута предположенная цѣль, а огромное московское государство будетъ уни(что)жено и принуждено къ приличному миру.

Въ «листкѣ» было еще письмо (56-ое), въ которомъ говорилось, что русскіе изъ политическихъ видовъ скрываютъ свои великія потери подъ Нарвой. «Москвитяне, хорошо умѣющіе разглагольствовать о своихъ дѣлахъ, не противорѣчатъ своимъ природнымъ качествамъ, когда уменьшаютъ понесенныя ими потери; но я полагаю, что для нихъ было еще постыднѣе, что они безъ большой потери людей бросили весь лагерь и, какъ малодушные трусы, допустили уничтожить свою и своего царя репутацію, тѣмъ болѣе, что съ шведской стороны съ большими клятвами стараются увѣрить, что шведовъ, овладѣвшихъ лагеремъ, было не болѣе 9.000 человѣкъ. И такъ какъ московское войско, свыше 80 тысячъ находилось въ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ предводительствомъ храбрыхъ иностранныхъ офицеровъ, разрушеніе же моста лишило ихъ возможности бѣжать и они позволили разбить себя и цѣликомъ захватить въ плѣнъ 9-ти тысячамъ, то я не могу понять, какъ могутъ москвитяне утверждать, что съ ихъ стороны пало не болѣе 4.000 человѣкъ, когда даже шведы доводятъ свою потерю до 3.000 человѣкъ».

Въ честь побѣды Карла подъ Нарвой въ Швеціи было выбито множество медалей. Въ нѣмецкомъ изданіи 1745-го года исторіи Карла XII, составленной Нордбергомъ, приведены изображенія и описанія 14 медалей. Для полноты нашего изслѣдованія приведемъ эти описанія:

1) На лицевой сторонѣ вокругъ поясного изображенія Карла значится: Carolus XII Rex Suec. Goth. Van. Victor Moschorum, Liberator Narvae.

На обратной сторонѣ, среди арматуръ, изображенъ въ ростъ король, котораго богиня вѣнчаетъ короною. Надпись: Duas uno meruit die и внизу: 80000 Moschorum fugatis aut caesis, Narva obside liberata MDCC [1]).

2) Поясное изображеніе Карла съ надписью: Carolus XII D. G. (т. е. Dei gratia) Rex Sueciæ. Обратная сторона: передъ осаждаемыми Нарвой и Ивангородомъ на первомъ планѣ король на конѣ съ мечемъ. Надпись: Manifesto numine и внизу: castra Moscor. ad Narv. capta XX Nov. MDCC [2]).

[1]) Карлъ XII, король Швеціи, Готіи, Вандаліи, побѣдитель московитовъ, освободитель Нарвы. Двѣ (короны) заслужилъ въ одинъ день. По обращеніи въ бѣгство и пораженіи 80 тыс. московитовъ, Нарва освобождена отъ осады. 1700.

[2]) Карлъ XII, Божіею милостію, король Швеціи. Съ явнымъ благоволеніемъ свыше лагерь московитовъ взятъ подъ Нарвой 20 ноября 1700.

3) Поясное изображеніе короля. Carolus D. G. Rex Sueciae. Затѣмъ Карлъ на конѣ передъ Нарвой. Superant superata fidem [1]). Die 20 Nov. anno 1700. (внизу).

4) Лицевая сторона, какъ №№ 2 и 3, и кромѣ того: A Domino factum est istud et est mirabile in oculis nostris. На обратной сторонѣ Нарва и Ивангородъ; надписи: Tandem bona causa triumphat и внизу: ob Russos fugatos et Narvam liberat 1700 [2]).

5) Поясное изображеніе Карла въ лавровомъ вѣнкѣ. Carol. XII D. G. Suec. Gothor. Rex. Russorum triumphator MDCC. Haec omnes veterum revocavit ad orea laurus. Claud. и Nil sibi perjurum sensit prodesse furorem. Claud.

На другой сторонѣ виды Нарвы и Ивангорода, а передъ ними—изображенъ левъ, ниспровергающій дракона. Надпись: Comprime ferales torvi praedonis habenas, а внизу: Calcabitur asper [3]).

6) Поясное изображеніе Карла, а вокругъ надпись: Carolus Dei auxilio Russorum victor. На обратной сторонѣ шлемъ съ арматурами; надписи: Unum pro cunctis fama loquatur и внизу: Partum ad Narvam D. 20 Nov. 1700 [4]).

7) Поясное изображеніе. Carolus XII D. G. Succ. Goth. Vand. R. ubique Vict. На оборотѣ Карлъ съ мечемъ передъ бомбардируемой Нарвой. Надпись: Redux Dan. fugav. Polon. Delev. Russ. MDCC [5]).

8) Поясное изображеніе увѣнчаннаго лаврамя короля съ надписью: Carolus XII D. G. Rex Sue. На оборотѣ Nulla est mage grata frons fronti. На другой медали лицевая сторона такая же, а надпись на оборотѣ: Non haec prolusio lusus и внизу: Ad Narvam D. 20. Nov. A. 1700 [6]).

9) D. G. Carolus XII Rex Sueciae. Victoria russica maxima. D. XX Novemb. MDCC. Quini centenos et centeni decies millenos fugabunt [7]).

[1]) Превзойденное превосходитъ вѣроятіе.

[2]) Богомъ свершено это и представляется удивительнымъ въ глазахъ нашихъ. Наконецъ торжествуетъ правое дѣло. Прогнавъ русскихъ, освобождаетъ Нарву. 1700.

[3]) Этотъ лавръ отправилъ всѣхъ къ унимающей кровотеченіе травѣ (т. е. пролилъ много крови). Онъ (т. е. Петръ) понялъ, что вѣроломное безуміе не приноситъ ему пользы. Подтяни смертоносныя возжи лютаго хищника. Жестокій будетъ попранъ.

[4]) Пусть слава воспѣваетъ одного за всѣхъ. Свершено подъ Нарвою 20 ноября 1700. Экземпляръ этой медали, какъ значится въ протоколѣ нарвскаго археологическаго общества отъ 13 сентября 1867 года (26-ое засѣданіе, стр. 5), и какъ сообщилъ мнѣ Г. И. Вагнеръ, хранится во дворцѣ Петра Великаго.

[5]) Карлъ и т. д. Побѣдитель повсюду. Возвратилъ Данію, прогналъ поляковъ, уничтожилъ русскихъ. 1700.

[6]) Нѣтъ болѣе пріятнаго чела, какъ увѣнчанное лавровымъ вѣнкомъ. Этотъ опытъ не забава.

[7]) Величайшая побѣда надъ русскими. Пятеро обратятъ въ бѣгство сотни, а сотни—десятки тысячъ.

10) Разновидность той же медали съ надписью: Got mit uns. Die drey Kronen treu belohnen [1]).

11) Поясное изображеніе. Carolus XII. D. G. Rex Sueciae. На оборотѣ Med. Gudz Hielp. 1700. (Съ этимъ возгласомъ, какъ извѣстно, шведы открыли атаку противъ русскихъ подъ Нарвой). Еще надпись Qui m' honore, me porte [2]).

12) Бюстъ Карла XII. подлѣ котораго обремененные оковами датчанинъ, полякъ и русскій (буквы D. P. R.). Надпись: Car. XII Suec. Goth. Vand. Rex. Dan. Pol. Russ. Vict. На другой сторонѣ—геркулесъ, побивающій дубиною трехголовую гидру; въ перспективѣ — Нарва. Надпись: Tres uno contudit ictu [3]).

Остальныя двѣ медали сатирическія.

Одна изображаетъ Петра на тронѣ, грѣющимъ руки у пушечнаго огня. Тутъ же видны русскіе окопы. Надпись изъ евангелія съ кощунственными сближеніями битвы подъ Нарвой съ исторіею апостола Петра: Petrus assiderat igni (Бѣ же Петръ стоя и грѣяся). На обратной сторонѣ—бѣгущій отъ Нарвы царь, а за нимъ въ окопахъ русскіе. Шапка у Петра падаетъ съ головы, мечъ отброшенъ, онъ утираетъ глаза платкомъ. Надпись гласитъ: Fugiens ploravit amare, внизу: 1700 (т. е. Изшедъ вонъ, плакася горько).

На другой медали также изображенъ бѣгущій Петръ, надъ головою котораго сверкаютъ стрѣлы молніи. Надписи: Jovis cur suscitat iras (?) Victis et fugatis Russis 1700. На обратной сторонѣ: M. S. triplice foedere regumque Caesarisque Danor. Polon. Russorum Gordiano Nodo terribiliore facta heroica stupenda admirare posteritas in hoc monumento anno Confusionis seculari MDCC. [4]).

Каковы-же были причины пораженія русскихъ подъ Нарвою? Мы считаемъ необходимымъ свести во-едино слѣдующія обстоятельства, содѣйствовавшія побѣдѣ шведовъ.

Во первыхъ, русскія войска были плохо обучены, такъ какъ почти сплошь состояли изъ новобранцевъ. Солдаты не знали строевого ученія, не были обучены стрѣльбѣ; даже полки гвардіи страдали въ этомъ отношеніи, если вѣрить Посошкову. «Въ нынѣшнюю ругодевскую войну—говоритъ онъ въ донесеніи боярину Головину о ратномъ поведеніи—сказываютъ, преобра-

[1]) Съ нами Богъ. Три короны вѣрно награждаютъ.

[2]) Съ Божьею помощью. Кто меня почитаетъ, носи меня.

[3]) т. е. троихъ однимъ низложилъ ударомъ.

[4]) Зачѣмъ онъ возбуждаетъ гнѣвъ Юпитера? При взглядѣ на этотъ памятникъ (т. е. медаль) удивляйтесь, потомки, изумительнымъ геройскимъ подвигамъ, совершеннымъ, въ году пораженія 1700-мъ, тройственнымъ союзомъ ихъ величествъ королей датскаго и польскаго и царя русскаго, болѣе страшнымъ чѣмъ гордіевъ узелъ.

Leben Carl des Zwölften, mit Münzen und Kupfern, 1745 г., стр. 229—234, 263.

женскіе и семеновскіе солдаты выстрѣлили зарядовъ по 20 и больше, а убитыхъ шведовъ мало явилось. Хотя бъ они въ 50 выстрѣлахъ по одному человѣку убили, то бъ славна побѣда была, а то, Богъ вѣсть, работы людской и истраты казнѣ много было, а дѣла мало. А если бы и по одному заряду выстрѣлили — прибавляетъ Посошковъ — да всякой бы убилъ, то бы и всѣхъ на голову побили, а мнѣ въ разумъ вмѣстить не мочно, что въ томъ за польза, что много огня, а убою ничего нѣтъ, лише свинцу и пороху истеря даровая, а солдатамъ лишняя работа» [1]).

«И аще кто речетъ — говоритъ Посошковъ въ другомъ мѣстѣ — нынѣшняя де ругодевская служба учинилась злощастна отъ воли Божіей, да отъ измѣны, а не отъ плохости какой, и сіе всѣ мы разумѣемъ, что безъ воли Божіей и маленькой птички убить никому не возможно: однакожъ, всегда надобно человѣку опасну и осторожну и къ ратоборству готову быть и уборъ ополчительной надобно всегда доброй имѣть. Если же мы обороны себѣ не умѣемъ держать, то нечего намъ на Бога и пенять» [2]).

Помимо плохого вооруженія и обученія, русскія войска страдали еще недостаткомъ дисциплины. Въ бытность свою въ лагерѣ подъ Нарвой самъ Петръ Великій поставилъ на видъ генераламъ безпорядки и нестроенія, которые онъ замѣтилъ въ арміи.

Военачальники не подавали добраго примѣра солдатамъ. Не знаемъ, насколько справедливо утвержденіе нѣкоторыхъ авторовъ [3]), будто самъ главнокомандующій, герцогъ де-Круа въ день отъѣзда Петра изъ подъ Нарвы наканунѣ рѣшительнаго боя, когда близость шведовъ требовала особой бдительности, напился пьянъ; полагаемъ только, что деморализація

---

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, Москва 1842, стр. 267.

[2]) Тамъ-же, стр. 278.

[3]) Нпр. Полевого. Впрочемъ, есть много данныхъ къ тому, что де-Круа любилъ роскошную жизнь, пиры и хорошее вино. Недаромъ одинъ изъ современниковъ (баронъ Лангенъ) выражался, что де-Круа ускоритъ взятіе Нарвы, лишь бы скорѣе добраться ему до нарвскихъ погребовъ. «Я надѣюсь — писалъ Лангенъ польскому королю — когда герцогъ фонъ Круа приметъ главное начальство, дѣла пойдутъ совсѣмъ иначе; у него нѣтъ ни вина, ни водки:

одинаково коснулась и лицъ поставленныхъ во главѣ войска. Русскій перебѣжчикъ Гуммертъ, о которомъ мы уже упоминали, недаромъ въ письмахъ къ царю упрекалъ русскихъ генераловъ въ мелочномъ эгоизмѣ, недостаткѣ энергіи и распущенности.

При всемъ томъ, главные начальники, т. е. де-Круа и князь Долгорукій, постоянно ссорились между собою: де-Круа дѣлалъ распоряженія, а Долгорукій не хотѣлъ ихъ исполнять. Съ Шереметевымъ отношенія у де-Круа, повидимому, также оставляли желать много лучшаго. Въ ихъ дѣйствіяхъ не было единства и солидарности. Впослѣдствіи де-Круа, объясняя пораженіе подъ Нарвою, говорилъ, что онъ не зналъ о шведахъ, пока они не подошли подъ самый окопъ, такъ какъ Шереметевъ не далъ знать о происходившемъ, а затѣмъ при приближеніи Карла ушелъ со своею конницею безъ всякаго участія въ боѣ.

Во вторыхъ, матеріальная часть русской арміи не только не восполняла недостатковъ личнаго состава, а, напротивъ, какъ нельзя болѣе, гармонировала ему. Лафеты у пушекъ постоянно ломались; порохъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, ядра не всегда соотвѣтствовали калибру орудій и т. д. Въ довершеніе всѣхъ золъ постоянно ливнями дождями были размыты дороги, такъ что доставка военныхъ припасовъ и провіанта была очень затруднена, и нерѣдко изнябшіе солдаты въ теченіе продолжительнаго времени оставались безъ пищи. Какъ результатъ голодовки и скученности войскъ, подверженныхъ всѣмъ антигигіеничнымъ вліяніямъ осенней непогоды, появились всевозможныя болѣзни, значительно повысившія смертность въ арміи и ослабившія боевую пригодность солдатъ.

Въ третьихъ, командованіе надъ этими плохо обученными и истощенными войсками было поручено иностранцамъ (герцогъ де-Круа, Аллартъ, Вейде и др.), къ которымъ русскіе солдаты относились не только съ недовѣріемъ, но прямо съ

слѣдовательно, лишенный своей стихіи, онъ, безъ сомнѣнія, удвоитъ приступы, чтобы поближе быть къ комендантскому погребу» (Устряловъ, IV, 1, 33). Самое обремененіе де-Круа долгами, по взятіи его въ плѣнъ шведами, свидѣтельствовало о его широкой жизни.

ненавистью, обвиняя ихъ даже въ измѣнѣ [1]). Очевидно, при такомъ положеніи дѣла трудно было ожидать единодушія и отваги со стороны русскихъ солдатъ, которые въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ со свойственнымъ вообще русскому воину безстрашіемъ не задумались бы пойти въ огонь и воду за любимымъ командиромъ.

Въ четвертыхъ, русское войско было растянуто на протяженіи 7 верстъ, такъ что не вся армія могла принимать участіе въ отраженіи натиска шведовъ. Кромѣ того, вслѣдствіе той-же разбросанности войскъ, русскіе генералы не знали истиннаго положенія дѣлъ, и поэтому не могли отдавать единообразныхъ приказаній и направлять дѣйствія всей арміи къ одной цѣли [2]).

[1]) Шлоссеръ, желая объяснить причину пораженія русскихъ подъ Нарвою въ 1700-мъ году, говоритъ: «Русская армія была смѣсь русскихъ и иностранцевъ, и ея иностранные офицеры постоянно находились въ ссорахъ между собою». Всем. ист., т. XVI, стр. 38; здѣсь же указывается, что русскихъ было 40000, а шведовъ 15000.

[2]) Г. Петровъ указываетъ на слѣдующія тактическія ошибки, допущенныя русскими военачальниками въ нарвской операціи 1700 года:

1. Недостатокъ развѣдочной службы, что привело къ прибытію всей арміи Карла XII къ Нарвѣ въ то время, когда ея такъ скоро не ожидали.

2. Чрезмѣрно растянутое (до семи верстъ) расположеніе контръ и циркумвалаціонныхъ линій, что дѣлало ихъ слабыми на всѣхъ пунктахъ.

3) Чрезвычайно неудобное помѣщеніе всего лѣваго фланга (Вейде) въ узкомъ пространствѣ между окопами, имѣвшемъ въ ширину отъ 35—50 саженъ, и застроенномъ бараками и деревянными домиками.

4) Слабость вооруженія укрѣпленной линіи, обращенной въ поле, откуда ожидалось прибытіе шведской арміи.

5) Путь отступленія находился на крайнемъ правомъ флангѣ, тогда какъ для лѣваго фланга не было моста выше Нарвы, хотя здѣсь, въ верстѣ отъ крѣпости, у мызы Іоала, ширина рѣки не превосходитъ 40 саженей.

6) Отсутствіе обороны для продольнаго обстрѣливанія непріятельскихъ подступовъ къ правому и лѣвому флангамъ позиціи. Центръ расположенія русскихъ, находясь на командующей высотѣ, съ которой можно было бы обстрѣливать всю окрестность, поданъ назадъ, тогда какъ его слѣдовало бы выдвинуть впередъ до того мѣста, на которомъ стояла потомъ шведская артиллерія Опнельмана.

7) Войска были расположены въ одну линію развернутымъ фронтомъ, не имѣя никакихъ резервовъ, и потому нигдѣ не могли дать отпора атакующимъ колоннамъ.

8) Отсутствіе какихъ-либо общихъ по арміи приказаній и распоряженій для отраженія атаки. Несмотря на то, что о скоромъ появленіи непріятеля было уже извѣстно 18-го (29-го) ноября, съ батарей, дѣйствовавшихъ противъ

Помимо того, герцогъ де-Круа всю шведскую армію принялъ лишь за авангардъ, не допуская возможности, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, чтобы король шведскій отважился атаковать армію, такъ хорошо прикрытую траншеями и неизмѣримо превышавшую количествомъ его собственную.

Если бы де-Круа не допустилъ подобной ошибки, очень можетъ быть, что онъ не сдалъ бы цѣлой арміи небольшому сравнительно отряду шведовъ.

Въ пятыхъ, шведы шли, одушевляемые самимъ королемъ Карломъ, не знавшимъ дотолѣ соперниковъ; русскія-же войска въ моментъ рѣшительнаго боя остались безъ царя, который, какъ мы видѣли, передъ самымъ прибытіемъ шведовъ уѣхалъ въ Новгородъ для свиданія съ польскимъ королемъ, а главнокомандующій де-Круа, сдавшись графу Стенбоку, никому не передалъ верховной команды надъ ввѣреннымъ ему войскомъ.

Наконецъ, въ шестыхъ, самыя внѣшнія условія, при которыхъ русскимъ пришлось сражаться, не могли содѣйствовать успѣху. Снѣгъ, залѣпившій глаза русскимъ солдатамъ во время стремительной атаки шведовъ, съ одной стороны, скрылъ отъ русскихъ истинную численность шведскаго войска, съ другой стороны препятствовалъ оборонѣ, содѣйствуя нападенію.

Въ журналѣ Петра Великаго находится, между прочимъ, очень интересное разсужденіе о причинахъ неудачи русскаго войска подъ Нарвой въ 1700-мъ году. Разсужденіе это особенно любопытно въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ вопросомъ, какъ смотрѣли на нарвское пораженіе царь и современники грустнаго событія [1]).

«Итако шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно:—говорится въ журналѣ — но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили, ибо только одинъ старый полкъ лефортовскій былъ (который передъ тѣмъ назывался Шепелева); два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными

нарвскихъ фортовъ, не снято ни одного орудія для усиленія батарей на линіи, обращенной въ поле.

[1]) Разсужденіе это написано послѣ полтавской баталіи, когда, конечно, можно было уже говорить о пораженіи спокойно.

войски никогда не видали. Прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, какъ выше помянуто, къ тому-жъ за позднимъ временемъ великій голодъ былъ, понеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно, и единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида; то какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію? Правда, сія побѣда въ то время зѣло была печально чувственная и яко отчаянная всякія впредь надежды, и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумать, во истину не гнѣвъ, но милость Божію исповѣдати долженствуемъ, ибо, ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, будучи въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ насъ оное щастіе вринуть могло, которое оныхъ же шведовъ, уже давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ (которыхъ называютъ французы бичемъ нѣмецкимъ), подъ Полтавою такъ жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низъ къ верху обратило; но когда сіе нещастіе (или, лучше сказать, великое щастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала и ко трудолюбію и искусству день и ночь принудила»... [1]).

При оцѣнкѣ пораженія русскихъ подъ Нарвою въ 1700-мъ году необходимо имѣть въ виду всѣ приведенные факты. Вообще обвинять легче, чѣмъ защищать; уже самая необходимость защиты предполагаетъ вину, такъ какъ невиновному незачѣмъ защищаться.

Дѣйствительно, русскіе должны бы были побѣдить подъ Нарвой: тогда, быть можетъ, вся великая сѣверная война была бы окончена въ два-три года. Этого, однако, не случилось: побѣдили шведы, и война затянулась. До нѣкоторой степени виноваты въ этомъ генералы, стоявшіе во главѣ русской арміи, но къ этому надо прибавить цѣлый рядъ совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, фатальнымъ образомъ обрушившихся на русскихъ.

[1]) Журналъ Петра Вел., стр. 25—26.

Какъ бы то ни было, катастрофа, постигшая Россію, была очень значительна, и только желѣзная энергія Петра могла вынести постигшій его ударъ. Нарвское пораженіе послужило для русскихъ урокомъ на будущее время, и урокъ этотъ не пропалъ даромъ: въ самое короткое время армія, благодаря заботамъ царя, оправилась, окрѣпла, обучилась и стала одерживать побѣды надъ шведами. Карлъ воочію убѣдился, какъ сильно шагнули впередъ «мужики», которые, въ былое время, превосходя, по его собственному (неправильному) заявленію, въ 10 разъ его отрядъ, обращались въ бѣгство. Прогрессъ произошелъ, дѣйствительно, колоссальный, и притомъ съ необыкновенной быстротою. Шведы такъ или иначе должны были рѣшить дилемму: или они были черезчуръ слабы, если русскіе солдаты, на десятокъ которыхъ достаточно было для побѣды одного шведа, вдругъ стали побѣждать ихъ даже одинъ на одинъ; или-же они заблуждались въ безсиліи русскаго войска, судя по нарвской побѣдѣ, когда цѣлый рядъ роковыхъ случайностей обрушился на молодую, еще не привыкшую къ бою армію.

«Я знаю нѣчто безсмертное: это судъ надъ минувшимъ»— такою цитатою начинаетъ шведскій король Оскаръ II исторію Карла XII-го, и онъ производитъ этотъ судъ надъ жизнью и дѣлами своего великаго предшественника на шведскомъ престолѣ, судъ безпристрастный, честный, царственный. Къ этому суду перваго шведа надъ славнымъ королемъ и полководцемъ намъ, русскимъ, слѣдуетъ прислушаться.

«Я не стану распространяться объ этомъ достопамятномъ сраженіи—говоритъ Оскаръ II, касаясь нарвской кампаніи 1700 года,—гдѣ горсть нашихъ предковъ одержала надъ врагомъ, въ четыре раза сильнѣйшимъ [1]), одну изъ тѣхъ побѣдъ, которая не имѣетъ себѣ равной въ исторіи. Все дѣло состояло въ атакѣ тѣхъ укрѣпленій, которыя воздвигъ наскоро непрія-

[1]) Итакъ Оскаръ II опровергаетъ и Карла XII и писателей, которые или bona fide, или съ сознательною ложью утверждали, что русскіе въ 10 разъ превосходили численностью шведскую армію подъ Нарвой въ 1700 году. Впрочемъ, и этотъ царственный историкъ нѣсколько преувеличиваетъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ предыдущаго изложенія, численное несоотвѣтствіе между русскою и шведскою арміями.

тель, чтобы защитить свои осадныя работы, угрожаемыя съ тыла. Казалось бы, подобныя обстоятелства дѣлали болѣе труднымъ успѣхъ. Не такъ, однако, случилось. Русскія войска, недостаточно обученныя и не вполнѣ организованныя, слишкомъ растянулись, и когда вторая ихъ линія должна была обратить къ городу большую часть своихъ силъ, чтобы закрыть выходъ, она могла лишь съ трудомъ придти на помощь первой. Снѣжная мятель лишила русскимъ возможности видѣть приближеніе двухъ небольшихъ шведскихъ отрядовъ, а это обстоятельство произвело всеобщую панику. Число плѣнныхъ до того было значительно, что не хватало нашихъ войскъ для ихъ караула. Король на слѣдующій день отослалъ ихъ. Трофеи были столько же многочисленны, сколько и славны. Между прочимъ, въ ихъ числѣ нашлись и пушки, недавно подаренныя Швеціей».

«Слухъ объ этой побѣдѣ далеко разошелся—продолжаетъ король Оскаръ. Слава ея безсмертна. Но, тѣмъ не менѣе, нарвское сраженіе, несмотря на свою славу, не можетъ быть названо счастливымъ днемъ ни для Швеціи, ни для Карла XII: хоть и дорого оплаченная побѣда эта всетаки казалась слишкомъ чудесною, слишкомъ легко одержанною. Она породила презрѣніе къ противнику и послужила источникомъ явившихся впослѣдствіи несчастій. Великій царь понялъ своего противника. Онъ съумѣлъ добыть выгоду отъ своихъ побѣдителей и ихъ генія. И хотя это повело къ несчастіямъ для нашего отечества, но справедливость требуетъ признать за нимъ это достоинство».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Едва только Петръ узналъ о выступленіи шведскихъ войскъ изъ Нарвы, онъ приказалъ Шереметеву отправить конные отряды въ шведскія области и небольшими партіями дѣлать набѣги на окрестныя мѣста. «Нет!— писалъ царь Шереметеву 5 декабря 1700 года изъ Новгорода— понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишитися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, то есть надъ конницею новгородскою и черкасскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣстъ беречь (для послѣдующаго времени), и итить въ даль, для лучшаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ, понеже людей довольно, также рѣки и болота замерзли; непріятелю невозможно захватить. О чемъ паки пишу: не чини отговорки ничѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ маіоръ Л... [1]) на смерть осужденъ. Прочее же въ волю Всемогущему предаю. Piter» [2]). Приказаніе царя было приведено немедленно въ исполненіе. Войска наши, по выраженію журнала Петра Великаго—«надъ непріятелями чинили партіями поиски», а казаки своими на-

[1]) Князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій, который еще въ 1705 году содержался подъ арестомъ за бѣгство съ поля сраженія въ 1700 году.

[2]) Устряловъ, IV, 2, прилож. I, стр. 12. Полевой исказилъ это письмо.

бѣгами въ Ливонію (отъ Печерскаго монастыря) «немалую такожъ шкоду учинили, и многихъ побивали и въ полонъ брали»[1].

Между тѣмъ Карлъ XII, перезимовавъ около Дерпта, двинулся въ Польшу. Легкость, съ какою была одержана побѣда подъ Нарвою въ 1700 году, ослѣпила его. Онъ разсчитывалъ опрокинуть русскихъ послѣ завоеванія Польши, куда влекли его еще и внутреннія смуты Рѣчи Посполитой, ослаблявшія силы опаснаго врага. На защиту Эстляндіи и Ингерманландіи король оставилъ генераловъ Шлиппенбаха и Кронгіорта, перваго съ 8-ю, а второго съ 6-ю тысячами. Петръ Великій, какъ нельзя лучше, воспользовался отсутствіемъ главныхъ силъ непріятеля. Въ самое непродолжительное время было сформировано 10 новыхъ драгунскихъ полковъ [2]) и вылито 268 новыхъ орудій изъ церковныхъ и монастырскихъ колоколовъ.

По этому поводу существуетъ слѣдующее преданіе. Сумраченъ сидѣлъ царь въ Новгородѣ послѣ пораженія подъ Нарвой. Горько было ему при мысли о томъ, сколько безполезно потеряно войска и военныхъ припасовъ. Шведы захватили всю артиллерію, бывшую въ нарвскомъ лагерѣ. Для продолженія войны нужны пушки; гдѣ ихъ взять? гдѣ найти потребное количество мѣди? Все, что было употреблено на пушки, погибло, а изъ другихъ государствъ везти—нѣтъ времени: врагъ не дремлетъ, того и гляди—пойдетъ къ Москвѣ. А чѣмъ защищаться, когда нѣтъ пушекъ? И вотъ въ минуту тяжелаго раздумья царь взглянулъ въ окно и видитъ, какой-то оборванецъ взадъ и впередъ расхаживаетъ по улицѣ. Петръ выслалъ слугу своего спросить, чего хочетъ этотъ человѣкъ. Оборванецъ заявилъ, что хочетъ помочь горю государя. Царь приказалъ ввести его къ себѣ и спросилъ, какимъ образомъ онъ можетъ ему помочь.

— «Прикажите, всемилостивѣйшій государь, прежде поднести мнѣ чарку вина: умираю съ похмѣлья, а денегъ нѣтъ ни полушки».

По приказанію царя, дерзкому оборванцу (оказавшемуся пушечнымъ мастеромъ [3]) была поднесена добрая чарка

[1]) Журналъ Петра Великаго, ч. 1, стр. 27—28.

[2]) Между прочимъ, нынѣшній нижегородскій. (44-ый). См. его исторію (соч. Потто, 10 частей).

[3]) По другой версіи—матросомъ.

водки. Благословясь, выпилъ пушкарь живительную влагу и началъ:

— «Ваше величество, думаете теперь о потерѣ артиллеріи и гдѣ взять мѣди на это дѣло»?

Петръ нетерпѣливо ожидаетъ продолженія рѣчи: бродяга угадалъ какъ разъ то, что заботило монарха и заставляло его крѣпко задумываться.

— Говори же, что дальше? крикнулъ онъ на нежданнаго совѣтника, переминавшагося съ ноги на ногу.

— «Прикажите, ваше величество, подать другую чарку вина: истинно не опохмѣлился одною»!

Царь гнѣвно нахмурилъ брови, однако приказалъ подать пушкарю еще чарку.

— «Теперь доволенъ—сказалъ послѣдній. Мѣди, государь, у тебя много, не зачѣмъ такъ о ней думать: сколько излишнихъ и ненужныхъ при церквахъ колоколовъ; что мѣшаетъ тебѣ взять половину ихъ и употребить на вылитіе стольких пушекъ, сколько тебѣ угодно; а послѣ, какъ, Богъ дастъ, одолѣешь своего противника, то изъ его-же пушекъ можно надѣлать колоколовъ, сколько хочешь». Царь обнялъ пушкаря и воскликнулъ: «Камень, его-же небрегоша зиждущіи, той бысть во главу угла!» [1]).

Къ этому разсказу, сообщенному впервые Голиковымъ со словъ Крекшина, современника и любимца Петра Великаго, дальнѣйшее преданіе прибавляетъ слѣдующее. Желая отблагодарить пушкаря (или матроса) за совѣтъ, Петръ спросилъ, чѣмъ наградить его. На это мастеръ ему возразилъ:

— «А ничѣмъ, государь, гляди свѣтло, да не кручинься—вотъ наша награда!»

Царь, однако, видя, что пушкарь болѣе всего уважаетъ водку, приказалъ дать ему открытый листъ во всѣ кабаки.

— Пей на мой счетъ!—воскликнулъ онъ.

Пушкарь, будто бы, воспользовался даннымъ ему разрѣ-

[1]) Голиковъ. Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго, т. XVII, стр. 82—85. См. также достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго, изданіе русской старины 1872 г., стр. 103—104. (цѣликомъ взято изъ Голикова); Бергманъ, 17; Нарва и Полтава (изд. журнала досугъ и дѣло 1872 г.), стр. 42—47 и др.

шеніемъ и такъ усердно сталъ посѣщать кабаки, что къ литью послѣдней пушки умеръ съ перепоя [1]).

Главное наблюденіе за литьемъ пушекъ было поручено думному дьяку Виніусу, назначенному «надзирателемъ артиллеріи» [2]). Со всего государства, съ «знатныхъ» городовъ отъ церквей и монастырей было свезено въ Москву около 90 тысячъ пудовъ мѣди. Впрочемъ въ дѣло пошли лишь разбитые колокола; цѣлые остались нетронутыми. Петръ Великій самъ неустанно слѣдилъ за литьемъ пушекъ и торопилъ Виніуса. «Ради Бога—писалъ онъ 8 апрѣля 1701 года изъ Воронежа—поспѣшайте алтиллеріею (sic), какъ возможно: время, яко смерть!» [3])

Виніусъ доносилъ царю, что ему не совладать съ мастерами. «Пущая остановка, государь,—писалъ онъ—отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно». «Надзиратель артиллеріи» жаловался также на бургомистровъ, медленно доставлявшихъ мѣдь и другіе припасы. Петръ на это со свойственною его слогу краткостью и выразительностью отвѣчалъ: «Бургомистрамъ скажи и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, также и красная мѣдь не доставится, то не только деньгами, но и головами платить будутъ» [4]). Дѣло подвигалось быстро впередъ, хотя Виніусъ все время представлялъ царю о испытываемыхъ имъ трудностяхъ. По его словамъ, хорошихъ мастеровъ было только двое: одинъ нѣмецъ, другой русскій; изъ

[1]) А. Погоскій. Нарва и Полтава, 1872 г., стр. 42.

[2]) Виніусъ былъ неутомимъ и свѣдущъ въ дѣлѣ, которое ему было поручено; но онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ пороковъ, свившихъ гнѣздо въ нашемъ быломъ дьячествѣ. До послѣдняго назначенія онъ завѣдывалъ почтою и не отличался на этой должности безкорыстіемъ. Царь, назначивъ Виніуса надзирателемъ артиллеріи, отобралъ у него завѣдываніе почтою и на вопросъ, нѣтъ ли какого гнѣва, отвѣчалъ: «Пишешь... нѣтъ ли какого гнѣву за нечаянное будто отнятіе почты: и тутъ не сама ли васъ совѣсть обличитъ? Понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы къ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали. А взята она отъ васъ не за иное что, токмо что она у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо коль кратъ я говоралъ тебѣ о корреспонденціи въ иныя мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того ради и отдана иному, гдѣ если такова-жъ будетъ тщетна, и тамъ можетъ отняться». Соловьевъ, XIV, стр. 1251.

[3]) Устряловъ, IV, 1, 71.

[4]) Тамъ-же, 72 и Соловьевъ, XIV, 1251.

остальныхъ русскій одинъ хорошъ, да пьяница, два другіе совершенно спились и не боятся никакого наказанія [1]).

Какъ бы то ни было, въ теченіе зимы 1701 года было вылито около 300 новыхъ орудій. Донося объ этомъ, Виніусъ хвалился, что такой хорошей артиллеріи въ столь короткое время и съ такими мастерами нигдѣ не дѣлали [2]). Литье пушекъ продолжалось и послѣ этого, между прочимъ, около Нарвы, куда, по приказанію царя, большими партіями доставлялся кирпичъ. Быстрота работы всетаки не удовлетворяла Петра, и въ одномъ изъ писемъ къ князю Ромодановскому царь жаловался, что Виніусъ все потчуетъ его «московскимъ тотчасомъ» въ такомъ дѣлѣ, «которое тысячи его головъ дороже» [3]). Мѣрами строгости царь принуждалъ нерадивыхъ работать и помогать въ дѣлѣ обороны противъ общаго врага. Полуполковникъ Шеншинъ битъ нещадно плетьми и разжалованъ въ солдаты за то, что, вопреки приказанію царя, не принялъ участія въ земляныхъ работахъ у Печерскаго монастыря. Въ Москвѣ повѣшенъ Леонтій Кокошкинъ, а въ Новгородѣ Елисѣй Поскочинъ за то, что брали деньги за подводы [4]).

Весною 1701 года начались уже крупныя военныя операціи въ Эстляндіи и Ингерманландіи. Шведы все еще имѣли перевѣсъ надъ русскими, но попытка овладѣть Гдовомъ имъ не удалась. Русскія войска, по выраженію Петра, шли «не подъ лапу къ непріятелю, а въ самый ротъ». 20 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Репнина, согласно договору съ Августомъ въ Биржахъ (двинскаго уѣзда), были отправлены на помощь польскому королю. Шереметеву съ арміей въ 30 тысячъ человѣкъ и Апраксину съ 10 тысячами предписано было охранять Псковъ и Новгородъ, а затѣмъ перейти въ Эстляндію. Часть войска была отправлена къ Архангельску, на который шведы пытались сдѣлать нападеніе.

[1]) «Русскій одинъ нарочитъ, да пьянъ; другіе два весьма спились и никакого наказанія не опасны».

[2]) Въ журналѣ Петра Великаго значится: «сдѣлано пушекъ брешштикенъ 100, полевыхъ 6-ти и 3-хъ фунтовыхъ 143, итого 243; мортиръ 9-ти пудовыхъ 6, 3-хъ пудовыхъ 6, итого 12; гаубицъ большихъ 13 (стр. 28). Значитъ, всего вылито 268 орудій.

[3]) Устряловъ, IV, 2, стр. 47.

[4]) Соловьевъ, XIV, 1250.

1-го мая 1701 года Петръ отправился въ Воронежъ, гдѣ строились корабли, чтобы быстрѣе двинуть работы. Въ серединѣ іюня царь возвратился въ Москву, а въ іюлѣ былъ уже во Псковѣ. Онъ, какъ всегда, вездѣ поспѣвалъ, всюду примѣромъ личной неустрашимости и трудолюбія поощрялъ сотрудниковъ своихъ къ работѣ, всѣмъ руководилъ, во все влагалъ душу...

Пока Карлъ, отбивъ саксонцевъ и поляковъ отъ Риги, одерживалъ побѣды надъ союзными силами непріятелей, русскія войска постепенно начали брать перевѣсъ надъ шведскимъ оружіемъ въ Эстляндіи, а въ декабрѣ 1701 года Шереметевъ, имѣя подъ своей командой 8000 пѣхоты и драгунъ и, кромѣ того, небольшое количество казаковъ, калмыковъ и татаръ, при 15 полевыхъ орудіяхъ, одержалъ первую большую побѣду надъ шведами у деревни Эрестферъ, въ 7 миляхъ отъ Дерпта. Первоначально русскій авангардъ истребилъ два шведскихъ отряда, затѣмъ Шереметевъ двинулся на Шлиппенбаха, отступившаго къ упомянутой деревнѣ. Шведы начали было тѣснить русскихъ, но къ послѣднимъ на помощь подоспѣла артиллерія и остановила шведовъ, которые послѣ 4 часоваго боя были окружены русскими. Шведская кавалерія, отступая, привела въ смятеніе собственную пѣхоту; все перемѣшалось, и побѣда осталась за русскими. Шлиппенбахъ, потерявъ около 3000 человѣкъ убитыми, изъ числа 7 тысячъ, бывшихъ у него, 350 ранеными и 6 орудій, отступилъ къ замку Загницу. Русскихъ выбыло изъ строя не болѣе 1000 человѣкъ. Петръ радовался первой крупной побѣдѣ своего войска.

— «Слава Богу — говорилъ онъ — теперь мы побѣдили шведовъ, сражаясь двое противъ одного; еще немного лѣтъ,— и мы будемъ побѣждать ихъ одинъ на одинъ».

Въ Москвѣ была торжественно отпразднована эта побѣда «съ немалою пушечною и изъ мелкаго ружья стрѣльбою» [1]). Въ честь побѣды были составлены и поднесены монарху слѣдующія вирши:

---

[1]) Журналъ П. В., 39—41; Леверъ, 17. Нѣкоторые историки (Полевой) неправильно приписываютъ побѣду при Эрестферѣ сыну Бориса Петровича Шереметева, Михаилу, который въ дѣйствительности разбилъ лишь небольшой шведскій отрядъ у мызы Ряпиной, у рѣки Выбовки. Журналъ, стр. 38—39.

Гордый левъ, мня орла поглотити,
Восхотѣлъ на ся, предъ временемъ,
Лавровъ вѣнецъ возложити,
Но орелъ премудре знаетъ
Крыла и когти употреблять,
Что оный, близъ Дерпта
Понужденъ храбрость потеряти.
Европа удивися и рече:
Я есмь прелщена!
И по истинѣ, о львовой храбрости лживой
Извѣстіи отахчена [1]).

За побѣду при Эрестферѣ Шереметевъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-фельдмаршала и орденомъ св. Апостола Андрея, съ которымъ былъ посланъ къ нему «поручикъ отъ бомбардиръ» Александръ Меньшиковъ, прочіе штабъ и оберъ-офицеры получили награды, сообразно чинамъ, [2]) и пожалованы золотыми медалями, солдаты же получили по серебряному рублю. [3])

Послѣ этого русскіе уже начинаютъ одерживать побѣды надъ шведами одну за другою. Въ 1702 году разбитъ шведскій флотъ на Чудскомъ озерѣ и взятъ Сыренскъ (Сыренецъ). [4]) Въ томъ же году Шлиппенбахъ снова терпитъ пораженіе у м. Гуммельсгофа на р. Эмбахѣ. [5]) Русскіе отряды доходятъ до Нарвы и Ивангорода, предавая все, что имъ встрѣчалось на пути, огню и мечу.

[1]) Эти вирши, помѣщенныя въ одномъ изъ списковъ реляціи о дѣлѣ при Эрестферѣ, хранящемся въ кабинетѣ Петра Великаго, въ государственномъ архивѣ, напечатаны въ № 1-мъ вѣстника общества ревнителей военныхъ знаній, отъ 26 января 1899 года. Впрочемъ онѣ были уже напечатаны Голиковымъ (дополненія, т. VI, стр. 132) и повторены Бергманомъ (исторія П. В., т. II, стр. 28), но въ слѣдующей, очевидно, искаженной редакціи:

Гордый левъ, меня орла восхотѣ поглотити,
И преждевременно лавровъ вѣнецъ на ся возложити;
Но орелъ премудрѣ знаетъ крыла и когти потреблять,
И близъ Дерпта понужденъ храбрость потерять.
Европа удивися и рече: я есмь прельщена
И поистиннѣ о львовой храбрости лживыми вѣстьми отягченна.

[2]) Журналъ П. В., стр. 41.

[3]) Бергманъ, 28.

[4]) Полковникъ Тыртовъ около того-же времени разбилъ шведскую флотилію вице-адмирала Нумерса на Ладожскомъ озерѣ.

[5]) Здѣсь такъ-же, какъ и при Эрестферѣ, шведы сначала потѣснили русскихъ,

Еще въ серединѣ декабря 1702 года Шереметевъ писалъ царю о намѣреніи своемъ выслать къ Нарвѣ партію для развѣдокъ и для разсѣянія шведскихъ отрядовъ. Между прочимъ, онъ сообщалъ: «Получилъ я вѣдомость подлинную чрезъ ругодевскаго жителя, который пришелъ ко мнѣ во Псковъ сего мѣсяца 18 числа, и сказывалъ мнѣ, что есть непріятельскихъ шведскихъ людей 3.000, 2.000 конницы и пѣхоты новоприборныхъ, и стоятъ отъ Ругодева въ ближнихъ мѣстахъ: въ Погарскомъ, да въ Загорской мызѣ, да въ Торболѣ и около по деревнямъ. Онъ же мнѣ сказывалъ, что посадъ ругодевской построенъ лутче прежняго и на иванской сторонѣ построено же, и на мельницѣ, гдѣ ваша капитанская милость стояла [1]; живутъ въ ней той мельницы хозяева съ домашними, а у пристани стоятъ нѣсколько кораблей замерзло. И я, прося у Господа Бога милости, за предстательствомъ пресвятыя Богородицы, пошлю на тѣхъ непріятельскихъ людей добрую партею, выбравъ изъ ближнихъ мѣстъ, которые стоятъ около рубежа, къ тѣмъ вышепомянутымъ мызамъ, гдѣ непріятельскіе люди стоятъ, и съ ними полковника драгунскаго, князь Василья Вадбольскаго. И самъ для управленія поѣду и выбравъ и устроя людей, и выправлю ихъ самъ въ непріятельскую землю и буду самъ при границѣ, ажъ докуля получу отъ той партеи какую вѣдомость, чтобъ они были въ лутчемъ надѣяніи и въ страхѣ; а безъ себя мнѣ того учинить нельзя» [2]).

Въ самомъ непродолжительномъ времени Шереметевъ осуществилъ свои предположенія, какъ видно изъ нижеслѣдующаго извѣстія, занесеннаго въ журналъ Петра Великаго:

«А декабря 31 дня 1702 года фельдмаршалъ Шереметевъ по вѣдомостямъ шпіоновъ посылалъ изъ Пскова къ Нарвѣ и къ Ивангороду съ полковникомъ княземъ Вадбольскимъ сильную партію драгунъ въ трехъ полкахъ, да въ 1.000 козаковъ, которые внезапно напали на непріятельскую конницу и пѣхоту, которая стояла въ ивангородскомъ посадѣ, гдѣ ихъ числомъ было больше двухъ тысячъ человѣкъ и оныхъ разбили, и знамена и барабаны у нихъ взяли, и гнали ихъ до самой Нарвы, и близъ нарвской стѣны сожгли 4 шкуны, и взяли въ полонъ одного маіорскаго сына, одного мызника, да солдатъ и рейтаръ человѣкъ съ тридцать; такъ же по мызамъ и деревнямъ, которыя прилегли къ Нарвѣ, не малое число людей побили, и въ полонъ побрали, и оныя мызы и деревни близъ Нарвы лежащія сожгли» [3]).

12 Іюля слѣдующаго 1703 года, по приказанію Шереметева, выступили къ Нарвѣ два драгунскихъ полка подъ командою генералъ-маіора фонъ Вердена. На встрѣчу имъ Горнъ выслалъ изъ Нарвы 2 тысячи солдатъ и драгунъ. Въ происшедшемъ на правомъ

но на помощь Шереметеву подоспѣла пѣхота, которая атаковала шведовъ съ фронта и фланговъ и обратила непріятеля въ бѣгство. Шведовъ погибло до $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ, русскіе потеряли убитыми 400 и нѣсколько сотъ ранеными. Леверъ, 18; Бергманъ, 30.

[1]) Т. е. на островѣ Кампергольмѣ.

[2]) Бычковъ. Письма и бумаги Петра Вел., т. 2, стр. 450.

[3]) Журналъ Петра Великаго, стр. 66.

берегу Наровы сраженіи пало 300 шведовъ и взято въ плѣнъ 24; остальные обратились въ бѣгство и были преслѣдуемы русскими до самаго Ивангорода. Затѣмъ русскіе направились къ устью Наровы и, замѣтивъ по пути два шведскихъ судна, шедшія въ Нарву, начали стрѣлять въ нихъ изъ ручныхъ мортиръ, при чемъ на одномъ изъ нихъ зажгли паруса. Команда побросалась въ рѣку, а самое судно было захвачено, какъ военный трофей.

Черезъ два дня послѣ этого полковникъ Мурзенковъ побилъ около Нарвы шведскій отрядъ, которому на помощь была выслана Горномъ вся конница. При этомъ была употреблена военная хитрость: Мурзенковъ, притворно отступая, завлекъ шведовъ въ засаду, вслѣдствіе чего они потеряли болѣе 300 человѣкъ убитыми.

Около того-же времени фонъ Верденъ замѣтилъ на Наровѣ, въ верстѣ отъ города 3 большихъ шведскихъ корабля, которые и сжегъ ручными гранатами.

Постепенно склоняются передъ русскимъ оружіемъ города: Венденъ, Вейсенштейнъ, Маріенбургъ [1]), Вольмаръ, Феллинъ, Оберпаленъ и др.

«Посылалъ я — доносилъ Шереметевъ царю—во всѣ стороны плѣнить и жечь; не осталось цѣлова ничево, все разорено и пожжено, и взяли твои государевы ратные люди въ полонъ мужеска и женска полу и робятъ нѣсколько тысячъ, также и работныхъ лошадей, а скота съ 20,000 или больше, кромѣ того, что ѣли всѣми полками, и чего не могли поднять, покололи и порубили; а я чаю, что вдвое больше будетъ». Петръ одобрялъ образъ дѣйствій Шереметева. «Борисъ Петровичъ — писалъ онъ Ѳедору Апраксину—въ Лифляндахъ гостилъ изрядно, взялъ городовъ нарочитыхъ два, да малыхъ шесть; полону 12,000 душъ, кромѣ служивыхъ». [2]) Не радовались, надо думать, «Лифляндцы» такимъ гостямъ!

Укрѣпивъ Архангельскъ, на случай нападенія на него шведовъ, Петръ овладѣлъ Нотебургомъ, старинною русскою крѣпостью, уступленною шведамъ по столбовскому миру. По русски эта крѣпость называлась Орѣшекъ. Петръ снова переименовалъ ее на этотъ разъ въ Шлиссельбургъ (ключъ-городъ), справедливо полагая, что современемъ этотъ городъ, какъ ключъ, отопретъ Россіи дорогу въ Балтійское море. Завоевавъ

[1]) Въ Маріенбургѣ взята въ плѣнъ скромная воспитанница пастора Глюка Марта Скавронская, — впослѣдствіи супруга Петра и императрица всероссійская Екатерина I.

[2]) Голиковъ, дополн. къ дѣяніямъ П. В., т. VI, стр. 163; Бергманъ, 30—31.

затѣмъ Ніеншанцъ [1]), Петръ въ 1703-мъ году положилъ основаніе Петербургу, въ устьѣ Невы, начавъ постройкою крѣпости во имя апостоловъ Петра и Павла. Послѣ этого, желая обезопасить Петербургъ со стороны моря, Петръ отправился на островъ Котлинъ и здѣсь измѣрилъ лотомъ глубину моря, а затѣмъ прислалъ Меньшикову модель крѣпости (собственноручную), предположенной къ сооруженію на Котлинѣ.

Въ февралѣ 1704 года окольничему Петру Матвѣевичу Апраксину предписано было перейти изъ Ямбурга, гдѣ онъ стоялъ съ августа 1703 года, къ устью р. Наровы и Россони, чтобы не пропускать непріятельскихъ судовъ къ Ругодиву. Апраксинъ не очень радовался этому порученію. Близость шведовъ еще въ Ямахъ (Ямбургѣ) пугала его, и онъ черезъ брата (Ѳедора) старался увѣрить царя объ опасности своего положенія съ двумя только драгунскими полками. Петръ сердился на раздуваніе опасности и старался успокоить братьевъ. «Зѣло досадно — писалъ Петръ Ѳедору Апраксину — что пишутъ все ложь да бѣдства, чего не бывало... Никто не хочетъ прямо трудиться, только скользь. Жаль, что вамъ нанесли печаль, а—гей! — напрасно. Дай Боже видѣть васъ въ радости, чему не зѣло, чаю, замедлиться». [2])

29 марта Апраксинъ изъ Ямбурга, на пути къ Нарвѣ, доносилъ царю, что по показанію плѣнныхъ шведовъ (9 человѣкъ рейтаръ и солдатъ) въ Нарвѣ было 4 полка «и въ тѣхъ померло болѣе половины», такъ что оставшихся въ живыхъ было менѣе 2000, [3]) считая и конницу; смертность въ городѣ велика («ежедневно мрутъ по 6 человѣкъ и болѣе»); припасовъ мало; комендантъ прежній — генералъ-маіоръ Горнъ; въ Нарвѣ же подъ карауломъ находится и нотебургскій комендантъ, сдавшій городъ. Объѣзжіе шведскіе караулы, по свѣдѣніямъ Апраксина, стояли въ трехъ мѣстахъ: «на иванской сторонѣ на кабачкѣ — 5 человѣкъ, у корабельной пристани близъ города — 5 человѣкъ и на ругодевской сторонѣ и въ

[1]) Около Ніеншанца Петръ Великій, сѣвъ на гребныя суда съ нѣсколькими гвардейскими солдатами, лично захватилъ 2 шведскихъ корабля, не знавшихъ еще о паденіи Ніеншанца и шедшихъ къ нему.

[2]) Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 297. См. также у Бычкова, т. III, стр. 610—611.

[3]) Точная цыфра нарвскаго гарнизона указана ниже.

посадѣ по 10 человѣкъ». 25 апрѣля Апраксинъ доносилъ, что, по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ, изъ Ревеля къ устью Наровы направляется нѣсколько кораблей, и что онъ поспѣшитъ туда, съ отрядомъ въ 2456 человѣкъ, чтобы не пропустить шведовъ. При этомъ Апраксинъ жаловался, что «снарядами, канатами и всѣмъ прочимъ зѣло скудно»; ядеръ всего 400, въ томъ числѣ много прислано не по калибру пушекъ. [1]) Наконецъ, 27 апрѣля Апраксинъ съ 5-ью ротами конницы и тремя пѣхотными полками — князя Андрея Шаховского, Григорія Титова и Бильса, прибылъ къ устью р. Россони. Здѣсь онъ обнесъ свой лагерь окопами съ верками на всѣхъ четырехъ углахъ. Въ сторону Наровы была направлена батарея о 13 орудіяхъ, черезъ Нарову наведенъ мостъ. Всѣ эти работы дѣлались по указаніямъ и подъ руководствомъ сержанта преображенскаго полка Михаила Щепотьева, на котораго было возложено царемъ доносить подробно о состояніи нарвской крѣпости и положеніи ея защитниковъ [2]).

За день до прибытія Апраксина къ устью Россони пришло въ наровскую бухту 5 шведскихъ кораблей. Три изъ нихъ расположились у самаго устья Россони, два стали на взморьѣ. Далѣе на рейдѣ бросили якорь еще 4 судна. Ближніе корабли вскорѣ были отбиты пушечными выстрѣлами съ батарей Апраксина. Одинъ корабль былъ совершенно разбитъ ядрами, другіе ушли въ море.

Донося объ этой стычкѣ со шведской эскадрой, Апраксинъ писалъ царю, что теперь наступилъ удобный моментъ придти русскому флоту къ наровскому устью и захватить шведскіе корабли. Къ этому онъ прибавлялъ: «Пушки ко мнѣ еще не бывали. Я взялъ изъ Ямбурга три 6-фунтовыхъ, да шесть 3-фунтовыхъ; послѣднія очень плохи: одну разорвало на бою» [3]).

9 мая на наровскомъ рейдѣ появилось уже 16 шведскихъ судовъ (8 кораблей и 8 шкунъ). Пройти въ Нарову, однако,

[1]) Устряловъ, IV, 2, стр. 303, 304.

[2]) Азанчевскій. Исторія Преображенскаго полка. Москва, 1859, стр. 54, 55.

[3]) Устряловъ, IV, 2, 305. Отвѣтное письмо царя см. у Бычкова, т. III, стр. 57. Петръ благодарилъ за доброе возвѣщеніе «о отбоѣ непріятельскихъ фрегатъ», но выражалъ опасеніе, что шведы высадятъ десантъ, отступя отъ устья и пойдутъ къ Нарвѣ сухимъ путемъ.

имъ не удалось, отчасти потому, что пришлось бы пробираться подъ выстрѣлами съ русскихъ батарей, отчасти вслѣдствіе незнакомства съ фарватеромъ. Русскіе разъѣзды, посланные Апраксинымъ для развѣдокъ по берегамъ Наровы, поймали шведскаго караульнаго драгуна, который сообщилъ, что «въ Ругодевѣ весьма нуждаются во всемъ и очень тужатъ, что премудрымъ повелѣніемъ царя русскія войска заняли наровское устье» [1]). 12 мая уже грозно выстроились на рейдѣ 35 шведскихъ кораблей, въ томъ числѣ 7 военныхъ, вооруженныхъ 28—30 пушками каждый. На фокъ-мачтѣ одного изъ нихъ былъ выкинутъ вице-адмиральскій флагъ. Часть судовъ подошла къ самому устью Наровы, и русскія батареи до самой ночи были обстрѣливаемы, къ счастію, безъ особеннаго вреда. Трехпудовыя бомбы перелетали обозъ, или врывались въ песокъ. Качка на морѣ препятствовала попадать въ цѣль. По донесенію сержанта Михаила Щепотьева Меньшикову, на всѣхъ шведскихъ корабляхъ предполагалось до 1000 человѣкъ солдатъ. Корабли были нагружены хлѣбомъ, солодомъ, сельдями, мясомъ и масломъ. 700 человѣкъ солдатъ на нѣсколькихъ мелкихъ судахъ, подъ начальствомъ полковника Гаспора, успѣли почью пробраться въ Нарову и затѣмъ въ Нарву. Нарвскій гарнизонъ былъ усиленъ и ободренъ надеждою на могущія еще явиться подкрѣпленія. Петръ Великій очень сердился на Апраксина, узнавъ объ его оплошности, и простилъ его, лишь благодаря заступничеству младшаго брата, Ѳедора Матвѣевича.

22 мая разъѣздами Апраксина было захвачено 21 человѣкъ шведовъ, и въ числѣ ихъ капитанъ Георгъ Сталь-фонъ-Гольстейнъ, изъ полка графа Делагарди, посланный изъ Ревеля къ нарвскому коменданту Горну съ особымъ письмомъ, писаннымъ «цыфирью».

Гольстейнъ на распросѣ показалъ слѣдующее. Отецъ его, родомъ изъ Вестфаліи, артиллерійскій полковникъ лѣтъ 30 жилъ въ Ругодивѣ (Нарвѣ), а мать съ меньшимъ братомъ проживала тамъ и въ 1704 году. Тамъ у нихъ каменныя

---

[1]) Бычковъ, III, 616—617. Письмо П. М. Апраксина царю отъ 9 мая 1704 г.

палаты, много вотчинъ и мызъ. Самъ онъ, Георгъ фонъ-Гольстейнъ, прежде 4 года состоялъ пажемъ при королѣ. Плѣнникъ сообщилъ весьма важныя свѣдѣнія о расположеніи шведскихъ войскъ. По его указанію, въ 5 миляхъ отъ Колывани (Ревеля) стоялъ генералъ-маіоръ Шлиппенбахъ. Въ его генеральскомъ полку числилось 600 драгунъ, у полковниковъ Вахтмейстера и барона Гузина по 1000 рейтаръ; у полковника Шлиппенбаха (брата генерала) 400 драгунъ; у Кульбара — 400 рейтаръ. Пѣхотныхъ полковъ при Шлиппенбахѣ не было. Въ самомъ Ревелѣ стояло три полка: графа Делагарди (болѣе 1000 человѣкъ), графа Милина (800), барона Липа (1000). Кромѣ того, были отправлены во флотъ къ наровскому устью баронъ Паллень (дядя Гольстейна) съ полкомъ въ 1200 человѣкъ и въ Нарву полковникъ Ребиндеръ съ 600 [3]). Во флотѣ у наровскаго устья — вице-адмиралъ, родомъ французъ Де-Пру, (De-Prou); лѣвая рука у него давно уже оторвана гранатою и, вмѣсто нея, сдѣлана серебряная. Въ упомянутомъ флотѣ 5 военныхъ кораблей и 10 бригантинъ; остальныя же суда съ хлѣбными и другими припасами. На адмиральскомъ кораблѣ 58 пушекъ, на бригантинахъ по 12, на прочихъ по 40, 30 и 28, да два корабля съ мортирами. О занятіи русскими устья Наровы Шлиппенбаху извѣстно уже 4 недѣли, и 28 мая онъ собирается идти къ Нарвѣ. Въ Нарвѣ, по словамъ Гольстейна, числилось въ полку Горна 1100 человѣкъ, у Стефинга 300, Лота 300, Ферсена — 300, Ребиндера—600, да 300 драгунъ и рейтаръ, подъ командою полковника Мурата (зятя Гольстейна). При этомъ посадскихъ (т. е. городскихъ жителей)—200, да «русскихъ иваньгородскихъ посадскихъ же съ 200». Провіанту и запасовъ въ Нарвѣ мало.

Апраксинъ все время просилъ царя поспѣшить къ Нарвѣ, жалуясь на недостатокъ войска и пушекъ. Поэтому Петръ, убѣдившись къ тому же изъ донесеній въ серьезномъ намѣреніи шведовъ ворваться въ Нарову, отмѣнилъ предположеніе

[3]) По словамъ Адлерфельда полковникъ Ребиндеръ 9 мая провелъ съ кораблей въ Нарву 600 солдатъ. Русскіе (нижегородскій полкъ Морелія и полкъ Девгерина) пытались ихъ догнать, но не успѣли. См. исторію нижегородскаго полка Потто. СПБ. 1893, т. I, стр. 15.

идти къ Кексгольму и отдалъ приказъ идти подъ Ругодевъ [1]). Начиная съ 26 мая, русскіе полки стали стягиваться къ Нарвѣ. Походъ 1700 года подъ Нарву былъ совершенъ изъ Москвы чрезъ Новгородъ и Псковъ, по восточной сторонѣ Чудского озера и затѣмъ по правому берегу рѣки Наровы. Въ 1704 году походъ къ Нарвѣ былъ сдѣланъ черезъ Петербургъ, на Копорье и затѣмъ по болотамъ, рѣчкамъ и просѣкамъ—къ устью Наровы, куда уже въ февралѣ былъ высланъ Апраксинъ. Слѣды дороги, проложенной русскими войсками, замѣтны, какъ говорятъ, еще и теперь въ ямбургскомъ уѣздѣ. Дорога эта шла черезъ Ямбургъ по болоту на Ложголово, Старопольскій погостъ и затѣмъ къ берегу Наровы. Множество разсѣянныхъ въ ямбургскомъ уѣздѣ могилъ съ каменными крестами и плитами, слывущихъ и теперь еще подъ названіемъ «шведскихъ», свидѣтельствуютъ о шведскомъ походѣ 1704 года.

Этотъ новый путь къ Нарвѣ изъ Петербурга и бродъ черезъ рѣку Лугу, на $^1/_4$ версты выше ея пороговъ, былъ указанъ Петру Великому ямбургскимъ жителемъ Бутынскимъ, который служилъ русской арміи проводникомъ черезъ громадное болото, раскинувшееся на 40 верстъ. Въ награду за эту услугу Петръ, по просьбѣ Бутынскаго, даровалъ ему исключительное право рыбной ловли въ р. Лугѣ, въ полутора верстахъ выше моста. Какъ говоритъ г. Козакевичъ, еще въ 1854 году въ селѣ Рѣдкинѣ (около Ямбурга) проживала нѣкая Бутынская, вдова священника, происходящая изъ рода того Бутынскаго, который въ 1704 году былъ проводникомъ русской арміи въ походѣ ея подъ Нарву [2]).

Полки семеновскій, преображенскій и ингерманландскій, за ними дивизія князя Репнина и драгунскій полкъ с.-петербургскаго коменданта Рена съ выборною конною ротою дворянъ новгородскихъ въ концѣ мая прибыли къ обозу Апраксина у устья Россони. Затѣмъ прибыли изъ Пскова 3 полка

[1]) См. письмо Петра Вел. къ Б. П. Шереметеву отъ 20 мая 1704 г. у Бычкова т. III, стр. 71. Въ этомъ письмѣ царь, между прочимъ, укоряетъ Шереметева за медленность осады города Дерпта:—«немедленно извольте осаждать Дерптъ, и за чѣмъ мѣшкаете, не знаю . . . . Еще повторяя, пишу—не извольте медлить»,

[2]) Козакевичъ, стр. 17.

Остафьева, Горбова и Флюка. Пришедшіе конные и пѣхотные полки были переправлены черезъ мостъ, наведенный Апраксинымъ, на лѣвый берегъ рѣки Наровы и, двинувшись къ Нарвѣ, «городъ кругомъ блоковали», какъ выражается журналъ Петра Великаго. Впослѣдствіи русскія войска заняли ту-же позицію, которую занимали и въ 1700 году, т. е. отъ Юалы до Кампергольма. По прибытіи (изъ Дерпта) Шереметева численность русской арміи достигла 45 тысячъ человѣкъ (30 пѣхотныхъ и 16 конныхъ полковъ). Артиллерія была доставлена съ большимъ трудомъ изъ Петербурга сухимъ путемъ, а часть амуниціи моремъ на лодкахъ около самыхъ береговъ. Лодки эти счастливо миновали шведскій флотъ, стоящій около устья Наровы [1]).

Дѣйствительная численность шведскихъ войскъ и орудій въ Нарвѣ (по «книгѣ марсовой») заключалась въ слѣдующемъ: 3175 человѣкъ пѣхоты, 1080 конницы и 300 артиллеріи, всего 4555 человѣкъ съ 432 орудіями. Въ Ивангородѣ засѣлъ небольшой отрядъ подъ командою Стирнштраля, при 128 орудіяхъ [2]).

Апраксинъ съ 5 пѣхотными полками оставался около устья Россони. 3 іюня была буря на морѣ. Сильнымъ вѣтромъ сорвало съ якорей и прибило къ берегу двѣ шведскія шкуны съ людьми и провіантомъ. Объ этомъ изъ обоза Апраксина было донесено царю. Самъ Петръ верхомъ на конѣ съ нѣсколькими солдатами въ бродъ отправились къ шкунамъ, стоявшимъ на мели, и овладѣли ими. На обоихъ, потерпѣвшихъ аварію, судахъ было взято въ плѣнъ: два поручика, одинъ аудиторъ, шкиперъ, штурманъ, 25 матросовъ, одинъ сержантъ, 75 солдатъ, шведскій флагъ, ружья, около ста мушкетовъ и провіантъ [3]). Послѣ этого русскія батареи пробовали было стрѣлять въ ближайшіе шведскіе корабли, но нѣсколько желѣзныхъ пушекъ въ обозѣ Апраксина были «стараго и зѣло худого литья, и какъ почали стрѣлять, то двѣ при первомъ

[1]) Журналъ Петра В., ч. 1, стр. 85 и 86.

[2]) Устряловъ, IV, 1, стр. 301—302.

[3]) Журналъ П. В., ч. 1, стр. 86, 87; Азанчевскій. Исторія преображенскаго полка, стр. 55, 56. Авторъ неправильно относитъ происшествіе къ 31-му мая.

выстрѣлѣ разорвало и пушкарей одного ранило, другого убило [1]).

Изъ перехваченнаго у шведскаго курьера письма русскіе узнали, что нарвскій гарнизонъ ожидаетъ подкрѣпленій отъ Шлиппенбаха. По совѣту Меньшикова, была употреблена слѣдующая военная хитрость. Нѣсколько пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ 8 іюня, незамѣтно для осажденныхъ шведовъ, были выведены на колыванскую (ревельскую) дорогу къ каменной лютеранской церкви св. Петра, въ урочище Тервако[2]). Здѣсь были полки семеновскій и ингерманландскій въ синихъ мундирахъ и драгунскіе полки Остафьева и Горбова, наряженные въ шведскаго образца синіе мундиры и синія епанчи, въ шляпахъ съ бѣлою обшивкою. Для полной иллюзіи войскамъ были даны желтые и бѣлые штандарты и знамена, какіе были у шведовъ. Во главѣ переодѣтыхъ русскихъ сталъ самъ царь.

Въ два часа пополудни мнимые шведы, давши Горну сигналъ выстрѣлами сначала изъ двухъ, а потомъ изъ четырехъ пушекъ (объ этомъ лозунгѣ они узнали изъ перехваченнаго письма), начали наступать на русскій отрядъ, бывшій подъ командою князя Репнина и Меньшикова. Въ это время полковникъ Репъ, или Репне, укрылся съ преображенцами и драгунскими полками въ лѣсу и садахъ подлѣ Нарвы. Началась перестрѣлка холостыми зарядами. Отрядъ Меньшикова вскорѣ сталъ мѣшаться. Тогда какъ мнимые шведы «стрѣляли строемъ исправно», русскія войска нарочно дѣлали видъ, что не умѣютъ правильно стрѣлять: «палили зѣло непорядочно и безстройно». Черезъ полтора часа послѣ начала перестрѣлки, Меньшиковъ сталъ отступать; въ обозѣ начали снимать палатки, впрягать лошадей и обнаружили полное смятеніе [3]). Горнъ,

[1]) Журналъ, I, 87.

[2]) Или Тарваіогги.

[3]) «Въ два часа пополудни—писалъ очевидецъ, бывшій въ Нарвѣ (Адлерфельдъ),—мы услышали со стороны везенбергской два сигнальные выстрѣла изъ пушекъ, вскорѣ они повторились. Генералъ-маіоръ Горнъ, смотрѣвшій изъ своего дома въ зрительную трубу, думалъ, что идетъ нетерпѣливо ожидаемый Шлиппенбахъ, и велѣлъ отвѣчать шведскимъ лозунгомъ. Потомъ вдали показался дымъ: мы полагали, что это была схватка шведовъ съ русскими караулами. Черезъ нѣсколько времени видно было, что русская армія обратилась въ

видя, что русскіе отступаютъ, выслалъ изъ Нарвы полковниковъ Лоде съ 1000 человѣкъ, при 4 орудіяхъ, и Мурата (или Мората) съ 150 драгунами. Лоде и Муратъ нѣсколько замедлили, приготовляя людей и пушки. Драгуны и часть пѣхоты выступили, подъ командою подполковника Маркварда. За ними вышли многіе жители Нарвы, даже женщины и дѣти.

Навстрѣчу Маркварду выѣхалъ съ отрядомъ кавалеріи въ синихъ мундирахъ польскій посланникъ при русскомъ дворѣ полковникъ фонъ Арнштедтъ. Онъ подъѣхалъ къ Маркварду, обнялъ его, какъ бы привѣтствуя, и въ это время выхватилъ у него шпагу. Одновременно были захвачены и другіе шведскіе офицеры. Лишь одинъ изъ нихъ (ротмистръ Линдкранцъ) долго сопротивлялся, поднялъ шумъ и застрѣлился, не желая отдаваться въ плѣнъ. Шведы поняли ошибку и бросились бѣжать; но переодѣтые русскіе и Ренне, выступившій изъ засады, окружили ихъ и перебили до 300 человѣкъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, вышедшихъ изъ города на встрѣчу предполагаемому Шлиппенбаху [1]). Кромѣ того, были взяты въ плѣнъ подполковникъ Марквардъ, ротмистръ Коноу, 3 прапорщика, 5 капраловъ и 36 солдатъ [2]). Изъ русскаго строя при этомъ выбыло всего 4 драгуна. Успѣхъ предпріятія поднялъ духъ у русскаго войска, видѣвшаго въ этой удачѣ счастливое предзнаменованіе. Въ «юрналѣ» 1704 года по поводу этого происшествія говорится: «такъ высокопочтеннымъ господамъ шведамъ поставленъ зѣло изрядный носъ». [3]). Въ журналѣ Петра Великаго читаемъ: «Итако симъ изряднымъ и хитрымъ воинскимъ умысломъ Нарву въ великое смятеніе и отчаяніе привели и о всемъ состояніи оной отъ тѣхъ извѣстныхъ офицеровъ (т. е. взятыхъ въ плѣнъ) съ удовольствомъ

сторону, сняла свои шатры и приготовилась къ битвѣ двумя длинными рядами. Шведскій корпусъ показался на лѣвой рукѣ изъ лѣсу; въ немъ была конница и пѣхота. Оба войска сблизились, раздались пушечные и ружейные выстрѣлы, и по всему было замѣтно, что сраженіе началось».

[1]) Подробности см. у Adlerfeld'a, hist milit. de Charles XII, t. II, p. 188—191.

[2]) Журналъ Петра Вел. стр. 87—88. Здѣсь-же: «Итако тѣ офицеры въѣхали въ самыя руки мнимаго войска Шлиппенбахова, кричучи «велькомъ» (то есть добро пришли) и отъ нихъ въ полонъ взяты». Офицеры, взятые въ плѣнъ, были Дункеръ, Гультъ и Попенштокъ.

[3]) Цитировано по Устрялову, IV, 1, стр. 304—305.

увѣдомились» [1]). Въ письмѣ на имя Александра Васильевича Кикина отъ 16 іюня 1704 года Петръ объ этомъ дѣлѣ сообщалъ слѣдующее: «Нег Grot Vader. Я иного не знаю, что писать, точію что недавно предъ симъ учинилось, какъ умныхъ дураки обманули. И сіе разсуждая, не могу больше двухъ дѣлъ выразумѣть: первое, что Богъ вразумилъ, другое, что предъ ихъ очами гора гордости стояла, чрезъ которую не могли сего подлога видѣть.... Piter» [2]).

Баронъ Гюйссенъ (или Гизенъ), оффиціальный апологетъ и восхвалитель русскихъ дѣйствій, объ этомъ эпизодѣ изъ осады Нарвы пишетъ: «Помянутая машкерада причинила въ городѣ толико конфузіи и стыда, какъ русскимъ въ обозѣ смѣху и забавленія» [3]).

Бывшій при царѣ неизвѣстный піита по поводу удавшейся военной хитрости сочинилъ тяжеловѣсное стихотвореніе:

Римъ хвалится, что бралъ въ игрѣ дѣвицъ сабиныхъ,
Безсильный бяше полъ, не храбро дѣло бысть:
Здѣ русскіе въ игрѣ имутъ мужей львиныхъ,
Враговъ тако хищныхъ, то большая корысть [4]).

Царевичъ Алексѣй Петровичъ, бывшій въ русскомъ лагерѣ подъ Нарвой, съ близъ лежащаго холма наблюдалъ за дѣйствіями войска, предводимаго его державнымъ отцомъ и, по выраженію Галема, «радовался не мало счастливому окончанію оныхъ» [5]).

Узнавъ отъ плѣнныхъ офицеровъ (Гульта и Попенштока), что около Везенберга расположились войска Шлиппенбаха (3000 человѣкъ), готовыя, по королевскому повелѣнію, идти

1) Журналъ Петра Вел., стр. 89. Петръ по этому поводу писалъ Шереметеву 12 іюня: «Предъ нѣсколькими днями получили мы изъ Нарвы подполковника Маркварда зѣло чудеснымъ образомъ, купно съ прочими офицеры».

2) Письма и бумаги императора Петра Великаго (собранныя академикомъ Бычковымъ), т. III, стр. 92; см. также письмо царя къ Тих. Ник. Стрешневу (тамъ-же, стр. 93).

3) Ѳ. Туманскій. Собраніе разныхъ записокъ и пр. о дѣяніяхъ Петра В., часть 3 (журналъ барона Гизена), стр. 400.

4) Голиковъ. Дополненія, т. VI, стр. 259. Полевой (Исторія П. В., т. II, стр. 133) передѣлалъ по своему два послѣдніе стиха:

«Здѣсь русскіе игрой мужей имаютъ львиныхъ,
Столь хищна поимать, то большая корысть».

5) Галемъ. Жизнь Петра Великаго, ч. 1, стр. 210—211.

на выручку Нарвы, Петръ приказалъ генералу Ренне двинуться на шведовъ и «чинить, при помощи Божьей, войнскій промыселъ, какъ потребуетъ случай».

Быстро было собрано 6 драгунскихъ полковъ, бутырскій полкъ, 500 человѣкъ изъ полка Меньшикова, 60 гренадеръ изъ полковъ преображенскаго и семеновскаго, всего около 8 тысячъ человѣкъ. Пѣхота для ускоренія похода была посажена на телѣги.

Походъ былъ начатъ 11 іюня, а 15-го іюня рано утромъ Ренне повстрѣчался съ передовыми отрядами Шлиппенбаха и опрокинулъ ихъ [1]). Шлиппенбахъ отступилъ къ узкому проходу при м. Тальеги; Ренне слѣдовалъ по пятамъ отступившаго шведскаго войска и разбилъ его на голову, такъ что только двѣсти человѣкъ изъ всего отряда Шлиппенбаха спаслись бѣгствомъ въ Ревель. Полковникъ Вахтмейстеръ, 2 капитана, 7 офицеровъ, до 50 солдатъ—взяты въ плѣнъ. Захвачены также пушка и верховая лошадь Шлиппенбаха. Дѣйствія полковника Ренне у Везенберга были счастливѣе операцій Шереметева въ 1700 году! Съ добычею и плѣнными русскіе полки возвратились къ Нарвѣ, и здѣсь Петръ Великій въ день тезоименитства своего (29 іюня) поздравилъ полковника Карла-Эвальда Ренне генералъ-маіоромъ кавалеріи.

Между тѣмъ, Петръ получилъ извѣстіе, что армія Шереметева (23 тысячи человѣкъ, при 46 орудіяхъ), осаждавшая Дерптъ [2]), вела свое дѣло крайне неискусно. Осада бы направлена противъ сильнѣйшей стороны крѣпости, тогда какъ главное вниманіе слѣдовало обратить на самую слабую часть Дерпта, примыкавшую къ рѣкѣ Эмбаху [3]). Кромѣ того, осадные шанцы были расположены слишкомъ далеко отъ города, что дало впослѣдствіи царю поводъ написать Меньшикову: «Я принужденъ сію ихъ сатурнову дальность въ меркуріусовъ кругъ подвинуть». 30 іюня царь покинулъ нарвскій лагерь [4]), передавъ главную команду надъ русскимъ войскомъ фельдмар-

[1]) При м. Лоопъ. Самъ Шлиппенбахъ стоялъ въ дер. Лезнѣ, въ 30 верстахъ отъ Везенберга.

[2]) Въ Дерптѣ было 5000 человѣкъ при 133 орудіяхъ.

[3]) Лсеръ. Обзоръ войнъ Россіи, стр. 22.

[4]) Журналъ Петра Вел., стр. 90. Петръ ѣхалъ до Сыренска сухимъ путемъ, а черезъ Чудское озеро на шведской яхтѣ.

шалу Огильвію. Огильвій (или Огильви) былъ нанятъ на русскую службу въ Вѣнѣ за 1000 талеровъ въ мѣсяцъ, кромѣ провіанта и фуража. По отзыву Меньшикова, онъ былъ «зѣло искусенъ и доброопасенъ» [1]).

Огильвій нашелъ положеніе русскаго войска опаснымъ. По его мнѣнію, «для облежанія крѣпости, для обороны отъ сикурса, для занятія всѣхъ пасовъ, словомъ къ осадѣ пространнаго города отъ одного берега Наровы до другого мало 70 тысячъ человѣкъ».

Огильвій указывалъ, что на лѣвомъ берегу Наровы русскимъ приходилось имѣть дѣло съ самою сильною частью Нарвы, такъ какъ, въ сущности говоря, необходимо было одолѣть три крѣпости: новый городъ, старый городъ и замокъ; кромѣ того, приходилось бы еще дѣйствовать подъ огнемъ, направляемымъ изъ Ивангорода. По соображенію Огильвія, гораздо лучше было бы взять первоначально Ивангородъ, и тѣмъ открыть себѣ дорогу къ водной сторонѣ Нарвы. Поэтому Огильвій вообще совѣтовалъ высоты на правомъ берегу укрѣпить, выше обоза сдѣлать два моста для перехода на ивангородскую сторону въ случаѣ наступленія непріятеля; отъ обоза сдѣлать линію до рѣки Луги при кабакѣ въ деревнѣ Солцкой, для чего употребить 10 тысячъ мужиковъ; сдѣлать двойную походную дорогу до Ямбурга или даже до Новгорода, для удобнаго движенія войскъ; изготовить подводы для артиллеріи, чтобы увезти ее въ случаѣ сильнаго наступленія непріятеля; всѣ полки по нѣмецкому образцу устроить верхними и нижними офицерами и обучить солдатъ бою; отнять сообщеніе между Нарвою и Ивангородомъ, для чего стрѣльбою отбить мостъ, и потомъ всею силою добывать Ивангородъ; къ Нарвѣ идти на приступъ, сдѣлавъ прежде брешь, и для переправы черезъ Нарову имѣть достаточное число судовъ. Затѣмъ, по мнѣнію Огильвія, фельдмаршалу Шереметеву слѣдовало поручить наблюденіе за шведскимъ королемъ, и какъ скоро Карлъ пойдетъ на выручку къ Нарвѣ, Шереметевъ долженъ былъ тотчасъ присоединить пѣхоту къ осадному корпусу, а самъ съ кавалеріей, не вступая въ бой, удерживать и тревожить непріятеля, и лишь черезъ

[1]) Въ это время ему было 60 лѣтъ отъ роду.

два дня присоединиться къ главному войску. Въ заключеніе Огильвій требовалъ, чтобы въ его распоряженіе, для командованія войскомъ, было назначено по крайней мѣрѣ, 4 генералъ-адъютанта и генералъ-квартирмейстеръ, знающіе по-русски и по-нѣмецки.

Основное предположеніе Огильвія о томъ, что сначала слѣдуетъ овладѣть Ивангородомъ, а потомъ уже приступить къ осадѣ Нарвы, осталось не выполненнымъ. Петръ, возвратившійся 17 іюля вмѣстѣ съ Шереметевымъ, по завоеваніи «отечественнаго града» Дерпта, приказалъ осаждать Нарву съ праваго и лѣваго береговъ Наровы, тѣмъ болѣе, что на лѣвомъ берегу осадныя работы уже съ начала іюня производились подъ руководствомъ преображенскихъ бомбардировъ, которые, устроивъ окопы около вайварскихъ высотъ, успѣли даже овладѣть ложементомъ, занятымъ шведскимъ карауломъ. Захваченный ложементъ былъ наскоро прикрытъ отъ артиллерійскаго огня съ крѣпости брустверомъ, турами и снабженъ двумя орудіями. Шведы неоднократно дѣлали вылазки и нападали на отбитый у нихъ ложементъ, но безуспѣшно. 30 іюня, подплывъ Наровою къ средовому русскому посту, шведы открыли по немъ перестрѣлку и затѣмъ сдѣлали видъ, будто отступаютъ. Въ это время отрядъ въ 150 человѣкъ съ сухого пути ударилъ въ тылъ преображенцамъ. Подоспѣвшая помощь отбросила шведовъ, но русскіе потеряли двоихъ убитыми, 18 ранеными; 8 человѣкъ было взято въ плѣнъ [1]).

По возвращеніи Петра, работы пошли на столько успѣшно, что къ концу іюля всѣ батареи были уже готовы и вооружены пушками [2]). На правомъ берегу Наровы, на холмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится военный лазаретъ, согласно мысли Огильвія, были поставлены три брешь-батареи. Кромѣ того, русскія траншеи и батареи кольцомъ окружали Ивангородъ отъ нынѣшней госпитальной улицы до «желѣзнаго носа». Черезъ Нарову было наведено два моста: одинъ—какъ выше

[1]) Во время осадныхъ работъ ежедневно въ строю не досчитывалось по нѣскольку человѣкъ, сраженныхъ непріятельскими выстрѣлами; но особенно чувствительна была смерть преображенскаго подполковника Карпова, убитаго 23 іюля ружейнымъ выстрѣломъ при смѣнѣ карауловъ.

[2]) Азанчевскій, исторія преображенскаго полка, стр. 57—59.

упомянуто—около устья, отъ обоза Апраксина, другой выше водопада. Отсутствіе здѣсь моста въ 1700 году было большой ошибкой, повлекшей гибель тысячи человѣкъ изъ отряда Шереметева. Теперь эта ошибка была исправлена. Кажется, былъ еще мостъ у Кампергольма. Устряловъ это утверждаетъ, но на источникъ своихъ свѣдѣній не ссылается, а планъ баталіи 1704 года изображаетъ лишь ближайшія къ Нарвѣ мѣста; войско же, какъ мы видѣли, переправилось къ Нарвѣ около Россони. Для устрашенія непріятеля Петръ приказалъ разставить кругомъ Нарвы на видныхъ для нарвскихъ горожанъ мѣстахъ шведскія знамена, числомъ 23, захваченныя въ Дерптѣ, а самое взятіе Дерпта было отпраздновано при троекратной пальбѣ изъ всѣхъ пушекъ и ружей.

2-го іюля появилась на небѣ яркая комета, «въ различные виды перемѣнявшаяся» [1]). «Суевѣріе—говоритъ Голиковъ—привело все войско въ страхъ и принудило монарха изъяснить оному причины, что то не чрезъестественное, но часто случающееся явленіе, никакого вліянія на дѣйствія человѣческія не имѣющее» [2]).

30 іюля пришли изъ Дерпта послѣдніе пѣхотные полки подъ командою генералъ-маіора фонъ Вердена [3]), и тогда же послѣ литургіи (день былъ воскресный) былъ сдѣланъ залпъ изъ всѣхъ русскихъ батарей по укрѣпленіямъ Нарвы.

Канонада сначала производилась при помощи 46 пушекъ и 15 мортиръ; затѣмъ число орудій увеличилось до 100; въ теченіе 10 сутокъ было выпущено всего 4627 бомбъ; при этомъ

[1]) «Іюля въ 20 день—говорится въ журналѣ П. В.—послѣ полудня видна была великая метеора образомъ бомбы, которая отъ зюйдъ-оста летѣла на нордъ-вестъ, и весьма была велика и высока» (стр. 93).

[2]) Голиковъ, доп. къ дѣяніямъ Петра В., т. VI, стр. 273. По словамъ Адлерфельда комета приняла форму ружья: «Le même soir à huit heures il parut au ciel un météore fort singulier que l'on vit premièrement comme une étoile à l'orient de la ville et qui prit ensuite la figure d'une fusée en tirant du Levant au Couchant. Lorsque ce météore fut descendu sur l'horizon, on aperçut à l'extrémité une espèce de soleil qui venant à crever jetta plusieurs éclairs qui se changèrent en une nuée fort obscure que l'on pouvoit voir toute la nuit et qui ne se dissipa entièrement qu'à l'approche de l'Aurore. (p. 204—205). См. также въ журналѣ барона Гюйссена подробное описаніе (Туманскій, 3,433).

[3]) Журналъ П. В., 94. Прибывшій незадолго до того Шереметевъ съ кавалеріей снова былъ высланъ къ вайварскимъ горамъ.

былъ разрушенъ мостъ, соединявшій Нарву съ Ивангородомъ, взорванъ пороховой погребъ, испепелено нѣсколько зданій, сдѣланы двѣ бреши въ бастіонѣ Victoria, разрушенъ фасъ у бастіона Honor.

Во дворцѣ Петра Великаго, въ особой шкатулкѣ, по сіе время хранятся два лифляндскихъ календаря на 1704 годъ, съ вплетенными въ нихъ листами, въ которыхъ два неизвѣстныхъ нарвскихъ жителя день за день описывали ходъ осады и затѣмъ завоеваніе Нарвы Петромъ Великимъ [1]). Эти дневники цѣликомъ приведены Ганзеномъ въ его «Geschichte der Stadt Narva». Они вообще не интересны, такъ какъ, кромѣ скучнаго перечня всѣхъ дѣйствій осаждавшихъ и осажденныхъ за день, заключаютъ въ себѣ лишь свѣдѣнія изъ обыденной повседневной жизни: кто служилъ обѣдню, кто умеръ и т. п. Нѣкоторый интересъ они представляютъ въ томъ отношеніи, что отражаютъ на себѣ внутреннее душевное состояніе авторовъ и, конечно, прочихъ гражданъ Нарвы, чувствовавшихъ себя обреченными на конечную гибель. Особенно страшно было для нихъ начало канонады: разсѣкающіе воздухъ снаряды, пылающіе кругомъ деревянные дома, взорванный съ оглушительнымъ трескомъ и грохотомъ пороховой погребъ, стоны раненыхъ, кровь, смерть близкихъ людей—все это возбуждало всеобщій ужасъ и понуждало обращать взоры, преисполненные мольбы и надежды къ небу. «Великій и милосердый Боже—занесено въ одинъ изъ дневниковъ подъ 31-мъ (по русскому счисленію 30) іюля — прими всѣхъ насъ подъ свою милостивую отеческую защиту во имя заслугъ Іисуса Христа. Аминь».—«Боже, спаси насъ и пребудь съ нами!»—значится въ другомъ дневникѣ. Вообще осажденные жили «во многомъ страхѣ», по выраженію Петра Апраксина въ одномъ изъ писемъ его на имя Меньшикова [2]).

Горнъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ лица, не носящія оружія, отправлялись ежедневно на разрушенные бастіоны и,

[1]) Хранитель музея Генрихъ Ивановичъ Вагнеръ лѣтомъ 1898 г. любезно показывалъ автору настоящей исторіи, вмѣстѣ съ прочими достопамятными предметами дворца, и названные календари, вообще недоступные для публики.

[2]) Бычковъ, III, 604—605.

по мѣрѣ силъ, задѣлывали бреши [1]). Упорное сопротивленіе шведовъ не спасло, однако, городъ отъ паденія, а гражданъ отъ излишняго пролитія крови. 6 августа во время литургіи въ русскомъ лагерѣ стало извѣстно, что «отъ многаго метанія бомбъ» съ бастіона Honor, имѣвшаго непрочное основаніе съ исподи рва, обвалился фасъ, а съ нимъ земляной брустверъ, такъ что весь ровъ былъ засыпанъ, и доступъ къ бастіону сдѣлался свободнымъ. Въ то-же время въ бастіонѣ Victoria сдѣланы 2 бреши, и бывшія здѣсь непріятельскія орудія приведены къ молчанію (изъ 70 пушекъ осталась годною одна) [2]).

Чтобы избѣжать излишняго кровопролитія, къ Горну былъ отправленъ комендантъ павшаго Дерпта, Скитте, котораго Петръ нарочно привезъ съ собою съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ Горна въ безполезности сопротивленія; но Горнъ не принялъ даже Скитте и обѣщалъ дать отвѣтъ на слѣдующій день. Огильвій не соглашался на такую отсрочку и отправилъ въ Нарву новаго посла, полковника Похвиснева. Онъ долженъ былъ вручить Горну письмо, въ которомъ значилось: «Путь къ приступу открытъ, и гарнизону нѣтъ никакой надежды на сикурсъ. Государь обѣщаетъ милость и честный аккордъ; если-же дѣло дойдетъ до штурма, Нарвѣ не будетъ пощады» [3]). Горнъ отвѣчалъ: «Мы всѣ уповаемъ на справедливость Господа Бога. Онъ за правое дѣло вступится, и могущественная десница Его, при высокомъ мужествѣ королевскаго величества, при храбрости войска, освободитъ Нарву, какъ и прежде» [4]). Говорятъ, что, передавая эту бумагу, Горнъ позволилъ себѣ отозваться съ насмѣшкой о русскомъ царѣ и его арміи. Въ журналѣ Петра Великаго говорится, что Горнъ произносилъ «нѣкоторыя хульныя слова». Адлерфельдъ упоминаетъ также, что Горнъ позволилъ себѣ какую-то непристойную шутку, и прибавляетъ, что это обстоятельство послужило, вѣроятно, причиною суроваго обращенія Петра съ Горномъ послѣ взятія

[1]) Adlerfeld, p. 209 ... «que dans toutes les maisons les paysans, les valets et les femmes eussent à se rendre au bastion ruiné pour y travailler».

[2]) Журналъ П. В., 94.

[3]) Устряловъ, исторія царствованія Петра, т. IV, ч. 1, стр. 311.

[4]) Полный текстъ письма къ Горну и отвѣта сего послѣдняго приведены въ журналѣ барона Гюйссена (Туманскій, 3, 439—442).

Нарвы [1]). По словамъ Голикова, Горнъ сослался на успѣхъ шведскаго оружія въ 1700 году и прибавилъ язвительно, что, какъ онъ думаетъ, русскіе объ этомъ еще не совсѣмъ позабыли [2]).

Вступивъ въ переговоры съ Горномъ, Петръ въ то-же время приказалъ бросить въ городъ въ бомбахъ и на стрѣлахъ множество увѣщательныхъ писемъ къ гражданамъ Нарвы, призывая ихъ къ добровольной сдачѣ и обѣщая пощаду. Комендантъ, однако, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ читать ихъ и приказалъ всѣ эти письма, не распечатывая, доставлять ему. Послѣ отказа Горна въ капитуляціи, русскіе генералы собрались на военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было взять городъ приступомъ. Огильвій составилъ расписаніе, въ какомъ порядкѣ должны были слѣдовать русскія войска.

Бастіонъ Victoria.

8-го августа принесены были незамѣтно для непріятеля лѣстницы въ аппроши, а на слѣдующій день въ 2 часа пополудни начался самый штурмъ. Лѣстницы были пододвинуты къ крѣпостнымъ стѣнамъ «винными солдатами», т. е. тѣми, которые бѣжали изъ полковъ по домамъ и были снова пойманы. На бастіонъ Victoria направилъ свой натискъ генералъ-поручикъ Шенбекъ, противъ бастіона Honor двинулся гене-

[1]) Adlerfeld, p. 210: «Le commandant répondit à cette lettre d'une manière choquante, ce qui fut cause ensuite que le Czar le maltraita et le mit dans un cachot après la prise de la place».

[2]) Голиковъ. Дѣянія Петра Вел., т. II, стр. 137—138.

ралъ-маіоръ Чамберсъ, къ равелину противъ бастіона Gloria—генералъ-маіоръ Шарфъ и, наконецъ, къ бастіонамъ Gloria и Fama—генералъ фонъ Верденъ. Русскіе шли на приступъ съ большимъ воодушевленіемъ [1]). Современникъ по этому поводу передаетъ: «Солдаты (во время команды на приступъ) одинъ другого старались предупредить, какъ бы они шли на пиръ или на свадьбу, что удивило крайне иностранныхъ, бывшихъ въ лагерѣ россійскомъ, а паче плѣнныхъ шведовъ и, вмѣсто того, чтобъ русскихъ въ то время ободрять, слышны были жалобы отъ многихъ офицеровъ и солдатъ, для чего не ихъ первыхъ послали» [2]).

Шведы отчаянно защищались: скатывали штурмовыя бочки и камни, сбрасывали лѣстницы, по которымъ взбирались русскіе солдаты, взорвали подкопъ; ничто, однако, не остановило русскихъ. Чамберсъ съ преображенцами первый ворвался на бастіонъ Honor [3]). Дѣло, очевидно, было проиграно шведами, и Горнъ, наконецъ, сознался это: онъ приказалъ бить «шамадъ», по выраженію журнала Петра Великаго, и первый ударилъ кулакомъ въ барабанъ. Разсвирѣпѣвшіе русскіе солдаты не слыхали или не хотѣли слышать сигнала къ сдачѣ; они продолжали рѣзню, гнали шведовъ до самаго замка, не щадили наряду съ воинами и мирныхъ гражданъ, пока, наконецъ, Петръ Великій силою не положилъ предѣла грабежу и кровопролитію.

Одинъ изъ нарвскихъ жителей такъ описываетъ осаду и штурмъ Нарвы: «Въ маѣ 1704 года городъ былъ осажденъ вторично и 9 августа между 2 и 3 часами дня взятъ штурмомъ; много людей было убито и умерло почти во всѣхъ домахъ, исключая немногихъ, и на всѣхъ улицахъ города были мертвые, вездѣ шелъ грабежъ, который причинялъ большое бѣдствіе. Всѣ, кто были взяты въ плѣнъ, не имѣли извѣстій: ни мужья о женахъ, ни жены о мужьяхъ, ни дѣти о родителяхъ. Казалось, что никого не останется, только одинъ Богъ бываетъ милостивъ въ своемъ гнѣвѣ и сохранилъ нѣкоторыхъ изъ насъ...

---

1) Журналъ Петра Великаго, стр. 96—97; Adlerfeld, t. II, p. 211 (русскіе шли «avec beaucoup d'ardeur»).

2) Голиковъ, Дополненія, VI, 275.

3) Журналъ Петра Вел., стр. 97.

Я въ то время, какъ начался штурмъ, несмотря на нездоровье, ушелъ изъ дому къ покойному бургомистру Шварцу, чтобы присоединиться къ отряду, который тамъ собрался. По дорогѣ къ дому Шварца встрѣтивъ нашу роту на валу, я хотѣлъ также взять свое оружіе и слѣдовать за нею, какъ вдругъ ѣхавшіе навстрѣчу всадники объявили, что новый городъ уже сдался. Русскіе появились въ старомъ городѣ на всѣхъ улицахъ, такъ что мнѣ нельзя было, безъ потери жизни, вернуться домой, и я принужденъ былъ войти въ домъ Шварца и тамъ спрятаться въ подвалѣ вмѣстѣ съ пасторомъ Шварцемъ и многими другими; тамъ-же былъ и полковникъ Шлиппенбахъ, бывшій комендантъ Нотебурга. Едва закрылись двери, которыя вели въ задній чуланъ, какъ стало слышно что побѣдитель уже пришелъ. Къ нашему счастью, по соизволенію свыше, нѣмецкій маіоръ Вейде подошелъ къ двери, постучалъ и послѣ нѣсколькихъ разъ обѣщалъ намъ пощаду. Тогда дверь открыли, и маіоръ вошелъ съ нѣсколькими гренадерами. Хотя мы смертельно боялись и ожидали смерти, но маіоръ сдержалъ свое обѣщаніе и не сдѣлалъ никому вреда». Значитъ, кровопролитіе на улицахъ Нарвы не было уже такимъ безпощаднымъ.

Преданіе говоритъ, что, останавливая кровопролитіе, Петръ собственною шпагою закололъ русскаго солдата, грабившаго и убивавшаго мирныхъ гражданъ. Остановивъ такимъ образомъ грабежъ, монархъ съ обнаженною и окровавленною шпагою явился въ домъ бургомистра Гетте и бросилъ ее на столъ. Собравшіеся здѣсь сановники и нѣкоторые жители Нарвы съ семействами съ ужасомъ ожидали рѣшенія своей участи, но Петръ сказалъ имъ:

— «Не бойтесь: это не шведская кровь, а русская; спасая васъ, я не щадилъ своихъ подданныхъ» [1]).

Явившись затѣмъ въ магистратъ и увидѣвъ тамъ Горна,

1) Нѣкоторые историки говорятъ, что эти слова произнесены царемъ въ ратушѣ, но правильнѣе придерживаться показанія дерптскаго бургомистра Гадебуша, удостовѣряющаго, что это происходило въ домѣ Гетте (впослѣдствіи наслѣдниковъ Лаврецова, на правомъ углу вышгородской улицы при въѣздѣ въ городъ со сторочы замка), такъ какъ Гадебушъ слышалъ этотъ разсказъ отъ ландрата Акселя Генриха фонъ Брюйнинга, сына бывшаго тогда въ Нарвѣ пастора. (Бергманъ, 55). Столъ, на который Петръ бросилъ окровавленную шпагу, долго сохранялся и показывался путешественникамъ (Веберъ).

царь въ припадкѣ гнѣва далъ ему жестокую пощечину и грозно воскликнулъ:

— «Не ты ли виновникъ столь много и безполезно пролитой крови? Не имѣя никакой надежды къ помощи и никакого средства къ спасенію города, не могъ ли ты давно уже выставить бѣлый флагъ?!» [1]).

Затѣмъ, по приказанію царя, Горнъ былъ отданъ подъ арестъ, а заключенный Горномъ за сдачу Нотебурга комендантъ освобожденъ и отпущенъ въ Швецію. Сынъ Горна и четыре его дочери были ввѣрены попеченію генерала Чамберса [2]).

Итакъ 9-ое августа былъ «страшнымъ и фатальнымъ», какъ выражается Адлерфельдъ, днемъ для Нарвы. «И тако сей гордый комендантъ нарвенскій—значится въ журналѣ Петра Великаго—въ бѣдственную погибель и расхищеніе гарнизонъ и гражданъ упорностію своею привелъ, и ежели бы солдаты наши не были отъ кровопролитія уняты, то бы мало кто остался».

Однако, несмотря на паденіе Нарвы, нарвскую баталію нельзя было считать вполнѣ оконченной, такъ какъ гарнизонъ Ивангорода не слагалъ еще оружія къ ногамъ побѣдителей. Къ коменданту Ивангорода, подполковнику Стирнштралю были отправлены для мирныхъ переговоровъ сначала полковникъ Риттеръ, а затѣмъ Арнштедтъ [3]). Стирнштраль долго не сдавался, разсчитывая, вѣроятно, на подкрѣпленія; онъ даже употребилъ хитрость для того, чтобы выгодать время, а именно онъ при-

---

[1]) Голиковъ, дѣянія Петра Вел. ч. II, стр. 140—141. О пощечинѣ, данной Петромъ Горну, упоминаетъ и Адлерфельдъ. Онъ говоритъ: Что касается коменданта Горна, то немедленно по взятіи города онъ былъ приведенъ къ царю, который сдѣлалъ ему выговоръ и, какъ увѣряютъ, даже далъ пощечину за то, что онъ не оказалъ должнаго уваженія въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе о сдачѣ города. «Quant au commandant le Major General Horn ayant été conduit au Czar, immédiatement après la prise de la place, ce prince lui fit une sévère reprimande et on prétend même qu'il lui donna un soufflet pour lui avoir manqué de respect dans sa reponse à la sommation qu'on lui avoit faite de se rendre». Histoire militaire de Charles XII, t. II, p. 224.

[2]) Впослѣдствіи Горнъ, по ходатайству фельдмаршала Отгильвія, былъ освобожденъ. Въ 1715 году онъ возвратился въ Швецію, гдѣ ему въ 1717 г. пожаловано графское достоинство. Онъ умеръ въ 1730 мъ году, 87 лѣтъ отъ роду. (Бергманъ, 56).

[3]) По журналу Петра Великаго, переговоры съ ивангородскимъ комендантомъ велъ Петръ Шафировъ (стр. 97).

Взятіе Нарвы 9 Августа 1704 года.

Съ картины профессора Коцебу, находящейся въ военной галлереѣ Зимняго Дворца въ С.-Петербургѣ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

казалъ сказать русскимъ посланнымъ, что его въ Ивангородѣ нѣтъ, и что гарнизонъ не можетъ сдаться до его прибытія [1]). Наконецъ, онъ долженъ былъ уступить, но выговорилъ гарнизону право свободнаго выхода изъ крѣпости съ оружіемъ въ рукахъ. Его просьба о разрѣшеніи выступить съ распущенными знаменами и съ музыкой была отвергнута.

О переговорахъ со Стирнштралемъ и послѣдовавшей затѣмъ сдачѣ Ивангорода имѣется слѣдующее современное повѣствованіе очевидца.

«Послѣ штурма Нарвы, въ тотъ-же день вечеромъ явился на ивангородской стѣнѣ русскій полковникъ Риттеръ съ требованіемъ сдачи безъ всякихъ условій. Его просили подождать, пока отыщутъ коменданта; напослѣдокъ объявили, что комендантъ въ Нарвѣ, и неизвѣстно, живъ или мертвъ. Дѣло въ томъ, что Стирнштраль желалъ выиграть время для приготовленія къ отпору, хотя подъ ружьемъ было не болѣе 200 человѣкъ. Послѣ Риттера явился другой полковникъ Арнштедтъ, съ письменнымъ приказаніемъ генералъ-маіора Горна покориться безотговорочно. Комендантъ отвѣчалъ, что Горнъ въ рукахъ непріятеля, слѣдовательно приказанія его безсильны; онъ же рѣшился защищаться съ своимъ гарнизономъ до послѣдней капли крови. Царь былъ очень разгнѣванъ такимъ отвѣтомъ и вторично прислалъ Арнштедта объявить, что если воля его немедленно не исполнится, всѣ плѣнные въ Нарвѣ будутъ преданы смерти безъ пощады младенцевъ въ материней утробѣ. «Въ волѣ государя дѣлать, что угодно — отвѣчалъ Стирнштраль — но я считаю за стыдъ отдать по первому требованію крѣпость, врученную мнѣ королемъ. Если же предложены будутъ честныя условія, тогда можетъ быть царское желаніе исполнится. Послѣ того фельдмаршалъ Огильвій далъ знать, что ему удивительно, какъ можно упрямиться съ голоднымъ гарнизономъ и что есть еще время воспользоваться царскою милостью; вслѣдствіе чего спрашивали, на какихъ условіяхъ думаетъ комендантъ сдать крѣпость, причемъ требовали прислать 3 офицеровъ для договора, соглашаясь, съ своей стороны, отправить такое же число въ видѣ заложниковъ въ Ивангородъ. Стирнштраль, со слезами на глазахъ, спросилъ своихъ: что дѣлать? Всѣ отвѣчали единогласно: покориться, иначе гарнизонъ погибнетъ отъ голода, имѣя не болѣе 5 мѣръ хлѣба. 15 августа хотѣли вступить въ переговоры, но русскіе заняты были празднованіемъ взятія Нарвы.. На другой день посланы въ Нарву 3 офицера для переговоровъ; русскіе выслали съ своей стороны 3-хъ капитановъ. Комендантъ требовалъ согласія всему ивангородскому гарнизону удалиться въ Ревель съ женами и дѣтьми и выступить изъ крѣпости съ распущенными знаменами, съ музыкой, съ оружіемъ въ рукахъ и 4 полевыми пушками. Фельдмаршалъ согласился на свободное удаленіе гарнизона; въ орудіяхъ, музыкѣ и знаменахъ отказалъ. 16 августа, въ 9 часовъ утра (по шведскому стилю — 17 августа) русскіе вступили въ Ивап-

[1]) Adlerfeld, t. II, p. 215—220.

городъ; а гарнизонъ частію на судахъ, частію сухимъ путемъ отправился въ Ревель и Выборгъ».

Въ полномъ собраніи законовъ помѣщены пункты капитуляціи, предложенной Стирнштралемъ (Стіерне Стралемъ) съ отвѣтомъ на нихъ фельдмаршала Огильвія (отъ 16 августа 1704 г.).

Шведское предложеніе было слѣдующее.

Понеже Божіею милостію державнѣйшаго короля Карла XII, короля готскаго и вандальскаго (и проч.) опредѣленный подполковникъ и комендантъ крѣпости Ивангорода Магнусъ Стіерне Страль, по предложенію, Божіею милостію всепресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Россіи самодержца и проч. фельдмаршала полковника пѣхотнаго полка и командующаго генерала высокороднаго господина барона Георга Венедикта Огильвія, по силѣ его письма отъ 13 августа 1704 года, въ разсужденіи крѣпости Ивангорода намѣренъ сію учинить капитуляцію, то и разсудилъ поставить слѣдующіе договоренные пункты:

1. Требую честнаго отпуска для себя и для всѣхъ здѣсь находящихся офицеровъ, артиллерійскихъ служителей и солдатъ крѣпости такимъ образомъ, чтобъ можно было выйти съ распущенными знаменами, съ военною музыкою, съ 4-мя пушками, съ верхнимъ и нижнимъ оружіемъ какъ для здоровыхъ, такъ и для больныхъ, безъ всякой перемѣны съ надлежащей амуниціею, т. е. съ 12 зарядами и пулями во рту.

2. Чтобъ какъ моя, такъ и всѣхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ жены, также солдатскія женки и дѣти, со всѣми ихъ пожитками, ничего не исключая, могли быть свободно и безпрепятственно отпущены и свободно отъѣхать.

3. Такой-же требуется свободы для всѣхъ и каждаго, здѣсь въ крѣпости находящагося, мущины и женщины, какого бы они состоянія ни были.

4. Требуется для всего гарнизона вмѣстѣ со всѣми больными, раненымъ и арестантами, для вышепомянутыхъ пушекъ, для собственной моей поклажи, также и для всѣхъ и каждаго, какого бы состоянія кто ни былъ, нужныя суда, на которыхъ бы можно было немедленно и не теряя времени, прибыть безопасно въ Ревель съ паспортами и конвоемъ его велико-царскаго величества.

5. Чтобы всѣмъ здѣсь находящимся офицерамъ и гражданамъ, которыхъ жены и дѣти въ Нарвѣ, дозволено было взять ихъ изъ Нарвы, и чтобъ, напротивъ того, тѣ жены, кои здѣсь находятся и у которыхъ мужья въ Нарвѣ, могли къ нимъ отправиться.

6. Требую я, чтобъ всѣ офицеры и солдаты и всѣ прочіе и каждые, какого бы они состоянія ни были, могли взять съ собою на мѣсяцъ нужный провіантъ.

7. Чтобъ какъ я, такъ и офицеры и всѣ прочіе, какого бы состоянія ни были, оставшія(ся) въ Нарвѣ свои вещи могли оттуда получить.

8. Ежелибъ всемогущему Богу угодно было, чтобъ сія крѣпость нѣкогда, опять перешла во владѣніе всемилостивѣйшаго моего короля,

то предоставляю я себѣ, чтобъ оная конечно въ такомъ же состояніи, какъ нынѣ со всѣми въ ней находящимися вещами была возвращена. Наконецъ, какъ я намѣренъ все, что между нами будетъ заключено и постановлено, содержать искренно и безковарственно, то уповаю, что и съ другой стороны все наблюдено будетъ искренно и на честномъ словѣ.

На это предложеніе Стирнштраля Огильвій отвѣчалъ: Понеже его велико-царскаго величества побѣдоносныя войска уже не токмо весь городъ Нарву, но также и горнверкъ Ивана-города штурмомъ взяли, и посему излишно, чтобъ безъ защиты стоящую старую стѣну Ивана-города въ нѣсколько дней до подошвы разрушить, слабый гарнизонъ приводить въ несостояніе болѣе защищаться; то по воинскому праву ничего болѣе не можно дозволять и ни на что болѣе согласиться, какъ на 1 артикулъ, чтобы весь гарнизонъ вышелъ порядочно изъ Иванъ-города, безъ знаменъ и безъ музыки, также и безъ обнаженныхъ шпагъ, но съ верхнимъ и нижнимъ оружіемъ, и чтобы всѣ артиллерійскіе служители и къ войску надлежащее отпущено было. Второй, тако-жъ и третій пункты совершенно дозволяются. На 4 пунктъ. Въ требованномъ вывозѣ нѣкоторыхъ пушекъ совершенно отказывается, притомъ всѣ оные арестанты должны быть освобождены; прочее же вмѣстѣ съ 5 и 6 пунктомъ совершенно дозволяется. На 7 пунктъ. Извѣстно, что по причинѣ штурма все должно достаться въ добычу войску. Если же бы что нибудь изъ мебели или платья нашлось, то его велико-царское величество, по всемилостивѣйшему его великодушію, и на сію просьбу склонится. Осьмый пунктъ предоставляется всемогущему Богу и Его произволенію.

По совершеніи и по сличеніи сихъ пунктовъ договора, должны главнѣйшія ворота быть тотчасъ отворены еще нынѣ вечеромъ между 5 и 6 часомъ, и гарнизонъ его велико-царскаго величества впущенъ безъ дальнѣйшаго отвращенія. Во свидѣтельство и для вящшаго удостовѣренія помянутыхъ пунктовъ договора два разноглася щіе экземпляра сочинены и взаимно размѣнены, все вѣрно и безъ сопротивленія учинено [1]).

16-го августа Ивангородъ былъ занятъ русскими войсками.

Петръ Великій чрезвычайно радовался побѣдѣ. По взятіи Нарвы, подъ первымъ впечатлѣніемъ радостнаго событія, царь писалъ князю Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому: «Siir. Я не могъ оставить безъ возвѣщенія, что всемилостивый Господь каковымъ счастіемъ сію атаку окончить благоволилъ; гдѣ предъ четырьмя лѣты оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ: ибо сію преславную крѣпость, чрезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа [2]) получили. Хотя непріятель подкопомъ

[1]) П. с. з., т. IV, № 1989. См. также Бычкова, III, 127—128.

[2]) По Адлерфельду, штурмъ длился свыше 3 часовъ.

крѣпко нашихъ подорвалъ, однакожъ солдатъ тѣмъ устрашить не могъ. Потомъ непріятель въ старую крѣпость вбѣжалъ и билъ шамадъ, дабы акордъ или хотя пардонъ получить; но солдаты наши слышать того не хотѣли, тотчасъ и въ оную ворвались и въ замокъ, гдѣ непріятелю добрый трактаментъ былъ, что и младенцевъ немного оставили. Сей штюрмъ зѣло дивно опредѣлился, и не чаю, чтобы 300 человѣкъ при ономъ пропало нашихъ; за что выну буди Вышнему хвала. О чемъ пространнѣе съ планомъ сея крѣпости пришлемъ вѣдомость впредь.—Piter. Изъ Нарвы 14 августа 1704 года» [1]). Въ письмѣ отъ того-же дня на имя А. В. Кикина царь увѣдомлялъ о взятіи Нарвы лаконически, и весьма образно: «Her Grotvader. Инова не могу писать, только что Нарву, которою 4 года нарывало, нынѣ, слава Богу, прорвало, о чемъ пространнѣе скажу самъ.—Piter»).

Въ отвѣтъ на первое письмо Ромодановскій писалъ царю (22 августа 1704 г.): «Весь народъ радостью обвеселился, слыша совершенство такой знаменитой и славной викторіи, еже немалую разнесетъ не токмо по всей Европѣ русскому народу похвалу, но и въ Асіи въ ушеса магометскихъ чадъ съ печали и страха разгласится».

Ромодановскій въ тотъ же день отвѣчалъ и Меньшикову, извѣстившему его о побѣдѣ подъ Нарвой:

«За присланную твою радостную знаменитую новизну, ею-же меня воистинно зѣло обрадовалъ, благодарствую. По правдѣ есть побѣда знаменита, что у Варяжскаго моря такова крѣпкаго и славнаго града взятіе; тѣмъ-же достойно всякія похвалы и подвизатели въ тѣхъ храбрыхъ промыслѣхъ бывшіе,

---

1) Устряловъ, IV, 2, 69—70; тогоже содержанія на имя Стефана, митрополита рязанскаго и муромскаго (съ обращеніемъ «чес(т)ный отче!») помѣщено въ «описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода», т. I (1542—1721). СПБ. 1868, стр. I—II (въ приложеніи) и у Бычкова, т. III, стр. 120. Здѣсь такія же письма на имя Ѳедора Матв. Апраксина и Автонома Ив. Иванова (стр. 122, 123), а также извѣщеніе о побѣдѣ на имя польскаго короля Августа II и списокъ съ собственноручнаго черновика П. В., хранящагося въ московскомъ главномъ архивѣ.

2) Письма и бумаги П. В. (собр. Бычковымъ), т. III, стр. 124.

въ нихъ же приписую и тебѣ, моему пріятелю: не малую пріялъ еси хвалебную трудность. Слава всесильному Господу Богу, даровавшему сію великую побѣду, которою тя поздравляя, пребываю князь Ѳедоръ Ромодановскій».

Тихонъ Стрѣшневъ, извѣщенный о нарвской побѣдѣ, поздравлялъ царя изъ Москвы съ «предивнымъ взятіемъ преславнаго града» и сообщалъ, что «за сію побѣду на Москвѣ молебствовали и изъ пушекъ стрѣляли; народу множество было, и въ церковь не вмѣстились: столько николи не помню» [1]).

Для характеристики того значенія, какое придавалось русскими людьми пріобрѣтенію Нарвы, приведемъ здѣсь еще нѣсколько отвѣтныхъ писемъ царю. Эти современныя письма, составленныя подъ вліяніемъ радостнаго извѣстія о только что одержанной викторіи, живо переносятъ насъ въ эпоху, когда оправившіяся отъ пораженія подъ Нарвой въ 1700 году русскія войска стали одерживать верхъ надъ шведами и, опрокидывая врага, пробивать себѣ дорогу къ Балтійскому морю.

Автономъ Ивановъ писалъ 24 августа: «Державнѣйшій царь, государь, государь мой милостивѣйшій. Еще въ сердцахъ нашихъ радость не угасе о взятіи града Дерпта, нынѣ же новую радостнѣйшую вѣдомость твоимъ, государя нашего, милостивымъ писаніемъ о взятіи славнаго и прекраснаго града Нарвы получили. И воздавъ благодареніе Господу Богу и пречистой Его Матери, веселымъ сердцемъ съ радостными слезами увеселихомся; азъ-же послѣдній рабъ, поздравляю тебѣ, государю моему, здравствуй, здравствуй, милостивѣйшій мой государь, съ великославною викторіею. Нижайшій рабъ Автономъ Ивановъ».

Отвѣтное письмо Кикина было слѣдующее: «Всемилостивѣйшій государь. Письмо ваше мы получили, изъ которыхъ увѣдомились, что чрезъ ваши труды получена Нарва, и надъ радости наша большая намъ радость присовокупилась. Ежели больши сего писать, развѣ куплементы; *вѣдаю, что они вамъ давно скучили.* При семъ здравіе ваше, всемилостивѣйшаго государя, Господу всемогущему въ сохраненіе предаю. Рабъ твой Кикинъ.»

Левъ Нарышкинъ сообщалъ: «Премилостивый царь Петръ Алексѣевичъ, здравіе твое да сохранитъ десница Божія. Писаніе твое, моего асударя, намъ вручено, въ которомъ изволилъ писать о такой преславной крѣпости, какъ Господь Богъ милосердіемъ сію крѣпость вручилъ. Но за сіе милосердіе Божіе воздавъ хвалу Господу Богу и пресвятой Дѣвѣ, просимъ и впредь, дабы Господь Богъ милосердіемъ своимъ не оставилъ. Воистину, мой асударь, какъ услышали про сіе преславное дѣло, и съ маткою своею со слезами радостными о здравіи твоемъ просили. О, мой асударь, какія преславныя дѣла управляются твоими трудами. Я же за скверныя свои дѣла всего лишенъ видѣть за болѣзньми своими; но да будетъ воля

[1]) Устряловъ, IV, 2, 320, 321.

Божія! Левъ Нарышкинъ, пат(д)ъ предъ ногами, милосердія просимъ. Августа въ 24 день.»

Князь Михаилъ Черкасскій привѣтствовалъ царя слѣдующимъ образомъ: «Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь нашъ всемилостивѣйшій. Премилосердымъ вашего величествія писаніемъ изъ завоеваннаго города Нарвы, августа 14-го дня посланнаго, посѣщенъ есмь августа 21 день, которое воспріявъ и увѣдомився о преславной вашего величествія надъ непріятели побѣдѣ и о взятіи онаго города Нарвы, радостною душою всемогущему, въ Троицѣ святой славимому Богу и пресвятой Его Богоматере во апостольской соборной церкви со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со множествомъ народа молебне благодарили. Азъ же, и паки предъ пресвѣтлымъ вашего величествія престоломъ къ монаршескимъ стопамъ припадая, о сей настоящей изрядно удивительной побѣдѣ васъ, всемилостивѣйшаго моего царя и государя, поздравляю и попремногу душевне радуюся и желаю, дабы и впредь таяжде всесильная десница Божія вашему величествію надъ спмъ и надъ прочими непріятели побѣду и благосчастливое одолѣніе даровала и сподобила бъ насъ пресвѣтлое ваше монаршеское лице видѣти въ радости. Вашего величествія нижайшій рабъ князь Михайло Черкаской. Изъ Москвы, 1704-го, августа въ 25 день.»

Князь Б. А. Голицынъ поздравлялъ царя витіевато: «Премилостивый мой государь, царь Петръ Алексѣевичъ, здравіе твое, моего государя, да будетъ хранимо Богомъ. Письмо милости твоей о взятіи города Ругодева пришялъ съ великимъ веселіемъ и плачемъ, что нечаянное такая крѣпость скоро и безъ упадку всемогуществомъ Божіимъ тебѣ, государю вѣрному, плаксивому (sic) или работному, даровалъ. Или все евангеліе святое повѣствуетъ: просите, дастся, толцыте, отверженся? Но ты, какъ не толчешь и не просишь, всегда ни послѣдни солдатъ, которые изъ за палки и неволю управляютъ, ты, мой государь, всегда въ суетѣ, въ трудахъ. И что ты подъ Юрьевымъ, или Дорптомъ (sic), дѣлалъ, и нынѣ подъ Нарвою чюдно и страшно слышать. Но я тебѣ скажу, для чего такъ: для зависти здѣсь царствуешь, хочешь и со Христомъ, Тогожде сіе всѣ поты и труды твои. Геркулей, кой былъ въ народѣ славны своемъ геройствомъ, убилъ седмиглавного змія; и та ему слава понисуется вѣчно, но отъ человѣкъ. Ты же, мой государь, не седмиглавного змія, но обороняешь и защищаешь святую церковь и преодолѣваешь седмиглаваго противника; которая слава не токмо въ мірѣ, но и предъ ангели вѣчно будетъ; ты не съ палкою, но съ сплою Божіею; и яко и царь Костентинъ всегды побѣждалъ враговъ своихъ крестомъ и ему гласъ бысть: Аще что худо тебѣ будетъ въ день печали, призови Мя и избавлю тя, но онъ погрѣшилъ за непошенія передъ полками святаго креста; ты же по апостолу Павлу язвы Іесуса Христа на тѣлѣ своемъ носишь, то есть въ сердцѣ твоемъ всегда Богъ, и съ тѣмъ надѣяніемъ побѣждаешь и будешь побѣждати. И какъ Богу, аще въ чемъ будетъ твое прошеніе, не послушаетъ? Воля твоя, ей, ни для чего, только такъ мнѣ возмнилося, коли такою радостію порадовалъ Богъ, не вели дать почиванія воину; укрѣпляй всѣ мѣста, какъ тебя Богъ вразумитъ и учинитъ гдѣ сыкурса.

Но однако, мой государь, что такъ дерзнулъ, прошу отданіе вины, и во всемъ да буди воля твоя. Холопъ твой Борисо. Августа 24»

Иванъ Мусинъ Пушкинъ отвѣчалъ на письмо Петра въ такихъ выраженіяхъ: «Державнѣйшій царь, государь, государь мой милостивѣйшій. Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже даде намъ многая благая и радостная тобою, государемъ нашимъ? Не угасе еще въ сердцахъ нашихъ радость о взятіи Дерпта, нынѣ же новую радостнѣйшую вѣдомость твоимъ, государя нашего, милостивымъ писаніемъ о взятіи славного и прекрѣпкого града Нарвы получихъ. И зѣло увеселихся, и воздахъ благодареніе всѣхъ благихъ Дателю Богу, веселымъ сердцемъ съ радостными слезами, и молихомъ Его Величество, да даруетъ тебѣ, государю моему, многолѣтное и здравое житіе и вся твоя, государя моего, хотѣнія благосчастливо окончать и надъ непріятельми всегда побѣдителю быть. Азъ же, нижайшій рабъ, поздравляю тебѣ, государю моему: здравствуй, здравствуй, милостивѣйшій мой государь, Божіею милостію и трудами своими получивши надъ непріятелемъ великославную викторію. За твою же, государя моего премилостивѣйшаго, ко мнѣ, нижайшему рабу, превысокую милость и милостивое писаніе, преуниженне стопамъ вашего царскаго величества рабски припадаю. Наипокорнѣйшій и нижайшій рабъ Иванъ Мусинъ Пушкинъ. Въ Москвѣ, въ 24 день августа 1704-го».

Письмо Ивана Бутурлина было нижеслѣдующее: «Премилостивый мой государь, царь Петръ Алексѣевичъ. Здравіе твое, моего государя, да сохранится Богомъ. Возблагодаря, благодарю милость твою по писанію ко мнѣ, о чемъ зѣло возблагодарилъ Бога за полученную за многіе твои, государя моего, труды, за взятіе Нарвы города, которой взятъ разумомъ твоимъ, чего всегда и лучшего желаю; за что, жалуя, хвалю, что кажешь намъ услугу. Но что можемъ мы за твои такіе великіе труды говорить? Но должно глаголати: Слава въ вышнихъ Богу, а тебѣ, государю, во всѣхъ дѣлахъ благоволеніе! И паки со благодареніемъ отдая рабскій поклонъ на всякое добро, рабъ твой Иванъ Бутурлинъ, надъ на землю, припадая къ ногамъ твоимъ, рабски челомъ бью. Августа въ 25 день».

О взятіи Нарвы Петръ Великій не преминулъ увѣдомить и упомянутаго нами выше члена англійской торговой компаніи Андрея Стельса, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма сего послѣдняго на имя царя: «Всемилостивѣйшій великій государь. По твоему милостивому указу (письма), посланные изъ новозавоеваннаго города Нарвы сентября перваго числа, въ отдачи часовъ пошныхъ, мы пріяли, и въ твоемъ государевѣ домѣ тотчасъ о томъ всѣми нашими кумпанеи тебѣ, великому государю, поздравляли о толикой храброй побѣдѣ, что такую славную крѣпость чрезъ твою великого монарха храбрость поручилъ Господь Богъ тебѣ, государю, оный славный и крѣпкій градъ Нарву въ толикія малыя минуты; о которой твоей храбрости будетъ во удивленіе всей Европіи. И мы, рабы твои, при отпускѣ англинскихъ кораблей о толикой дивной побѣдѣ потрудились въ писаніехъ и паки во вторыхъ караванехъ будемъ писаніемъ возвѣщать. Дажь, Господи Боже, паки на противныя твоя тебѣ, государю, по-

бѣды и одолѣнія во вся дни, аминь. Вашъ нижайшій рабъ Андрей Степлсъ. Отъ города Архангельского, сентября въ 5 день 1704» [1])

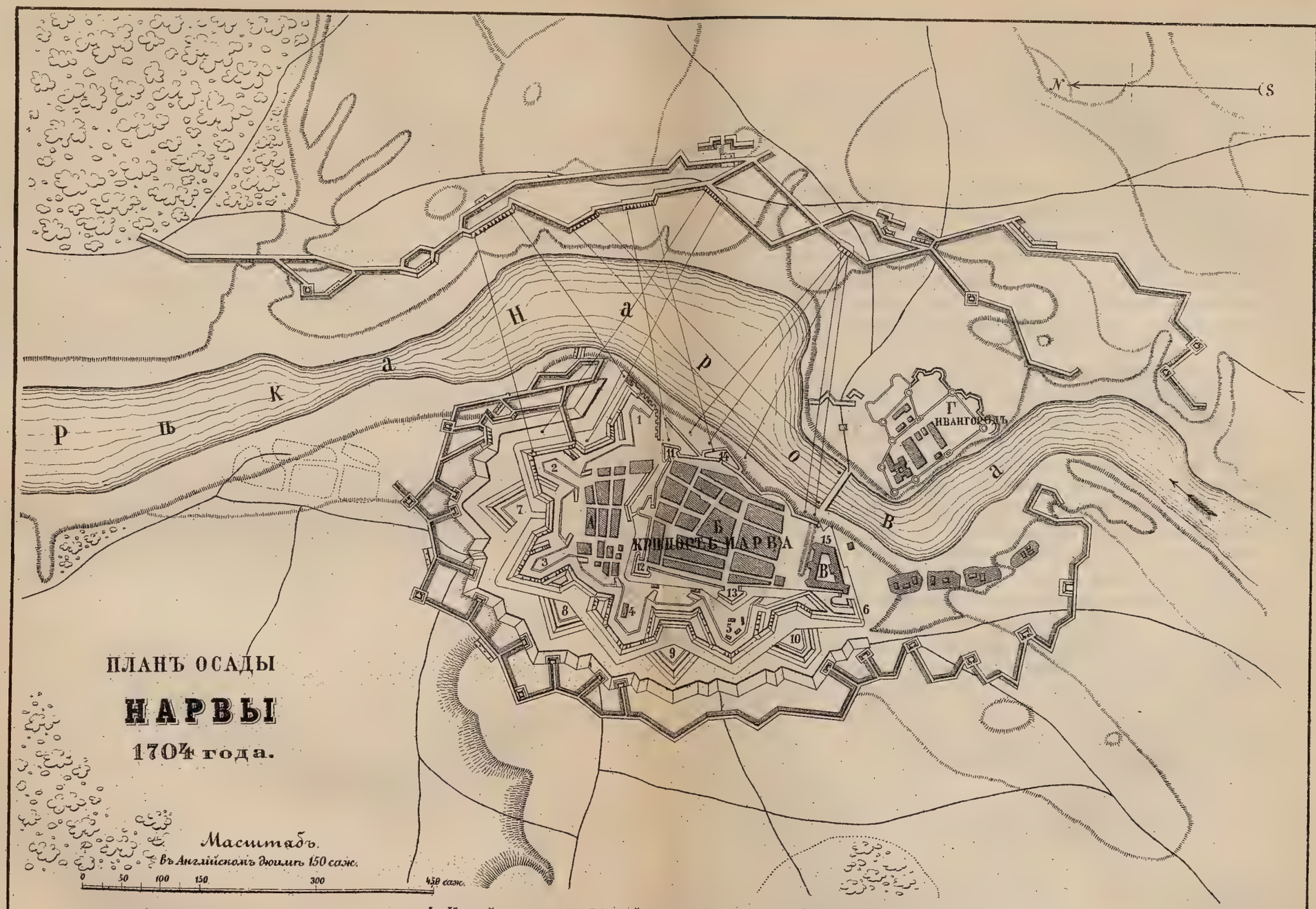
По вступленіи въ Нарву русскія войска, по приказанію царя, дѣятельно работали, очищая улицы и рвы отъ труповъ, сравнивая апроши, исправляя поврежденные дома и стѣны [2]). Труповъ было такъ много, что ихъ некогда было хоронить; поэтому ихъ сваливали прямо въ рѣку. По словамъ Ганзена, вмѣстѣ съ другими тѣлами, было выброшено въ Нарову и тѣло убитой жены Горна, урожденной графини Шперлингъ. Не ранѣе, какъ 15 августа въ городѣ былъ водворенъ нѣкоторый порядокъ, улицы очищены и поставлены даже на нихъ фонари. Немедленно по очисткѣ Нарвы, одна изъ шведскихъ церквей (нынѣшняя лютеранская) была освящена въ православный храмъ, и въ немъ совершено благодарственное молебствіе за дарованіе побѣды при троекратной пушечной и мушкетной стрѣльбѣ. Послѣ этого царь пригласилъ къ обѣденному столу какъ своихъ, такъ и иностранныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и знатнѣйшихъ гражданъ. Вечеромъ того-же дня (15 августа) ратуша и всѣ дома были освѣщены, въ окнахъ были выставлены прозрачныя картины. Около дома Меньшикова были сооружены тріумфальныя ворота, освѣщенныя разноцвѣтными огнями; здѣсь же поставлена новая мортира, наполненная виномъ, изъ которой каждый желающій пилъ за здоровье царя и его сподвижниковъ. Изъ этой мортиры пилъ и самъ царь, а потомъ съ хоромъ обходилъ городъ, осматривалъ укрѣпленія, удивлялся высотѣ стѣнъ и пѣлъ разные псалмы, а особенно стихъ: «Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу» [3]). Радость царя особенно увеличилась, благодаря прибытію въ Нарву во время

[1]) Бычковъ. Письма и бумаги императора Петра Великаго, томъ III, стр. 659—666. Письма царя къ Нарышкину, князьямъ Черкасскому и Голицыну, Стрешневу, Мусину-Пушкину, Бутурлину и Стейльсу не сохранились; но онѣ, вѣроятно, всѣ были схожи съ сохранившимися письмами на имя князя Ромодановскаго, Апраксина, Иванова и митрополита Стефана.

[2]) Работы надъ починкою укрѣпленій продолжались еще въ сентябрѣ 1704 года, какъ видно изъ царскихъ резолюцій на предложенія генералъ-адъютанта польскаго короля фонъ Арнштедта: « . . . сея зимы всѣ войска, а паче пѣхота, которая нѣсколько времени задержана ради починки Нарвы, также и отдохновенія ихъ, въ Литву вступятъ». Бычковъ, III, 145.

[3]) Журналъ барона Гюйссена. Туманскій, 3, 445, 459.

Петръ Великій останавливаетъ грабежъ въ Нарвѣ 9 августа 1704 г.
Съ картины Зауервейда.



А. Новый городъ. Б. Старый городъ. В. Вышгородскій замокъ.

1. Бастіонъ Викторія. 2.—Гоноръ. 3.—Глорія. 4.—Фама. 5.—Тріумфъ. 6.—Фортуна. 7. Королевскій равелинъ. 8, 9, 10. Равелины передъ другими фронтами. 11. Бастіонъ Зандвалъ. 12.—Королевскій валъ. 13.—Старый валъ. 14.—Врангель. 15.—Германова башня.

ЛИТ. ЮДЕЛЕВА

торжествъ датскаго корабля. Всѣ привезенные товары тотчасъ же были раскуплены, шкиперъ удостоился царскаго угощенія и подарка въ 200 червонцевъ. Всѣ матросы также получили подарки [1]).

Герои Нарвы были награждены Петромъ по заслугамъ. Меньшиковъ былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ нарвскимъ [2]) и всѣхъ завоеванныхъ мѣстъ, на генералъ-поручика Чамберса царь возложилъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, снявши этотъ орденъ съ себя. Прочіе генералы также получили ордена и награды. На взятіе Нарвы впослѣдствіи было выбито четыре медали. Онѣ раздавались участникамъ баталіи.

Одна медаль съ русскими надписями изображаетъ профиль царя, въ лавровомъ вѣнкѣ; кругомъ написано: «Петръ Алексіевичъ Всероссійскій Самодержецъ». На оборотѣ изображено бомбардированіе Нарвы. Внизу дата: «Нарва. 1704», сверху: «Не лестию но оружиемъ спомощию Вышнего приемлена».

Другая медаль слѣдующаго вида: на лицевой сторонѣ увѣнчанный лаврами Петръ; надпись гласитъ: «Petrus Alexii Fil. D. G. Russ. Imp. Dux Moscoviae»; на другой сторонѣ бомбардируемая Нарва; надписи: «CeCIDere ab orIgIne prIMa. Lucret.» и внизу: «Narva vi capta 9 Aug. st. v.». Крупныя буквы изреченія Лукреція, приведеннаго на этой сторонѣ медали означаютъ годъ взятія Нарвы MDCCIII.

На третьей медали также изображается поясной портретъ Петра Великаго; на оборотной сторонѣ—топографическіе снимки Нарвы и Ивангорода. Надписи слѣдующія: «Tormento ponDeris aCtI praeCIpitat. Virg» и «Narva expugnata D. G. Aug. s. v.». Наконецъ, на четвертой медали на одной сторонѣ выбита поясная фигура увѣнчаннаго лаврами царя, надпись: «Petrus Alexii Fil. Russ. Mag. Caes.», съ другой стороны—аллегорическое изображеніе: орелъ, сидящій на спинѣ у льва и наносящій ему клювомъ удары въ голову; надпись: «Sic soleo

[1]) Голиковъ. Дополненія къ дѣяніямъ Петра Вел., т. VI, стр. 276—278.

[2]) Картина жизни и военныхъ дѣяній россійско-императорскаго генералиссима князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великаго. Москва, 1803 г., I, стр. 21.

inimicos» и внизу: «Narva recepta D. $^{27}/_{15}$ Augusti (невѣрная дата) MDCCIV» [1]).

Къ побѣдѣ 1704 года относятся слѣдующія современныя «канты»:

НАРВА.

Свѣте Россійскій, славою вѣнчанный,
Въ дѣлѣхъ рыцéрскихъ суще преизбранный!
Въ сія чáсы
Издай гласы,
Воспой красно,
Велегласно:
Днесь, днесь, днесь,
Днесь ви́ватъ, ви́ватъ!
Муси Парнасу и вы ся спѣшите,
На тріумфъ Роскій пѣснь хвалы сложите,
Яко Богомъ предпочтенный,
Царь Петръ, славы исполненный,
Днесь и т. д.
Льва Нѣмецка вся сила измѣнися,
О камень твердый—Петра сокрушися;
За се дѣло
Всякъ пой смѣло
Безпрестанно,
Всеизбранно:
Днесь и т. д.
Росія (sic) въ свѣтлый образъ премѣнися,
Держава царьска славы исполнися:
Храбрый воинъ
Той достоинъ.
О семъ внимай,
А се вѣщай:

[1]) Собраніе русскихъ медалей, изданіе археографической коммиссіи, вып. I 1840 г. (Петровскія медали), №№ 30—32. Впрочемъ, четвертая приведенная нами медаль здѣсь не показана. Описаніе ея заимствовано у Ганзена Geschichte de St. Narva, стр. 240.

Днесь, днесь, днесь
Рцы—виватъ!
Шведскія страны всѣ вострепеташа,
Когда царьскій громъ познаша:
Градовъ крѣпость
Роска смѣлость
Взятъ въ державу
Вся на славу.
Днесь и т. д.

Бѣжитъ отъ свѣта врагъ въ нощныя страны,
Восточнымъ свѣтомъ трепещетъ попраный:
Не возстанетъ побѣжденный,
Гордостію вознесенный.
Днесь, днесь, днесь,
Днесь виватъ!

Кто можетъ сіе отъ вѣка сказати,
Можетъ ли свѣтъ мракъ одолѣвати?
Шведъ—мракъ темный,
Царь—свѣтъ зѣмный
Побѣждаетъ,
Всякъ вѣщаетъ:
Днесь, днесь, днесь,
Царь виватъ!

Крѣпкія стѣны Нарвы, аки Трои,
Суть сокрушенны отъ Роской зброи: [1])
Стенетъ нынѣ
При кончинѣ;
Шведъ проклятый
Паде спятый [2]).
Днесь, днесь, днесь,
Днесь виватъ!

Подаждь, Владыка, зь (sic) Своея десницы,
Да расторгнутся вражія плѣницы! [3])

[1]) Брони, оружія.
[2]) Отбитый, потоптанный.
[3] Оковы.

Выну вивать,
Даждь цареви
Побѣдити,
Намъ воспити [1]).
Днесь, днесь, днесь,
Петръ вивать! [2])

Въ память завоеванія Нарвы Петръ установилъ на вѣчныя времена крестный ходъ по стѣнамъ крѣпости вокругъ города. Этотъ крестный ходъ благоговѣйно совершается и по-нынѣ, при чемъ на бастіонѣ Victoria, гдѣ теперь воздвигнутъ небольшой памятникъ (желѣзный крестъ на каменномъ основаніи), служатся панихиды по храбрымъ русскимъ воинамъ, павшимъ при взятіи Нарвы, а во дворцѣ Петра Великаго, куда также направляется процессія,—панихиды по усопшемъ императорѣ Петрѣ Первомъ.

Въ декабрѣ того же 1704 года Петръ Великій совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву. На пути въ первопрестольный градъ было устроено семь тріумфальныхъ воротъ, съ различными эмблематическими украшеніями на славныя дѣянія этого года; въ числѣ этихъ воротъ одни, наиболѣе величественныя, были сооружены на средства генерала Меньшикова. Торжественное шествіе открывалъ генералъ-фельдмаршалъ Огильвій, въ качествѣ начальнаго тріумфатора. Онъ ѣхалъ верхомъ «въ пребогатомъ уборѣ», окруженный блестящею свитою; самъ царь, какъ капитанъ бомбардирской роты, шествовалъ пѣшкомъ во главѣ этой роты. Въ шествіи ведены были нарвскій комендантъ генералъ-маіоръ Горнъ и 159 офицеровъ, несено 40 знаменъ и 14 морскихъ флаговъ и везено 80 пушекъ.

На всѣхъ воротахъ во время шествія, сопровождаемаго колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою, играла инструментальная музыка и пѣли разныя аріи поставленныя вмѣстѣ съ музыкантами дѣвицы.

Въ первыхъ воротахъ царевичъ Алексѣй Петровичъ поздравилъ своего родителя съ побѣдами и потомъ вмѣстѣ съ солдатами шелъ въ первой шеренгѣ. Во время дальнѣйшаго слѣдованія митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій произнесъ передъ царемъ поздравительную рѣчь, а затѣмъ привѣтствовали монарха рѣчами ректоръ За-

[1]) У Кирѣевскаго, думается, неправильно «воспѣти», хотя въ выноскѣ онъ приводитъ и слово подлинника «воспити», почему-то считая нужнымъ измѣнить его въ текстѣ. Отъ этого страдаетъ рифма, да и подлинный смыслъ. Авторъ канты именно желаетъ поднять бокалъ,—«воспити» за побѣду.

[2]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Выпускъ 8. Москва 1870 года, стр. 234—236. Заимствовано изъ рукописи Ѳ. И. Буслаева XVIII вѣка и другихъ нотныхъ.

иконоспасской академіи съ учителями и учениками; послѣ этого приносили поздравленія царю представители всѣхъ сословій.

«Зрѣлище на унывшія лица ведомыхъ шведовъ — говоритъ Голиковъ — на оружіе ихъ, почитаемое прежде непобѣдимымъ, влекомое въ презрѣніи, на полководцевъ и новыхъ своихъ воиновъ, въ радостномъ видѣ воспѣвающихъ надъ ними свои побѣды, было несказанно пріятнымъ множеству народному. Тогда исчезло у нихъ мнѣніе о волшебствѣ шведовъ, и не страшенъ уже былъ и самъ дьяволъ, дѣйствовавшій, по ихъ мнѣнію, прежде при Нарвѣ; они уже наполнялись къ нему и къ нимъ презрѣніемъ и начали узнавать пользу преображеннаго своего воинства въ видѣ, суевѣрію ихъ казавшійся непріятнымъ; и надежда на великаго своего монарха возрастая, предвѣщала имъ несомнительную надъ ними побѣду» [1]).

Потери со шведской стороны въ 1704-мъ году выразились въ слѣдующемъ. Кромѣ коменданта, барона Горна, взяты въ плѣнъ полковники Лотъ, Ребиндеръ, Опалевъ, Ферсенъ и Муратъ, 4 подполковника, 5 маіоровъ, 3 ротмистра, 19 капитановъ, 62 поручика, 1 адъютантъ, 4 корнета, 4 квартермистра и 4 дворянина (вѣроятно, изъ волонтеровъ). Кромѣ того, взято въ плѣнъ 125 артиллерійсскихъ офицеровъ и служителей и 1600 солдатъ, изъ числа 4555, бывшихъ въ началѣ осады. Слѣдовательно, болѣе 2½ тысячъ нарвскаго гарнизона было убито во время штурма.

Добыча, доставшаяся русскимъ въ Нарвѣ, состояла изъ 29 мортиръ (въ томъ числѣ 4 мѣдныхъ), 2 гаубицъ мѣдныхъ, 9 дробовиковъ, 392 пушекъ (въ томъ числѣ 50 мѣдныхъ), [2]) 10 фальконетовъ, 63 короткихъ чугунныхъ дробовиковъ, 11200 фузей (ружей), 1592 паръ пистолетовъ, 65241 пушечныхъ ядеръ, 3706 картечей, 4647 бомбъ, 34328 ручныхъ гранатъ, 2449 центнеровъ пороха и 1183 латъ и кирасъ. Кромѣ всего этого, въ руки побѣдителей достались весьма значительные запасы дробовыхъ пуль, гранатныхъ трубокъ, фитилей, свинца, сѣры, селитры, шпагъ и клинковъ, баіонетовъ, каскетовъ, шишаковъ, сапогъ, башмаковъ и прочей амуниціи. Независимо того, въ Ивангородѣ найдено 7 мортиръ, 4 гаубицы, 22 дробовика, 95

---

[1]) Голиковъ. Дѣянія П. В., т. II, стр. 157—158; Дополненія, т. VI, стр. 300—301.

[2]) Кромѣ того, двѣ мѣдныя пушки выкопаны изъ земли (вѣроятно засыпанныя при обвалѣ одного изъ бастіоновъ). Въ числѣ захваченной въ Нарвѣ артиллеріи было возвращено много и русскихъ орудій, потерянныхъ въ бою подъ Нарвою 1700 года.

пушекъ (въ томъ числѣ 13 мѣдныхъ), 370 фузей, 450 латъ, 639 шишаковъ, 16155 ядеръ, 2041 центнеровъ пороха и большое число гранатъ, картечей, пуль, фитилей, свинца и селитры.

Кромѣ военныхъ припасовъ, въ руки побѣдителей перешла обильная добыча, состоявшая изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ вещей и денегъ. Относительно раздѣла этой добычи Петромъ Великимъ была дана князю Аникитѣ Ивановичу Репнину собственноручная инструкція слѣдующаго содержанія (21 августа 1704 года):

1) Серебро всякое, также и золотыя отдать тѣмъ, кои принесли.

2) Мѣдь всю собравъ, заплатить по три рубли солдатамъ, а протчимъ по два.

3) Что принадлежитъ казнѣ королевской, то даромъ взять.

4) Протчее все, также и деньги, которыя доведутся платить солдатамъ за мѣдь, отдать въ раздѣлъ офицеромъ и солдатомъ, кои были на приступъ опредѣлены[1]).

Съ русской стороны во время осады и приступа убиты: 1 полковникъ, 1 подполковникъ, 1 маіоръ, 3 капитана, 2 поручика, 1 прапорщикъ, 13 урядниковъ, 1 писарь, 335 капраловъ и солдатъ и 1 барабанщикъ, а всего 359 человѣкъ. Ранено: 2 полковника, 2 подполковника, 4 маіора, 15 капитановъ, 11 поручиковъ, 64 урядника, 2 писаря, 1237 капраловъ и рядовыхъ, 3 барабанщика, а всего 1340 человѣкъ. Въ теченіе осады выстрѣлено по городу 10003 пуда пороху, 12358 ядеръ и 5714 бомбъ[2]).

Къ осадѣ и взятію Нарвы въ 1704 году относятся, кромѣ изложеннаго въ предъидущей главѣ преданія о солдатѣ, застрѣлившемъ вѣдьму, обитавшую на вершинѣ германовой башни, и приведенныхъ въ этой главѣ достопамятныхъ словъ и поступковъ Петра,—еще три преданія, относящіяся собственно къ личности монарха.

Желая осмотрѣть городъ, чтобы затѣмъ направить свои силы на слабѣйшіе и наиболѣе доступные его бастіоны, Петръ переодѣлся въ шведское платье и явился тайкомъ въ Нарву.

---

[1]) Бычковъ, III, 140 и 674. Инструкція эта хранится въ архивѣ бывшаго рижскаго генералъ-губернатора и напечатана впервые въ рижскомъ вѣстникѣ 1871 года, № 129.

[2]) Журналъ Петра Великаго, 98—100.

Какъ, однако, онъ ни старался скрыть свое пребываніе въ городѣ, комендантъ объ этомъ скоро провѣдалъ. И какъ было не узнать великана царя въ толпѣ нарвскихъ мѣщанъ? Горнъ распорядился, чтобы ко всѣмъ воротамъ города были поставлены часовые, которые бы никого незнакомаго не пропускали за городъ, а самъ дѣятельно принялся за розыски смѣлаго царя. Петръ, узнавъ о распоряженіяхъ коменданта, скрылся въ домъ преданнаго ему нарвскаго жителя бургомистра Гетте. Гетте пользовался почетомъ и уваженіемъ въ городѣ, и въ домѣ его никто не осмѣлился произвести розыскъ. Однако долгое пребываніе царя и подъ гостепріимной кровлей Гетте было опасно, и онъ придумалъ слѣдующую хитрость, чтобы незамѣтно для караульныхъ переправить державнаго гостя въ русскій лагерь. Рано утромъ, по приказанію Гетте, была приготовлена большая телѣга. Добрый нѣмецъ предложилъ царю лечь въ эту телѣгу; затѣмъ сверху были положены доски, на которыя навалена куча мусора. Въ такомъ видѣ возъ былъ пропущенъ часовыми и благополучно прослѣдовалъ на мѣсто свалки. Здѣсь царь высвободился изъ непріятнаго плѣна и возвратился къ своимъ черезъ Нарову. За оказанную услугу Петръ щедро наградилъ Гетте; по взятіи Нарвы, подарилъ ему деревню Юала, утвердилъ его бургомистромъ и даже крестилъ у него сына. Домъ Гетте находился на правомъ углу вышгородской улицы, при въѣздѣ въ городъ, со стороны замка, и, какъ говорятъ, въ немъ долгое время сохранялась комната, въ которой великій царь скрывался отъ разыскивавшихъ его шведовъ [1]).

Другое преданіе касается утвержденія нарвскаго герба. Гербъ г. Нарвы, какъ указано выше, представляетъ двухъ

[1]) Гдовско-ямбургскій листокъ, 1872 г., № 22, стр. 11, 12. Существуетъ еще варіантъ приведеннаго преданія, по которому Петръ Великій во время розысковъ его въ домѣ Гетте, спрятался на корточкахъ около кресла, за спиной весьма дородной хозяйки дома, которую шведскіе солдаты не осмѣлились долго безпокоить. Когда-же они удалились, то царь былъ вывезенъ указаннымъ выше способомъ за городъ. Здѣсь нарвскіе шведо-финны помогли ему добраться до лодки, на которой Петръ и былъ благополучно доставленъ къ своимъ. Въ благодарность за избавленіе, царь, будто-бы, щедро наградилъ какъ русскихъ лодочниковъ, такъ и шведо-финновъ, потомки которыхъ уже долгое время спустя послѣ взятія Нарвы пользовались всевозможными льготами. (Этотъ варіантъ частью былъ извѣстенъ автору, частью (о шведо-финнахъ) сообщенъ ему нарвскимъ жителемъ г. Сирнакомъ).

рыбъ (харьюсовъ) между мечами и ядрами. Когда бургомистры представили на утвержденіе царя этотъ гербъ, то монархъ указавъ имъ сначала на рыбъ, а потомъ на мечи и ядра, промолвилъ:

— «Я утверждаю вашъ гербъ, но смотрите, будьте какъ рыбы—молчите!» [1])

Наконецъ, третье преданіе относится къ лютеранскимъ церквамъ г. Нарвы.

Вскорѣ послѣ взятія Нарвы собравшіеся въ магистратѣ шведы и нѣмцы просили царя о сохраненіи ихъ привилегій.

—«Хорошо, сказалъ монархъ, а еще чего хотите вы отъ меня»?

Просители заявили о желаніи сохранить за собою земли и имущества, принадлежавшія имъ.

— «А еще чего хотите»?—переспросилъ Петръ.

—Кромѣ правъ, привилегій и земель намъ больше ничего не нужно».

— «Хорошо! — сказалъ царь—права ваши я вамъ дамъ, привилегіи и земли оставлю; но такъ какъ вы сами забыли Бога, то я лишаю васъ церквей» [2]).

Дѣйствительно, обѣ бывшія въ Нарвѣ лютеранскія церкви, шведская и нѣмецкая, были отобраны. Нѣмецкая церковь немедленно была передѣлана въ православный храмъ, освященный въ 1708 году во имя Преображенія Господня. Въ шведской церкви, переименованной княземъ Меньшиковымъ (генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи) въ православную Александро-Невскую церковь, былъ поставленъ походный алтарь, и до 1708 года въ ней отправлялось богослуженіе. Въ ней-же отпраздновано и взятіе Нарвы. Лютеране долгое время совершали богослуженіе въ залѣ городской биржи и въ ратушѣ, пока, наконецъ, въ 1733-мъ году, по высочайшему повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, имъ не была возвращена шведская церковь, которая и была передѣлана въ лютеранскую кирку [3]).

[1]) Тамъ-же, стр. 13.

[2]) Тамъ-же, 12—13. Приведенныя преданія жителей Нарвы собраны г. Рогодивцевымъ (Скроботовымъ). Нѣкоторыя дополненія заимствованы нами у г. Козакевича.

[3]) Козакевичъ, 20 и 21.

Одна изъ медалей на взятіе Нарвы 9 августа 1704 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

По завоеваніи Нарвы Петромъ Великимъ, жизнь города приняла мирное теченіе. Городскія укрѣпленія, рвы и башни остались лишь нѣмыми памятниками былыхъ кровопролитныхъ сраженій. Тамъ, гдѣ прежде слышны были лишь бряцаніе оружія и громы орудійной пальбы, гдѣ поля служили не для посѣва, а для погребенія павшихъ воиновъ, гдѣ вмѣсто праздничнаго церковнаго благовѣста слышался лишь звонъ погребальныхъ колоколовъ, гдѣ самыя зданія строились сообразно воинственной эпохѣ, пережитой городомъ, изъ твердаго плитняка съ высокими крутыми черепичными кровлями, гдѣ каждый ежеминутно трепеталъ за свою жизнь и за имущество, — на мѣстѣ ужасовъ войны воцарилось царство мира, и на развалинахъ разрушенныхъ зданій и на костяхъ павшихъ героевъ расцвѣла новая, молодая жизнь. Впрочемъ, имѣются указанія, что нѣкоторое время по взятіи Нарвы русскіе солдаты продолжали безчинства. Указываютъ даже, что они разграбили гробы, находившіеся въ склепахъ Спасо-Преображенскаго собора. Правильнѣе, однако, было бы думать, что, готовясь къ освященію по православному обряду бывшей лютеранской церкви, русскіе выносили изъ нея неправославные предметы и гробы; послѣдніе, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ положительные факты, и были преданы затѣмъ землѣ за нарвскимъ форштадтомъ.

Конечно, были единичные случаи своеволія солдатъ, но высшая власть всегда принимала мѣры къ обузданію дикихъ инстинктовъ.

Для примѣра приведемъ найденное нами въ архивѣ нарвскаго магистрата письмо безъ подписи отъ 1705 года, по всей видимости, оберъ-коменданта Нарвы Романа Вилимовича Брюса. Письмо это ясно свидѣтельствуетъ, что начальство вновь завоеванной крѣпости уже въ то трудное военное время стремилось обезпечить мирныхъ гражданъ отъ насилій.

«Господинъ вицъ-комендантъ Юрья Ивановичъ (Бушъ), здравствуй—писалъ Брюсъ. Не могу я описать, какою досадою увѣдалъ, чрезъ многія письмы отъ нарвскихъ торговыхъ людей, особливо отъ бур(го)мистра Дитмера, которой ко мнѣ пишетъ, что въ прошлыхъ дняхъ два солдата Болобанова полку пьяные напали у двора на человѣка ево и почели бить, отъ которыхъ побоевъ онъ ушелъ на дворъ бур(го)мистра Дитмера, и тѣ солдаты призвавъ съ собою человѣкъ съ двадцать съ караулу и вломились во дворъ и почели людей ево бить, на которой крикъ онъ бур(го)мистръ самъ выбѣжалъ и почалъ унимать, и они ево взяли за груди и толкнули и людей ево побрали и ругая ихъ вели улицею и били подъ бока и отдали за караулъ. А солдаты, которые тѣхъ людей били и наспльствомъ къ нему въ домъ приходили освобождены, а люди ево бур(го)мистра взяты за караулъ и по нынѣ держатъ, а мнѣ о томъ извѣстія никакова нѣтъ, чему я зѣло удивляюсь, что солдаты, напившись пьяны, по улицамъ своевольничаютъ и наспльствомъ безъ указу во дворы приходятъ и торговыхъ людей безчестятъ, чего никогда не повелось, чтобъ однихъ солдатъ безъ начальнаго человѣка посылать въ домъ ихъ хотя-бъ какое главное дѣло было. Пришли ко мнѣ немедленно на письмѣ все дѣло и какъ было и по какому указу тѣ солдаты къ нему въ домъ приходили и кто ихъ посылалъ. А буде они самовольствомъ своимъ то учинили, вели всѣхъ тѣхъ солдатъ держать за карауломъ до указу. Еще прислана ко мнѣ челобитная, которую къ тебѣ послалъ, изъ которой можешь выразумѣть, о чемъ бьютъ челомъ. Розыщи по какому указу тотъ Маловъ битъ батогами; довелось того Малова послать въ ратушу. Могли-бъ ему тамъ учинить наказаніе, о чемъ еще въ прошломъ годѣ великаго государя указъ состоялся, что имъ бургомистромъ судомъ и расправою вѣдать купецкихъ людей нарвскихъ жителей кромѣ главнѣйшихъ дѣлъ. Изволь самъ для увѣренія посмотрѣть въ ратушѣ, каковы статьи подписаны по указу господина губернатора моею рукою».

Обстоятельства времени, когда еще война со Швеціею далеко не могла почитаться оконченною, вынудили Петра Великаго принять нѣкоторыя суровыя мѣры въ отношеніи жителей города Нарвы. Желаніе ли скорѣе сдѣлать этотъ городъ русскимъ, или боязнь измѣны со стороны покоренныхъ гражданъ [1]),

[1]) Дерптскій пасторъ Гротіанъ въ современныхъ запискахъ говоритъ:

скорѣе то и другое вмѣстѣ, — побудили Петра въ 1708 году издать повелѣніе, чтобы всѣ нарвскіе жители, проживавшіе въ городѣ въ шведскія времена, были выселены во внутрь Россіи. Воля царя была объявлена черезъ магистратъ 29 февраля и подлежала исполненію въ теченіе 8 дней. Всю движимость разрѣшалось выселяемымъ взять съ собою или же продать, а еслибы не удалось этого сдѣлать, то оставить за своею печатью въ надежномъ мѣстѣ. Какъ видно, переселеніе носило характеръ временный, — впредь до окончанія войны, или до того момента, когда воинское счастіе окончательно установится за Россіею. Надо замѣтить, что такому же выселенію и по тѣмъ же основаніямъ были подвергнуты жители Дерпта и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Ингерманландіи [1]).

Занимаясь лѣтомъ 1899 года въ архивѣ бывшаго нарвскаго магистрата, я нашелъ цѣлый рядъ распоряженій относительно только-что присоединеннаго въ 1704 г. города и его жителей. Боязнь измѣны и вызываемыя ею строгія мѣры надзора составляютъ господствующій тонъ всѣхъ этихъ распоряженій. Нѣкоторыя изъ нихъ приведемъ здѣсь, какъ архивный матеріалъ.

«Русскіе подозрительно смотрѣли на всѣ наши дѣла и поступки, считая ихъ за измѣну». Приб. сборн. т. II, стр. 483. Впрочемъ, имѣется извѣстіе, что въ 1706 году нѣкоторые жители Нарвы составили заговоръ, имѣвшій цѣлью нарушить присягу, данную Петру, и передаться шведскому полководцу Левенгаупту. Во главѣ заговора стоялъ бургомистръ. Однако письмо на имя Левенгаупта было перехвачено и послужило поводомъ къ выселенію нарвцевъ. Что въ Нарвѣ были случаи измѣны, съ несомнѣнностью подтверждается приводимымъ ниже архивнымъ матеріаломъ. О существованіи тайныхъ сношеній съ непріятелемъ свидѣтельствуетъ еще слѣдующая выписка изъ письма царя на имя Апраксина (отъ 27 апрѣля 1707 года): «Посадскій знатный нарвскій житель явился въ измѣнѣ и велѣно его пытать, а когда достоинъ будетъ смерти, то, не описався, не велите казнить, ибо я самъ нѣкоторыя слова отъ него недобрыя слыхалъ, въ чемъ его надлежитъ спросить-же».

[1]) Датскій посланникъ при русскомъ дворѣ Юстъ Юль, записки котораго мы затѣмъ будемъ цитировать, по этому поводу пишетъ слѣдующее: «Лютеранская паства (въ Нарвѣ, въ 1709 году) невелика, человѣкъ въ 200; состоитъ преимущественно изъ простыхъ ремесленниковъ, ибо прочіе жители, обвиненные предъ государемъ въ тайной перепискѣ съ царскими врагами, уведены и разселены по разнымъ мѣстамъ Россіи — въ Вологду, Астрахань, Казань и Псковъ. Хотя въ данномъ случаѣ они и не были чисты, какъ ангелы, однако понесли незаслуженно-жестокое наказаніе. Немало виноваты въ этомъ какъ мѣстные, такъ и иностранные и въ томъ числѣ нѣмецкіе офицеры, добивавшіеся выселенія нарвскихъ жителей, въ расчетѣ обогатиться ихъ имуществомъ, которое они не могли взять съ собою, такъ какъ ихъ увезли всего черезъ восемь дней послѣ оповѣщенія о выселеніи».

I

«Надлежащая подданственная божба» (т. е. присяга на подданство, предложенная покорепному населенію въ 1704—706 г г.).

«Се азъ подписанной обѣщаюся предъ Богомъ и Ево Святымъ Евангеліемъ клятвою въ томъ, что мнѣ съ сего времени его царское величество московского имѣть и почитать за моего державнѣйшого и милостивѣйшого государя и высокого владѣтеля до скончанія при семъ жизни моея. Азъ-же симъ обѣщательнымъ письмомъ всю вѣрность свою и подданство свое утвержу и обѣщаюсь, естли какую противность къ его царскому величеству отъ кого увижу или услышу, или могу провѣдать что противно его царскаго величества повелѣнію противу того высокого прибылу или противу сего города или провинціи, тотчасъ о томъ имѣя объявити его царскому величеству или его высокимъ владѣтелемъ и сверхъ того самъ своимъ животомъ такъ обѣщаюсь жить, какъ вѣрному подданному жителю подобаетъ. Аще же въ чемъ противъ сего обѣщанія не исполню, то яко клятвопреступникъ здѣ и во ономъ вѣцѣ имѣя осужденъ быти. Воистинно такъ, какъ я Богу молюся о помощи мнѣ къ тѣлу и души своей».

Посадскіе люди, кромѣ этой, приносили еще слѣдующую присягу (въ нѣмецкомъ текстѣ—«Bürger-Eid»):

«Азъ (имя рекъ) обѣщаюся предъ Богомъ и Ево Святымъ Евангеліемъ также по моей клятвѣ, которую я подъ его царскаго величества нашего всемилостивѣйшаго царя государя учинилъ, что я вышепомянутого его царского величества и сего города доброту и прибыль въ всякихъ статьяхъ хочу искать и пособить, сколько мочно, и потомъ господамъ бурмистрамъ и ратманамъ во всякихъ праведныхъ дѣлѣхъ хочу честить и какъ доведется услуженіе учинить, также съ городовыми посадскими людьми хочу смирно и по дружбѣ вмѣстѣ жить и никому изъ нихъ ни здѣся, ни на иномъ мѣстѣ, въ сей или въ иной землѣ, помѣшки и безъ ихъ вины имъ досады или худово учинить, но луч(ш)е того сколько я могу имъ пособить и доброту учинить, и сверхъ того хочу я самъ завсегда такъ жить, какъ православному посацкому человѣку подобаетъ. Воистинно такъ, какъ я Богу молюся о помощи мнѣ къ тѣлу и души своей».

II.

Распоряженіе 1705 года о переписи нарвскаго населенія.

«Лѣта 1705 г., майя въ 20 день, по указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца нарвскимъ бургомистромъ и ратманомъ Герману Дитмору (Дитмеру) съ товарищи по его великого государя указу и по приказу оберъ-коменданта Романа Вилимовича Брюса переписать вамъ у всѣхъ нарвскихъ жителей людей, которые въ работѣ иноземцы и латыши и чухна, и у кого работаютъ или живутъ или собою кормятся, и какимъ ремесломъ, и изъ найму-ль у кого живутъ, или безъ найму, и хто изъ нихъ женатые или у кого

жены въ иныхъ мѣстахъ, и всѣ-ль они съ начала взятья города живутъ или вновь пришли и пришедъ кому они явились. И переписавъ, привесть ихъ къ вѣрѣ, чтобъ имъ великому государю служить и не бѣжать и никуды безъ отпуску не ѣздить. А переписавъ, подать въ приказной палатѣ книги. А русскихъ людей православные вѣры здѣшнихъ старинныхъ жителей или вновь пришлыхъ съ женами и дѣтьми потому-жъ переписать, хто въ своихъ дворѣхъ или у кого живутъ, и съ найму или безъ найму, и какимъ ремесломъ кормятся, написавъ особые книги, подать въ приказную палату не замедливъ».

Въ томъ-же году, 6 іюля, царскій указъ, вслѣдствіе недоставленія требуемыхъ списковъ, снова подтверждается: «И вы тѣхъ переписныхъ книгъ іюня по (сіе) число въ приказную палату не присылывали. А нынѣ вѣдомо учинилось ему оберъ-коменданту Роману Вилимовичу, что такіе люди живучи, изъ Нарвы бѣгаютъ въ свѣйскую (т. е. шведскую) сторону и переносятъ всякіе вѣдомости. И вамъ бы по прежнему указу о перепискѣ учинить немедленно и нарвскимъ жителемъ всѣмъ сказать великого государя указъ подъ смертною казнію, чтобъ такихъ людей держали у себя, кому они вѣрятъ и смотрѣли за ними непрестанно съ великимъ береженіемъ, чтобъ за рубежъ (т. е. за границу) отъ нихъ никакой человѣкъ не ушелъ. И буде отъ кого побѣгутъ, и про тотъ побѣгъ имъ бургомистромъ извѣщать ему оберъ-коменданту Роману Вилимовичу того-жъ дня и часа, отъ кого и каковъ человѣкъ и въ которое время ушелъ. А по извѣту учинень будетъ розыскъ, а буде хто такого бѣглеца утаитъ отъ кого хто сбѣжитъ, а онъ не извѣститъ, и тому быть въ смертной-жъ, казни». (Подписалъ дьякъ Макаръ Полянской, справилъ Іаковъ Коурчинъ).

III.

О конфискаціи оружія у нарвскихъ жителей.

«Лѣта 1705, іюля въ 20 день. По указу и т. д. Велѣно въ домѣхъ вашихъ и у всѣхъ нарвскихъ жителей ружье, которое явилось (т. е. оказалось) по вашей перепискѣ, пушки и мушкеты и мушкетные стволы и пистоли и солдатскіе и пушкарскіе шпаги взять въ олтплерію до его великого государя указу. А которые продажные шпаги офицерскіе привезены съ Москвы, и тѣ по прежнему продавать, и вамъ бы учинить о томъ по сему великого государя указу. А о пріемѣ того ружья (т. е. оружія) послапъ сво великого государя указъ къ стольнику къ Борису Кондыреву». Подписалъ дьякъ Макаръ Полянской.

IV.

О плѣнныхъ (перепись и поруки).

Лѣта 1706, марта въ 27 день. По указу и т. д. Великій государь указалъ по своему великого государя словесному приказу въ

Нарвѣ, всѣмъ нарвскимъ жителямъ посацкимъ людемъ, кромѣ васъ, бурмистровъ и ратмановъ, укрѣпить себя и дѣтей своихъ, которые въ сверстныхъ лѣтѣхъ, круговою порукою, чтобъ другъ по другѣ былъ порукою, такожде и заслужащихъ людей своихъ, кто у кого въ домѣ живетъ мужеска и женска полу, ручались бы съ подтвержденіемъ, буде хто изъ за чьей поруки изъ Нарвы въ непріятельскую сторону сбѣжитъ, и за то тому порутчику учинена будетъ смертная казнь. И учинили-бъ тому съ такимъ подтвержденіемъ книги порознь статьями за подписаніемъ рукъ тѣхъ порутчиковъ, и учиня такіе вышеимянованные книги, подать вамъ въ Нарвѣ въ приказной палатѣ генералу маеору и оберъ-коменданту Роману Вилимовичу Брюсу». Подписалъ генералъ маеоръ Брюсъ.

V.

Распоряженіе о плѣнныхъ шведахъ 1708 г.

«Лѣта 1708, февраля 4 дня, по указу и т. д. Нарвскимъ бургмистромъ и ратманомъ Герману Дитмару съ товарищи. Сего февраля въ 3 день, по его великого государя указу, генералъ маеоръ и оберъ-комендантъ Романъ Вилимовичъ Брюсъ приказалъ нарвскихъ жителей шведовъ, которые на ратушѣ не присягали и порукъ по себѣ не собрали и отъ прежнихъ посылокъ къ Москвѣ за недостаткомъ подводъ и за болѣзнію оставлены въ Нарвѣ, послать нынѣ къ Москвѣ въ главную канцелярію немедленно. И вамъ бы велѣть нарвскихъ жителей мужескъ и женскъ полъ всѣхъ, что есть, которые на ратушѣ не присягали и порукъ по себѣ не собрали, переписать и имянную ихъ роспись подать полковнику и вицъ-коменданту Юрью Ивановичу Бушу немедленно». Подписалъ: Юрья Бушъ, «справилъ» (т. е. скрѣпилъ) Иванъ Наумовъ.

5 марта 1708 года выѣхала изъ Нарвы первая партія переселенцевъ, состоявшая изъ лицъ низшаго класса (извозчиковъ, носильщиковъ, мастеровыхъ, рабочихъ), которымъ не приходилось долго возиться съ имуществомъ, за неимѣніемъ послѣдняго. Затѣмъ съ 6 по 26 марта партіями выѣзжали остальныя лица, предназначенныя къ переселенію, въ числѣ ихъ семейство бургомистра Дитмера и другіе члены магистрата.

Жители Нарвы были разселены въ Москвѣ, Казани, Новгородѣ, Астрахани и Вологдѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ поселилось до 1700 человѣкъ изъ Нарвы и около 700 семействъ изъ Дерпта [1]). Въ самой Нарвѣ изъ всего прежняго населенія осталось лишь около 300 человѣкъ.

1) У г. Татлина, въ его краткомъ извлеченіи изъ хроники г. Нарвы (СПБ. 1886) неправильно указано, что въ Вологдѣ поселилось 700 семействъ изъ Нарвы и до 1700 человѣкъ изъ Дерпта. (На самомъ дѣлѣ — наоборотъ). См. Hansen, Geschichte d. St. Narva, стр. 255.

Пасторъ Гротіанъ, примкнувшій къ партіи нѣмцевъ, выселяемыхъ изъ Нарвы, вмѣстѣ съ дерптцами, также подвергнутыми высылкѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ подробности пути въ Вологду: «Наша партія состояла изъ 837 человѣкъ. Во Псковѣ намъ доставили подводъ вдоволь, но ими снабжали, прежде другихъ, тѣхъ, кто болѣе всего могъ потчевать распоряжавшихся нами офицеровъ; отставать они однако не смѣли позволять никому; какъ и когда этимъ господамъ было угодно, днемъ или ночью, должны мы были странствовать далѣе, дѣлать привалъ или останавливаться. Изрѣдка при этомъ они приказывали бить въ барабаны, и тогда уже не было пощады ни беременнымъ, ни находившимся въ родахъ, больнымъ или здоровымъ, молодымъ или старымъ: все должно было двигаться, какъ будто за нами гнался непріятель. Такъ прибыли мы въ Вологду 24 марта, и насъ размѣстили у русскихъ мѣщанъ, на подобіе солдатъ».

Рабочіе люди и ремесленники вскорѣ нашли себѣ работу и пропитаніе на новыхъ мѣстахъ. Есть предположеніе, что царь, выселяя во внутрь Россіи шведовъ и нѣмцевъ ремесленниковъ, имѣлъ, между прочимъ, въ виду и ту цѣль, что они научатъ разнымъ мастерствамъ русскихъ людей. Правильнѣе думать, что обученіе это было не причиною высылки, а лишь слѣдствіемъ соприкосновенія русскихъ людей съ высланными мастерами. Приведенныя нами распоряженія 1704—1708 годовъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ о желаніи правительства положить конецъ побѣгамъ въ Швецію и измѣнѣ и создать условія, благопріятныя для скорѣйшаго обрусенія присоединеннаго города, въ который въ этихъ же цѣляхъ были переселены русскіе купцы и рабочіе люди изъ внутреннихъ городовъ.

Бюргеры и высшіе классы, лишившись имущества и не будучи подготовлены къ труду, который бы могъ прокормить ихъ, постоянно бѣдствовали, такъ что немногіе оставшіеся въ Нарвѣ ихъ родственники или просто знакомые высылали имъ денежныя вспомоществованія. Только въ 1714-мъ году изгнанникамъ разрѣшено было возвратиться въ Нарву [1]).

[1]) Полтавская побѣда еще въ 1709 году опредѣлила, на чьей сторонѣ перевѣсъ. Сношенія нарвцевъ со Швеціей до этого времени были не безопасны.

Брауншвейгъ-люнебургскій резидентъ Фридрихъ-Христіанъ Веберъ, пріѣхавшій въ указанномъ году въ Петербургъ, въ дневникѣ, который онъ постоянно велъ и затѣмъ издалъ, подъ заглавіемъ «Das veränderte Russland» и т. д., слѣдующимъ образомъ описываетъ затронутый нами моментъ исторіи города Нарвы. «По завоеваніи Дерпта и Нарвы русскими, всѣ жители этихъ городовъ, взятые въ плѣнъ, числомъ 1600 человѣкъ (Веберъ убавляетъ дѣйствительную численность переселенцевъ), выселены были внутрь Россіи, въ Казань, Астрахань, Сибирь, Вологду и Москву. Когда-же прошедшимъ лѣтомъ (1714 г.) всѣ эти плѣнные были разысканы и имъ объявлено, что они могутъ возвратиться на родину, то вслѣдствіе этого повелѣнія человѣкъ 200 изъ нихъ, людей зажиточныхъ, воротились въ Нарву и теперь давно уже находятся тамъ; другіе же, доѣхавъ до Москвы, остались тамъ и представили царю слезное прошеніе, что такъ какъ они потратили на проѣздъ все, что имѣли, то и не могутъ ѣхать далѣе. Вслѣдствіе этого его величество приказалъ дать имъ въ Москвѣ 200 повозокъ съ лошадьми для доставленія ихъ на родину. Въ настоящее время люди эти хотя и проживаютъ уже въ Нарвѣ, но дѣла ихъ вообще плохи. Большая же часть плѣнныхъ добровольно остались въ мѣстахъ, куда были высланы, потому что тамъ они могли добыть лучшія средства существованія и не захотѣли покидать свои вновь пріобрѣтенные дома и земли»[1]).

Въ проѣздъ свой черезъ Нарву въ слѣдующемъ 1715 году Веберъ нашелъ городъ въ томъ-же «плачевномъ» положеніи (по его выраженію), какъ и прежде, съ тою только разницею, что въ теченіе года возвратилось въ Нарву до 70 семействъ изъ казанской и астраханской областей. «Семейства эти— пишетъ Веберъ — были въ самомъ бѣдственномъ положеніи, едва имѣли насущный хлѣбъ и вовсе безъ денегъ, чтобы исправить свои разрушенные дома или начать какую-нибудь торговлю или оборотъ» [2]). По исчисленію Вебера изъ всего быв-

[1]) Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ. Перев. П. П. Барсова. Русскій архивъ, 1872 г., № 6, стр. 1107 и 1108; приб. сб., т. II, стр. 489.

[2]) Рус. арх. 1872 г., № 6, стр. 1162. Веберъ же, конечно, со словъ очевидцевъ, передаетъ въ своихъ запискахъ уже приведенный нами разсказъ о томъ, какъ Петръ Великій, чтобы остановить кровопролитіе при взятіи Нарвы,

шаго нарвскаго и дерптскаго населенія возвратилась на родину едва шестая часть.

Приведемъ попутно оставленное Веберомъ описаніе дороги между Нарвою и С.-Петербургомъ. Дорога эта, какъ говоритъ резидентъ, была безъ грунта. «Она была вымощена шведами на нѣсколько верстъ бревнами и засыпана пескомъ. Петръ Великій велѣлъ эти бревна поставить по сторонамъ и защитить пескомъ; получилась великолѣпная дорога, по справедливости названная «царскою» (via regia), которая по длинѣ и прочности походила на китайскія и древнія римскія. Но хотя она была и въ исправности, но представлялась небезопасной, потому что, несмотря на всевозможныя усилія, не могли уничтожить разбойничьихъ шаекъ, грабившихъ проѣзжихъ по этой дорогѣ; защитой имъ служили большіе лѣса, находившіеся у самой дороги, гдѣ они скрывались отъ преслѣдованія и гдѣ не было возможности ихъ изловить».

Выселяя изъ вновь завоеванныхъ городовъ бывшихъ шведскихъ подданныхъ, Петръ Великій принималъ и другія мѣры къ обрусенію края. При первомъ учрежденіи въ 1708-мъ году губерній была образована и губернія ингерманландская, въ составъ которой вошли: только что возникшій «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» Петербургъ и города Новгородъ, Псковъ, Нарва, Шлиссельбургъ Ярославль, Тверь, Олонецъ и другіе, всего 29 городовъ [1]). Изъ числа городовъ ингерманландской губерніи Ямбургъ и Копорье были отданы во владѣніе свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меньшикову. Въ 1719-мъ году ингерманландская губернія была переименована въ с.-петербургскую, къ которой причисленъ и городъ Нарва съ сыренскимъ уѣздомъ.

Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ 1721 года шведскій король уступилъ «за себя и своихъ потомковъ и наслѣдниковъ свѣйскаго престола въ совершенное непрекословное вѣчное

закололъ собственною шпагою своего солдата, грабившаго и убивавшаго мирныхъ гражданъ. «Когда городъ Нарва — сообщаетъ Веберъ — взятъ былъ осаждающими, и русскіе бросились истреблять въ немъ все, что имъ попадалось, царь съ великимъ усиліемъ могъ воздержать ихъ отъ дальнѣйшихъ неистовствъ. И теперь еще показываютъ столъ, на который царь бросилъ, будто-бы, свою окровавленную шпагу и сказалъ: «Это не шведская, но русская кровь, которую я пролилъ, чтобы спасти вашу жизнь и жизнь согражданъ вашихъ».

1) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2218. Именной (указъ), объявленный изъ ближней канцеляріи. «Объ учрежденіи губерній и о росписаніи къ нимъ городовъ. Декабря 18 дня 1708 года».

владѣніе и собственность его царскаго величества» оружіемъ завоеванныя провинціи Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи и Финляндіи со всѣми городами и крѣпостями, а въ томъ числѣ и крѣпость Нарву. При этомъ Петръ съ своей стороны обѣщалъ, «что всѣ жители провинцій лифляндскія и эстляндскія, такожде и острова Эзеля шляхетные и нешляхетные (т. е. дворяне и не дворяне) и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, магистраты, цехи, цунфты при нихъ подъ свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ» [1]).

Особенно оговорены въ ништадтскомъ мирномъ трактатѣ свобода вѣроисповѣданія новыхъ подданныхъ русскаго царя, скорый судъ и справедливость и возвращеніе маетностей, забранныхъ шведскимъ правительствомъ (такъ наз. редукція) [2]).

Нѣкоторые сторонники балтійской обособленности, особенно ратовавшіе за сохраненіе древнихъ привилегій, въ подтвержденіе своихъ правъ ссылались на ништадтскій мирный трактатъ и «аккордные пункты», на основаніи которыхъ сдавались на капитуляцію шведскіе города. Настоящее сочиненіе чуждо полемики, но мы не можемъ не привести нѣсколько соображеній по затронутому нами, такъ называемому «остзейскому» вопросу.

Дѣйствительно, Петръ Великій и его военачальники подтверждали при взятіи городовъ привилегіи рыцарства и горожанъ, но подъ условіями, «елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются» и «наше и нашихъ государствъ высочество и право предоставляя безъ предосужденія и вреда» (жалованная грамота лифляндскому дворянству 30 сентября 1710 года) [3]). Несомнѣнно изъ приведенныхъ цитатъ, что уже Петръ Великій имѣлъ въ виду устранить изъ строя вновь присоединенныхъ провинцій все, что устарѣло и не соотвѣтствовало духу времени или нарушало верховныя права русскаго государя, правительства и государства.

Правда, оговорки эти не приведены въ ништадтскомъ трактатѣ, но онѣ имъ и не отвергнуты, хотя шведскіе уполномоченные отлично знали о ихъ существованіи. Не нужно забывать при этомъ, что

[1]) П. с. зак., т. VI, № 3819. Августа 30-го 1721 года. Трактатъ, заключенный на конгрессѣ въ Ништадтѣ уполномоченными министрами: съ россійской стороны генераломъ фельдцейхмейстеромъ графомъ Брюсомъ и канцелярія совѣтникомъ Остерманомъ, а съ шведской стороны Лиліенштетомъ, и барономъ Штремфельдомъ — о вѣчномъ мирѣ между обоими государствами. Пункты 4 и 9.

[2]) Тамъ-же, пункты 10—12.

[3]) Истор. свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ. СПБ. 1845, стр. 113.

упомянутый трактатъ не уничтожилъ дѣйствія отдѣльныхъ капитуляцій, а тѣмъ болѣе жалованныхъ грамотъ. Не нужно забывать также, что и прежніе иностранные государи, подтверждавшіе привилегіи остзейскаго края, дѣлали оговорки о сохраненіи притомъ своихъ верховныхъ правъ [1]). Конечно, не могло быть спора противъ желанія царя, оружіемъ завоевавшаго этотъ край, сохранить и свои верховныя права въ отношеніи покореннаго населенія.

Можетъ ли быть послѣ этого рѣчь о какой-то фантастической конституціи или объ уніи прибалтійскаго края съ Россіей? Разумѣется, нѣтъ. Прибалтійскій край и въ моментъ завоеванія его Петромъ былъ лишь шведскою областью, а не отдѣльнымъ государствомъ. Самъ Петръ, вводя завоеванные города въ составъ нигерманландской губерніи, наравнѣ съ коренными русскими городами и поселеніями, ясно опредѣлилъ свой взглядъ на остзейскій вопросъ.

Петровская эпоха исторіи города Нарвы очень ярко обрисована въ современныхъ запискахъ датскаго посланника при русскомъ дворѣ Юста Юля (1709—1711 года), долго жившаго въ Нарвѣ и отмѣчавшаго въ своемъ дневникѣ все, что такъ или иначе возбуждало его любопытство или наводило на размышленія. Мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать извлеченіе изъ этихъ весьма интересныхъ записокъ.

30-го августа 1709 года (значитъ, уже послѣ полтавской побѣды, одержанной 27 іюня) въ $6^1/_2$ часовъ утра датское посольство прибыло на нарвскій рейдъ. Посланникъ тотчасъ же послалъ секретаря миссіи Фалька и лейтенанта Снисдорфа въ шлюпкѣ на берегъ извѣстить нарвскаго коменданта о своемъ прибытіи. Въ полдень, однако, посланные возвратились обратно и оповѣстили, что офицеры русской береговой стражи не дозволили имъ приблизиться къ берегу. Только черезъ нѣсколько дней Фалькъ, предъявивъ русскимъ властямъ «проѣзжую грамоту», былъ допущенъ въ Нарву. Съ самаго устья онъ ѣхалъ верхомъ подъ конвоемъ двѣнадцати казаковъ. Въ Нарвѣ ему отвели помѣщеніе, запретивши показывать носъ на улицу. Наконецъ, привели его къ коменданту Василію Зотову. Фалькъ предъявилъ королевскій «проѣзжій листъ» и просилъ коменданта пропустить посольство въ Нарву; но комендантъ подозрѣвалъ какую-то военную хитрость и намѣреніе датчанъ сдѣлать высадку, чтобы захватить его врасплохъ. Поэтому онъ

1) Объ этомъ подробно въ указанномъ сочиненіи (мѣстн. законод. губ. остз.).

прежде всего снесся съ адмираломъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, и только по полученіи изъ Петербурга разрѣшенія принять посольство, отдалъ нужныя распоряженія. Предосторожности Зотова, повидимому, очень не понравились посланнику; но онѣ, очевидно, вызывались военнымъ положеніемъ. Получивъ дозволеніе ѣхать въ Нарву, Юстъ Юль на шлюпкѣ прибылъ къ наровскому устью. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ капитанъ-лейтенантомъ Яковомъ Андреевичемъ Беклемишевымъ, которому было приказано состоять при посланникѣ во время его путешествія, дѣлать необходимыя заготовленія и доставлять все нужное. Гость былъ усаженъ въ царскій шлюпъ, и восемь моряковъ, одѣтыхъ въ суконные мундиры цвѣта завялаго листа (feuille morte) съ синими отворотами, быстро догребли до города. Вслѣдъ за шлюпомъ прибыли къ Нарвѣ двѣ датскихъ лодки съ вещами посланника. Въ Нарвѣ Юль былъ помѣщенъ въ особомъ домѣ, къ которому былъ приставленъ почетный караулъ изъ 12 солдатъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ. На слѣдующій день по прибытіи въ Нарву, посланника посѣтилъ комендантъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ. Помолившись на образа и отдавъ поклонъ, комендантъ извинился передъ Юлемъ, что такъ долго не пускалъ его на берегъ, подозрѣвая въ немъ шведа. Юль освѣдомился, гдѣ находится царь, но комендантъ не могъ на это отвѣтить, не зная точнаго мѣстопребыванія Петра, который, какъ извѣстно всѣмъ изслѣдователямъ его эпохи, постоянно разъѣзжалъ по обширному своему государству, какъ добрый хозяинъ не заброшеннаго имѣнія...

5-го сентября Юль обѣдалъ у коменданта. Здѣсь пили за здоровье государей обѣихъ дружественныхъ странъ. Понемногу иноземный гость началъ заводить знакомства. Онъ познакомился съ лютеранскимъ пасторомъ Генрихомъ Брюнингомъ, «благообразнымъ ученымъ человѣкомъ» и съ бургомистромъ Христіаномъ Гетте [1]).

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Юль о нарвскихъ церквахъ. По его словамъ, сначала одна только церковь, по

---

[1]) О которомъ мы уже упоминали.

повелѣнію царя, была передана православному духовенству, и что царь охотно бы оставилъ другую за мѣстными жителями, но не сдѣлалъ этого по проискамъ генералъ-фельдмаршала Огильви, яраго католика, который желалъ обращенія этой второй церкви въ костелъ, что, однако, устроить ему не удалось, ибо вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, и свободная церковь также была обращена въ православную, хотя въ ней и не совершалось впослѣдствіи никакого богослуженія.

Коротая время своего пребыванія въ Нарвѣ, а можетъ быть и не безъ военныхъ цѣлей датскій посланникъ осмотрѣлъ городскіе валы и старую крѣпость, «находящуюся внутри городскихъ укрѣпленій». По его словамъ, высокія стѣны, построенныя на старинный ладъ, не могли служить надежною защитою. Юль подробно осматривалъ мѣсто, гдѣ русскіе ворвались во время штурма. Жители Нарвы,—какъ сообщаетъ авторъ, конечно, со словъ современниковъ и очевидцевъ событія,—были недовольны Горномъ и ставили ему въ вину пренебреженіе къ русскимъ, вслѣдствіе котораго во время осады онъ не велѣлъ стрѣлять по нимъ до тѣхъ поръ, пока они не подвели траншей подъ самую крѣпость. Кромѣ того Горнъ оплошалъ, будто бы, и тѣмъ, что не разсчитывалъ, чтобы непріятель пошелъ на штурмъ ранѣе ночи, почему и распустилъ на отдыхъ бо́льшую часть своихъ людей. Результатомъ такой небрежности было то, что когда коменданта на его дому увѣдомили, что русскіе уже въ городѣ, то у него не случилось подъ рукою даже барабанщика, который могъ бы пробить къ сдачѣ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Юль даетъ противорѣчивое описаніе нарвскихъ укрѣпленій, сравнительно съ тѣмъ, которое мы привели. Онъ именно говоритъ, что Нарва укрѣ-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что всѣ эти обвиненія, направленныя противъ Горна, сильно преувеличены и вытекали изъ присущаго человѣческой природѣ стремленія всегда обвинять кого-нибудь въ своемъ несчастіи. Юль упоминаетъ и о пощечинѣ, данной Горну Петромъ (онъ даже говоритъ, что Петръ избилъ коменданта по лицу до синяковъ), а также о томъ, какъ царь остановилъ грабежъ въ Нарвѣ, «собственноручно зарубивъ многихъ своихъ людей, ослушавшихся его повелѣнія». Авторъ прибавляетъ, что, увидѣвъ въ одномъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ убитыхъ горожанъ, Петръ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: «Въ ихъ крови я неповиненъ!».

плена такъ хорошо, что можетъ считаться одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ. «Вокругъ Нарвы — пишетъ онъ далѣе — рвовъ съ водою нѣтъ; но тѣ, что просѣчены въ скалѣ, на которой она построена, такъ глубоки, что безъ штурмовыхъ лѣстницъ невозможно взобраться на валъ, и притомъ такъ отвѣсны, что въ нихъ нельзя спрыгнуть, не убившись до смерти. Парапетъ крѣпости сложенъ изъ цѣлыхъ каменныхъ быковъ. Крѣпость снабжена нѣсколькими прекрасными бастіонами: имена ихъ написаны по-латыни на столбахъ, нарочно для того поставленныхъ шведами. Впослѣдствіи тѣ же имена, по приказанію царя, написаны внизу по-русски».

Авторъ записокъ сообщаетъ, между прочимъ, что одинъ изъ бастіоновъ, носившій у шведовъ названіе «Honor» (см. выше), былъ переименованъ Петромъ въ «Божій брежъ»(sic), такъ какъ за нѣсколько дней до штурма самъ собою, безъ того, чтобы по немъ былъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, обвалился до основанія, вслѣдствіе чего русскія войска, получили возможность ускорить приступъ. Осмотрѣвши собственно нарвскія укрѣпленія, Юль не преминулъ произвести осмотръ и Ивангорода, который онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «На стѣнахъ крѣпости нѣсколько башенъ, такъ что орудія стоятъ въ два яруса. Въ нижней части стѣнъ, изнутри, устроены просторныя сводчатыя помѣщенія для хлѣбныхъ и другихъ зерновыхъ запасовъ. Своды сооружены такъ прочно, что никакая бомба не можетъ ихъ пробить. Въ скалѣ подъ стѣною съ наружной стороны высѣчены одинъ подъ другимъ три свода, изъ коихъ нижній приходится на одномъ уровнѣ съ рѣкою. Съ этого свода можно стрѣлять рикошетомъ по водѣ. Хотя стѣны весьма ветхи и въ предохраненіе отъ паденія обтянуты плотными желѣзными полосами, тѣмъ не менѣе въ послѣднюю осаду онѣ оказались настолько крѣпкими, что до самаго взятія Нарвы въ нихъ не удалось открыть бреши даже при помощи самыхъ большихъ орудій. По взятіи же Нарвы, Ивангородъ вынужденъ былъ добровольно сдаться за недостаткомъ продовольствія».

Описывая Нарову и ея берега, авторъ, разумѣется, касается и водопада. «Въ четверти мили къ югу отъ Нарвы — говоритъ онъ — находится большой, шумный водопадъ, низвергающійся

со скалы. Вытекаетъ онъ изъ озера Пейпуса, которое тянется до самаго Пскова; около водопада въ большомъ количествѣ ловятся лососи; нѣсколько ихъ было поймано при мнѣ, пока я тамъ стоялъ». Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ, что, начиная отъ города и на протяженіи полумили за городъ (вѣроятно, также къ югу), Нарова течетъ между высокими скалистыми берегами, у основанія которыхъ вода образовала пещеры съ отверстіями, вродѣ печныхъ устоевъ». «Лица заслуживающія довѣрія», говорили посланнику, что въ эти пещеры «запрятано больше богатствъ, чѣмъ можно себѣ вообразить», такъ какъ въ нихъ жители Нарвы частію во время осады, а частію передъ высылкою ихъ въ 1708 году замуровали большое количество золота, серебра и денегъ.

Съ этимъ печатнымъ извѣстіемъ очень вяжутся эстонскія сказанія, по которымъ Нарва построена на семи пластахъ золота, скопленнаго жителями. Во время одного изъ русскихъ нашествій, по тѣмъ-же сказаніямъ, жители не знали, куда спрятать отъ расхищенія свои богатства и, наконецъ, рѣшили уложить все свое золото въ объемистыя бочки, которыя и зарыли на устьѣ рѣки. Морскія волны, будто бы, сгладили потомъ условные холмы и занесли пескомъ всѣ богатства, которыя такъ и пропали безслѣдно [1]). Не подлежитъ спору, что къ подобнымъ преданіямъ нужно относиться съ осторожностью; но несомнѣнно также и то, что во время постоянныхъ войнъ жители Нарвы прятали въ надежныя мѣста свое имущество, и что много остатковъ сѣдой старины покрыто землею и хранится подъ нарвскими домами, на крутыхъ берегахъ Наровы и въ нарвскихъ поляхъ.

Проживши въ Нарвѣ три мѣсяца, датскій посланникъ успѣлъ не только осмотрѣть въ совершенствѣ небольшой городъ, но и изучить бытъ жившихъ въ немъ русскихъ людей и познакомиться съ выдающимися представителями петровской эпохи, съ славными птенцами «гнѣзда Петрова». Въ запискахъ Юля, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ передъ глазами

---

[1]) Эти свѣдѣнія сообщены автору нарвскимъ жителемъ г-номъ Сирнакомъ. См. также стихотворное изложеніе этого преданія на нѣмецкомъ языкѣ въ «zehnte Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft, 17 и 18 и однородное 18—20.

читателя картины давно минувшаго времени, воскрешается въ памяти былая жизнь въ своеобразномъ колоритѣ достопамятнѣйшей исторической эпохи нашего отечества.

Авторъ описываетъ русскіе званые обѣды, на которыхъ ему приходилось бывать въ Нарвѣ, съ неодобреніемъ относясь при этомъ къ русскимъ кушаньямъ и къ чрезмѣрному употребленію вина, сопровождавшему эти обѣды [1]). Между прочимъ онъ описываетъ (съ несправедливой ироніей) и такъ называемый цѣловальный обычай, который онъ наблюдалъ въ домѣ нарвскаго коменданта Зотова. «Жена хозяина — пишетъ онъ,— одѣтая во французское платье, стояла посреди комнаты, неподвижная и прямая, какъ столбъ. Мнѣ сказали, чтобы я поцѣловалъ ее (такъ молъ принято), и я исполнилъ это. Затѣмъ она подносила мнѣ и другимъ гостямъ водку на тарелкѣ, шаркала, какъ мужчина, и принимала обратно пустую чашу». Въ число закусокъ, подававшихся къ столу, входили и миноги, считающіяся донынѣ нарвскою достопримѣчательностью. Авторъ, между прочимъ, описываетъ, какъ одинъ изъ царскихъ шутовъ, разсерженный другимъ шутомъ за то, что тотъ высморкался ему въ лицо, въ присутствіи самого царя на обѣдѣ у оберъ-коменданта Нарышкина, захватилъ съ блюда цѣлую горсть миногъ и пустилъ ими въ обидчика.

Наблюдательнаго иноземца интересовали несвойственные его странѣ обычаи и обряды: онъ посѣщалъ какъ православное, такъ и лютеранское богослуженіе и даже въ послѣднемъ находилъ отличія отъ совершаемаго въ Даніи; неоднократно бывалъ на крестинахъ и на похоронахъ, интересовался русскими постами и тѣмъ, какъ ихъ соблюдали. Указавши, что въ постные дни русскіе употребляютъ вмѣсто мяса рыбныя блюда, всегда приправленныя лукомъ, чеснокомъ, льнянымъ, деревяннымъ (?) и орѣховымъ масломъ, авторъ записокъ добавляетъ, что отъ подобнаго рода отвратительной пищи, въ связи съ грязной одеждой, большею частью безъ бѣлья, русскіе распространяютъ отъ себя такой скверный запахъ, что

---

[1]) За такими обѣдами хуже всего то, что русскіе принуждаютъ другъ друга пить сверхъ мѣры, такъ что почти нельзя урваться съ ихъ обѣда, не напившись черезъ край.

«проживъ три-четыре дня въ той или другой горницѣ, окончательно заражаютъ въ ней воздухъ и на долгое время оставляютъ послѣ себя запахъ, такъ что для иностранца комната становится необитаемою» [1]). Впрочемъ, Юль замѣчаетъ также, что нѣкоторые русскіе офицеры, обѣдавшіе у него въ посту, употребляли въ пищу и мясо.

Особенно заинтересовали автора русскія бани, которыя вообще привлекали вниманіе чужеземцевъ. «За городомъ — пишетъ Юль — мнѣ случилось видѣть, какъ русскіе пользуются своими банями. Несмотря на сильный морозъ, они выбѣгали изъ бани на дворъ совершенно голые, красные, какъ вареные раки, и прыгали въ протекавшую по близости рѣку. Затѣмъ, прохладившись вдоволь, вбѣгали обратно въ баню, но прежде чѣмъ одѣться, выскакивали еще и, долго играя, бѣгали по морозу и вѣтру. Въ баню русскіе приносятъ березовые вѣники въ листахъ, скребутъ и царапаютъ себѣ тѣло, чтобы въ него лучше проникала теплота и шире отворялись бы поры»...

«Въ Россіи—прибавляетъ авторъ — отъ всѣхъ болѣзней лечатъ три доктора, пользуя всѣхъ какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ. Первый докторъ—это русская баня, второй — водка, которую пьютъ, какъ воду или пиво всѣ тѣ, кому позволяютъ средства, и третій—чеснокъ (не лукъ ли?), который русскіе не только употребляютъ, какъ приправу ко всѣмъ яствамъ, но и ѣдятъ сырой среди дня....

Хотя, какъ выше упомянуто, Нарва послѣ 1704 года и осталась въ сторонѣ отъ боевой арены, однако и до нея долетали отзвуки баталій, русскіе жители ея слѣдили за успѣхомъ русскаго оружія на отдаленныхъ театрахъ войны; черезъ Нарву проходили и возвращались побѣдоносныя русскія войска; въ Нарвѣ была отпразднована полтавкая побѣда. Въ лютеранской и православной церквахъ были прочитаны съ кафедры сообщенія о знаменательной битвѣ со шведами и затѣмъ совершено благодарственное молебствіе. Нѣкоторое время спустя, когда русскія силы начали стягиваться въ Эстляндію и Лифляндію, весьма значительная армія, предназначенная для осады Ревеля

[1]) Въ этомъ родѣ писали свои сообщенія и другіе иностранные писатели. Тутъ есть, вѣроятно, своя доля правды, но не мало преувеличеній и обобщеній.

раскинулась лагеремъ въ нарвскихъ окрестностяхъ. Здѣсь именно расположилось 19 пѣхотныхъ полковъ, три полка драгунъ и 1000 казаковъ съ большимъ количествомъ полевыхъ орудій. Со времени баталій 1700 и 1704 г.г. Нарва не видала столько войска! Юль нерѣдко присутствовалъ на смотрахъ русскихъ войскъ и въ запискахъ своихъ отзывался съ похвалою относительно ихъ обученія. Такъ, по приглашенію коменданта Зотова, онъ ѣздилъ смотрѣть обученіе его баталіона, состоявшаго изъ 700 человѣкъ, и писалъ по этому поводу, что солдаты были обучены такъ-же хорошо, какъ любой датскій полкъ. «Разница заключалась развѣ въ томъ, что всѣ пріемы они дѣлали быстрѣе, чѣмъ наши (датскіе) солдаты, хотя дѣлали ихъ точно также одновременно. Стрѣльбу они производили равнымъ образомъ отлично, подобно любому иностранному полку, какъ повзводно, такъ и общими залпами».

Въ бытность свою въ Нарвѣ датскій посланникъ познакомился, какъ мы упомянули, съ нѣкоторыми замѣчательными представителями петровской эпохи, посѣтившими въ то время Нарву или жившими въ ней; то были: Зотовы, отецъ и сынъ, первый, прозванный въ шутку патріархомъ извѣстнаго «всепьянѣйшаго собора», любимецъ Петра, бывшій прежде его дядькою, второй—комендантъ Нарвы и, кажется, впослѣдствіи сенатскій оберъ-секретарь, которому былъ порученъ царемъ надзоръ даже надъ самими сенаторами [1]); генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, извѣстный сподвижникъ Петра Великаго (бывшій одно время эстляндскимъ генералъ-губернаторомъ); Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, сначала нарвскій и ямбургскій оберъ-комендантъ, а затѣмъ комендантъ с.-петербургскій и губернаторъ московскій, одинъ изъ членовъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ; адмиралтейскій совѣтникъ Кикинъ, впослѣдствіи сторонникъ царевича Алексѣя Петровича въ неравномъ спорѣ его съ отцомъ [2]), генералъ Брюсъ, нѣмецъ по происхожденію, но родившійся въ Москвѣ,

---

[1]) Онъ былъ обязанъ доносить царю на сенаторовъ, если они нерадиво занимались дѣлами и въ присутствіи тратили время на разговоры, не касавшіеся службы. Брикнеръ, 594.

[2]) Брикнеръ. Исторія Петра Вел., 349, 352 и др.

и, слѣдовательно «alt Teutscher»[1]), по ироническому выраженію тогдашнихъ заграничныхъ нѣмцевъ, которые, какъ утверждаетъ Юль, относились съ презрѣніемъ къ обрусѣвшимъ иностранцамъ и упомянутую кличку считали унизительною.

Эти лица и цѣлая галлерея другихъ, менѣе замѣтныхъ, очерчены въ запискахъ датскаго посланника съ большою наблюдательностью, но не вполнѣ безпристрастно. Посланникъ укоряетъ ихъ въ невѣжествѣ, грубости нравовъ, надменности и другихъ порокахъ, и все это потому, что или ему не сдѣлали первому визита, или учредили тайный надзоръ надъ нимъ и его людьми, или же вообще какъ-нибудь задѣли его самолюбіе. Между тѣмъ Юль постоянно пользовался гостепріимствомъ русскихъ людей, на обѣдахъ ему отводилось второе мѣсто послѣ генералъ-адмирала (Апраксина), за нимъ ухаживали; нѣкоторый же надзоръ за нимъ и его свитою объяснялся, конечно, военнымъ положеніемъ. При всемъ томъ ему показывали расположеніе и численность русскихъ войскъ, при немъ дѣлали ученіе и смотры, онъ подробно обозрѣлъ нарвскую и ивангородскую крѣпости. Онъ, очевидно, домогался чрезмѣрнаго почета, думая, что пріѣхалъ въ страну варваровъ и забывая, что имѣлъ дѣло съ родовою русскою знатью, еще не забывшею былого мѣстничества и не желавшею преклонять выю передъ пріѣзжимъ чужеземцемъ....

13-го ноября (1709 г.) было получено въ Нарвѣ отъ государственнаго вице-канцлера Шафирова письмо, въ которомъ извѣщалось о скоромъ прибытіи царя, а 30-го ноября въ 4 часа пополудни прибылъ въ Нарву и самъ «его царское величество», при салютѣ изъ 177 орудій. Посланникъ хотѣлъ было встрѣтить царя за городомъ верхомъ на конѣ, какъ, якобы, предписывалъ ему его долгъ, но коменданты воспротивились этому, сказавши, что предварительно должны доложить о немъ царю. Это весьма основательное возраженіе Юль опять-таки приписалъ русскому высокомѣрію.

По пріѣздѣ въ Нарву, Петръ, какъ можно понять изъ цитируемыхъ нами записокъ, остановился у старика Зотова, но представленіе царю посланника состоялось въ квартирѣ оберъ-коменданта. Прежде всего Петръ освѣдомился о

здоровьѣ датскаго короля, затѣмъ опросилъ Юля о подробностяхъ, касающихся собственно его личности; за обѣдомъ царь посадилъ посланника рядомъ съ собою и все время разговаривалъ съ нимъ по голландски и настолько задушевно, что, по словамъ самого Юля, «казалось, онъ былъ моимъ ровнею и зналъ меня много лѣтъ». Во время обѣда пили за здоровье датскаго короля, при чемъ Петръ самъ подалъ посланнику чашу. Въ комнатѣ, гдѣ обѣдалъ царь, расположилось нѣсколько шутовъ. Они, какъ пишетъ Юль, «орали, кричали, свистѣли, дудѣли, пѣли и курили», не стѣсняясь присутствіемъ монарха и даже обращая нерѣдко свои крики къ нему.

Попутно Юль описываетъ наружность Петра. «Царь очень высокъ ростомъ—записано въ дневникѣ посланника—носитъ собственные короткіе коричневые вьющіеся волоса и довольно большіе усы, простъ въ одѣяніи и пріемахъ, но весьма проницателенъ и уменъ». За обѣдомъ царь сидѣлъ опоясанный мечомъ, снятымъ въ полтавской битвѣ съ шведскаго генералъ-фельдмаршала Реншильда. Онъ подробно разсказывалъ посланнику о полтавскомъ боѣ, о чумѣ въ Пруссіи и Польшѣ и говорилъ, что не сомнѣвается въ дружбѣ датскаго короля. Обѣдъ затянулся до вечера. При этомъ много было выпито, и велись такіе разговоры, которые, по словамъ Юля, «могли бы скорѣе послужить предметомъ секретнаго донесенія», чѣмъ найти мѣсто въ его запискахъ.

Не рисуется ли передъ глазами читателя простая и величественная—величественная именно въ простотѣ—фигура царя, сидящаго за обѣденнымъ столомъ съ мечемъ, взятымъ съ поля міровой битвы? Подвиги отваги и геройства на полѣ брани смѣнились здѣсь пріятною бесѣдою за кружкою добраго вина. Царь, не хвалясь, въ простой задушевной бесѣдѣ разсказываетъ чужеземцу о подробностяхъ достославнаго боя, пьетъ здоровье дружественнаго короля, ведетъ интимныя рѣчи, прерываемыя выходками придворныхъ шутовъ... Царственная простота сказалась затѣмъ въ посѣщеніи Петромъ больного повара посланника, который приходился роднымъ братомъ царскому повару. Сдѣлавъ визитъ и самому Юлю, царь проѣхалъ мимо его крыльца въ саняхъ, стоя на запяткахъ у

«патріарха» Зотова, и такимъ образомъ прослѣдовалъ черезъ весь городъ [1]).

Эти двѣ картины — обѣдъ и ѣзда царя — такъ и ждутъ талантливой кисти, такъ и просятся на полотно!

Петръ Великій, по взятіи Нарвы, вообще бывалъ въ ней неоднократно. 19 августа 1704 года здѣсь являлся царю полномочный посолъ польскаго короля Дзялынскій, подписавшій въ Нарвѣ, вмѣстѣ съ русскимъ уполномоченнымъ Ф. А. Головинымъ, оборонительный и наступательный союзъ между Россіею и Польшею [2]). Въ тотъ-же день Петръ уѣхалъ въ Дерптъ, откуда 12 ноября снова вернулся въ Нарву, довольный, по выраженію барона Гюйссена, утѣхою, которую тамъ имѣлъ, и пробылъ здѣсь до 6 декабря [3]). На слѣдующій день, по прибытіи (13 ноября), царь принималъ въ Нарвѣ турецкаго посла [4]). Въ 1706 году онъ пробылъ въ Нарвѣ съ 20 по 25 марта и провелъ здѣсь Пасху. Въ ноябрѣ къ именинамъ князя Меньшикова царь снова прибылъ въ Нарву и осмотрѣлъ здѣсь не только крѣпостныя строенія и дѣла комендантскаго управленія, но почти каждый домъ. Вечеромъ 23-го ноября была иллюминація: «горѣли проблемы» (по выраженію журнала П. В.). Въ томъ-же

[1]) Записки Юста Юля, которыя приведены нами, какъ главнѣйшій источникъ петровской эпохи въ исторіи Нарвы, помѣщены въ 3-ей книжкѣ русскаго архива за 1892 годъ (въ переводѣ Ю. Н. Щербачева), стр. 273—304. Продолженіе этихъ записокъ не касается Нарвы. Въ 1900 г. онѣ изданы отдѣльною книгою.

[2]) Дзялынскій собственно прибылъ въ русскій лагерь подъ Нарву еще до взятія ея—20 іюня 1704 года. Ему было отведено помѣщеніе «подлѣ Наровы рѣки на ивангородской сторонѣ, съ полверсты отъ обоза». 22 іюня онъ былъ «на приватной визитѣ» у Головина, а 27 іюня былъ принятъ самимъ царемъ «въ станціи на приватной аудіенціи». При Дзялынскомъ былъ секретарь посольства и разныхъ посольскихъ чиновниковъ 7 человѣкъ. За нимъ было послано двѣ шлюпки. Когда посолъ со своими людьми былъ доставленъ къ пристани, государь «изволилъ въ то время на полянкѣ у станціи своей ходить, а при немъ ближній бояринъ Ф. А. Головинъ, да губернаторъ А. Д. Меньшиковъ». Государь подалъ руку послу и его секретарю («пожаловалъ ево посла къ рукѣ, также и секретаря») и пригласилъ ихъ въ шатеръ. Здѣсь посолъ подалъ царю 2 грамоты польскаго короля. Затѣмъ Петръ пилъ за здоровье Августа II. Дзялынскій пробылъ въ ставкѣ царя около 5 часовъ и былъ приглашенъ на именинный обѣдъ 29 іюня. Съ 4 іюля начались конференціи, а 19 августа была готова и самая договорная грамота. Бычковъ, III, 128—135; 667—669.

[3]) Журналъ Гюйссена у Туманскаго, 3, 469.

[4]) Тамъ-же, 699.

году состоялось повелѣніе, чтобы изъ Пскова и Нарвы «былъ привезенъ въ Петербургъ тамошній аспидъ и изъ него подѣланы фонтанныя лохани». Въ іюнѣ того-же года царь снова былъ въ Нарвѣ и показывалъ выписанному изъ Воронежа мастеру шведскія суда, требовавшія починки. Выѣхавъ затѣмъ въ Псковъ, онъ писалъ отсюда нарвскому оберъ-коменданту Брюсу, чтобы онъ на мысу острова, находящагося у моря, приказалъ ни дубоваго лѣса, который по напрасну вырубленъ, беречь, такъ какъ отъ нихъ могли быть отпрыски. Въ декабрѣ того же года (съ 11-го по 15-ое) Петръ опять былъ въ Нарвѣ вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

25 іюня 1708 года Петръ Великій выѣхалъ изъ Петербурга въ Нарву въ сопровожденіи сестры Наталіи Алексѣевны, царицъ Марфы Матвѣевны и Прасковьи Федоровны, старшихъ царевенъ, дочерей Іоанна, и Екатерины, а также князей Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго и Бориса Алексѣевича Голицына. Въ Нарвѣ царь отпраздновалъ свои именины, которыя были ознаменованы освященіемъ въ православный храмъ, въ присутствіи государя, нынѣшняго Спасо-Преображенскаго собора. Послѣ этого Петръ съ Екатериною отбыли въ армію.

Лѣтомъ 1712 года, по дорогѣ въ Померанію, гдѣ дѣйствовала противъ Швеціи русская армія въ союзѣ съ Даніею и Польшею, Петръ Великій снова посѣтилъ Нарву. Съ нимъ была и Екатерина, прибывшая сухимъ путемъ; самъ-же царь пріѣхалъ по морю на шнавѣ, именемъ Лизета, которая, по словамъ Петра, такъ легка была на ходу, что всѣ отъ нея отстали. Осмотрѣвъ крѣпостныя строенія и отдавъ нужныя приказанія оберъ-коменданту Нарышкину, царь милостиво принималъ городское купечество, которое, пользуясь случаемъ ходатайствовало:

1) о взятіи съ него пошлины противъ с.-петербургской, по 10 денегъ съ рубля, а не по гривнѣ,

2) о ненаряженіи съ него впредь подводъ,

3) о пожалованіи нарвскимъ жителямъ, выведеннымъ по царскому указу въ Вологду, для постоевъ и складки товаровъ, безденежно дворовъ

и 4) о разрѣшеніи торговать какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и у города Архангельскаго на тѣхъ-же правахъ, какъ и другимъ подданнымъ его величества дозволено.

На эту просьбу нарвскихъ купцовъ 12 іюля 1712 года послѣдовали слѣдующія царскія резолюціи въ Эльбингенѣ:

1) о пошлинахъ—къ управляюшему нарвскою таможнею Корсакову,

2) о невзиманіи съ нихъ впредь лошадей—къ оберъ-коменданту Нарышкину съ таковымъ при томъ повелѣніемъ, что если будутъ съ нихъ взяты, то смотрѣть накрѣпко, чтобы взятыя тѣ лошади имъ были возвращаемы, а которыя имъ до того не возвращены, возвратить;

3) о дачѣ безденежно квартиръ на Вологдѣ согражданамъ ихъ—въ сенатъ,

4) о торгованіи имъ въ С.-Петербургѣ на такомъ же основаніи, какъ и другимъ подданнымъ дозволено—въ с.-петербургскую таможню

и 5) о такой-же свободной торговлѣ имъ въ городѣ Архангельскомъ и во всей губерніи онаго,—къ тамошнему начальству.

Царскія резолюціи были сообщены бургомистру Нарвы Христіану Гетте при слѣдующемъ письмѣ канцлера графа Головкина: «По поданной царскому величеству челобитной получа отъ его величества соизволеніе, надлежащіе указы при семъ къ вамъ, за отверчатыми печатьми, посылаю, которые вы можете наплучшимъ способомъ отъ себя вручить и разослать, и надѣюсь, что вы тѣми его величества указами будете довольны» [1]).

Отправляясь заграницу въ 1716 году, Петръ снова прослѣдовалъ черезъ Нарву. Въ слѣдующемъ году, возвращаясь изъ Франціи, онъ оставилъ императрицу въ Мемелѣ, а самъ поѣхалъ «на легкѣ на почтѣ» въ Нарву, куда прибылъ 7 октября. На другой день, встрѣтивъ государыню, онъ отправился на стеклянные заводы, находившіеся въ деревнѣ Жабинѣ, въ 19 верстахъ отъ Нарвы, на лѣвомъ берегу рѣки Луги; переночевавъ здѣсь, онъ продолжалъ свой путь къ морю, и, пересѣвши на галіотъ, отплылъ моремъ на Котлинъ островъ. [2]) При свойственной ему исключительной подвижности, онъ бывалъ въ Нарвѣ и послѣ этого еще много разъ.

---

[1]) Funfundzwanzigste Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 19 April 1867 (изъ матеріаловъ В. И. Роткирха), стр. 3—6.

[2]) Ibidem, 31 Sitzung, стр. 4—5.

Столь часто посѣщая Нарву, Петръ, какъ и въ другихъ городахъ, лично зналъ всѣхъ правящихъ лицъ, былъ у нихъ, принималъ отъ нихъ доклады, интересовался ихъ судьбою. Въ 1710 году, 1 іюля царь писалъ, между прочимъ, оберъ-коменданту Нарвы Нарышкину: «Увѣдомились мы о смерти генералъ-маіора Шлюнда, что ему нечаянно случилось (о чемъ зѣло сожалѣемъ, что такъ ему случилось); пожитки и деньги, которыя послѣ него остались, пересмотри самъ и вели переписать именно, также и книги и инструменты и письма съ описью вмѣстѣ пришли сюда. Также вели сдѣлать анатомію и осмотрѣть, отчего ему такая внезапная смерть случилась и потомъ велите его въ Нарвѣ честно схоронить, а офицеровъ, которые съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали, отправьте сюда. Piter».

Въ Нарвѣ по сіе время сохраняется домъ, гдѣ вообще останавливался Петръ Великій. Мы говоримъ—«вообще», такъ какъ бывали случаи что царь располагался и въ другихъ домахъ (напримѣръ, у Зотова, какъ указано въ запискахъ Юля). Вышеупомянутый домъ, составляющій достопримѣчательность города Нарвы, находится на углу рыцарской улицы и набережной рѣки Наровы и до сихъ поръ носитъ наименованіе «дворца Петра Великаго». Здѣсь ежегодно въ день взятія Нарвы, 9 августа, послѣ крестнаго хода вокругъ городскихъ стѣнъ, служится литія по усопшемъ завоевателѣ города. Есть извѣстіе, что уже въ 1706 году въ Нарвѣ праздновалось ея взятіе. Именно князь Шаховской писалъ царю: «А я, государь мой, пріѣхалъ въ Нарву по свою жену и отпраздновали августа 9 дня нарвскаго взятья: хожденіе было на брестъ, а съ бреста и вокругъ всего города по стѣнамъ съ архимандритомъ псковскимъ и съ пѣвчими и со множествомъ народа, и пѣли и пили довольно» [1]).

Г. Скроботовъ сообщаетъ, что, по преданію народному, во время жизни Петра крестный ходъ также направлялся во дворецъ, и здѣсь духовенство служило молебенъ о здравіи государя, а затѣмъ, по его смерти, стало служить литію [2]).

Въ XVII столѣтіи зданіе, называемое дворцомъ Петра Ве-

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 421 и 422.

[2]) Дворецъ Петра Великаго въ г. Нарвѣ. Н. С. С.-Петербургъ, 1872, стр. 3.

ликаго, принадлежало нарвскому бюргеру Якову Ниману, который въ 1697 году продалъ его бюргеру Іоганну Луде [1]). Отъ Луде этотъ домъ, по заявленію г. Роткирха (на 18-мъ засѣданіи нарвскаго археологическаго общества, бывшемъ въ 1866 году), перешелъ къ Меньшикову. «Государь въ бытность свою въ Нарвѣ — по словамъ названнаго лица — постоянно (только какъ мы видѣли, не постоянно) пребывалъ въ домѣ князя Меньшикова, и именно это обстоятельство послужило основаніемъ къ названію дома его (т. е. Меньшикова) дворцомъ Петра Великаго, наименованіе, которое укрѣпилось за нимъ устнымъ преданіемъ полутора вѣка». Г. Скроботовъ опровергаетъ это мнѣніе и, напротивъ, полагаетъ, что у Петра Великаго былъ свой дворецъ въ Нарвѣ, и что царь, по присущему ему обыкновенію, лишь посѣщалъ домъ Меньшикова, неизвѣстно, однако, гдѣ находившійся.

Что же говорятъ историческіе факты?

Нѣкоторые источники категорически свидѣтельствуютъ о томъ, что Петръ Великій имѣлъ свой домъ въ Нарвѣ.

Въ сохранившемся доселѣ лифляндскомъ календарѣ на 1708 годъ имѣется помѣта неизвѣстнаго владѣльца этого календаря: «den 29 Marty fingen die Maurer in Ihro Zarischen Majestät Hause an zu arbeiten bei den Kaminen, und brach der Töpfer Martin Fischer heute den Ofen aus Ihro Zarischen Majestät Schlafzimmer ab». Эти работы «въ домѣ его царскаго величества», по словамъ г. Скроботова, дѣлались ко дню именинъ государя, который какъ мы видѣли, въ 1708 году праздновалъ свое тезоименитство въ Нарвѣ и присутствовалъ 29 іюня на освященіи лютеранской церкви Іоанна Іерусалимскаго, обращенной въ православный храмъ во имя Спасо-Преображенія.

Другое свидѣтельство о существованіи въ Нарвѣ дома для царя заключается въ письмѣ къ Петру новгородскаго митрополита Іова (1708 года), который, призывая побѣду на враговъ и сравнивая Петра съ «кроткимъ Давидомъ», нѣкогда побѣдившимъ «пращею и копіемъ иноплеменника гордаго Голіаѳа», затѣмъ прибавляетъ: «Еще рабски прошу неизреченныя

[1]) Нахожденіе этого дома на «рыцарской» улицѣ, его архитектурныя особенности и внутреннее устройство свидѣтельствуютъ, что до бюргеровъ Нимана и Луде онъ принадлежалъ какому-нибудь знатному ливонцу или шведу.

Божіей щедроты, дабы *новозданный ти домъ царскій въ новобогодарованномъ твоемъ градѣ Нарвѣ* Господь нашъ Іисусъ Христосъ, яко-же изволи внити подъ кровъ дома Закхеева и спасеніе самому ему и всему дому его даровати, такъ и нынѣ благодатію всесвятаго своего духа *новосозданный домъ твой царскій, иже въ Нарвѣ*, благословитъ и освятитъ и вся жилища въ немъ миромъ оградитъ и утвердитъ его на твердомъ камени, по божественному евангельскому гласу, и яко ни звѣрь, ни вода, ни огонь, ни что противное разорити и повредити я возможетъ, и всѣхъ въ немъ живущихъ силою своею божественною сохранитъ въ безопасности вреденія, отъ всякія сопротивныя силы находящія да соблюдетъ, даруя тебѣ, всепресвѣтлѣйшему нашему монарху, богатыми своими дарованьми миръ безмятежный и доброгласіе и всякое благообиліе земныхъ и небесныхъ» [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ митрополитъ прислалъ на благословеніе «новозданнаго онаго дому» образъ Премудрости Слова Божія, да на новоселье сто рублей, хлѣбъ, два мѣха меда краснаго, мѣхъ меда варенаго и просилъ пожаловать его, «нищаго богомольца своего», принять его дары и кушать во здравіе.

Къ этимъ письменнымъ даннымъ можно прибавить еще свидѣтельство устнаго преданія. По завоеваніи Нарвы, для царя, пробывшаго здѣсь нѣкоторое время, очевидно, былъ взятъ домъ и, какъ говоритъ преданіе,— ближайшій къ крѣпостному валу, то есть именно тотъ, который нынѣ называется дворцомъ Петра Великаго. По словамъ того же преданія, впослѣдствіи Петръ Великій приказалъ купить этотъ домъ у его владѣльца серебряныхъ дѣлъ мастера Якова Луде. При этомъ, будто бы, занятый продолжающеюся войною со шведами и другими важными государственными дѣлами, Петръ забылъ выслать Луде деньги за домъ. Тогда Луде подалъ жалобу въ судъ на полковника преображенскаго полка (вѣрнѣе, не на капитана ли, каковымъ числился въ этомъ полку Петръ), купившаго у него домъ и задержавшаго деньги за него. По разсмотрѣніи этой

---

[1]) Отечественныя записки 1862 года, іюнь, приложеніе I къ статьѣ Есипова «Чернецъ Ѳедосъ», стр. 532.

жалобы, судъ постановилъ взыскать съ должника сумму и проценты, и при этомъ царь, разсматривавшій приговоръ, будто бы, прибавилъ: «не только съ процентами, но и протори и убытки» [1]).

Изъ приведенныхъ указаній можно съ несомнѣнностью заключить, что зданіе, именуемое нынѣ дворцомъ Петра Великаго дѣйствительно служило жилищемъ для могущественнаго завоевателя Нарвы. Возражаютъ противъ этого ссылкою на два письма Петра Великаго къ Меньшикову, находившемуся съ войсками у Полоцка, писанныя 20 и 24 марта 1706 года. Въ первомъ письмѣ царь, поздравляя своего любимца съ наступающимъ праздникомъ Пасхи, между прочимъ, упоминалъ: «Въ *вашемъ домѣ* всѣ отчасти помолились».

Въ другомъ письмѣ онъ сообщалъ: «Сего дни по обѣдни первое были въ *вашемъ домѣ* и разговѣлись и паки при окончаніи сего дня окончили веселіе въ *вашемъ домѣ*». Г. Роткирхъ высказываетъ мысль, что «если бы такъ называемый дворецъ принадлежалъ Петру Великому, то естественнѣе было бы праздновать государю день Воскресенія Христова въ своемъ дворцѣ, нежели въ домѣ князя Меньшикова».

Эта мысль, на основаніи которой затѣмъ строится выводъ, что Петръ не имѣлъ своего дома въ Нарвѣ, потому и разговѣлся въ семьѣ Меньшикова, однако, не представляетъ чего-либо вполнѣ устойчиваго и опредѣленнаго. Да и самъ г. Роткирхъ не выражаетъ притязаній на непогрѣшимость своего предположенія [2]). Изъ писемъ Петра можно лишь заключить, что у Меньшикова также былъ домъ въ Нарвѣ, и что Петръ Великій часто бывалъ въ этомъ домѣ. Что царь разговѣлся здѣсь въ 1706 году, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ домѣ мѣстнаго генералъ-губернатора было, вѣроятно, веселѣе, чѣмъ въ нежиломъ вообще царскомъ дворцѣ. Къ тому же, по точному смыслу второго письма, Петръ въ домѣ Меньшикова провелъ не цѣлый день, а лишь рано утромъ разговѣлся здѣсь и затѣмъ «при окончаніи сего дня», т. е. вечеромъ снова при-

[1]) Заимствовано изъ рукописи моего отца В. П. Петрова, нарвскаго старожила.

[2]) 18-te Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft, стр. 17. См. также 22 Sitzung, 2—7 (возраженіе Павла Рослова на сообщеніе г. Роткирха).

былъ сюда. Гдѣ же царь провелъ цѣлый день? Допустимъ, разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ; но вѣдь не весь же день. Думается, что часть дня Петръ провелъ въ своемъ дворцѣ, гдѣ, конечно, принималъ обычные доклады, писалъ письма, наконецъ, просто отдыхалъ, переодѣвался и т. п. Во всякомъ случаѣ, еслибы у него не было своего дворца и еслибы онъ дѣйствительно останавливался у Меньшикова, то ему незачѣмъ было бы указывать, что онъ былъ въ домѣ Меньшикова лишь утромъ послѣ ранней обѣдни и вечеромъ.

Существованіе дома Меньшикова въ Нарвѣ не подлежитъ спору. Исторически извѣстно, что, по завоеваніи Нарвы, передъ домомъ Меньшикова была поставлена новая мортира, наполненная виномъ, изъ которой самъ царь черпалъ и пилъ за здоровье своихъ соратниковъ. Нарвскіе старожилы говорятъ, что Меньшиковъ жилъ напротивъ дворца Петра Великаго, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ г. Лаврецову.

Въ запискахъ датскаго посланника Юста Юля (котораго мы подробно цитировали) имѣются указанія на то, что у Меньшикова былъ еще загородный домъ въ окрестностяхъ Нарвы. Онъ именно упоминаетъ, между прочимъ, что князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ владѣлъ подъ Нарвою весьма живописнымъ садомъ, разбитымъ въ мѣстномъ вкусѣ. «Садъ расположенъ—говорится въ запискахъ—въ долинѣ между двумя высокими скалами. Мимо этихъ скалъ протекаетъ та самая рѣка, которая отдѣляетъ Нарву отъ Ивангорода. Въ саду есть прекрасная оранжерея со многими узкими отдѣленіями, снабженными каждое печкою. Въ отдѣленіяхъ имѣются люки для регулированія температуры. Въ саду также есть много красивыхъ сводчатыхъ аллей».

Очевидно, садъ, которому двѣсти лѣтъ тому назадъ затѣи стараго барства придавали своеобразно-красивый видъ, примыкалъ къ дому, служившему лѣтнею резиденціею Меньшикову. Судя по приведенному описанію, домъ этотъ помѣщался въ мѣстности, называемой Іоахимсталемъ. Дѣйствительно, какъ мнѣ приходилось слышать (отъ Г. И. Вагнера), нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Іоахимсталѣ были еще видны остатки фундамента, на которомъ, въ давнія, повидимому, времена стоялъ обширный барскій домъ.

Общій выводъ, къ которому необходимо придти, заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Петръ Великій, по завоеваніи Нарвы, часто посѣщая ее, имѣлъ здѣсь свой особый домъ, или дворецъ, независимо отъ домовъ Меньшикова, и именно тотъ, съ которымъ понынѣ связано имя великаго монарха. Быть можетъ, въ отсутствіе царя этотъ домъ весь или въ части отводился для жительства комендантамъ Нарвы, но во всякомъ случаѣ это былъ домъ Петра Великаго въ томъ смыслѣ, что здѣсь царь останавливался, бывая въ Нарвѣ, и имѣлъ свою обстановку, частію сохранившуюся доселѣ.

Дальнѣйшая исторія этого дома немногосложна и поучительна. Судя по надписи, сдѣланной на купчей крѣпости, хранящейся понынѣ во дворцѣ Петра Великаго, домъ этотъ въ 1726 году перешелъ къ императрицѣ Екатеринѣ I [1]). Затѣмъ по смерти Екатерины I изъ царствующихъ особъ въ немъ уже никто не жилъ подолгу. Лишь въ 1780 году Екатерина II, въ бытность свою въ Нарвѣ, останавливалась во дворцѣ Петра Великаго и принимала въ немъ представителей отъ мѣстнаго войска, нарвскаго магистрата, отъ гражданъ Нарвы и русскаго купечества. Впослѣдствіи дворецъ перешелъ въ военное вѣдомство и былъ отведенъ для жительства коменданту Нарвы, который распорядился помѣщеніемъ архива въ нижнемъ этажѣ комендантскаго управленія. Въ 1863 году, по высочайшему повелѣнію, упразднена нарвская крѣпость, крѣ-

---

[1]) Надпись эта гласитъ: «Сія крѣпость на домъ серебренаго дѣла мастера Якова Луде, которой купленъ подъ дворецъ ея императорскаго величества, подалъ нарвскій житель серебренаго дѣла мастера Яньсъ Яковъ Келеръ, іюня въ 14 день 1726 году». Г. Скороботовъ по поводу этой надписи говоритъ (дворецъ П. В., стр. 4, выноска 1), что, за отсутствіемъ мѣстныхъ преданій и историческихъ указаній, мѣстные изслѣдователи древностей города Нарвы обходятъ ее, полагая, что она не можетъ быть предметомъ серьезнаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ, еслибы признать вполнѣ ея точность и достовѣрность, то, по нашему мнѣнію, можно было бы сдѣлать еще слѣдующій выводъ о дворцѣ Петра Великаго: до 1726 года собственникомъ этого дома продолжалъ быть серебряныхъ дѣлъ мастеръ Луде, а царь лишь занималъ этотъ домъ за извѣстную плату.

Затѣмъ уже Екатерина I, въ память о своемъ великомъ супругѣ, купила этотъ домъ окончательно подъ дворецъ. Подлинный текстъ купчей 1697 года на нѣмецкомъ языкѣ приведенъ въ протоколѣ 14-го засѣданія нарвскаго археологическаго общества отъ 12 января 1866 года (стр. 10—11). Домъ проданъ Яковомъ Ниианомъ Іогану Луде за тысячу сто пятьдесятъ рейхсталеровъ.

постные верки переданы городу, а древнія стѣны Ивангорода, ливонскій замокъ и вышгородъ, какъ памятники древности, ввѣрены попеченію военнаго вѣдомства. Въ вѣдѣніи сего послѣдняго былъ оставленъ и дворецъ Петра Великаго.

Въ 1865 году нарвское общество гражданъ «большой гильдіи» возбудило ходатайство передъ военнымъ министромъ (Милютинымъ) о передачѣ этому обществу дворца Петра Великаго со всѣми хранящимися въ немъ предметами прежняго времени, которые, находясь въ весьма близкомъ отношеніи къ исторіи города Нарвы, не могли не имѣть весьма важнаго значенія для мѣстнаго археологическаго общества, основаннаго членами большой гильдіи. Ходатайство это было уважено. Домъ Петра переданъ просителямъ въ полное распоряженіе и собственность, но подъ условіемъ, чтобы гильдія сохраняла въ неприкосновенности предметы древности, переданные ей вмѣстѣ съ домомъ, ремонтировала и отапливала его на свой счетъ.

Входъ во дворецъ Петра Великаго—съ рыцарской улицы, у такъ называемаго темнаго сада. Подъѣздъ наружный, съ кровлею, поддерживаемою четырьмя деревянными колоннами; кровля увѣнчана деревянною фигурою Марса, довольно безобразною. (Прежде была другая статуя Марса, несравненно лучше). Къ подъѣзду съ трехъ сторонъ ведетъ 6 каменныхъ ступеней. Кромѣ этого главнаго входа, во дворецъ имѣлось еще двое дверей: одна съ остерской улицы, существующая и понынѣ, другая—со стороны бастіона «Паксъ», гдѣ нынѣ скверъ. Этотъ послѣдній входъ, или вѣрнѣе выходъ представлялъ характеристическія особенности старыхъ шведскихъ временъ: онъ находился во второмъ этажѣ зданія, и отъ него спускался деревянный подъемный мостикъ прямо на валъ упомянутаго бастіона; теперь нѣтъ ни вала, ни мостика.

На литографіи 1856 года, представляющей разные виды Нарвы, изображенъ, между прочимъ, и дворецъ Петра Великаго со старою стройною фигурою Марса и съ подъемнымъ мостикомъ, ведущимъ на валъ. Этотъ-же видъ дворца помѣщенъ и у Фурмана («Нарва. Нарвская легенда. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія»). Затѣмъ въ исторіи Петра Великаго Брикнера (СПБ. 1882 г.) имѣется также изображеніе дворца, неизвѣстно откуда заимствованное, но совершенно искаженное, съ подписью «Домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій въ Нарвѣ, въ его настоящемъ видѣ». Здѣсь, между прочимъ, также изображенъ не существующій нынѣ подъемный мостикъ, спускающійся на валъ.

Собственно дворецъ помѣщается во второмъ этажѣ зданія; нижній же этажъ, состоящій изъ шести комнатъ, занятъ смотрителемъ и дворникомъ [1]). Кромѣ того, въ домѣ имѣется еще пустой

[1]) До 1865 года здѣсь помѣщались архивы нарвской инженерной дистанціи

Дворецъ Петра Великаго.

мезонинъ въ два окна и подвалъ изъ 10 сводчатыхъ помѣщеній. Съ южной стороны къ зданію примыкаетъ садъ въ 84 квадратныхъ сажени.

Во второй этажъ, гдѣ, какъ упомянуто, и имѣлъ собственно пребываніе Петръ Великій во время своихъ наѣздовъ въ Нарву, ведетъ берущая свое начало въ сѣняхъ у главнаго входа внутренняя деревянная лѣстница въ 22 ступени. Здѣсь имѣются прихожая, зала и семь комнатъ. Комнаты, въ которыхъ жилъ завоеватель Нарвы, заняты нынѣ мебелью петровскаго времени и собраніемъ разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Петру и къ исторіи Нарвы. Комнаты дворца свѣтлы и привѣтливы; довольно высокіе потолки, по большей части, украшены разрисованными полотнами. На плафонѣ обширной прихожей имѣются слѣдующія аллегорическія изображенія и надписи: 1) Купидонъ на орлѣ съ надписью: «Высокі іщетъ»; 2) готическая двухъ-этажная башня съ надписью: «Непостоянство мнѣ порочно»; 3) якорь съ изреченіемъ: «Ничто сего не страшитъ»; 4) пила, на одномъ концѣ ея виситъ мечъ, на другомъ медаль, надпись: «Что сіе можетъ?»; 5) пылающая бомба съ угрозою: «Горе кому достанется» и 6) руль, съ поясненіемъ: «Надъ водами власть імѣетъ».

Въ залѣ съ большимъ плафономъ, изображающимъ Минерву, имѣется прекрасный паркетный полъ. Затѣмъ плафонъ комнаты, служившей, какъ предполагаютъ, кабинетомъ Петру Великому, украшенъ аллегорическимъ изображеніемъ Ливоніи, въ видѣ женщины, которую Побѣда освобождаетъ отъ оковъ. Надпись гласитъ «Erepta restituit».

По угламъ и сторонамъ имѣется еще восемь различныхъ аллегорическихъ изображеній; напримѣръ, Нептуна съ трезубцемъ и надписью: «Imperat mari», лодки, пристающей къ берегу, съ надписью: «Subitur sic videre partum» и т. п.

Принимая въ свое вѣдѣніе дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ, мѣстное археологическое общество поручило своему секретарю г. Ганзену, автору нѣмецкой исторіи Нарвы, отличавшемуся любовью къ старинѣ и бывшему, можно сказать, душою названнаго общества, составить опись принимаемому имуществу.

Въ 15 засѣданіи археологическаго общества г. Ганзенъ сообщилъ краткое описаніе дворца и представилъ инвентарь находившихся въ немъ предметовъ старины. Этотъ инвентарь считаемъ полезнымъ привести здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ съ нѣкоторыми, съ своей стороны, поясненіями.

№ 1. Зала (въ 8 оконъ съ печью и каминомъ):

1) Икона Спасителя въ золотой рамѣ,

2) изображенія апостоловъ Петра и Павла въ черныхъ лакированныхъ рамахъ,

3) изображеніе Маріи Магдалины въ такой же рамѣ,

4) портретъ (живописный) Петра Великаго въ золоченой рамѣ,

и комендантскаго управленія, а при Петрѣ Великомъ нижній этажъ былъ занятъ кухнею и службами. Послѣ 1865 г. въ этомъ этажѣ нѣкоторое время находилась нѣмецкая церковная школа (Iohannis-Schule).

5) портретъ императрицы Екатерины II въ золоченой рамѣ; въ современной (1897 года) описи неправильно указано, что это — портретъ императрицы Елизаветы Петровны;

6) картина, изображающая Карла XII на конѣ въ одной изъ битвъ, по мнѣнію Ганзена (которое, однако, опровергается), — подъ Нарвою;

7) портретъ князя Меньшикова въ золотой рамѣ,

Мебель въ залѣ слѣдующая:

1) 5 венеціанскихъ зеркалъ въ золоченыхъ рамахъ,

2) диванъ и 22 стула березоваго дерева, окрашенные бѣлой масляной краской съ зелеными разводами, обитые зеленымъ баркаиомъ; къ нимъ холщевые чехлы;

3) кресло березоваго дерева, лакированное подъ орѣхъ, также обитое зеленымъ баркаиомъ; къ нему чехолъ;

4) 2 подзеркальныхъ столика березовые, выкрашенные бѣлою краскою, съ мраморными досками;

5) хрустальная (стеклянная) люстра; въ новѣйшей описи она не значится: какъ говорятъ, она разбита, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія;

6) большой шкафъ ясеневаго дерева съ рѣзьбой, лакированный подъ орѣхъ; на немъ имѣется дата, что онъ построенъ въ 1647 г. Въ этомъ шкафу хранятся слѣдующіе предметы:

а) Купчая на домъ (вышеупомянутая),

б) хрустальный бокалъ тонкой работы съ разбитою нижнею частью, въ кожаномъ футлярѣ; на этомъ бокалѣ имѣются профильныя прекрасной работы изображенія Петра Великаго и Августа II, короля польскаго;

в) 9 стакановъ,

г) графинъ,

д) двѣ глиняныя пивныя кружки; къ нимъ недостаетъ оловянныхъ крышекъ;

е) полоскательная чашка фаянсовая (по указателю 1897 г. — саксонскаго фарфора);

ж) двѣ разбитыя тарелки,

з) палка съ дѣленіями для измѣреній,

и) толстая камышевая трость,

і) дубинка; по преданію, эта дубинка принадлежала Петру и, по какому-то случаю, онъ пригрозилъ ею однажды членамъ нарвскаго магистрата. Было ли это въ дѣйствительности, конечно, трудно поручиться, но корень этого преданія одинъ и тотъ же съ разсказами о томъ, какъ разгнѣванный царь училъ дубинкою провинившихся подданныхъ. По длинѣ нарвская дубинка очень подходитъ къ росту Петра Великаго;

к) двѣ пары башмаковъ,

л) 17 салфетокъ и утиральниковъ,

м) 12 скатертей.

Комната № 2:

1) 2 кресла и 6 стульевъ, березовые подъ орѣхъ, крытые краснымъ барканомъ, съ чехлами [1]);

2) столъ съ золочеными украшеніями и мраморною доскою,

3) зеркало въ черной лакированной рамѣ съ золотыми украшеніями,

4) 4 большихъ голландскихъ ландшафта въ черныхъ рамахъ съ золочеными украшеніями. Въ числѣ голландскихъ ландшафтовъ, въ изобиліи встрѣчаемыхъ во дворцѣ Петра Великаго, заслуживаетъ, упоминанія одинъ небольшой, писанный на доскѣ гусинымъ перомъ извѣстнымъ голландскимъ художникомъ Ванъ деръ Вельде въ 1654 году, изображающій голландскій флотъ подъ парусами. По преданію, этотъ видъ привезъ въ Нарву самъ царь изъ Голландіи. Виллемъ ванъ деръ (или де) Вельде (1633—1707) славился именно, какъ неподражаемый маринистъ. Большая часть его картинъ перешла въ Англію, куда онъ и самъ переселился по предложенію короля Георга II.

Марины Вельде продавались чрезвычайно дорого (за одну онъ, напримѣръ, получилъ 20.000 ф. стерл.). Въ нашемъ эрмитажѣ имѣется только двѣ картины Вельде, «Рейдъ и штиль», такъ что нарвскій морской видъ является весьма цѣннымъ дополненіемъ къ этимъ маринамъ [2]).

Комната № 3:

1) Столъ, а на немъ модель военнаго корабля Шлиссельбургъ о 33 орудіяхъ,

2) древко отъ шведскаго знамени, полуистлѣвшаго,

3) 2 большихъ голландскихъ ландшафта въ черныхъ рамахъ съ золочеными украшеніями.

Комната № 4 (спальня):

1) Образъ Маріи Магдалины въ золоченой рамѣ,

2) 2 зеркала въ черныхъ съ золочеными украшеніями рамахъ,

3) выкрашенная бѣлою масляной краской кровать съ занавѣсами изъ зеленой шерстяной матеріи. По росту Петра Великаго, эта кровать представляется слишкомъ малою;

4) 2 кресла и три стула подъ орѣхъ съ плетеными изъ камыша спинками,

5) бюро орѣховаго дерева съ датою 1702.

Комната № 5 (Handkammer); въ ней большой сундукъ, обтянутый тюленьей кожей, содержащій:

1) 3 компанейскихъ знамени нарвскаго пограничнаго батальона 1765 года.

2) 3 мѣдныхъ наконечника къ знаменамъ,

3) шкуру пантеры и

4) картину библейскаго содержанія.

1) По указателю 1897 года стулья находятся въ комнатѣ, № 7.

2) П. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. СПБ. 1897 г., т. II, стр. 494.

Комната № 6:

1) голландскій ландшафтъ въ черной рамѣ съ золочеными украшеніями,

2) восьмиугольный столъ съ изображенною на немъ масляными красками картою Балтійскаго моря,

3) угломѣръ.

Въ другихъ комнатахъ и на галлереѣ находились лишь зеркало въ черной рамѣ и оконная рама (въ свинцовой оправѣ) на 40 стеколъ.

Таковы предметы, принятые въ 1866 году большою гильдіею вмѣстѣ со дворцомъ.

Затѣмъ постепенно дворцовый инвентарь пополнялся, но, конечно, весьма незначительно сравнительно съ тѣмъ, что было принято въ самомъ началѣ, и что послужило главнымъ основаніемъ музею. Прибавилось именно собраніе книгъ, манускриптовъ и монетъ. Въ числѣ послѣднихъ имѣется нѣсколько монетъ, чеканенныхъ въ Нарвѣ.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ, поступившихъ во дворецъ послѣ 1865 года, заслуживаютъ упоминанія: шпага безъ ефеса золингенской стали съ надписью «Vivat Zaar Peter Alexejewitsch 1710», живописные портреты нарвскихъ бургомистровъ Шварца (1627—1699), Арпса (1731—1746) и Кромпейна (1735—1760), изображенія гербовъ города Нарвы 1426 и 1525 годовъ, нѣсколько видовъ г. Нарвы и нарвскихъ сраженій, а именно: два вида Нарвы и водопада 1633 года, нѣсколько снимковъ съ Нарвы 1830 г.; изображеніе побѣды Карла XII въ 1700 году (современная шведская гравюра), того-же содержанія русская литографія (изъ Устрялова), видъ водопада (гравюра) 1780 года, фотографія съ картины Коцебу «взятіе Нарвы 9-го августа 1704 года», изображеніе артиллерійскаго боя при устьѣ рѣки Наровы въ 1855 году (изъ морского сборника); кромѣ того—разные предметы вооруженія, снаряды, между прочимъ—каменныя ядра 1558 года, которыми русскіе изъ Ивангорода бомбардировали Нарву, нѣкоторые старинные предметы домашней утвари, нѣсколько памятниковъ старины, принадлежащихъ собственно городскому управленію (сѣдалища бургграфовъ, бургомистровъ и ратмановъ, надписи, напр. съ «темныхъ» воротъ, статуя Меркурія съ биржи, позорный столбъ, къ которому привязывали преступниковъ и т. п.)

Члены «большой гильдіи» содержатъ домъ и обстановку въ большомъ порядкѣ, но мы позволимъ высказать здѣсь мнѣніе, что дворецъ Петра Великаго, составляющій общегосударственное достояніе, умѣстнѣе было-бы изъять, хотя бы за извѣстное вознагражденіе изъ вѣдѣнія одного, сравнительно немногочисленнаго, нѣмецкаго сословія Нарвы и передать его городу или же дворцовому вѣдомству, наравнѣ со старыми дворцами въ другихъ городахъ.

Для возможно полной характеристики разсматриваемой эпохи исторіи г. Нарвы, считаемъ не лишнимъ привести

административно-статистическія и торговыя свѣдѣнія о Нарвѣ и нарвской провинціи послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго.

Нарва, присоединенная въ 1719-мъ году къ с.-петербургской губерніи, была, въ свою очередь, главнымъ городомъ въ провинціи нарвской. Комендантомъ въ Нарвѣ послѣ Зотова былъ Александръ Салтыковъ. Въ его распоряженіи состоялъ гарнизонъ, въ которомъ числилось 35 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1332 нижнихъ чиновъ и унтеръ-офицеровъ. Гарнизонъ этотъ содержался на ревизскія души калужской провинціи. Артиллерія, находившаяся въ Нарвѣ и Ивангородѣ, состояла изъ 105 пушекъ мѣдныхъ, 332 чугунныхъ, 12 мортиръ мѣдныхъ, 16 чугунныхъ и 5 гаубицъ. Всею этою артиллеріею вѣдалъ одинъ офицеръ при 42 артиллеристахъ.

На содержаніе коменданта царемъ были опредѣлены доходы со слободы Сыренска. Сборщикомъ податей (фискаломъ) во всей провинціи нарвской состоялъ Иванъ Ладыженскій.

Что касается численности мирныхъ гражданъ, то въ обѣихъ крѣпостяхъ и предмѣстьяхъ Нарвы насчитывалось купцовъ, цеховыхъ ремесленниковъ и разнаго званія людей 1202 мужскаго пола (о женскомъ полѣ, къ сожалѣнію, свѣдѣній не сохранилось), въ томъ числѣ 97 русскихъ купцовъ, переведенныхъ въ Нарву, по указу царя, изъ разныхъ городовъ. Всѣ эти жители Нарвы, кромѣ военныхъ и дворянъ, состояли въ вѣдѣніи магистрата.

Магистратъ раздѣлялся на двѣ камеры: въ первой состояло 2 бургомистра—юстиціи и полиціи; вторую составляли президентъ, 7 ратмановъ, 2 ассесора, нотаріусъ, фискалъ и 13 человѣкъ разныхъ низшихъ служителей. Въ завѣдываніи магистрата находились: полиція, школа, госпиталь, портовые и акцизные служители, докторъ, казначей, брантмейстеръ, архитекторъ, типографщикъ, рыночные и надъ строеніями надзиратели, браковщики и другіе разные городскіе служители, число которыхъ простиралось вообще до 52 человѣкъ. Магистратъ, какъ и вся провинція, непосредственно были подчинены правительствующему сенату и петербургскимъ нѣмецкимъ юстицъ-коллегіи и камеръ-конторѣ лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. Городъ имѣлъ свои доходы, на которые содержа-

лось нарвское нѣмецкое духовенство, магистратъ и всѣ гражданскіе чиновники.

Торговля вывозная производилась мачтами, брусьями и досками, которыя доставлялись къ порту рѣками Лугою и Наровою; что-же касается другихъ товаровъ, то торговля ими была ограничена царскимъ указомъ 1721 года, которымъ предоставлялось лишь привозить въ Нарву продукты изъ одного города Пскова и его уѣзда. Очевидно, этотъ запретительный указъ былъ вызванъ стремленіемъ царя направить торговлю къ любимому его дѣтищу С.-Петербургу. Это запрещеніе дѣйствовало до 1766 года. Кромѣ того, направляя свои заботы къ сбереженію лѣсовъ, годныхъ для кораблестроенія, Петръ Великій указомъ отъ 26 января 1721 года дозволилъ нарвскимъ жителямъ рубить лѣсъ, для отпуска въ море, лишь въ новгородскомъ, старорусскомъ и ямбургскомъ уѣздахъ, причемъ длина лѣса, дозволеннаго для порубки, была опредѣлена отъ 18 до 30 футъ, толщина отъ 8 до 10 вершковъ. Впрочемъ, въ 1723 году разрѣшено было рубить и мачтовый лѣсъ по рѣкамъ Лугѣ и Плюсѣ, но длиною не болѣе 65 футъ, а толщиною въ нижнемъ отрубѣ (въ 3 саженяхъ отъ корня) 20 дюймовъ, а въ верхнемъ 12 дюймовъ. Доходовъ въ казну въ 1724 году было таможенныхъ и «другихъ мелочныхъ» 25,365 рублей 2 коп. Для удобства жителей въ Нарвѣ существовала почтовая контора, а за городомъ Петръ Великій завелъ кожевенный «пумповый заводъ по англійской методѣ» [1]). Заводъ этотъ устроенъ, по распоряженію царя, въ 1717 году. Сюда былъ переведенъ ярославскій кожевенникъ Степанъ Истоминъ, которому былъ отданъ въ вѣчное владѣніе бывшій дворъ нарвскаго купца Федора Абрамова.

Мы видѣли изъ предшествующаго изложенія, что въ старину, значительно ранѣе Петра, торговля города Нарвы была въ блестящемъ положеніи. Сѣверная война, а затѣмъ соперничество Петербурга значительно уронили нарвскую морскую торговлю, для поднятія которой на прежнюю высоту потребовалось много лѣтъ.

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы главнымъ образомъ у Голикова. «Дополненія къ дѣяніямъ Петра Вел.», т. XVIII, Москва, 1797 г., стр. 114—117, и отчасти у Козакевича, стр. 28.

Приведемъ здѣсь погодную таблицу приходящихъ въ Нарву судовъ до сѣверной войны и во время ея. Изъ этой таблицы особенно наглядно виденъ упадокъ торговли въ Нарвѣ, въ зависимости отъ тяжелаго военнаго положенія.

Въ	1690	году	прибыло	129 судовъ.
»	1691	»	»	159 »
»	1692	»	»	126 »
»	1693	»	»	109 »
»	1694	»	»	154 »
»	1695	»	»	169 »
»	1696	»	»	130 »
»	1697	»	»	129 »

Съ 1704 по 1718 годъ число приходившихъ кораблей насчитывалось единицами:

Въ	1718	году	6 судовъ.
»	1719	»	23 »
»	1720	»	36 »
»	1721	»	73 »
»	1722	»	69 »

Хотя черезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи ништадтскаго мира число приходящихъ къ Нарвѣ кораблей значительно увеличивается, (напримѣръ, какъ видно изъ сохранившихся вѣдомостей, къ нарвскому порту въ 1724 году пришло 115 иностранныхъ кораблей, тогда какъ къ Ревелю — всего 62, а къ Выборгу, лишь 28) [1]), однако упадокъ торговой дѣятельности въ Нарвѣ при Петрѣ Великомъ въ зависимости отъ причинъ, упомянутыхъ выше, былъ слишкомъ замѣтенъ. Современникъ событій, камеръ-юнкеръ герцога голштинскаго (впослѣдствіи женившагося на старшей дочери Петра Аннѣ, отъ какового брака родился императоръ Петръ III)—Фридрихъ фонъ Берхгольцъ въ запискахъ своихъ за 1721 годъ упоминаетъ о весьма жалкомъ видѣ и бѣдности г. Нарвы.

«Вечеромъ того-же дня (16-го іюня 1721-го года) пріѣхалъ я въ Нарву, но такъ какъ было уже поздно, и городскія ворота давно заперли, то мы остановились передъ городомъ на дачѣ бургомистерши Геттенъ (конечно, — Гетте). Я и безъ того хотѣлъ остановиться тамъ, потому что слышалъ отъ многихъ попадавшихся мнѣ на станціяхъ свитскихъ кавалеровъ, что во всемъ городѣ нельзя найти дома съ конюшнею о десяти стойлахъ, а мнѣ не хотѣлось раздѣлять моихъ лошадей изъ опасенія безпорядка; кромѣ того, я зналъ, что имѣлъ бы много непріятностей съ конюхами, которые оба были пьяницы; на этой же дачѣ какъ разъ была превосходная конюшня для 10-ти лошадей. Изъ города (гдѣ увидѣли, какъ я про-

1) Соловьевъ, исторія, т. XVIII, стр. 777 и 937. Впрочемъ, въ 1725 году къ Нарвѣ прибыло уже 170 кораблей. Пошлинъ собрано въ 1724 г. 1950 р. и въ 1725 г.—4749 рублей.

ѣхалъ мимо городскихъ воротъ) тотчасъ прислали ко мнѣ караульнаго солдата съ вопросомъ, кто я такой, и есть ли у меня паспортъ. Я отвѣчалъ, что принадлежу къ свитѣ его высочества герцога голштинскаго и паспортъ имѣю. Вслѣдъ затѣмъ комендантъ, выславъ ко мнѣ своего адъютанта, велѣлъ сказать, что если я хочу въѣхать въ городъ, то ворота тотчасъ отворятъ, и спроситъ, не знаю ли я, когда пріѣдетъ въ Нарву его королевское высочество. Я сказалъ, что выѣхалъ изъ Ревеля еще въ прошедшую субботу, и потому не знаю, когда будетъ сюда его высочество; за предложеніе же въѣхать въ городъ велѣлъ благодарить и отозвался, что уже слишкомъ поздно, что лошадей давно отложили, и что, кромѣ того, я располагаю на другой-же день, не медля, ѣхать дальше. Такъ какъ *во всемъ предмѣстьи не было возможности купить ни сѣна, ни травы*, а у меня былъ паспортъ отъ рижскаго губернатора Левена, гдѣ предписывалось выдавать мнѣ ихъ по всей дорогѣ, сколько будетъ нужно, безденежно, то я показалъ его адъютанту, котораго просилъ приказать людямъ принести для моихъ лошадей немного сѣна или указать, гдѣ бы я могъ достать его на ночь. Прочитавъ мой паспортъ, онъ объявилъ мнѣ чрезъ извозчика (служившаго мнѣ переводчикомъ), что документъ этотъ былъ дѣйствителенъ только до послѣдней станціи и что дальше онъ не имѣетъ никакой силы, потому что Нарва принадлежитъ къ другой губерніи; но что я и безъ того могу положиться на г. коменданта, который немедленно приметъ всѣ мѣры для доставленія мнѣ необходимаго; чтобъ я сказалъ только, сколько именно овса и сѣна мнѣ нужно, и онъ тотчасъ же велитъ взять и того и другого изъ царскихъ магазиновъ, а что *купить ничего нельзя не только въ предмѣстьи, но и въ самомъ городѣ.*

На слѣдующее утро я отправился въ городъ и встрѣтился съ однимъ молодымъ купцомъ изъ Риги, который въ одно время со мною былъ въ Парижѣ, гдѣ мы и познакомились. Онъ повелъ меня въ свою квартиру и былъ вообще чрезвычайно любезенъ; безъ него мнѣ очень трудно было бы отыскать капитана Рамзе, къ которому я имѣлъ порученіе отъ полковника Брокендали и еслибъ онъ не пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, то мнѣ не удалось бы даже поѣсть порядочно. *Нарва была въ такой бѣдности, что я не могъ достать на дорогу чего-нибудь съѣстного и принужденъ былъ ѣхать безо всего.* Мнѣ указали гостиницу, гдѣ я надѣялся получить что-нибудь; но и тамъ отвѣчали, что господа голштинцы, недавно здѣсь проѣхавшіе, захватили весь запасъ, такъ что осталось только немного копченаго мяса и говяжій языкъ, которые необходимы для ежедневныхъ посѣтителей. Я просилъ уступить ихъ мнѣ и представлялъ, что по всей дорогѣ до Петербурга рѣшительно ничего нельзя достать; но мнѣ отказали подъ предлогомъ, что эти ежедневные посѣтители должны имѣть передо мною преимущество. «*Однимъ словомъ, Нарва была такъ бѣдна съѣстными припасами, что сказать нельзя. Говорятъ, это оттого, что отсюда все отправляется въ Петербургъ*» [1]).

[1]) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, ч. I, стр. 36—38.

Если Нарва была такъ бѣдна, что, по словамъ Берхгольца, въ ней нельзя было найти даже сѣна и провіанта, то тѣмъ болѣе печальную картину представляли окрестности города и прилегающія къ нему деревни и мѣстечки. Доселѣ существующія названія расположенныхъ около устья Наровы мѣстечекъ Гунгербургъ (голодный городъ) и Магербургъ (тощій городъ) свидѣтельствуютъ о скудости и бѣднотѣ, пережитыхъ ими.

Въ частности, относительно Гунгербурга существуетъ такое преданіе. Петръ Великій, будучи здѣсь по какому-то дѣлу,— быть можетъ, еще во время осады Нарвы—проголодался и попросилъ окружающихъ дать ему чего-нибудь поѣсть. Долго искали провіанта, но ничего не могли найти. Царь приказалъ добыть хотя бы живого теленка, наскоро его зарѣзать и приготовить кушанье; но и теленка не могли найти по всему взморью. Тогда Петръ (любившій, какъ извѣстно, иностранныя названія) далъ мѣстечку наименованіе Гунгербургъ, сохранившееся и по сіе время [1]).

Остается упомянуть еще, чѣмъ Нарва ознаменовала память великаго ея завоевателя, столь часто жившаго въ ней и около нея въ дни мира и смертоносныхъ сраженій. Въ 1872 году жители Нарвы, по случаю двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго соорудили на площади передъ зданіемъ ратуши памятникъ въ видѣ обелиска со слѣдующими надписями на русскомъ и латинскомъ языкахъ: [2])

1) Петру Великому
городъ Нарва
30-го Мая
1872 года.

2) Petro
Magno
civitas Narvensis
a. d. III cal. Junias
MDCCCLXXII.

[1]) Козакевичъ, впрочемъ, указываетъ, что названія Гунгербургъ и Магербургъ были извѣстны уже въ 1695 году.

[2]) Предполагались еще надписи на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. См. гдовско-ямбургскій листокъ за 1872 г., № 44.

Въ томъ-же году небольшимъ кружкомъ лицъ поставленъ довольно изящный, увѣнчанный двуглавымъ орломъ, монументъ на Большомъ островѣ, гдѣ, по неправильному предположенію, была главная квартира царя при осадѣ Нарвы въ 1700 году. На этомъ памятникѣ имѣются слѣдующія надписи:

Памятникъ Петру Великому на Большомъ островѣ.

Двухъсотълѣтіе
Петра I
30-го Мая 1672
30-го Мая 1872,

и на другой сторонѣ:

Сооруженъ
въ память 200
лѣтняго юбилея
Петра I
Великаго
Преобразователя
Россіи.

Память о Петрѣ жива въ наименованіи одного изъ форштадтовъ и одного изъ острововъ на Наровѣ—петровскими, а также въ наровскомъ мореходномъ классѣ имени великаго монарха, основанномъ въ 1874 г. первоначально въ деревнѣ Венкюль, по Наровѣ, а затѣмъ перенесенномъ въ Нарву. Въ увѣковѣченіе же подвига русскихъ воиновъ, погибшихъ на нарвскихъ поляхъ и стѣнахъ, воздвигнутъ на бастіонѣ Викторія крестъ на плитняковомъ фундаментѣ съ надписью:

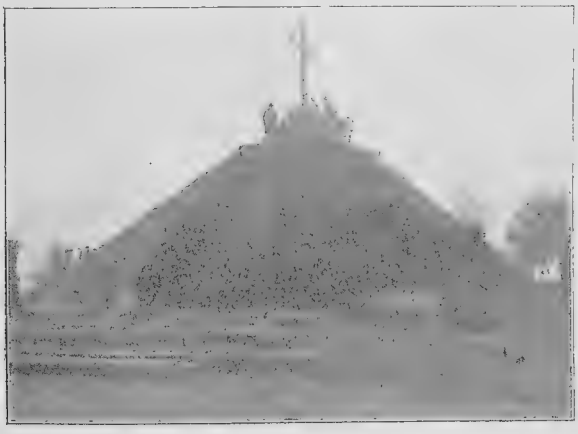
Могила
храбрыхъ русскихъ воиновъ,
павшихъ при взятіи Нарвы
штурмомъ
9-го Августа 1704 г.

Наконецъ, къ 200-лѣтію перваго боя подъ Нарвою (19 ноября 1700 года) полки преображенскій, семеновскій, и 1-ая

батарея лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, развившаяся изъ петровской бомбардирской роты, соорудили близъ деревни Вепскюль, гдѣ гвардія оказала Карлу XII мужественное сопротивленіе, памятникъ павшимъ героямъ. Онъ представляетъ изъ себя гранитную скалу съ крестомъ, установленную на усѣченной земляной пирамидѣ въ $2^1/_2$ сажени вышины. Памятникъ окруженъ высочайше пожалованными пушками, поставленными въ видѣ колоннъ. На черной мраморной доскѣ надпись:

Героямъ-предкамъ,
павшимъ въ бою
19 N0 1700
л.-гв. преображенскій,
л.-гв. семеновскій
полки,
1-ая батарея
л.-гв. 1-ой артиллерійской
бригады.
19 ноября 1900.

Памятникъ русскимъ воинамъ на бастіонѣ Victoria.



Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ бою подъ Нарвой 19 ноября 1700 г.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ 1725-мъ году разнеслась по всей Россіи печальная вѣсть о кончинѣ Петра Великаго.

Возвращаясь въ началѣ ноября 1724 года съ олонецкихъ желѣзныхъ заводовъ [1]), царь запримѣтилъ около Лахты сѣвшій на мель ботъ съ солдатами, плывшій изъ Кронштадта. Немедленно было сдѣлано распоряженіе о поданіи помощи потерпѣвшимъ аварію. Самъ монархъ принялъ участіе въ вытаскиваніи бота съ мели и спасаніи людей. При этомъ Петръ стоялъ по поясъ въ водѣ. Старая хроническая болѣзнь мочевого пузыря обострилась и приняла такой серьезный оборотъ, что врачи начали уже опасаться за исходъ заболѣванія. Хотя Петръ все еще держался на ногахъ и даже 6 января участвовалъ вмѣстѣ съ войсками на Іордани, но силы замѣтно оставляли его. Архіатеръ царя (врачъ) Блюментростъ снесся съ заграничными знаменитостями того времени берлинскимъ докторомъ Шталемъ и лейденскимъ — Боергаве. Было, однако, уже поздно. Иностранные доктора не успѣли пріѣхать, какъ болѣзнь царя приняла роковое теченіе.

Царь изнемогалъ отъ невыносимыхъ страданій и оглашалъ воплями свою спальню. Въ тѣ минуты, когда муки немного ослабѣвали, Петръ говорилъ окружавшимъ его:

---

[1]) Здѣсь царь, несмотря на начавшееся уже нездоровье, собственноручно выковалъ полосу желѣза вѣсомъ въ 3 пуда. Соловьевъ, т. XVIII, стр. 847.

— «Изъ меня можете познать, сколь бѣдное твореніе человѣкъ!».

22-го января царь пріобщился святыхъ Таинъ, 26-го былъ соборованъ. Сенаторы и высшіе сановники собрались во дворцѣ. 27-го числа, чувствуя приближеніе смерти, Петръ потребовалъ перо и бумагу. Онъ началъ писать, но перо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ. Изъ написаннаго имъ могли разобрать лишь слова: «отдайте все»... Испытывая крайнюю слабость, царь приказалъ позвать старшую дочь свою Анну и хотѣлъ было продиктовать ей завѣщаніе, но когда цесаревна подошла къ постели отца, онъ уже не могъ исполнить своего желанія. Спасенія не было. Жизнь медленно оставляла царя. Архіепископы тверской и новгородскій и архимандритъ Чудова монастыря, приглашенные во дворецъ, напутствовали умирающаго. Бесѣда о Богѣ и небесномъ царствіи облегчила душу Петра.

— «Сіе едино жажду мою утоляетъ, сіе едино услаждаетъ меня!» — промолвилъ онъ прерывающимся голосомъ.

Послѣ этого царь вторично причастился св. Таинъ и во время предпричастной молитвы промолвилъ:

— «Вѣрую, Господи, и исповѣдую; помоги моему невѣрію».

Затѣмъ онъ замолкъ, и окружавшіе, думая, что онъ уже кончается, начали со слезами цѣловать хладѣющую руку монарха; но онъ какъ бы очнулся и слабымъ голосомъ сказалъ:

— «Послѣ!»...

Это слово было послѣднимъ. 28 января въ шестомъ часу утра императоръ смежилъ на вѣки свои очи [1]).

Въ этотъ день, какъ сообщаетъ Берхгольцъ, не встрѣчалось почти ни одного человѣка, который бы не плакалъ или не имѣлъ глазъ, опухшихъ отъ слезъ [2]).

Петръ скончался на 53-мъ году отъ рожденія. Еслибы не болѣзнь, онъ при своемъ могучемъ тѣлосложеніи могъ бы жить долго: предполагаютъ, что и самая болѣзнь царя должна была уступить лѣченію, еслибы оно велось болѣе правильно. Штелинъ приводитъ изреченіе одного изъ упомянутыхъ выше

[1]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. IX, стр. 192—202. Послѣднія минуты жизни царя описаны со словъ одного изъ бывшихъ при немъ архіереевъ.

[2]) Дневникъ Берхгольца, ч. IV, стр. 118.

знаменитыхъ врачей того времени Боергаве, который, получивъ извѣстіе о кончинѣ царя, будто бы, выразился:

— «Боже мой! возможно ли, что они (т. е. русскіе врачи) допустили умереть сему великому мужу, котораго за пятикопѣечное лѣкарство можно было вылѣчить!». Къ этому впослѣдствіи Боергаве добавилъ (въ разговорѣ со своимъ племянникомъ, — бывшимъ затѣмъ лейбъ-медикомъ императрицы Елизаветы Петровны, — который и сообщилъ Штелину изреченія своего дяди):

— «Сей сильный, здравый и трудолюбивый великій мужъ прожилъ бы по обыкновенной своей жизни еще сорокъ лѣтъ, ежелибъ нерадѣніе не прекратило его дней [1]). Тѣло императора было анатомировано, а съ лица снята гипсовая маска.

По смерти Петра Великаго во всѣ города были отправлены курьеры и эстафеты съ печальнымъ извѣстіемъ. Немедленно отъ городовъ были наряжены депутаціи для участія въ погребальной процессіи, для отданія послѣдняго долга почившему монарху и для представленія унаслѣдовавшей россійскій престолъ императрицѣ Екатеринѣ I. Нарва также выслала свою депутацію, съ ратманомъ Карломъ Георгомъ Шварцемъ во главѣ. По прибытіи въ Петербургъ, депутаціи отъ городовъ вновь завоеваннаго края явились прежде всего лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину для того, чтобы получить инструкціи относительно порядка слѣдованія въ погребальной процессіи. Депутаты городовъ Риги и Ревеля возбудили было споръ, кому идти впереди во время шествія. Ревельцы не хотѣли уступить первенства рижанамъ; въ подкрѣпленіе своихъ правъ спорящія стороны приводили разныя ссылки на исторію и геральдику. Наконецъ, согласились порѣшить споръ жребіемъ, и первенство, по справедливости, выпало на долю рижанъ. При этомъ, однако, маршаломъ представителей завоеванныхъ городовъ Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта и Выборга (всего 21 человѣкъ) былъ избранъ нарвскій ратманъ Шварцъ.

Было ли это сдѣлано для того, чтобы избѣгнуть новыхъ

[1]) Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ, изданные въ свѣтъ Яковомъ фонъ-Штелинымъ, а на россійскій языкъ переведенные Карломъ Рембовскимъ. Изданіе 3. Москва, 1789, стр. 467—470.

пререканій между депутатами городовъ Риги и Ревеля, или въ уваженіе къ личнымъ качествамъ Шварца,—во всякомъ случаѣ возданная представителю Нарвы честь свидѣтельствовала, что городъ этотъ имѣлъ извѣстное значеніе, созданное ему всей предшествовавшей исторіей и особенно участіемъ его въ торговыхъ оборотахъ могущественнаго ганзейскаго союза.

Депутаты прибалтійскихъ городовъ посѣтили прежде всего Зимній дворецъ, гдѣ почившій императоръ Петръ Великій и скончавшаяся вскорѣ послѣ отца великая княжна Наталія лежали на парадныхъ катафалкахъ.

Депутаціи отъ завоеванныхъ городовъ прибыли въ Петербургъ въ концѣ февраля и частью въ мартѣ, когда лицо почившаго монарха и руки его были уже покрыты бѣлымъ крепомъ, такъ что они могли облобызать лишь руки царевны Наталіи. Такъ какъ Петропавловскій соборъ въ то время еще строился, то въ крѣпости была сдѣлана временная деревянная церковь, которая вся была обита чернымъ сукномъ. Выносъ тѣла Петра Великаго въ эту церковь былъ назначенъ на 8-ое марта. Особые герольды съ трубами и литаврами объѣхали Петербургъ и заблаговременно объявили объ этомъ народу. Для погребальнаго шествія по льду Невы былъ устроенъ помостъ съ перилами, обитый чернымъ сукномъ; вся дорога была усыпана пескомъ и ельникомъ. Выносъ тѣла монарха, при звонѣ колоколовъ и салютахъ изъ крѣпости, начался въ 2 часа пополудни и окончился лишь въ 7 часовъ. Свыше 10 тысячъ солдатъ, подъ командою подполковника семеновскаго полка Волкова и бригадира Корчмина (того самаго, которому въ первую осаду Нарвы, по повелѣнію царя, было поручено осмотрѣть городъ и мѣстность), были выстроены по пути слѣдованія печальной процессіи; изъ нихъ 1250 человѣкъ съ зажженными факелами стояло по сторонамъ помоста, наведеннаго черезъ невскій ледъ. Вся процессія раздѣлялась на 166 нумеровъ. Депутаты прибалтійскихъ городовъ и города Нарвы въ траурныхъ мантіяхъ шли передъ гробомъ вслѣдъ за иностранными, англійскими, голландскими и гамбургскими купцами.

Тѣло императора было поставлено на приготовленный въ церкви катафалкъ [1]); архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ свое знаменитое слово.....

Прибалтійскіе депутаты воспользовались своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы снискать расположеніе русскихъ сановниковъ, представиться при ихъ посредствѣ императрицѣ Екатеринѣ I и возбудить ходатайство о сохраненіи древнихъ шведскихъ привилегій. Они сдѣлали визиты

[1]) Гробъ съ тѣломъ Петра Великаго стоялъ въ Петропавловской церкви до 21 мая 1731 года. (Голиковъ, IX, 247).

Меньшикову, Репнину, графу Апраксину, Ягужинскому, князю Долгорукому, графу Головкину, барону Остерману — вообще всѣмъ лицамъ, стоявшимъ у кормила правленія и заправлявшимъ судьбами Россіи. Нѣкоторымъ особамъ [1]) были поднесены въ подарокъ фрукты,—лимоны и апельсины, «каковые маленькіе подарки приняты были весьма милостиво». Были ли другія приношенія, неизвѣстно; но въ ту лихоимную эпоху они были весьма возможны. Наконецъ, депутаты достигли желанной ауді-енціи у государыни. Одѣтые въ свои черныя мантіи они были впущены во дворецъ [2]). Они поздравили императрицу съ вступленіемъ на престолъ, выразивъ при этомъ соболѣзнованіе по поводу безвременной кончины ея августѣйшаго супруга. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили о подтвержденіи своихъ привилегій.

Императрица приняла депутатовъ милостиво, допустила ихъ къ облобызанію своей руки и черезъ барона Остермана, говорившаго отъ имени ея величества, обѣщала не оставить завоеванные города своимъ попеченіемъ и покровительствомъ [3]).

Вскорѣ лифляндское и эстляндское дворянство и города дѣйствительно получили жалованныя грамоты, которыми подтверждались ихъ древнія привилегіи. Нарва также получила грамоту 13 октября 1725 года, по разсмотрѣніи представленныхъ ею документовъ въ образованной для того особой ревельской коммиссіи. Грамота эта, выданная за подписью высшихъ сановниковъ государства, однако, не была конфирмована императрицею. Грамотою подтверждались всѣ права и преимущества г. Нарвы и укрѣплялись за нею мѣстечки и мызы, пожалованныя городу при шведскомъ владычествѣ, а именно: деревня Кутеркюль, приписанная къ городу по повелѣнію королевы Христины въ 1646 году; мыза Пейтгофъ, завѣщанная нарвской лютеранской церкви бургомистромъ Вернекеномъ, и деревни

---

[1]) Между прочимъ столь сильному тогда Меньшикову.

[2]) По современному донесенію, это было 3 марта. Но эта дата, несомнѣнно, ошибочна, такъ какъ представленіе, по смыслу самаго донесенія, происходило послѣ выноса тѣла почившаго Петра въ крѣпость, а выносъ этотъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, 8 марта.

[3]) См. современное донесеніе депутаціи г. Риги о погребеніи Петра Великаго. Прибалт. сборникъ, томъ II, стр. 516—520. Погребеніе подробно описано у Голикова, IX, 212—247.

Саревелья, Ракевель, Самокрасъ, Валисаръ, Коркюль, Вепскюль и часть мызы Вайвара [1]).

Привилегіи города Нарвы были затѣмъ подтверждены императрицею Анною Іоанновною, собственноручно подписавшею жалованную грамоту. Какъ эта грамота, такъ и другія, дарованныя впослѣдствіи Нарвѣ, хранятся въ архивѣ бывшаго магистрата. Грамота императрицы Анны вложена въ красный бархатный переплетъ на голубой шелковой подкладкѣ. Переплетъ стягивается парчевыми лентами; къ грамотѣ подвѣшена гербовая печать въ золоченомъ футлярѣ. Текстъ изложенъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Вотъ русскій текстъ этой грамоты: «Божіею поспѣшествующею милостію мы Анна, императрица и самодержица всероссійская, московская, кіевская, владимірская, новгородская, царица казанская, царица астраханская, царица сибирская, государыня псковская и великая княгиня смоленская, княгиня эстляндская, лифляндская, корельская, тверская, югорская, пермская, вятская, болгарская и иныхъ; государыня и великая княгиня Новгорода низовскіе земли, черниговская, рязанская, ростовская, ярославская, бѣлозерская, удорская, обдорская, кондинская, и всеа сѣверныя страны повелительница и государыня иверскіе земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскіе земли черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ наслѣдная государыня и обладательница.

Объявляемъ чрезъ сіе понеже наши вѣрные подданные нашего города Нарвы бургомистры, ратманы и всѣ жители города Нарвы чрезъ присланнаго своего депутата рацгера Ѳранцискуса Людвига Ѳранка фонъ Ѳранкенберга [2]) всеподданнѣйше представили, коимъ образомъ всѣ государи, владѣтели и короли города Нарвы всѣ ихъ благополученные градскіе привилегіи, волности и правы, какъ они тѣ издревле и отъ правительства до правительства пріобрѣли и имѣли всемилостивѣйшею генералною грамотою конфирмовать и утвердить соизволили, но токмо отъ ихъ императорскихъ величествъ всепресвѣтлѣйшихъ нашихъ предковъ на тѣ ихъ привилегіи генеральной конфирмаціи имъ не пожаловано, всеподданнѣйше прося, дабы мы по вступленіи нашемъ въ самодержавное право съ высокосклонной нашей императорской милости означенные ихъ привилегіи и права высочайше конфирмовать генеральною привилегіею утвердить благоизволили.

И хотя оной городъ Нарва въ прошедшую войну въ 1704-мъ году оружіемъ взятъ и прежніе ихъ привилегіи и правы понынѣ отъ пресвѣтлѣйшихъ нашихъ предковъ остались неконфирмованными, однакожъ мы по императорской нашей самодержавной власти имѣю-

[1]) Козакевичъ, 21 и 22.

[2]) Орѳографія грамоты всюду сохранена.

щей оного города ко всѣмъ жителямъ съ высокосклонной милости въ разсужденіи, что оного города бургомистры и ратманы и всѣ жители какъ предкамъ нашимъ, такъ и намъ въ вѣрности всеподданнѣйшую присягу чинили и усердную вѣрность и добрые услуги оказывали; того ради безъ сумнѣнія имѣя надежду, что и впредь оного города бургомистры, ратманы и всѣ жители нашему императорскому величеству и нашимъ законнымъ наслѣдникомъ также и при всякихъ случаяхъ должность вѣрныхъ подданныхъ всегда оказывать и честно сохранять по силѣ своей присяги не оставятъ, на то ихъ всеподданнѣйшее прошеніе всемилостивѣйше поступить соизволили; дабы тѣмъ помянутаго города всѣ жители такимъ образомъ толь паче побуждены были присяжную свою подданную вѣрность къ намъ и нашей россійской имперіи усердными добрыми услугами и по требованію времени кровію и животомъ своимъ утвердить, и тако чрезъ сіе нашего города Нарвы бургомистромъ, ратманомъ и всѣмъ мѣщанамъ и ихъ наслѣдникамъ всѣ ихъ издревле и отъ правительства до правительства благополученные привилегіи, свободности, и справедливости, и резолюціи, какъ они вышеозначенное все до сего времени пріобрѣли и имѣли, выключая все то, что касается до таможенного пошлиннаго взятья по тарифу, которой въ равной силѣ въ Балтическомъ морѣ въ Санктъпитербурхѣ и Выборхѣ дѣйствуется и какія объ немъ премѣны и учрежденія къ лутшему умноженію комерціи и збору портовыхъ доходовъ воспослѣдствуютъ, за насъ и за нашихъ законныхъ наслѣдниковъ симъ и силою сего всемилостивѣйше подтверждаетъ и укрѣпляемъ и обнадеживаемъ ихъ, что они и ихъ наслѣдники, какъ прямо и справедливо есть, при всемъ томъ совершенно и непарушимо всемилостивѣйше всегда содержаны и сохранены будутъ, почему всѣ и каждый поступать и ихъ содержать имѣютъ, якоже мы всѣмъ нашимъ высокимъ и нижнимъ въ княжествѣ эстляндскомъ и во ономъ городѣ Нарвѣ команду имѣющимъ и тѣмъ, которые намъ послушаніемъ и присягою обязаны, чрезъ сіе именно повелѣваемъ, дабы они нашимъ вѣрнымъ подданнымъ города Нарвы бургомистромъ ратманомъ и всѣмъ мѣщанамъ противъ ихъ привилегій, правъ и принадлежностей никакого помѣшательства или предосужденія и вреду сами не чинили и чинить не допущали, но паче въ они, гдѣ случай востребовать можетъ, въ томъ ихъ обороняли и охраняли; во утвержденіе сего и къ вящему безопасенію и содержанію мы сіе собственною нашею рукою подписали и нашею императорскою печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Москвѣ 1731-го году, маія тритцать перваго дня, государствованія нашего втораго года.

АННА.

Контрасигнировалъ графъ Головкинъ» [1]).

[1]) Списокъ съ подлинной грамоты, хранящейся въ архивѣ б. нарвскаго магистрата.

Замѣчательно въ этой грамотѣ то, что императрица Анна Іоанновна, столь сочувствовавшая вообще нѣмцамъ, всетаки нашла нужнымъ допустить оговорку, что Нарва въ сущности взята оружіемъ, и что привилегіи города остались неконфирмованными; слѣдовательно, уже тогда признавалось, что онѣ не были обязательны для русскихъ государей, на основаніи одного лишь ништадтскаго мирнаго трактата. Въ грамотѣ ясно выражена мысль, что императрица подтверждаетъ привилегіи города Нарвы, независимо отъ какихъ-бы то ни было обязательствъ, лишь на основаніи своей самодержавной власти и «высокосклонной милости», въ надеждѣ, что бургомистры, ратманы и всѣ жители Нарвы будутъ поступать всегда по долгу вѣрноподданической присяги, и въ случаѣ надобности «кровію и животомъ» докажутъ свою преданность престолу и русскому отечеству...

Приведенной жалованной грамотой не ограничились милости императрицы Анны Іоанновны къ нѣмецкому населенію города Нарвы: 10 февраля 1733 года высочайше утвержденнымъ сенатскимъ указомъ повелѣно было отдать нѣмцамъ бывшую шведскую церковь, которая по взятіи Нарвы Петромъ Великимъ была переименована въ православный храмъ во имя Александра Невскаго, при чемъ въ ней былъ поставленъ походный алтарь, въ которомъ совершались лишь раннія обѣдни по просьбамъ частныхъ лицъ и торжественное богослуженіе въ день св. Александра Невскаго.

Ходатайства о возвратѣ этой церкви начались уже вслѣдъ за ея отобраніемъ. Представители нѣмецкаго населенія Нарвы всѣми мѣрами стремились получить обратно одну изъ лютеранскихъ церквей, куда и перенести богослуженіе, совершаемое въ биржѣ.

Послѣ коронаціи Петромъ Великимъ супруги его Екатерины I (26 мая 1724 г.) нарвскіе нѣмцы въ ближайшій день тезоименитства императрицы прислали сочиненные въ честь ея стихи, въ которыхъ, поздравляя государыню и выражая пожеланія ей всякихъ благъ, прибавляли: «Ахъ, еслибъ мы могли сказать ей это въ церкви!» Намекъ былъ очень ясенъ: у поздравителей не было своей церкви, и они желали ее имѣть. Такъ понимался смыслъ стихотворенія уже и въ то время [1]).

Помимо такой сантиментальной стихотворной формы, бургомистры и ратманы Нарвы принимали и другія болѣе фундаментальныя мѣры

[1]) Осмнадцатый вѣкъ Бартенева, кн. 3, стр. 17 и 18.

по волновавшему ихъ вопросу. Въ 1723, 24, 26 и 32 годахъ они били челомъ въ сенатѣ, чтобы «изъ обрѣтающихся въ томъ городѣ (Нарвѣ) двухъ каменныхъ церквей, которыя тамошними обывателями построены, съ кладбищами, съ колоколами, органами и съ прочими принадлежностями, одну церковь, въ которой мало когда служба бываетъ, имъ возвратить».

Правительствующій сенатъ, имѣя надобность въ заключеніи высшаго духовнаго учрежденія, послалъ, какъ тогда выражались въ нашихъ канцеляріяхъ, «вѣдѣніе» въ святѣйшій синодъ, откуда вскорѣ поступилъ отвѣтъ, очень благопріятный для просителей. Принявъ во вниманіе, что служба въ Александро-Невской церкви почти не совершалась, и въ ней находился лишь подвижной антиминсъ; что ништадтскимъ мирнымъ трактатомъ установлена свобода вѣры и богослуженія въ завоеванныхъ городахъ, и что поэтому не должно чинить препятствій въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ лютеранъ,—синодъ опредѣлилъ, что нѣмецкому населенію г. Нарвы слѣдуетъ выдать необходимую сумму денегъ изъ собираемыхъ въ этомъ городѣ «пошлинныхъ и другихъ доходовъ» на постройку новой лютеранской церкви, а если это невозможно, то возвратить бывшую шведскую церковь (переименованную въ православную Александро-Невскую) со всею принадлежащею ей землею, удаливъ предварительно изъ этой церкви подвижной полковой антиминсъ, иконостасъ и церковную утварь, каковые священные предметы и передать на храненіе преосвященному Варлааму, архіепископу псковскому и нарвскому. Кромѣ того св. синодъ полагалъ, что, въ случаѣ передачи нѣмцамъ г. Нарвы помянутой церкви, колокола, числомъ 9, слѣдовало снять и передать въ православный Спасо-Преображенскій соборъ, къ которому и пристроить колокольню. Соборъ въ то время колокольни не имѣлъ, а прихожане собирались въ немъ по благовѣсту съ вышки Александро-Невской церкви. Синодъ справедливо находилъ, что «безъ колокольни при той соборной церкви въ томъ новозавоеванномъ городѣ Нарвѣ быть отнюдь невозможно». Сенатъ присоединился къ мнѣнію св. синода о необходимости такъ или иначе устроить церковныя дѣла нарвскихъ лютеранъ и представилъ все дѣло на усмотрѣніе императрицы Анны Іоанновны, которая положила на докладѣ слѣдующую резолюцію: «Кирху отдать, и впрочемъ учинить по вышеозначенному синодскому разсужденію» [1]).

Кромѣ изложенныхъ общихъ милостей нѣмецкому населенію города Нарвы, Анна Іоанновна надѣлила особою льготою уроженку Нарвы дѣвицу Анну Крамеръ: именно, по всеподданнѣйшему ея ходатайству, исключительно ей предоставлено

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ IX, № 6323, февраля 12 (1733 г.). Высочайшая резолюція на докладъ сената объ отдачѣ нарвскимъ жителямъ евангелическаго исповѣданія находящейся въ городѣ Нарвѣ церкви, именуемой Александроневскою, съ предоставленіемъ имъ, на основаніи 10 пункта мирнаго трактата съ Швеціею, свободы богослуженія.

было право порубки лѣса по рѣкамъ Наровѣ и Плюсѣ и притокамъ, въ нихъ впадающимъ, съ тѣмъ, однако, чтобы лѣсъ этотъ былъ отправляемъ заграницу лишь въ распиленномъ видѣ. и чтобы въ годъ рубилось вообще не болѣе 27000 деревъ. Остальнымъ нарвскимъ купцамъ, производившимъ торговлю лѣсомъ (шведскимъ положеніемъ 1687 года ихъ было опредѣлено 29 человѣкъ), было дозволено рубить лѣсъ лишь по рѣкѣ Лугѣ съ ея притоками и также въ ограниченномъ числѣ (сосноваго не болѣе 72 тысячъ, а еловаго 50 тысячъ бревенъ въ годъ); но при этомъ имъ разрѣшалось собирать въ отведенныхъ мѣстахъ и валежный лѣсъ [1]). Всѣ эти мѣры, поучительныя и для нашего расточительнаго времени, были предприняты, разумѣется, съ цѣлью лѣсоохраненія и служили продолженіемъ указовъ по этому предмету Петра Великаго, столь любившаго лѣсъ, особенно мачтовый—основу его флота, и столь экономно расходовавшаго даже богатые дары природы.

Личность упомянутой Крамеръ, одной изъ прабабушекъ существующей по сіе время въ Нарвѣ фамиліи, очень интересна. Анна Ивановна Крамеръ, дочь нарвскаго купца, по взятіи въ 1704 году г. Нарвы, вмѣстѣ съ прочими плѣнными, въ числѣ которыхъ были и ея родители, была выслана сначала въ Вологду, а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ переселена въ Казань. Здѣсь она поступила въ услуженіе къ генералу Апраксину, а этотъ послѣдній послалъ ее къ генералу Балку въ Петербургъ. Отъ Балка она перешла къ извѣстной своими несчастіями гоффрейлинѣ Гамильтонъ (казненной, по повелѣнію Петра, за умерщвленіе младенца). Послѣ казни Гамильтонъ, Крамеръ была взята императрицею Екатериною, въ качествѣ первой камеръ-юнгферы. Въ этомъ званіи она пріобрѣла особенное довѣріе какъ своей державной хозяйки, такъ и ея супруга, такъ что въ 1716 году она сопровождала ихъ величества въ заграничномъ путешествіи въ Копенгагенъ и Голландію. Когда царевичъ Алексѣй Петровичъ скончался въ Петропавловской крѣпости, Петръ Великій и генералъ Вейде «съ боя» взяли Крамеръ съ собою въ равелинъ, гдѣ она и должна была одѣть тѣло непокорнаго сына преобразователя Россіи.

[1]) Козакевичъ, 28 и слѣд.

Впослѣдствіи Крамеръ была гоффрейлиной и гофмейстериной принцессы Наталіи и получила отъ императрицы въ подарокъ деревню Юала. По кончинѣ царевны Наталіи Крамеръ переѣхала на родину въ Нарву, гдѣ и скончалась 76 лѣтъ отъ роду, въ 1770 году [1]).

Мы привели лишь достовѣрные факты изъ жизни Анны Крамеръ; но относительно ея существовали различные вымыслы. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ памфлетахъ указывалось, будто Петръ по смерти Гамильтонъ, бывшей, якобы, его фавориткою, приблизилъ къ себѣ Крамеръ и для того, чтобы удобнѣе видѣться съ нею, сдѣлалъ ее камеръ-юнгферою императрицы [2]). Конечно, одинаково рискованно какъ утверждать, такъ и оспаривать дѣйствительность подобныхъ интимныхъ отношеній Петра и къ Гамильтонъ, и къ Крамеръ. Если близкія отношенія царя къ Аннѣ Монсъ до нѣкоторой степени подтверждаются историческими фактами, то сближеніе съ Гамильтонъ и особенно съ Анною Крамеръ не можетъ быть доказано сколько-нибудь убѣдительно.

Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ (въ 1780 году) одинъ изъ собирателей разсказовъ и анекдотовъ о русскомъ дворѣ и о выдающихся русскихъ личностяхъ (Гельбигъ) высказалъ печатно полное сомнѣніе въ возможности любовной связи Петра съ дѣвицею Крамеръ. Онъ говоритъ, что царь любилъ лишь бесѣдовать съ нею и пожаловалъ ее камеръ-юнгферою своей державной супруги единственно для того, чтобы облегчить случаи такихъ бесѣдъ. Расположеніе не только царя, но и Екатерины къ Крамеръ доказываетъ до нѣкоторой степени неосновательность всякихъ толковъ о камеръ-юнгферѣ императрицы. Значеніе же при дворѣ Крамеръ могла пріобрѣсти своими личными достоинствами и дарованіями. По словамъ того-же Гельбига, она была красива, умна и ловка; умѣла снискать

---

[1]) Штелинъ. Анекдоты Петра Великаго. Прибавленіе («Описаніе свидѣтелей сихъ анекдотовъ»), стр. 558 и слѣд. Штелинъ зналъ также и брата дѣвицы Крамеръ, богатаго лѣсопромышленника въ Нарвѣ. († 1766 г.).

[2]) Впрочемъ, и нѣкоторые русскіе изслѣдователи указываютъ на близкія отношенія Петра Великаго какъ къ Гамильтонъ, такъ и къ Крамеръ (напр., М. И. Семевскій).

довѣренность и держаться въ придворной сферѣ; при этомъ, впрочемъ, она была женщина «безчувствительная» [1]).

Необходимо замѣтить, что Гельбигъ, старающійся быть безпристрастнымъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ царя къ Аннѣ Крамеръ, въ то-же время грѣшитъ противъ исторической правды, утверждая, будто по умерщвленіи царевича Алексѣя Петровича въ Петропавловской крѣпости, Крамеръ, приготовляя тѣло къ погребенію, приставила къ нему отрубленную голову.

Возвращаемся къ императрицѣ Аннѣ. Извѣстно, что при восшествіи ея на престолъ члены верховнаго тайнаго совѣта, или «верховники», какъ ихъ называютъ, имѣли намѣреніе ограничить ея самодержавіе и составили въ этомъ смыслѣ грамоту, которая и была подписана императрицею. Членами совѣта въ то время были: канцлеръ Головкинъ, двое князей Голицыныхъ (Димитрій и Михаилъ Михайловичи), четверо князей Долгоруковыхъ (Василій Лукичъ, Василій и Михаилъ Владиміровичи и Алексѣй Григорьевичъ) и баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ [2]).

Преобладающее значеніе въ совѣтѣ имѣли князья Долгоруковы какъ по численности, такъ и по положенію, созданному особенно въ предыдущее царствованіе Петра II, бывшаго женихомъ дочери Алексѣя Долгорукова, княжны Екатерины, и состоявшаго въ самыхъ интимныхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ (братомъ невѣсты). Возвышеніе фамиліи князей Долгоруковыхъ многимъ, конечно, было непріятно. Большинству непріятно было и ограниченіе самодержавныхъ правъ императрицы путемъ предположеннаго «верховниками» совмѣстнаго управленія государствомъ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ [3]). Такое совмѣстное

[1]) М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в., фрейлина Гамильтонъ, стр. 261 (выноска). О томъ-же: Отечественныя записки 1860 г., сентябрь, и русская старина за 1886 годъ, апрѣль: «Русскіе избранники и случайные люди» Гельбига, стр. 83—84.

[2]) Который, однако, со свойственною ему осторожностью и хитростью отказался отъ подписанія пригласительнаго акта Аннѣ Іоанновнѣ о принятіи престола при ограничительныхъ условіяхъ, сославшись на подагру въ рукѣ, препятствовавшую, якобы, держать въ ней перо.

[3]) Пункты, предложенные Аннѣ Іоанновнѣ, были слѣдующіе: 1) чтобы она управляла государствомъ по опредѣленіямъ верховнаго совѣта; 2) чтобы сама собою не объявляла войны и не заключала мира; 3) чтобы не налагала новыхъ

управленіе, въ глазахъ многихъ, могло бы повлечь еще большее усиленіе фамиліи Долгоруковыхъ и создать столь опасную для государства борьбу партій. 15-го февраля 1730-го года императрица имѣла въѣздъ въ Москву. При ней неотлучно состоялъ князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, сопровождавшій ее отъ самой Митавы, гдѣ она проживала, какъ герцогиня курляндская.

Между тѣмъ образовалась сильная партія (князья Трубецкой, Черкасскій, Барятинскій, а кромѣ того и двое верховниковъ — Головкинъ и Остерманъ), поставившая себѣ цѣлью уничтожить «пункты» и возстановить самодержавіе на русскомъ престолѣ. 24-го февраля явилась во дворецъ депутація съ прошеніемъ, въ которомъ выражалось желаніе, чтобы государыня царствовала самодержавно. На прошеніи было до 200 подписей дворянъ и офицеровъ. «Пункты» были разорваны. При этомъ императрица, обращаясь къ князю Василію Лукичу Долгорукову, замѣтила:

— «Такъ ты обманулъ меня, Василій Лукичъ!» [1]).

Затѣмъ начинаются злоключенія славной дотолѣ фамиліи Долгоруковыхъ. Они были обвинены въ составленіи подложнаго отъ имени Петра II духовнаго завѣщанія, коимъ пытались по смерти царя возвести на престолъ свою родственницу, невѣсту царя Екатерину Долгорукову. Завѣщаніе было подписано любимцемъ Петра княземъ Иваномъ, который умѣлъ поддѣлываться подъ руку своего царственнаго патрона. Долгоруковы обвинялись еще въ томъ, что они удаляли юнаго царя отъ занятій науками, разстроили его здоровье неумѣреннымъ упражненіемъ въ охотѣ и были причиною его преждевременной кончины. Въ мрачную эпоху «слова и дѣла» они не могли произнести лишняго сужденія, чтобы объ этомъ тотчасъ не было донесено въ тайную канцелярію. Ихъ обвинили въ хулѣ на

податей и не раздавала бы важнѣйшихъ государственныхъ должностей; 4) чтобы не наказывала никого изъ дворянъ безъ явнаго уличенія въ преступленіи; 5) чтобы ни у кого не описывала имѣній въ казну; 6) чтобы не располагала и не жаловала государственными имѣніями; 7) чтобы не вступала въ супружество и не избирала себѣ преемника безъ согласія верховнаго совѣта.

[1]) Русская старина 1878 г., декабрь: «Князья Долгоруковы», стр. 741. Вейдемейеръ. Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до Елизаветы Петровны. СПБ. 1832, главы V и IX.

высокую особу самой государыни. Розыски надъ Долгорукovыми продолжались съ 1730-го по 1739 годъ. Уже въ серединѣ 1730-го года князь Алексѣй съ дѣтьми (въ томъ числѣ невѣстой Петра II, Екатериной) былъ сосланъ въ Березовъ, Василій Лукичъ—въ Соловки, князь Сергѣй—въ Оранienбургъ, князь Иванъ Григорьевичъ — въ Пустозерскъ, мать князя Алексѣя—въ Оранienбургъ [1]).

Наиболѣе выдающійся изъ рода Долгоруковыхъ, сподвижникъ Петра Великаго, фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ былъ обвиненъ въ томъ, что, зная коварныя намѣренія своихъ родственниковъ, не донесъ о томъ государынѣ, и, кромѣ того, какъ сказано о немъ въ манифестѣ, онъ оказался безсовѣстнымъ и «общаго добра ненавидящимъ» человѣкомъ, такъ какъ, «презря нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». Князь Василій Владиміровичъ, лишенный чиновъ и имѣнія, былъ сосланъ сначала въ Шлиссельбургъ, а затѣмъ, въ 1737 году,—въ Ивангородъ. «Князя Василія Долгорукова—говорилось въ указѣ сенату отъ 9 января помянутаго года—изъ Шлюссельбурга нынѣ перевесть въ Ивангородъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ противъ прежняго. Ежели тамо для его особыхъ покоевъ нѣтъ, то на время очистить покоя два или три, а будущею весною для его построить три свѣтлицы и одну кухню».

Подъ конвоемъ поручика лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Короваева, Василій Долгоруковъ былъ перевезенъ изъ Шлиссельбурга, минуя Петербургъ, прямо въ Ивангородъ. Прислуга и имущество князя слѣдовали за нимъ на 16 подводахъ. Въ Ивангородѣ былъ учрежденъ за узникомъ строгій надзоръ; ему дозволялось выходить только въ церковь. Еженедѣльно состоявшіе въ Ивангородѣ при князѣ Долгоруковѣ караульные офицеры представляли въ кабинетъ рапорты съ краткими свѣдѣніями о здоровьѣ бывшаго фельдмаршала и его прислуги и съ обозначеніемъ, сколько заболѣвало и выздоравливало солдатъ

1) Соловьевъ. Исторія, т. XIX, стр. 1216.

изъ караульной команды. Во всѣхъ этихъ рапортахъ, числомъ 251, хранящихся нынѣ въ государственномъ архивѣ, о князѣ и его трехъ служителяхъ повторяется неизмѣнно фраза: «обрѣтаются въ добромъ состояніи» [1]).

Долго томился въ четырехъ каменныхъ стѣнахъ ивангородской крѣпости представитель знатной и гордой фамиліи князей-Рюриковичей, мечтавшихъ посредствомъ брака возобновить кровныя связи съ царствующимъ родомъ. Унылую жизнь велъ Долгоруковъ въ этой каменной могилѣ, и не одинъ тяжкій вздохъ его слышала Нарова, бьющаяся у самаго подножья крѣпости и орошающая мелкими, какъ слезы, брызгами ея каменные выступы. Здѣсь въ 1739 году до узника дошла вѣсть о печальной участи его родичей: генеральное собраніе, разсматривавшее, по высочайшему указу, дѣло о преступленіяхъ князей Долгоруковыхъ, приговорило князя Ивана Алексѣевича (любимца Петра II, поддѣлавшаго подпись на завѣщаніи) колесовать и затѣмъ отсѣчь ему голову, князьямъ Василію Лукичу, Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ отсѣчь головы. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 8 ноября 1739 года на Красномъ полѣ въ Новгородѣ.

Тяжелое время переживала Россія подъ ярмомъ «бироновщины». Лучшіе сыны отечества слагали свои головы на плахѣ въ угоду всесильному временщику (вспомнимъ Артемія Волынскаго); Долгоруковы могли бы, если не избѣгнуть своей участи, то значительно смягчить ее, примкнувъ къ Бирону и его партіи; гордость не допустила ихъ до униженія, и ударъ разразился надъ ихъ головой... Императрица Анна Іоанновна, руководимая волею своего суроваго фаворита, заглушала голосъ сердца и закрывала глаза на потоки крови представителей благороднѣйшихъ русскихъ родовъ. Наканунѣ смерти, назначивъ преемникомъ всероссійскаго престола внука своего Іоанна Антоновича, Анна Іоанновна вмѣстѣ съ тѣмъ подписала актъ о регентствѣ, въ которомъ выражала волю, чтобы до совершеннолѣтія императора государствомъ управлялъ герцогъ курляндскій Бирон; отецъ и мать малолѣтняго императора этимъ

---

[1]) Древняя и новая Россія, ежемѣс. истор. журналъ. 1879 г. Октябрь. Статья: «Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ», выноски на стр. 46 и 47.

актомъ были совершенно отстранены отъ дѣлъ правленія. Конецъ печальнаго бироновскаго правленія извѣстенъ: временщикъ былъ свергнутъ; солдаты гвардіи, подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха арестовали Бирона въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Правительницею была провозглашена мать императора Анна Леопольдовна, а бывшаго регента отправили въ Шлиссельбургъ.

Одновременно съ арестомъ Эрнеста-Іоанна Бирона были схвачены братъ его, подполковникъ измайловскаго полка Густавъ Бирон и кабинетъ-министръ Бестужевъ, написавшій распоряженіе о регентствѣ Бирона и вообще обвиненный въ приверженности къ бывшему правителю. Оба были отправлены въ ивангородскую крѣпость [1]). Тогда-же подверглись аресту изъ не бывшихъ въ Петербургѣ: другой братъ Бирона, Карлъ—въ Москвѣ и генералъ Бисмаркъ, своякъ регента, рижскій вице-губернаторъ—въ Нарвѣ, гдѣ онъ имѣлъ въ то время кратковременную остановку на пути своемъ въ Петербургъ.

Лишь во время правленія Анны Леопольдовны было перенесено изъ стараго Лѣтняго дворца въ Петропавловскій соборъ тѣло императрицы Анны Іоанновны, скончавшейся, какъ извѣстно, 17 октября 1740 года; слѣдовательно въ ночь арестованія регента Бирона, жившаго въ Лѣтнемъ дворцѣ, тѣло императрицы находилось еще въ томъ-же зданіи.

Въ печальной процессіи 23 декабря принимали участіе, какъ и при Петрѣ Великомъ, депутаціи отъ прибалтійскихъ городовъ, въ томъ числѣ и отъ Нарвы, выславшей представителей въ лицѣ бургомистра Кромпейна и купцовъ Гертвига, Кнопа и Родде. Тѣло Анны Іоанновны стояло въ соборѣ до 15 января 1741 года и лишь въ этотъ день предано землѣ [2]).

Въ ночь съ 24-го на 25-ое ноября 1741 г. произошелъ новый дворцовый переворотъ: цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго, жившая до того въ отдаленіи отъ двора, провозгласила себя императрицею.

---

1) Манштейновы современныя записки о Россіи, ч. 2. Дерптъ, 1810, стр. 96—97.

2) Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 г. по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, кн. 1 Москва, 1880 г., стр. 467 и слѣд.

Правительница съ мужемъ и малолѣтнимъ императоромъ Іоанномъ Антоновичемъ первоначально были высланы въ Ригу, въ сопровожденіи генералъ-лейтенанта Василія Ѳедоровича Салтыкова и команды въ 100 солдатъ, которая потомъ была увеличена до трехсотъ. Въ это время ожидался пріѣздъ въ Россію племянника Елизаветы, герцога голштинскаго; поэтому Салтыкову было дано предписаніе затянуть, по возможности, путешествіе на мѣсяцъ или недѣль на пять, пока не пріѣдетъ въ Петербургъ герцогъ голштинскій [1]). Съ этою цѣлью отмѣнялось первоначальное запрещеніе останавливаться въ промежуточныхъ городахъ, а, напротивъ, предписывалось дѣлать въ нихъ остановки дня по два и болѣе; въ Нарвѣ приказано было оставаться около 10 дней [2]). Такимъ образомъ несчастный Іоаннъ Антоновичъ, въ многочисленныхъ своихъ переѣздахъ изъ города въ городъ, побывалъ и въ Нарвѣ [3]).

Елизавета Петровна ознаменовала разными милостями первые годы своего царствованія. При ней были возвращены изъ ссылки опальные люди временъ Анны Іоанновны и регентства, а въ числѣ ихъ — Василій Долгоруковъ, Бестужевъ и Густавъ Бирона. При Елизаветѣ же былъ возвращенъ изъ Сибири и бывшій при Петрѣ Великомъ первымъ петербургскимъ генералъ-полиціймейстеромъ Девьеръ (высланный при Екатеринѣ I, по настоянію Меньшикова, имѣвшаго съ нимъ личные счеты). Девьеръ получилъ прежніе чины, ордена, графское достоинство и, кромѣ того, ему было пожаловано 1800 душъ изъ отписныхъ имѣній Меньшикова. Въ Нарвѣ, по указу императрицы отъ 24 декабря 1743 года, Девьеръ получилъ въ даръ имѣніе Юала, принадлежавшее прежде дѣвицѣ Крамеръ (Впослѣдствіи наслѣдники Девьера продали это имѣніе нарвскому бургомистру Петру Гётте) [4]).

Самъ Эрнестъ-Іоаннъ Бирона, «регентъ и герцогъ», какъ онъ подписывался во время своего могущества, изъ Пелыми, тобольской губерніи,—куда былъ высланъ, взамѣнъ смертной

[1]) Шетарди, 447.

[2]) Путешествіе въ Ригу продолжалось почти мѣсяцъ: съ 12 декабря 1741 года по 9 января 1742 года.

[3]) Внутр. бытъ рус. государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г., стр. 553 и слѣд. и др. соч.

[4]) Hansen, стр. 296 и выноска.

казни, при Аннѣ Леопольдовнѣ,—былъ переведенъ въ Ярославль. Отсюда онъ умолялъ императрицу о разрѣшеніи ему переѣзда въ Нарву [1]). Эта просьба, однако, не была исполнена. Лишь при Екатеринѣ II Бирономъ, вызванный еще Петромъ III въ Петербургъ, получилъ полное прощеніе и снова назначенъ герцогомъ курляндскимъ, въ каковомъ званіи и оставался съ 1762 по 1769 годъ.

Елизавета Петровна, подобно предшественницѣ своей Аннѣ Іоанновнѣ, пожаловала Нарвѣ грамоту, подтверждавшую прежнія городскія привилегіи.

Жалованная грамота въ большой листъ вложена въ переплетъ малиноваго бархата, оклеенный внутри тисненой бумагой; самые листы грамоты — орнаментированные; къ переплету подвѣшена государственная печать въ футлярѣ [2]).

Подлинный текстъ грамоты слѣдующій (послѣ обычнаго титула «Божіею поспѣшествующею милостію мы, Елисаветъ Первая и т. д.):

«Объявляемъ симъ, понеже городъ Нарва, по Божію изволенію, во время бывшей между россійской имперіи и шведской короны войны нашего императорскаго величества дражайшему государю родителю блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему Петру Великому, императору и самодержцу всероссійскому, чрезъ справедливое и побѣдоносное его императорскаго величества оружіе взятъ, его императорскаго величества подъ власть пришелъ и по заключенному между россійскимъ имперіемъ (sic) и шведскою-жъ короною въ Ништатѣ въ 721-мъ году, августа 30-го дня, мирному трактату въ нашей имперіи въ вѣчномъ владѣніи остался и въ самодержавнѣйшее наше на родительскій нашъ императорскій наслѣдный престолъ вступленіе онаго города бургомистры, ратманы и всѣ жители намъ, яко своей самодержавнѣйшей и истинной наслѣдной и природной государынѣ императрицѣ и нашимъ законнымъ императорскимъ высокимъ наслѣдникомъ всеподданнѣйше въ вѣрности торжественную присягу учинили, и потомъ онаго-жъ нашего города вѣрные подданные бургомистры Гергардъ Гиндрихъ Арпсъ, Іоганъ Андреасъ Кромпенъ и ратманы Өранкъ Іоганъ Мартинъ Гертвихъ, Себастіанъ Виббельманъ, Дидрихъ Шоевъ, Іоганъ Сигөридъ Гоөманъ, Гансъ Отто Суттовъ, Карлъ Өридрихъ Шреэръ и Карлъ Терпе всеподданнѣйше намъ представили, коимъ образомъ блаженныя памяти отъ любезнѣйшей нашей сестры государыни императрицы Анны Іоанновны всѣ ихъ издревле отъ правительства до правительства благополученныя привилегіи, свободности, справедливости и резолюціи, какъ оное все до сего времени пріобрѣли и имѣли, выключая пошлиннаго взятья по тарифу, генеральною конфирмаціею утвердить соизволили всенижайше прося: дабы и мы, наше

[1]) См. письмо его у Соловьева, т. XXI, стр. 306.

[2]) Грамота хранится въ б. магистратскомъ архивѣ.

императорское величество, по благополучномъ на наслѣдный нашъ всероссійскій родительскій престолъ возшествіи, равномѣрнымъ образомъ ихъ, нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, наградить благоизволили; и того ради мы, наше императорское величество, въ особливой высочайшей нашей императорской склонной милости, и въ разсужденіи ихъ прежнимъ начальствамъ, а особливо нашего императорскаго величества высокопомянутому блаженныя и вѣчно достойныя памяти дражайшему государю родителю и любезнѣйшей государынѣ матери нашей Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ея императорскому величеству самодержицѣ всероссійской, такожъ нашему племяннику, императору Петру Второму и на послѣдній сестрѣ нашей императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оказанной усердной вѣрности и добрыхъ услугъ и имѣя безсумнѣнную надежду, что они наши вѣрно подданные и намъ, нашему императорскому величеству, и нашимъ законнымъ императорскимъ высокимъ наслѣдникамъ также при всякихъ случаяхъ должность вѣрныхъ подданныхъ, какъ по помянутой своей присягѣ вѣрно обѣщали всегда оказывать и честно сохранять не оставятъ, въ томъ имъ отрещи не восхотѣли, дабы тѣмъ помянутаго города всѣ жители сами и ихъ потомки такимъ образомъ толь паче побуждены были присяжную свою подданническую вѣрность къ намъ и къ нашей имперіи усердными добрыми услугами и по требованію времени кровію и животомъ своимъ утвердить, и тако мы симъ и силою сего всѣ ихъ издревле и отъ государей до государей благополученныя и нашего императорскаго величества къ дражайшему государю родителю пришесенныя привилегіи, свободности, и справедливости, и резолюціи, какъ то всѣ отъ высокопомянутой нашей любезнѣйшей сестры блаженныя памяти императрицы Анны Іоанновны въ 1731-мъ году, маія 31 дня, конфирмованы выключая все то, что касается до таможенного пошлиннаго взятія по тарифу, которой въ равной силѣ въ Балтическомъ морѣ въ С.-Петербургѣ и Выборгѣ дѣйствуется. и какъ объ немъ перемѣны и учрежденіи къ лутчему умноженію комерціи и сбору портовыхъ доходовъ воспослѣдуютъ — подтверждаемъ и укрѣпляемъ и всемилостивѣйше обнадеживаемъ, что они и ихъ наслѣдники при томъ всемъ непремѣнно содержаны и защищены будутъ; яко-же мы ради того всѣмъ нашимъ высокимъ и нижнимъ тамо команду имѣющимъ и впредь опредѣляемымъ и всѣмъ онымъ, которые намъ подданнѣйшее должностью и вѣрностью обязаны, чрезъ сіе именно повелѣваемъ, дабы они противъ того никакого препятствія или вреда не приключали и приключать не допущали, но оныхъ напаче въ потребныхъ случаяхъ притомъ защищали и содержали, въ вящее же увѣреніе и твердое содержаніе мы сіе собственною рукою подписать соизволили и нашею императорскою печатью укрѣпить повелѣли. Дано въ Москвѣ, октября двадесять седьмого дня, тысяща седьмсотъ четыредесять втораго, государствованія нашего перваго года.

№ 9. Елисаветъ.

Контрасигнировалъ князь Александръ Черкаской».

Императрица Елизавета Петровна во время своего долголѣтняго царствованія нѣсколько разъ проѣзжала черезъ Нарву и въ ней останавливалась [1]). Городъ устраивалъ при этомъ торжественныя встрѣчи, факельцуги, строилъ тріумфальныя арки, зажигалъ иллюминацію, привѣтствовалъ августѣйшую путешественницу орудійными салютами.

Между прочимъ, Елизавета посѣтила Нарву въ іюлѣ 1746 г. Едва было получено извѣстіе, что императрица проѣздомъ въ Ревель остановится въ Нарвѣ, магистратъ сдѣлалъ распоряженія о подобающей встрѣчѣ. Въ 4-хъ верстахъ отъ города на петербургской дорогѣ августѣйшая путешественница была встрѣчена представителями магистрата, войска и населенія. При громкихъ привѣтственныхъ кликахъ, музыкѣ, колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ императрица прослѣдовала до тріумфальныхъ воротъ, гдѣ была встрѣчена комендантомъ Нарвы баропомъ фонъ-Штейномъ. Мостъ черезъ рѣку она прослѣдовала пѣшкомъ и у водяныхъ воротъ была привѣтствована православнымъ духовенствомъ, а затѣмъ сѣла опять въ экипажъ и черезъ поставленныя шпалерами войска прослѣдовала въ замокъ, гдѣ принимала депутаціи отъ городского управленія, офицеровъ и духовенства. Вечеромъ послѣ обѣда государыня, сопровождаемая всадниками съ зажженными факелами, объѣхала городъ, который былъ иллюминованъ, и осмотрѣла рынокъ, гдѣ была устроена тріумфальная арка съ большой освѣщенной множествомъ огней пирамидой; тамъ собрался весь магистратъ, а мальчики и дѣвочки, одѣтыя въ бѣлыя платья съ голубыми бантами, пѣли привѣтственныя кантаты. Послѣ этого государыня проѣхала въ лагерь. На другой день она посѣтила православную церковь, произвела смотръ бюргерамъ, проходившимъ мимо нея церемоніальнымъ маршемъ и въ 5 часовъ вечера при пушечныхъ салютахъ продолжала путь въ Ревель.

Затѣмъ, въ ночь съ 27 на 28 іюля императрица снова прослѣдовала черезъ Нарву, на обратномъ пути изъ Ревеля въ Петербургъ.. Она проѣхала медленнымъ шагомъ по ярко освѣщеннымъ иллюминаціею улицамъ до замка, откуда, сопровождаемая гренадерами съ зажженными факелами, переѣхала мостъ и въ 2 верстахъ отъ города остановилась на ночлегъ въ палаткахъ, а затѣмъ утромъ продолжала путь въ Петербургъ.

Во дворцѣ Петра Великаго по сіе время хранятся мундиры и

[1]) Кромѣ самой императрицы, Нарву посѣщали, какъ и въ былое время, разные выдающіеся люди и сановники русскіе и иностранные. Въ 1757 году черезъ Нарву проѣхало французское посольство, членъ котораго Мессельеръ оставилъ записки. Въ нихъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Отъ Нарвы до Петербурга ночлеги наши опредѣлялись почтовыми домами, которые имѣетъ императрица по этой дорогѣ, на разстояніи 8 миль одинъ отъ другого. Всякій изъ этихъ домовъ имѣетъ смотрителемъ инвалида - поручика, взятаго изъ лейбъ-кампаніи ея величества, что даетъ ему ежегодно около 1000 французскихъ ливровъ».

другія принадлежности нарвской «гражданской кавалеріи», учрежденной въ 1732 году при императрицѣ Аннѣ, въ которыхъ граждане большой гильдіи встрѣчали императрицу Елизавету во время ея проѣздовъ черезъ Нарву.

Относясь милостиво къ нарвскимъ жителямъ нѣмцамъ, дочь Петра Великаго, естественно, не могла быть совершенно безучастной и къ православнымъ обывателямъ, частію кореннымъ, жившимъ здѣсь и въ Ивангородѣ уже со временъ шведскаго владычества, частію пришлымъ, переселившимся сюда изъ глубины Россіи, по завоеваніи Нарвы Петромъ.

Въ самой Нарвѣ, какъ мы видѣли, православные жители имѣли свою церковь, освященную при Петрѣ (Спасо-Преображенскій соборъ). Что касается Ивангорода, то духовное призрѣніе жившихъ въ немъ русскихъ людей было въ печальномъ положеніи. При Иванѣ III здѣсь была построена упомянутая выше маленькая церковь, скорѣе даже часовня (во имя св. Николая Чудотворца). Затѣмъ, когда Ивангородъ былъ отторгнутъ шведами, запустѣло и мѣсто молитвы православныхъ. Правда, имѣются свидѣтельства о существованіи при шведахъ православныхъ священниковъ въ Ивангородѣ, но дѣятельность ихъ ограничивалась, вѣроятно, одними требоисполненіями [1]). Близъ лежавшій по псковской дорогѣ, на горѣ, называемой Камковкою (гдѣ стоитъ нынѣ домъ, бывшій г-на Зонна), «иванскій» православный монастырь также прекратилъ свое существованіе. Зато въ Ивангородѣ возникла лютеранская кирка, колокола которой со шведскими надписями и понынѣ находятся на колокольнѣ Успенской церкви. Шведскіе короли и послушное имъ лютеранское духовенство ревностно вели дѣло пропаганды среди православныхъ.

Православнымъ жителямъ назначались особыя награды за изученіе лютеранскаго катехизиса, щедро награждались и пасторы, сообразно числу обращенныхъ ими.

Королева Христина предоставила суперъ-интендентамъ право посвящать православныхъ священниковъ, не имѣвшихъ въ Швеціи

---

1) Сохранилась патріаршая грамота новгородскому митрополиту Корнилію отъ 30 августа 1689 года, свидѣтельствующая о принимаемыхъ высшимъ православнымъ духовенствомъ мѣрахъ къ упроченію православія въ русскихъ городахъ, отторгнутыхъ Швеціи, а также Польшею. Въ ней, между прочимъ, говорилось: «И ты бы, сыну, въ тѣ вышеписанные зарубежные города (т. е. Ивангородъ, Копорье и др.) послалъ отъ себя епархіи своей отъ освященнаго чину благочиннаго и доброжелательнаго и искусна мужа и тамошняго корельска языка знающа тайно, чтобы отъ тамошнихъ иноземскихъ людей про него было не явно; какъ ему будучи въ тамошнихъ предѣлахъ, осмотрити церковнаго благочинія и живущихъ въ христіанской вѣрѣ людей учити любовно, а не властію и досажденія имъ не учинить и отъ православной христіанской вѣры не отженуть» (Акты историческіе).

своего епископа. По письму этой же королевы отъ 6 октября 1645 года ивангородскому пастору Эрику Іоанну Альбогіусу (1643—1673 г.) за рвеніе въ дѣлѣ пропаганды лютеранства было дано право владѣть и пользоваться пожизненно, безъ уплаты какихъ бы то ни было налоговъ, нѣсколькими десятинами земли для пашни. Суперъ-интендентъ Нарвы Гецеліусъ освобождалъ принявшихъ лютеранство православныхъ отъ поголовной подати. При немъ же православные, не говорившіе по-русски, причислялись къ лютеранамъ. Уже въ самомъ концѣ XVII столѣтія суперъ-интендентъ Николай Бергіусъ устраивалъ диспуты по богословскимъ вопросамъ въ цѣляхъ уловленія въ лютеранство православныхъ, колеблющихся въ вѣрѣ. Въ 1701 году былъ отпечатанъ (кажется, въ Нарвѣ) катехизисъ на шведскомъ и русскомъ языкахъ. При такихъ-то условіяхъ, рядомъ съ всевозможными стѣсненіями, до 3 тысячъ православныхъ измѣнило вѣрѣ отцовъ и приняло лютеранство [1]). Необходимо замѣтить здѣсь, что нѣкоторая доля отступниковъ отъ православія въ лютеранство и вынужденныхъ эмигрантовъ изъ Россіи приходится на время царствованія Ивана Грознаго, когда тѣснимый опричниной, казнями и военными бѣдствіями, порубежный народъ, пользуясь близостью чужеземныхъ предѣловъ, переходилъ границу и вступалъ въ подданство страны, въ которой вообще жилось легче. Около Нарвы, по старой почтовой дорогѣ въ Ревель, между бывшими станціями Варгель и Гогенкрейцъ, у самого почти залива, сохранился старинный памятникъ, въ видѣ каменнаго четырехконечнаго креста. На крестѣ выбита надпись на двухъ языкахъ — славянскомъ и нѣмецкомъ. Нѣмецкая надпись разобрана вполнѣ. Она именно гласитъ: «Anno 90 den 4 Februar ist der Russe in das schwedische Lager gevalen (gefallen) und hat den edlen und man(n)haften Wasili Rasla(din) erschlagen».

Славянская надпись сильно вывѣтрилась, и изъ нея разобрано лишь начало: «ІС—ХС НІКА (обычное начало надписей на крестахъ) индикта 7098 (1590 года), мѣсяца февруаріа, на память св. Ипидора Пилусіотскаго».... Упоминаемый въ этой надписи Разладинъ, вѣроятно, и былъ одинъ изъ русскихъ эмигрантовъ, вступившихъ въ шведскую службу, причемъ онъ, можетъ быть, и сохранилъ вѣру отцовъ, но во всякомъ случаѣ измѣнилъ родинѣ и дрался въ рядахъ шведовъ противъ русскихъ своихъ собратьевъ [2]).

[1]) Ругодивцевъ (Скроботовъ). Городъ Нарва. Краткій очеркъ СПБ, 1873. стр. 12 и слѣд.

[2]) Древняя и Новая Россія, за 1877 годъ, т. III, стр. 281; у Ганзена послѣ стр. 54 приложено изображеніе креста; славянскаго текста Ганзенъ не могъ разобрать совершенно. Онъ говоритъ, что, по народному преданію, крестъ поставленъ на мѣстѣ поединка двухъ братьевъ, окончившагося смертью одного изъ нихъ. Въ преданіи этомъ нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго: одинъ братъ Разладинъ остался въ русскомъ войскѣ, другой перебѣжалъ въ Швецію; здѣсь они встрѣтились, и измѣнникъ палъ отъ руки своего брата, оставшагося вѣрнымъ родинѣ. Сюжетъ преданія вообще напоминаетъ нѣсколько приведенную выше легенду о рыцарѣ Беренгауптѣ и его сынѣ. Разладинъ, очевидно, до

По завоеваніи Нарвы, лютеранская пропаганда среди православныхъ ея жителей, разумѣется, прекратилась; пресѣклась она и въ Ивангородѣ. Здѣсь была возстановлена упомянутая выше древняя церковь во имя св. Николая Чудотворца. Эта церковь упоминается, между прочимъ, въ вѣдомостяхъ нарвскаго Преображенскаго собора за 1755 годъ, гдѣ читаемъ: «Кромѣ ивангородской Успенской и зимней Покровской церкви была еще церковь, *издавна запустѣлая*, во имя Святителя и Чудотворца Николая, и въ ней полковые и разныхъ командъ священники имѣли тогда и до сего служеніе» [1]). Слѣдуетъ думать, что православное богослуженіе совершалось въ этой церкви разными военными священниками уже при Петрѣ Великомъ.

Относительно упоминаемой въ тѣхъ же клировыхъ вѣдомостяхъ Преображенскаго собора Покровской церкви имѣется указаніе, что до 1755 года она также была запустѣлою. Когда она запустѣла, точныхъ свѣдѣній нѣтъ, но можно предположить, что при Петрѣ Великомъ въ ней совершалось постоянное богослуженіе. По крайней мѣрѣ исторія сохранила намъ имя одного изъ ивангородскихъ священнослужителей этой отдаленной эпохи: въ 1713-мъ году священникомъ въ Ивангородѣ былъ Григорій Анисимовъ [2]); по времени онъ подходилъ близко къ завоеванію Нарвы и Ивангорода; быть можетъ даже, что онъ былъ первымъ служителемъ алтаря во вновь присоединенной крѣпости. Мы видѣли уже, что высланному въ Ивангородъ при Аннѣ Іоанновнѣ фельдмаршалу князю Василію Владиміровичу Долгорукову не дозволялось никуда отлучаться, кромѣ церкви: значитъ православная церковь въ Ивангородѣ существовала и при Аннѣ Іоанновнѣ. Затѣмъ, можетъ быть, при ней же, когда особенно усилилась нѣмецкая партія и воспрянуло лютеранство, церковь эта пришла въ упадокъ.

Итакъ ко времени Елизаветы Петровны въ Ивангородѣ были двѣ запустѣлыя православныя церкви, обѣ притомъ маленькія: одна въ родѣ часовни, другая, почти вросшая въ землю.

Елизавета Петровна сознавала необходимость поднять дѣло православія въ недавно завоеванномъ краѣ. Въ частности, въ отношеніи къ православнымъ жителямъ Ивангорода и окружныхъ мѣстъ забота императрицы выразилась въ построеніи новаго храма во имя Успенія пресв. Богородицы и въ возстановленіи запустѣлой Покровской церкви. Успенская церковь

1590-го года уже служилъ въ шведскихъ рядахъ, покинувъ родину въ царствованіе Ивана Грознаго: онъ успѣлъ уже въ Швеціи выслужиться и пріобрѣсти почетъ. Кромѣ Разладина, извѣстно еще нѣсколько фамилій, получившихъ лифляндское дворянство, родоначальники которыхъ были русскими перебѣжчиками, таковы: Барановы, Бѣльскіе, Насакины и др.

[1]) Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи, выпускъ X, стр. 298—299.

[2]) Ругодивцевъ. Гор. Нарва, кр. очеркъ, стр. 12.

построена и освящена въ 1744 году, какъ видно изъ надписи на старинномъ ея холщевомъ антиминсѣ: «Повелѣніемъ благочестивѣйшей великой государыни нашей императрицы Елизаветы Петровны всея Россіи, благословеніемъ святѣйшаго правительствующаго синода, священнодѣйствіемъ же преосвященнѣйшаго Стефана, епископа псковскаго и нарвскаго, въ богоспасаемомъ градѣ Псковѣ, лѣта 1744, мая въ 29 день. Смиренный Симеонъ, епископъ псковскій и нарвскій».

Что касается церкви во имя Покрова Пресв. Богородицы, то въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія было дано разрѣшеніе на возстановленіе ея съ тѣмъ, чтобы она была сдѣлана теплою (зимнею); антиминсъ-же для этой церкви полученъ въ 1757 году.

Изъ предметовъ древности, хранимыхъ въ ивангородскихъ церквахъ, замѣчательны:

1) Чудотворная икона тихвинской Божіей Матери Одигитріи. Это та самая икона, которая въ 1558-мъ году чудеснымъ образомъ уцѣлѣла во время пожара, при взятіи русскими Нарвы, вмѣстѣ съ образомъ св. Николая Чудотворца, находящимся нынѣ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

Въ историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о с.-петербургской епархіи приведена надпись, находящаяся на упомянутой иконѣ: «1192 года, мая 13 дня, написанъ сей кивотъ къ образу Одигитріи Богородицы тихвинскія, повелѣніемъ ивангородца ругодивскаго жителя Герасима Кондратева сына Нечаева, православнымъ христіаномъ на поклоненіе, а родителямъ своимъ на поминовеніе и церкве. А писалъ многогрѣшный изографъ Гри Ваенъ Шандинъ. Вѣсу $10^1/_2$ лотъ» [1]).

На основаніи приведенной даты, мѣстное приходское духовенство въ 1892 году праздновало семисотлѣтіе иконы Божіей Матери, о чемъ православное населеніе города было оповѣщено особыми печатными объявленіями [2]).

Самыя несложныя соображенія приводятъ насъ къ полному убѣжденію въ ошибочности хронологическаго указанія на время написанія кіота: Ругодивъ (Нарва) основанъ въ первой половинѣ XIII столѣтія, Ивангородъ построенъ въ 1492-мъ году; откуда же въ 1192 году могъ появиться «ивангородецъ ругодивскій житель», когда самыхъ городовъ, именами которыхъ онъ называется, въ то время еще не существовало? Притомъ надпись, какъ видно изъ буквальнаго ея смысла, относится не къ иконѣ, а къ кіоту ея. Авторъ настоящей исторіи, благодаря любезному содѣйствію настоятеля церкви Успенія о. Павлина Волкова, разсматривалъ эту надпись. Она выгравирована на особой, вдѣланной въ кіотъ, мѣдной дощечкѣ.

1) Историко-статистическія свѣдѣнія о СПБ. епархіи, вып. X, стр. 301.

2) Одинъ экземпляръ объявленія хранится у автора.

Въ епархіальномъ сборникѣ допущена лишь одна ошибка, а именно—вмѣсто «Ваенъ» слѣдуетъ читать «Ва. снъ», т. е. «Василія сынъ», и тогда получается полное обозначеніе изографа Григорій Васильевичъ Шандинъ. Кіотъ могъ быть написанъ никакъ не ранѣе 1492 года (время основанія Ивангорода), но самая надпись во всякомъ случаѣ относится ко времени послѣ-петровскому, ибо цыфры на ней арабскія, а не славянскія.

Къ сожалѣнію, точной даты написанія иконы и кіота установить пока не удалось: Шандинъ не значится даже въ спеціальныхъ трудахъ по иконографіи Ровинскаго, Филимонова и др. Справки, наведенныя въ различныхъ указателяхъ императорской публичной библіотеки, по указанію В. В. Стасова и при непосредственномъ участіи завѣдывающаго русскимъ отдѣленіемъ В. П. Ламбина, также не увѣнчались успѣхомъ. Надо думать, Шандинъ былъ иконографъ не изъ крупныхъ.

Можно привести лишь догадку, не передѣлалъ ли граверъ дату 7192 (отъ сотворенія міра) въ 1192. Если это такъ, то время изготовленія кіота обозначается точно, а именно 7192—5508=1684 г. Самая же икона, чудесно спасенная при взятіи Нарвы Иваномъ Грознымъ, относится во всякомъ случаѣ ко времени до 1558 года.

2) Изъ числа другихъ иконъ заслуживаетъ упоминанія, какъ наиболѣе древняя, икона св. Троицы въ кіотѣ изъ двухъ створовъ, 1629 года.

3) Старинный серебряный позолоченный крестъ 1672 года съ частицами мощей св. мученика Антигона и еще осьмиконечный серебряный же крестъ съ надписью: «Сей крестъ построенъ въ ивангородскій посадъ (7)180», т. е. въ 1672 году.

4) Серебряная лампада съ надписью: «Въ честь храма Успенія пресв. Богородицы, по завѣту раба Божія Конона Антиньева, отъ жены его Анны Силиной 1780 года».

5) Два вырѣзанныхъ на кости изображенія Воскресенія Христова и Успенія Божіей Матери.

6) Древнее въ ½-листа евангеліе съ надписью: «Сіе евангеліе ветхое въ окладѣ мѣдномъ Распятія Христова, что при Нарвѣ, города Ивань, церкви Успенія пресв. Богородицы. Находится изъ давнѣйшихъ вѣковъ, печати старинной».

7) Надгробная плита со слѣдующею надписью: «При сей церкви Успенія пр. Богородицы, въ Иванѣ городѣ, противъ сего написаннаго, положено тѣло супруги г. полковника и коменданта нарвской провинціи, отъ гвардіи капитана Михаила Андреевича Сухотина, госпожи полковницы и комендантши Ульяны Ѳедоровны. Преставленіе ея въ Нарвѣ было сего ноября 17 дня, по полудни въ 2 часа; отъ рожденія ея было 53 лѣта и 4 мѣсяца, а отъ супружества 25 лѣтъ. 1720 года»[1]).

Приведенная надпись даетъ поводъ предполагать, что церковь во имя Успенія пресв. Богородицы существовала въ Ивангородѣ ранѣе Елизаветы Петровны, еще при Петрѣ Великомъ; быть можетъ,

1) Съѣд. о СПБ. ст., X, 301—302.

начало положено ей даже при Иванѣ Грозномъ одновременно съ церковью, построенною Грознымъ въ Нарвѣ. Какъ мы уже видѣли выше, построеніе Ивангорода начато было въ день св. Троицы 1492 года, а окончено въ день Успенія (15 августа); въ память завершенія этого дѣла дѣдомъ своимъ Иваномъ III, Иванъ Грозный и могъ воздвигнуть храмъ во имя Успенія Божіей Матери, рядомъ съ существовавшею уже съ 1492 года церковью во имя Николая Чудотворца. На приводимомъ нами снимкѣ съ гравюры Меріана можно усмотрѣть высокую колокольню, выступающую изъ-за стѣнъ: въ то время это была, очевидно, лютеранская церковь; но она, вѣроятно, была обращена въ таковую изъ ранѣе бывшаго здѣсь православнаго храма, который затѣмъ и былъ возстановленъ при Петрѣ. Во всякомъ случаѣ надгробная надпись 1720 года даетъ полное основаніе къ утвержденію, что Успенская церковь въ Ивангородѣ въ 1744 году возникла не впервые, а построена, очевидно, на мѣстѣ старой, претерпѣвшей столько невзгодъ въ бѣдственныя эпохи русской исторіи.

8) На колокольнѣ ивангородской церкви находится шесть колоколовъ. На двухъ изъ нихъ имѣются шведскія и латинскія надписи. Шведскія надписи представляютъ отрывки изъ священнаго писанія (Hosea, 14, v. 2 и Psalm 95, v. 1 et 2, а латинскія содержатъ указанія на происхожденіе колоколовъ. Въ виду археологическаго значенія мы ихъ приведемъ.

На одномъ колоколѣ значится:

GLORIA SOLI DEO MARIA SOPHIA DE LA GARDIE.
IOHANN MEVER ANNO 1671 HOLMIAE ME FUNDEBAT.

На другомъ:

IN LAUDEM DEI ECCLESIAEQUE IWANGORODENSIS USUM ET ORNAMENTUM CAMPANAM HANC FUNDERE IUSSIT ET DONO DEDIT SERENISSIMUS ET POTENTISSIMUS PRINCEPS ET DOMINUS D. N. CAROLUS REX SUECIAE UNDECIMUS GENERALI GUBERNATORE IACOBO IOHANNE TAUBE ERICH BIOERKEBOHM FUDIT IWANGORODIAE IOHANN CHRISTOF MELER ANNO MDCLXXV DIE 27 MAV.

Значитъ, этотъ второй колоколъ былъ подаренъ ивангородской лютеранской церкви королемъ Карломъ XI въ 1675 году. На обоихъ колоколахъ, кромѣ надписей, имѣются гербы:

На первомъ изображенъ всадникъ въ круглой шляпѣ съ поднятымъ мечемъ; на второмъ королевскій гербъ съ короною, поддерживаемый львомъ и съ изображеніями трехъ коронъ и львовъ [1]).

Въ архивѣ ивангородской Успенской церкви хранятся метрическія книги съ 1740 года.

[1]) Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 9 Septembre 1864, 14—15.

Строительная дѣятельность въ Нарвѣ при Елизаветѣ Петровнѣ не ограничилась, конечно, возведеніемъ однихъ церквей. Случившійся въ апрѣлѣ 1747-го года пожаръ, который продолжался 4 дня, при сильномъ вѣтрѣ, уничтожилъ 9 большихъ домовъ около нѣмецкой церкви, при чемъ пострадала и башня этой церкви; естественное слѣдствіе пожара—возведеніе новыхъ построекъ.

При Елизаветѣ, въ 1745 году былъ возобновленъ и мостъ черезъ Нарову. Мостъ и паромы для сообщенія между обоими берегами рѣки существовали, очевидно, съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Враждебныя дѣйствія еще въ ливонскія времена прекращали это сообщеніе, но съ окончательнымъ переходомъ обоихъ береговъ подъ власть Швеціи, черезъ Нарову былъ устроенъ постоянный мостъ. Какъ видно изъ стараго плана 1684 года, мостъ этотъ находился значительно ниже нынѣшняго, а именно, у спуска съ горы, идущей вдоль темнаго сада къ купальнямъ и пароходной пристани. Строителемъ его былъ Давидъ Кюнтлеръ, которому принадлежитъ и построеніе зданія биржи. Въ 1700 и 1704 годахъ мостъ былъ сожигаемъ и разрушаемъ русскими снарядами; затѣмъ, по завоеваніи Нарвы, вновь построенъ, по словамъ Козакевича, на 6 сажень выше нынѣшняго. Въ 1745 году возобновленъ; при этомъ старый, вслѣдствіе ветхости, былъ разобранъ; на время-же, пока производились работы, черезъ Нарову былъ устроенъ пловучій мостъ и, кромѣ того, два парома. Пловучій мостъ, по причинѣ весьма быстраго въ этомъ мѣстѣ теченія р. Наровы, постоянно разбивало, такъ что сообщеніе черезъ него часто совершенно прекращалось. Постоянный мостъ при Елизаветѣ Петровнѣ былъ сооруженъ по плану и подъ наблюденіемъ инженера того времени Риккерса.

Ко времени Елизаветы Петровны относится начало работъ по улучшенію фарватера рѣки Наровы. Въ 1746 г. императрица поручила завѣдываніе какъ рогервикскими, такъ и нарвскими работами генералъ-аншефу барону Люберасу. Работы начались съ укрѣпленія на небольшомъ пространствѣ (20 сажень) праваго берега р. Россони. Вообще сдѣлано было мало, и обстоятельства не замедлили доказать малоуспѣшность производимыхъ работъ: въ 1747 году сильною бурею было выбро-

шено на мель 22 англійскихъ и голландскихъ купеческихъ корабля, въ слѣдующемъ году нѣсколько торговыхъ судовъ снова потерпѣли аварію на нарвскомъ рейдѣ. Тогда была сознана крайняя необходимость энергично приняться за углубленіе устья Наровы и выправленіе ея фарватера.

Гидротехническія работы на Наровѣ, однако, производились крайне медленно. Нѣкоторыя мѣры, принятыя къ устраненію засоренія устья, носили характеръ палліативовъ; къ числу ихъ, напримѣръ, относится воспрещеніе приходящимъ къ Наровѣ судамъ выбрасывать свой балластъ на рейдѣ. Памятникомъ дѣятельности барона Любераса на Наровѣ остался лишь составленный имъ въ 1752 году планъ рѣки. Всѣ работы уничтожены вѣтромъ, волнами и сыпучими песками.

Въ 1756 г. мѣсто Любераса заступилъ баронъ Александръ фонъ-Вобезеръ, а въ помощь ему данъ мастеръ Шмидтъ. Вобезеръ представилъ въ «коммиссію о рогервикской гавани, кронштадтскомъ и ладожскомъ каналахъ» и пр. проектъ, въ которомъ выставилъ предположеніе объ отводѣ рѣки Россони, какъ одного изъ источниковъ засоренія наровскаго устья, посредствомъ канала прямо въ море. Вообще на работы по очисткѣ Наровы Вобезеръ исчислилъ расходъ въ суммѣ 260 тысячъ рублей. Проектъ этотъ вмѣстѣ со смѣтами разсматривался въ правительствующемъ сенатѣ, который въ 1762 году, по причинѣ недостатка казенныхъ суммъ, въ виду происходившей съ Пруссіею войны, положилъ: «изъ статскихъ доходовъ на строеніе нарвскаго фарватера не отпускать» [1]).

Императрица Елизавета Петровна, подобно своимъ предшественникамъ, принимала энергичныя мѣры къ лѣсоохраненію, особенно въ мѣстностяхъ, которыя снабжали Петербургъ бревнами для построекъ и дровами. Высочайшимъ указомъ 8 августа 1751 г. повелѣно было сенату принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ сбереженію лѣсовъ въ губерніяхъ с.-петербургской и новгородской. Затѣмъ высочайшимъ указомъ 7 сентября 1754 г. отпускъ изъ Нарвы всякаго лѣса за море воспрещенъ; дозволялось рубить лѣсъ только для внутренней надобности и для построекъ въ Ревелѣ, Рогервикѣ, Кронштадтѣ,

1) Козакевичъ, 39—45.

и С.-Петербургѣ. Во избѣжаніе же полнаго подрыва нарвской торговли разрѣшено было Нарвѣ, въ отмѣну прежнихъ распоряженій, получать товары, кромѣ Пскова (какъ было прежде), изъ другихъ городовъ имперіи на ту именно сумму, на какую производилась вывозная торговля лѣсомъ.

Однако, нарвскіе торговцы лѣсомъ постоянно обращались съ прошеніями о дозволеніи имъ лѣснаго торга, а въ 1761 г. англійскій купецъ Арбутнотъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему вывезти закупленный имъ въ Нарвѣ до указа 1754 г. лѣсъ или же о принятіи этого лѣса въ казну по оцѣнкѣ. Ходатайство это было удовлетворено: Арбутноту разрѣшалось 18000 бревенъ, по освидѣтельствованіи нарвскою гарнизонною канцеляріею, продать нарвскимъ же купцамъ для отпуска въ море, или же принять въ казну, если лѣсъ годенъ на постройки въ наровскомъ фарватерѣ. Кажется, было сдѣлано послѣднее, такъ какъ въ августѣ того-же года окончательно было запрещено вывозить лѣсъ за границу. Нѣсколько ранѣе этого, указомъ 13 апрѣля 1761 г. разрѣшалось нарвскому купцу Зейдлеру съ компаніей рубить лѣсъ по Лугѣ, по Чудскому озеру и рѣкамъ, въ него впадающимъ (по 60 корабельныхъ грузовъ въ годъ), чередуясь мѣстами каждые три года; но и эта льгота была парализована упомянутымъ высочайшимъ повелѣніемъ 8 августа 1761 г., которымъ хотя и не запрещалась окончательно рубка лѣса, но налагался полный запретъ на вывозную торговлю, кромѣ казенной надобности [1]). Вѣроятно, этимъ строгимъ указамъ, начиная съ Петра Великаго, мы обязаны сбереженіемъ лѣса по Наровѣ.

По вступленіи на престолъ Петра III, Нарва, какъ и прежде въ такихъ случаяхъ, отправила въ Петербургъ своихъ депутатовъ, на которыхъ было возложено принять участіе въ торжественномъ погребеніи усопшей императрицы Елизаветы Петровны и принести вѣрноподданническія поздравленія новому императору. Депутація выѣхала изъ Нарвы 7 января 1762 года. Въ составъ ея входили ратсгеръ Арпсъ, Карлъ Кастенсъ, Зейдлеръ, Кіельбергъ и Карлъ Сутгофъ.

20 января въ воскресенье генералъ-прокуроръ Глѣбовъ при-

1) Тамъ-же, 29—32.

казалъ депутаціи явиться ко двору и тамъ ожидать его. Въ 11 часовъ депутаты уже были во дворцѣ, гдѣ и размѣстились въ одной изъ пріемныхъ комнатъ, находившихся на пути слѣдованія царской фамиліи въ придворную церковь. Когда вся императорская фамилія проходила мимо, Глѣбовъ представилъ явившихся изъ Нарвы лицъ государю и государынѣ словами: «Это — нарвскіе депутаты»! Послѣ этого всѣ депутаты были допущены къ цѣлованію руки императора и императрицы, и одинъ изъ нихъ произнесъ слѣдующую рѣчь (на нѣмецкомъ языкѣ): «Вашего величества вѣрноподданный городъ Нарва, въ лицѣ предстоящихъ депутатовъ, свидѣтельствуетъ свое благоговѣйнѣйшее соболѣзнованіе по случаю опечалившей всѣхъ кончины нашей всемилостивѣйшей государыни и матери отечества присноблаженныя и достохвальныя памяти Елизаветы Петровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ-же вѣрный городъ пріемлетъ смѣлость принести свое всеподданнѣйшее и всерадостное поздравленіе съ благополучнымъ восшествіемъ на россійско-императорскій прародительскій престолъ; да благословитъ всемогущій Господь ваши императорскія величества, да даруетъ онъ вашимъ императорскимъ величествамъ долголѣтіе, наиблагополучнѣйшее царствованіе и всѣческія блага. Вѣрноподданнѣйшій городъ Нарва съ чувствомъ глубочайшей преданности благодаритъ ваши императорскія величества за всѣ доселѣ на него изливаемыя высокія милости и за увѣреніе въ дарованіи новыхъ милостей и, припадая къ стопамъ вашихъ величествъ, проситъ, въ нашемъ лицѣ, и впредь какъ на него, такъ и на всѣхъ его жителей взирать всемилостивѣйшимъ окомъ, отечески печаловаться о немъ и путемъ всемилостивѣйшаго содѣйствія развитію его благосостоянія и принятіемъ его подъ свое попеченіе вновь оживить его; а засимъ настоящіе уполномоченные въ глубочайшемъ смиреніи предаютъ себя покровительству и милости вашихъ императорскихъ величествъ».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь нарвскіе депутаты изъ собственныхъ устъ Петра III-го получили слѣдующій милостивый отвѣтъ:

— «Я уже думалъ о городѣ Нарвѣ и не забуду о немъ и впредь; вмѣстѣ съ симъ я поручаю генералъ-прокурору Глѣбову отнестись къ его интересамъ наилучшимъ образомъ».

На слѣдующій день депутаты представлялись цесаревичу Павлу Петровичу, при чемъ также была произнесена привѣтственная рѣчь, на которую отвѣчалъ отъ имени великаго князя оберъ-гофмейстеръ Панинъ, обнадеживая депутатовъ въ постоянной милости его высочества къ Нарвѣ. Затѣмъ представители Нарвы были допущены къ цѣлованію руки цесаревича, который отвѣчалъ каждому поцѣлуемъ въ щеку [1]).

Нѣмецкія привязанности Петра III-го, проистекавшія изъ дружбы его съ прусскимъ королемъ, достаточно извѣстны. На этой почвѣ нѣмецкіе жители прибалтійскихъ городовъ, вѣроятно, были бы осыпаны разными милостями. Судьба, однако, не судила Петру долго продержаться на тронѣ. Всеобщая антипатія къ нему русскихъ людей, вызванная цѣлымъ рядомъ дѣйствій, оскорблявшихъ національное и религіозное чувства, въ связи съ нѣкоторыми непривлекательными чертами его личнаго характера, содѣйствовали успѣху задуманнаго его супругою Екатериною переворота. 28-го іюня 1762 года Екатерина, во главѣ войска, присягнувшаго ей, двинулась изъ Петербурга съ цѣлью захватить своего мужа и, заставивъ подписать актъ отреченія отъ престола, заключить его въ шлиссельбургскую крѣпость. Екатерина направилась въ Петергофъ, гдѣ находился Петръ III. Этотъ послѣдній, узнавъ о петербургскомъ предпріятіи, совершенно растерялся. Окружавшія его лица также растерялись и не знали, что предпринять, а между тѣмъ нужно было на что-нибудь рѣшиться. И вотъ постепенно создаются разные планы: одни, болѣе отважные, совѣтуютъ идти на встрѣчу опасности—ѣхать въ Петербургъ къ войску, другіе находятъ спасеніе въ бѣгствѣ заграницу. Прусскій посланникъ Гольцъ совѣтовалъ укрыться въ Нарву, и этотъ совѣтъ многіе одобряли, потому, во первыхъ, что черезъ Нарву шло войско въ дѣйствующую армію, [2]) къ которой и можно было присоединиться, а во-вторыхъ, потому, что по всему нарвскому тракту были заготовлены лошади для ожидавшагося принца Георга-Людвига голштинскаго; лошади могли сослужить хорошую службу во время бѣгства.

---

[1]) Hansen, Geschichte der St. Narva, стр. 302—304.

[2]) Войска были направлены на усиленіе померанскаго корпуса, бывшаго подъ командою Румянцева: предполагалась война съ Даніей.

Предположеніе бѣжать въ Нарву, повидимому, очень занимало Петра III, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: Нарва достаточно удалена отъ Петербурга; переворотъ, здѣсь происшедшій, доносился туда еще въ формѣ однихъ непровѣренныхъ слуховъ; въ войскѣ и населеніи могло быть колебаніе. Къ тому же нѣмецкое населеніе ему сочувствуетъ: еще недавно оно увѣряло его въ своихъ наипреданнѣйшихъ чувствахъ, а онъ, въ свою очередь, обѣщалъ разныя милости [1]). Затѣмъ, въ крайнемъ случаѣ, изъ Нарвы близокъ доступъ къ морю, близка граница; моремъ легко пробраться въ Пруссію, а тамъ—король другъ: онъ заступится, онъ не дастъ въ обиду. Эти, или другія мысли чередовались въ головѣ Петра, подавленнаго тяжестью обрушившагося на него несчастія, но онъ готовился и къ этой комбинаціи. По его повелѣнію, генералъ-поручикъ Ларіонъ Яковлевичъ Овцынъ, въ рукахъ котораго было сосредоточено высшее завѣдываніе почтовою гоньбою въ Россіи, отдалъ слѣдующій приказъ въ ближайшія ямскія слободы: «Получа сей приказъ, выбрать пятьдесятъ лошадей самыхъ хорошихъ, прислать сюда въ Петергофъ съ выборнымъ и явиться на конюшни, а ежели потребуетъ адъютантъ Костомаровъ пару лошадей, то дать ему безъ всякой отговорки» [2]).

Впослѣдствіи планъ бѣгства въ Нарву былъ оставленъ, и императорская галера направилась къ Кронштадту, не зная, что онъ уже присягнулъ императрицѣ Екатеринѣ.

Мы не станемъ излагать дальнѣйшія событія: бѣгство галеры въ Ораніенбаумъ, отчаяніе Петра, его отреченіе отъ престола, заключеніе его въ Ропшѣ, впредь до приготовленія покоевъ въ Шлиссельбургѣ, всю тревожную ропшинскую недѣлю и неожиданную смерть узника 6 іюля, описанную въ донесеніи Алексѣя Орлова императрицѣ [3]).

[1]) Свой голштинскій отрядъ Петръ, какъ извѣстно, въ значительной степени пополнялъ уроженцами Эстляндіи и Лифляндіи.

[2]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, томъ II, стр. 44 и 47. Получивъ ложное извѣстіе, будто во главѣ петербургскаго движенія стоитъ гетманъ Разумовскій, Петръ III приказалъ вызвать изъ Гостилицъ (около ст. Волосова) брата его. Первыя дѣйствія императора свидѣтельствовали еще о нѣкоторой энергіи.

[3]) Бильбасовъ, 115 и слѣд.

Екатерина II, по примѣру своихъ августѣйшихъ предшественницъ, дала Нарвѣ жалованную грамоту, которая была послѣднею, такъ какъ послѣ нея привилегіи нѣмецкаго населенія Нарвы уже не подтверждались. Даже Александръ I, столь снисходительный и милостивый въ отношеніи окраинъ, обошелъ своею милостію остзейскія провинціи.

Текстъ екатерининской грамоты Нарвѣ слѣдующій:

«Божіею поспѣшествующею милостію, мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская (далѣе идетъ подробный титулъ, какъ въ грамотѣ императрицы Анны Іоанновны) всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, чрезъ сіе объявляемъ, понеже нашего города Нарвы бургомистры и ратманы всеподданнѣйшее учинили намъ прошеніе о подтвержденіи изъ высочайшей нашей милости прежнихъ ихъ преимуществъ, правъ и вольностей ихъ, которыя они вслѣдствіе всемилостивѣйше пожалованныхъ имъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти отъ государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1731-мъ и напослѣдокъ отъ вселюбезнѣйшей тетки нашей государыни императрицы Елисаветы Петровны въ 1742-мъ годѣхъ конфирмацеи по сіе время непрерывно пользуются, то мы тѣмъ охотнѣе на оное снисходили, что нашего города Нарвы бургомистры и ратманы оказывали всегда къ намъ и къ отечеству похвальную и непоколебимую свою вѣрность и для того сею нашею всемилостивѣйшею грамотою подтверждаемъ таковому нашему вѣрному городу Нарвѣ и потомству ихъ всѣ тѣ правы, преимущества, вольности, уставы и привилегіи, кои всемилостивѣйше отъ всепресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ въ 1731-мъ и 1742-мъ годѣхъ сему городу конфирмованы, якоже мы все оное безъ малѣйшаго отъ насъ нарушенія императорскимъ нашимъ словамъ дозволяемъ и утверждаемъ, во увѣреніе чего и сію нашу жалованную грамоту собственною рукою мы высочайше подписали и повелѣли ее укрѣпить государственною нашею печатью. Дана въ Санктпетербургѣ [1]), марта седмаго на десять дня 1764-го, государствованія нашего втораго года.

Екатерина.

Контрасигнировалъ вице-канцлеръ князь
Александръ Голицынъ.

Грамота въ большой листъ, въ переплетѣ зеленаго бархата, на подкладкѣ розоваго шелка, съ привѣшенною въ футлярѣ государственною печатью хранится, вмѣстѣ съ приведенными выше двумя грамотами императрицъ Анны и Елизаветы, въ архивѣ бывшаго нарвскаго магистрата.

[1]) Въ подлинной грамотѣ описка—«въ Санктпетербѣргѣ».

Подтверждая старинныя остзейскія грамоты, Екатерина II-я руководствовалась, прежде всего, бывшимъ примѣромъ: прежнія императрицы подтверждали—и она подтвердила также. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ текстъ екатерининской грамоты. Къ тому-же вопросъ объ окраинахъ тогда еще не занималъ государственныхъ людей такъ сильно, какъ въ послѣдующія затѣмъ царствованія; война и устройство внутреннихъ дѣлъ, упорядоченіе законодательства, хозяйства и администраціи отвлекали все вниманіе правительства. Да и просьбы нѣмецкаго населенія прибалтійскихъ провинцій въ то время были робкія; просители не могли не сознавать шаткости своихъ привилегій, иначе они не высылали бы въ каждое новое царствованіе депутатовъ, главнѣйшею цѣлью которыхъ было домогательство о новой конфирмаціи уже конфирмованныхъ прежде мѣстныхъ правъ. Если бы они считали незыблемыми свои «права, вольности и привилегіи», имъ не зачѣмъ было бы столько разъ искать все новаго ихъ подтвержденія.

Какъ относилась императрица Екатерина къ мѣстнымъ особенностямъ, достаточно извѣстно. Она подтверждала эти особенности, но при этомъ признавала за ними силу лишь постольку, поскольку онѣ не противорѣчили кореннымъ законамъ имперіи; мало того,—императрица ясно сознавала, что рано или поздно привилегіи должны быть отмѣнены, при чемъ политическая мудрость и государственный тактъ подсказывали Екатеринѣ постепенный и осторожный путь, безъ скачковъ и ломки, при осуществленіи предстоящей задачи. Взглядъ императрицы на окраинные вопросы лучше всего уясняется инструкціею, данною ею генералъ-прокурору князю Вяземскому, замѣнившему Глѣбова. Въ этой инструкціи, между прочимъ, говорится: «Малая Россія, Лифляндія (т. е. вообще прибалтійскій край) и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакоже и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на таковомъ же основаніи есть болѣе нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. Сіи провинціи, также и смоленскую надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ

лѣсу»...[1]) Такой же совершенно взглядъ на мѣстныя особенности и привилегіи проводился какъ самою императрицею, такъ и правящими лицами ея времени и представителями отъ сословій на засѣданіяхъ такъ называемой «большой коммиссіи», созванной въ 1766 году для составленія проекта новаго уложенія.

Въ совѣщаніяхъ этой коммиссіи участвовалъ, между прочимъ, депутатъ отъ города Нарвы Карлъ Торколь. На 40-мъ засѣданіи коммиссіи, бывшемъ 15 октября 1767 года, Торколь вмѣстѣ съ депутатомъ г. Выборга Вульфертомъ возбудили вопросъ о сохраненіи городскихъ привилегій, но тогда этотъ вопросъ былъ отложенъ, впредь до совмѣстнаго разсмотрѣнія записокъ и проектовъ всѣхъ прибалтійскихъ депутатовъ [2]). Когда затѣмъ приступили къ обсужденію домогательствъ нѣмецкихъ депутатовъ, то очень многіе члены собранія рѣшительно возстали противъ какихъ бы то ни было изъятій въ законодательствѣ въ пользу завоеваннаго края. Такъ, на 68-мъ засѣданіи (27 ноября 1767 г.) депутатъ отъ дворянъ новосильскаго уѣзда Левъ Шишковъ заявилъ по этому поводу слѣдующее: «Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная выслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому не сдѣлаетъ ли больше чести означеннымъ губерніямъ, если онѣ будутъ называться не завоеванными, но одного съ нами общества равными гражданами. Лифляндія и Эстляндія не есть иное царство, климатомъ же, земледѣліемъ и другими упражненіями не разнится съ русскими жителями; слѣдовательно, и подъ законами одинаковыми съ нами быть могутъ и должны быть».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій депутатъ воронежскаго дворянства Титовъ и представитель отъ камеръ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ Артемій Шишковъ настаивали на уравненіи законовъ для центра и окраинъ «для соблюденія неразрывнаго союза всего государства» [3]). Депутатъ отъ казанскаго уѣзда Петръ Есиповъ выразился, что подтвержденіе мѣстныхъ привилегій дастъ поводъ думать, что выгоднѣе быть побѣжденнымъ, нежели побѣдителемъ.

---

1) Прибалтійскій сборникъ, II, 564.

2) Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ VIII, стр. 335, 6.

3) Тамъ-же, стр. 337.

Сама императрица была крайне недовольна домогательствами нѣмецкихъ депутатовъ, «лифляндскою замашкою», какъ она выражалась. «Они хотятъ быть нашими законодавцами, а не отъ насъ получить узаконенія»—писала Екатерина князю Вяземскому. «Чтобъ же лифляндскіе законы лучше были нежели наши будутъ,—писала она по тому же вопросу—тому статься нельзя, ибо наши правила само человѣколюбіе писало; а они правилъ показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. Итакъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобъ насъ смертью казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобъ отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены; мы торжественно предохраняемъ противорѣчія и темноты нашихъ узаконеній и проч. Просвѣщенному свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ»... Въ письмѣ къ Румянцеву императрица указывала, что прибалтійскіе нѣмцы, столь ревностно отстаивавшіе въ коммиссіи незыблемость своихъ законовъ и привилегій, позабыли, вѣроятно, о своихъ былыхъ, начиная съ 1610 года, ходатайствахъ о дополненіи и измѣненіи ихъ законовъ, которые, слѣдовательно, даже въ ихъ глазахъ представлялись не вполнѣ совершенными; тогда они объ этомъ заявляли, но теперь имъ, конечно, было выгодно молчать объ этихъ несовершенствахъ. Наконецъ, по поводу остзейскихъ домогательствъ Екатерина выразилась: «Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силѣ обряда мнѣ поднесется. Они подданные россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, но всероссійская!» Въ виду такого настроенія самой государыни и большинства членовъ коммиссіи, дѣло кончилось торжественнымъ возвращеніемъ остзейскимъ депутатамъ всѣхъ ихъ записокъ и прошеній, съ поясненіемъ, что таковыя касаются вопросовъ государственнаго правленія, и поэтому не могутъ быть предметомъ разсмотрѣнія законодательнаго собранія. Впрочемъ, какъ извѣстно, и общаго для всей имперіи законодательства при Екатеринѣ выработано не было.

Императрица Екатерина Алексѣевна во время своихъ путешествій по Россіи (числомъ 5) два раза посѣтила Нарву: въ 1764 и 1780 годахъ. Въ 64-мъ году государыня прибыла въ Нарву лѣтомъ 22 іюня около 6 часовъ утра. Въ свитѣ ея

находились: генералъ-адъютантъ Григорій Орловъ, гетманъ Малороссіи графъ Кириллъ Разумовскій, Петръ Ивановичъ Панинъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, статсъ-секретари Елагинъ и Кузьминъ и нѣсколько статсъ-дамъ. Переѣздъ изъ Петербурга до Нарвы совершился въ 2½ дня, но изъ этого числа цѣлый день, 21 іюня, императрица провела въ Красномъ селѣ. За три версты передъ Нарвой августѣйшей путешественницѣ была устроена торжественная встрѣча городскимъ магистратомъ и почетнѣйшими гражданами. При вступленіи императрицы на ивангородскій форштадтъ, съ крѣпости произведенъ былъ салютъ. Здѣсь встрѣтилъ Екатерину генералъ-маіоръ фонъ Бенкендорфъ, командовавшій всѣми полевыми войсками, расположенными въ Нарвѣ, а затѣмъ на гласисѣ Ивангорода нарвскій оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ Барановъ. Тутъ-же русскіе купцы поднесли ея величеству хлѣбъ-соль и плоды. Передъ «водяными воротами» императрица была привѣтствована Иннокентіемъ, епископомъ псковскимъ и нарвскимъ и всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ; у этихъ-же воротъ представлялись генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа, артиллеріи генералъ-маіоръ Фелькерзамъ и инженеръ генералъ-маіоръ Александръ Гербель, а вслѣдъ за ними—штабъ и оберъ-офицеры мѣстныхъ войскъ.

Императрица вышла изъ экипажа и, приложившись ко кресту, пѣшкомъ прослѣдовала въ вышгородъ, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ церквей и при пѣніи архіерейскаго хора. Здѣсь ея величество изволила войти въ «замокъ» [1]), гдѣ и имѣла нѣкоторый отдыхъ [2]). Въ 12 часовъ ей вновь представлялось православное духовенство и архимандритъ Святогорскаго монастыря. Послѣ этого оберъ-гофмаршалъ графъ Сиверсъ представилъ государынѣ лютеранское духовенство, эстляндское рыцарство съ ландратомъ барономъ Штакельбергомъ во главѣ, членовъ магистрата и представителей отъ купечества.

---

[1]) Названіе «замокъ» было присвоено собственно гермейстерской крѣпости, гдѣ въ то время жилъ комендантъ Нарвы; нѣкоторыя данныя, однако, даютъ поводъ предполагать, что императрица Екатерина останавливалась въ зданіи магистрата.

[2]) Въ этотъ пріѣздъ Екатерина II не ночевала въ Нарвѣ, т. к. провела въ ней лишь день (22 іюня) съ 6 час. утра до ½ 9-го вечера.

Наконецъ, были представлены ея величеству и мѣстныя почетныя дамы. Во время представленія произносились рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, на которыя отъ имени императрицы отвѣчалъ графъ Орловъ на русскомъ языкѣ. Послѣ всѣхъ этихъ представленій былъ сервированъ обѣдъ, къ которому были приглашены преосвященный Иннокентій, генералы и начальники отдѣльныхъ частей, бургомистры и почетнѣйшіе граждане съ женами. Послѣ обѣда императрица, въ сопровожденіи блестящей свиты, отправилась на водопадъ, гдѣ изволила осматривать находившіяся тамъ три пильныхъ мельницы. Налюбовавшись прекраснымъ видомъ водопада и окрестныхъ мѣстъ, Екатерина пѣшкомъ прошла до Ивангорода, гдѣ посѣтила церковь Успенія пресвятой Богородицы. Затѣмъ въ $^1/_2$ 9-го вечера императрица изволила отбыть изъ Нарвы, сопровождаемая магистратомъ и почетнѣйшими гражданами до первой гостинницы за городомъ. Эту ночь государыня провела на мызѣ «Лагена» графа Сиверса, гдѣ оставалась затѣмъ до 7 часовъ пополудни слѣдующаго дня [1]).

Переходимъ къ описанію второго путешествія императрицы Екатерины черезъ Нарву, въ 1780 году. О прибытіи государыни городъ былъ оповѣщенъ заблаговременно с.-петербургскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Волковымъ. Немедленно въ С.-Петербургъ были командированы депутаты— Генрихъ Фохтъ, Лоренцъ Стральборнъ и Бенедиктъ Крамеръ,— которые, будучи представлены Екатеринѣ, благодарили ея величество за неизмѣнно оказываемую городу высочайшую милость. Затѣмъ эти же депутаты встрѣчали императрицу во время самаго путешествія въ Ямбургѣ и въ Нарвѣ, вмѣстѣ съ другими представителями магистрата, купечества и мѣщанства.

Екатерина прибыла въ Нарву 10-го мая въ 8-мъ часу вечера, встрѣченная на нѣкоторомъ разстояніи отъ города упомянутою депутаціею. По данному ракетою сигналу тотчасъ

---

[1]) Прибалтійскій сборникъ, т. II, статья: «Путешествіе императрицы Екатерины II по Эстляндіи и Лифляндіи въ 1764 году», стр. 566 и слѣд. Въ Петербургѣ около этого времени производилось уже слѣдствіе по дѣлу Мировича, объ авантюрѣ котораго императрица увѣдомилась на пути изъ Нарвы въ Гостилицы 12 іюля 1764 года.

началась пушечная пальба, возобновлявшаяся съ небольшими перерывами три раза. При въѣздѣ въ «предмѣстье» (т. е. въ ивангородскій форштадтъ) были поставлены на горѣ тріумфальныя ворота, а при выѣздѣ изъ нихъ другія—съ аллегорическими изображеніями радости жителей нарвскихъ по поводу прибытія монархини. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли юноши и дѣвицы, одѣтые въ пастушескія платья—бѣлое съ селадоновымъ (какъ сказано въ оффиціальномъ описаніи) — съ корзинками, наполненными цвѣтами, которыми они усыпали путь ея величества. Во все время слѣдованія императрицы гремѣла музыка, расположенная наверху тріумфальныхъ арокъ. На рѣкѣ около моста развѣвалось множество флаговъ на купеческихъ судахъ и лодкахъ.

Переѣхавши мостъ, у третьихъ тріумфальныхъ воротъ императрица вышла изъ экипажа и здѣсь была встрѣчена архимандритомъ Зеленецкаго монастыря Іоанникіемъ и мѣстнымъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, со крестами, а также представителями именитѣйшихъ гражданъ. Затѣмъ при колокольномъ звонѣ и пѣніи священныхъ гимновъ государыня прослѣдовала во дворецъ Петра Великаго. Здѣсь она была встрѣчена музыкою и барабаннымъ боемъ нарвскаго гренадерскаго полка. Внизу дворцовой лѣстницы расположились разныя лица: военные и гражданскіе чины, депутаты города, члены магистрата, дворяне и граждане. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы стояли дѣвочки въ костюмахъ садовницъ съ корзинами цвѣтовъ, которыми усыпали дорогу императрицы. На площадкѣ лѣстницы одна изъ дѣвочекъ на колѣняхъ поднесла государынѣ на бархатной вышитой золотомъ подушкѣ стихотвореніе отъ имени городскихъ дѣтей, отпечатанное на бѣломъ атласѣ. Во дворцѣ императрицѣ являлись: лифляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ, эстляндскій вице-губернаторъ, генералъ-поручикъ Георгій Остафьевичъ Гротенгельмъ, псковскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Павелъ Дмитріевичъ Мансуровъ и множество другихъ лицъ.

Никогда прежде, развѣ исключая время Петра Великаго, Нарва не видѣла у себя такого обилія блестящихъ сановниковъ, которое окружало Екатерину. Тутъ были, сверхъ упомянутыхъ уже, слѣдующія лица, составлявшія свиту импера-

трицы во время путешествія: дежурный генералъ-адъютантъ, генералъ-аншефъ и государственной коллегіи вице-президентъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, адмиралтейской коллегіи вице-президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, гофмаршалъ князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій, шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, дѣйствительный камергеръ флигель-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Ланской; находящіеся при ея величествѣ для принятія челобитенъ и прочихъ дѣлъ—бригадиръ Александръ Андреевичъ Безбородко и полковникъ Петръ Ивановичъ Турчаниновъ; наконецъ, дежурные дѣйствительные камергеры—князь Михаилъ Васильевичъ Долгоруковъ, князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ, флигель-адъютантъ, генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Левашовъ и камеръ-юнкеры—Андреянъ Ивановичъ Дивовъ и Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Изъ придворныхъ дамъ императрицу сопровождали всего четыре: двѣ—Энгельгардтъ, Пассекъ и Ланская. Послѣ пріема властей петербургскій губернаторъ Волковъ представилъ императрицѣ дворянство нарвскаго уѣзда и разныхъ чиновниковъ мѣстнаго управленія. Затѣмъ ея величество изволила отбыть для отдыха во внутренніе покои.

Вечеромъ городъ и форштадты были иллюминованы. На окнахъ и передъ домами были выставлены различныя аллегорическія изображенія съ надписями, примѣнительно къ переживаемымъ городомъ событіямъ [1]). Особенно красиво были иллюминованы зданія ратуши, биржи и нѣкоторые частные дома. Народъ до поздней ночи толпился на улицѣ, какъ въ великій праздникъ.

На слѣдующій день утромъ (11 мая) снова былъ пріемъ у государыни, а именно ей представлялись дамы мѣстнаго дво-

---

[1]) Для образца приведемъ нѣсколько надписей: Beglückt ist diese Handels-Stadt die Catharinens Gnade hat. Sie kommt von Huld und Gnade voll und bringet Narvens Bürgern Wohl. Nicht Blumen nur, o Kayserin, nein! Herzen streuen wir Dir hin. Заимствовано изъ соврем. брошюры «Das erfreute und illuminirte Narva» и т. д. (см. перечень источниковъ).

рянства и гражданства, нарвскаго пѣхотнаго полка и гарнизона офицеры, члены магистрата и мѣщане (или «граждане»). Всѣ были допущены къ цѣлованію руки ея величества. Бургомистръ юстиціи Готфридъ Гюспеліусъ хотѣлъ было произнести отъ лица магистрата и города привѣтственную рѣчь императрицѣ, но былъ остановленъ, и чтобы не затруднять государыню длиннымъ привѣтствіемъ, поднесъ списокъ рѣчи черезъ петербургскаго губернатора (Волкова). Въ этой рѣчи Гюспеліусъ выражалъ ея величеству благодарность гражданъ не только за милостивое посѣщеніе города, но и за попеченіе о немъ, выразившееся въ присоединеніи его къ главенствующей губерніи, «гдѣ всегдашнее императорскаго престола пребываніе утверждено и въ коея правителѣ надѣются они видѣть ревностнаго воли государской исполнителя и предстателя о нуждахъ ихъ».

Послѣ пріема депутацій былъ сдѣланъ перерывъ, во время котораго императрица успѣла написать дѣтямъ своимъ (цесаревичу Павлу Петровичу съ супругою Маріею Ѳеодоровною) слѣдующее письмо на французскомъ языкѣ (излагается въ русскомъ переводѣ): «Я пріѣхала сюда вечеромъ въ 8 часовъ; не считая обѣда, я изъ Краснаго села [1]) ѣхала 8 часовъ; это одно говоритъ въ пользу дорогъ; всѣ сознаются, что ихъ узнать нельзя. Я писала изъ Ямбурга, весьма неразборчиво, т. е. писала на 8-рублевой портфели своей, сидя въ каретѣ, по обыкновенію великой княгини, которая, надѣюсь, извинитъ меня за подобное сравненіе; оно такъ и выпросилось изъ подъ пера моего. Здѣсь видѣла я генерала Броуна [2]), онъ потолстѣлъ и совершенно здоровъ, точно такъ же, какъ и я сама и вся свита моя; ласкаю себя надеждою, что вы скажете о себѣ тоже; быть можетъ, извѣстіе это находится въ карманѣ курьера, ищущаго Безбородко съ 3-хъ часовъ утра. Подумаешь, Нарва по обширности другой Парижъ; въ немъ пропадаютъ безъ вѣсти. Посылаю вамъ всякихъ здѣшнихъ диковинокъ, т. е. кусокъ матеріи государынѣ великой княгинѣ, ящикъ съ игрушками

[1]) Въ переводѣ, помѣщенномъ въ IX томѣ сборника русскаго историческаго общества, неправильно сказано: «изъ Ямбурга» (въ подлинномъ текстѣ значится; «depuis Crasnoé Sélo» (стр. 41).

[2]) Лифляндскаго генералъ-губернатора.

доброму пріятелю моему Александру [1]). Вы же, сынъ мой, получите отъ меня сегодня «чистое благословеніе»—другого подарка вамъ не будетъ по той причинѣ, что я ничего не нашла, что бы могло васъ разсмѣшить. Прошу васъ четырехъ, т. е. отца, мать и обоихъ сыновей переобняться между собою за меня. Да благословитъ васъ всѣхъ Господь Богъ!»

Въ 11 часовъ утра Екатерина Алексѣевна со свитою своею и въ сопровожденіи городскихъ представителей отправилась къ «нарвскимъ порогамъ», т. е. къ водопаду. Здѣсь на островѣ Кренгольмѣ, въ домѣ гражданина Карла Сутгофа императрица изволила принять обѣдъ, предложенный отъ города. При входѣ ея въ домъ, дѣти бросали передъ нею цвѣты, а съ устроенной по близости батареи раздавались салюты. Обѣдъ на 34 куверта былъ приготовленъ городскими дамами, и онѣ-же прислуживали государынѣ за столомъ. Въ нижнемъ этажѣ былъ устроенъ столъ для мужчинъ. Во время обѣда играла «нарвскаго полка духовая и городская на трубахъ и литаврахъ музыка». Во время обѣда, при звукѣ трубъ и пушечныхъ выстрѣлахъ, былъ предложенъ тостъ за здоровье государыни. Затѣмъ приглашены были къ столу дѣти, усыпавшія путь государынѣ цвѣтами, и получили изъ рукъ ея величества лакомства. Пребываніе свое у нарвскаго водопада и обѣдъ въ домѣ Сутгофа императрица Екатерина описала въ игривомъ тонѣ, и при этомъ не пощадила самодовольныхъ нарвскихъ матронъ и дѣвъ, ей прислуживавшихъ. «Я обѣдала у водопадовъ,—писала она—теченіе въ нихъ гораздо быстрѣе, нежели въ первое мое пребываніе здѣсь; говорятъ, причиною тому весенній наплывъ воды... Я весьма устала отъ вчерашняго дня и сегодняшняго: я была преслѣдуема внимательностью городскихъ красавицъ, вѣжливость которыхъ дошла до того, что онѣ прислуживали мнѣ за столомъ, и въ головѣ ихъ жена доктора. Я до смерти боялась, что она вычиститъ мнѣ тарелки ревенемъ, какъ ихъ вытираютъ чеснокомъ. Замѣтьте, что здѣшнія красавицы страшно уродливы, желты, какъ айвы и худы, какъ клячи. Вотъ вамъ вѣрный путевой дневникъ. Завтра я ночую въ Гдовѣ и отказы-

[1]) Любимый внукъ Екатерины, въ пользу котораго императрица желала даже обойти престолонаслѣдіемъ сына своего Павла Петровича,—впослѣдствіи императоръ Александръ I.

ваюсь отъ намѣренія провести тамъ сутки; видите, какъ я спѣшу возвратиться. Прощайте, обнимите меня; да сохранитъ васъ Господь отъ 7 или 8 нарвскихъ женщинъ, стоящихъ за стѣнками стульевъ за обѣдомъ. Онѣ обдавали меня жаркимъ своимъ дыханіемъ, и я потому не чувствовала холоднаго воздуха: здѣсь холодно, какъ и у васъ» [1]),

Послѣ обѣда на островѣ Кренгольмѣ императрица Екатерина отправилась къ устью Наровы, осматривала иностранныя купеческія суда, посѣтила гидротехническія работы на взморьѣ, разспрашивала о состояніи наровскаго фарватера; при этомъ она убѣдилась, что «здѣшніе жители нуждаются въ убѣжищѣ для купеческихъ судовъ, которыя на рейдѣ испытываютъ всякаго рода бѣдствія и едва могутъ нагружаться» [2]). Августѣйшая путешественница возвратилась въ городъ около 6 часовъ пополудни. Ее ждала здѣсь, какъ и въ первый день, иллюминація. Самый путь отъ устья рѣки къ городу былъ во многихъ мѣстахъ украшенъ арками изъ цвѣтовъ и зелени, а собравшіяся толпы народа восторженно привѣтствовали императрицу во время ея слѣдованія.

Отъѣздъ императрицы изъ Нарвы состоялся на слѣдующій день, 12 мая, въ 8 часовъ утра, при колокольномъ звонѣ и салютахъ изъ пушекъ. Въ разстояніи 7 верстъ отъ Нарвы на р. Плюсѣ (столь извѣстной въ исторіи сношеній Россіи со Швеціею) императрица изволила принять предложенный Нарвою завтракъ. Здѣсь ратсгеръ Стральборнъ говорилъ отъ лица города благодарственную прощальную рѣчь. Затѣмъ Екатерина, допустивъ всѣхъ, провожавшихъ ее изъ Нарвы, къ рукѣ, продолжала путь уже по псковской губерніи.

Путешествіе 1780 года было предпринято императрицею Екатериною для обозрѣнія недавно пріобрѣтеннаго бѣлорусскаго края. Маршрутъ былъ слѣдующій: Нарва, Шкловъ, Могилевъ, Смоленскъ и затѣмъ обратно въ Петербургъ. Какъ всегда, Екатерина спѣшила соединить пріятное съ полезнымъ. По составленной заранѣе программѣ собирались свѣдѣнія о

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ IX, стр. 43—48. (Тамъ-же и первое письмо).

[2]) Изъ письма императрицы отъ 11 мая 1780 г.

всѣхъ крупныхъ городахъ, которые она проѣзжала [1]). Затѣмъ сама императрица перечитывала все, что удавалось собрать и, въ зависимости отъ обстоятельствъ, или тотчасъ дѣлала соотвѣтственныя распоряженія объ удовлетвореніи разныхъ мѣстныхъ нуждъ, или-же откладывала обсужденіе ихъ до своего возвращенія въ Петербургъ.

Незадолго передъ этимъ путешествіемъ, въ томъ же 1780 году, при новомъ образованіи губерній, послѣдовало распоряженіе о причисленіи Нарвы къ с.-петербургской губерніи (при чемъ былъ вновь утвержденъ и старый нарвскій гербъ 1585 года). Ивангородъ, лежавшій въ Ингерманландіи, гдѣ со временъ Петра постоянно дѣйствовали русскія узаконенія, былъ также отнесенъ къ этой губерніи. Опредѣленіе судьбы пригорода судьбою главнаго города имѣло свои преимущества, проистекавшія отъ присоединенія и того и другого къ главенствующей русской губерніи, но въ этомъ дѣлѣ была и дурная сторона: Ивангородъ, искони русскій городъ, хотя и бывшій долгое время во власти шведовъ, подчинялся дѣйствію шведскихъ узаконеній, неблагопріятныхъ для русскаго населенія и сохраненныхъ за Нарвою лишь въ видѣ привилегіи.

Въ отношеніи Нарвы какъ императрицу, такъ и правящихъ лицъ ея времени естественно интересовалъ вопросъ о примѣнимости къ мѣстнымъ особенностямъ новыхъ губернскихъ учрежденій, а также, подобно тому, какъ и въ другихъ городахъ,—вообще объ условіяхъ быта и общественной жизни горожанъ.

Составленный о Нарвѣ докладъ содержалъ слѣдующіе пункты:

1) Всѣ пріуготовленія къ открытію въ уѣздѣ нарвскомъ правленія по новому образцу сдѣланы и для помѣщенія уѣзднаго суда съ дворянскою опекою и нижняго земскаго суда, такожъ собранія дворянскаго отдѣланъ весьма выгодный и прочный казенный каменный домъ, а для уѣзднаго казначейства отведено мѣсто въ замкѣ, гдѣ комендантъ пребываетъ.

2) Магистратъ оставленъ въ прежнемъ домѣ, коего внутреннее расположеніе и наружность тому сходствуютъ.

---

[1]) Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго села Екатерина поручила собирать свѣдѣнія о городахъ сенаторамъ Брюсу и Строгонову, бригадиру Безбородку и полковнику Турчанинову. Названныя лица въ общемъ должны были освѣдомляться въ каждомъ городѣ, уѣздномъ или губернскомъ, «о порядкахъ въ управленіи и о нуждахъ и пользахъ всякаго мѣста».

3) Сей магистратъ управляетъ слѣдующими мѣстами: а) нижнимъ судомъ, гдѣ отправляются уголовныя и гражданскія дѣла; б) акцизнымъ судомъ по городскимъ и акцизнымъ дѣламъ; в) сиротскимъ судомъ; г) торговымъ судомъ; д) судомъ о строеніи городскомъ; е) цеховымъ судомъ для надзиранія надъ ремесленниками. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ одинъ бургомистръ юстиціи, два бургомистра для торговыхъ и полицейскихъ дѣлъ; шесть ратгеровъ, изъ коихъ старшій предсѣдателемъ въ нижнемъ судѣ.

4) Всѣ сіи мѣста суть во всегдашнемъ дѣйствіи, кромѣ четырехъ недѣль, именуемыхъ днями каникулярными, и въ производствѣ дѣлъ такой успѣхъ имѣютъ, что нерѣшенныхъ уголовныхъ и по нимъ колодниковъ ни одного нѣтъ; а прочихъ неокончепныхъ дѣлъ по всѣмъ мѣстамъ считается пятьдесятъ четыре.

5) Порядокъ канцелярскій и формы всякихъ актовъ сходствуютъ правамъ лифляндскимъ, на основаніи коихъ и всѣ дѣла свое теченіе имѣютъ.

6) Доходы городскіе состоятъ ежегодно отъ десяти и до двѣнадцати тысячъ рублей, и недоимокъ по онымъ никакихъ нѣтъ.

7) Промыслы мѣщанскіе состоятъ, во первыхъ: въ мельницахъ пильныхъ числомъ шести, и мучныхъ трехъ, въ торгѣ въ чужіе края лѣсомъ, пенькою, хлѣбомъ, табакомъ и желѣзомъ на пятьсотъ тысячъ рублей; въ одной байковой фабрикѣ, и въ разныхъ ремеслахъ.

8) Городъ содержитъ два госпиталя: одинъ для русскихъ, другой для нѣмецкихъ престарѣлыхъ и больныхъ обитающихъ въ ономъ, въ коихъ нынѣ двадцать шесть человѣкъ; денежнаго капитала 8.400 рублей

9. Попеченіе о сиротахъ прилагается, и воспитательный домъ для нихъ построенъ; но, по недостатку капитала, остается не въ дѣйствіи; а имѣются двѣ школы одна финская и другая нѣмецкая на городскомъ иждивеніи, гдѣ обучаютъ нѣмецкому, россійскому, греческому и латинскому языкамъ, математикѣ, исторіи и географіи.

10) Таможня учреждена на с.-петербургскомъ тарифѣ; въ ней прежде собиралося до ста тысячъ рублей пошлинъ, но нынѣ отъ сорока до пятидесяти тысячъ рублей сборъ простирается.

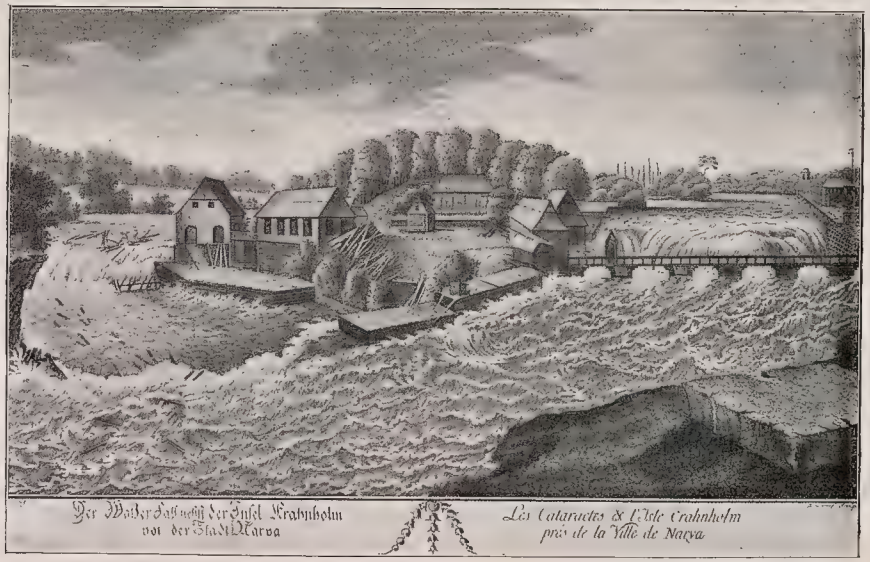
11) Городъ Нарва, не имѣвъ прежде своего уѣзда, ощущала по сіе время дороговизну въ съѣстныхъ и другихъ припасахъ.

12) Всѣ просьбы и нужды городскія состоятъ: а) въ приведеніи гавани въ способное для корабельнаго хода состояніе; б) въ исправленіи тарифа облегченіемъ пошлинъ, особливо на отпускаемые въ Лифляндію и Эстляндію товары.

13) Нужды россійскихъ купцовъ предъявлены: во-первыхъ, что они никакихъ своихъ управляющихъ не имѣютъ; второе, что не дозволяется имъ производить торгу иностранными товарами, заключая оный въ однихъ токмо россійскихъ произведеніяхъ.

14) Городъ имѣетъ для себя запасный хлѣбный магазинъ и въ лавкахъ довольно соли.

По разсмотрѣніи этого доклада, императрица Екатерина тогда же повелѣла губернатору, при открытіи въ нарвскомъ



Нарвскій водопадъ. Съ гравюры 1780 г.

уѣздѣ обще-имперскихъ правленій, магистратъ со всѣми до города касающимися департаментами оставить на прежнемъ основаніи. При этомъ, однако, во вниманіе къ нуждамъ русскаго населенія, почти устраненнаго отъ дѣлъ управленія городомъ, россійскимъ купцамъ разрѣшено было выбрать бургомистра и ратмановъ себѣ особо, а для православнаго духовенства предписано построить по близости отъ церкви, изъ доходовъ вѣдомства экономическаго, домъ [1]).

Въ отношеніи фарватера рѣки Наровы были приняты слѣдующія мѣры. Возвращенный изъ ссылки еще при Петрѣ III, Минихъ былъ назначенъ императрицею директоромъ балтійскаго, ревельскаго и нарвскаго портовъ, кронштадтскаго и ладожскаго каналовъ и волховскихъ пороговъ (21 августа 1762 г.). Минихъ, по обозрѣніи устья р. Наровы, столь неудобнаго для входа въ рѣку торговыхъ судовъ, и рейда, отдѣленнаго отъ берега обширною отмелью, задался цѣлью исправить фарватеръ и этимъ возстановить «упадшую въ Нарвѣ коммерцію» и сберечь суда отъ гибели [2]). Минихомъ предположено было укрѣпить фашинами и сваями зыбкіе прибрежные пески рѣкъ Наровы и Россони, засорявшіе устье; кромѣ того, предполагалось соорудить на лѣвомъ берегу Наровы у самаго устья больверкъ высотою въ 2 сажени, а надъ больверкомъ брустверъ въ 4 фута для стоянки въ этомъ мѣстѣ судовъ и для предохраненія ихъ отъ опаснаго западнаго вѣтра. На предположенныя сооруженія рѣшено было употребить скопившійся на Наровѣ, вслѣдствіе запрещенія вывозной торговли, лѣсъ, котораго, по донесенію магистрата сенату, оказалось около 10 тысячъ бревенъ. Вообще къ работамъ на этотъ разъ приступили энергичнѣе, чѣмъ въ прежнее время. Въ ноябрѣ 1762 г., по высочайшему повелѣнію, былъ двинутъ изъ Риги въ Гунгербургъ, для производства работъ въ устьѣ Наровы, ярославскій пѣхотный полкъ, который, впрочемъ, вскорѣ снова былъ ото-

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества, т. I, Спб. 1867: „Дневная записка путешествія ея императорскаго величества чрезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, а оттуда обратно чрезъ Смоленскъ и Новгородъ", стр. 384—390.

[2]) Какъ разъ въ годъ назначенія Миниха директоромъ прибалтійскихъ портовъ на наровскомъ рейдѣ погибли, застигнутыя бурею, два иностранныхъ, одно военное и четыре казенныхъ судна (послѣднія гружены были мукою). Козакевичъ, 46.

званъ въ Ригу,—какъ можно полагать,—вслѣдствіе недостатка квартиръ въ пустынной тогда мѣстности и наступленія морозовъ. Работа отъ этого, однако, не остановилась, а продолжалась мѣстными крестьянами и приглашенными изъ другихъ городовъ плотниками. Плата за работу была назначена 3 р. 75 к. въ мѣсяцъ. Имѣвшій ближайшее смотрѣніе за работами въ устьѣ Наровы баронъ Вобезеръ, отчасти по причинѣ болѣзни, но главнымъ образомъ вслѣдствіе разныхъ злоупотребленій, былъ отставленъ, а на его мѣсто назначенъ инженеръ-капитанъ Сбродовъ; самое-же производство работъ возложено на капитана ладожскаго баталіона Бориса Кошелева. Городъ, съ своей стороны, выслалъ къ устью представителя въ строительную коммиссію въ лицѣ члена магистрата. Стральборна. Въ 1764 году, послѣ построенія близъ устья казармъ для рабочихъ, домовъ для начальствующихъ лицъ и «конторы нарвскаго фарватера», приступили, наконецъ, къ вколачиванію свай; при этой работѣ Минихомъ было поручено состоять полковнику фонъ-Гревеницу, инженеръ-капитану Яковлеву и титулярнымъ совѣтникамъ Гаусману и Ригеру. Уже въ томъ-же году правый берегъ р. Россони былъ укрѣпленъ сваями со щитами, съ настилкою за ними фашинъ, на протяженіи 487 сажень, а съ прежними сооруженіями Вобезера — на 705 сажень; берега Наровы также были укрѣплены: правый на 349, а лѣвый на 167 сажень.

Работы въ общемъ шли на столько успѣшно, что къ 1766 году было укрѣплено на Наровѣ и Россони около $2^1/_2$ верстъ береговыхъ песковъ и, кромѣ того, приготовлено 58 сажень больверка брусовой работы, который оставалось только загрузить дикимъ камнемъ. Городской магистратъ, видя несомнѣнное улучшеніе судоходства на Наровѣ, представилъ государынѣ адресъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ выражалась пламенная благодарность жителей «вѣрнаго города» за неослабѣвающія о нихъ заботы императрицы и высказывалось увѣреніе, что воспоминаніе о ея благодѣяніяхъ перейдетъ къ ихъ потомкамъ, въ послѣдующіе вѣка. Адресъ былъ прочитанъ императрицею самолично. Она радовалась успѣшному ходу работъ, но велѣла Миниху замѣтить нарвскому магистрату, чтобы послѣдній впредь какъ къ ея величеству, такъ

въ особенности въ правительствующій сенатъ обращался или на русскомъ, или-же на нѣмецкомъ языкахъ, но отнюдь не на французскомъ.

Такимъ образомъ галантность нарвскихъ градоправителей оказалась не вполнѣ умѣстной.

«Monsieur le feldmaréchal comte de Minich,—собственноручно писала императрица 9 февраля 1766 года—j'ai lu la longue et singulière lettre du magistrat de Narva. Ces bonnes gens signent ce qu'ils n'entendent pas: leur lettre est écrite en français. Vous me feriez plaisir de leur donner à entendre, que j'aimerais mieux qu'ils se servent à l'avenir en m'écrivant du russe ou de l'allemand, car j'aime mieux avoir dans mes villes de bons gros bourgeois et riches marchands que des petits-maîtres. Je crains qu'avec le langage ils ne changent de moeurs, chose à laquelle ni eux, ni moi ne pourrions que perdre. Je suis bien aise au reste que les ouvrages qui se font à leur port sous votre direction réussissent et qu'ils en comprennent l'utilité. Je suis comme toujours avec beaucoup d'affection. Catherine. Si jamais la légèreté les portera d'écrire au senat en français ou qu'ils y envoyent signé ce qu'ils n'entendent, pas, ils courent risque d'être réprimandés ou de payer l' amende».

Императрица вообще строго разграничивала дѣло и забаву. Не совсѣмъ довольная французскимъ привѣтствіемъ (умѣстнымъ лишь въ дипломатическихъ сношеніяхъ), она, ради пользы дѣла, всетаки приказала, сверхъ взимаемыхъ на улучшеніе фарватера таможенныхъ денегъ, выдать на этотъ предметъ еще 20 тысячъ рублей.

Правильному теченію работы препятствовалъ сильный недостатокъ въ пищѣ и другихъ припасахъ, о чемъ Минихъ принужденъ былъ сообщить магистрату, требуя его содѣйствія и угрожая, что въ противномъ случаѣ народъ броситъ работу и разойдется: французскій языкъ былъ недостаточенъ для прокормленія рабочихъ! Несмотря, однако, на всѣ неблагопріятныя мѣстныя условія, работа вообще подвигалась впередъ; къ концу 1767 года было укрѣплено болѣе 6 верстъ береговыхъ песковъ на Наровѣ и Россони и, кромѣ того, построено $192^1/_2$ сажени больверка съ брустверомъ надъ нимъ высотою въ 4 фута. Каждая сажень больверка, по расчету, обходилась по 405 рублей, такъ что всѣ предположенныя 800 сажень обошлись бы въ 324 тысячи рублей. Работы въ устьѣ Наровы были прерваны смертью Миниха, въ 1769 году.

Ко времени императрицы Екатерины II относятся слѣдующія сооруженія въ Нарвѣ и ея окрестностяхъ: въ 1771 и

затѣмъ 1792 годахъ, перестроенъ мостъ черезъ Нарову (Зегеромъ); въ 1774 году возобновленъ шпицъ на нѣмецкой церкви, взамѣнъ сгорѣвшаго во время большого пожара 1747 года, а въ 1789 г. водруженъ на этой церкви крестъ [1]); въ 1775 году сооружена новая каменная лютеранская церковь въ Вайварѣ, взамѣнъ прежней деревянной, пришедшей въ ветхость (на средства графа Сиверса); въ 1777 году отстроенъ у бастіона «Глоріа» новый хлѣбный магазинъ, а въ слѣдующемъ году — такой-же магазинъ въ Ивангородѣ; при этомъ, по словамъ Ганзена, для постройки была снесена часть старыхъ ивангородскихъ стѣнъ и прежнихъ сооруженій, которыя такимъ образомъ погибли безвозвратно для археологіи; [2]) въ 1786 г. перестроена вышка германовой башни; наконецъ, въ 1796 году возведено каменное зданіе православной церкви Знаменія пресвятой Богородицы на ивангородскомъ форштадтѣ по плану, составленному еще въ 1786 г.

Ранѣе того на ивангородскомъ форштадтѣ существовала построенная низовскимъ полкомъ деревянная церковь, носившая названіе «полевой» (недалеко отъ нынѣшняго лазарета, грунтъ за № 293); здѣсь же невдалекѣ (грунтъ № 241) стоялъ и т. наз. архіерейскій домъ, въ которомъ останавливался мѣстный епископъ во время своихъ посѣщеній Нарвы [3]). Въ 1788 году эти церковныя постройки еще были налицо, но затѣмъ мало-по-малу пришли въ запустѣніе и разрушились. Кромѣ нихъ, въ это время подлѣ вновь сооружаемой церкви

[1]) Въ яблоко креста вложенъ манускриптъ, который напечатанъ у Ганзена (стр. 322 и сл.).

[2]) Въ Ивангородѣ, несомнѣнно, существовали разныя боярскія палаты; между прочимъ, — и тѣ, въ которыхъ въ 1590 году останавливался царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, совершившій торжественный въѣздъ въ завоеванную крѣпость; здѣсь находились, конечно, и разныя казематы и дома, въ которыхъ содержались государственные преступники и другія лица: еще во времена шведскаго владычества герцогъ Яковъ курляндскій съ семействомъ (1659—1660 г.) и затѣмъ—Долгоруковъ, Бестужевъ, Густавъ Бирономъ и др. Теперь нѣтъ и слѣда прежнихъ построекъ внутри крѣпости.

[3]) Кромѣ того, въ старину существовала еще православная церковь во имя св. Николая на нарвскомъ форштадтѣ, тамъ, гдѣ находится оранжерея Сутгофа. Эта церковь была построена незадолго до 1788 г. ярославскимъ полкомъ, около нея существовалъ и погостъ; она пришла въ ветхость и разрушена уже въ началѣ 19 стол. Теперь отъ нея не осталось и слѣда. На нарвскомъ форштадтѣ имѣется лишь часовня.

Знаменія пресвятой Богородицы стояла еще построенная въ 1733 году старая деревянная церковь во имя Рождества Христова; она просуществовала до 1851 года, когда на мѣстѣ ея былъ воздвигнутъ новый каменный храмъ во имя Святителя и Чудотворца Николая, иждивеніемъ нарвскаго купца Павла Орлова.

Одновременно съ построеніемъ Знаменской церкви была проведена такъ называемая «новая линія», которую первоначально предполагалось отвести подъ поселеніе старыхъ инвалидовъ-солдатъ. Линія эта названа новою, такъ какъ до нея существовала линія домовъ, или улица по направленію отъ прежней Христорождественской церкви къ нынѣшнему военному госпиталю (нынѣ «госпитальная улица»); кромѣ того, небольшая улица (и понынѣ существующая) направлялась въ сторону петербургскаго шоссе, по которому проѣзжала во время своихъ путешествій императрица Екатерина.

Около этого-же времени было отведено новое мѣсто для православнаго кладбища, на горѣ, гдѣ прежде лежало городское имѣніе, посившее названіе Rathshof [1]). На этомъ мѣстѣ кладбище существуетъ и понынѣ. Лютеранамъ при Екатеринѣ II также было отведено особое кладбище въ Маріенгофѣ, при чемъ совершенно воспрещено было хоронить умершихъ, какъ это дѣлалось прежде, около церквей [2]).

Крѣпостныя сооруженія Нарвы, въ виду постоянныхъ войнъ, также были предметомъ вниманія и заботы со стороны императрицы. Въ 1782 году, въ именномъ указѣ генералъ-инженеру и генералъ-квартирмейстеру Боуру объ укрѣпленіи городовъ на границахъ могилевской, полоцкой, лифляндской и эстляндской губерній, относительно Нарвы предписывалось (§ 12): «городъ Нарву содержать въ такомъ состояніи, чтобъ

---

[1]) Это имѣніе, по словамъ Ганзена, было испепелено русскимъ отрядомъ въ 1703 году (1-го января въ часъ пополуночи).

[2]) Hansen, Geschichte d. St. Narva, 306, 309, 311, 312, 319—328.

Изъ старыхъ построекъ (временъ Екатерины II) слѣдуетъ еще упомянуть каменное зданіе казармы (нынѣ «нестроевая рота»). Годъ построенія обозначенъ и теперь надъ входными дверьми, надъ которыми имѣется слѣдующая надпись:

№ 28.

«Мастерская построена въ 1768 и 1799 г.».

Послѣдняя дата означаетъ, конечно, время перестройки или ремонта.

только старые его крѣпостные верки исправлены, равелины и покрытый путь въ надлежащую профиль приведены, а представляемые вами (т. е. Боуромъ) при четвертомъ бастіонѣ верки построены были; къ стѣнамъ-же ивангородской крѣпости присыпать земляной валъ, отломавъ до потребной профили высокія башни и прорѣзавъ сквозь твердыя ея стѣны нужныя оборонительныя линіи» [1]).

Мы касались лишь построекъ казенныхъ и общественныхъ зданій, но, несомнѣнно, въ Нарвѣ не прекращалась въ разсматриваемую эпоху и частная строительная дѣятельность. Какъ это обыкновенно бываетъ, постройка новыхъ домовъ находилась въ связи съ пожарами, т. е. вызывалась ими. Страшный пожаръ 9 августа 1773 года, начавшійся въ 3 часа пополудни въ домѣ вдовы полковника фонъ Корфа (которая въ это время находилась въ своемъ имѣніи «Сала»), благодаря свирѣпствовавшему въ этотъ день сильному вѣтру, испепелилъ почти весь «новый городъ» (т. е. мѣстность, начиная отъ нынѣшней «ровяной» улицы, по направленію къ нарвскому форштадту). Разбушевавшеюся огненною стихіею было уничтожено 55 деревянныхъ и 12 каменныхъ домовъ, шведо-финская церковь, хлѣбный магазинъ, 25 лавокъ.

Такимъ образомъ древность построекъ въ мѣстности, называвшейся прежде «новымъ городомъ», не восходитъ ранѣе царствованія императрицы Екатерины II-ой, если не считать нѣкоторыхъ развалинъ, сохранившихся отъ пожара 1773 года.

На отстройку домовъ, вмѣсто уничтоженныхъ пожаромъ, въ 1777 году были розданы отъ города погорѣльцамъ плиты изъ стѣны, отдѣлявшей «старый» городъ отъ «новаго», самая же стѣна, за ветхостію и опасностью обрушенія, разобрана, а съ нею вмѣстѣ—и ворота (т. наз. Karri-Pforte).

Въ 1781 году молнія ударила въ колокольню Спасо-Преображенскаго собора, совершенно разрушила ее и сильно повредила прилегающія зданія. Возникшій отъ этой молніи пожаръ былъ скоро прекращенъ своевременно принятыми мѣрами [2]). Находившіеся на колокольнѣ башенные часы были сильно повреждены. Они долго хранились впослѣдствіи на хорахъ собора и, нако-

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XXI, № 15349.

[2]) Hansen, 316, 317.

нецъ, были пущены въ продажу [1]) (что, разумѣется, очень жалко: такимъ образомъ погибъ не одинъ памятникъ старины!). Колоколъ-же, отбивавшій часы, по сіе время хранится въ соборѣ, такъ какъ еще въ 1783 году, по осмотрѣ его, онъ оказался годнымъ къ употребленію; впрочемъ, онъ безъ языка и сохраняется лишь, какъ памятникъ старины. На немъ имѣется надпись, свидѣтельствующая, что еще до шведскаго владычества онъ служилъ для благовѣста, т. е. былъ церковнымъ, а не часовымъ колоколомъ, и получилъ это послѣднее примѣненіе лишь въ позднѣйшее время, съ утратою русскими церквей въ Нарвѣ. Надпись слѣдующая: «Повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго Василья блаженнаго Божіею милостію государя всея Россіи и великаго князя владимірскаго и московскаго, новогородскаго и псковскаго и смоленскаго и тверскаго и югорскаго и пермскаго и вятскаго и болгарскаго и иныхъ соліянъ колоколъ сей въ преименитомъ и славномъ городѣ Москвѣ въ 12-ое лѣто государства его въ Псковъ его отчину, къ живоначальной Троицѣ лѣта АФКS (1526) мѣсяца августа, а (я) дѣлалъ Николай Ивановъ сынъ Обрякръ, отъ града Шпейера» [2]).

Видъ Спасо-Преображенскаго собора.

Что касается разрушенной колокольни, то отстройка ея тянулась около 60 лѣтъ. Колокола во время постройки были повѣшены во временной деревянной колокольнѣ на столбахъ. Сооруженіе было закончено въ 1842 году, частью на казенныя средства, частью на пожертвованіе нарвскаго купца (со-

[1]) Они были куплены директоромъ кренгольмской мануфактуры г. Андре.

[2]) Beilage zum Sitzungsbericht der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft vom 13 oktober 1865, стр. 7—8. Здѣсь допущена ошибка при переводѣ славянской даты въ арабскую.

борнаго старосты) Лаврецова [1]. Высота нынѣшней колокольни, имѣющей форму круглой башни, 24 сажени (прежде колокольня собора была еще выше). На ней, кромѣ упомянутаго, находятся два старинныхъ русскихъ колокола; одинъ 1763 года, другой — главный (какъ видно изъ надписи)—1779 года, вылитый осташковскимъ купцомъ Евстафіемъ Ѳедотовымъ, раченіемъ протоіерея Ефима Васильева; вѣсу въ этомъ колоколѣ 240 пудовъ. Кромѣ этихъ русскихъ колоколовъ, здѣсь имѣются еще четыре болѣе древнихъ шведскихъ колокола 1674, 1687, 1688 и 1694 годовъ, пудовъ по 40 каждый [2].

Коснувшись древностей Спасо-Преображенскаго собора, считаемъ совершенно необходимымъ сдѣлать краткое перечисленіе и другихъ, находящихся и находившихся въ немъ достопамятныхъ предметовъ и принадлежностей. Это суть:

1) *икона Святителя и Чудотворца Николая*, чудесно спасенная во время пожара 1558 года вмѣстѣ съ упомянутою выше иконою Божіей Матери Одигитріи, хранящейся въ ивангородской Успенской церкви;

2—11) большое *деревянное Распятіе* (нынѣ грубо размалеванное) съ латинскими надписями и древнія еще шведскихъ временъ иконы: *Моленіе о чашѣ* (упомянута въ описи 1704 года), [3] *Распятіе въ рѣзной рамѣ* съ надписями на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, *Коронованіе Божіей Матери*, *Воскресеніе Христово* [4], 2 иконы *Тайной вечери*, одна 1636 года (на обратной сторонѣ надпись: «Templum hoc dealbatum et chorus pingendo ornatus est industria dominorum templi praesulum domini Jacobi Molleri et domini Hermanni Herbers tempore quo Gr(a)eci hic Narvae evangelico praefuerunt reverendi et docti viri dominus Martinus Beer Neustadiensis ad orilam Germanorum pastor et Allentaciae in Livonia quondam praepositus et dominus Ericus Falck Sueonum pastor anno Christi MDCXXXVI mensibus Junii, Julii et Augusti. Soli Deo sit gloria in sempiterna secula. 1636»); другая (напротивъ отъ входа), надо думать, того-же столѣтія; на ней еще въ 50-хъ годахъ была изображена раскрытая книга съ надписями: «Unser Herr Jesus in der Nacht» и «Nehmet Ihr und esset»; кромѣ того, значилось «Reno-

---

[1]) Онъ похороненъ въ «теплой» церкви собора; изъ надгробной надписи (на мѣдной доскѣ въ стѣнѣ) видно, что онъ жилъ 109 лѣтъ.

[2]) Свѣдѣнія о СПБ. епархіи, в. X, стр. 338 и 340.

[3]) Чело Спасителя покрыто каплями кроваваго пота; сверху изображенъ ангелъ, вдали видны слуги архіерейскіе съ горящими факелами и оружіемъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи Іуда.

[4]) У гроба Спасителя изображены 2 ангела: одинъ приподнимаетъ крышку гроба а другой пелену; стража упала ницъ, одинъ воинъ держится за мечъ; въ перспективѣ—жены мироносицы съ кувшинами, идущія къ гробу. Икона—временъ католическихъ.

vatum anno Dom. 1693 d. Dec'bris». Уже въ 60-хъ годахъ эти надписи (вѣроятно, какъ неправославныя) были замазаны краскою [1]); *Восхожденіе пророка Иліи на небо* въ огненной колесницѣ; *Распятіе живописное на доскѣ*; по бокамъ распятаго Христа изображены разбойники, причемъ руки ихъ не прибиты ко крестамъ гвоздями, а привязаны къ нимъ веревками; у подножія Христа, рядомъ съ фигурами четырехъ женщинъ и Іоанна Богослова, изображены римскіе воины и сарацины въ чалмахъ; полагаютъ, что они были прибавлены художникомъ съ цѣлью возбудить негодованіе противъ невѣрныхъ, завладѣвшихъ гробомъ Господнимъ, и по этому признаку заключаютъ, что написаніе иконы относится къ эпохѣ крестовыхъ походовъ; мы предполагаемъ, судя по свѣжей живописи и по сходству манеры письма съ другими находящимися въ соборѣ священными картинами шведскихъ временъ, что и это Распятіе относится къ тому-же времени; можно допустить лишь, что идея его заимствована отъ какого-либо древнѣйшаго изо-

Внутренній видъ собора.

браженія. Заслуживаетъ упоминанія еще одна *икона Спасителя на доскѣ въ ростъ* (находящаяся dos-à-dos съ выше описанной). Прежде рядомъ съ Христомъ была написана колѣнопреклоненная фигура въ черномъ одѣяніи кающагося грѣшника, нарвскаго жителя Клауса Грамбова, какъ это значилось на щитѣ, тутъ же изображенномъ (Clawes Grambow, 1607). Въ 1875 году эта фигура замазана краскою, по распоряженію духовнаго начальства, и на иконѣ виденъ лишь слабый контуръ бывшаго здѣсь изображенія. Глаза Христа обращены на это закрашенное мѣсто, и персты сложены для благословенія. Грамбовъ переѣхалъ на жительство въ Нарву изъ Ревеля, гдѣ въ 1558 году былъ членомъ магистрата. Изъ разныхъ бумагъ его времени видно, что онъ былъ большой сутяга: имя его фигу-

[1]) Beilage zum Sitzungsbericht der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft vom 13 Oktober 1865 (Die ehemalige deutsche Kirche zu Narva, gegenwärtig griechisch-russische Kathedrale zur Verklärung Christi), стр. 11.

рируетъ во многихъ тяжебныхъ дѣлахъ; вообще онъ причинилъ много непріятностей жителямъ Нарвы, за что, какъ говорятъ, и былъ присужденъ къ церковному покаянію;

12) старинная каѳедра съ рѣзными изъ дерева изображеніями Спасителя, Моисея и 4 евангелистовъ, пожертвованная въ первой половинѣ XVII столѣтія бывшей лютеранской церкви комендантомъ Нарвы Шейдингомъ (съ которымъ, какъ выше упомянуто, входилъ въ сношеніе третій самозванецъ, дьяконъ Сидорка изъ-за Яузы). На карнизѣ дверей, ведущихъ на каѳедру, сохранился и самый гербъ жертвователя (голубое поле и на немъ между двухъ звѣздъ сѣкира) [1]). Надъ каѳедрою, исписанною латинскими надписями, возвышается балдахинъ, а надъ нимъ изображенъ пеликанъ, кормящій своихъ дѣтей. Эта каѳедра въ описи 1704 года значится подъ именемъ «проповѣднаго стула». Прежде она поддерживалась деревянною статуею Петра Аѳинскаго съ бородою и лохматою головою, одѣтаго въ тунику. Одновременно съ устраненіемъ въ 1875 году, по распоряженію митрополита Исидора, нѣкоторыхъ неправославныхъ особенностей собора, убрана и эта статуя, тѣмъ болѣе, что простой народъ, принимая ее за изображеніе святого, прикладывался къ ея рукѣ, клалъ земные поклоны, обвѣшивалъ ее крестиками и лентами, лѣпилъ на нее свѣчи и, какъ говорятъ, нѣкоторые даже грызли ее, видя въ этомъ средство отъ зубной боли;

13) царское мѣсто за правымъ клиросомъ, круглое, обитое зеленымъ бархатомъ съ золотою каймою; полъ его устланъ краснымъ сукномъ; сверху балдахинъ съ золоченою короной. Царское мѣсто было приготовлено въ 1708-мъ году, ко дню освященія собора въ присутствіи царя, въ его тезоименитство (29 іюня). Замѣтимъ мимоходомъ, что соборъ освященъ во имя Преображенія Господня, въ память того, что 6-го августа 1704 года была пробита брешь въ бастіонѣ Викторія и обвалился фасъ у бастіона Гоноръ, вслѣдствіе чего былъ засыпанъ землею и плитою ровъ, прежде представлявшій извѣстныя препятствія для штурма. Какъ видно изъ приведенныхъ выше записокъ датскаго посланника Юста Юля, упомянутую брешь Петръ назвалъ «Божьею», видя, конечно, въ обвалѣ бастіона и засыпкѣ рва помощь свыше. Кромѣ царскаго мѣста для Петра, существовало такое же мѣсто для супруги его императрицы Екатерины, но затѣмъ оно, неизвѣстно почему, было вынесено изъ собора;

14) древніе иконостасы, перенесенные въ 1733 году изъ бывшей Александро-Невской церкви, которая въ этомъ году, по повелѣнію императрицы Анны, была возвращена нарвской лютеранской общинѣ; иконостасы эти рѣзные позолоченные, писанные, какъ говоритъ преданіе, по заказу Петра Великаго въ Италіи; впрочемъ, высказывается мнѣніе (г-жа М. А. Холоднякъ), что характеръ живописи этихъ иконостасовъ скорѣе напоминаетъ голландскую школу, и что Петру, не прерывавшему связей съ Голландіей, естественнѣе было сдѣлать заказъ тамъ, тѣмъ болѣе, что голландская живопись вообще въ то

---

[1]) Dreizehnte Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 8 December 1765, 7—8. Beilage zum Sitzungsbericht vom 8 Sept. 1865,5.

время процвѣтала; иконостасъ запрестольный съ рѣзными изображеніями восходитъ еще къ до-петровскому времени;

15) Царскія врата, шириною въ $1^1/_2$ сажени. На нихъ имѣются живописныя изображенія въ овальныхъ рамахъ: на правой сторонѣ—моленіе о чашѣ (одинъ ангелъ держитъ чашу, а другой поддерживаетъ Спасителя), на лѣвой сторонѣ—Тайная вечеря; на карнизахъ царскихъ вратъ помѣщены рѣзные изъ дерева 12 апостоловъ, посрединѣ Божія Матерь, сверху – сошествіе св. Духа, въ видѣ огненныхъ языковъ, сдѣланныхъ изъ золоченой жести а на крайнихъ бокахъ два ангела съ рипидами;

16) наконецъ, изъ предметовъ церковной утвари упомянемъ: *чайникъ, или «курганъ»* серебряный, чеканной работы въ формѣ вазы, 1689 года, принадлежавшій, какъ видно изъ шведской надписи, капитану Ульриху фонъ Гауенъ (Capitain Ulrich von Hauen) и Аннѣ Доротеѣ Ваккеръ (Anna Dorothea Wacker); нынѣ онъ служитъ для храненія святой воды [1]); *серебряный вызолоченный ковшъ* съ надписью: «нарвскаго Преображенскаго собора 1798 года», *два древнихъ напрестольныхъ осьмиконечныхъ креста* чеканной работы, *серебряный подсвѣчникъ 1693 года, серебряная дарохранительница* вѣсомъ 19 фунтовъ 23 зол., пожертвованная Лаврецовымъ; *изъ книгъ*—евангеліе 1701 года, библія 1751 г., розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ 1755 г. и др. [2]). Изъ церковныхъ документовъ сохранились въ архивѣ собора лишь копіи съ метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей съ 1800 года.

Ворота въ оградѣ собора.

По лѣвую руку отъ главнаго входа въ соборъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ можно было видѣть вдѣланный въ наружную стѣну древній крестъ изъ дикаго камня. Нынѣ онъ убранъ и хра-

---

[1]) Въ епарх. сборникѣ неправильно показанъ годъ 1619 и искажены фамиліи (Гейенъ и Факенъ).

[2]) Свѣдѣнія о СПБ. епархіи, стр. 341, 342, 344, 345, 348. Необходимо замѣтить, что многія изъ сообщаемыхъ въ настоящей исторіи гор. Нарвы свѣдѣній являются въ печати впервые.

нится въ сараѣ собора. На крестѣ изображенъ распятый Христосъ, а на четырехъ концахъ креста символическія фигуры 4-хъ евангелистовъ (орелъ, левъ, телецъ и человѣкъ). Изъ старо-нѣмецкой надписи, сдѣланной вязью, видно, что крестъ этотъ служилъ надгробіемъ нѣкоего доктора Павла Вреде, гербъ котораго помѣщенъ тутъ-же (крестъ и мечъ въ видѣ пламени) [1]. Преданіе, однако, говоритъ, что этотъ крестъ означалъ мѣсто гдѣ были замурованы въ стѣну преступные монахи іезуитскаго ордена. По тому-же преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшнее зданіе петербургской гостинницы, стоялъ монастырь, заселенный католическими монахами и духовенствомъ. По другой версіи, впрочемъ, здѣсь былъ женскій монастырь. Зданіе это соединялось съ соборомъ подземнымъ ходомъ, слѣды котораго были обнаружены при устройствѣ погреба въ 1825 году и тогда-же задѣланы плитою.

Выше устанавливая время построенія собора, мы упомянули, что въ немъ находится много древнихъ надгробныхъ плитъ, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ къ 1314-му году [2]. Во время послѣдовавшихъ затѣмъ многочисленныхъ перестроекъ и ремонтовъ собора, при перестилкѣ пола многія плиты были утрачены, а другія вдѣланы не на свои мѣста. Въ 1873-мъ году поверхъ этихъ плитъ настланъ деревянный полъ, закрывшій отъ взоровъ археолога старыя надгробныя надписи и изображенія Этотъ полъ приходится ниже уровня земли. Самый входъ въ склепы задѣланъ и на бывшее его мѣстонахожденіе указываетъ лишь слабый слѣдъ въ стѣнѣ и сохранившееся барельефное изображеніе головы херувима съ крыльями, помѣщающееся надъ нимъ. Замазанный входъ, о которомъ рѣчь, находится въ узкомъ проходѣ между холодною и теплою церквами.

На дворѣ собора мнѣ приходилось видѣть могильную плиту, взятую изъ фамильныхъ склеповъ шведскаго дворянскаго рода Сталь фонъ Гольстейнъ, старинныхъ жителей Нарвы [3]. Съ этой плиты у меня имѣется фотографическій снимокъ, своего рода unicum, такъ какъ во время пожара фотографіи г. Кристинъ, у котораго я пріобрѣлъ пробный экземпляръ снимка съ плиты, погибла и описываемая пластинка; самая же плита, какъ я слышалъ, отдана въ распоряженіе одного изъ мѣстныхъ пасторовъ, и гдѣ находится въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно. Надпись на плитѣ слѣдующая: «Ingermanlandt Iohann Stael von Holstein und seinen Erben»; по краямъ надписи приведенъ годъ 16—92 (т. е. 1692).

Заимствуемъ изъ протоколовъ засѣданій нарвскаго археологическаго общества нѣкоторыя надписи на могильныхъ плитахъ Преображенскаго собора. У южной стѣны камень съ надписью:

[1]) Сообщено мнѣ профессоромъ Иваномъ Ильичемъ Холоднякомъ, снимавшимъ калькъ съ креста.

[2]) Въ упомянутомъ выше нѣмецкомъ описаніи Спасо-Преображенскаго собора (Ганзена) собраны нѣкоторыя надгробныя надписи XVI и XVII столѣтій.

[3]) Объ этомъ см. выше во главѣ о баталіи 1704 года (показаніе захваченнаго Апраксинымъ Георга Сталь фонъ Гольстейна).

Grabstelle
Des Koenigl. Burggraffen
Und Commercien Praesidenten
Herrn Christoff von Kochen.
Wie auch dessen Erben und
Erbnehmer
Anno 1693.

Рядомъ другой камень, на которомъ вырѣзано:

Iohann
Christoff Schwartz
Eltester Buergemeister
Und Haradz Hofding.

Надгробный камень фамиліи Сталь фонъ Гольстейнъ 1692 года.

Nebst seinen Erben
Und Erbnehmern.
Erwarten
Aus dem Grabe
Die Auferstehung.

Zwar erstorben
Nicht verdorben.

Это—надгробная плита нарвскаго бургомистра Іоганна Христофа Шварца, умершаго въ 1699 году (годъ въ надписи стертъ), живописный портретъ котораго находится во дворцѣ Петра Великаго. Около каѳедры находится могильная плита съ гербомъ и надписью: Dieser Stein und Stedte gehören Ulrich Herbers und seinen Erben 1642. Кромѣ того, здѣсь вырѣзанъ текстъ изъ священнаго писанія.

На другихъ плитахъ, принадлежавшихъ той же фамиліи, сохранилась дата 1630 года.

Затѣмъ около плитъ Герберса—камень съ надписью: Diese (r) Stein und Stett gehoeret CLÆS Joost Poortmanns (далѣе, вѣроятно, было Erben) Anno 1651.

Еще болѣе древняя плита: Anno 1571 den 19 (мѣсяцъ неразборчивъ) is in Christo entschlafen selige Karsten Reimers De G. G. S.

Еще: Dieser Stein gehoeret Iohann Nicolaus Reinhold, seinen Erben.

Имѣются плиты и со шведскими надписями; напримѣръ:

Denne Sten och Stelle hører den arewardige Herren Herionis Petri Till [1]).

Самыя старыя плиты уничтожены частію временемъ, частію невѣжественною рукою человѣка.

Въ числѣ могильныхъ реликвій прежняго времени, хранившихся въ соборѣ, слѣдуетъ упомянуть и о находящемся нынѣ во дворцѣ Петра Великаго гробѣ шведскаго полковника Бракеля. Въ 1706 году приказано было высшимъ начальствомъ гробъ Бракеля съ останками сего послѣдняго, а также 70 другихъ гробовъ перенести изъ церкви, передѣлываемой въ русскій соборъ, въ садъ ратсгера Боомгардта, пріобрѣтенный для того городомъ. Наблюденіе за этимъ было поручено нарвскому ратсгеру Іоганну Родде. Однако Родде, повидимому, не безъ вѣдома магистрата утаилъ этотъ гробъ. Узнавъ объ этомъ, оберъ-комендантъ Нарвы Бушъ потребовалъ, чтобы гробъ былъ врученъ нѣкоему Ивану Матвѣеву, но и это распоряженіе долгое время не исполнялось. Тогда явились къ упорному ратсгеру полковникъ Буксторфъ и капитанъ Ломанъ и отобрали у него гробъ Бракеля, который былъ снова поставленъ въ склепъ собора, но затѣмъ при передѣлкѣ подвальнаго свода извлеченъ и долгое время стоялъ на хорахъ, а по снятіи ихъ, въ 1884 году, согласно заключенію императорскаго археологическаго общества, переданъ въ «нарвскій археологическій музей», т. е. большой гильдіи. Командированный упомянутымъ обществомъ въ Нарву, для осмотра гроба дѣйствительный членъ Л. К. Ивановскій представилъ общему собранію подробный докладъ, изъ котораго заимствуемъ нѣкоторыя данныя.

Гробъ сдѣланъ изъ тонкой листовой мѣди и отдѣланъ по всѣмъ сгибамъ золоченою гирляндою чеканной выбойной работы. У изголовья на откосѣ гробовой крышки помѣщена черная доска; изъ надписи на ней, по словамъ Ивановскаго, уцѣлѣли лишь въ разныхъ строчкахъ слова «Obirst» и «Gewie»; на доскѣ же, приходящейся противъ ногъ, надпись совершенно истерлась. Гробъ весь украшенъ гербами выбойной работы съ фамиліями дворянскихъ родовъ, родственныхъ покойному (Мейдель, Мартъ, Врангель и др.). Гербъ самого Бракеля (Brakel von Kochtel) [2]) помѣщенъ на задней стѣнкѣ гроба. Длина гробницы 236 сантим., ширина 81—84 сант., высота 58

[1]) Beilage zum Sitzungsbericht der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft vom 13 Oktober. 1865, 13—15. Орѳографія удержана.

[2]) Кохтель—замокъ близъ Ревеля,—вѣроятно, родовой Бракеля.

сант. [1]). Предполагается, что эта гробница служила футляромъ для другого деревяннаго гроба.

Г. Ивановскій, по непонятной причинѣ, не установилъ даты разсматриваемой гробницы. Между тѣмъ на откосѣ крышки, приходившемся противъ ногъ, показанъ годъ 1688. Г. Ганзенъ, кромѣ того, въ 15 засѣданіи нарвскаго археологическаго общества сообщилъ и болѣе подробное чтеніе надписей на гробѣ, о чемъ г. Ивановскій, заимствовавшій часть своихъ свѣдѣній изъ исторіи города Нарвы того же Ганзена, не навелъ должной справки. Надписи въ чтеніи г. Ганзена слѣдующія. У головы: «Obrister und Königes Man hat gedient der Crone Schweden 42 Iahr treu und wohl zu Wasser und zu Land, ist geboren den 7 August in Ehstland auf seinem Vaterhaus Kochtel im Iahre nach Christi Geburt.... (дальше не прочитано)—von hochuralter adlichen Familie ist..... eingeschlafen aus sein... (конецъ не разобранъ). Затѣмъ на другой доскѣ (на правой

Гробница Бракеля 1688 года.

сторонѣ крышки): «Ihro Königliche Majestät.... den unser allergnädigster... getreuer Mann und Wohlbe.... Anton Brakel» [2]). Итакъ, фамилія на гробницѣ прямо указана, и г. Ивановскому, установившему ее лишь путемъ сравненія гербовъ, не нужно было бы въ поискахъ ея тратить столько времени и остроумія.

Заканчивая разсмотрѣніе эпохи Екатерины II, считаемъ небезъинтереснымъ упомянуть о пребываніи въ Нарвѣ двухъ замѣчательныхъ людей екатерининской эпохи: одинъ жилъ здѣсь добровольно, ища уединенія, въ которомъ могъ всецѣло

[1]) Записки императорскаго русскаго археологическаго общества, томъ I (новая серія). СПБ. 1886, стр. LXXXVI—LXXXIX.

[2]) 15-te Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 9 Februar 1866, стр. 6—8.

отдаваться вдохновенію и поэтическому творчеству; другой, нѣкогда властный и сильный, пробылъ здѣсь нѣкоторое время, какъ узникъ, опозоренный, лишенный сана, съ постыдною кличкою Андрея Враля, изобрѣтенною самою императрицею. Мы разумѣемъ «пѣвца Фелицы»—Державина и знаменитаго архіепископа ростовскаго Арсенія Мацѣевича.

Державинъ посѣтилъ Нарву въ 1784-мъ году, по оставленіи службы въ сенатѣ, во время путешествія въ свои бѣлорусскія деревни. Доѣхавъ до города, онъ замѣтилъ, что дорога стала портиться и, такъ какъ по его соображеніямъ, въ пригородныхъ крестьянскихъ избахъ нельзя было бы заняться литературнымъ трудомъ, или «сочиненіемъ», какъ самъ Державинъ выражался въ своихъ запискахъ, то онъ, оставивъ свой экипажъ съ людьми на ямскомъ постояломъ дворѣ, отправился въ городъ и здѣсь нанялъ небольшую комнату у старухи нѣмки, которая подрядилась также стряпать своему постояльцу кушанье. Въ этой скромной обстановкѣ Державинъ прожилъ болѣе недѣли, въ теченіе которой закончилъ свою оду «Видѣніе мурзы» и здѣсь же приступилъ къ окончанію оды «Богъ». Послѣдняя строфа этой оды ему долгое время не удавалась. Однажды, проработавъ почти всю ночь за письменнымъ столомъ, поэтъ забылся сномъ предъ самою зарею. Онъ увидѣлъ во снѣ, что необыкновенный свѣтъ блещетъ передъ его глазами; проснувшись, онъ продолжалъ видѣть яркій свѣтъ, который какъ бы леталъ по стѣнамъ. Вѣроятно, это были первые лучи занимавшейся зари; но Державинъ придалъ своему видѣнію особое, вѣщее значеніе. Онъ вскочилъ съ постели, слезы полились изъ его глазъ, и, при свѣтѣ лампады, онъ разомъ набросалъ послѣднюю строфу оды:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей.
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,

Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить [1]).

Относительно Арсенія Мацѣевича сохранилось у нарвскихъ старожиловъ преданіе, записанное г. Ругодивцевымъ (Скроботовымъ) и напечатанное имъ на страницахъ гдовско-ямбургскаго листка. По этому преданію, архіепископъ Арсеній былъ человѣкъ слабый тѣломъ, но сильный духомъ. Когда приговоренный синодомъ къ лишенію сана онъ въ послѣдній разъ служилъ литургію, въ церковь явились три епископа, для приведенія приговора въ исполненіе. И вотъ, едва первый епископъ снялъ съ него омофоръ, онъ промолвилъ: «Ты не увидишь своей невѣсты (т. е. церкви)». Другому епископу, снявшему съ него панагію, онъ сказалъ: «Ты погибнешь въ пучинѣ морской». Наконецъ, третьему, отобравшему отъ него митру, онъ предсказалъ: «Ты будешь убитъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ». Преданіе прибавляетъ, что всѣ эти пророчества Арсенія Мацѣевича сбылись въ дѣйствительности: одинъ епископъ, получившій вскорѣ назначеніе во Псковъ, скончался по пути къ мѣсту служенія, другой отправился въ миссію и погибъ во время кораблекрушенія вмѣстѣ съ другими пассажирами, третій убитъ въ алтарѣ (въ Москвѣ) во время бунта, вызваннаго чумою [2]).

То же преданіе повѣствуетъ, что Арсеній Мацѣевичъ нѣкоторое время былъ въ заточеніи въ Нарвѣ [3]). При этомъ, будто бы, его ежедневно подвергали истязаніямъ, такъ что на тѣлѣ его оставались большія раны, но къ утру онѣ всѣ исчезали; самъ-же Арсеній говорилъ при этомъ:

— «Зачѣмъ вы меня наказываете? Я еще священникъ. Вы

[1]) Записки Гавріила Романовича Державина, 1744—1812, изд. русской бесѣды (Бартенева), Москва, 1860, стр. 246; сочиненія Державина. Изд. Смирдина СПБ. 1847, т. I, стр. 4—6. Какъ извѣстно, Державину принадлежало въ новгородской губерніи имѣніе Званка. Управляющимъ въ этомъ имѣніи былъ (по смерти второй супруги Державина, урожденной Дьяковой) сынъ нарвскаго чиновника Петръ Постъ. По возвращеніи въ Нарву онъ привезъ два прекрасной работы стола, принадлежавшіе прежде Державину; гдѣ теперь эти столы, неизвѣстно. См. 5 Sitzung d. N. Alterthums-Gesellschaft. 11—12.

[2]) Значитъ, это былъ архіепископъ Амвросій.

[3]) Какъ говорятъ, Мацѣевичъ содержался въ казематѣ бастіона «Рах», гдѣ теперь раскинутъ новый садикъ (между «темнымъ садомъ» и набережной).

меня не лишили священства. Церковь запрещаетъ наказывать тѣлесно священниковъ. Лишите меня священства, и тогда наказывайте». На слова Мацѣевича не обращали вниманія и по прежнему истязали его. Наконецъ, нарвское начальство получило, будто бы, приказаніе казнить смертію Арсенія, который въ назначенный часъ былъ выведенъ въ поле; тутъ-же были выстроены солдаты, которые должны были исполнить приговоръ; но въ самую рѣшительную минуту прискакалъ въ поле на почтовыхъ какой-то вельможа, который передалъ нарвскимъ властямъ повелѣніе императрицы о переводѣ Мацѣевича въ Ревель [1])...

Въ приведенномъ преданіи, какъ и вообще во всякомъ другомъ, вымыселъ переплетается съ историческою истиною. Мацѣевичъ, по пути въ Ревель, разумѣется, могъ содержаться въ одномъ изъ нарвскихъ казематовъ. Дѣйствительно, наканунѣ отправленія его въ Ревель, генералъ-прокурору князю Вяземскому было предписано увѣдомить ревельскаго оберъ-коменданта Муравьева, чтобы онъ принялъ въ свое вѣдѣніе одинъ казематъ въ крѣпости, въ Выборгѣ, въ Нарвѣ или въ Ревелѣ, пустой, ничѣмъ не занятый, однакожъ крѣпкій и къ житью способный, отдѣленный отъ жилья и протапливалъ его до особаго повелѣнія [2]); однако всѣ обстоятельства, сопровождавшія, якобы, пребываніе въ Нарвѣ бывшаго ростовскаго владыки, являются несомнѣннымъ вымысломъ, который лишь свидѣтельствуетъ, что симпатіи народа въ спорѣ смѣлаго архіерея съ высшею правительственною властью были не на сторонѣ этой послѣдней; явленіе это наблюдалось не только въ Нарвѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ, гдѣ содержался Арсеній Мацѣевичъ [3])...

Ко времени императрицы Екатерины относится также посѣщеніе Нарвы выдающимся русскимъ человѣкомъ, создавшимъ себѣ славу собственно уже въ послѣдующія царствованія. Мы разумѣемъ Карамзина. Онъ былъ въ Нарвѣ въ маѣ 1789 года проѣздомъ за границу. Въ напечатанныхъ затѣмъ въ «москов-

[1]) Гдовско-ямбургскій листокъ, 1872 г., № 42.

[2]) Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій въ ссылкѣ. Истор. очеркъ И. Морошкина въ рус. старинѣ, 1885 г. мартъ, стр. 611—612.

[3]) Какъ извѣстно, онъ скончался въ заточеніи въ Ревелѣ, въ 1772 году.

скомъ журналѣ» письмахъ русскаго путешественника, 24-лѣтній Карамзинъ, отдавая дань господствовавшему тогда романтическому направленію, въ трогательныхъ выраженіяхъ описывалъ оказанное ему въ Нарвѣ семействомъ купца Крамера гостепріимство.

Этотъ отрывокъ изъ «писемъ русскаго путешественника» приводится, какъ образчикъ литературнаго слога Карамзина, во многихъ христоматіяхъ. Приведемъ его и мы, такъ какъ въ этомъ отрывкѣ заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Нарвѣ того времени и ея порядкахъ.

«Рига, 31 мая 1789 г.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу и остановился въ Hôtel de Pétersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастью, ѣхать изъ Петербурга на перекладныхъ, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ, какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то полицейскій и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла среди дороги «Спрячь се въ карманъ!» сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ,—и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати, и съ милою сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-нѣмецки:

— У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте къ намъ—вотъ нашъ домъ—батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ.

— Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по-дорожному, и весь мокръ.

— Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка, а на платье дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!

Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ встряхнуть воду съ шляпы своей, разумѣется, для того, чтобы съ нимъ итти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочислен-

ную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, потчевали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ, племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово.

— Нѣтъ, еще постойте!—сказали мнѣ, и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его. «Богъ съ вами»—промолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку! «Богъ съ вами!» Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобъ онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями. Гостепріимство священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго и столь рѣдкая во дни наши! если я когда-нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! Пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду второго Крамера! Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей.

Почта отъ Нарвы до Риги называется нѣмецкою, для того, что коммисары на станціяхъ нѣмцы. Почтовые дома вездѣ одинакіе—низкіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для проѣзжихъ, въ другой живетъ самъ коммисаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть по двѣнадцати и десяти верстъ. Вмѣсто ямщиковъ ѣздятъ отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; разсказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей..... О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большей части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на нѣмецкую стать, а въ другой все на русскую. Тутъ была прежде наша граница—о Петръ, Петръ!»

Кратковременное царствованіе императора Павла оставило весьма малый слѣдъ въ исторіи Нарвы. Приглашеніе нарвскихъ депутатовъ на коронацію [1]), продолженіе начатыхъ при Екатеринѣ работъ по углубленію устья Наровы, постройка казармъ въ замкѣ, гдѣ прежде жилъ комендантъ, и лазарета съ аптекою въ Ивангородѣ, забота о народномъ здравіи, выразившаяся въ спеціальномъ указѣ на имя генералъ-прокурора (ниже приводимомъ), наконецъ, посѣщеніе города самимъ монархомъ—вотъ и все достопримѣчательное для Нарвы изъ этой эпохи.

[1]) П. с. з. № 17827 (т. 24).

Касательно гидротехническихъ работъ въ устьѣ Наровы императоръ Павелъ положилъ слѣдующую резолюцію на сенатскомъ докладѣ (7 марта 1799 года): «Отдать сей фарватеръ въ смотрѣніе города, который для собственной своей пользы, происходящей отъ онаго, долженъ о содержаніи его въ порядкѣ прилагать свое попеченіе; а состоять сему фарватеру подъ главнымъ надзоромъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора графа Сиверса, яко главнаго директора водяныхъ коммуникацій» [1]).

Мысль императора Павла о необходимости ближайшаго участія городского управленія въ дѣлѣ благоустройства и благосостоянія города подчеркнута и въ указѣ его по поводу посѣтившей Нарву въ 1798 году эпидеміи. Въ указѣ сенатскому генералъ-прокурору князю Куракину отъ 4 іюля указаннаго года (изъ Павловска) читаемъ: «По дошедшему ко мнѣ рапорту о заразительной болѣзни въ городѣ Нарвѣ, къ прекращенію коей представляемы мѣры отъ нарвскаго коменданта генералъ-маіора барона Тизенгаузена, нарвскій магистратъ *медленіемъ своимъ* даетъ способы оной увеличиваться. По сему случаю я вамъ повелѣваю *немедленно сдѣлать строгія предписанія нарвскому магистрату*, дабы безъ потерянія ни малѣйшаго времени всѣ были взяты мѣры предосторожности къ прекращенію таковаго зла. Пребывая вамъ благосклонный Павелъ» [2]).

Въ приведенномъ указѣ подразумѣвается, надо думать, эпидемія холеры, не пощадившая, какъ видно, Нарвы, хотя впослѣдствіи вообще въ Нарвѣ холера никогда не принимала обширныхъ размѣровъ. Мѣропріятія императора Павла по медицинской части въ Нарвѣ находились въ связи съ дѣятельностью государя въ этомъ направленіи по всему государству. Плодомъ этой дѣятельности было изданіе подробнаго карантиннаго устава, учрежденіе въ губернскихъ городахъ врачебныхъ управъ, основаніе медико-хирургическихъ академій въ Петербургѣ и Москвѣ, устройство по городамъ и въ войскахъ лазаретовъ и т. п.

[1]) П. с. з., т. 25, № 18881.

[2]) Сенатскій архивъ, I. Именные указы императора Павла I, стр. 416.

Въ административномъ отношеніи императоръ Павелъ изъялъ Нарву отъ принадлежности къ какой бы то ни было губерніи, повелѣвъ земли, составлявшія нарвскій уѣздъ (при Екатеринѣ II), выдѣлить къ тѣмъ губерніямъ, откуда были присоединены къ нему; городу-же оставить тѣ, которыя имѣлъ до присоединенія къ с.-петербургской губерніи [1]).

Хотя впослѣдствіи, при Александрѣ I, въ 1802 году, Нарва и была снова причислена въ административномъ отношеніи къ с.-петербургской губерніи, но въ судебномъ она была подчинена вѣдомству ревельскихъ учрежденій; съ введеніемъ же земскаго положенія городъ былъ поставленъ въ зависимость отъ ямбургскаго земства, въ пользу котораго долженъ нести различныя службы и сборы.

Такимъ образомъ Нарва очутилась въ двойственномъ положеніи, сильно подорвавшемъ ея значеніе и матеріальное благосостояніе, на что жители города уже съ давнихъ поръ указывали въ своихъ прошеніяхъ высшимъ властямъ. Подробное разсмотрѣніе затронутаго больного для города вопроса заставило бы насъ выйти изъ рамокъ нашего изслѣдованія, и мы ограничимся лишь выводомъ, что присоединеніе всецѣло города Нарвы къ одной изъ сосѣднихъ губерній, съ возстановленіемъ нарвскаго уѣзда, представляется предметомъ первой необходимости для экономической жизни города [2]).

Въ военномъ отношеніи исторія Нарвы временъ Павла не представляетъ сколько-нибудь выдающихся фактовъ, но слѣдуетъ упомянуть, что въ 1800 году, когда ожидалась въ Балтійскомъ морѣ англійская непріятельская эскадра, два находившихся въ нарвскомъ портѣ англійскихъ судна, на которыя прибыла воинская команда для заарестованія, вслѣдствіе наложеннаго амбарго, оказали сопротивленіе, причемъ одинъ русскій матросъ былъ сброшенъ въ воду, а затѣмъ эти суда отрѣзали якорь и ушли въ море. За такой поступокъ императоръ Павелъ повелѣлъ одно оставшееся въ портѣ англійское судно сжечь [3]).

---

[1]) П. с. з., т. 24, № 17827.

[2]) Въ распоряженіи автора имѣются содержательныя и глубоко продуманныя рукописи по этому вопросу, принадлежащія перу покойнаго его отца.

[3]) Русская старина за 1889 годъ, іюльская книжка, стр. 219.

Смертью Павла закончилось первое столѣтіе со времени окончательнаго присоединенія Нарвы къ русскимъ владѣніямъ. Насажденіе русской культуры въ завоеванномъ городѣ за эти сто лѣтъ подвигалось очень медленно. Русскимъ не только нужно было осилить духъ консерватизма и политическихъ мечтаній покоренной націи,—но предстояло еще одолѣть ее нравственно, внутренними своими преимуществами и просвѣщеніемъ, заря котораго едва лишь занималась при Петрѣ Великомъ. Нѣмцы и шведы, хотя и покоренные, оставались у себя дома, со своей западно-европейскою образованностью, со своей рыцарскою честью, со своими преимуществами вѣковой твердо поставленной промышленной и торговой дѣятельности. Ихъ нужно было догнать во многомъ, а затѣмъ и перегнать, чтобы побѣдить ихъ не мѣрами насилія, а внутреннею мощью русскаго духа. Такая эволюція не могла совершиться быстро, и сто лѣтъ для нея—небольшой срокъ.

Мы видѣли, какъ бережно,—если не считать нѣкоторыхъ крутыхъ мѣръ, принятыхъ Петромъ въ виду военнаго времени (мы разумѣемъ выселеніе жителей изъ городовъ),—обращались русскіе государи и государыни съ привилегіями завоеваннаго края. Оружіемъ взятые города надѣлялись льготами, которыхъ не имѣли рускія поселенія, побѣжденный врагъ сохранялъ преимущества, которыхъ не имѣли коренные русскіе, собственною кровью покупавшіе побѣду. Это покровительство завоеванной странѣ продолжалось и большую часть настоящаго столѣтія. Въ имперіи, между тѣмъ, совершились крупные государственные акты: освобожденіе крестьянъ, судебная, земская и городская реформы, введена всесословная воинская повинность.

Послѣ этихъ актовъ, направленныхъ къ уравненію правъ и обязанностей всѣхъ подданныхъ русскаго государя, естественно былъ выдвинутъ на очередь и вопросъ объ уничтоженіи прибалтійскихъ привилегій, колебавшихъ принципъ справедливости и равномѣрности.

Послѣднюю главу нашей исторіи мы посвящаемъ обозрѣнію нѣкоторыхъ событій XIX вѣка, въ которыхъ Нарва участвовала, и краткому изложенію дѣятельности городского самоуправленія. Эта дѣятельность всетаки составитъ хотя-бы долю страницы въ исторіи развитія русскаго самосознанія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

13-го марта 1801 года, когда члены нарвскаго магистрата, закончивъ разсмотрѣніе текущихъ дѣлъ, разошлись уже по домамъ, неожиданно прискакалъ изъ Петербурга курьеръ Иванъ Виноградовъ и привезъ манифестъ, въ которомъ извѣщалось о внезапной, послѣдовавшей отъ апоплексическаго удара, смерти императора Павла и о вступленіи на престолъ Александра I. Вмѣстѣ съ манифестомъ Виноградовъ привезъ и 20 экземпляровъ присяги новому самодержцу. За магистратскими властями немедленно было послано по домамъ—«ad aedes», по выраженію современнаго магистратскаго протокола. Во главѣ городскаго управленія въ то время стояли: юстиціи бургомистръ Гноспеліусъ, полиціи бургомистръ Арпсъ, а членами магистрата (ратманами) были Гофманъ, Кнопъ и Гонгелинъ.

Немедленно состоялось экстренное присутствіе магистрата, былъ прочитанъ высочайшій манифестъ и сдѣлано распоряженіе о приводѣ населенія къ присягѣ. Жители Нарвы лютеранскаго исповѣданія были приведены къ присягѣ пасторомъ Кнорре въ тотъ-же день, въ 3 часа, православные—нѣсколько позднѣе [1]). Послѣдовавшія затѣмъ милости новаго монарха нашли себѣ отголосокъ и въ Нарвѣ, а именно указомъ прав.

[1]) Протоколы нарвскаго магистрата на нѣмецкомъ языкѣ за 1801 годъ (архивный матеріалъ).

сенату отъ 15 марта 1801 года «о прощеніи людей, содержащихся по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи», освобождался, между прочимъ, изъ заключенія въ Нарвѣ отставной лейбъ-казачьяго полка поручикъ Грузиновъ.

Крупныя событія эпохи Александра I отражались въ той или другой формѣ и въ жизни города Нарвы. Въ 1808 году, по объявленіи войны Швеціи, Нарва была укрѣплена, по берегамъ рѣки поставлены батареи, вооруженныя орудіями, устье рѣки также укрѣплено съ обѣихъ сторонъ, а на вновь сооруженныхъ больверкахъ поставлено по два орудія; самая рѣка загражденa бономъ [1]). Военныя дѣйствія, однако, происходили въ сторонѣ отъ Нарвы и только заставляли городъ держаться въ боевой готовности.

Такъ было и въ достопамятный 1812 годъ. Французской арміи, по словамъ Леера, предстояло избрать одно изъ трехъ операціонныхъ направленій: 1) Тильзитъ-Рига-Нарва-Петербургъ, 2) Ковна-Вильна-Смоленскъ-Москва и 3) Гродна-Минскъ-Могилевъ-Калуга-Москва. «Выборъ главнаго между ними—говоритъ Лееръ [2])—обусловливался прежде всего направленіемъ отступленія нашихъ армій и тѣмъ, что главнымъ центромъ Россіи, историческимъ и экономическимъ была и есть Москва. Таковымъ было 2-е операціонное направленіе. По 1-му и 3-му наступали лишь второстепенныя силы французовъ, назначеніе которыхъ заключалось въ обезпеченіи съ фланговъ главнаго ихъ операціоннаго направленія».

Въ началѣ войны можно было ожидать, что непріятель двинется на Петербургъ черезъ Митаву, Ригу и Нарву. Опасеніе это особенно усилилось послѣ того, какъ государь получилъ черезъ графа Салтыкова (своего бывшаго воспитателя) донесеніе отъ рижскаго военнаго губернатора Эссена, что французы заняли Митаву и перешли Двину при Юнгфергофѣ.

По этому поводу Александръ написалъ Салтыкову письмо, свидѣтельствующее о большихъ стратегическихъ познаніяхъ монарха и его политической дальновидности.

«Извѣстіе о Ригѣ, сообщенное мнѣ вами—писалъ государь—ни мало меня не удивляетъ. Вы вспомните, что я всегда сіе предвидѣлъ по превосходству силъ, дѣйствующихъ противъ насъ. Признаюсь, я

[1]) Козакевичъ, 61.

[2]) Лееръ (ред.). Обзоръ войнъ Россіи, часть I, стр. 177.

не полагаю, чтобы переходъ черезъ Двину, о коемъ упоминается въ письмѣ отъ Эссена, былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ идти на Петербургъ, но единственно по правиламъ военнымъ, чтобы передъ осадою запереть Ригу; какъ говорится по французски—«pour cerner la place». Мудрено, чтобы они отважились отправить корпусъ на Петербургъ, прежде нежели участь Риги и дѣйствующихъ армій рѣшена будетъ. Но не менѣе того, какъ я прежде писалъ, всѣ мѣры къ увозу изъ Петербурга всего нужнаго необходимы, и времени терять не слѣдуетъ. Я надѣюсь еще пріѣхать самъ въ Петербургъ къ 21 іюля, но желалъ бы уже найти все приготовленнымъ на всякій случай. Выѣздомъ императорской фамиліи, полагаю, спѣшить нечего, развѣ когда корпусъ непріятельскій уже будетъ приближаться къ Нарвѣ; имѣвъ лошадей, заготовленныхъ по ярославской дорогѣ на Казань, всегда во время успѣть можно выѣхать. Важнѣе, чтобы всѣ тягости заблаговременно были выпровождены. Продолженіемъ же присутствія императорской фамиліи и публика будетъ нѣсколько успокоена. Между тѣмъ, съ помощію Божіею, и арміи дѣйствующія могутъ имѣть успѣхи, которые перемѣнятъ видъ вещей. По послѣднимъ извѣстіямъ все, благодаря Бога, идетъ хорошо. Первая армія совершила свое движеніе къ Витебску, дабы быть между Двиною и Днѣпромъ, и имѣть Смоленскъ въ тылу; вторая уже подошла къ Могилеву, и князь Багратіонъ хотѣлъ атаковать непріятеля. Посему соединеніе сихъ двухъ армій кажется вѣроятнымъ.

Что касается до составленія корпуса для защиты Петербурга, я долженъ замѣтить, что означенныя въ прилагаемой запискѣ войска существенно составляютъ только три полка; прочіе все рекруты, а кавалеріи вовсе нѣтъ. Нельзя ли приступить къ формированію въ Петербургѣ на подобіе того, что дѣлается въ Смоленскѣ и Москвѣ? Употребляя псарей, конюшихъ, конюховъ, форрейторовъ господскихъ, словомъ людей, ѣздившихъ верхомъ, можно весьма скоро составить казачьи полки. Въ Петербургѣ и въ губерніи, по примѣру московскому, ихъ составится довольно значительное число. Къ сему можно присоединить одинъ драгунскій полкъ, оставшійся въ Финляндіи и неназначенный на суда, давъ ему повелѣніе придти въ Петербургъ. Сверхъ того съ каждаго кавалерійскаго гвардейскаго полка осталось по 50 человѣкъ съ двумя офицерами, которые могли бы всѣ служить для образованія сей новой кавалеріи. Три же полка пѣхотныхъ могли бы образовать новую пѣхоту, и тогда корпусъ будетъ довольно значителенъ.

Занявъ позицію подъ Нарвою, можно будетъ непріятеля остановить, тѣмъ больше, что по свѣдѣніямъ, которыя я имѣю, въ верхъ по Наровѣ мосты строить неудобно, по быстротѣ и порогамъ. Неужели Петербургъ захочетъ отстать отъ Москвы въ усердіи къ защитѣ отечества? Прилагаю рескриптъ Кутузову о назначеніи его начальникомъ корпуса для защиты Петербурга»...

Арміи, предназначенной для защиты Петербурга, на случай, если бы Наполеонъ направилъ сюда свои войска, было, присвоено наименованіе «нарвскаго корпуса». Онъ, подъ на-

чальствомъ Кутузова,—впослѣдствіи главнокомандующаго русскихъ войскъ [1]), — долженъ былъ состоять изъ 10 тысячъ человѣкъ, а именно въ составъ его были причислены: митавскій драгунскій полкъ изъ 750 человѣкъ, третьи баталіоны 2-го, 31-го и 41-го егерскихъ полковъ—2.100 чел. (изъ Финляндіи), воронежскій пѣхотный полкъ—2.100 чел., два морскіе полка—2.700 чел., уральская сотня казаковъ, одна батарейная и одна легкая роты—850 чел., нарвская артиллерійская гарнизонная рота—200 чел. (изъ С.-Петербурга), 8 резервныхъ эскадроновъ изъ Старой Руссы и Подгогощины и 4 роты артиллеріи изъ Пскова. Кромѣ этихъ частей, Кутузову были подчинены также всѣ полки, находившіеся въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Финляндіи, сухопутные и морскіе, чтобы онъ, «имѣя ихъ въ единственной своей командѣ, могъ, въ случаѣ надобности, употреблять и соединять ихъ».

Для усиленія нарвскихъ укрѣпленій и производства другихъ, вызванныхъ войною и необходимыхъ для обороны, инженерныхъ работъ былъ командированъ въ Нарву инженерный генералъ Шванебахъ; а для того, чтобы имѣть всѣ свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ отрядовъ, къ послѣдней почтовой станціи, до которой можно было добраться, былъ отправленъ чиновникъ съ нужнымъ числомъ курьеровъ. Нарва вообще признавалась выгодною позиціею, такъ какъ была достаточно вооружена и укрѣплена и представляла извѣстныя топографическія удобства [2]).

Императоръ Александръ вѣрно предугадалъ, что французы не пойдутъ къ Петербургу. Дѣйствительно, у Макдональда подъ Ригой было отъ 40 до 45 тысячъ войска. Для осады Риги слѣдовало оставить половину, съ другой половиной въ 20 съ небольшимъ тысячъ едва ли возможно было предпринять походъ къ русской столицѣ; идти же къ Петербургу со всѣмъ войскомъ также было невозможно, ибо тогда въ тылу оставалась Рига съ ея гарнизономъ и вооруженіями [3]). Французская

[1]) По отъѣздѣ Кутузова начальство принялъ генералъ-лейтенантъ Меллеръ-Закомельскій.

[2]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны въ 1812 году, ч. I, стр. 276—281.

[3]) Назв. соч., стр. 280.

армія пошла другимъ путемъ; Петербургъ и Нарва, готовые встрѣтить врага, остались въ сторонѣ отъ театра военныхъ дѣйствій.

Однако, когда по мѣрѣ движенія непріятелей въ глубь Россіи, почти вся русская земля встала на помощь регулярному войску, когда во всѣхъ почти губерніяхъ начали формироваться народныя ополченія, Нарва въ рвеніи своемъ къ защитѣ отечества не отстала отъ другихъ городовъ. Ополченія, вмѣсто полковъ, дѣлились на дружины, и вотъ одна изъ дружинъ была составлена изъ мѣщанъ петербургскихъ и нарвскихъ, «выставленныхъ (какъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій) по особому усердію купеческихъ обществъ сихъ городовъ» [1]).

Когда воинское счастье склонилось на сторону русскаго оружія, и французская армія начала отступать, оставляя за собою цѣлыя тысячи отсталыхъ, множество плѣнныхъ французовъ было размѣщено по русскимъ городамъ, въ томъ числѣ и въ Нарвѣ. Здѣсь каждая партія французовъ, по прибытіи въ городъ, выстраивалась въ рядъ на рынкѣ, около магистрата. Главный врачъ мѣстнаго военнаго госпиталя, въ сопровожденіи коменданта, осматривалъ прибывшихъ; если между ними оказывались больные, то они немедленно отправлялись въ госпиталь; остальные-же размѣщались по квартирамъ у нарвскихъ жителей и затѣмъ мало по малу отпускались на родину. Многіе французы нашли въ Нарвѣ могилу; непривычные къ русскимъ морозамъ, особенно сильнымъ въ достопамятный 1812 годъ, испытавшіе всѣ невзгоды военнаго времени, утомленные длинными переходами, голодомъ и холодомъ жители юга

---

[1]) Эстляндская губернія выставила подводъ и рабочихъ въ Ригу, Ревель и Нарву на 57.577 р. Въ связи съ разными мѣропріятіями военнаго времени 1808—1814 годовъ находится учрежденіе въ Нарвѣ инвалидной роты и ордонансъ-гаузовъ. Въ именномъ указѣ, объявленномъ военной коллегіи военнымъ министромъ 30 ноября 1809 года, говорилось, что государь императоръ, по уваженію, что во всемъ лифляндскомъ и эстляндскомъ краю находится одна только въ Ригѣ инвалидная рота, высочайше указать соизволилъ учредить въ Нарвѣ также инвалидную роту и причислить ее къ нарвскому гарнизонному батальону. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось зачислить во вновь учреждаемую роту тѣхъ инвалидовъ, которые въ то время проживали въ Нарвѣ. Учрежденіе въ Нарвѣ ордонансъ-гаузовъ послѣдовало съ высочайшаго соизволенія 27 января 1811 года, по представленію наслѣдника престола великаго князя Константина Павловича. П. с. з., №№ 24007 и 24.

гибли массами и остались навсегда «подъ снѣгомъ холоднымъ Россіи». На лютеранскомъ кладбищѣ въ Маріенгофѣ лежатъ кости многихъ французскихъ плѣнниковъ, умершихъ въ Нарвѣ; волны Наровы убаюкали ихъ и, можетъ быть, въ вѣчномъ движеніи перенесли черезъ море къ далекой Франціи ропотъ умершихъ на чужбинѣ и прощальный привѣтъ ихъ близкимъ сердцу, синимъ небесамъ родины и роднымъ могиламъ.

Въ 1802-мъ году Нарва, бывшая до того, по повелѣнію императора Павла, независимою ни отъ какой губерніи, какъ мы уже упомянули, снова была причислена къ составу с.-петербургской губерніи, въ которой остается и въ настоящее время въ качествѣ заштатнаго, безъуѣзднаго города.

Именнымъ высочайшимъ указомъ о штатахъ 37 губерній отъ 1 января 1802 года было постановлено (п. 6): «Городъ Нарву, съ 1797 года вышедшій изъ управленія губернскаго, причислить по прежнему къ губерніи с.-петербургской для лучшей удобности и единообразнаго теченія дѣлъ, о чемъ не оставимъ мы дать дальнѣйшаго нашего предписанія при утвержденіи штата на с.-петербургскую губернію. Поручаемъ правительствующему сенату сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы по всѣмъ дѣламъ, до полиціи принадлежащимъ, городъ сей состоялъ въ вѣдѣніи с.-петербургскаго губернскаго правленія, магистратъ его оставался бы на прежнихъ его, нынѣ существующихъ, правахъ и апелляціяхъ» [1]).

Дальнѣйшимъ развитіемъ указа 1804 года было учрежденіе въ 1811 году въ городѣ Нарвѣ должности полиціймейстера. Полицейская власть такимъ образомъ выдѣлялась отъ магистрата, въ составѣ котораго до того всегда было два бургомистра: юстиціи и полиціи. Поводомъ къ учрежденію упомянутой должности полиціймейстера послужили какія-то мѣстныя недоразумѣнія. Въ указѣ отъ 28 іюля того года именно говорилось: «Его императорское величество, по случаю происшедшихъ недоразумѣній въ настоящемъ полицейскомъ управленіи въ г. Нарвѣ, с.-петербургской губерніи, высочайше повелѣть изволилъ опредѣлить въ оный полиціймейстера [2]). Недоразумѣнія, несомнѣнно, возникли на почвѣ взаимныхъ отношеній магистрата и губернскаго правленія въ области полицейской: магистратъ, обладавшій дотолѣ обширными правами въ этой сферѣ, не желалъ поступиться ими въ пользу правленія, а это послѣднее, какъ высшее въ губерніи учрежденіе, не желало съузить своей компетенціи тѣми рамками, которыя ставилъ ему магистратъ. Съ учрежденіемъ должности полиціймейстера магистратъ совершено лишался полицейской власти, а чтобы въ томъ не было сомнѣній, однимъ изъ послѣдующихъ указовъ того же года постановлено, что полиціймейстеръ въ Нарвѣ находится внѣ всякой зависимости отъ тамош-

[1]) П. с. з., №№ 20099, п. 6, 20134.
[2]) П. с. з., № 24734.

няго магистрата [1]). Разумѣется, такое униженіе сего послѣдняго сильно не нравилось извѣстной части населенія, и вотъ, какъ и прежде въ подобныхъ случаяхъ, составляется депутація; ее отправляютъ въ Петербургъ просить возстановленія нарушенныхъ привилегій. Депутатамъ удастся достигнуть цѣли черезъ 6 почти лѣтъ послѣ изданія непріятнаго указа: 17 мая 1817 года состоялся новый именной указъ (объявленный сенату управлявшимъ министерствомъ полиціи), слѣдующаго содержанія: «Его императорское величество, по всеподданнѣйшей просьбѣ депутатовъ города Нарвы, высочайше повелѣлъ полицію сего города оставить въ завѣдываніи тамошняго магистрата по прежнему на томъ точно основаніи, какъ было сіе до 1811 года, почему и званіе полиціймейстера уничтожить» [2]).

Исторія съ полиціймейстеромъ показываетъ, какъ въ то время правительство было еще безсильно въ борьбѣ съ старыми отживавшими свой вѣкъ учрежденіями прибалтійскаго края, и какъ упорно отстаивали ихъ лица, заинтересованныя въ сохраненіи своего чужеземнаго наслѣдія.

Торговля и пути сообщенія составляли предметъ постоянной заботы правительства времени Александра I. Изъ журналовъ комитета министровъ за 1802—1810 годъ видно, что это новообразованное высшее административное учрежденіе изыскивало способы и принимало мѣры къ снабженію эстляндской губерніи солью. Доставка соли должна была производиться черезъ нарвскій портъ. Въ самой Нарвѣ былъ учрежденъ для храненія соли и оптовой торговли ею магазинъ на 50 тысячъ пудовъ. Такіе же магазины были устроены въ Ревелѣ и Дерптѣ на 100 тысячъ пудовъ [3]). Для довольствія войскъ, стоявшихъ въ Нарвѣ въ 1808 году въ ожиданіи войны съ Швеціею, соль отпускалась, согласно ходатайству тогдашняго нарвскаго коменданта барона Маркловскаго, по казенной цѣнѣ. Главнымъ поставщикомъ соли былъ томскій купецъ Шумиловъ [4]), но она доставлялась также и изъ Англіи, по заказамъ нарвскихъ купцовъ.

Кромѣ доставки соли, правительство въ военное время было озабочено закупкою должнаго количества свинца и селитры;

[1]) П. с. з., № 25814.

[2]) П. с. з., № 26872.

[3]) Журналы комитета министровъ. Царствованіе императора Александра I, т. I. 1802—1810 г., стр. 163.

[4]) Тамъ-же, 164, 165. Для разгрузки соли были построены двѣ казенныхъ пристани: одна у нарвскаго, другая—у ивангородскаго форштадтовъ.

поставщикомъ этихъ необходимыхъ для арміи припасовъ къ портамъ с.-петербургскому, кронштадтскому и нарвскому въ 1809 году былъ нарвскій купецъ Крамеръ. По докладу военнаго министра комитетъ предложилъ Крамеру поставить 10 тысячъ пудовъ свинцу и 30 тысячъ пудовъ селитры (по 9 рублей пудъ) [1]).

Вопросъ объ улучшеніи стоянки и нагрузки судовъ въ нарвскомъ портѣ не утратилъ своего остраго характера и при Александрѣ I. Гидротехническія работы въ это время производились подъ руководствомъ французскаго инженера Деволлана и при непосредственномъ участіи инженеръ-капитана Зеге-фонъ-Лауренберга. Берега устья Наровы снова укрѣплялись сваями и фашинами, за которыми оставлялись сооруженія прежнихъ лѣтъ. Больверкъ на лѣвомъ берегу рѣки былъ продолженъ въ море. Наименьшая глубина на барѣ была въ 1808 году $9^1/_3$ футовъ, такъ что суда могли входить въ рѣку и грузиться у праваго берега, а по свѣдѣніямъ 1806 года глубина воды при входѣ въ устье Наровы простиралась обыкновенно до $10^1/_2$, а при западныхъ вѣтрахъ достигала и 13 футовъ; лишь при восточныхъ вѣтрахъ, въ малую погоду глубина уменьшалась до 9 футовъ [2]). Цѣны на матеріалы, необходимые для работъ по улучшенію нарвскаго порта, держались слѣдующія: кубическая сажень камня 28 рублей, пятисаженное бревно 2 рубля, а четырехсаженное—1 р. 60 коп.

Рядомъ съ улучшеніемъ порта и фарватера Наровы правительствомъ принимались мѣры къ приведенію въ благоустройство и сухопутныхъ сообщеній. На содержаніе въ порядкѣ нарвскаго тракта, столь важнаго въ то время по отсутствію желѣзной дороги и въ торговомъ и въ военномъ отношеніяхъ, по высочайшему повелѣнію 23 октября 1808 года была назначена ежегодная выдача изъ казны въ размѣрѣ 3200 рублей. Эта сумма предназначалась преимущественно на ремонтъ пяти находившихся по означенному тракту станціонныхъ домовъ, построенныхъ подъ наблюденіемъ инженеръ подполковника Экеспарре [3]).

---

1) Тамъ-же, стр. 307. Вмѣсто Крамеръ значится ошибочно Кремеръ.
2) Козакевичъ, 57—60.
3) П. с. з., № 23309.

Къ эпохѣ Александра I относятся слѣдующія постройки въ Нарвѣ: въ 1800—3 г.г. находившійся въ замкѣ артиллерійскій цейхгаузъ 1640-го года былъ перестроенъ въ жилыя казармы для солдатъ (постройка была начата въ 1798 году), тогда же построена тюрьма у «императорскихъ» воротъ (Kaiser-Pforte), ремонтирована башня на биржевомъ домѣ; въ 1805 году отстроенъ новый каменный артиллерійскій цейхгаузъ на валу (вѣроятно, на сѣверной границѣ города, по направленію къ нарвскому форштадту); въ томъ же году закончена постройка шведо-финской церкви св. Михаила, сгорѣвшей, какъ мы видѣли, во время пожара «новаго города» въ 1773-мъ году [1]); въ 1807 году перестроены императорскія ворота; въ 1812 году сооруженъ новый каменный цейхгаузъ для инженерныхъ надобностей, въ городѣ на валу; въ то же время, въ виду войны, производилась починка укрѣпленій и постройка пороховыхъ погребовъ; въ 1819-мъ году одна изъ залъ въ биржевомъ домѣ была приспособлена подъ сцену, чѣмъ положено основаніе театру (нѣмецкому) въ Нарвѣ; въ 1820 году нарвскій купецъ Павелъ Момма построилъ на правомъ берегу Наровы, на участкѣ земли, принадлежавшемъ купцу Бенедикту Крамеру (отсюда названіе «крамарская»), суконную фабрику, на которой первоначально работало около ста фабричныхъ рабочихъ, но затѣмъ число ихъ возросло до четырехсотъ; въ 1822 году были сооружены ворота имени Петра Великаго (петровскія), по дорогѣ въ Эстляндію, и, наконецъ, въ томъ же году разобранъ мостъ, соединявшій городъ съ замкомъ, и задѣланы ворота въ стѣнѣ замка, къ которымъ велъ этотъ мостъ, составлявшій какъ-бы продолженіе вышгородской улицы [2]).

Императоръ Александръ I нѣсколько разъ проѣзжалъ черезъ Нарву. Приведемъ здѣсь описаніе посѣщенія государемъ Нарвы вскорѣ послѣ вступленія на престолъ въ 1802-мъ году, по пути за границу (въ Мемель). Описаніе это помѣщено въ с.-петербургскихъ вѣдомостяхъ того времени, откуда мы и заимствуемъ часть его буквально. Политикъ и читатель газетъ

---

[1]) Съ этого времени до самой отстройки новой церкви шведо-финское общество совершало божественную службу въ биржевомъ залѣ.

[2]) Hansen, 328—332.

могъ прочесть въ № 41 вѣдомостей отъ 21-го мая 1802 года слѣдующее сообщеніе «изъ города и крѣпости Нарвы»:

«Его императорское величество послѣ обѣденнаго стола въ Чирковицахъ прибыть изволилъ въ вожделѣнномъ здравіи въ исходѣ 8-го часа пополудни въ сей городъ [1]). Комендантъ крѣпости генералъ-маіоръ баронъ Маркловскій встрѣтилъ его величество въ воротахъ и при стеченіи обрадованныхъ жителей въ городъ препроводилъ, въ комендантскій домъ, гдѣ ожидалъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Воронцовъ, штабъ и оберъ-офицеры нарвскаго гарнизоннаго баталіона и елецкаго мушкетерскаго полку, члены городового магистрата и прочіе чиновники. Вскорѣ послѣ прибытія его императорскаго величества означенные чиновники и члены магистрата имѣли счастіе быть представлены чрезъ господина коменданта».

Въ день прибытія государя въ Нарву мѣстный пасторъ Скофтъ праздновалъ свою свадьбу. Зная о снисходительности и добротѣ Александра, пасторъ рѣшился пригласить его на свое семейное торжество. Государь не отвергъ этого приглашенія и осчастливилъ новобрачныхъ своимъ присутствіемъ въ ихъ домѣ, при чемъ очаровалъ всѣхъ своею любезностью. Въ качествѣ свадебнаго подарка, онъ пожаловалъ новобрачной брилліантовый перстень [2]).

На слѣдующій день, 21-го мая, въ 8 часовъ утра императоръ былъ на ученьи двухъ ротъ елецкаго полка и при разводѣ, а затѣмъ отправился въ Преображенскій соборъ. Прослушавъ божественную службу, онъ прослѣдовалъ во дворецъ Петра Великаго и здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ и вниманіемъ разсматривалъ различные предметы, принадлежавшіе безсмертному завоевателю Нарвы. Государь обратилъ вниманіе на ветхій видъ дворца и повелѣлъ, чтобы впредь были приняты всѣ возможныя мѣры къ сохраненію «драгоцѣннаго сего для всѣхъ россіянъ памятника». Послѣ дворца

---

[1]) Государя сопровождали: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Кочубей, Новосильцовъ, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ и князь Волконскій (адъютантъ). Богдановичъ, т. I, стр. 29, 30.

[2]) С.-Петербургскія вѣдомости за 1802 годъ, № 41, стр. 1016, и Storch, Rußland unter Alexander dem Ersten, 4 Band, стр. 338. Въ вѣдомостяхъ фамилія пастора неправильно показана Скотфъ (У Шторха—Skoff).

Александръ I посѣтилъ ратушу и осмотрѣлъ водопадъ съ находившимися около него пильными мельницами, а затѣмъ продолжалъ свой путь, сдѣлавъ остановку для обѣда на мызѣ Іевве [1]).

Кромѣ самого императора Александра I, Нарву посѣщали въ его царствованіе и другіе члены императорскаго дома, иностранные и русскіе замѣчательные люди разсматриваемой эпохи.

Въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, проѣхалъ черезъ Нарву наслѣдникъ престола великій князь Константинъ Павловичъ. Главнокомандующій въ Петербургѣ и министръ полиціи Вязмитиновъ, въ ожиданіи проѣзда его высочества, поручилъ петербургскому губернатору Бакунину «тотчасъ на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ отъ Нарвы къ Петербургу имѣть почтовыхъ лошадей во всегдашней готовности и исправности, и притомъ наблюдать всѣ благораспоряженія, высокому его сану подобающія». 8-го іюня великій князь проѣхалъ черезъ Нарву, Кипень, Гатчину и Павловскъ въ Петербургъ [2]).

Въ 1817 году прослѣдовалъ черезъ Нарву великій князь Николай Павловичъ съ супругою Александрою Ѳеодоровною; въ томъ-же году проѣхалъ принцъ Вильгельмъ оранскій съ супругою, урожденною русскою великою княжною Анною Павловною.

Черезъ Нарву совершилъ въ 1813 году свой походъ заграницу свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, а затѣмъ тутъ-же провезли и его тѣло. Во дворцѣ Петра Великаго по сіе время хранится документъ (изъ дѣлъ бывшаго комендантскаго архива), въ которомъ излагается «процессъ для встрѣчи тѣла свѣтлѣйшаго князя Голенищева-Кутузова смоленскаго въ городѣ Нарвѣ» [3]).

Относительно проѣзда Кутузова черезъ Нарву въ 1813 году (за границу) существуетъ слѣдующій разсказъ. Городскія власти, предупрежденныя о томъ, что свѣтлѣйшій прослѣдуетъ черезъ Нарву, рѣшили приготовить ему торжественную встрѣчу: они

[1]) С.-петербургскія вѣдомости за 1802 годъ, № 42, стр. 1051.

[2]) Русская старина, 1892 г., ноябрьская книжка, стр. 439.

[3]) Dritte Sitzung der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft am 14 Oktober 1864, 3.

in corpore, со всѣми знаками отличій, одѣтые по парадному, ожидали знаменитаго путешественника у городскихъ воротъ. Долго стояли они здѣсь, и все никто не являлся, и не было видно экипажа и блестящей свиты князя смоленскаго; проѣхала только простая мужицкая телѣга съ закутаннымъ въ плащъ сѣдокомъ. Всю ночь простояли отцы града у воротъ и, наконецъ, разочарованные разошлись по домамъ. А потомъ оказалось, что сѣдокъ на телѣгѣ и былъ самъ Кутузовъ!

Въ 1815 году былъ въ Нарвѣ, проѣздомъ за границу, и другой замѣчательный человѣкъ александровской эпохи—графъ Ростопчинъ, котораго особенно поразило обиліе камня въ Нарвѣ. По этому повому онъ писалъ въ своихъ запискахъ: «Господи! сколько камней и скалъ въ окрестностяхъ Нарвы. Если бы суждено было Девкаліону снова явиться и произвести новую породу людей, его слѣдовало бы послать въ Нарву; здѣсь ему стоило бы только нагнуться. Если сіе сбудется, то надлежитъ желать, чтобы новая порода была лучше нашей. Камни какъ бы ждутъ; они придаютъ всему краю видъ кладбища. Особенно большія скалы ждутъ надписей. Вырѣзавъ на нихъ надписи, можно смутить всѣхъ антикваріевъ» [1]).

Наконецъ, въ 1821 году побывалъ въ Нарвѣ извѣстный въ свое время писатель Марлинскій (Бестужевъ), авторъ Аммалатъ-Бека; на него произвели сильное впечатлѣніе древнія стѣны и башни Нарвы, а нарвскій водопадъ послужилъ ему источникомъ поэтическаго вдохновенія.

Извѣстіе о кончинѣ Александра I въ Таганрогѣ достигло Нарвы еще до оффиціальнаго подтвержденія этого печальнаго событія. Лишь черезъ 10 дней, 29-го ноября 1825 года, въ $11^3/_4$ часовъ утра была получена въ Нарвѣ эстафета изъ губернскаго правленія, въ которой предписывалось магистрату распорядиться приводомъ всѣхъ жителей къ присягѣ законному наслѣднику престола императору Константину Павловичу, для каковой цѣли препровождался въ магистратъ сенатскій указъ съ 4-мя экземплярами текста присяги на русскомъ языкѣ. Магистратъ немедленно объявилъ о полученномъ из-

[1]) Бартеневъ. Девятнадцатый вѣкъ, книга 2-ая. М. 1872, стр. 123 (записки графа Ростопчина).

вѣстіи городу и разослалъ тексты присяги по церквамъ православнымъ и лютеранскимъ (пасторамъ Дикгофу и Гернбургу). Для нѣмецкаго и финскаго населенія присяга была переведена на понятные имъ родные языки. 30-го ноября всѣ жители города принесли присягу на вѣрность подданства Константину, а затѣмъ городъ сталъ готовиться къ торжественной встрѣчѣ новаго императора во время предстоявшаго проѣзда его изъ Варшавы въ Петербургъ черезъ Нарву... [1]).

Обстоятельства, однако, быстро измѣнились. Черезъ 2½ недѣли, 17-го декабря магистратъ былъ созванъ въ экстраординарное собраніе. Юстиціи бургомистръ Вагнеръ прочелъ членамъ магистрата (Крейманъ, Гентъ и Роше) полученный по эстафетѣ отъ губернатора указъ, въ которомъ сообщалось, что великій князь Константинъ Павловичъ отказался отъ императорской короны, и что вслѣдствіе этого братъ его Николай Павловичъ взошелъ на престолъ россійской имперіи и неразрывно связанные съ нимъ престолы царства польскаго и великаго княжества финляндскаго.

Декабрьскія происшествія въ Петербургѣ не коснулись Нарвы. Мѣстные старожилы не сохранили почти никакихъ воспоминаній изъ этого времени, по непониманію событій. Разсказываютъ лишь, что солдаты на сенатской площади въ Петербургѣ требовали конституціи, подразумѣвая подъ этимъ возведеніе на престолъ супруги Константина. 18 декабря было получено извѣстіе о назначеніи генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова исправляющимъ должность петербургскаго генералъ-губернатора на мѣсто смертельно раненаго декабристами Милорадовича. Наконецъ, 25 декабря поступило въ магистратъ предложеніе с.-петербургскаго губернатора о розысканіи черезъ нарвскую полицію декабриста коллежскаго ассесора Кюхельбекера, стрѣлявшаго на сенатской площади въ вел. князя Михаила Павловича (задержанъ въ Варшавѣ) [2]).

Въ концѣ декабря тѣло почившаго императора Александра I прибыло изъ Таганрога въ Царское село. По полученіи извѣстія объ этомъ, нарвскій магистратъ, въ знакъ траура, поста-

[1]) Во дворцѣ Петра Великаго въ Нарвѣ хранится рѣдкій экземпляръ подорожной, выданной по указу императора Константина Павловича.

[2]) Протоколы магистрата за 1825 годъ (изъ архива).

новилъ до самаго дня погребенія государя ежедневно со всѣхъ мѣстныхъ башенъ производить погребальный колокольный звонъ въ теченіе одного часа.

Затѣмъ 4-го января слѣдующаго 1826 года члены магистрата рѣшили принести поздравленіе императору Николаю I съ восшествіемъ на престолъ и представить ему о стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находилась, якобы, Нарва. Рѣчь, очевидно, шла о подтвержденіи привилегій. [1]) Въ то время таковое подтвержденіе не состоялось, но черезъ 30 лѣтъ, въ 1845-мъ году, особые прибалтійскіе законы были собраны и кодифицированы; такимъ образомъ правовыя особенности края получили законодательное признаніе. Первоначально были санкціонированы постановленія, касавшіяся мѣстныхъ учрежденій и правъ состоянія, а затѣмъ уже въ слѣдующее царствованіе, въ 1864-мъ году, собраны и утверждены и гражданскіе законы губерній остзейскихъ. Нарвское право въ этихъ кодексахъ составляетъ особую юридическую область, изслѣдованіе которой можетъ послужить предметомъ отдѣльной монографіи.

Рядомъ съ подтвержденіемъ, путемъ кодификаціи, мѣстныхъ законовъ императоръ Николай принималъ и мѣры, направленныя къ обрусенію края. Въ отношеніи Нарвы этого рода дѣятельность правительства выразилась въ закрытіи въ 1833 году особой нарвской евангелическо-лютеранской консисторіи, учрежденной въ 1648 году шведскою королевой Христиною (по упраздненіи этой консисторіи нарвскія лютеранскія церкви были приписаны къ петербургскому консисторскому округу), и въ учрежденіи въ 1843 году русскаго уѣзднаго училища.

При шведахъ въ Нарвѣ было два училища, шведское и нѣмецкое, и, кромѣ того, одно шведское училище въ Ивангородѣ. Во главѣ каждаго училища стоялъ ректоръ съ тремя товарищами: шведскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ.

Сохранилось извѣстіе, что въ половинѣ XVII столѣтія русскими помощниками ректора въ одномъ изъ нарвскимъ училищъ были Дементій Архиповъ (1643 г.) и Матвѣй Випицкій (1654 г.); послѣдній состоялъ также толмачемъ въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ при Екатеринѣ II, по представленію с.-петербургскаго губернатора Коновницына, въ 1785 году въ Нарвѣ было открыто русское народное училище, но, просуществовавъ всего 24 г.,

[1]) Протоколы 1825 и 1826 годовъ.

оно было упразднено. Причиною упраздненія, какъ можно думать, было, съ одной стороны, нежеланіе магистрата отпускать суммы на содержаніе русскаго училища, тѣмъ болѣе, что русскій языкъ въ достаточной для практическихъ нуждъ степени преподавался въ нѣмецкой школѣ (Grosschule); съ другой стороны — косность и бѣдность русскаго общества, не сумѣвшаго поддержать своей школы. Правда, вскорѣ снова открылось русское училище, но въ 1833 году и оно было закрыто. Наконецъ, въ 1837 году русскіе жители Нарвы возбудили передъ учебнымъ начальствомъ ходатайство объ учрежденіи въ г. Нарвѣ россійскаго училища. Магистратъ, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по этому вопросу, донесъ губернатору, что нарвскіе граждане россійскаго общества, по бѣдности своей, отказываются отъ отвода подъ училище дома и даже отъ самаго хожденія по дѣлу. Но губернаторъ предписалъ русскимъ жителямъ Нарвы собраться для совѣщанія и затѣмъ представить свой приговоръ. Въ приговорѣ, разумѣется, выражалось желаніе имѣть свое русское училище, при чемъ указывалось, что его можно было бы помѣстить въ тѣхъ же комнатахъ, смежныхъ съ нѣмецкою школою, гдѣ и прежде помѣщалось русское народное училище (зданіе школы съ самаго начала 17 столѣтія помѣщалось на углу «школьной» и «церковной» улицъ). Результатомъ переписки по упомянутому вопросу былъ переводъ въ 1843 году въ г. Нарву, въ старый школьный домъ, высшаго уѣзднаго училища изъ Ямбурга, при чемъ городъ обязался выдавать изъ своихъ средствъ на содержаніе этого училища по 600 рублей ежегодно. Затѣмъ въ 1847 году подъ уѣздное училище былъ купленъ правительствомъ за 14 тысячъ рублей домъ, принадлежавшій нарвскому коменданту барону Веліо (гдѣ нынѣ мужская гимназія), который былъ назначенъ на должность коменданта въ Царское село. Зданія же стараго школьнаго дома были проданы квартирной коммиссіи, а затѣмъ перешли въ частныя руки [1]).

Постройки въ Нарвѣ при Николаѣ I-мъ были слѣдующія [2]). Въ 1829-мъ году окончена капитальная работа по сооруженію моста чрезъ Нарову. Прочный мостъ на гранитныхъ быкахъ, съ массивною чугунною рѣшеткою, украшенною изображеніями старинныхъ доспѣховъ, производитъ впечатлѣніе своею устойчивостью и солидностью, какъ и вообще всѣ постройки временъ Николая. Гранитъ былъ привезенъ изъ Финляндіи (купленъ у купца Шлихина) воднымъ путемъ. Гранитъ этотъ добытъ въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ и тотъ, который пошелъ на александровскую колонну и колонны Исаакіевскаго собора [3]). Планъ этого новаго моста былъ составленъ инженеръ-пол-

[1]) В. Петровъ. Матеріалы къ исторіи учебныхъ заведеній въ г. Нарвѣ Нарва, 1888, стр. 1—7. Hansen, 387, 8, 342.

[2]) Hansen, 333—362.

[3]) Гранитъ добытъ изъ знаменитыхъ питерлакскихъ каменоломенъ.

ковникомъ Брауномъ, подъ наблюденіемъ генералъ-директора Бетанкура. Самая постройка была выполнена военнымъ инженеромъ маіоромъ фонъ-Бульмерингомъ, гидротехникомъ де-Севе, механикомъ Левисомъ и прапорщикомъ Полемъ [1]). Съ обѣихъ сторонъ моста поставлено по двѣ чугунныхъ колонны, съ надписями—на одной:

Отстроенъ въ 1829 году
въ царствованіе
Императора
Николая Перваго,

на другой: Сооруженъ управленіемъ
герцога
Александра Виртемберскаго (sic),
главноуправляющаго
путями сообщенія.

Въ 1830-мъ году крыши ивангородскихъ башенъ были покрыты листовымъ желѣзомъ, взамѣнъ прежней черепицы. Кромѣ того, приведенъ въ лучшее состояніе древній т. наз. «боярскій валъ», примыкающій къ шоссейной дорогѣ. Впослѣдствіи, въ 1847-мъ году, былъ разбитъ небольшой садъ у подножія Ивангорода, близъ моста, а также и внутри крѣпости, около церкви Успенія пресв. Богородицы.

Въ 1842-мъ году было закончено сооруженіе колокольни (на мѣстѣ разрушенной молніею въ 1781 году) Спасо-Преображенскаго собора. Въ 1852 году была построена на средства купца Павла Орлова и освящена епископомъ Христофоромъ ревельскимъ каменная церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, взамѣнъ пришедшей въ ветхость и разобранной церкви (1733) во имя Рождества Христова на ивангородскомъ форштадтѣ (около церкви Знаменія). Лютеранская цирковь св. Іоанна была также подвергнута капитальному ремонту, который начался лѣтомъ 1849 года, а окончился собственно въ 1854 году съ водруженіемъ креста на колокольнѣ.

Изъ другихъ работъ этого времени заслуживаютъ упоминанія: перестройка «темныхъ воротъ», находившихся у входа въ нынѣшній «темный садъ» (1845—1849 г.), которому поло-

[1]) Hansen, 296, 309, 327 и 332.

жено начало собственно въ 1853 году; одновременно съ перестройкой «темныхъ воротъ» производились работы и во дворцѣ Петра Великаго, гдѣ подновлялась также и самая меблировка; затѣмъ въ 1849-мъ году отремонтированы стѣны германовой башни и всего замка, обращенныя къ Наровѣ; но самымъ значительнымъ для экономической жизни города фактомъ было, несомнѣнно, устройство фабрикъ.

1 апрѣля 1836 года купецъ Момма продалъ основанную имъ въ 1820 году фабрику акціонерному обществу, принявшему фирму «нарвской мануфактурной компаніи». Въ составъ этой компаніи, кромѣ купцовъ, вошли и высокопоставленныя лица: предпріятіе сулило, повидимому, большіе барыши. Основателями его были: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде, флигель-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, коммерціи совѣтники Бенедиктъ Крамеръ, Карлъ Мейснеръ и купцы Себастьянъ Крамеръ, Беккеръ, Носовъ и прежній владѣлецъ фабрики—Момма. Фабричное зданіе было расширено и приспособлено для помѣщенія 700 рабочихъ. Затѣмъ въ 1845-мъ году «нарвская компанія», потерпѣвъ, вопреки ожиданіямъ, убытки на предпріятіи, продала фабрику гофъ-банкиру барону Александру Штиглицу, который распорядился сносомъ старыхъ зданій и возведеніемъ взамѣнъ ихъ обширныхъ фабричныхъ корпусовъ. Кромѣ суконной фабрики, Штиглицъ организовалъ въ 1851-мъ году и льнопрядильную мануфактуру. Съ тѣхъ поръ фабрики стали на твердую ногу. Нижеслѣдующія цыфры даютъ понятіе о прогрессѣ нарвскихъ суконной и льнопрядильной мануфактуръ:

Суконная фабрика.

	Въ 1850 году.	Въ 1885 году.	Въ 1895 году.
Число рабочихъ	600 чел.	1.006 чел.	841 чел.
Производство сукна	4.000 кус.	12.380 кус.	—
На сумму	275.000 руб.	1.480.000 руб.	1.739.402 руб.

Льнопрядильная фабрика.

	Въ 1860 году.	Въ 1885 году.	Въ 1895 году.
Число рабочихъ	525 чел.	1.300 чел.	1.715 чел.
Производство парусины . .	38.000 кус.	100.000 кус.	—
На сумму	610.000 руб.	1.600.000 руб.	1.849.737 руб.[1])

[1]) К. Случевскій. По сѣверу Россіи, т. III. Балтійская сторона, стр. 303

Кромѣ упомянутыхъ мануфактуръ, въ Нарвѣ и ея окрестностяхъ въ 1845 году были слѣдующіе заводы и фабрики, по направленію отъ устья Наровы, по лѣвому ея берегу, къ городу: лѣсопильный заводъ француза Жоссона, уксусный заводъ купчихи Лиддертъ, ситцевая фабрика Борнгаузера, поставлявшая свои продукты въ Петербургъ и Ригу, лѣсопильный заводъ полковника Зейдлица на рѣчкѣ Терва-іогги, далѣе кирпичный заводъ и стеариновая фабрика, затѣмъ фабрика свинцоваго сахару, уксуса и красокъ купцовъ Готгольфъ и Клемса, канатная фабрика наслѣдниковъ генерала Тизенгаузена, кожевенный заводъ купца Пыпкина и лѣсопильные заводы Крамера и Сутгофа, у водопада [1]).

Къ 40-мъ и началу 50-хъ г.г. относится также устройство и расширеніе кладбищъ въ Нарвѣ. Эпидеміи холеры 1831-го,

и 304; его-же: Нарва, ея былое и настоящее, стр. 31. Свѣдѣнія за 1894—5 г. заимствованы изъ перечня фабрикъ и заводовъ, изданнаго министерствомъ финансовъ въ 1897 году. Изъ этого-же перечня приведемъ другія данныя касательно суконной и льнопрядильной фабрикъ въ Нарвѣ.

Суконная мануфактура (бывшая барона Штиглица) заключаетъ въ себѣ слѣдующія производства: шерстомойное, прядильное, ткацкое, красильное, отдѣлочное, аппаратное, мыловарное, газовый заводъ и ремонтную мастерскую.

Число рабочихъ дней въ году 295.

Двигатели: паровыхъ машинъ 2, 36 силъ
тюрбиновъ 4, 1120 силъ
керосиновыхъ 1, 6 силъ
газовыхъ 1, 12 силъ.

Паровыхъ котловъ 7.

Поверхность нагрѣва въ квадр футахъ 3615.

Стоимость топлива: а) растительнаго 34.388 р.
б) минеральнаго 105 р.

Льнопрядильная мануфактура имѣетъ производства: прядильное, ткацкое, отбѣльное, отдѣлочное, красильное, швейное, газовый заводъ и ремонтную мастерскую.

Рабочихъ дней 292.

Двигатели: тюрбиновъ 5, въ 1910 силъ.
пар. машинъ 1, въ 19 силъ.

Паровыхъ котловъ 5 съ площ. нагрѣва 2423 кв. ф.
2 л . . . . . 207 . . .

Стоимость топлива: растительнаго 36.006 р.
минеральнаго 8.651 р.

Льнопрядильная мануфактура б. Штиглица имѣетъ отдѣленіе (брезентное) и въ С.-Петербургѣ на бармалѣевой улицѣ.

[1]) Козакевичъ, стр. 65—66.

1848-го и 1853-го годовъ увеличили число могилъ, хотя, правда, весьма незначительно. Въ 1831, напримѣръ, году, когда холера въ особенности свирѣпствовала въ Россіи, въ Нарвѣ было весьма немного больныхъ, а умерло всего двое. Причиною такой слабой смертности въ Нарвѣ были, надо думать, не карантины и военные кордоны, устроенные отъ самаго устья Наровы до Чудского озера, а благопріятныя мѣстныя условія: возвышенное положеніе города и отсутствіе сырости. Холера 1848 года унесла уже болѣе жертвъ, и главнымъ образомъ не въ городѣ, а на форштадтахъ, и въ особенности въ деревняхъ Юала и Кутеркюль. Наконецъ, холера 1853 года свирѣпствовала въ особенности на ивангородскомъ форштадтѣ, въ деревнѣ Самокрасѣ и отчасти на фабрикахъ барона Штиглица; въ городѣ также было нѣсколько случаевъ заболѣванія и смерти отъ холеры; между прочимъ, скончался отъ нея юстиціи бургомистръ Келеръ[1]). Кладбище въ Маріенгофѣ (лютеранское) было расширено прирѣзкою земли сначала съ сѣвера (въ 1842 году), а затѣмъ съ юга (въ 1849 г.). Кромѣ того, въ 1853 году было положено основаніе около нѣмецкаго отдѣльному финскому кладбищу [2]). Православное кладбище также постепенно расширялось, и здѣсь въ 1851 году, на средства Павла Орлова, была сооружена небольшая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, приписанная къ Знаменской церкви [3]).

Какъ самъ императоръ Николай, такъ и другіе члены царствующаго дома неоднократно проѣзжали черезъ Нарву и въ ней останавливались. Николай I былъ въ Нарвѣ въ 1827, 1831 и 1845 годахъ; въ 1844, 45 и 48 г.г. здѣсь былъ наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ, а затѣмъ въ разное время Нарву посѣтили великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи [4]), Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій и нѣкоторые иностранные принцы (Карлъ прусскій, Фридрихъ нидерландскій и герцогъ гессенъ-кассельскій). Осо-

---

[1]) Hansen, стр. 333, 343, 355.

[2]) Тамъ-же, стр. 337, 344 и 357.

[3]) Историко-стат. свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи, X. Приложенія, стр. 139.

[4]) Въ 1854 году они, по осмотрѣ батарей въ Гунгербургѣ, купались на открытомъ мѣстѣ Наровы.

бенно много высочайшихъ особъ собралось въ Нарвѣ въ 1845 году лѣтомъ, во время происходившихъ здѣсь большихъ маневровъ.

Николай Павловичъ останавливался во время этихъ маневровъ въ домѣ барона Веліо (нынѣ зданіе мужской гимназіи). Императору приписываютъ слѣдующій отзывъ о Нарвѣ и ея жителяхъ: «Steinerne Mauern und eiserne Köpfe» (каменныя стѣны и желѣзныя головы). Разумѣется, это—лишь преданіе, за достовѣрность котораго трудно поручиться, равно какъ трудно сказать, чѣмъ могло быть вызвано столь неблагопріятное сужденіе.

Изъ поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ николаевской эпохи касались Нарвы въ своихъ произведеніяхъ: князь Вяземскій (стих. «нарвскій водопадъ»), Фурманъ («нарвская легенда»), Арсеньевъ, А. Н. Муравьевъ, Козакевичъ, Пушкаревъ.

Приведемъ краткое извлеченіе изъ записокъ Арсеньева, посѣтившаго Нарву въ 1832 году. «Сильный зной томилъ насъ – пишетъ Арсеньевъ—во время переѣзда изъ Ямбурга въ Нарву, куда прибыли мы въ два часа пополудни. Гостиница, опрятная и красиво построенная, дала намъ обѣдъ, послѣ котораго отправились мы обозрѣвать городъ, или, лучше сказать, два особенные города (т. е. Ивангородъ и Нарву). Обѣ сіи части города, нѣкогда раздѣленныя и враждебныя, нынѣ соединены и удобно сообщаются между собою величественнымъ мостомъ на гранитныхъ быкахъ; т. наз. «водяныя ворота», похожія на главныя ворота петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, ведутъ во внутренность Нарвы. Каменные высокіе дома, замкнутые узкими улицами, освѣщаемые широкими окнами, украшенные вѣчно движущимися флюгерами и балконами въ видѣ небольшихъ башенъ, свидѣтельствуютъ о давности города и о германскомъ его происхожденіи. Въ главной улицѣ къ примѣчательнымъ зданіямъ принадлежитъ древняя церковь, неизвѣстно когда построенная, и въ 1736 году «renowirt», какъ сказано въ надписи надъ входомъ; на площади внутри города поражаютъ путешественника два готическія сооруженія: одно обращено нынѣ въ городской нѣмецкій театръ (т. е. зданіе бывшей биржи), а другое сохраняетъ доселѣ прежнее свое назначеніе,—это Rathhaus, памятный русскимъ по славнымъ воспоминаніямъ о безсмертномъ преобразователѣ Россіи. Обширная четвероугольная зала занимаетъ средину дома; плафонъ съ эмблематическими изображеніями ее украшаетъ; всѣ изображенія намекаютъ о подвигахъ Великаго. На одномъ концѣ плафона эмблема приличная съ надписью—«Vivens moriens», на другомъ—«Semper ubique», на третьемъ—«Victoria», а на четвертомъ «Loco et tempore». По обѣ стороны залы входы въ горницы, занимаемыя разными присутственными мѣстами,—магистратомъ, коммерческимъ судомъ, акцизнымъ, совѣстнымъ и другими. Въ магистратѣ украшенномъ порт-

ретами россійскихъ государей, начиная отъ Петра I до Николая I, находятся древнія кресла, покрытыя краснымъ сукномъ и поставленныя въ видѣ полукружія надъ возвышеніемъ, гдѣ стоитъ зерцало. Въ сей залѣ Петръ Великій произнесъ приговоръ спасенія и пощады городу Нарвѣ въ 1704 году... Далѣе описывается дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ. Изъ дворца прекрасный видъ на Нарову и на городскія окрестности; вдали видна богатая мыза Штакельберговъ, пожалованная этой фамиліи еще Петромъ. Изъ залы дворца выходитъ балконъ со стеклянными окнами и деревяннымъ переходомъ, на коемъ устроенъ опускной мостъ для схода изъ дворца на земляной валъ, простирающійся круто надъ рѣкою по ея теченію [1]).

Обошедши городъ и обозрѣвъ всѣ главныя примѣчательности, отправился я на водопадъ Ювала. Я любопытствовалъ видѣть его тѣмъ болѣе, что мнѣ хотѣлось сравнить водопадъ нарвскій съ водопадомъ Кивачемъ на рѣкѣ Сунѣ въ олонецкой губерніи, прославленнымъ лирою нашего великаго барда, Державина. Кивачъ видѣлъ я за двадцать лѣтъ передъ симъ, въ 1812 году; но впечатлѣніе, имъ на меня произведенное, осталось неизгладимымъ доселѣ. Дорога къ Ювалѣ лежитъ по просторной равнинѣ, на которой совершилось столько дѣлъ знаменитыхъ въ вѣки минувшіе, и гдѣ русскіе такъ дорого купили первый урокъ въ военномъ искусствѣ. Шумъ отъ паденія водъ раздается далеко. Близъ водопада лежитъ людная деревня г. Крамера, населенная крестьянами, благоденствующими не отъ хлѣбопашества, а отъ промышленной дѣятельности. Приблизившись къ рѣкѣ изумленъ я былъ зрѣлищемъ величественнымъ: широкая рѣка, спокойно несшая доселѣ свои воды, встрѣтивъ сопротивленіе отъ огромныхъ камней, дивною силою природы набросанныхъ поперекъ ея и образующихъ цѣлые утесы, силится разрушить преграды, и съ клокотаніемъ низвергается въ пропасть, къ подошвѣ утесовъ; въ стремленіи своемъ она дѣлаетъ боковыя движенія, прокладываетъ новыя русла и представляетъ цѣлый рядъ водопадовъ, одинъ другого грознѣе [2]). На разныхъ рукавахъ водопада человѣческая промышленность устроила многія заведенія: здѣсь находятся мукомольная и лѣсопильная мельницы и суконная фабрика, вновь учреждаемая: сила воды замѣняетъ тутъ дѣйствіе паровыхъ машинъ. Удаляясь отъ Ювалы, я далъ ему мысленно предпочтеніе предъ Кивачемъ и по большему обилію водъ, и по большей выгодности его положенія» [3])...

Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ въ тяжелое для Россіи время крымской войны. Предполагая, что подробности этой войны болѣе или менѣе извѣстны каждому и держась предѣловъ поставленной нами задачи, мы коснемся

---

[1]) Нынѣ, какъ уже упомянуто, валъ этотъ срытъ, а противъ дворца раскинутъ небольшой садикъ.

[2]) Здѣсь авторъ, конечно, впадаетъ въ нѣкоторую гиперболу.

[3]) Путевыя записки Арсеньева въ «библіотекѣ для чтенія» за 1834 годъ, томъ V, стр. 93—97.

лишь дѣйствій англо-французскаго флота около устья рѣки Наровы и оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ здѣсь русскими моряками и артиллеристами.

Непріятель ожидался въ Нарвѣ и Гунгербургѣ еще въ 1854-мъ году, въ началѣ войны. Городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, гарнизонъ его усиленъ, крѣпости вооружены пушками; орудія съ ивангородской крѣпости были направлены частію въ сторону рѣки, частью къ юальскому полю. Ежедневно производилась пробная пальба въ цѣль, и для того чтобы открыть снарядамъ свободный доступъ къ рѣкѣ, были срыты два казенныхъ зданія, находившихся у подножія Ивангорода: домъ священника ивангородской церкви и зданіе, въ которомъ помѣщалось управленіе водяныхъ и сухопутныхъ коммуникацій. Кромѣ того, было объявлено и нѣкоторымъ частнымъ домовладѣльцамъ, дома которыхъ находились около крѣпости, что по первому приказанію они должны будутъ ихъ срыть.

Впрочемъ, нѣкоторые молодые инженеры и офицеры относились отрицательно къ вооруженіямъ и укрѣпленію старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ Нарвы и особенно Ивангорода. Они разсуждали, что стѣны эти не могли бы оказать серьезнаго сопротивленія даже тогдашнимъ гладкоствольнымъ орудіямъ непріятеля. Непрочность ивангородскихъ стѣнъ подтвердилась въ самомъ началѣ работъ: когда устраивались амбразуры для постановки въ нихъ пушекъ, то отъ сотрясенія, производимаго ударами ломовъ, со стѣны падали не только известка и щебень, но и большія плиты, угрожавшія жизни рабочихъ. Комендантъ Ярмерштедтъ всетаки приказалъ продолжать работу, а для предохраненія рабочихъ отъ падавшихъ камней онъ распорядился постройкою блиндажа (деревянной крыши на столбахъ), который и служилъ прикрытіемъ. Во все время производства работы (подъ руководствомъ инженернаго прапорщика Эвальда) камни падали со стѣны и стучали о крышу.

Когда, наконецъ, амбразуры были пробиты и пушки въ нихъ поставлены, комендантъ поручилъ инженеру Эвальду произвести съемку мѣстности, а также нанести на общую карту и поставленную на правомъ берегу Наровы, въ разстояніи полуверсты отъ Ивангорода, батарею. Когда Эвальдъ

произвелъ съемку и явился съ нею въ комендантское управленіе, то оказалось, что мѣсто батареи, показанное имъ на картѣ, пришлось въ другомъ мѣстѣ сравнительно съ тѣмъ, которое значилось на старомъ планѣ. Не довѣряя себѣ, онъ пригласилъ на помощь сапернаго капитана Одинцова. Однако, по совмѣстно произведенной ими съемкѣ, мѣсто батареи снова не совпало со старымъ планомъ. Оставалось заключить, что старый планъ былъ невѣренъ. Доложили объ этомъ коменданту, но онъ рѣшительно опротестовалъ заключеніе офицеровъ о невѣрности стараго плана, который по его личному порученію незадолго до того былъ провѣренъ и подписанъ однимъ изъ старыхъ и опытныхъ инженеровъ. Ярмерштедтъ поручилъ Эвальду и Одинцову снова произвести съемку, но и на этотъ разъ показанія ея сошлись съ прежними. Комендантъ всетаки имъ не повѣрилъ; онъ ужасался при мысли, что въ крѣпости, приготовлявшейся встрѣтить непріятеля, чуть ли не наканунѣ самаго нападенія, могъ быть невѣрный планъ.

— Это было бы чудовищно!—возражалъ онъ докладчикамъ.

Тогда попросили его лично присутствовать при съемкѣ, и онъ убѣдился, что она производилась правильно. Старый планъ, удостовѣренный въ комендантскомъ управленіи, оказался невѣрнымъ. Приглашенъ былъ инженеръ, удостовѣрившій его, и тутъ онъ сознался, что, не провѣряя плана, расписался на немъ, будучи увѣренъ въ его правильности. Въ виду строгостей военнаго времени, онъ былъ немедленно посаженъ на гауптвахту, а Эвальду и Одинцову поручено исправленіе плана.

Затѣмъ, чтобы провѣрить дальность прицѣла пушекъ, было сдѣлано нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ боевыми снарядами. По роковой ошибкѣ между ядрами попала снаряженная граната съ ударной трубкой. Перелетѣвъ батарею, она завязла въ пескѣ и не разрядилась. Послѣ этой пробной стрѣльбы, убѣдившей коменданта въ правильности постановки орудій и батарей, три солдатика нашли упомянутую гранату, выкопали ее изъ песка и хотѣли воспользоваться находившимся въ ней порохомъ. Они начали вынимать ударную трубку. При этомъ произошелъ взрывъ, и осколками гранаты одного солдата убило, а двоихъ тяжело ранило.

Вообще комендантъ, а за нимъ старшіе офицеры—плацъ-маіоръ (полковникъ Гноспеліусъ), плацъ-адъютантъ (Шредеръ), начальникъ инженерной команды (Алопеусъ) и др. находили высадку англичанъ около Нарвы вполнѣ вѣроятною и возможною. Молодые офицеры, напротивъ, высказывали мнѣніе, что едва-ли непріятель высадится у Нарвы, удаленной довольно значительно отъ моря. Къ тому же они полагали, что если даже и допустить здѣсь высадку, то, конечно, она будетъ сдѣлана для того, чтобы идти далѣе на Петербургъ, и тогда, разумѣется, англичане высадятъ такое войско, которое «проглотитъ маленькую Нарву въ одинъ день и даже не поморщится» [1]).

Нечего и говоритъ, что мнѣніе старшихъ офицеровъ восторжествовало, и оборонительныя мѣры продолжали приниматься. На случай военныхъ дѣйствій военный госпиталь съ того мѣста, гдѣ онъ находится и нынѣ, былъ переведенъ на полковой дворъ, къ германовой башнѣ. Стоявшіе въ Нарвѣ солдаты были размѣщены частью здѣсь-же, частью въ Ивангородѣ, гдѣ имъ были отведены подъ квартиры хлѣбный магазинъ и цейхгаузъ и, кромѣ того, построены временные деревянные бараки; часть-же войскъ размѣстилась въ свободномъ помѣщеніи, служившемъ для храненія и браковки льна. Городскія ворота ежедневно запирались въ 9 часовъ вечера, и послѣ этого времени въ городъ уже никто не впускался. Городскимъ жителямъ, особенно владѣльцамъ деревянныхъ домовъ на форштадтахъ, предписано было имѣть на чердакахъ запасы воды на случай, если-бы непріятельскіе снаряды зажгли кровли [2]). Нѣкоторые (правда, немногіе) покинули свои жилища и потянулись со всѣмъ скарбомъ во внутренніе города Россіи. О степени опасности жители предупреждались флагами условленныхъ цвѣтовъ.

Внѣ города, по всей Наровѣ также были сооружены береговыя батареи, наиболѣе сильныя въ деревняхъ Поповкѣ и Вазагофѣ (Федоровкѣ); рѣка была загораждена бономъ и въ разныхъ мѣстахъ ея проложены мины. Но самыя основательныя вооруженія и укрѣпленія были сдѣланы въ Гунгербургѣ и

[1]) Оборона Нарвы въ 1855 году (изъ воспоминаній участника). Статья въ правительственномъ вѣстникѣ за 1893 годъ (№№ 221—222).

[2]) Слышалъ отъ старожиловъ ивангородскаго форштадта.

лежащемъ напротивъ Магербургѣ. Здѣсь были сооружены двѣ батареи, на которыя поставлено по 9 чугунныхъ пушекъ 12 и 24-фунтоваго калибра. Изъ этихъ пушекъ производилась ежедневно примѣрная стрѣльба въ цѣль, поставленную на рейдѣ. Устье рѣки Луги, равно какъ и устье Наровы, были заграждены составными бонами и, кромѣ того, по берегамъ Луги были устроены ложементы для стрѣлковъ и брустверы для орудій, но послѣднія сюда поставлены не были. Въ Гунгербургъ на помощь артиллеріи былъ командированъ батальонъ пѣхоты и отрядъ казаковъ, а впослѣдствіи въ 1855 году около устья р. Россони стала нарвская канонерская флотилія подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта барона Штакельберга. Маякъ въ Гунгербургѣ былъ потушенъ, забитъ досками и выкрашенъ въ темно-сѣрый цвѣтъ, чтобы его совершенно не было видно издали.

Между Гунгербургомъ и г. Нарвою была устроена сигнальная линія, состоявшая въ томъ, что на опредѣленномъ другъ отъ друга разстояніи врывались въ землю длинные шесты, у которыхъ стояли сторожа и, въ случаѣ надобности, поднимали условленные сигнальные знаки. Въ ночное время для подачи сигналовъ служили котлы, въ которыхъ зажигалась смола [1]). Электрическій телеграфъ былъ устроенъ лишь впослѣдствіи, въ 1855 году.

Лѣто 1854 года прошло въ тщетномъ ожиданіи непріятельской флотиліи, хотя англо-французскія суда и появились около Ревеля; а затѣмъ, когда стало извѣстно, что непріятель не остался на зимовку въ Балтійскомъ морѣ, военное положеніе въ Нарвѣ было снято. Спокойствіе продолжалось здѣсь, однако, лишь до весны слѣдующаго года. Съ марта мѣсяца снова начинается движеніе войскъ черезъ Нарву. Главная часть ихъ направлялась въ Ревель и другіе города и мѣстечки эстляндской губерніи, лежавшіе на протяженіи Финскаго залива. Вслѣдъ за войсками прошли черезъ Нарву и дружины «государственнаго ополченія», образованнаго, по повелѣнію императора Николая I, изъ жителей разныхъ городовъ, на подобіе ополченія 1812 года. Нарва также выставила ополченцевъ, въ числѣ 24 человѣкъ,

[1]) Hansen, 359.

6 человѣкъ нѣмецкихъ бюргеровъ, 7—изъ шведо-финской общины и 11 русскихъ мѣщанъ, которые вошли въ составъ ямбургской дружины.

Начальники дружинъ и ихъ подраздѣленій выбирались изъ дворянъ. Въ ямбургской дружинѣ, оставшейся въ Нарвѣ и расположившейся въ Ивангородѣ, числились: князь Трубецкой, графы Бобринскій и Шуваловъ, Карамзинъ, князь Мещерскій, а главнымъ командиромъ этой дружины былъ полковникъ Зиновьевъ который въ случаѣ военныхъ дѣйствій предназначался комендантомъ Ивангорода. Общины, выставлявшія ополченцевъ обязаны были снабжать ихъ одеждою и провіантомъ на 9 мѣсяцевъ.

Къ концу мая въ Нарвѣ, кромѣ ямбургской дружины, сосредоточилось войска 5900 человѣкъ, а именно:

1)	4-ый учебный карабинерный полкъ, въ которомъ числилось около	3000 чел.
2)	2 резервныхъ батальона егерскаго полка принца Альберта саксонскаго	1500 »
3)	изъ гренадерскаго полка императора Франца около	200 »
4)	полевой артиллеріи	150 »
5)	крѣпостной » (гарнизонной)	150 »
6)	въ артиллерійской службѣ (т. е. разныхъ рабочихъ, мастеровъ и т. п.)	700 »
и 7)	саперъ	200 »

Часть этихъ войскъ, а кромѣ того 4 канонерскія лодки съ 300 моряковъ расположились около устья р. Наровы въ Гунгербургѣ и Магербургѣ [1]).

За время ожиданія непріятеля ополченцы и офицеры вели разсѣянный образъ жизни: выѣзжали на охоту, устраивали пикники и балы для городскихъ жителей. Лица богатыхъ и аристократическихъ фамилій (каковыхъ особенно много было въ ополченіи) не могли отрѣшиться отъ привычекъ и удовольствій свѣтской жизни. Семейства офицеровъ нарвскаго горнизона

[1]) Hansen. стр. 368—370, 375—377. Въ Гунгербургѣ находился одинъ батальонъ карабинернаго полка, 2 роты егерей, до 100 казаковъ, сотни двѣ артиллеристовъ и 300 канонировъ на лодкахъ.

(коменданта, плацъ-адъютанта, полкового командира и др.) также устраивали вечеринки съ танцами. Однимъ словомъ, военное положеніе, на которомъ объявленъ былъ городъ, не препятствовало обитателямъ его веселиться. Стража, поставленная у городскихъ воротъ, какъ намъ передавали старожилы, часто захватывала послѣ 9 часовъ вечера (когда ворота закрывались) лицъ въ маскарадныхъ костюмахъ и, не довѣряя ихъ увѣреніямъ и подозрѣвая шпіонство, задерживала ихъ, пока не пробивали утреннюю зорю.

6-го іюня 1855 года, въ 2 часа пополуночи, по мирно дремавшему гунгербургскому взморью пронеслись звуки тревоги. Смотритель маяка корпуса флотскихъ штурмановъ капитанъ Смирновъ сообщилъ начальнику расположеннаго на устьѣ Наровы отряда подполковнику Ерчевскому и командиру приморскихъ батарей корпуса штурмановъ капитану Рагозину, что на горизонтѣ показались силуэты непріятельскихъ судовъ. Немедленно закипѣла работа, всѣ заняли предначертанныя диспозиціею мѣста, задымились ядрокалительныя печи, раздались слова команды, настало торжественное время отпора вражеской атакѣ и смерти на полѣ брани.

Въ $3^1/_2$ часа утра непріятельская эскадра остановилась въ наровской губѣ, внѣ выстрѣловъ съ русскихъ батарей (въ разстояніи 3 верстъ къ сѣверозападу отъ нарвскаго маяка). Здѣсь были два двухъ-дечныхъ (т. е. съ двумя палубами, вооруженными пушками) винтовыхъ англійскихъ корабля Exmouth и Blenheim и двѣ винтовыя канонерскія лодки Pincher и Snapp. На Exmouth'ѣ развѣвался контръ-адмиральскій флагъ командира судна Сеймура. Непріятель нѣкоторое время разсматривалъ и изучалъ наши позиціи, при чемъ контръ-адмиралъ Сеймуръ по ошибкѣ принялъ небольшую группу казаковъ лейбъ-атаманскаго полка, скакавшую по берегу для передачи приказаній, за значительный отрядъ кавалеріи (какъ онъ доносилъ своему правительству).

Въ 4 часа утра канонерскія лодки отдѣлились отъ кораблей и, взявъ направленіе влѣво отъ лѣвой русской батареи, бросили здѣсь якорь также внѣ выстрѣловъ изъ нашихъ орудій.

Англійскія канонерскія лодки открыли продольный огонь по лѣвому флангу батареи, только передъ самымъ ихъ поя-

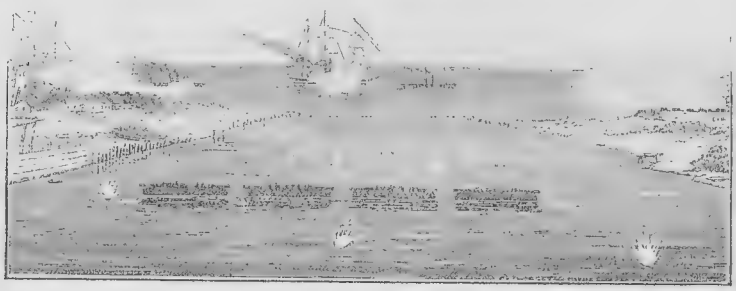
вленіемъ наскоро защищенному. 68-ми и 96-ти фунтовыя ядра, бомбы и конгревовы ракеты потрясали воздухъ, берегъ мгновенно былъ усѣянъ неразрядившимися снарядами. Нѣкоторыя ядра, перелетая русскія батареи, ложились почти у самой деревни Кутеркюль и около устья Россони, гдѣ стояла канонерская флотилія капитанъ-лейтенанта барона Штакельберга, которая принуждена была нѣсколько отступить вверхъ по Наровѣ, чтобы стать внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Русскія батареи отмалчивались, выжидая приближенія къ берегу англійскихъ судовъ. Дѣйствительно, канонерскія лодки вскорѣ заняли позицію, до которой могли уже достигать выстрѣлы изъ малокалиберныхъ сравнительно (12-ти и 24-хъ фунтовыхъ) русскихъ пушекъ. Тогда раздалось первое русское «пли!»—и грянули отвѣтные наши выстрѣлы. Такъ какъ не всѣ еще пушки были поставлены на лѣвой батареѣ, то пока огонь былъ открытъ главнымъ образомъ съ правой батареи, находившейся на магербургскомъ берегу.

Непріятельскія лодки, получивъ пробоины и другія поврежденія, удалились на прежнюю позицію, внѣ русскихъ выстрѣловъ, откуда продолжали посылать свои тяжеловѣсные снаряды на наши батареи. Канонада продолжалась до 8 часовъ утра. Затѣмъ англійскія лодки сдѣлали перерывъ и отплыли къ своимъ кораблямъ, пока еще безмолвно стоявшимъ на рейдѣ. Воспользовавшись затишьемъ, наши артиллеристы наскоро закусили, а затѣмъ вмѣстѣ съ саперами дѣятельно принялись за починку и укрѣпленіе батарей, особенно не вполнѣ оконченнаго къ приходу врага фланга лѣвой батареи, куда только теперь были втащены два новыхъ орудія.

Въ 10 часовъ утра всѣ непріятельскія суда подвинулись къ берегу и приготовились къ новой канонадѣ, но въ это время съ сѣверо-запада подулъ вѣтеръ и набѣжалъ шквалъ съ дождемъ. Это непредвидѣнное обстоятельство пріостановило военныя дѣйствія, которыя начались снова лишь черезъ 3 часа, когда тучи очистили небо. На этотъ разъ всѣ англійскія суда открыли непрерывный огонь изъ 180 своихъ орудій, на которыя могли отвѣчать лишь 20 русскихъ. Безъ суеты, съ выдержкой и хладнокровіемъ генералъ Даллеръ и подвѣдомственные ему командиры батарей прапорщики Рустейко и

Бурундуковъ отдавали приказанія артиллерійской прислугѣ и сами наводили орудія подъ ревомъ пролетавшихъ надъ ихъ головами непріятельскихъ снарядовъ.

Англичане большею частію держались внѣ нашихъ выстрѣловъ, не желая, повидимому, подвергаться риску подъ мѣткими выстрѣлами съ русскихъ батарей, которымъ удалось причинить довольно сильныя поврежденія какъ обѣимъ канонерскимъ лодкамъ, такъ и судну Blenheim, такъ что впослѣдствіи, по удаленіи изъ наровской бухты, всѣ эти суда, прибывши на стоянку къ острову Сескару, цѣлый день занимались починкою бортовъ, мачтъ и другихъ принадлежностей. Непріятель щедро и даже расточительно разсыпалъ свои снаряды, но дальность разстоянія, особыя свойства гунгербургскаго песчанаго грунта, обильное количество природныхъ бугровъ и насы-



Артиллерійскій бой въ устьѣ р. Наровы 6 іюня 1855 года.
Съ соврем. гравюры на деревѣ.

пей препятствовали правильному разряжанію снарядовъ, для чего необходимо было паденіе ихъ на твердую каменистую почву. Около 4 часовъ пополудни англичане прекратили канонаду, убѣдившись въ полной ея безуспѣшности и невозможности сбить наши батареи. Одинъ за другимъ непріятельскія суда ушли въ море.

За все время 7-ми часовой канонады непріятель выпустилъ нѣсколько тысячъ снарядовъ; наши батареи послали ему въ отвѣтъ 292 ядра и, какъ мы видѣли, не совсѣмъ безуспѣшно. Потери русскихъ были весьма незначительны, а именно контуженъ генералъ-маіоръ Даллеръ и убиты два артиллериста Михаилъ Хурсовъ и Алексѣй Максимовъ, оба молодые, незадолго до войны поступившіе на службу (27 и 22 лѣтъ). Хур-

совъ стоялъ на лафетѣ и наводилъ орудіе, а Максимовъ, стоя на лѣвой сторонѣ того же орудія, поворачивалъ хоботъ лафета, и едва Хурсовъ промолвилъ: «довольно, такъ хорошо!»—непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги, одну выше, другую ниже колѣнъ, а Максимову раздробило голову. 8-го іюня погибшіе на полѣ брани артиллеристы были погребены. Нынѣ надъ ихъ могилою на гунгербургскомъ кладбищѣ, по постановленію нарвской городской думы отъ 12 іюля 1887 года, поставленъ желѣзный крестъ, съ надписью на мѣдной доскѣ:

Могила
двухъ храбрыхъ
русскихъ артиллеристовъ,
павшихъ во время
бомбандированія (sic)
Англичанами
Усть-Наровы
6 іюня 1855 года [1]).

Поврежденій на правой батареѣ не оказалось никакихъ, а на лѣвой у одной пушки отбитъ виноградъ, у другой подбита муфта; затѣмъ попорчена ядрокалительная печь, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрушенъ брустверъ. Поврежденія эти были исправлены въ два дня, кромѣ орудія съ отбитымъ виноградомъ, но этотъ недостатокъ, не мѣшая орудію дѣйствовать, составилъ, по выраженію капитана Лаврова, «навсегда его боевое украшеніе». Отъ непріятельскихъ снарядовъ пострадали нѣкоторые дома въ Гунгербургѣ. Одно ядро попало въ зданіе, принадлежавшее торговой фирмѣ Гендтъ и комп., пролетѣло черезъ нѣсколько комнатъ, разрушая все попадавшееся на пути, и случайнымъ образомъ остановилось въ прочно построенномъ каминѣ, гдѣ и разорвалось. Не будь этой счастливой случайности, ядро, разрядившись въ комнатѣ, могло бы произвести пожаръ дома Гендта, а съ нимъ вмѣстѣ и другихъ сосѣднихъ зданій, особенно примыкавшей къ дому фабрики пищевыхъ продуктовъ наслѣдниковъ тайнаго совѣтника Демидова, а затѣмъ могъ бы выгорѣть весь Гунгербургъ, которому въ эту достопамятную канонаду счастье особенно благопріятствовало.

[1]) На постановку креста думою было отпущено изъ городскихъ средствъ 50 рублей.

Выстрѣлы изъ непріятельскихъ орудій были слышны и въ Нарвѣ. Часть жителей разъѣхалась по сосѣднимъ деревнямъ (Сыренецъ и др.). Болѣе смѣлые, напротивъ, отправились къ деревнѣ Кутеркюль, гдѣ и слѣдили за ходомъ канонады. Молчаніе нашихъ батарей въ началѣ ея приводило нѣкоторыхъ къ страшной мысли, что орудія наши сбиты; но послѣдовавшіе затѣмъ отвѣтные русскіе выстрѣлы ободрили упавшихъ духомъ. Городскія власти Нарвы наблюдали за ходомъ сраженія съ башни биржевого дома въ подзорныя трубы. Вѣсть объ уходѣ непріятельской эскадры всѣхъ успокоила и обрадовала. Впрочемъ, нѣкоторые городскіе жители, вѣроятно, въ виду незначительныхъ жертвъ съ нашей стороны, умаляли значеніе боя въ наровской бухтѣ. Только этимъ можно объяснить слышанный мною разсказъ, будто англійскій адмиралъ бомбардировалъ устье Наровы не въ серьезъ, а лишь ради шутки, справляя свои именины. Скорѣе самый этотъ разсказъ—просто солдатская шутка, продуктъ острословія русскихъ канонировъ, столь легко отдѣлавшихся, когда, не будь во время укрѣпленъ лѣвый флангъ батареи, могли бы полечь костьми всѣ 100 человѣкъ артиллеристовъ, здѣсь находившихся. Не забудемъ, что наши солдаты, по свойственному русскому человѣку природному юмору, отпускали свои шуточки и остроты и въ болѣе тяжелыхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, на севастопольскихъ батареяхъ, въ виду смерти, постоянно носившейся надъ славными защитниками.

Англійскіе корабли въ наровской бухтѣ были отражены нашими батареями какъ разъ въ тотъ самый день (6 іюня), когда отбита атака союзниковъ на малаховъ курганъ въ Севастополѣ.

Всѣ участники артиллерійскаго боя у Гунгербурга получили, по представленію нарвскаго коменданта, военные знаки отличія; офицеры повышены въ чинахъ, получили ордена св. Анны съ мечами; солдатамъ прислано нѣсколько георгіевскихъ крестовъ, былъ награжденъ также и командиръ нарвскихъ лоцмановъ, лоцъ-капитанъ Гансъ Кокъ, получившій двѣ серебряныя медали на шею: одну на аннинской, другую на георгіевской лентѣ.

«Этотъ бой еще разъ доказалъ — говоритъ капитанъ Лав-

ровъ, — что въ артиллерійскомъ дѣлѣ число орудій, величина калибровъ, быстрота стрѣльбы не такъ важны, какъ хладнокровная распорядительность начальника, спокойное самоотверженіе прислуги, вѣрный расчетъ дѣйствительности выстрѣловъ и знаніе своего дѣла». «Конечно—заключаетъ Лавровъ—предъ громаднымъ отраженіемъ атаки 50-тысячнаго непріятельскаго корпуса отъ стѣнъ Севастополя, незначительна канонада при устьѣ Наровы; но всетаки военная исторія, можетъ быть, замѣтитъ, что въ тотъ самый день, когда защитники Севастополя покрыли себя вѣчной славой, — въ тотъ самый день небольшой отрядъ русскихъ при устьѣ Наровы смѣло принялъ неравный бой и совѣстливо исполнилъ свое дѣло» [1]).

Съ уходомъ въ море непріятельской флотиліи, укрѣпленіе батарей въ Гунгербургѣ и выжиданіе врага не прекратились. Напротивъ, батареи были усилены сначала 6-ью новыми крѣпостными орудіями, а затѣмъ положено устроить здѣсь еще двѣ батареи: одну правѣе прежнихъ батарей, на 2 орудія, другую лѣвѣе—на 4 орудія. Въ самой Нарвѣ, впереди полигона, обращеннаго къ сторонѣ Ревеля, для лучшаго обстрѣливанія лежащей передъ нимъ мѣстности, положено устроить люнетъ на 4 орудія, а для фланкированія его поставить два орудія во входящихъ плацдармахъ [2]). По прежнему, какъ въ Нарвѣ, такъ и въ Гунгербургѣ производилась пробная стрѣльба въ цѣль на рѣкѣ и на рейдѣ. Не всегда при этомъ принимались всѣ мѣры предосторожности, слѣдствіемъ чего въ Гунгербургѣ былъ слѣдующій печальный случай.

Однажды, уже подъ осень, генералъ Ярмерштедтъ, прибывъ сюда, приказалъ произвести въ его присутствіи пальбу по мишенямъ, поставленнымъ въ заливѣ. Для наблюденія онъ вмѣстѣ съ батальоннымъ командиромъ 4 карабинернаго полка маіоромъ Бокаевымъ помѣстился на самомъ брустверѣ батареи, но такъ какъ дымъ орудій во время стрѣльбы препятствовалъ разсмотрѣнію полета снарядовъ, то комендантъ предложилъ перейти на другой конецъ вала и стать съ подвѣтренной

---

1) Гв. арт. капитанъ Лавровъ. Артиллерійское дѣло при устьѣ Наровы 6 іюня 1855 года (морской сборникъ за 1855 годъ, томъ XI, стр. 85—90).

2) В. Д. Кренке. Оборона балтійскаго прибрежья въ 1854—1856 годахъ, стр. 59, 67, 68.

стороны. Онъ и нѣкоторые другіе находившіеся на батареѣ офицеры прошли благополучно, но маіоръ Бокаевъ нѣсколько замедлилъ. Генералъ Ярмерштедтъ, расположившись на новомъ мѣстѣ, взмахомъ платка далъ знать командиру батареи Рустейко, что можно палить. Раздалась команда: «третье, пли!» — и въ это самое время, какъ говоритъ очевидецъ, у всѣхъ присутствовавшихъ вырвался крикъ ужаса: «Всѣ увидѣли, какъ въ воздухѣ взвились части тѣла маіора Бокаева, прострѣленнаго ядромъ пополамъ; верхняя часть туловища съ головой и руками полетѣла въ одну сторону, ноги въ другую. Разумѣется, пальба была остановлена, и всѣ бросились къ останкамъ погибшаго, лежавшимъ впереди батареи на морскомъ пескѣ. Черезъ два дня его похоронили съ подобающей военной церемоніей» [1]).

Защитники Нарвы такъ и не дождались больше непріятеля. Правда, 3 октября, въ 4 часа пополудни показались на горизонтѣ два англійскихъ военныхъ судна. Жители Гунгербурга и Магербурга снова бросились вонъ изъ домовъ—въ Нарву, спасаясь отъ возможной канонады. Артиллерія приготовилась къ новому бою. Но на этотъ разъ все прошло благополучно: простоявъ на рейдѣ до 8—9 часовъ слѣдующаго утра, непріятельскія суда отплыли въ море. Вскорѣ было снято военное положеніе въ Нарвѣ, а 20 марта слѣдующаго (1856) года было получено здѣсь извѣстіе о заключенномъ $^{18}/_{30}$ марта въ Парижѣ мирномъ договорѣ.

Ко времени блокады англичанами балтійскихъ береговъ относится слѣдующая солдатская пѣсня, которую тогда распѣвали наши войска. Я привожу здѣсь эту пѣсню, такъ какъ въ полномъ видѣ не встрѣчалъ ея въ печати:

Какъ мы въ Ревелѣ стояли
Очень близко ко врагу,
Его тамъ мы ожидали
На балтійскомъ берегу.

—

Зорко смотримъ мы на море,
Ожидаемъ каждый часъ;
Наберешься отъ насъ горя,
Угостимъ тебя какъ разъ.

—

[1]) Оборона Нарвы въ 1855 году (изъ воспоминаній участника). Статья въ правительственномъ вѣстникѣ за 1893 годъ.

Нарва и ея достопримѣчательности. Съ литографіи 1856 г.

Какъ задумалъ англичанинъ
На Россеюшку идти:
Полно, полно, басурманинъ,
Тебѣ въ Ревель не войти.

—

Возмутилъ ты свое владѣнье,
Самъ не знаешь, для чего,
Это женское хотѣнье...
А послушался кого?

—

Ты турецкаго султана
Хочешь вывесть изъ бѣды.
Вотъ совѣтъ мой безъ обмана—
Пропадутъ твои труды.

—

Позабудь ты свои думки,
Возвратись-ка, братъ, назадъ;
Ты не пробовалъ русской булки:
Русскій любитъ угощать.

Приготовили мы пушки,
Будемъ сотнями васъ класть;
Угостятъ онѣ васъ, душки,
Когда разинутъ свою пасть.

—

У насъ войска очень много,—
Все лихіе молодцы;
Мы надѣемся на Бога
И на русскіе штыки.

—

Нашъ товарищъ—штыкъ трехгранный
Хотимъ кровью обагрить;
Мы на то его точили,
Чтобы грудь твою пронзить.

—

Когда начальники намъ крикнутъ
Впередъ, братцы, за царя,
Басурмане вѣдь не пикнутъ,
Когда мы гаркнемъ всѣ ура! [1]).

Послѣ крымской войны въ Нарвѣ, какъ и во всѣхъ градахъ и весяхъ россійской имперіи, замѣчается быстрый ростъ культуры и благоустройства. Рядомъ съ этимъ развивается торгово-промышленная дѣятельность.

Еще во время самой войны, въ іюнѣ 1855 года, взамѣнъ прежнихъ сигнальныхъ шестовъ съ зажигаемою по ночамъ смолою, былъ устроенъ столь необходимый для военныхъ цѣлей, а затѣмъ оказавшійся благодѣтельнымъ и для мирнаго времени электрическій телеграфъ. Въ 1857 году имен-

1) Въ сборникѣ поручика Попова, п. з. «Боевыя пѣсни русскаго солдата» (СПБ. 1893) приведена эта пѣсня, но съ сокращеніями, а именно не достаетъ строфъ 4-ой, 5-ой, 7-ой и 10-ой (послѣдней): неполнота весьма значительная! Кромѣ того, въ нашемъ изложеніи имѣются варіанты сравнительно съ изложеніемъ г. Попова. Наконецъ, надо замѣтить, что и самое переложеніе г. Поповымъ пѣсни на голоса представляетъ нѣкоторыя неточности и отступленія. Мотивъ, намъ извѣстный, приходилось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ въ одинаковомъ исполненіи, и онъ нѣсколько отличается отъ мелодіи, записанной г. Поповымъ.

нымъ указомъ, объявленнымъ сенату, установлено время пріема телеграммъ въ нарвскомъ телеграфномъ отдѣленіи отъ 8 часовъ утра до 8 вечера [1]).

Въ 1856 году наслѣдники купца Сутгофа продали принадлежавшій имъ островъ Кренгольмъ, раздѣляющій нарвскій водопадъ на двѣ половины, компаніи петербургскихъ и московскихъ купцовъ, рѣшившихъ построить здѣсь бумагопрядильную мануфактуру, за 60 тысячъ рублей. Компанія учредила общество на паяхъ подъ названіемъ «товарищество кренгольмской мануфактуры». Инціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала нарвскому 1-ой гильдіи купцу Іогану Людвигу Кнопу, на имя котораго былъ купленъ и самый островъ Кренгольмъ [2]). Затѣмъ въ составъ товарищества входили: петербургскій купецъ (иностранецъ) Фрериксъ съ братомъ, московскій купецъ Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ, братья его Назаръ, Герасимъ и Давыдъ, московскій купецъ Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, петербургскій купецъ Александръ Маршъ, британскій подданный Ричардъ Барловъ и фридрихсгамскій и нарвскій купецъ Эрнстъ Кольбе [3]). Учредители фабрики образовали складочный капиталъ въ два милліона рублей, раздѣленный на 400 паевъ, по 5 тысячъ каждый. Правительство, съ своей стороны, оказало содѣйствіе возникающему товариществу освобожденіемъ его на 10 лѣтъ отъ взятія торговаго свидѣтельства по 1-ой гильдіи. Хотя уставомъ товарищества была предусмотрѣна и возможность ликвидаціи дѣлъ, но въ дѣйствительности дѣла фабрики не только не пошатнулись, но, напротивъ, совершенно окрѣпли, и въ настоящее время кренгольмская мануфактура представляетъ какъ своими корпусами и машинами, такъ и внутреннимъ благоустройствомъ одно изъ капитальнѣйшихъ фабричныхъ учрежденій всего міра. Здѣсь находится ежедневно въ работѣ 350 тысячъ веретенъ и 2200 ткацкихъ станковъ, вырабатывается 480 тысячъ пудовъ пряжи въ годъ, длиною

---

[1]) П. с. з., т. 32, № 31564.

[2]) П. с. з., т. 32, № 32100, высочайше утвержденное 23 іюля 1857 г. положеніе комитета министровъ объ учрежденіи товарищества кренгольмской мануфактуры бумажныхъ издѣлій.

[3]) Hansen, 387. Ганзенъ не оттѣняетъ роли Кнопа, какъ инціатора дѣла, упоминая о немъ заурядъ съ другими купцами.

30 милліоновъ аршинъ [1]). Рядомъ съ этимъ существуютъ здѣсь больница, школы, между прочимъ,—и воскресная, библіотека [2]), потребительное общество, ссудосберегательная касса, въ которую вложено рабочими около 250 тысячъ рублей и т. п. Самыя помѣщенія для рабочихъ устроены по системѣ коттеджей Оуэна (cités ouvrières, cottages) [3]).

Фабрики барона Штиглица, по другую (правую) сторону рѣки Наровы, также постепенно расширялись пристройкою новыхъ корпусовъ и въ настоящее время представляютъ изъ себя цѣлый рабочій городокъ, въ которомъ также имѣются школа, больница, потребительныя лавки и т. п. Здѣсь въ 1873-мъ году надъ могилою баронессы Штиглицъ былъ заложенъ храмъ во имя св. Троицы и 17 августа 1875 года освященъ митрополитомъ Исидоромъ. Храмъ построенъ по плану профессора Александра Ивановича Кракау, въ формѣ креста, пятиглавый, въ русско-византійскомъ стилѣ. Надъ западнымъ входомъ въ храмъ сооружена стрѣльчатая конусообразная колокольня съ 10 колоколами. Надъ иконостасомъ находится фрескъ работы Плѣшанова, изображающій Господа Вседержителя и передъ нимъ 24 старца (мотивъ изъ апокалипсиса). Иконостасъ въ храмѣ орѣховый, рѣзной работы, позолоченный, въ 2 яруса. Въ алтарѣ находится икона, изображающая Спасителя, благосло-

---

1) К. Случевскій. Нарва. Ея былое и настоящее, стр. 33. Заимствуемъ изъ составленнаго [м-вомъ финансовъ въ 1897 г. «перечня фабрикъ и заводовъ» нѣкоторыя новѣйшія данныя о кренгольмской мануфактурѣ. Она имѣетъ слѣдующія производства: прядильное, ткацкое, газовый заводъ и ремонтную мастерскую

Число рабочихъ дней 294.
Двигатели: тюрбиновъ 9, въ 7195 силъ.
Паровой котелъ 1.
Поверхность нагрѣва въ кв. футахъ 1000.
Стоимость топлива: растительнаго 7990 р.
» » минеральнаго 54359 р.
Число рабочихъ: взрослыхъ 1879 м. 2195 ж.
» » подростковъ 330 » 92 »
» » малолѣтнихъ 110 » 94 »
Всего 4700 рабочихъ.
Выработано издѣлій на сумму 11.082,009 р.

2) О школахъ и библіотекѣ въ предѣлахъ кренгольмской мануфактуры см. «нарвскій листокъ» 1899 г., №№ 79—82.

3) Вреденъ. Курсъ политической экономіи. СПБ. 1880, стр. 257. Коттеджи—рядъ рабочихъ усадебъ, устроенныхъ по всѣмъ требованіямъ гигіены.

вляющаго хлѣбъ и вино въ чашѣ. Подъ поломъ (частію мраморнымъ, частію плитянымъ) устроемъ склепъ, гдѣ поставлены мраморныя гробницы надъ могилами Штиглица и его супруги; противъ гробницы на стѣнѣ помѣщенъ черный мраморный крестъ съ распятіемъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора [1]).

Для православныхъ рабочихъ кренгольмской мануфактуры и окрестныхъ мѣстъ въ недавнее время построенъ обширный храмъ (на петровскомъ форштадтѣ), значительно превышающій своими размѣрами не только церковь Штиглица, но и многія городскія церкви.

Къ 50-мъ годамъ слѣдуетъ отнести развитіе русскаго театра въ Нарвѣ. Впрочемъ, русскіе любительскіе спектакли устраивались уже въ Нарвѣ нѣсколько ранѣе, а именно вскорѣ послѣ учрежденія высшаго уѣзднаго училища учителя его образовали кружокъ любителей, который на святкахъ ставилъ театральныя пьесы въ самомъ зданіи училища. Необходимо замѣтить, однако, что эти представленія носили частный характеръ, такъ какъ зрителями были преимущественно лишь родители и родственники учащихся и тотъ-же педагогическій персоналъ. На болѣе широкую ногу театральное дѣло въ Нарвѣ было поставлено лишь въ 50-хъ годахъ, благодаря иниціативѣ офицеровъ квартировавшаго здѣсь с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка. Тогдашній командиръ полка Павелъ Петровичъ Карцевъ и супруга его Александра Петровна, урожденная Чайковская, оказались людьми простыми и любящими искусство. Благодаря ихъ содѣйствію въ дѣлѣ устроенія спектаклей, театральное дѣло, а съ нимъ вмѣстѣ и общественная жизнь въ Нарвѣ стала развиваться; русское общество естественно сплотилось и сблизилось, сталъ болѣе возможенъ обмѣнъ мыслей, явились и общіе интересы; однимъ словомъ, театръ несомнѣнно вдохнулъ свѣжую струю въ дремавшее дотолѣ общество. Полкъ сталъ устраивать спектакли въ зданіи биржи, гдѣ со времени Александра I давались лишь нѣмецкія театральныя представленія. Обстановка театра на первыхъ порахъ была очень бѣдная: не было не только необходимыхъ декорацій, но даже люстры. Наскоро было устроено и то, и другое. Люстра была сдѣлана изъ ружейныхъ штыковъ,

[1]) Историко-стат. свѣд. о СПБ. епархіи, вып. X, стр. 348—349.

остріями внизъ, концы были соединены толстою проволокою, въ видѣ большого круга. Затѣмъ, когда отъ театральныхъ сборовъ, расходившихся вообще на благотворительныя цѣли, образовался небольшой запасной фондъ, офицеры нашли возможнымъ купить для театра новую бронзовую люстру [1]).

Гренадерскій полкъ былъ замѣненъ въ Нарвѣ въ 1862-мъ году омскимъ полкомъ, на смѣну которому въ 1869 году сюда былъ двинутъ енисейскій полкъ. Офицеры этихъ полковъ также устраивали время отъ времени любительскіе спектакли, пока, наконецъ, не стали наѣзжать въ Нарву труппы заправскихъ артистовъ.

При обозрѣніи внутренней исторіи города Нарвы за это время съ полною ясностью обнаруживается, что нѣмецкое населеніе продолжало пользоваться преобладающимъ значеніемъ. Городскія административныя учрежденія, по прежнему, были въ рукахъ его представителей. Русскихъ дѣятелей почти не было. Русскихъ жителей собственно въ самомъ городѣ, не считая форштадтовъ, въ 60-хъ годахъ было 871 чел. изъ общаго числа 2614. Вмѣстѣ съ форштадтами, однако, въ 1864 году изъ общаго числа жителей, въ количествѣ 5553 человѣкъ, числилось православныхъ 3099, лютеранъ-финновъ 1829 ч. и лютеранъ-нѣмцевъ 600; такимъ образомъ нѣмецкое населеніе составляло менѣе $^1/_9$ всего числа городскихъ жителей и лишь $^1/_5$ русскаго населенія.

И всетаки нѣмецкое меньшинство стояло во главѣ городского общества.

Причиною тому было признанное самимъ закономъ привилегированное положеніе нѣмцевъ. Оно, помимо предоставленія послѣднимъ почти всѣхъ административныхъ, судебныхъ и выборныхъ общественныхъ должностей, выражалось въ надѣленіи нѣмецкихъ гражданъ особыми льготами въ отношеніи отбыванія государственныхъ повинностей (напримѣръ, до 1874 года граждане большой и малой гильдіи были освобождены отъ рекрутской повинности), въ отношеніи платежа налоговъ (напр. льготы по акцизу), въ отношеніи производства торговли, про-

[1]) Вообще исторія славнаго гренадерскаго полка соприкасается нѣкоторыми своими сторонами съ исторіею Нарвы, гдѣ въ теченіе текущаго столѣтія полкъ квартировалъ нѣсколько разъ, а именно съ 16 февраля 1816 года (по возвра-

мысловъ и ремеслъ. До императрицы Екатерины II оптовая торговля находилась исключительно въ рукахъ нѣмцевъ; послѣ своего путешествія въ 1780 году государыня предоставила производить торговлю оптомъ и русскимъ купцамъ. Право выдѣлки и продажи питей до высочайше утвержденнаго 4 іюня 1861 года положенія о питейномъ сборѣ принадлежало вдовамъ и сиротамъ общества гражданъ большой гильдіи; когда была введена откупная система, большая гильдія приняла отъ казны откупъ въ Нарвѣ за опредѣленную ежегодную плату и удержала питейную монополію въ своихъ рукахъ, ревниво охраняя это право за собою и не допуская производства винокуренія членами другихъ сословій. Это, конечно, вызывало споры и жалобы, а затѣмъ, по введеніи городового положенія, возникло даже, по иниціативѣ гласнаго В. П. Петрова, дѣло объ отобраніи отъ большой гильдіи т. наз. акцизной кассы, какъ общаго городского достоянія, по разнымъ причинамъ, однако, не довершенное.

Обращаясь къ другимъ видамъ торговли и промысловъ, мы находимъ, что даже право производства русскими купцами мясной торговли до 1857 года, повидимому, подлежало сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, высочайше утвержденнымъ 7 января 1857 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта положено: «Право производства мясной торговли въ г. Нарвѣ предоставить исключительно нарвскимъ мясникамъ, записаннымъ въ цехъ, *въ который могутъ записываться и русскіе торговцы*» [1]). Выходитъ, что русскіе мясники не имѣли до того времени права записываться въ мясной цехъ, а слѣдовательно и производить торговлю. Впрочемъ, до 1866 года вообще суще-

щеніи изъ Парижа) по 12 августа 1817 года; затѣмъ съ 1832 по 1836 годъ, съ 1836 по 1849; съ 1854 по 1856 г. полкъ былъ въ походахъ къ Ревелю и Пернову (для охраны балтійскаго побережья отъ англичанъ), потомъ съ 1856 по 1862 годъ снова въ Нарвѣ; оттуда, въ виду вспыхнувшаго польскаго возстанія, переведенъ въ Варшаву, гдѣ и остался на постоянныхъ квартирахъ. Полку принадлежатъ и устройство въ 1859 г. военной церкви на т. наз. «полковомъ дворѣ» (въ замкѣ), существующей по настоящее время. Императоръ Александръ II пожаловалъ этой церкви икону св. Александра Невскаго. Ф. Орловъ, очеркъ исторіи с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III-го полка (1726—1880). СПБ. 1881, стр. 300 (выноска), 302, 386, 387, 425, 435, 438 и слѣд. 449, 711 и 712.

[1]) П. с. зак., т. 32, № 31366.

ствовало запрещеніе лицамъ, не записаннымъ въ цехи, заниматься ремеслами. Это запрещеніе было уничтожено лишь высочайше утвержденнымъ 4 іюля 1866 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, коимъ положено (п. 1): «Оставивъ существующіе въ остзейскихъ губерніяхъ (а по п. 3—и въ Нарвѣ) цехи, дозволить и лицамъ, незаписаннымъ въ цехи, *безъ различія вѣроисповѣданія, званій и состояній* [1]) свободное производство всякаго рода ремеслъ и содержаніе промышленныхъ заведеній, на основаніи положенія о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ» [2]).

Если принять во вниманіе перечисленныя облегченія и льготы, которыми сотни лѣтъ была обставлена и общественная и частная жизнь нѣмецкой части населенія города, то станетъ понятна и преобладающая во всѣхъ отношеніяхъ роль нѣмцевъ въ Нарвѣ.

Русское общество, не имѣя никакихъ привилегій, чуждое корпоративнаго строя, столь тѣсно соединявшаго нѣмцевъ, бѣдное, вслѣдствіе стѣсненій въ торговлѣ и промыслахъ, малообразованное, по отсутствію школъ, почти лишенное участія въ городскомъ управленіи, а по всѣмъ изложеннымъ причинамъ—косное, дѣйствовавшее въ разбродъ, не связанное узами солидарности и зависимое отъ градоправителей-нѣмцевъ,—можно сказать, не подавало признаковъ жизни, не имѣло своего голоса. Нѣкоторые русскіе, очевидно, изъ личныхъ выгодъ примыкали къ разнымъ нѣмецкимъ ферейнамъ. Разумѣется, нѣмцы держались за такихъ русскихъ, такъ какъ черезъ ихъ посредство могли проводить нужные имъ взгляды въ русское общество и при ихъ помощи противодѣйствовать проведенію русскихъ началъ въ городѣ.

Въ свою очередь, такіе русскіе, опираясь на сильную нѣмецкую партію, становились во главѣ русскихъ сословныхъ общинъ и благотворительныхъ учрежденій и полновластно распоряжались личными и имущественными интересами подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Все это отошло въ область исторіи, оставивъ за собою развѣ небольшой остатокъ; но въ описы-

[1]) Т. е. значитъ не однимъ лютеранамъ и нѣмецкимъ сословіямъ, но и русскимъ.

[2]) П. с. з., № 43455.

ваемое время (60-ые и 70-ые годы) много нужно было имѣть гражданскаго мужества, любви къ правдѣ и не мало энергіи, чтобы возстать противъ сложившихся вѣками порядковъ и грудью ополчиться за русскіе интересы. Такіе люди нашлись. Мало ихъ, но они были и сдѣлали свое дѣло [1]).

Въ іюнѣ 1866 года былъ переведенъ въ Нарву священникъ Христорождественской церкви на Пескахъ, въ С.-Петербургѣ, Александръ Васильевичъ Гумилевскій. Ораторъ, надѣленный сердцемъ пылкимъ и любвеобильнымъ, безсребренникъ, отецъ Александръ, помимо чисто священнослужительскихъ обязанностей, по самой природѣ своей былъ склоненъ къ общественной дѣятельности. Дѣятельность эта выразилась преимущественно въ учрежденіи благотворительныхъ братствъ и попечительствъ въ тѣхъ приходахъ, съ которыми онъ былъ связанъ службою. Гумилевскій пробылъ въ Нарвѣ до октября 1867 года, когда снова было отозванъ для служенія въ Петербургъ. Но и за этотъ короткій періодъ пребыванія въ семъ «иновѣрномъ городѣ» и священнослужительства въ храмѣ, «испещренномъ иноземными надписями», онъ успѣлъ создать много хорошаго для Нарвы.

Благотворенія въ пользу церквей и призрѣніе бѣдныхъ, старыхъ и сиротъ имѣли мѣсто въ Нарвѣ и до пріѣзда Гумилевскаго: достаточно вспомнить возведеніе колокольни собора на средства купца Лаврецова, постройку на иждивеніе купца Павла Орлова церкви во имя св. Николая на ивангородскомъ форштадтѣ, затѣмъ церкви на кладбищѣ и обнесеніе самаго кладбища плитяною стѣною (въ 50-хъ годахъ), устройство богадѣленъ (русская богадѣльня существовала съ 1805 года; она

[1]) Необходимо замѣтить, впрочемъ, что коллективныя жалобы русскихъ жителей Нарвы на магистратъ, стѣснявшій ихъ дѣятельность на каждомъ шагу и незаконно утилизировавшій въ свою пользу даже городской выгонъ, были подаваемы высшимъ властямъ еще съ самаго начала 19-го столѣтія; представлялись также и просьбы русскихъ объ уравненіи ихъ въ правахъ съ привилегированными нѣмецкими сословіями (напр. въ 1813 и 1827—1838 годахъ). Всѣ эти прошенія въ концѣ концовъ поступали въ юстицъ-коллегію эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ, а эта послѣдняя, составленная въ большинствѣ изъ представителей тѣхъ-же привилегированныхъ остзейскихъ сословій, дѣйствовала въ пользу своихъ собратій, въ случаѣ же прямыхъ нарушеній закона приговаривала, по удачному выраженію одной записки, нарвскихъ щукъ къ смертной казни черезъ утопленіе.

построена на капиталъ, завѣщанный нарвскимъ 1-й гильдіи купцомъ Чуринымъ)[1]), пріютовъ и въ частности—воспитательнаго заведенія для дѣтей бѣдныхъ гражданъ Павла Орлова, уставъ каковаго заведенія былъ утвержденъ въ 1860 году [2]). Однако всѣ эти благотворенія имѣли личный характеръ; они дѣлались для спасенія души и, конечно, изъ истинно христіанскаго рвенія; но въ нихъ не хватало должной организаціи, они не соединяли во-едино русское общество; каждый дѣйствовалъ за себя и не старался привлечь къ совокупной благотворительной дѣятельности другихъ лицъ, которыя могли быть полезными и не однѣми деньгами.

Гумилевскій положилъ начало сплоченію и организаціи благотворительной дѣятельности, посредствомъ устройства церковно-приходскихъ попечительствъ [3]). Создавъ такимъ образомъ возможность помогать бѣднымъ и сиротамъ сообща, всѣми приходами нарвскихъ церквей, Гумилевскій, съ тѣмъ вмѣстѣ, несомнѣнно положилъ начало и развитію общественности въ русскомъ населеніи Нарвы.

Необходимо замѣтить, что о. Гумилевскій, пробуждая отъ сна русское общество, не считалъ себя врагомъ и лучшихъ людей нѣмецкой части населенія, а въ дѣлѣ общехристіанскаго вспомоществованія бѣднымъ принималъ совѣты и даянія и отъ иновѣрцевъ. На этой почвѣ онъ сблизился даже съ здравствующимъ и понынѣ достопочтеннымъ пасторомъ церкви св. Іоанна въ Нарвѣ Ф. Танненбергомъ. Гумилевскаго одинаково любили и православные-русскіе, и лютеране-нѣмцы, и эсты. Къ сожалѣнію, русское населеніе, при прощаніи со своимъ пастыремъ, переведеннымъ снова въ Петербургъ, не догадалось даже напутствовать его иконою: видимо, общественность туго прививалась. По этому поводу считаю нелишнимъ привести рукописную замѣтку покойнаго моего отца, В. П. Петрова, находившагося, по общности убѣжденій, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ о. Александромъ, неоднократно посѣщавшимъ

[1]) Изъ бумагъ моего отца В. П. Петрова.

[2]) П. с. з., томъ 35,[1] № 35768.

[3]) Н. Скроботовъ. Приходскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій, стр. 306—310. Отцу Александру принадлежитъ и обновленіе церкви въ Меррекюлѣ, гдѣ онъ служилъ лѣтомъ.

нашъ домъ для совѣтовъ съ отцомъ по дѣламъ общественнымъ. «Въ тотъ самый день вечеромъ (15 октября 1867 года—день отъѣзда изъ Нарвы Гумилевскаго), я въ числѣ прочихъ, провожалъ его до дилижанса. При прощаніи я сунулъ ему въ руку небольшой серебряный образокъ. Онъ обнялъ меня и заплакалъ... Потомъ совсѣмъ другимъ, тихимъ голосомъ сказалъ: я ждалъ этой драгоцѣнной награды отъ жителей!»...

Указывая на заслуги священника Гумилевскаго въ дѣлѣ благотворительности и пресѣченія нищенства, мы должны, однако, оговориться, что самая идея организованной борьбы съ нищенствомъ была высказана ранѣе его нарвскимъ купцомъ Василіемъ Петровичемъ Петровымъ [1]), который въ 1865-мъ году подалъ особую записку по этому предмету нарвскому бургомистру Виббельману. Затѣмъ уже по отъѣздѣ Гумилевскаго Петровъ подалъ вторую записку въ нарвскій магистратъ (въ 1871 году). Въ промежутокъ времени между подачею первой и второй записки (1865—1871 г.) сформировалось приходское попечительство православныхъ церквей г. Нарвы, а

[1]) Ниже, касаясь различныхъ общественныхъ учрежденій Нарвы и дѣятельности городского самоуправленія, я особенно останавливаюсь на выясненіи той роли, которую игралъ въ этомъ отношеніи мой покойный отецъ. При этомъ я считаю необходимымъ пояснить, что въ такомъ пестромъ по составу населенія, по разнороднымъ интересамъ городскихъ жителей, по всѣмъ историческимъ моментамъ и проявленіямъ мѣстной жизни городѣ, какъ Нарва, вопросы самоуправленія и условія общественной дѣятельности за послѣдніе 25—30 лѣтъ принимали особенный характеръ и отличались страстностью, возможною только въ упорной борьбѣ отживавшихъ порядковъ съ новыми реформами, которыя, устраивая общее благополучіе, подрывали авторитетъ и привилегированное положеніе меньшинства. Въ этомъ спорѣ стараго съ новымъ мой отецъ былъ виднымъ борцомъ, принесшимъ въ жертву идеѣ и личное благополучіе. Кромѣ того, безпристрастно изучая исторію дѣятельностя нарвской думы, имѣя въ рукахъ всѣ ея протоколы за 30 почти лѣтъ и большой запасъ письменныхъ документовъ, я не могъ не усмотрѣть,—а изъ послѣдующаго изложенія и ссылокъ на безспорные источники, усмотритъ каждый,—что не было такого крупнаго вопроса самоуправленія, къ которому бы мой отецъ не приложилъ своего труда и энергіи, въ большинствѣ случаевъ—какъ иниціаторъ, вслѣдствіе чего обойти имя моего отца значило бы зачастую обойти исторію и самаго учрежденія. Итакъ мною руководили не только сыновнее чувство, не только чувство глубокаго уваженія къ общественной дѣятельности моего отца, имени котораго посвящается и самая книга, но и совершенно объективный анализъ совершившихся фактовъ.

рядомъ съ этимъ и лютеранское общество устроило безплатную столовую для бѣдныхъ. Кромѣ того, по иниціативѣ г-жи Болтонъ, образовался частный женскій благотворительный кружокъ. В. П. Петровъ примкнулъ къ попечительству православныхъ приходовъ. Избранный членомъ попечительства, онъ настаивалъ на необходимости соединиться съ лютеранскимъ благотворительнымъ обществомъ, чтобы сообща посвятить свои труды и пожертвованія на общее для всего города дѣло. Были противники этой мысли, которые не хотѣли понять, что въ дѣлѣ благотворенія не можетъ быть раздѣленія на національности и религіи; русское общество, вызванное къ самобытности, впадало въ другую крайность, желая оградиться каменною стѣною отъ всѣхъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Между тѣмъ благотворительная дѣятельность отдѣльныхъ кружковъ, по разрозненности и отсутствію единства, не достигала цѣли. Наконецъ, при солидарности протоіерея Скроботова, Петрову удалось достигнуть соединенія православнаго попечительства съ лютеранскою благотворительною общиною, и въ началѣ марта 1872 года это соединенное общество, получившее названіе «коммиссіи по прекращенію нищенства и призрѣнію бѣдныхъ въ г. Нарвѣ», открыло свои дѣйствія. Коммиссія составилась изъ 7 членовъ лютеранскаго исповѣданія и 7 православныхъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ полиціи бургомистръ Бекъ, секретаремъ В. П. Петровъ, который былъ избранъ также блюстителемъ въ городскомъ участкѣ. Въ три форштадта также были назначены блюстители [1]).

Изъ отчета коммиссіи за первые 10 лѣтъ ея существованія (отчетъ составленъ и напечатанъ В. П. Петровымъ) видно, что число членовъ коммиссіи за это время составило 203 лица, а сумма ежегодныхъ пожертвованій съ 1625 р. 60 коп. возрасла до 2831 р. 45 коп.; всего за 10 лѣтъ поступило 24,270 р. 57 к. и выдано 20587 р. 28 к. Коммиссія сначала призрѣвала 62 нищихъ, а затѣмъ число призрѣваемыхъ возросло до 100. Вообще необходимо замѣтить, что дѣятельность нищенской коммиссіи за эти первые 10 лѣтъ была особенно кипуча и благотворна. Не ограничиваясь членскими взносами, коммиссія устраивала благотворительные спектакли и концерты, лотереи, выставляла въ разныхъ частяхъ города кружки для сбора пожертвованій, путемъ печатныхъ объявленій и писемъ пригла-

[1]) В. П. Петровъ. Краткій обзоръ дѣятельности коммиссіи по прекращенію нищенства въ г. Нарвѣ съ 4-го апрѣля 1872 г. по 4 апрѣля 1882 г. Нарва, стр. 1—5.

шала жителей къ приношеніямъ не только деньгами, но и вещами; лично В. П. Петровъ помѣщалъ въ мѣстномъ городскомъ листкѣ [1]) и въ гдовско-ямбургскомъ листкѣ статьи о нищенствѣ, имѣвшія цѣлью привлечь новыхъ членовъ и усилить пожертвованія.

Независимо отъ помощи деньгами, бѣдные получали одежду, обувь и горячую пищу. Въ настоящее время, взамѣнъ комиссіи, но въ непосредственной преемственной связи съ нею, дѣйствуетъ нарвское общество призрѣнія бѣдныхъ, получившее свой уставъ въ 1892 году [2]).

Въ октябрѣ 1870-го года Нарва была соединена желѣзною дорогою съ С.-Петербургомъ, а черезъ 3 года послѣ этого было введено въ Нарвѣ городовое положеніе. Эти знаменательные факты дали городу новую жизнь, отразившись какъ на внѣшнемъ его благоустройствѣ, такъ и на внутреннемъ благосостояніи. Они-же содѣйствовали успѣху русскаго дѣла въ городѣ. Но на ряду съ обязательною, такъ сказать, дѣятельностью органовъ городского самоуправленія, продолжалась независимая отъ нихъ дѣятельность общества, направленная къ созданію общеполезныхъ учрежденій, и прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію дѣйствій городской думы, мы считаемъ необходимымъ упомянуть объ учрежденіи въ городѣ добровольнаго пожарнаго общества, общества покровительства животнымъ, общества взаимнаго кредита, русскаго общественнаго собранія и, наконецъ, музыкальнаго общества.

Добровольное пожарное общество возникло по иниціативѣ магистрата. Уставъ его утвержденъ 31 мая 1870 года. Общество было раздѣлено на 2 отряда: городской и ивангородскій. До застройки ново-петровскаго форштадта пожары въ Нарвѣ были сравнительно рѣдки; они увеличились въ 90-хъ годахъ. Изъ года въ годъ пожарное общество пополнялось новыми членами и вводило усовершенствованные способы тушенія, а въ самое послѣднее время при отрядѣ устроенъ столь необходимый въ несчастныхъ случаяхъ санитарный фургонъ [3]). Нарвская городская дума, съ своей стороны, постоянно выдавала субсидіи пожарному обществу, которыя достигли теперь 1000 рублей ежегодно.

Общество покровительства животнымъ въ г. Нарвѣ возникло по идеѣ нарвскаго купца В. П. Петрова. 7 іюля 1874 года Петровъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ вліятельными лицами въ городѣ, устроилъ въ своей квартирѣ собраніе, на которое явилось

[1]) См., напр., № 22 и слѣд. нарвскаго городского листка за 1874 годъ.

[2]) Уставъ нарвскаго общества призрѣнія бѣдныхъ (утвержденъ 26 ноября 1892 г.). Нарва 1893.

[3]) Уставъ нарвскаго добровольнаго пожарнаго общества. Нарва 1870 г.; нарвскій листокъ 1899 г. № 56; гдовско-ямбургскій листокъ 1872 г. № 25, стр. 7, 8.

до 50 жителей города Нарвы, сочувствовавшихъ гуманной идеѣ покровительства животнымъ. Тутъ же было составлено заявленіе въ правленіе общества покровительства животнымъ въ С.-Петербургѣ, за подписью 31 лица, о желаніи открыть въ Нарвѣ отдѣлъ этого общества. Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, послѣдовало открытіе отдѣла. Предсѣдателемъ былъ избранъ полиціи бургомистръ Бекъ, а завѣдующимъ дѣлами Петровъ, который затѣмъ, по уполномочію отдѣла, завѣдывалъ не только всѣми письменными сношеніями отдѣла, но и лично ѣздилъ въ Петербургъ по дѣламъ его. Для усиленія средствъ отдѣла, Петрову удалось получить согласіе главнаго правленія на то, чтобы членскій взносъ былъ понижент съ 5 до 3-хъ рублей, и чтобы бѣднѣйшимъ жителямъ, извозчикамъ и др. дозволено было даже ограничиваться рублевымъ ежегоднымъ взносомъ, съ правомъ при этомъ пользоваться даровыми услугами ветеринарнаго врача. Къ сожалѣнію, общество скоро охладѣло къ этому гуманному дѣлу и, хотя еще въ 1877 году рѣшено было продолжать начатое, но число членовъ постепенно уменьшалось, взносы производились неаккуратно (въ 1877 году поступило всего 42 рубля отъ 14 членовъ) [1]), такъ что, наконецъ, въ 1884-мъ году отдѣлъ прекратилъ свое существованіе.

Въ 1889 году онъ, впрочемъ, снова былъ открытъ въ Нарвѣ, но, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, снова прекратилъ свою дѣятельность, вѣроятно, по той же причинѣ, какъ и прежде, т. е. по отсутствію денежной поддержки со стороны городскихъ жителей [2]).

Нарвское общество взаимнаго кредита, процвѣтающее и понынѣ, возникновеніемъ своимъ всецѣло обязано неутомимой энергіи того-же В. П. Петрова.

Нѣсколько ранѣе возникновенія этого общества, а именно въ 1867 году нарвскій магистратъ представилъ правительству ходатайство объ учрежденіи въ Нарвѣ городского банка. Это ходатайство было удовлетворено, и самый уставъ банка утвержденъ. Но тутъ возникли затрудненія, проистекавшія изъ чисто мѣстныхъ особенностей Нарвы, а именно изъ стремленія привилегированныхъ гильдій играть первенствующую и руководящую роль, несмотря на распредѣленіе тягостей и расходовъ между всѣми въ равной степени. Это стремленіе, находившее тогда опору въ самомъ законѣ, выразилось въ томъ, что, потребовавъ отъ всѣхъ семи нарвскихъ сословныхъ обществъ (дворянскаго, гросъ-и клейнъ-гильдій, русскаго купеческаго, мѣщанскаго, старожильскаго и шведо-финскаго) обезпеченія проектируемаго банка въ равныхъ доляхъ, магистратъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограничилъ права непривилегированныхъ обществъ, значитъ и русское населеніе, въ избраніи членовъ правленія и другихъ должностныхъ лицъ, предоставивъ всѣ преимущества въ этомъ

---

[1]) Подлинное дѣло о покровительствѣ животнымъ въ Нарвѣ съ 1874 по 1877 годъ.

[2]) Н. И. Паклинъ. Годовой отчетъ дѣятельности нарвскаго отдѣла россійскаго общества покровительства животнымъ. Нарва, 1890 г.

отношеніи нѣмцекимъ гильдіямъ. Въ такой постановкѣ вопросъ объ учрежденіи городского банка не получилъ разрѣшенія.

Насколько трудно было послѣ этой первой неудачной попытки приступить къ созданію въ Нарвѣ кредитнаго учрежденія, столь необходимаго, однако, для города съ его фабриками, съ обширной заграничной торговлей и первоклассной таможней, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова основателя общества взаимнаго кредита: «На первыхъ порахъ уже стали обозначаться признаки неблагопріятные. По мѣрѣ движенія дѣла впередъ, обнаруживались все новыя и новыя препятствія, такъ что человѣку безъ твердой воли пришлось бы отступить. Прежде всего необходимо было обратиться въ магистратъ съ заявленіемъ о самомъ намѣреніи [1]), потомъ уже нужно было лично пригласить мѣстныхъ коммерсантовъ къ содѣйствію; но отъ нихъ, къ сожалѣнію, пришлось получить отказъ съ самымъ мертвящимъ равнодушіемъ. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ, съ видомъ авторитета, совѣтовали не начинать дѣла, категорически замѣчая, что изъ этого предпріятія ничего не выйдетъ. Нѣкоторые подозрѣвали даже своекорыстные расчеты въ этомъ начинаніи».

Дѣло, вслѣдствіе несочувствія крупныхъ купцовъ, которые, благодаря отсутствію кредита, держали въ рукахъ мелкихъ торгово-промышленниковъ, затормозилось на цѣлые два года. Только въ 1872 году, путемъ долгихъ переговоровъ и настоятельныхъ убѣжденій удалось созвать первое собраніе, состоявшееся 8 сентября.

У автора настоящей исторіи, въ числѣ прочихъ документовъ по разсматриваемому вопросу хранятся пригласительные листы на это первое и слѣдующія собранія. Характерны на этихъ листахъ отмѣтки крупныхъ купцовъ: «читалъ, но явиться не могу», или «не явлюсь», «не желаю имѣть участія» и т. п. По справедливому выраженію учредителя общества взаимнаго кредита, общество еще не было открыто, какъ его уже хотѣли закрыть. Цѣль приведенныхъ отмѣтокъ была ясна: недоброжелатели имѣли въ виду подѣйствовать на колеблющихся личнымъ примѣромъ протеста.

8-е сентября было рѣшающимъ днемъ для учрежденія.

«Лишне говорить—писалъ впослѣдствіи В. И. Петровъ—о томъ тревожномъ состояніи духа, въ какомъ находился въ этотъ день учредитель. Это понятно для всякаго мало-мальски знакомаго съ подобнаго рода дѣятельностію, а при описанныхъ условіяхъ въ особенности. Наступилъ вечеръ. Съ 8 до 10 часовъ вечера пришлось просидѣть въ клубѣ (малой гильдіи) въ ожиданіи прибытія членовъ, но никто не являлся. Каждый раздававшійся звонокъ, какъ электрическій токъ, заставлялъ вздрагивать, безжалостно тревожа и безъ того разстроенные нервы, заставлялъ лихорадочно вскакивать съ мѣста въ какой-то безсознательной радости, но каждый разъ приходилось разочаровываться: то являлись обыкновенные посѣтители клуба. Былъ уже одиннадцатый часъ, и надежда на успѣхъ стала гаснуть»...

Въ это время явился Ардаліонъ Романовичъ Бистромъ (полковникъ, ближайшій родственникъ извѣстнаго генералъ-адъютанта Николая I-го Карла Ивановича Бистрома). Вслѣдъ за нимъ пришло

[1]) Точнѣе—нужно было склонить магистратъ въ свою пользу.

еще 16 лицъ, такъ что собраніе можно было признать состоявшимся. Оно было открыто рѣчью Петрова, указавшаго на значеніе для экономической и культурной жизни города банковыхъ предпріятій. «Тамъ, гдѣ они существуютъ—говорилъ онъ—торговля, промышленность, земледѣліе и народное образованіе находятся въ цвѣтущемъ состояніи». Въ заключеніе учредитель, по пословицѣ «одинъ въ полѣ не воинъ», приглашалъ собравшихся приступить къ общей работѣ на началахъ взаимнаго довѣрія.

Мы не будемъ касаться дальнѣйшей исторіи предпріятія: она изложена въ составленномъ В. П. Петровымъ «краткомъ очеркѣ дѣятельности нарвскаго общества взаимнаго кредита съ 1873 по 1883 годъ»; скажемъ только, что, при неослабѣвающей энергіи учредителя, постоянно ѣздившаго въ Петербургъ и хлопотавшаго у директора кредитной канцеляріи (Шамшина), у другихъ правительственныхъ лицъ и затѣмъ (по утвержденіи устава) въ сенатѣ, а также при поддержкѣ лучшихъ представителей городского общества и почтеннаго земскаго дѣятеля, редактора-издателя гдовско-ямбургскаго листка князя В. В. Оболенскаго и нынѣшняго редактора «петербургскаго листка» Н. А. Скроботова, дѣло наладилось, завоевало сочувствіе Нарвы и окрестныхъ мѣстъ и дало желанный плодъ. Нынѣ дѣла общества находятся въ цвѣтущемъ состояніи [1]).

Русское общественное собраніе (или клубъ) возникло лишь въ 1876 году. Мысль объ его учрежденіи высказывалась В. П. Петровымъ уже въ 60-хъ годахъ; тогда, однако, дѣло затормозилось. Въ началѣ 70-хъ годовъ Петровъ снова возбудилъ вопросъ объ основаніи русскаго клуба. На одномъ изъ частныхъ собраній, въ началѣ 70-хъ годовъ, Петровъ говорилъ:

«Мм. гг. для насъ настало дорогое время, и если мы не съумѣемъ оцѣнить его и воспользоваться имъ, то сдѣлаемъ непростительную ошибку. Благодѣтельная рука государя императора коснулась и нашего города, и намъ предстоитъ начать жить самостоятельною жизнью. Часъ этотъ уже близокъ, и мы скоро вступимъ въ періодъ самоуправленія. Поэтому мы должны приготовиться къ этому по истинѣ великому дѣлу съ обдуманнымъ и зрѣлымъ сознаніемъ тѣхъ обязанностей, исполненіемъ которыхъ по долгу чести и совѣсти можетъ гордиться русскій человѣкъ. Отжившія свой вѣкъ сословныя рыцарскія права уничтожаются сами собою: новый законъ о городскомъ самоуправленіи открываетъ поприще для дѣятельности всѣхъ городскихъ обывателей съ извѣстнымъ положеніемъ и имущественнымъ цензомъ. Чего всѣ такъ горячо желали, перешло изъ области предположеній въ совершившійся фактъ. Мм. гг. я хочу обратить ваше вниманіе на то, что, по закону, частныя сборища или сходбища воспрещаются: скажу мимоходомъ, что даже сегодняшнее со-

[1]) Въ 1876 году общество взаимнаго кредита, въ виду успѣшности развитія дѣлъ, не могло не оцѣнить дѣятельности на его пользу В. П. Петрова (несшаго къ тому же въ немъ безплатную службу) и поднесло ему, какъ основателю, золотые часы съ цѣпью при особомъ адресѣ.

браніе нѣкоторымъ образомъ представляетъ уклоненіе отъ правилъ. Между тѣмъ теперь, и именно теперь настало такое время, когда намъ необходимо собираться какъ можно чаще. Вамъ понятно, что я говорю о клубѣ, который намъ нуженъ, какъ хлѣбъ насущный, и мы должны учредить его во что бы то ни стало. Въ противномъ случаѣ, не имѣя мѣста для совѣщаній, останемся, — отъ чего Боже упаси, — въ прежнемъ бездѣйствіи. Посмотрите на нѣмцевъ. Многоли ихъ здѣсь? Но у нихъ два клуба [1]). Зато, хотя и прискорбно для нашего самолюбія, но пріятно видѣть, какимъ единодушнымъ чувствомъ они пропикнуты. Они для спасенія своихъ подгнившихъ правъ рѣшались даже безпокоить правительство. Всѣ эти дѣла они творили въ клубахъ. Клубъ помогалъ имъ образовать большіе капиталы въ ущербъ русскимъ, ихъ вдовы, сироты и бѣдные поддерживаются на проценты отъ этихъ капиталовъ. Клубъ создалъ нѣмецкое археологическое общество, школы и много такихъ учрежденій, которыя послужили въ пользу только имъ однимъ.

Клубъ способствуетъ взаимопомощи. Наконецъ, самое главное, въ клубахъ рождаются и возбуждаются жгучіе вопросы дня, предположенія объ улучшеніи общественной жизни, а въ военное время на долю клуба выпадаетъ важная роль: въ немъ собираются горожане для совѣщаній о содѣйствіи посильными средствамъ правительству въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ»... [2]).

Послѣ долгихъ усилій Петрову удалось достигнуть цѣли. Мы говоримъ «послѣ долгихъ усилій», потому что и здѣсь пришлось преодолѣть рядъ препятствій.

Нѣкоторые отнеслись къ учрежденію русскаго общественнаго собранія совершенно безразлично, или-же, въ лучшемъ случаѣ, сочувствуя предпріятію, не умѣли взяться за дѣло.

Наиболѣе косные находили существованіе русскаго клуба излишнимъ; другіе, не отрицая потребности и русскимъ людямъ собираться для общихъ бесѣдъ и развлеченій, предлагали соединиться съ нѣмецкимъ клубомъ Harmonie. Петровъ, находившій полную цѣлесообразность въ соединеніи русскаго и нѣмецкаго общества въ дѣлѣ благотворительности, здѣсь совершенно основательно протестовалъ противъ соеди-

---

[1]) Клубъ большой гильдіи «Harmonie» основанъ въ началѣ XIX столѣтія, а клубъ малой гильдіи существуетъ съ 1668 года. Въ 1857 г. этотъ послѣдній клубъ пріобрѣлъ отъ нарвскаго купца и фабриканта Клемтца каменный домъ, въ которомъ и обосновался. Открытіе новаго помѣщенія клуба совершилось при весьма торжественной обстановкѣ, съ шествіемъ цеховъ и несеніемъ ими знаменъ и знаковъ 1536, 1668, 1669, 1725, 1731, 1776 и 1856 годовъ.

[2]) Эта мысль нашла дѣйствительное осуществленіе въ послѣдовавшей вскорѣ по учрежденіи нарвскаго общественнаго собранія русско-турецкой войнѣ, когда городскія дамы Нарвы ежедневно собирались въ помѣщеніе клуба щипать корпію и приготовлять перевязочные припасы для раненыхъ. Объ учрежденіи кроватей для раненыхъ и объ обезпеченіи семействъ убитыхъ воиновъ также много говорилось въ клубѣ, а затѣмъ этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ городской думѣ и здѣсь получилъ благопріятное разрѣшеніе. (См. ниже).

ненія клубовъ, придавая русскому клубу значеніе не только увеселительнаго заведенія, но главнѣйше—мѣста, гдѣ русское общество могло бы обмѣниваться мыслями объ интересахъ русской части населенія города и объ уравненіи правъ этого населенія съ привилегированными нѣмецкими гильдіями. Очевидно, такіе разговоры не могли бы имѣть мѣста, а главное не приводили бы къ единодушному согласію въ нѣмецкомъ привилегированномъ клубѣ. Эта мысль, наконецъ, восторжествовала. На послѣднемъ учредительномъ засѣданіи 19 февраля 1876 года въ клубѣ малой гильдіи, куда особыми повѣстками (составленными В. П. Петровымъ) [1]) были приглашены вліятельные жители города, рѣшено было учредить отдѣльное русское общественное собраніе. Послѣ этого, непосредственными трудами и при ближайшемъ участіи В. П. Петрова, былъ разработанъ уставъ собранія, который и получилъ утвержденіе 8 іюля 1876 года [2]).

Нарвское музыкальное общество возникло по иниціативѣ мѣстнаго жандармскаго офицера, ротмистра Е. М. Козицова, при содѣйствіи нѣкоторыхъ представителей городского населенія. Уставъ общества утвержденъ въ 1884 году [3]), а въ 1888-мъ году общество принято подъ покровительство великаго князя Владиміра Александровича. Музыкальному обществу Нарва обязана небольшимъ оркестромъ, составляемымъ ежегодно изъ учениковъ школы, учрежденной обществомъ. Оркестръ этотъ настолько удовлетворителенъ, что въ лѣтнее время приглашается въ дачныя мѣста Гунгербургъ и Меррекюль. Къ сожалѣнію, средства общества не очень значительны. Впрочемъ, въ 1899 году дума нашла возможнымъ, кромѣ безплатнаго отвода помѣщенія для музыкальной школы, ассигновать ей еще ежегодное пособіе въ 300 рублей [4]).

Заслуживаютъ упоминанія еще созданныя иниціативою частныхъ лицъ: церковно-приходская школа (свящ. Н. В. Сахаровъ), общество трезвости и безплатная библіотека-читальня [5]).

Городовое положеніе введено въ Нарвѣ 13 августа 1873 года и было встрѣчено русскимъ обществомъ съ большою радостью. Еще въ концѣ 1872 года корреспондентъ гдовско-ямбургскаго листка сообщалъ этой газетѣ «отрадную вѣсть» о предстоявшей реформѣ [6]). Нѣмецкое общество, напротивъ, не сочувствовало преобразованіямъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними оно утрачивало долю своихъ привилегій: управленіе городскимъ хозяйствомъ, дотолѣ бывшее въ рукахъ засѣдав-

[1]) Черновой текстъ повѣстки руки В. П. Петрова и списокъ приглашаемыхъ лицъ, имъ-же составленный и написанный, хранится у автора настоящей исторіи.

[2]) Уставъ нарвскаго русскаго общественнаго собранія. Нарва 1880.

[3]) Уставъ нарвскаго музыкальнаго общества. Нарва, 1884.

[4]) Нарвскій листокъ за 1899 г. № 9.

[5]) Уставъ нарвской безплатной народной библіотеки-читальни.

[6]) Гдовско-ямбургскій листокъ, 1872 г., № 51, стр. 21.

шихъ въ магистратѣ выборныхъ отъ нѣмецкихъ гильдій, безповоротно переходило къ думѣ съ численнымъ перевѣсомъ русскихъ гласныхъ. Вотъ почему представители мѣстной судебно-административной власти возбудили даже ходатайство объ отсрочкѣ введенія реформъ въ Нарвѣ до введенія таковыхъ въ городахъ губерній прибалтійскихъ. Несмотря на это, 6 марта и 2 мая 1873 г. с.-петербургскимъ губернаторомъ предписано было магистрату приступить къ составленію избирательныхъ списковъ. Такимъ образомъ благодѣтельная для города реформа состоялась [1]).

Обращаясь къ обозрѣнію главнѣйшихъ моментовъ 30-лѣтней почти дѣятельности нарвскаго общественнаго управленія, мы позволимъ себѣ, на основаніи подлинныхъ протоколовъ и постановленій городской думы (съ 1873 по 1897 годъ), а также письменныхъ документовъ и лично намъ извѣстныхъ фактовъ, сдѣлать нѣсколько общихъ заключеній.

Если введеніе городской реформы вообще застало населеніе русскихъ городовъ не вполнѣ подготовленнымъ къ воспріятію положенныхъ въ основу ея началъ, то въ особенности это можно сказать о Нарвѣ. Мы видѣли уже, что русское общество здѣсь почти не играло никакой роли и не только не представляло изъ себя организованнаго цѣлаго, но не выдѣлило даже изъ своей среды какихъ-либо связанныхъ общею идеею кружковъ.

Попытки сплотить во-едино русскій элементъ въ городѣ дѣлались въ 60-хъ годахъ, но онѣ разбивались въ борьбѣ съ лицами, которымъ самостоятельность русскихъ была нежелательна, а—главное—онѣ гибли отъ равнодушія самихъ-же русскихъ, изъ среды которыхъ даже лучшіе мечтали не о дѣлахъ общественныхъ, а лишь о томъ, какъ бы посредствомъ пожертвованій, болѣе или менѣе крупныхъ, достигнуть личнаго благополучія и почета. Хотя къ началу 70-хъ го-

---

[1]) Въ рижскомъ вѣстникѣ за 1876 годъ (№ 106) имѣется указаніе, что нарвское нѣмецкое общество принесло правит. сенату жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ за распоряженіе его о введеніи въ Нарвѣ новаго положенія, которое колебало никѣмъ неотмѣненную привилегію сего общества въ отношеніи мѣстнаго управленія. Конечно, эта жалоба была оставлена безъ послѣдствій.

довъ, благодаря энергіи отдѣльныхъ лицъ, какъ мы видѣли, общество и пробудилось отъ спячки, но оно, можно сказать, еще расправляло свои члены, озиралось по сторонамъ, не вѣрило въ свои силы и боялось самодѣятельности. Возникшіе ко времени введенія въ Нарвѣ городового положенія общественные союзы (напр. общество взаимнаго кредита, нищенскій комитетъ и др.) только что начинали свои дѣйствія, другія-же общественныя учрежденія (русскій клубъ, общество покровительства животнымъ и т. п.) были еще въ проектѣ и затѣмъ были призваны къ жизни уже по введеніи въ Нарвѣ самоуправленія.

Итакъ русское общество въ Нарвѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ городахъ Россіи, было не подготовлено къ воспріятію реформъ. Но это лишь одна сторона дѣла. Другая сторона его заключалась въ продолжавшемся противодѣйствіи старыхъ учрежденій и представителей нѣмецкихъ гильдій всѣмъ начинаніямъ, направленнымъ къ уравненію правъ городскихъ жителей путемъ введенія въ г. Нарву обще-русскихъ административно-полицейскихъ и судебныхъ учрежденій. Это противодѣйствіе со стороны лицъ, надѣленныхъ привилегіями, болѣе образованныхъ, связанныхъ въ тѣсную корпорацію и уже вѣками подготовленныхъ къ жизни общественной, надолго затормозило дальнѣйшее развитіе русскаго дѣла въ городѣ, положивъ начало той борьбѣ, которая красною нитью проходитъ черезъ всю пока еще непродолжительную исторію нарвской городской думы.

Обращаясь къ выводамъ относительно дѣятельности нарвской думы въ области управленія городскимъ хозяйствомъ и о тѣхъ положительныхъ результатахъ, которые были достигнуты ею въ отношеніи внѣшняго благоустройства города и внутренняго его благосостоянія, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что, благодаря жизненной силѣ, положенной въ основу реформы императора Александра II, даже слабо подготовленное общество было въ состояніи быстро выдвинуть городъ впередъ по пути прогресса. Впрочемъ, позволимъ себѣ замѣтить, что при внимательномъ изученіи думскихъ протоколовъ становится совершенно ясной роль отдѣльныхъ гласныхъ, которымъ, благодаря уму, талантамъ и энергіи, удавалось прово-

дить свои взгляды и мнѣнія, благодѣтельно отражавшіеся затѣмъ на процвѣтаніи города. Въ этомъ отношеніи первые 10 лѣтъ дѣйствій нарвской городской думы были особенно плодотворны.

Нечего, конечно, и говорить, что въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ думы не было должной системы и постепенности, что часто вопросамъ роскоши и внѣшняго удобства приносились въ жертву наиболѣе насущные интересы населенія (мощеніе улицъ, освѣщеніе, вода на форштадтахъ), что заботы о предметахъ первой необходимости откладывались на слишкомъ продолжительный срокъ, что обложеніе въ пользу города частныхъ предпріятій и имуществъ производилось неравномѣрно и зачастую въ ущербъ бѣднымъ и въ пользу богатыхъ, при чемъ нѣкоторыя статьи и вовсе не облагались (пароходство, провозъ на фабрику громоздкихъ матеріаловъ по городскимъ дорогамъ и т. п.); что нерѣдко управа дѣйствовала, не сообразуясь съ постановленіями думы и нарушала правила дѣлопроизводства и отчетности; что, наконецъ, самыя пренія велись неумѣло, безъ должнаго сознанія цѣлей и задачъ самоуправленія. Съ болью въ сердцѣ мы должны указать и на индиферентное отношеніе городского управленія къ историческимъ памятникамъ древней Нарвы. Гласный Петровъ неоднократно указывалъ думскимъ дѣятелямъ на необходимость, по точному смыслу городового положенія, отчужденія дворца Петра Великаго въ пользу города, а отъ 7 сентября 1881 г. въ бумагахъ названнаго лица сохранилась копія письменнаго предложенія его на имя городского головы по этому предмету; предложеніе это, однако, не внесено въ печатные протоколы и вообще по этому предмету ничего не сдѣлано. Около памятника завоевателю Нарвы (поставленнаго въ 1872 году) происходитъ по праздникамъ рыночный торгъ, и хотя вопросъ о перенесеніи рынка уже возбуждался, но дума отписалась, что перенесеніе торговли въ другое мѣсто вредно отразилось бы на торговыхъ дѣлахъ. Болѣе или менѣе приличный памятникъ на могилѣ павшихъ при взятіи въ 1704 году Нарвы русскихъ воиновъ поставленъ лишь въ 1881-мъ году, по предложенію гласнаго В. П. Петрова, [1]) указывавшаго на

[1]) Постановленія думы за 1880 г. стр. 14,—21 и 1881 г., стр. 4. Крестъ,

безобразный и непристойный видъ могилы. Могила 2-хъ артиллеристовъ, убитыхъ во время бомбардированія англичанами устья Наровы приведена въ порядокъ и украшена желѣзнымъ крестомъ лишь въ 1888-мъ году, по заявленію лица, посторонняго городской думѣ (отставного капитана И. Я. Филиппова). Наконецъ, распоряженіе думы о снятіи старинной биржевой башни, разрушенной ураганомъ 25 ноября 1873 года, не можетъ быть оправдано никакими соображеніями [1]).

Сдѣлавъ это необходимое введеніе, приступаемъ къ краткому обзору думскихъ постановленій.

13 августа 1873 года первые гласные нарвской городской думы, въ количествѣ 36 человѣкъ [2]), по приводѣ къ присягѣ, собрались на первое засѣданіе, которое было посвящено избранію должностныхъ лицъ городского управленія. Избранными оказались: на должность городского головы—1-й гильдіи купецъ, инженеръ-технологъ А. Ф. Ганъ (24 голосами противъ 12); членами управы—1-ой гильдіи купецъ С. И. Орловъ, съ правомъ заступленія головы (единогласно), мѣщане П. Я. Панковъ (19 гол. прот. 17), А. В. Наумовъ (19 гол. пр. 17) и провизоръ Э. К. Отто (23 гол. пр. 13) и въ члены торговой депутаціи—купцы В. П. Петровъ, онъ-же гласный отъ г. Нарвы въ ямбургскомъ земствѣ (26 гол. пр. 10), П. Ф. Рословъ (25 гол. пр. 11 гол.) и А. И. Нернстъ (26 гол. пр. 10). Всѣ избранные выразили желаніе служить безвозмездно.

стоящій надъ могилой русскихъ воиновъ, павшихъ въ 1704 г., какъ выяснено особою коммиссіею (Петровъ, Панковъ, Крупенкинъ), составленною въ 1880 году, до 1853 г. стоялъ надъ алтаремъ ивангородской Успенской церкви; во время же передѣлки церкви въ 1853 г., по распоряженію инженеръ-полковника Киселева, этотъ крестъ снятъ и поставленъ надъ могилою воиновъ.

[1]) Въ 1875 году дума 16-ью голосами противъ 11 постановила снять башню на биржѣ; но до приведенія этого «приговора» въ исполненіе гласный В. П. Петровъ подалъ заявленіе городскому головѣ, въ которомъ энергично отстаивалъ башню, какъ историческій памятникъ, и указывалъ, что если городъ не имѣетъ средствъ, то ее можно исправить путемъ добровольныхъ пожертвованій, на что уже собрано 600 рублей; къ своему заявленію Петровъ приложилъ свидѣтельство архитектора Сиверта о полной возможности исправить башню. Такого-же рода заявленіе было подано затѣмъ еще 19 гласными, но дума осталась вѣрна себѣ и 12-ью голосами противъ 12, съ перевѣсомъ голоса головы, постановила оставить прежнее опредѣленіе въ силѣ. См. протоколы 1875 г., стр. 39—41.

[2]) Изъ этого числа 25 гласныхъ было русскихъ и 11 нѣмцевъ.

Первые 4 мѣсяца дѣятельности городского управленія выразились въ разныхъ подготовительныхъ работахъ и въ пріемѣ отъ старыхъ учрежденій, завѣдывавшихъ городскимъ хозяйствомъ, денежныхъ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, въ числѣ послѣднихъ—полумызка Нетебергъ, оцѣненнаго въ 20 тысячъ рублей, имѣній Самокрасъ (18 т. руб.)., Узново (2 т. руб.), Кутеркюль (10 т. руб.), Гунгербургъ (3 тысячи руб.) и Шмецке (4 тыс. р.); всего-же было принято денегъ и имуществъ на сумму 185.055 р. 18 к. и, кромѣ того, залоговъ и сборовъ отъ разныхъ лицъ на сумму 2350 р.

Говоря о принятіи вновь сформированнымъ городскимъ управленіемъ имуществъ и капиталовъ, какъ наличныхъ, такъ и долговыхъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ относящагося къ этому вопросу весьма гуманнаго постановленія думы касательно взысканія поземельныхъ недоимокъ съ бѣднѣйшей части населенія. Въ самомъ началѣ дѣйствій новой городской думы, а именно 23 октября 1873 года гласный В. П. Петровъ предложилъ на общее обсужденіе заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Большая часть недоимокъ поземельнаго сбора числится на бѣдныхъ жителяхъ города, которые не въ состояніи платить не только за прошедшее, но и за настоящее время. Въ теченіе 4-хъ лѣтней службы моей въ званіи депутата квартирной коммиссіи я неоднократно имѣлъ возможность убѣдиться въ безполезности строгихъ мѣръ, принимаемыхъ въ отношеніи бѣдныхъ жителей, ибо подобными мѣрами, какъ доказалъ опытъ, возбуждается невольный и, можно сказать, справедливый ропотъ и недовѣріе всего городского общества. Слѣдуетъ отнестись съ большою осторожностію къ суровымъ мѣрамъ, чтобы не попасть изъ одной крайности въ другую. Бывали примѣры, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ взыскивались недоимки посредствомъ публичной продажи имуществъ, но обществу отъ этого было мало пользы, ибо разоряя и безъ того бѣдныхъ жителей, такая мѣра только увеличивала число нищихъ. Подобныя дѣйствія общественныхъ управленій не заслуживаютъ уваженія со стороны городского общества».

Вопросъ былъ переданъ на предварительное разсмотрѣніе управы, по докладу которой, въ засѣданіи отъ 20 декабря того-же 1873 года, было постановлено, согласно предложенію Петрова, къ недоимкамъ по бывшей квартирной коммиссіи, подлежащимъ сложенію, отнести, кромѣ недоимокъ за умершими и признанными бѣдными, еще недоимки, числящіяся болѣе 10 лѣтъ [1]).

Большая гильдія, получившая въ полное распоряженіе, какъ извѣстно, безъ всякаго съ ея стороны денежнаго взноса, дворецъ Петра Великаго, возбудила было искъ противъ передачи городу бывшаго помѣщенія гильдіи въ биржевомъ домѣ;

[1]) Постановленія 1873 г., стр. 20.

но оберъ-ландгерихтъ оставилъ этотъ искъ безъ послѣдствій, равно какъ не было удовлетворено сенатомъ домогательство гильдіи о вознагражденіи ея городомъ въ суммѣ 1288 р. 87 коп. за издержки по устройству помянутаго помѣщенія [1]). Это былъ извѣстный своего рода протестъ противъ новыхъ порядковъ, хотя и безсильный. Другой протестъ выразился въ удержаніи акцизной кассы, о чемъ мы уже упоминали.

Эти противодѣйствія, какъ и другія, имъ подобныя [2]), не помѣшали, однако, историческому ходу событій, постепенно выдвигавшему новыя реформы, направленныя къ окончательному обрусенію Нарвы. 11 октября 1875 года гласный думы В. П. Петровъ внесъ предложеніе объ отдѣленіи г. Нарвы отъ ямбургскаго уѣзднаго земства и объ образованіи въ г. Нарвѣ мирового округа. Согласно этому заявленію, дума въ засѣданіи отъ 1 декабря того-же года постановила ходатайствовать черезъ с.-петербургскаго губернатора объ учрежденіи въ г. Нарвѣ особаго мирового округа, отдѣльнаго отъ судебныхъ учрежденій эстляндской губерніи (тамъ дѣйствовалъ еще старый оберъ-ландгерихтъ) [3]). При этомъ признавалось необходимымъ не подвергать коренной ломкѣ мѣстные гражданскіе законы, что, во первыхъ, повлекло бы извѣстныя невыгодныя послѣдствія для имущественныхъ и нѣкоторыхъ личныхъ интересовъ городскихъ жителей, а во вторыхъ, не оправдываясь по существу, значительно затормозило бы дѣло реформы. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что предметомъ борьбы русскаго и нѣмецкаго элемента въ городѣ служили не мѣстные гражданскіе законы (т. 3 узак. губ. остз.), представлявшіе для всѣхъ жителей извѣстныя удобства, а законы объ учрежденіяхъ и о правахъ состоянія (ч. 1 и 2 тѣхъ-же узаконеній), на которыхъ основывалось преобладаніе нѣмецкихъ гильдій и которые затѣмъ, мало-по-малу, отмѣнялись законодательною властью. Къ тому же сохраненіе Нарвою мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній имѣло прецеденты въ закавказскомъ краѣ, губер-

[1]) Постановленія думы за 1880 г., стр. 15.

[2]) См. ниже, протестъ магистрата противъ ходатайства о выходѣ Нарвы изъ тягостнаго положенія (въ 1884 году).

[3]) Постановленія думы за 1875 г., стр. 3, 79, 80 и 83 и доклады управы 1875 г., стр. 14 и 15.

ніяхъ полтавской, черниговской и др. Наконецъ, представители Нарвы всегда стремились къ образованію своего нарвскаго уѣзда и отдѣленію отъ ямбургскаго земства, взимавшаго большіе, иногда двойные [1]) сборы съ Нарвы и мало обращавшаго вниманія на ея насущные интересы. Этимъ и было вызвано желаніе имѣть въ Нарвѣ особый мировой округъ, такъ какъ при сліяніи въ этомъ отношеніи съ ямбургскимъ земствомъ, возникла бы новая преграда къ выходу Нарвы изъ тягостнаго положенія на самостоятельное поприще уѣзднаго города [2]).

Въ 1880-мъ году послѣдовалъ именной высочайшій указъ сенату (отъ 30 мая) о введеніи мировыхъ судебныхъ учрежденій въ губерніяхъ: эстляндской, лифляндской и курляндской и въ г. Нарвѣ, но не отдѣльно, а въ связи съ учрежденіями эстляндской губ. [3]); однако реформа суда затормозилась, вслѣдствіе чего сначала въ 1881, а затѣмъ въ 1883 году дума постановила избрать особую комиссію для личнаго представленія правительству о нуждахъ города и для исходатайствованія скорѣйшаго введенія судебныхъ учрежденій на основаніи уставовъ 1864 года. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ городского головы А. Ф. Гана, состояла изъ гласныхъ В. П. Петрова (возбудившаго снова этотъ наболѣвшій вопросъ), П. Я. Панкова, В. П. Цвѣтаева и А. Ѳ. Яковлева [4]).

Членомъ коммиссіи В. П. Петровымъ была составлена записка, въ которой указывалось, что нарвская дума обременена двойными расходами на содержаніе магистрата и полиціи и, кромѣ того, земскихъ учрежденій по ямбургскому уѣзду, которыми, однако, городъ не пользуется, а затѣмъ возбуждалось ходатайство о присоединеніи гор. Нарвы къ с.-петербургской

---

[1]) На двойственное обложеніе земствомъ заводскихъ помѣщеній въ г. Нарвѣ В. П. Петровъ неоднократно указывалъ и нарвской думѣ, и ямбургскому уѣздному собранію, въ которомъ онъ много лѣтъ состоялъ гласнымъ отъ г. Нарвы.

[2]) Вопросъ этотъ подробно разсмотрѣнъ въ литографированной запискѣ, составленной В. П. Петровымъ и читанной въ засѣданіи думы 10 января 1876 года.

[3]) Постановленія думы 1880 г., стр. 15.

[4]) Постановленія 1881 г., стр. 2 и 3; 1883 г. стр. 52, 53.

губерніи и въ судебномъ отношеніи, съ сохраненіемъ, однако, мѣстныхъ ипотечнаго и наслѣдственнаго правъ [1]).

Хотя записка была принята большинствомъ собранія, однако присутствовавшій въ думѣ, въ качествѣ гласнаго, предсѣдатель магистрата подалъ городскому головѣ возраженіе, въ которомъ доказывалъ, что дума не имѣетъ права возбуждать изложеннаго выше вопроса, какъ клонящагося къ отмѣнѣ существующихъ законовъ. Къ этому заявленію присоединилось впослѣдствіи 9 гласныхъ думы, которые и подали на имя губернатора прошеніе объ отмѣнѣ неправильнаго будто бы ходатайства большинства думы. Магистратъ, съ своей стороны, жаловался губернатору на незаконное постановленіе думы и указывалъ «на вредное вліяніе, которое производитъ незаконный образъ дѣйствій городской думы на здѣшнихъ жителей въ отношеніи ихъ къ сему магистрату и подвѣдомственнымъ ему судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ, возбуждая въ темномъ народѣ толки и сужденія, крайне вредныя для авторитета оныхъ» [2]). Крѣпко не хотѣлось магистрату реформъ, да и не мудрено: онѣ влекли за собою его гибель! Обѣ жалобы, однако, губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, куда онѣ были переданы, были оставлены безъ послѣдствій, и за думою было признано право ходатайствовать о выходѣ г. Нарвы изъ тягостнаго положенія. Несмотря на такое прямое разрѣшеніе вопроса губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, присоединившимся въ принципѣ къ желаніямъ нарвской думы, дѣло затянулось, осложнилось посторонними обстоятельствами...

Однако усилія русскихъ гласныхъ не пропали даромъ, и реформы, хотя съ запозданіемъ и разными видоизмѣненіями, всетаки были введены. 9-го іюня 1888 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о преобразованіи въ Нарвѣ полиціи, путемъ учрежденія должности полиціймейстера и образованія полицейскаго управленія на общемъ основаніи, съ упраздненіемъ полицейскаго отдѣленія нарвскаго магистрата, а высочайшимъ повелѣніемъ 19 іюля 1889 года былъ положенъ конецъ существованію магистрата введеніемъ судебныхъ реформъ въ губер-

---

[1]) Постановленія думы за 1884 г., стр. 56, и тамъ-же, 24—28, 53—57.

[2]) Постановленія думы за 1884 годъ, стр. 12—17. Здѣсь-же принятая большинствомъ 23 голосовъ противъ 3 записка В. П. Петрова.

ніяхъ прибалтійскихъ и г. Нарвѣ. Нынѣ въ Нарвѣ дѣйствуютъ: товарищъ прокурора, два судебныхъ слѣдователя, двое мировыхъ судей, и, кромѣ того, ревельскій окружной судъ (безъ присяжныхъ засѣдателей) устраиваетъ здѣсь свои выѣздныя сессіи. При камерѣ одного изъ судей находится мѣстное крѣпостное отдѣленіе. Вопросъ о преобразованіи Нарвы въ уѣздный городъ пока остается открытымъ, но, по важности для городского населенія, скорѣйшее разрѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ представляется предметомъ первой необходимости (двойное обложеніе, отсутствіе казначейства и другихъ уѣздныхъ учрежденій, дѣла торгово-промышленныя, пестрота мѣстныхъ учрежденій въ городѣ и на фабрикахъ и т. п.).

Изъ предшествующаго изложенія съ очевидностью выясняется роль, которую съиграло новое городовое устройство въ г. Нарвѣ въ дѣлѣ проведенія здѣсь реформъ. Принципъ свободы мнѣнія, особенно дорогой для гласныхъ, надѣленныхъ умомъ и личными дарованіями, подкрѣпляемый къ тому же санкціею думы, какъ компетентнаго органа самоуправленія, освѣдомленнаго, по признанію высшаго правительства, въ дѣйствительныхъ нуждахъ городского населенія, значительно способствовалъ успѣху дѣла. Совершенно иначе складывались обстоятельства до введенія въ Нарвѣ городового положенія, даже передъ самымъ его введеніемъ. Извѣстно, что въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ въ правящихъ кругахъ было много сторонниковъ прибалтійскихъ привилегій и особыхъ законовъ, признававшихся лучшими сравнительно съ коренными русскими. Всѣмъ, кто слѣдилъ за исторіей борьбы русскаго и нѣмецкаго элементовъ въ краѣ, извѣстны, конечно, имена такихъ дѣятелей, какъ графъ Паленъ, князь Суворовъ, графъ Бобринскій.

На фонѣ общей картины тогдашнихъ остзейскихъ порядковъ характерно выдѣляется эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Нарвѣ въ 1872 году. Въ виду доходившихъ до высшихъ властей желаній русскаго элемента въ Нарвѣ имѣть здѣсь обще-имперскія учрежденія, министръ юстиціи графъ Паленъ командировалъ чиновника, которому поручено было лично переговорить съ русскими представителями Нарвы по вопросамъ, ихъ волновавшимъ. Чиновникъ министерства не нашелъ ничего лучше, какъ собрать русскихъ дѣятелей въ магистратѣ, гдѣ, въ присутствіи мѣстныхъ градоправителей и судей, грозно возсѣдавшихъ на курульныхъ креслахъ, они должны были ясно формулировать свои желанія. Пріемъ совершенно неправильный, но онъ тогда пользовался признаніемъ. Такъ поступилъ въ 60-хъ годахъ и графъ Бобринскій, допрашивавшій принявшихъ православіе эстовъ объ ихъ нуждахъ, въ присутствіи разныхъ гакенрихтеровъ и мѣстныхъ властей. Надо было говорить, и нашлись смѣльчаки, которые заговорили. Говорилъ очень горячо и В. И. Петровъ. Онъ говорилъ, что большинство русскаго населенія давно желаетъ введенія въ Нарвѣ новыхъ порядковъ, общихъ для всей имперіи,

на томъ основаніи, что, не взирая на участіе, наравнѣ съ привилегированными сословіями, во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ сборахъ, повинностяхъ и добровольныхъ складкахъ на содержаніе мѣстнаго магистрата, фохтейскаго и сиротскаго судовъ и полиціи, русскіе лишены права голоса въ выборахъ на общественныя должности и устранены отъ городского управленія. Кромѣ того, было обращено вниманіе представителя министерства на тѣ неудобства и затрудненія, которыя проистекали отъ устарѣлаго порядка судопроизводства на непонятныхъ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, а также на отсутствіе устава о судопроизводствѣ гражданскомъ и на сбивчивость существовавшихъ формъ и обрядовъ гражданскаго судопроизводства по территоріальнымъ правамъ, крайне запутаннымъ. По выслушаніи этихъ заявленій, представитель правительственной власти сказалъ, что онъ доложитъ обо всемъ министру, но что графъ Паленъ вообще находитъ преждевременнымъ приступить къ переустройству судебной части въ городѣ Нарвѣ впредь до рѣшенія общаго вопроса о введеніи судебной реформы во всемъ прибалтійскомъ краѣ. Для успокоенія-же обманутыхъ въ своихъ надеждахъ русскихъ обывателей, правительственный чиновникъ искусною рѣчью старался доказать преимущества мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній передъ общe-имперскими. Въ подтвержденіе своей мысли онъ указывалъ, что сенатъ то и дѣло разъясняетъ запутанныя и противорѣчивыя статьи X тома, и что въ высшихъ сферахъ возникла мысль о передѣлкѣ этого тома по образцу 3-ьей части свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. Необходимо замѣтить, что противъ матеріальнаго гражданскаго права, изложеннаго въ мѣстныхъ законахъ, никто и не возражалъ ни тогда, ни послѣ. Рѣчь шла лишь объ уравненіи русскихъ въ правахъ по участію въ городскомъ управленіи съ нѣмецкими гильдіями и о дарованіи незыблемыхъ правилъ гражданскаго судопроизводства, что нынѣ уже и сдѣлано. Русскіе вышли изъ собранія въ глубокомъ унынін: помимо того, что проваливалось ихъ дѣло, они отдавались на съѣденіе присутствовавшихъ на диспутѣ представителей старыхъ порядковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судьбы обыкновенныхъ смертныхъ. [1]).

Важнѣйшимъ дѣломъ нарвской городской думы въ области внутренняго благосостоянія города является устройство учебныхъ заведеній, и прежде всего гимназій, мужской и женской.

Мысль объ устройствѣ въ Нарвѣ классической прогимназіи проводилась нѣмецкимъ обществомъ Нарвы еще въ началѣ 60-хъ годовъ[2]). Въ прошеніи, поданномъ правительству въ 1864-мъ году, нарвскія гильдіи изъявляли готовность приплачивать на содержаніе прогимназіи изъ собственныхъ средствъ отъ 1.400 до 7.000 рублей, но съ тѣмъ, чтобы инспекторомъ прогимназіи былъ назначенъ непремѣнно кандидатъ дерптскаго университета, и чтобы преподаванію на нѣмецкомъ языкѣ было отведено 60 часовъ, а на русскомъ 38

[1]) Рукописные матеріалы моего отца.

[2]) Гдовско-ямбургскій листокъ за 1872 годъ, № 4, стр. 3.

часовъ въ недѣлю. Однимъ словомъ, гильдіи желали сдѣлать прогимназію въ Нарвѣ своимъ сословнымъ учебнымъ заведеніемъ. Нечего и говорить, что ходатайство это правительствомъ не было уважено. Затѣмъ въ 1867 году въ одномъ изъ засѣданій купеческаго общества нарвскій купецъ В. И. Петровъ возбудилъ вопросъ объ открытіи въ Нарвѣ банка, съ тѣмъ, чтобы на прибыли отъ его операцій была учреждена гимназія. «Это былъ съ моей стороны—говоритъ В. И. Петровъ въ своихъ запискахъ—первый шагъ къ самостоятельной общественной дѣятельности. Стоя передъ собраніемъ, я чувствовалъ, какъ голосъ мой дрожалъ отъ овладѣвшаго мною смущенія; я едва держался на ногахъ, но былъ еще болѣе сбитъ съ толку, когда «интеллигенція», окружавшая столъ, сидя въ креслахъ, встрѣтила мое предложеніе не то со смѣхомъ, не то съ презрѣніемъ, тогда какъ остальные члены собранія, размѣстившись по стульямъ возлѣ стѣнъ кругомъ залы, разными движеніями выражали одобреніе. Только одинъ покойный К. Я. Крузенкинъ былъ со мною и нѣсколько ободрялъ меня»...

Итакъ мысль объ устройствѣ гимназіи въ 1867 году не встрѣтила сочувствія, и дѣло затормозилось до введенія въ Нарвѣ городового положенія.

10 марта 1874 года гласный думы В. И. Петровъ подалъ городскому головѣ заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Учрежденіе въ г. Нарвѣ гимназіи составляетъ въ настоящее время для городской думы вопросъ первой важности, который требуетъ самаго безотлагательнаго обсужденія и рѣшенія. Еще въ 1872 году жители города Нарвы подавали попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа прошеніе о преобразованіи нарвскаго высшаго уѣзднаго училища въ реальную прогимназію съ параллельнымъ классическимъ отдѣленіемъ и получили отвѣтъ, что онъ, попечитель, признаетъ полезнымъ основать въ Нарвѣ учебное заведеніе, которое могло бы болѣе, чѣмъ высшее уѣздное училище, соотвѣтствовать требованіямъ городского населенія; съ своей стороны онъ предлагалъ открыть въ городѣ гимназію подъ обезпеченіемъ самого общества, подобно тому, какъ это сдѣлано царскосельскимъ городскимъ обществомъ; но, Богъ вѣсть почему, вопросъ этотъ по сіе время остается нерѣшеннымъ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые бездѣйствіе свое опираютъ на отсутствіи средствъ. Мы не допускаемъ и мысли, чтобы такой значительный торговый городъ, какъ Нарва, не могъ обезпечить содержаніе гимназіи, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время заботы родителей г. Нарвы и окрестностей, какъ и вездѣ, о воспитаніи и образованіи дѣтей увеличились, а въ настоящее время, по изданіи закона о новой военной реформѣ,—въ особенности. Если здѣшніе жители еще 10 лѣтъ тому назадъ находили средства ручаться за уплату изъ своихъ суммъ до 7000 рублей, то возможно ли допустить, чтобы этихъ средствъ теперь не было? Нѣтъ, причину неразрѣшенія этого важнаго вопроса слѣдуетъ искать не въ средствахъ, а скорѣе въ разрозненности интересовъ населенія. Средства были и есть, а въ настоящее время въ особенности, когда городская дума имѣетъ возможность взимать сборъ съ привозимыхъ

и отвозимыхъ моремъ товаровъ и грузовъ (ст 36, п. 4 город. полож. и высочайше утвержд. мнѣніе госуд. сов. 16 іюня 1870 г., п. 4), каковой сборъ дастъ городу около 5000 рублей чистаго доходу. Въ виду этого и во вниманіе къ тому, что населеніе города съ каждымъ годомъ увеличивается, и число дѣтей, воспитывающихся въ нарвскихъ школахъ, замѣтно возрастаетъ, покорнѣйше прошу поставить сей вопросъ на очередь при первомъ засѣданіи думы и содѣйствовать открытію въ г. Нарвѣ гимназіи».

Предложеніе Петрова было передано на обсужденіе городской думы, которая въ засѣданіи отъ 12 апрѣля 1874 года, послѣ обмѣна мнѣній и прочтенія Петровымъ исторической записки о прежнихъ ходатайствахъ города по сему предмету, постановила ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи въ Нарвѣ, взамѣнъ высшаго уѣзднаго училища, прогимназіи съ обезпеченіемъ пособія изъ городскихъ средствъ въ количествѣ 2686 р. 40 коп. [1])

Ходатайство городского общества было уважено: высочайше утвержденнымъ 23 апрѣля 1875 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта нарвская классическая прогимназія была учреждена на условіяхъ, предложенныхъ городомъ; [2]) оффиціальное же открытіе ея послѣдовало 1 іюля 1875 года [3]). Въ томъ же году, согласно заявленному нѣкоторыми жителями желанію, думою возбуждено было ходатайство объ открытіи въ прогимназіи параллельныхъ классовъ безъ греческаго языка, но это ходатайство высшимъ начальствомъ не было уважено.

Первоначально прогимназія помѣщалась по рыцарской улицѣ, въ домѣ барона Аргсгофена (нынѣ г. Лаврецова, противъ дворца Петра Великаго), но помѣщеніе это было крайне тѣсно и совершенно непригодно для учебнаго заведенія, число воспитанниковъ котораго съ каждымъ годомъ значительно возрастало. Поэтому гласный В. П. Петровъ 27 февраля 1876 внесъ въ думу предложеніе, въ которомъ настаивалъ на необходимости перевода прогимназіи въ зданіе, занимаемое уѣзднымъ училищемъ, а это послѣднее, имѣющее быть преобразованнымъ въ трехклассное городское,—въ домъ барона Аргсгофена, у темнаго сада (нынѣ Лаврецова).

Высшее начальство, къ которому было обращено ходатайство по этому предмету, изъявило согласіе на такое перемѣщеніе. Въ томъ же году ямбургское земство ассигновало на содержаніе въ Нарвѣ прогимназіи по 500 рублей въ годъ. Такимъ образомъ, благодаря субсидіямъ отъ города и земства, а также въ виду того, что бывшее помѣщеніе уѣзднаго училища было капитальнымъ образомъ ремонтировано на средства, пожертвованныя щедрымъ городскимъ головою А. Ф. Гапомъ, въ 1877 году представилась возможность ходатайствовать о преобразованіи нарвской 4-классной прогимназіи въ

[1]) Постановленія думы за 1874 г. стр. 20 и 21; доклады управы 1874 г. стр. 11, 12.

[2]) Постановленія 1875 г., стр. 24, 25.

[3]) В. Петровъ, матеріалы къ исторіи учебныхъ заведеній въ городѣ Нарвѣ. Нарва, 1888, стр. 13.

шестиклассную, при чемъ городъ бралъ на себя обязательство повысить субсидію прогимназіи до 3500 руб. въ годъ. Первоначально, въ виду экономическихъ затрудненій, вызванныхъ войною, ходатайство Нарвы было отложено государственнымъ совѣтомъ до «болѣе удобнаго времени», и лишь 22 февраля 1879 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на преобразованіе нарвской прогимназіи въ шестиклассную [1]).

Въ виду успѣшнаго хода дѣла, дума, конечно, не могла остановиться на полпути и лишить прошедшихъ 6 классовъ прогимназіи воспитанниковъ возможности закончить среднее образованіе. Поэтому въ засѣданіи отъ 16 сентября 1880-го года, согласно предложенію гласнаго А. Ф. Гана, было рѣшено возбудить ходатайство о преобразованіи нарвской 6-ти классной прогимназіи въ полную гимназію [2]). При этомъ, на одномъ изъ засѣданій слѣдующаго года гласный А. Ф. Ганъ заявилъ о своей готовности отпускать, въ случаѣ преобразованія прогимназіи въ гимназію, въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ по 3075 р. 20 коп., на покрытіе потребнаго излишка расходовъ, а дума съ своей стороны постановила отпускать еще по 500 р. ежегодно на гимназію (т. е. всего по 4 тысячи въ годъ) [3]). 22-го сентября 1881 года воспослѣдовало высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о преобразованіи нарвской 6-классной прогимназіи въ полную гимназію, начиная съ 1881/82 учебнаго года [4]).

Возможность и дѣвицамъ получать среднее образованіе въ Нарвѣ также составляла предметъ заботы родителей. 16 января 1882 года гласный В. П. Петровъ, на основаніи ст. 60 городоваго положенія, внесъ на имя нарвскаго головы «мнѣніе» относительно ходатайства передъ правительствомъ объ учрежденіи въ Нарвѣ женской гимназіи.

Предложеніе Петрова заключалось въ слѣдующемъ: «Существующія въ Нарвѣ учебныя заведенія для дѣтей женскаго пола, хотя и даютъ удовлетворительное образованіе, но не вполнѣ отвѣчаютъ потребностямъ времени. Такъ, училище для дѣвицъ при церкви св. Іоанна (Johannisschule) даетъ образованіе по всѣмъ предметамъ на нѣмецкомъ языкѣ и выпускаетъ такимъ образомъ своихъ воспитанницъ только подготовленными для продолженія образованія въ подобныхъ-же учебныхъ заведеніяхъ, или же съ правомъ на полученіе званія гувернантки (Gouvernante), если, по выдержаніи дополнительнаго экзамена при дерптскомъ университетѣ, будутъ совѣтомъ онаго удостоены сего званія. Другое училище для дѣвицъ госпожи

---

[1]) Преподаваніе въ прогимназіи шло настолько успѣшно, что въ томъ же 1879 году дума, по письменному заявленію, составленному В. П. Петровымъ и подписанному нѣсколькими гласными, постановила выразить директору гимназіи Р. Б. Келеру и педагогическому совѣту благодарность за неутомимыя заботы и труды по воспитанію дѣтей. Благодарность эта была прочитана В. П. Петровымъ на торжественномъ актѣ прогимназіи.

[2]) Постановленія за 1880 г., стр. 24.

[3]) Постановленія за 1881 г., стр. 5.

[4]) Петровъ, матеріалы, стр. 17.

Ганъ хотя и даетъ желаемое образованіе, но не доступно для всѣхъ, такъ какъ только одна годовая плата за ученіе въ этомъ училищѣ— 100 рублей, каковую сумму не всѣ родители въ состояніи платить, а въ особенности тѣ, у которыхъ нѣсколько дочерей. Между тѣмъ, если прислушаться къ желаніямъ большинства, то всякій убѣдится, что нужда въ женскомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ бы шло вполнѣ современное преподаваніе, сознана въ такой-же мѣрѣ, какъ въ началѣ 70-хъ годовъ была сознана необходимость въ преобразованіи нарвскаго высшаго уѣзднаго училища въ прогимназію. Считаю лишнимъ говорить о томъ значеніи, которое представляетъ для родителей и для общества хорошее и недорогое образованіе, это знаетъ всякій; но не могу не высказать убѣжденія, что образованіе подрастающихъ дочерей нашихъ такъ-же полезно, какъ полезно образованіе подрастающихъ юношей. А потому, руководствуясь выше изложенными обстоятельствами и общимъ сознаніемъ въ неотложной необходимости имѣть желаемое учебное заведеніе, прошу васъ милостивый государь, доложить мое мнѣніе на обсужденіе думы» [1]).

Затѣмъ въ засѣданіи думы отъ 28 марта 1884 года гласный А. Ф. Ганъ заявилъ, что онъ жертвуетъ подъ помѣщеніе гимназіи 2-этажный домъ (гдѣ прежде помѣщалось частное женское училище его супруги), и что городъ, по его мнѣнію, можетъ взять на себя гарантію во взносѣ 6.000 рублей какъ въ виду этого пожертвованія (домъ съ обстановкою былъ оцѣненъ въ 30 тысячъ рублей), такъ и по соображенію, что требуемые 6000 могли-бы составиться: 1) изъ ранѣе предположеннаго пособія думы въ 1500 р., 2) изъ дохода съ подвальнаго этажа дома въ 500 р. 3) изъ платы за ученіе въ суммѣ 4000 р.

По изложеннымъ мотивамъ, дума рѣшила открыть въ Нарвѣ женскую гимназію. При этомъ гласнымъ В. П. Петровымъ было сдѣлано предложеніе о возможномъ уменьшеніи платы за ученіе съ тѣмъ, чтобы и дѣти небогатыхъ родителей могли получать среднее образованіе [2]). Фактическое открытіе женской гимназіи послѣдовало 1 іюля 1884 года [3]).

Устройствомъ гимназій, разумѣется, не исчерпывались заботы городского управленія объ образованіи юношества. Не всѣ имѣли средства давать своимъ дѣтямъ среднее образованіе: нужна была школа, въ которой дѣти бѣдныхъ родителей, не помышлявшихъ объ университетѣ, могли бы получать законченное элементарное образованіе, необходимое въ практической трудовой дѣятельности. Такимъ учебнымъ заведеніемъ было городское училище, открытое въ 1877 году, вмѣсто упразднен-

[1]) Постановленія думы за 1882 г., стр. 7 (предложеніе В. П. Петрова) и подлинная рукопись предложенія.

[2]) Постановленія за 1884 годъ, стр. 18—22.

[3]) Петровъ, матеріалы, стр. 42.

наго уѣзднаго, съ пособіемъ отъ города сначала въ 600, а затѣмъ въ 900 рублей.

Первоначально городское училище помѣщалось въ домѣ барона Аргсгофена (гдѣ прежде была прогимназія), затѣмъ, по тѣснотѣ, оно было переведено въ домъ Суттофа; но и это помѣщеніе оказалось тѣснымъ и совершенно непригоднымъ по своимъ антигигіеническимъ условіямъ, особенно въ виду наплыва учениковъ, цыфра которыхъ быстро возрасла до 200. И вотъ самому существованію училища начинаетъ грозить опасность. Послѣ двукратныхъ сношеній директора народныхъ училищъ объ отводѣ нарвскому городскому училищу лучшаго помѣщенія, высшее учебное начальство, въ виду отказа думы, не имѣвшей средствъ на покупку дома и предлагавшей лишь увеличить пособіе съ 900 до 1400 рублей, рѣшило съ $188^2/_3$ уч. года закрыть училище, если къ лѣту 1883 года для него не будетъ отведено городомъ удобное помѣщеніе. Засѣданіе думы 10 сентября 1882 года было рѣшающимъ для городского училища. Многіе гласные шли на засѣданіе съ готовымъ уже рѣшеніемъ закрыть училище, по неимѣнію средствъ. Гласный В. П. Петровъ, несмотря на болѣзнь, явившійся на засѣданіе думы, горячо вступился за училище, которому грозила печальная участь.

«Вопросъ о помѣщеніи для нарвскаго городского училища—говорилъ онъ—такъ важенъ и серьезенъ, что занимаетъ собою не только однихъ представителей города, гласныхъ, но и все городское населеніе, и городъ ждетъ рѣшенія этого важнаго вопроса съ напряженнымъ вниманіемъ. И это весьма естественно, ибо 200 дѣтей, преимущественно бѣдныхъ родителей, ждутъ рѣшенія своей участи. Ясно, что о закрытіи училища, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ предположеніе отдавать дѣтей для обученія въ гимназію немыслимо: во первыхъ, не всѣ желаютъ получать гимназическое образованіе, а предпочитаютъ реальное, и, во вторыхъ, не всѣ родители имѣютъ средства на это. Мы видимъ изъ дѣла, что дума неоднократно относилась съ полнымъ сочувствіемъ къ этому учебному заведенію: 25 февраля 1877 года назначила пособіе на преподаваніе въ ономъ нѣмецкаго языка, 26 апрѣля 1879 года 300 рублей на параллельный классъ, 16 сентября 1880 года — 1000 р. на стипендію въ память 25-лѣтняго юбилея царствованія въ Бозѣ почившаго императора Александра II, 5 февраля 1881 года— 100 руб. въ пособіе учителю Тимофееву и 1 іюля 1882 года— 500 на наемъ помѣщенія. Итакъ, если мы постоянно такъ сочувственно относились къ этому общеполезному учебному заведенію, то нечего сомнѣваться въ будущемъ. Съ указаніемъ на то обстоятельство, что городъ въ настоящее время не имѣетъ средствъ на устройство удобнаго для училища помѣщенія, не могу согласиться по слѣдующимъ причинамъ: учебное вѣдомство, какъ видно изъ отзыва отъ 23 апрѣля сего года за № 367, обязывается платить квартирныхъ денегъ 1100 р., городъ отпускаетъ 300 р. [1]) на параллельный классъ, да ямбургское земство 500 р., такъ что эта сумма до-

[1]) А съ прежними отпускавшимся училищу 600 р.—900 рублей.

Нарвская мужская гимназія,
украшенная зеленью и флагами по случаю пребыванія въ Нарвѣ императоровъ Александра III и германскаго Вильгельма II, въ 1890 г.

статочно гарантируетъ погашеніе капитала, затраченнаго на постройку дома. Сверхъ того, если бы этого не было достаточно, то мы имѣемъ достаточную гарантію уже въ томъ, что учебное вѣдомство обязуется занимать домъ и платить арендныя деньги до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ весь затраченный капиталъ. Отсюда дѣло становится совершенно яснымъ и кажущіяся на первый взглядъ препятствія рушатся сами собою. Чего же намъ бояться? Вѣдь пророчили намъ банкротство предъ начатіемъ постройки водопровода, то-же самое было передъ устройствомъ дорогъ и прочихъ крупныхъ сооруженій, но, слава Богу, живемъ и не обанкротились. Повѣрьте, стоитъ только захотѣть честно относиться къ дѣлу, и—пойдемъ впередъ съ помощью Божіею» [1]).

Послѣ обмѣна мнѣній гласные, наконецъ, пришли къ единогласному рѣшенію избрать особую коммиссію—подъ предсѣдательствомъ городского головы А. И. Свинкина—изъ членовъ П. Я. Панкова и В. П. Петрова, которой и поручить пріисканіе зданія для городского училища. Послѣ долгихъ хлопотъ былъ купленъ за 20 тысячъ рублей домъ Вильмса на вестерской улицѣ, гдѣ городское училище помѣщается и по настоящее время. Въ засѣданіи думы отъ 8 декабря 1883 года рѣшено было передать этотъ домъ въ собственность министерства народнаго просвѣщенія, но съ тѣмъ, чтобы городъ былъ освобожденъ отъ ежегоднаго взноса въ 900 рублей, а членамъ коммиссіи Свинкину, Панкову и Петрову объявлена благодарность за успѣшные труды [2]).

Вообще къ чести нарвскаго городского управленія слѣдуетъ сказать, что оно, помимо разныхъ случайныхъ пособій [3]), расходуетъ значительныя суммы на учебное дѣло, а именно:

1) на содержаніе мужской гимназіи . . . 4000 р. — к. [4])
2) » » женской » . . . 2500 » — »
3) » » учительскаго помощника при городскомъ училищѣ . . . . . 480 » — »
4) на страхованіе зданія городского училища 59 » 19 »
5) пособіе двумъ народнымъ училищамъ для мальчиковъ и дѣвочекъ по 300 рублей . 600 » — »

[1]) Рукопись рѣчи, произнесенной гласнымъ В. П. Петровымъ въ засѣданіи думы 10 сентября 1882 года.

[2]) Кромѣ того, впослѣдствіи В. П. Петрову была объявлена особая благодарность отъ педагогическаго совѣта училища, какъ иниціатору въ вопросѣ о пріисканіи помѣщенія и какъ лицу, постоянно сочувствовавшему нуждамъ училища. Оффиціальное отношеніе на имя Петрова отъ 21 февраля 1885 г. № 68.

[3]) Кромѣ денежныхъ пособій, дума оказывала помощь и матеріаломъ: напримѣръ, отпустила нужное количество цоколя на постройку церковно-приходской школы.

[4]) Въ гимназіи имѣется, между прочимъ, и стипендія нарвскао русскаго общественнаго собранія въ 1500 р.

6) на содержаніе учительницы параллельнаго отдѣленія при женскомъ приходскомъ училищѣ . . . . . 300 р. — к.
7) пособіе музыкальной школѣ (съ 1899 г.) [1]) 300 » — »
Кромѣ того, школѣ отведено отъ города безплатное помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.
8) пособіе курсамъ черченія для ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ при нарвской гимназіи . . . . . 100 » — »
9) содержаніе начальнаго класса при домѣ трудолюбія [2]) . . . . . 400 » — »

Однимъ словомъ, если принять въ расчетъ проценты съ дома городского училища и плату за помѣщеніе музыкальной школы, а также и разныя случайныя выдачи, то выйдетъ, что городъ ежегодно расходуетъ на народное образованіе болѣе 10 тысячъ рублей. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что существующей въ Нарвѣ безплатной библіотекѣ-читальнѣ, независимо отъ единовременнаго пособія въ 100 рублей (въ 1896 году), городомъ отведено помѣщеніе и, кромѣ того, отпускается по 50 р. ежегодно (съ 1897 г.) [3]). Затѣмъ городомъ ассигновано около 50 р. на плату за обученіе дѣтей мѣстныхъ жителей въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Коснувшись вопроса о народномъ образованіи въ г. Нарвѣ, мы не можемъ не упомянуть о фактѣ, тѣсно связанномъ съ дѣломъ просвѣщенія: это—основаніе въ 1898 г. русской газеты. Едва ли нужно здѣсь повторять о пользѣ, приносимой прессою и, въ частности, о значеніи для Нарвы именно русской газеты. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ издавался въ Нарвѣ нѣмецкій листокъ («Narvasche Stadtblätter»). Онъ содержалъ отдѣлы: оффиціальный, мѣстной хроники и историко-литературный [4]). На смѣну этому органу выходилъ въ началѣ 70-хъ годовъ нарвскій городской листокъ на русскомъ языкѣ, но существо-

---

[1]) Нарвскій листокъ за 1899 г., № 9.

[2]) Ассигновано, но еще не израсходовано (см. отчетъ 1898 г.) въ виду того, что самый домъ трудолюбія не открытъ.

[3]) Постановленія думы за 1897 г. стр. 70—71.

[4]) Сборникъ свѣдѣній о повременныхъ изданіяхъ. СПБ. 1870, отд. 2, стр. 43.

ваніе его, къ сожалѣнію, было очень непродолжительно. Въ немъ помѣщались статьи, между прочимъ, и по вопросамъ городского управленія. Затѣмъ въ 70-хъ же годахъ вызванный къ жизни княземъ Оболенскимъ гдовско-ямбургскій листокъ часто помѣщалъ на своихъ страницахъ корреспонденціи изъ Нарвы и статьи о Нарвѣ (постояннымъ сотрудникомъ былъ В. П. Петровъ). Кромѣ того, краткія замѣтки о Нарвѣ доставлялись и въ общую прессу. Къ сожалѣнію, почтенный органъ князя Оболенскаго былъ вскорѣ преобразованъ и, расширивъ рамки, уже утратилъ свое мѣстное значеніе собственно для Нарвы. Появленіе въ 1898 году «нарвскаго листка», поэтому, было фактомъ отраднымъ и желательнымъ. Листокъ основанъ нарвскимъ купцомъ И. К. Грюнталемъ, а первымъ редакторомъ его утвержденъ коллежскій совѣтникъ И. М. Лазаревичъ-Шепелевичъ.

Кромѣ заботъ о просвѣщеніи юношества и вообще о народномъ образованіи, городская дума всегда принимала близкое участіе въ судьбѣ и другихъ общеполезныхъ и благотворительныхъ учрежденій. На общественное призрѣніе городъ въ общемъ расходуетъ около 5½ тысячъ рублей, считая въ томъ числѣ и проценты съ капиталовъ, пожертвованныхъ П. И. Орловымъ (въ 1877 г.—50 тыс. руб.) и А. Липгардтомъ (въ 1882 г.—18800 р.) [1]).

Независимо того, дума тратила и единовременно большія суммы на церкви: въ 1891 г. ассигновано 6 тыс. рублей на постройку церкви во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра въ Гунгербургѣ (съ разсрочкою на 3 года) [2]), а въ 1893 году отпущено 1000 р. на возобновленіе иконостаса въ Преображенскомъ соборѣ [3]). (Ранѣе того, въ 1884 году отпущено собору же на устройство отопленія 300 рублей). Наконецъ, матеріальная поддержка оказывалась не только православнымъ, но и иновѣрнымъ церквамъ въ формѣ безплат-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что въ распоряженіи города состоятъ еще капиталы и имущества, завѣщанныя на благотворительныя цѣли: Назаровою—домъ, проданный за 16653 р. и деньгами 1000 р. (1888 г.), Мартинсономъ, въ 1891 г., свыше 50 тыс., Луккаревымъ въ 1895 г., около 70 тыс. руб. и нѣкот. др.

[2]) Постановленія 1891 г. стр. 37.

[3]) Постановленія 1892 г. стр. 37 и 70, 1893 г. стр. 49.

наго отвода мѣстъ подъ постройки, выдачи цоколя (камня) и т. п. [1]).

Медицинская, ветеринарная и санитарная части также не опущены изъ вниманія городскимъ управленіемъ, которое расходуетъ на этотъ предметъ болѣе 3½ тысячъ, въ томъ числѣ—1000 р. въ пособіе земской больницѣ, 740 р.—городскому врачу, 360—фельдшеру, 180—акушеркѣ, 100—фельдшерицѣ, 300—ветеринарному фельдшеру при скотобойнѣ, а на всю скотобойню 1020 р.; 150 р.—санитарной комиссіи и др. Независимо того, отпускается 200 р. на содержаніе постояннаго врача въ Гунгербургѣ съ 1893 г. [2]).

Существующее въ Нарвѣ добровольное пожарное общество пользуется субсидіями отъ города, которыя въ послѣднее время достигли цыфры въ 1000 рублей.

Къ разряду общеполезныхъ учрежденій, находящихся въ завѣдываніи города, принадлежитъ и нарвскій театръ. Къ сожалѣнію, городская дума долгое время не обращала должнаго вниманія на его благоустройство. Декораціи были ветхи, уборныя для артистовъ неудобны, мѣста для публики небезопасны въ пожарномъ отношеніи. Одно время дума даже склонялась къ закрытію театра, но благоразумная часть гласныхъ отстояла его. Въ 1882 году, послѣ страшной катастрофы, постигшей вѣнскій театръ, всюду стали принимать мѣры къ предупрежденію подобныхъ несчастій вообще въ театрахъ. Эти мѣры предложены были губернаторомъ и нарвскому городскому управленію, которое тогда только ассигновало 500 р. на перестройку театра для огражденія публики на случай пожара [3]) Послѣ этого дума ограничивалась выдачею небольшихъ пособій

[1]) Постановленія 1885 г., стр. 1 и 7; 1886 г., стр. 9, 36, 40 и др.

[2]) Отчетъ за 1898 г., № 39—43 и 55, п. 13. Забота объ улучшеніи санитарнаго состоянія города въ 1879 еще году выразилась въ требованіи, согласно предложенію В. П. Петрова, отъ фабрикъ, находящихся выше города, чтобы онѣ не сваливали нечистотъ въ рѣку. При этомъ указывалось, что, помимо загрязненія воды, фабричные отбросы въ корнѣ подрывали рыбный промыселъ, истребляя рыбу и даже засоряя и разрывая сѣти. (Постановленія 1879 г., стр. 45). Въ тѣхъ же санитарно-гигіеническихъ цѣляхъ, В. П. Петровъ особенно настаивалъ на устройствѣ общественныхъ бань.

[3]) Нарвскій городской театръ. Статья В. П. Петрова въ нарвскомъ листкѣ за 1898 г., № 15 и 16. Постановленія думы за 1882 г., стр. 1—2.

на возобновленіе декорацій и т. п. (напр. 1895 г.— 200 р.) [1]).

Въ области торгово-промышленной дѣятельность думы выразилась, главнымъ образомъ, въ попеченіи объ удобствахъ нарвскаго порта, столь страдающаго отъ постояннаго обмеленія. Эта статья городского хозяйства служила предметомъ постоянной и неусыпной заботы представителей города [2]). Въ 1880 г., по распоряженію министра финансовъ Грейга, на наровскомъ рейдѣ поставлена землечерпательная машина, на устройство которой изъ казны было отпущено 50 тысячъ рублей.

Содержаніе этой машины (по послѣднему отчету за 1898 г.) обходится 11214 рублей, а вмѣстѣ съ лоцманскою частью 14046 р. 80 коп.

О состояніи внѣшней торговли нарвскаго порта и ея колебаніяхъ въ зависимости отъ бара можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ:

Годы.	Прибыло судовъ.	Привезено на сумму.	Вывезено на сумму.	Пошлина по ввозу.	
1870	190	3,756,896 р.	1,438,433 р.	305,322 р.	кредитными.
1875	187	2,079,087 »	1,524,734 »	267,649 »	
1880	116	1,571,184 »	561,379 »	186,842 »	золотою валютою.
1885	92	1,201,749 »	487,132 »	50,426 »	
1891	103	5,734,238 »	643,349 »	739,280 »	
1895 (по 4 нояб.)	100	5,799,270 »	818,415 »	1,031,431 »	

Внутренняя торговля въ городѣ также не разъ служила предметомъ обсужденія на думскихъ засѣданіяхъ, но для нея сдѣлано мало, хотя городской сборъ съ торговли и промысловъ по отчету 1898 г. достигъ довольно солидной цифры въ 10033 р., а ожидалось даже около 14 тысячъ рублей. Въ 1877 и затѣмъ въ 1879 годахъ гласнымъ В. П. Петровымъ былъ выдвинутъ вопросъ о постройкѣ гостинаго двора въ Нарвѣ, въ

[1]) Постановленія 1886 г., отчетъ за 1895 г., стр. 99.

[2]) См. постановленія 1874 г., стр. 39: 1877 г., стр. 9; 1879 г., стр. 46; 1880 г., стр. 16; 1881 г., стр. 1, 7, 10; 1882 г., стр. 36, 43.

видахъ лучшаго гигіеническаго устройства торговыхъ помѣщеній и единенія купечества; но вопросъ этотъ остается открытымъ и по сіе время.

Нѣкоторыя мѣры надзора были приняты лишь въ отношеніи рыночной торговли, для каковой цѣли нанимаются два базарныхъ надзирателя. Въ 1876 году рѣшено было соединить особымъ холомъ черезъ важню рынки новый и старый, а затѣмъ въ 1877 году въ этомъ проходѣ устроены въ городскихъ амбарахъ мясныя лавки; кромѣ того, для Нарвы учреждены 2 ярмарки въ году.

Городская лѣстница,
построенная на средства А. Ф. Гана.

Нельзя не упомянутъ о гуманномъ постановленіи думы относительно отдыха торговыхъ служащихъ въ праздники, до окончанія литургіи. Впервые этотъ вопросъ выдвинутъ на очередь въ 1882 году гласнымъ В. П. Петровымъ, который, между прочимъ, указывалъ, что досугъ служащіе могли бы употреблять на обученіе грамотѣ и чтеніе (идея о воскресной школѣ). «Для общественнаго блага—говорилъ онъ—мы обязаны принести нѣкоторыя жертвы, и мы первые, какъ представители городского самоуправленія, подадимъ примѣръ человѣколюбія и гуманности, примѣромъ докажемъ, что мы чужды узкихъ эгоистическихъ стремленій... Есть на свѣтѣ нѣчто выше и дороже личныхъ интересовъ»! Впослѣдствіи къ мнѣнію Петрова примкнули представители православнаго и лютеранскаго духовенства, и отдыхъ установленъ, но

не на цѣлый день, какъ предлагалъ Петровъ, а лишь до 12 часовъ.

Въ отношеніи благоустройства города главнѣйшими мѣрами городского управленія было мощеніе дорогъ и улицъ, ремонтъ городскихъ зданій, устройство садовъ, освѣщеніе, заселеніе пустопорожнихъ участковъ, а однимъ изъ наиболѣе солидныхъ предпріятій было устройство водопровода.

Проведеніе и мощеніе дорогъ и улицъ представлялось мѣрою насущной, но не всѣ это сознавали, а нѣкоторые предлагали приводить ее въ исполненіе постепенно. Медлительность городского управленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ была по истинѣ удивительна. Для примѣра достаточно привести распланировку бывшихъ крѣпостныхъ валовъ и засыпку рвовъ, находившихся по направленію къ нарвскому форштадту. Еще въ 1873 году предположено было сдѣлать правильную распланировку мѣстъ, занимаемыхъ крѣпостными верками, пустить въ продажу земельные участки подъ постройку домовъ. Однако исполненіе этого постановленія думы откладывалось съ года на годъ.

Лишь въ 1899 году приступлено было къ упорядоченію упомянутой части города и продажѣ здѣсь участковъ подъ заселеніе; ровъ же, отдѣляющій городъ отъ нарвскаго форштадта, и по сіе время не засыпанъ и не приведенъ въ должный видъ.

Въ разное время гласный Петровъ поднималъ вопросъ объ улучшеніи дорогъ и улицъ и въ другихъ частяхъ города. Засѣданію думы отъ 25 ноября 1878 года было доложено его предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, излагалось: «Городское управленіе обязано заботиться, чтобы всѣ плательщики пользовались одинаковыми правами въ отношеніи удобствъ и благоустройства, чтобы каждый домъ имѣлъ жильцовъ, а жители могли бы добывать на рынкахъ съѣстные припасы безпрепятственно во всякое время года, что теперь, при отсутствіи дорогъ, не всѣмъ доступно, а для бѣднаго класса въ особенности. Надѣюсь, что предложеніе это будетъ принято съ полнымъ вниманіемъ, и г.г. гласные отнесутся къ нему сочувственно въ интересахъ нашей общественной жизни. Польза обществу закономъ поставлена выше всего, благоустройство—задача, рѣшить которую мы призваны... Хорошія и исправныя дороги приносятъ неоцѣненныя услуги и утверждаютъ на твердыхъ основаніяхъ общественное благосостояніе. Бѣдный и богатый, взрослый и дитя, старый и малый, словомъ всѣ одинаково, благодаря хорошимъ дорогамъ, могутъ ходить безпрепятственно: кто на рынокъ, кто въ училище, кто въ церковь и т. д.; жители окраинъ будутъ пользоваться равными пра-

вами съ счастливымъ жителемъ города и будутъ чувствовать, что во главѣ городского управленія стоятъ люди, съ достоинствомъ оправдывающіе свое призваніе.

Покорнѣйше прошу принять въ соображеніе, что городъ Нарва былъ нѣкогда богатымъ городомъ и даже былъ членомъ ганзы, лучшимъ тому памятникомъ — биржевой домъ возлѣ ратуши. Въ то время жизнь Нарвы кипѣла, какъ кипящій водопадъ. Но время измѣнилось, и жизненныя силы Нарвы ослабѣли; ослабѣли же эти силы не отъ физическаго недуга, а отъ сложившихся вѣками условій. Въ настоящее время, въ силу дарованныхъ реформъ самоуправленія и благодаря своимъ природнымъ силамъ, Нарва, при благоразумномъ управленіи, можетъ быть возведена на степень уѣзднаго города. Богатое географическое положеніе, въ которомъ находится городъ, служитъ основаніемъ въ несомнѣнномъ успѣхѣ нашего предположенія. Портъ, приносящій государству годового доходу до 300000 рублей, водопадъ и Чудское озеро суть неизсякаемые источники для развитія торговли и промышленности. Богатыя фабрики, воздвигнутыя на водопадѣ, затѣмъ обширная заграничная и внутренняя оптовая торговля, банки, народное образованіе, судебныя учрежденія, добровольное пожарное общество, клубы, разныя богоугодныя заведенія, городской водопроводъ, морскія купанія, расширеніе города новыми участками—развѣ все это мало говоритъ въ пользу жизненныхъ силъ Нарвы? Хотя дѣла по благоустройству города и были начаты не безъ затрудненій и препятствій; но, слава Богу, недоразумѣнія и недовѣріе, существовавшія дотолѣ между сословіями [1]), разсѣялись, и мы значительно подвинулись впередъ. Неужели же остановимся мы на полупути по дѣлу благоустройства, въ виду такой свѣтлой будущности»? [2]).

Въ защиту этого предложенія, въ виду колебаній и равнодушія нѣкоторыхъ гласныхъ, Петровъ въ томъ-же засѣданіи думы произнесъ горячую рѣчь.

«Мы больше медлить не можемъ—говорилъ онъ между прочимъ—необходимо въ этомъ же собраніи рѣшиться на заемъ и немедленно при первой возможности приступить одновременно къ исправленію всѣхъ дорогъ. Нельзя болѣе откладывать изо дня въ день. Проходятъ дни, мѣсяцы, годы, а мы вязнемъ въ грязи! Мы читаемъ въ газетахъ и удивляемся, что въ такомъ-то городѣ утки плаваютъ посреди города, что свиньи валяются въ грязи по городскимъ улицамъ! Развѣ у насъ лучше? Посмотрите, господа, пройдите два шага въ сторону, и завязнете въ грязи. Помните долгъ, который мы приняли на себя; помните,—чѣмъ выше общественное благосостояніе, тѣмъ выше и частное благополучіе... Во имя развитія торговли и промышленности, во имя огражденія города отъ бѣдствій и пожаровъ, во имя процвѣтанія нашей общественной жизни, во имя народнаго здравія я прошу рѣшить этотъ вопросъ сегодня-же... Неужели мы такъ будемъ строить дороги, какъ нѣкоторый гражданинъ, который 20 лѣтъ строилъ домъ: пока одинъ уголъ готовъ, другой уже валится... Нѣтъ,

[1]) т. е. русскими и нѣмецкими.

[2]) Постановленія за 1878 годъ, стр. 48—50.

это невозможно. Дороги и улицы должны быть немедленно исправлены и откладывать больше нельзя!»... [1]).

Наконецъ, предложеніе В. П. Петрова было принято большинствомъ 19 голосовъ противъ 7. [2]).

Мысль о водопроводѣ впервые была высказана на засѣданіяхъ думы отъ 11 января и 25 іюля 1875 года. Именно въ двухъ своихъ запискахъ о необходимости лучшаго устройства водоснабженія въ городѣ гласный Петровъ указывалъ, что «по городовому положенію дума обязана пещись о благоустройствѣ города, между прочимъ, и устройствомъ водопроводовъ», и что «хотя средства города еще не дорасли до тѣхъ размѣровъ, чтобы можно было немедленно приступить къ устройству водопровода, который былъ бы очень желателенъ, но тѣмъ не менѣе дума обязана неуклонно заботиться о томъ, чтобы городское населеніе, платя всѣ повинности, не терпѣло нужды въ водѣ» [3]).

На засѣданіи думы отъ 29 марта 1876 г. рѣшено было устроить водопроводъ въ Нарвѣ, и на этотъ предметъ ассигновано 32500 р., а затѣмъ въ 1877 году добавлено еще 15000 р. Всѣ исполнительныя дѣйствія были возложены на свѣдущаго и извѣстнаго энергіей городского голову А. Ф. Гана, которому Нарва вообще обязана многими сторонами своего благоустройства. Подъ устройство водокачки было приспособлено зданіе бывшей мукомольной мельницы у моста, резервуаръ изъ листового желѣза на 5 тыс. ведеръ былъ сооруженъ въ Нарвѣ и поставленъ на башнѣ магистрата, а два паровыхъ котла, машины съ насосами и часть чугунныхъ трубъ привезены изъ-за границы. Земляныя работы были отданы съ подряда витебской артели рабочихъ [4]). Съ каждымъ годомъ сѣть водопроводныхъ трубъ все увеличивалась и захватила форштадты, гдѣ для бѣднѣйшаго населенія были устроены общіе краны.

Объ устройствѣ этихъ крановъ и проведеніи трубъ на форштадты особенно хлопоталъ гласный В. П. Петровъ, который

[1]) Рукописный списокъ рѣчи отъ 25 ноября 1878 года.

[2]) У автора предложенія по этому поводу отмѣчено: «Я былъ счастливъ. Этотъ день—одинъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни».

[3]) Постановленія 1875 г., стр. 23 и 32.

[4]) Отчетъ о дѣятельности нарвскаго городского управленія съ 1 сентября 1873 г. по 1 сентября 1885 г., Нарва, 1885, стр. 14 и 15.

указывалъ, что вода есть предметъ первой необходимости для всѣхъ, что главная цѣль водопровода — не ванны и причудливые фонтаны, а естественная потребность всего населенія въ питьевой водѣ, и что, наконецъ, оставленіе форштадтовъ безъ водопровода напомнило бы Крыловскую дождевую тучу, пролившуюся надъ моремъ [1]).

Проведеніе водопроводной сѣти и устройство крановъ для бѣдной части населенія на ивангородскомъ и петровскомъ форштадтахъ были осуществлены не безъ препятствій со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ. Это побудило гласнаго Петрова,—независимо отъ напоминанія сочленамъ по городскому управленію объ обязанностяхъ ихъ въ отношеніи населенія, платящаго городу налоги и ввѣрившаго своимъ представителямъ попеченіе объ общихъ интересахъ и нуждахъ,—привести цыфровыя данныя, относящіяся къ расходамъ и доходамъ по содержанію водопровода, которыя съ очевидностью доказывали возможность распространенія водопроводныхъ трубъ и устройство даровыхъ крановъ для бѣдныхъ (но отнюдь не для состоятельныхъ лицъ) на форштадтахъ. Когда на засѣданіи думы отъ 1 іюня 1882 года зашла рѣчь о снабженіи водою петровскаго форштадта, гласный Петровъ вынужденъ былъ энергически замѣтить противникамъ: «Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Построенъ форштадтъ—воды ни капли! Случись пожаръ, и огонь очиститъ весь форштадтъ. Я не пророкъ, но скажу, что это будетъ такъ!»

Поучительное совпаденіе доказало, что въ такихъ случаяхъ можно быть до нѣкоторой степени пророкомъ: въ тотъ-же день вечеромъ на петровскомъ форштадтѣ вспыхнулъ пожаръ, и, конечно, сгорѣлъ бы весь кварталъ, густо застроенный деревянными домами, еслибы вѣтеръ не перемѣнилъ своего направленія въ сторону поля. Быть можетъ, этотъ урокъ оказалъ нѣкоторое давленіе на упорныхъ, и дѣло устройства трубъ и крановъ пошло успѣшнѣе.

По отчету за 1898 годъ содержаніе водопровода обходится городу 3555 р. 56 к. (а исчислено 3740 р.), въ томъ числѣ машинисту 600, двумъ помощникамъ 660, тремъ кочегарамъ 540, отопленіе 1500 р.; поступило же съ водопровода въ пользу города 8107 р. и числится въ недоимкѣ 365 р.

Остается упомянуть еще о застройкѣ Гунгербурга и о возведеніи его на степень курорта, благодаря стараніямъ и энергичной дѣятельности того же городского головы А. Ф. Гана. Благодѣтельныя климатическія условія способствовали работѣ человѣка; мѣстечко было распланировано, участки назначены въ продажу и быстро покрылись дачными постройками. Затѣмъ здѣсь появились церкви, православная и лютеранская, кургаузъ,

[1]) Постановленія 1882 г., стр. 46—48 и рукопись.

Гунгербургъ (Усть-Нарова).

аптека, почта и телеграфъ, ванны, пожарная команда, нанятъ врачъ, организована школа, устроены дороги (въ 1879 г. отпущено 5 т. р. на устройство большой меррекюльской дороги). Нынѣ Гунгербургъ привлекаетъ большое число дачниковъ. Предполагаемая жел. дорога къ Гунгербургу черезъ г. Гдовъ должна еще болѣе поднять значеніе этого мѣстечка.

Городское управленіе Нарвы, озабоченное преимущественно городскими дѣлами, не оставалось, конечно, глухо и къ событіямъ общегосударственнымъ. Въ послѣднюю русско-турецкую войну дума, независимо отъ торжественныхъ проводовъ, а затѣмъ встрѣчи стоявшаго въ Нарвѣ енисейскаго полка, въ засѣданіи отъ 19 апрѣля 1877 г., согласно письменному предложенію гласнаго В. П. Петрова, постановила назначить на время войны, сверхъ участія въ расходахъ земства, въ пособіе семействамъ призывныхъ отъ обществъ г. Нарвы ежемѣсячно по три рубля съ прибавкою по рублю на каждаго ребенка [1]). Независимо того, тогда-же рѣшено было принимать всякаго рода пожертвованія деньгами и вещами въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ и въ случаѣ надобности устроить для нихъ 10 кроватей. Я помню, что городскія дамы, въ томъ числѣ и моя мать А. Е. Петрова, собирались въ общественномъ собраніи и здѣсь щипали корпію, приготовляли бинты, вязали чулки для солдатъ.

Въ 1888 году, въ память 900-лѣтія крещенія Руси, отведено было мѣсто и пожертвованъ строительный матеріалъ для постройки часовни, а также для церковно-приходской школы имени св. благов. князя Владиміра; кромѣ того, роздано 500 брошюръ о кн. Владимірѣ воспитанникамъ и воспитанницамъ учебныхъ заведеній [2]).

Спасеніе императорскаго семейства во время крушенія поѣзда у ст. Борки 17 октября 1888 года также нашло откликъ въ дѣятельности думы, которая отпустила 500 р. на устройство иконы въ Преображенскомъ соборѣ въ память этого событія [3]). Въ 1895 году отпущено 250 р. на сооруженіе въ

[1]) Постановленія 1877 г., стр. 13, 33 и 46.
[2]) Постановленія 1888 г., стр. 40—42.
[3]) Постановленія 1889 г., стр. 1, 2.

Москвѣ памятника въ Бозѣ почивающему имѣратору Александру III [1]). Въ самое послѣднее время нарвская дума присоединилась и къ общему чествованію Пушкина.

Посѣщеніе Нарвы августѣйшими особами вызывало особенную радость населенія. Великій князь Владиміръ Александровичъ неоднократно изволилъ быть въ Нарвѣ; посѣщеніе имъ послѣдней въ 1886 г. описано сопровождавшимъ его камергеромъ Случевскимъ. Особенно памятно для Нарвы было пребываніе въ ней императоровъ Александра III и германскаго—Вильгельма II въ 1890 году, когда количество собравшихся въ Нарвѣ августѣйшихъ и высокопоставленныхъ особъ напомнило блестящее время Екатерины II [2]).

Въ заключеніе приведемъ, на основаніи подлинныхъ отчетовъ управы, таблицу городскихъ доходовъ и расходовъ, по пятилѣтіямъ, съ 1874 по 1898 годъ (въ рубляхъ). По ней можно судить о развитіи городского хозяйства Нарвы и ея постепенномъ ростѣ [3]).

	1874 г.	1879 г.	1884 г.	1889 г.	1894 г.	1898 г.
Доходовъ	39799	86780	57626	85644	90722	109038
Расходовъ	33482	73572	57408	72158	85789	106645

Этимъ я заканчиваю пеструю исторію Нарвы. Я знаю, что нѣкоторые мои выводы не для всѣхъ пріятны, но обойти вопросъ объ отношеніяхъ русскаго и нѣмецкаго элементовъ въ Нарвѣ я не могъ: этотъ вопросъ слишкомъ ярко выступаетъ въ былой жизни города, всегда стоявшаго на рубежѣ русскаго и нѣмецкаго теченій въ прибалтійскомъ краѣ.

Я прошу лишь обратить вниманіе, что, дѣлая свои заключенія, я держался почвы принципіальной и основывался на непреложныхъ фактахъ, твердо вѣруя притомъ въ незыблемость началъ нашего государственнаго права. Я долженъ подчеркнуть, что, возражая противъ привилегій нѣмецкаго населенія Нарвы (нынѣ уже почти утраченныхъ), я руководствовался

[1]) Постановленія 1896 г., стр. 97.

[2]) Это посѣщеніе Нарвы подробно описано городскимъ секретаремъ Э. Э. Цикгофомъ (Краткій обзоръ дѣятельности нарвскаго гор. общ. управленія съ 1889 по 1893 г., стр. 41—60).

[3]) Мы беремъ цыфры дѣйствительныхъ, а не смѣтныхъ поступленій и расходовъ.

идеею справедливости, такъ какъ говорилъ лишь объ уравненіи правъ всѣхъ нарвскихъ гражданъ. Нечего и прибавлять, что я готовъ воздать дань уваженія добрымъ качествамъ и стремленіямъ нѣмцевъ; я глубоко увѣренъ, что дружная совмѣстная работа русскихъ и нѣмцевъ, чуждая политическихъ мечтаній со стороны этихъ послѣднихъ, принесетъ большую пользу какъ Нарвѣ, такъ и вообще прибалтійскому краю. Городское самоуправленіе открываетъ для этого широкое поприще. Я указалъ и на нѣкоторые недостатки русскаго общества, и могу лишь напомнить, что всякая истина достигается черезъ рядъ ошибокъ.

Заключаю пожеланіемъ всѣмъ моимъ согражданамъ личнаго счастья, въ увѣренности, что на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ выпадетъ случай связать свои имена съ исторіею Нарвы, въ дальнѣйшемъ развитіи которой, при намѣченныхъ уже усовершенствованіяхъ, я не сомнѣваюсь.

—

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

I. Первоисточники (т. е. лѣтописи, мемуары, путешествія, сказанія современниковъ и т. п.).

A. Печатные.

1. Cornelii Taciti libri qui supersunt, iterum recognovit Carolus Halm. Lipsiae MDCCCLVIII. De origine, situ, moribus ac populis Germaniae.

2—3. Переводы Тацита В. И. Модестова (СПБ. 1886) и Нейкирха (Одесса, 1867).

4. Der Liefländischen Chronik erster (und zweiter) Theil von Liefland unter seinen ersten Bischöfen etc. Лѣтопись Генриха Латыша. 1747—1753.

5. Ditleb's von Alnpeke Livländische Reimchronik. Riga, 1857.

6. Balthasar Rüssow's Livländische Chronik. Reval. 1845.

7. Monumenta Livoniæ antiquæ. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen. Riga, Dorpat und Leipzig, 5 частей. 1835—1847.

8. Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland. Riga und Leipzig. 1-я часть (2-е изд.) 1853, 2-я ч. 1848.

9. Чешихинъ. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи прибалтійскаго края. Рига, 4 тома. 1876—1882 г.

Здѣсь въ русскомъ переводѣ ливонскія лѣтописи Генриха Латыша, Германа Вартберга, Бальтазара Рюссова, Франца Нienштедта, записки Миллера о временахъ Стефана Баторія; выселеніе жителей Дерпта (и Нарвы) въ 1708 году, по запискамъ пастора Гротіана; депутація города Риги (и Нарвы) при погребеніи Петра Великаго; путешествіе императрицы Екатерины II по Лифляндіи и Эстляндіи въ 1764 году; письма, указы и рескрипты Петра Великаго, Екатерины I, Анны Іоанновны и Екатерины II и т. п.

10. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. 1846—1889.

11. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. 5 томовъ. 1813—1841 г.

12. Снимки древнихъ русскихъ печатей. 1886.

13. Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею. 5 томовъ. 1841—1842.

14. Дополненія къ актамъ историческимъ. 12 томовъ. 1846—1872.

15. Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ россійской имперіи археогр. экспедиціею при имп. академіи наукъ. 4 тома. 1836.

16. Новгородскія писцовыя книги, изд. археогр. коммиссіею. Т. IV: переписныя оброчныя книги шелонской пятины. СПБ. 1886.

17. Ю. Н. Щербачевъ. Датскій архивъ. 1326—1690 г.г. М. 1893.

18. Его-же. Русскіе акты копенгагенскаго государственнаго архива. СПБ. 1897.

19. Rerum Moscovitarum commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain. Basileæ, ex officina Oporiniana, 1571.

20. Баронъ Герберштейнъ. Записки о Московіи. Переводъ И. Анонимова. СПБ. 1866.

21. Сказанія князя Курбскаго. СПБ. 1833.

22. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ (изданіе Устрялова).

Часть I. Берова лѣтопись московская (изд. 2-е, 1837 г.).

Часть II. Записки Георга Паерле (изд. 2-е, 1837 г.).

Часть III. Записки Маржерета и президента де-Ту (изд. 2-е, 1837 г.).

Часть IV. Дневникъ Марины Мнишекъ и пословъ польскихъ (1834 г.).

Часть V. Записки Маскѣвича (1834 г.).

23. Петрей де-Ерлезундъ, Петръ. Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ. Пер. съ нѣм. А. Н. Шемякина. М. 1867.

24. Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. СПБ. 1874.

25. Книги разрядныя по оффиціальнымъ опытамъ спискамъ. СПБ. 2 тома. 1853—1855 г. и указатель къ нимъ.

26. A. Olearius. Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen, worinnen derer Orter und Länder, durch welche die Reise gangen, als fürnemblich Russland, Tatarien und Persien sammt ihrer Einwohner Natur, Leben und Wesen fleissig beschrieben. Schlesswig. 1647.

27. Адамъ Олеарій. Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ. Пер. съ нѣм. П. Барсовъ. М. 1870.

28. Григорій Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича. СПБ. 1884.

29. Московія Джона Мильтона, съ статьею и примѣчаніемъ Юрія Вас. Толстого. М. 1875.

30. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными. 10 томовъ 1851—1871.

31. Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. 5 выпусковъ. М. 1861—1896.

32. Академикъ Бычковъ. Письма и бумаги императора Петра Великаго. 3 тома. СПБ. 1887—1893.

33. Указы блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя імператора Петра Великаго съ 1714 по 1725 г. СПБ. 1739.

34. Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія нейштатскаго мира. СПБ. 1770.

35. Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества россійскихъ во взятіи преславныхъ фортификацей (sic) и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій учиненныхъ надъ войски его королевскаго величества свейскаго. Въ Санктпетербургѣ. Здѣсь (на стр. 31—44)—юрналъ или поденная роспись, что подъ крѣпостію Нарвою чинилось 1704 года. Съ планомъ сраженія.

36. Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum Czarus, cum iniquissimo bello Succis, contra jusjurandum et nuperrime datam fidem, illato praetextum quæreret. Anno MDCC.

37. Шафировъ. Разсужденіе, какіе законные прічіны его величество Петръ Великіи императоръ и самодержецъ всероссійскіи и протчая, и протчая, и протчая; къ начатію воіны противъ короля Карола 12, шведского 1700 году имѣлъ, и кто изъ сіхъ обоіхъ потентаптовъ, во время сей пребывающеи воіны, болѣе умѣренности и склонности къ пріміренію показывалъ, и кто въ продолженіи онои съ толь велікімъ разлітіемъ крови хрістіянскои, и разорсніемъ многихъ земель віновенъ; и съ которои воюющеи, страны та воіна по правіламъ хрістіянскіхъ и політічныхъ народовъ болѣе ведена. Все безъ пристрастія фундаментално изъ древніхъ и новыхъ актовъ и трактатовъ, такожъ и изъ запісокъ о воінскіхъ операціяхъ опісано съ надлежащею умѣренностію и истіною. Такъ что въ потребномъ случаѣ можетъ все, а имянно: первое орігіналными древніми межъ коронами россіискою и шведскою постановленными трактатами, грамотами, и канцелярінскіми протоколами, такожъ многое и безпристрастными гісторіями, съ стороны россіискои доказано, и любопытнымъ представлено быть; съ соізволенія его імператорского величества всероссіиского, собрано, и на свѣтъ издано, въ царствующемъ Санктъпітербурхѣ, лѣта Господня 1716 года. А напечатано 1722.» (Затѣмъ слѣдуетъ длинное посвященіе или «дедікація» царевичу Петру Петровичу, съ подписью иніціаловъ П. Ш.).

38. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. М. 1872. 2 тома.

39. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. прав. синода. Т. I (1542—1721). СПБ. 1868.

40. Капитанъ Джонъ Перри. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ. Пер. съ англ. М. 1871.

41. Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709. СПБ. 1840.

42. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. 1721—1725 г. Пер. съ нѣм. И. Аммонъ. 4 части. М. 1858—1860.

43. Сочиненія Ивана Посошкова. М. 1842.

44. Собраніе русскихъ медалей. Вып. I. (Петровскія медали). 1840.

45. Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. Пер. съ англ. СПБ. 1874.

46. Voyages en Anglois et en François d'A. De La Motraye en diverses provinces et places de la Prusse Ducale et Royale, de la Russie, de la Pologne etc. MDCCXXXII. (Tome III).

47. Манштейновы современныя записки о Россіи. Переводъ съ французскаго. Дерптъ. 1810. 2 части.

48. Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ денешъ франц. посольства въ Петербургѣ, издалъ съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскій. СПБ. 1862.

49. Жизнь и приключенія Андрея Болотова. СПБ. 1738—1793. 4 тома. 1870—1873.

50. Записки Гавріила Романовича Державина 1743—1812. М. 1860.

51. Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Пер. съ франц. СПБ. 1865.

52. Сенатскій архивъ. Именные указы императора Павла I. СПБ. 1888.

53. Журналы комитета министровъ. Царствованіе императора Александра I. Томъ I. (1802—1810). СПБ. 1888.

54. Полное собраніе законовъ. (№№ указаны въ выноскахъ).

55. Е. И. Карновичъ. Собраніе узаконеній русскаго государства. Томъ I. Царствованіе царя Алексѣя Михаиловича съ 1649 по 1676 годъ. СПБ 1874.

56. Первыя русскія вѣдомости 1703 года. Изд. 1855 г.

57—58. Русскій архивъ: 1) 1872 годъ. Іюньская книжка. Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ. Переводъ Барсова; 2) 1892 годъ. Мартовская книжка. Записки датскаго посланника Юста Юля о Россіи временъ Петра Великаго (Онѣ изданы въ 1900 году отдѣльною книгою).

59—60. Русская старина: 1) 1873 годъ. Апрѣльская книжка. Указы, распоряженія и резолюціи императора Павла Петровича; 2) 1893 годъ. Августовская книжка. Мнѣнія иностранцевъ-современниковъ о великой сѣверной войнѣ (то-же въ № 1 русскаго архива за 1896 годъ).

61—64. Сборникъ императорскаго историческаго общества, книжки 1, 8, 9, 39 и др.

Первоисточники, непосредственно касающіеся Нарвы:

65. Warhafftige Copia des Schreibens, welches an den Königlichen Schwedischen Stadthalter zu Revel von dem Reussischen Woiwoden auff Iwangorodt von wegen ihres umbgebrachten vermeinten Grossfürsten Demetri in Reussischer Sprache ergangen und darnach in die Teutsche transferiret und versetzet ist im Jhare (sic) 1606. Gedruckt zu Stockholm.

66. Warhafftige newe Zeitung aus der Narfue von itzigem Zustand der Reussen und Muschowiten. Gedruckt Anno 1606.

67. Лѣтописецъ 1700 года. Отдѣльный оттискъ (стр. 131—157) изъ 4-го выпуска лѣтописи занятій археографической коммиссіи 1865—1866 гг.

68. Narva triumphans и т. д. см. въ текстѣ исторіи.

69. Narva Moscorum clade nobilitata. Anno MDCC, d. XX Novembris.

70. Alss die grosse und unvergleichliche Victorie der Grossmächtigste Monarch Carolus der XII, der Schweden, Gothen und Wenden König etc. etc. etc. den 20 Novembris verwichenen Jahres bey glücklicher Entsetzung der högstbedrängten und in die 10 Wochen lang durch eine schwere Belagerung hart zugesetzten Stadt Narvae mit Heldenmühtiger Tapfferkeit befochten hat.

71. Kurtzer jedoch warhaffter Bericht des glorieusen und bey Menschen Bedencken fast nicht erhörten unvergleichlichen Sieges, womit der Aller-

höchste Gott am 20 Novembr. jüngsthin Jhr. Kön. Maj. zu Schweden rechtmässige Waffen wieder (sic) dero treulosen Feind den Czaaren in Moscow gesegnet hat. Alten Stettin. 1700.

72. Der siegprangende Schwedische Gideon als der Allerdurchlauchtigste Grossmächtigste König und Herr Herr Karl der XII der Schweden, Gothen und Wenden König etc. etc. etc. durch göttlichen Beystand einen weltgepriesenen Sieg wieder (sic) die Moscowiter nebst glücklicher Entsetzung der Gränz-Vestung und guten Stadt Narva den 20 Novembr. Anno 1700 erhalten. Stockholm. 1700.

73. Jauchtzendes Stade über den vollkommen und herrlichsten Sieg, welchen Jhro Königliche Majestät Carolus der XII, der Schweden, Gothen und Wenden König etc. etc. etc. unser allergnädigster Herr, in Höchster Person, mit unbeschreiblicher Tapfferkeit, bey dem zugleich erfolgtem Entsatze der belagerten Stadt Narva, wider den meineydigen Musskowiter Heldenmüthigst befochten.

74. Copia eines Schreibens aus Jhrer Königl. Majest von Schweden glücklich erobertem Muscowitischen Lager von der nunmehro durch des Höchsten wunderbahren (sic) Beystand von allerhöchst-gedachten Königl-Majest. völlig entsetzten und von der feindlichen Beängstigung befreyeten Stadt Narva. 1700.

75. Copey des Gen. Major Baron Langen bey dem Moscowitischen Czaren residirenden Envoyé Jhr. K. M. von Pohlen aus seinem Gefängnuss (sic) in Narva sub dato d. 13. Decemb. Anni 1700 styli novi an den König Augustum abgelassenen Briefes. Приложенъ большой (складной) планъ битвы подъ Нарвой.

76. Dess bey der Russischen armee gewesenen General Lieutnants und Ober-Ingenieurs in der glücklichen Victorie bey Narva gefangenen Ludwig Nicolai von Allart Schreiben und auffrichtige Relation von der Russischen Verwirrung an den König von Pohlen aus seinem arrest in Narva.

77. Extract-Schreiben eines gewissen Ministri. Dat. Rewal. d $^{29}/_{9}$ Novembr. 1700.

78. Sentiments d'un officier flamand sur le memoire, que l'Ambassadeur de Moscovie présenta à Messieurs les Etats Généraux le 25 Janvier 1701.

79. Das erfreute und illuminirte Narva oder umständliche Beschreibung der erfreulichsten Ankunft und merkwürdigen Auffenthalts und während desselben allerhöchst erwiesenen Gnaden-Bezeugungen Jhro Majestät der Allerdurchlauchtigster Grossmächtigsten Kayserin aller Reussen und Grossen Frau Katharina der Zweiten zu Narva den 10-ten und 12-ten May 1780 auf Allerhöchst Derselben Reise nach Weiss-Russland. St.-Petersburg 1780. Приложены 2 гравюры на складныхъ листахъ: одна, изображающая тріумфальныя ворота (Haas Architect del., Sokoloff sculp.), другая—нарвскій водопадъ (Bucholz del, Rougreef sculp.). Подписи слѣдующія. Подъ первой: «Ehren-Pforte durch welche Jhro Kayserliche Maj. aller Reussen Catharina die Zweite die huldreiche Mutter des Vaterlandes auf Allerhöchst Dero Reise nach Weiss-Russland Jhren Einzug in die Stadt Narva zu halten allergnädigst geruhet haben den 10 May 1780». Подъ второй: «Der Wasser Fall nebst der Jnsel Krahnholm vor der Stadt Narva» и рядомъ «Les Cataractes et l'Isle Crahnholm près de la Ville de Narva». Видъ водопада воспроизведенъ въ настоящемъ изданіи исторіи Нарвы.

80. Зеркало свѣта за 1787 г. Статья: «Краткое извѣстіе о состояніи г. Нарвы».

81. Сѣверный архивъ за 1822 годъ. Дневникъ Алларта объ осадѣ Нарвы въ 1700 году (№№ 1 и 2).

82. Библіотека для чтенія за 1834 годъ, т. V: «Путевыя записки Арсеньева».

83—85. Санктпетербургскія вѣдомости: 1) 1728 г., № 82, суплементъ съ пунктами указа о вывозѣ товаровъ изъ новгородской и великолуцкой провинцій въ Нарву и въ Ревель; 2) 1802 годъ, №№ 41 и 42 (о пребываніи императора Александра I въ Нарвѣ); 3) 1855 г., №№ 129 и 143 (бомбардированіе англичанами устья р. Наровы).

86. Русская старина. 1892 г. Ноябрьская книжка (Проѣздъ черезъ Нарву наслѣдника престола Константина Павловича).

87. Морской сборникъ за 1855 годъ. Сентябрьская книжка. Лавровъ. «Артиллерійское дѣло при устьѣ Наровы 6-го іюня 1855 года». Къ статьѣ приложены: 1) видъ сраженія въ устьѣ Наровы 1855 г. и 2) планъ сраженія.

88. Правительственный вѣстникъ. 1893 г. Оборона Нарвы въ 1855 году (изъ воспоминаній участника).

Б. Рукописные и устные.

89. Архивъ б. нарвскаго магистрата (русскіе акты шведскаго времени и эпохи Петра Великаго, жалованныя грамоты Нарвѣ императрицъ Анны, Елизаветы и Екатерины II на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, обывательская книга г. Нарвы 1789 года, протоколы засѣданій магистрата на нѣмецкомъ языкѣ).

90. Протоіерей Любимовъ. Историко-статистическое описаніе Спасо-Преображенскаго собора въ г. Нарвѣ, с.-петербургской епархіи, въ листъ, 66 страницъ. (Рукопись хранится въ архивѣ Преображенскаго собора въ Нарвѣ).

91. Эстскія преданія о Нарвѣ, сообщенныя нарвскимъ жителемъ г. Сирнакъ.

92. Личный архивъ моего отца В. П. Петрова, нарвскаго старожила (рукописныя сочиненія, рѣчи, заявленія городской думѣ, оффиціальныя бумаги, письма разныхъ дѣятелей, дѣло о покровительствѣ животнымъ и т. п.).

93. Рукописные матеріалы по исторіи Нарвы, сообщенные мнѣ г. поручикомъ печорскаго полка К. В. Померанцевымъ.

94. Преданія жителей города Нарвы.

95. Надгробныя надписи, надписи къ иконамъ и картинамъ, на порталахъ, памятникахъ и т. п.

II. Историческія изслѣдованія и монографіи.

96—99. Исторіи Карамзина, Соловьева, Устрялова, Погодина.

100. В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. СПБ. 1883.

101. Костомаровъ. Сѣверноруссвія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. СПБ. 1863.

102. Е. Болховитиновъ. Исторія княжества псковскаго. Кіевъ 1831.

103. А. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г. 2 тома. СПБ. 1889—1891

104. И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 года. СПБ. 1855.

105. Его-же. О правахъ иностранцевъ въ Россіи до Іоанна III. СПБ. 1854.

106. I. Гамель (академикъ). Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол. СПБ. 1865.

107. В. Берхъ. Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича и взглядъ на междуцарствіе. СПБ. 1832.

108. Его-же. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. СПБ. 1831.

109. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго и дополненія. 30 томовъ.

110. Ѳ. Тумапскій. Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго. 10 частей. СПБ. 1787—1788.

111. (Катифоро). Житіе Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, отца отечества. М. 1788.

112. Вол(ь)теръ. Исторія царствованія императора Петра Великаго. М. 1810.

113. Галемъ. Жизнь Петра Великаго. Переводъ съ нѣмецкаго. СПБ. 1812—1813 года.

114. В. Бергманъ. Исторія Петра Великаго. Перевелъ съ нѣмецкаго Егоръ Аладьинъ. СПБ. 1840.

115. Н. Полевой. Исторія Петра Великаго. 4 части. СПБ. 1843.

116. Н. Ламбинъ. Исторія Петра Великаго (600 рисунковъ Д. Яицена; въ числѣ ихъ нѣсколько, относящихся къ боямъ подъ Нарвою въ 1700 и 1704 годахъ). СПБ. 1843.

117. К. Задлеръ. Опытъ историческаго оправданія Петра I противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. СПБ. 1861.

118. П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. СПБ. 1862.

119. Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго. 1858—63. Приложены альбомы; въ числѣ рисунковъ: планы сраженій 1700 и 1704 годовъ и изображеніе битвы подъ Нарвой въ 1700 году.

120. П. Н. Петровъ. Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій (1672—1725). СПБ. 1872.

121. А. Брикнеръ. Исторія Петра Великаго. С.-Петербургъ 1882 г. 2 тома Здѣсь иллюстраціи, касающіяся Нарвы: 1) видъ Нарвы въ началѣ XVII столѣтія съ современной гравюры Меріана, 2) изображеніе ливонскаго крестьянина, служившаго проводникомъ шведской арміи въ походѣ 1700 г., 3) домъ

Петра Великаго въ Нарвѣ (искаженное изображеніе), 4) видъ Ивангорода въ началѣ XVII столѣтія съ гравюры Меріана и 5) взятіе Нарвы въ 1704 году, съ картины профессора Коцебу, гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

122. Jacob von Stählin. Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig. 1785.

123. Яковъ фонъ Штелинъ. Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Пер. Карла Рембовскаго. М. 1789.

124. О. Бѣляевъ. Кабинетъ Петра Великаго. СПБ. 1793.

125. Достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго. 1672—1725. СПБ. 1872.

126. Н. Тихомировъ. Сборникъ литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому. СПБ. 1872.

127. Пв. Ѳеоктистовъ. Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ. СПБ. 1896.

128. Картина жизни и военныхъ дѣяній россійско-императорскаго генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великаго. М. 1803.

129. Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. СПБ. 1808.

130. М. И. Семевскій. Слово и дѣло! 1700—1725. СПБ. 1884. Здѣсь статья: «фрейлина Гамильтонъ» со свѣдѣніями объ Аннѣ Крамеръ.

131. Карцовъ. Военно-историческій обзоръ сѣверной войны. СПБ. 1851.

132. Лесръ (подъ его редакціей). Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Часть 1. СПБ. 1893.

133. Вейдемейеръ. Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до Елисаветы Петровны. Спб. 1832.

134. Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Часть II. М. 1836. (О Долгоруковыхъ).

135. Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. М. 1880.

136. П. Диринъ. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна. 1729—1761. Спб. 1884.

137. А. Брикнеръ. Исторія Екатерины Второй. Спб. 1885.

138. В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томы I, II и XII въ 2 частяхъ (библіографическій).

139. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. St.-Petersburg und Leipzig. 4-er Band. 1804.

140. Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны въ 1812 году. Спб. 1839.

141. Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 года. 1860.

142. В. Д. Кренке. Оборона балтійскаго прибрежья въ 1854—1856 годахъ. Спб. 1887.

143. Карцовъ. Исторія лейбъ-гвардіи семеновскаго полка 1683—1852. Спб. 1852.

144. Азанчевскій. Исторія преображенскаго полка. М. 1859.

145. Ф. Орловъ. Очеркъ исторіи с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка (1726—1880). Спб. 1881.

146. С—овъ (Скроботовъ). Приходскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій. Спб. 1871.

147. Ф. Шлоссеръ. Всемірная исторія.
148. Оскаръ Іегеръ. Всеобщая исторія. 1894.
149. Маллетъ. Датская исторія. Перев. съ франц. студ. Ѳ. Моисѣенкова. Спб. 1777—1783,
150. Олофа Далина. Исторія шведскаго государства. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1807.
151. G. Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII, Roi de Suède. Amsterdam, MDCCXL.
152. Leben Carl des Zwölften, Königs in Schweden mit Münzen und Kupfern. Erster Theil. 1745.
153. Histoire de Charles XII, Roi de Suède, traduite du suédois de Monsieur J. A. Nordberg. Tome premier. A la Haye MDCCXLVIII.
154. Вольтеръ. Исторія Карла XII, короля шведскаго. Перев. съ французскаго. М. 1803—1804.

---

155. (Чешихинъ). Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. 7 выпусковъ. 1884—1887.
156. Евграфъ Вас. Чешихинъ. Краткая исторія прибалтійскаго края. Рига. 1894.
157. Прибалтійскій край. Историческій очеркъ и описаніе губерній эстляндской, лифляндской и курляндской. Спб. 1870.
158. Форстенъ. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Спб. 1884.
159. Его-же. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648). Спб. 2 тома. 1893—1894.
160. Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ. Спб. 1845.
161. Эстонецъ и его господинъ. М. 1872.
162. А. Рихтеръ. Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. М. 1858.
163. Самаринъ. Окраины Россіи.
164. (Самаринъ). Рижскія письма. М. 1863.
165. Нашъ остзейскій вопросъ. Leipzig. F. A. Brockhaus.
166. Михаилъ Харузинъ. Балтійская конституція. Историко-юридическій очеркъ. М. 1888.
167. Hupel. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland. Riga 1774—1777. 2 части.
168. Реклю. Земля и люди. Томъ V, выпускъ 2. 1883.
169. Академикъ Г. П. Гельмерсенъ. Чудское озеро и верховье рѣки Наровы. Спб. 1865.
170. А. Ф. Риттихъ. Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалтійскій край. Спб. 1873.
171. П. Пушкаревъ. Краткое историко-статистическое описаніе с.-петербургской губерніи. Спб. 1845. Приведены раскрашенные гербы городовъ и уѣздовъ и въ числѣ ихъ гербъ Нарвы.
172. Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Выпускъ X. 1885.

173. K. H. Fr. von Kruse. Necrolivonica, oder Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands bis zum Einführung der christlichen Religion. Dorpat. 1842.

174—175. Русская старина: 1) 1878 годъ. Декабрьская книжка. Статья «Князья Долгоруковы»; 2) 1886 годъ. Апрѣльская книжка. Сочиненіе Гельбига, и. з. «Русскіе изгранники и случайные люди» (объ Аннѣ Крамеръ).

176. Историческій вѣстникъ за 1896 годъ. Іюньская книжка. (О герцогѣ Яковѣ Кеттлерѣ).

177—179. Древняя и новая Россія: 1) 1877 годъ. О древнемъ крестѣ 1590 года между бывшими станціями Варгель и Гогенкрейцъ; 2) 1879 годъ (октябрьская книжка). Статья «Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ» (тутъ-же о заточеніи князя Василія Владиміровича Долгорукова въ Ивангородъ; 3) 1880 годъ (майская книжка). Карлъ XII. Сочиненіе шведскаго короля Оскара II.

180. Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ. Книга 3-я. (О стихахъ, поднесенныхъ императрицѣ Екатеринѣ I въ день ея ангела).

181. Его-же. Девятнадцатый вѣкъ. Книга 2-я. Записки графа Ростопчина (посѣтившаго Нарву).

182. Морской сборникъ за 1860 годъ. № 3 (мартъ). Статья г. Вальдемара «Русскій торговый флотъ, въ особенности балтійскій, его состояніе, развитіе и будущность».

183—184. Отечественныя записки: 1) 1860 годъ. Сентябрьская книжка. (Объ Аннѣ Крамеръ); 2) 1862 годъ. Іюньская книжка. Статья Еспова «Черецъ Ѳедосъ» и приложеніе I къ ней.

185. Временникъ эстляндской губерніи 1893—1894 г. 2 книги: Ю. Трусманъ. Русскіе элементы въ Эстляндіи въ XIII—XV вѣкѣ (Къ X археол. съѣзду въ Ригѣ). Ник. Харузинъ. Обзоръ доисторической археологіи въ эстляндской, а также лифляндской и курляндской губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей. Проф. П. Висковатовъ. Юхтицкое древнее кладбище эстляндской губерніи. Н. Харузинъ. Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи балтійскаго края и хранящихся въ московскихъ архивахъ министерствъ иностр. дѣлъ и юстиціи. Ю. Трусманъ. Происхожденіе населенія на о-вахъ Эзелѣ, Даго и Монѣ. Е. Ханзенъ. Остатки нѣк. древнихъ замковъ въ эстляндской губ. и друг.

186. Жизнь 1897 г., № 11. Статья автора настоящей исторіи, и. з. «Церковь въ прибалтійскомъ краѣ».

187. Прибалтійскій листокъ за 1898 г., № 51. Статья свящ. К. Тизика «Остатки древняго православнаго храма въ эстляндской губ.».

188—198. Памятная книжка с.-петербургской губерніи. Годы: 1863 (2 части), 1864, 1865, 1868, 1872, 1873, 1875. 1877, 1884, 1895 и 1898.

Сочиненія, непосредственно касающіяся Нарвы:

199. H. Hansen. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat. 1858. Рисунки: 1) общій видъ Нарвы, 2) изображеніе камня изъ городскихъ воротъ 1546 г. съ гербами, 3) гербъ 1426 г., 4) гербъ 1585 г., 5) крестъ

1590 г., 6) крестъ 1601 г., 7) видъ Нарвы XVII стол., 8) виды Ямбурга и Копорья 1634 г., 9) видъ Нарвы 1636 г., 10) планъ Нарвы 1649 г., 11) гербы 1650 г. (Нарвы, Ивангорода и Ингерманландіи), 12) планъ 1684 г., 13) ливонскій крестьянинъ, проводникъ Карла XII, 14) бомбардированіе Нарвы 1704 г. и 15) медаль 1704 г.

200. Его-же. Ergänzende Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva. 1864.

201. Sitzungen der Narvaschen Alterthums-Gesellschaft. 1864—1866.

202. Н. С. (Скроботовъ). Дворецъ Петра Великаго въ городѣ Нарвѣ. Спб. 1872.

203. (А. Погоскій). Нарва и Полтава. Изданіе журнала «досугъ и дѣло». Спб. 1872.

204. Ругодивцевъ (Скроботовъ). Городъ Нарва. Краткій очеркъ. Спб. 1873.

205. П. Козакевичъ. Городъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкою Наровою. Спб. 1878. Съ планами рѣки Наровы.

206. Татлинъ. Краткое извлеченіе изъ хроники г. Нарвы. Спб. 1886.

207. P. Haller, Biostatik der Stadt Narva nebst Vorstädten und Fabriken in den Jahren 1860 – 1885. Dorpat. 1886.

208. К. Случевскій. По сѣверу Россіи, Томъ III. Балтійская сторона. Спб. 1888. Его-же. Нарва. Ея былое и настоящее. Спб. 1890.

209. (Н. Крузенштернъ). Городъ Нарва. Историческій очеркъ. Спб. 1890. Приложены слѣдующія фототипіи Гофферса въ Спб.: 1) портретъ Петра Великаго, 2) видъ ливонскаго замка, 3) крѣпость Ивангородъ, 4) бастіонъ Викторія, съ подписями на нѣмецкомъ языкѣ, и 2 большихъ, сложенныхъ плана сраженій подъ Нарвой 1700 и 1704 г.г. (Чертилъ при штабѣ округа топографъ Скворцовъ въ 1890 г.).

210. Павелъ Потоцкій. Гвардія русскаго царя подъ Нарвою въ 1700 и 1704 г.г. Спб 1890. Рисунки: 1) образъ св. Николая, бывшій въ походной церкви подъ Нарвой въ 1700 году; 2) Петръ Великій и сподвижники, 3) планъ битвы 19 ноября 1700 г., 4) планъ острова Кампергольма, 5) планъ осады 1704 г., 6) картина битвы 1700 г., 7) взятіе Нарвы, 8) рисунки войскъ, 9) Петръ останавливаетъ грабежъ въ Нарвѣ.

211. П. Р. Фурманъ. Нарва. Нарвская легенда. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Рисунки: 1) видъ города Нарвы со стороны Іоахимсталя, 2) то-же со стороны военнаго госпиталя, 3) биржа съ башней, лютеранская церковь, магистратъ; 4) финская церковь, городская важня; 5) Успенская церковь въ Ивангородѣ, 6) церковь св. Николая, соборъ, Знаменская церковь; 7) училище, 8) дворецъ Петра Великаго съ подъемнымъ мостикомъ и 9) водопадъ.

212. Василій Петровъ. Матеріалы къ исторіи учебныхъ заведеній въ городѣ Нарвѣ. Нарва. 1888.

213. Зальцманъ. Курортъ Усть-Нарова въ историческомъ, топографическомъ и санитарно-медицинскомъ отношеніи. Спб. 1897. Съ рисунками.

214. Narvasche Stadtblätter. 1862—1864, 1868, 1871—1872.

215. Нарвскій городской листокъ 1874—1875 г.г. (Издатель и отвѣтственный редакторъ Іоганнъ Пахманъ). Полные комплекты листка почти не находимы. Таковые, однако, имѣются въ имп. публичной библіотекѣ.

216. Нарвскій листокъ 1898—1900 г.г. (Редакторъ Н. М. Лазаревичъ-Шепелевичъ, издатель Н. К. Грюнталь).
217. Петербургскій Меркурій. Ежемѣсячное изданіе 1793 года.
218. Von Helmersen. Bulletin de l'Académie des Sciences de S.-Pétersbourg. T. III. 1861.
219. Русскій инвалидъ 1868 г., № 179. Статья г. Ругодивцева (Скроботова) о нарвскомъ археологическомъ обществѣ.
220. Гдовско-ямбургскій листокъ 1872. (Издатель князь Вл. Оболенскій, редакторъ Вл. Тихомировъ, а затѣмъ въ томъ же году, за смертью Тихомирова, редакторъ-издатель кн. Оболенскій. Въ 1873 г., съ № 27, листокъ переименовывается въ «еженедѣльникъ» съ болѣе широкою программою (ред.-издат. кн. Оболенскій, а въ 1875 г. редакт. опъ-же, издатель А. Жемчужниковъ). Съ 1876 года еженедѣльникъ (газета земская и сельская) переименовывается въ «молву» съ программой большихъ газетъ.
221. Русскій вѣстникъ. 1881 годъ. Августъ. Путешествіе Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 году.
222. Русская старина за 1885 годъ, апрѣльская и майская книжки. 2 замѣтки о Губертѣ Ланге, сближающемъ названіе Нарвы съ именемъ племени невріевъ.
223. Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ I. Спб. 1886. (Докладъ Л. К. Иваповскаго о гробницѣ Бракеля).
224. Иллюстрація. Журналъ. 1890 г. №№ 18 и 19. Статья А. Петрова (автора настоящей исторіи), п. з. «Нарва» и 7 цинкографій къ ней: 1) общій видъ города, 2) каменная лѣстница, 3) ливонскій замокъ, мостъ и часть Ивангорода; 4) ратуша, театръ, памятникъ Петру Великому; 5) водопадъ, 6) дворецъ Петра Великаго и 7) уголокъ старой Нарвы.
225. Военный сборникъ за 1892 годъ, № 7. Изслѣдованіе полковника А. Петрова «Нарвская операція 1700 года». Тамъ-же, № 10. «Матеріалы сѣверной войны». Рецензія профессора Д. Масловскаго на статью А. Петрова.
226. Россія. Газета за 1899 годъ. №№ 110 и 115. 2 статьи автора настоящей исторіи, п. з. «Забытый дворецъ Петра Великаго» и «Ученый захватъ».

III. Нарва—въ произведеніяхъ художественной словесности.

227. Карамзинъ. Письма русскаго путешественника.
228. А. Марлинскій (Бестужевъ). Русскіе повѣсти и разсказы. Часть шестая (Поѣздка въ Ревель).
229. Фурманъ. Нарвская легенда.
230—233. Стихотворенія К. Р., князя Вяземскаго, А. Коринфскаго, сочиненія А. Н. Муравьева.

ПѢСНИ.

234. П. В. Кирѣевскій. Пѣсни. Выпускъ 8. М. 1870 (Пѣсни и каиты петровскихъ временъ).

235. Поручикъ Г. М. Поповъ. Боевыя пѣсни русскаго солдата. СПБ. 1893.

IV. Указатели, законы, сборники, отчеты, уставы и т. п.

236. Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Книга IV. СПБ. 1881. Здѣсь свѣдѣнія о изображеніи Нарвы конца XVIII столѣтія и о нарвской иконѣ Богородицы (стр. 689).

237. Его-же. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. СПБ. 4 тома. 1886—1889.

238. П. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. СПБ. 1897. Томъ II.

239. Histoire de Russie représentée par figures gravées par F. A. David d'après les dessins de Monet. Tome III. Paris 1813. Здѣсь — картина, изображающая Петра Великаго, бросающаго окровавленный мечъ на столъ въ нарвской ратушѣ въ 1704 году. (Narva prise d'assaut Pierre 1-er à l'hôtel de ville en 1704).

240. П. М. Строевъ. Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. СПБ. 1882. Здѣсь упоминается находящаяся въ синодальной библіотекѣ рукопись, п. з. «Жатва жертвенная, мечными серпами россійскихъ побѣдоносцевъ на марсовыхъ ливонскихъ поляхъ, въ самое жатвенное время, то есть въ мѣсяцѣ іюлии и августѣ, въ году 1704, егда преславніи городы Нарва и Дерптъ крѣпкою россійскаго воинства рукою илѣнени быша, собрана и на тріумфалную колесницу отъ Езекіилева пророчества составленную возложена». (Стр. 431).

241. Герм. Гильдебрандъ. Отчеты о розысканіяхъ, произведенныхъ въ рижскихъ и ревельскомъ архивахъ по части русской исторіи. Приложеніе къ XXIX-му тому записокъ имп. академіи наукъ. СПБ. 1877.

242. Сборникъ свѣдѣній о повременныхъ изданіяхъ (по 1 ноября 1870 г.). СПБ. 1870.

243. Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ прибалтійскаго края. СПБ. 1869.

244. Петръ Великій въ иностранной литературѣ. Сост. по матеріаламъ графа Корфа Р. Минцлофъ. 1872. (Отдѣлъ Affaire de Narva). То-же въ каталогѣ Rossica (въ 2-хъ частяхъ).

245. Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ.
Часть I. Учрежденія (СПБ. 1845).
Часть II. Законы о состояніяхъ (СПБ. 1845).
Часть III. Законы гражданскіе (СПБ. 1864).

246. А. Гасманъ и бар. А. Нолькенъ. Положенія о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и правила о приведеніи означенныхъ положеній въ дѣйствіе съ изложеніемъ соображеній, на коихъ они основаны. Изданіе м-ва юстиціи. СПБ. Тип. прав. сената. 1890.

247. М. Мышъ. Городовое положеніе (съ относящимися къ нему узаконеніями и разъясненіями).

248. Фабрично-заводская промышленность Россіи. Перечень фабрикъ и заводовъ. С.-Петербургъ. (Изданіе министерства финансовъ). 1897.

—

249. Постановленія нарвской городской думы съ 1873 по 1897 г.

250. Доклады управы за то-же время.

251. В. П. Петровъ. Сборникъ постановленій нарвской городской думы съ 1873 по 1882 годъ въ алфавитномъ порядкѣ съ хронологическими указаніями. Нарва, 1882.

252. Эд. Дикгофъ. Сборникъ постановленій нарвской городской думы съ 1882 по 1894 г. въ алфавитномъ порядкѣ.

253. Отчетъ о дѣятельности нарвскаго городского управленія съ 1 сентября 1873 года по 1-е сентября 1885 года. Нарва. 1885.

254. Отчетъ о дѣятельности нарвскаго городского управленія съ 1-го сентября 1885 года по 1-е сентября 1889 года.

255. Краткій обзоръ дѣятельности нарвскаго городского общественнаго управленія съ 1-го сентября 1889 года по 1-е сентября 1893 года. Составилъ Э. Дикгофъ. Нарва. 1893.

256. Bericht über die Wirksamkeit der Narvaschen Stadtverwaltung vom 1 September 1873 bis zum 1 September 1877. Narva. 1877.

257. В. П. Петровъ. Краткій обзоръ дѣятельности коммиссіи по прекращенію нищенства въ г. Нарвѣ съ 4-го апрѣля 1872 г. по 4-е апрѣля 1882 г.

258. Его-же. Краткій очеркъ дѣятельности нарвскаго общества взаимнаго кредита съ 1873 по 1883 годъ.

259. Отчетъ попечительнаго совѣта воспитательнаго заведенія для дѣтей бѣдныхъ гражданъ въ г. Нарвѣ за 1874 годъ.

260. П. П Паклинъ. Годовой отчетъ дѣятельности нарвскаго отдѣла россійскаго общества покровительства животнымъ съ 8 сентября 1889 г. по 8 сентября 1890 г. Нарва. 1890.

261. Очеркъ учрежденія и дѣятельности нарвскаго пожарнаго общества съ 1872 г. по 1897 г. Нарва. 1897.

262. 16 мая 1899 г. Рѣчи, произнесенныя при открытіи памятника барону Льву Герасимовичу Кнопъ въ Кренгольмѣ.

263. Отчетъ ямбургской уѣздной земской управы за время съ 1 сентября 1877 по 1 сентября 1878 г. Нарва. 1878.

264—270. Уставы: 1) нарвскаго археологическаго общества, 2) добровольнаго пожарнаго общества, 3) общества взаимнаго кредита, 4) русскаго общественнаго собранія, 5) музыкальнаго общества, 6) общества призрѣнія бѣдныхъ, 7) безплатной народной библіотеки читальни.

271. Указатель нарвскаго археологическаго общества во дворцѣ императора Петра I. 1897, и нѣкоторыя другія сочиненія и изданія, частію поименованныя въ подстрочныхъ выноскахъ.

Перечень главнѣйшихъ иллюстрированныхъ изображеній, относящихся къ Нарвѣ и ея исторіи:

1. Гравюры Меріана.

2. Гравюры въ гамбургскомъ изданіи Олеарія: а) общій видъ Нарвы и Ивангорода съ лифляндской и съ ингерманландской сторонъ (большой складной листъ, раздѣленный пополамъ); б) видъ водопада, в) видъ ивангородскаго кладбища въ Троицынъ день.

Съ этихъ гравюръ (XVII стол.) имѣются и позднѣйшіе снимки и изображенія.

3. Nerva (sic) obsessa ac liberata. Картинка посвящена Карлу XII отъ гравера: Romanus de Hooghe J. U. D. Regi Britann. Comiss. Aeneum hoc D. D. D. monumentulum. Ex formis Petri Schenk Amst. Cum Privileg. Ord Holl. et Westfris.

Экземпляръ этой гравюры имѣется во дворцѣ Петра Великаго въ Нарвѣ.

4. Летучая (календарная) картинка, гравированная рѣзцомъ, съ изображеніемъ, кромѣ осады, портрета Карла XII. Печатный текстъ: «Kurtze relation von der Belagerung und wieder Befreyung der Liefländischen Stadt Narva. Wie solche von dem grossen Anzug dess Moscovitischen Gross-Czaars durch Helden-mässiges Aufführen Hr. Königl-Maj. in Schweden Caroli XII Succurs-Völcker von der Belagerung allerdings befreyet und die Moscowitische Armee von 150,000 Mann starck totaliter geschlagen worden, mit Hinterlassung alles Beschützes und Viehes, sammt aller Mund und Kriegs Provision. Bey Aufbruch der Schwedischen Armee von Wesenberg, den 13 Novemb. 1700».

5. Осада Нарвы 1700 года помѣщена также въ Bedächtniss-Kunst der merkwürdigsten Begebenheiten des 1700-ten Jahrs. Въ VII отдѣлѣ: Narva in Livonia a Moscovitis obsidetur. Die Stadt Narva in Liefland wird von den Moscowitern belagert im Sept. VI. Въ IX отдѣлѣ: Narva a Rege Sueciae liberatur, et Moscovitae in fugam conjiciuntur. Die Stadt Narva wird von dem König in Schweden entse(t)zt, und die Moscowitter werden in die Flucht geschlagen im Winterm: IX.

6. Въ книгѣ Eigentlicher Abrisse und Beschreibung der Pleskowischen Haupt-Fahne изображено знамя, welche durch die siegreiche Schwed. Waffen ins Winter Monat Nov. 1700 von den Moscowitern erobert worden. Nürnberg zu finden bey Joh. Jonatan. На гравированномъ изображеніи знамени помѣщены двуглавый орелъ и луна, а кругомъ 6 солицъ и фигура святого. Гравировано рѣзцомъ. [1]).

[1]) Ровинскій. Подр. словарь русскихъ грав. портретовъ, т. III, столб. 1738—1739.

7. Warhaffte Abbildung
Desz
Aufrichtig getreuen Bauerns
Der
Seine Königliche Majestät in Schweden etc
Anno 1700
Durch einen Umbweeg hinder das vor der Statt (sic) Narva
geschlagene Moscowittische
Lager mit seinem Kriegs-Heer geführet.

Gleichwie desz Höchsten Krafft öffters in den Schwachen mächtig also hat derselbe ein dergleichen herrlich und mächtige Krafft erzeiget, in einem so zu reden wenig und dem Ansehen nach, gegen so einer grossen Heeres-Macht schwachem Häufflen; indeme der Grosz-Fürst, der so genandte Moscowittische Czaar von der Zeit an als Anno 1595, da der damahlig langwürige Krieg zwischen Moscau und Schweden, durch eine Käyserliche Gesandschafft also glücklich und güttlich beygeleget wurde, dasz nicht nur ein jmmerwährender Fried zwischen ihnen Beeden gestifftet, sondern gar ein ewiger Stillstand der Waffen gehoffet würde, immer tacitè seinen Vortheil von neuem zu ersehen getrachtet, wie er dann bey der scharffen Belagerung Riga, schon lang mit einem starcken Corpo, denen jederweilig eingelauffenen Nouvellen nach auszmarchiret, da doch niemand wuszte, wohin ein solcher March angesehen war, nun er aber dazumahl, vielleicht keinen sondern Vortheil verspürte, blieb es alleinig bey dem jmmerwährenden Ruff der Moscowittischen grossen Macht, bisz an jetzo alles am hellen Tag liget, was diser jetzige Czaar damahls schon gesuchet, aber durch sonderbahre Schickung Gottes, unglücklich nicht gefunden, oder bekommen, und weilen ihn Narva der bequemste Ort seine Wuth auszuüben betauchte, auch die Braut seyn sollte, mit der der biszherige Stillstand der Waffen gebrochen worden, und der Blut-Tantz gegen Schweden widerumb-angehen solte, hat ermeldter grosse Czaar aus Moscau, mit 150,000 Mann, und also mit einer solchen grossen Menge Volck, ermeldtes Narva also hart belagert, dasz nicht nur selbe sich selbsten weder zu helffen, noch zu rathen wuszte, sondern auch seine Königliche Majestätt in Schweden, als dero Schutz-Herr (dessen glorwürdigste Natur denen Fusz-stapffen seines seel. Herrn Vatters höchstrühmlich nachahnet und seine Tapfferkeit allen Augen schon lang vorgezeiget) Bedencken getragen mit Dero wenigen Trouppen die in so grosser Gefahr stehende und belagerte Statt zu beschirmen, dahero selbige entweder Sich oder das bey sich habende Volck nicht zu verlieren, mehr mit Heldenmüthigen Anschlägen und Klugheit, als mit Waffen, disem so mächtigen Feind begegnen müssen, und indeme gemeiniglich auf der Friedzerstöhrer Köpffe, die angemachte scharffe Laugen gegossen wird also fiel auch diszmahl dises Fridbrechers Frevel durch Gottes Krafft und Macht, auf seine eigene Scheitel, indeme aus höchster Allmacht Seine Königliche Majestät, durch Anführung eines einigen, und hier in der Mitte abgebildeten Baurens, dem ohne Zweiffel alle Weege und Gegenden umb Narva sattsamb bekannt, dem stoltzen Feind unvermuthet hinter den Rücken gerathen, von welchem die grosse Czaarische Macht also erschrocken, und in völlige Confusion gerathen, ja 4 Meilen von Narva 6000 Mann, so bey einem hohen Gebürg einen Pasz

besetzt, die Flucht genommen, aber von dem König hieran verhindert, und meistens alle nidergehauen worden. Es setzte diser Heldenmüthige König, durch dises angefrischet, als ein Löw, weiters fort, begabe sich mit den wenig Seinigen, mitten unter die völlige Armee, und stritte mit göttlicher Hülffe, und mächtigem Armb, 4 gantzer Stund. Gott segnete seine Streiche, und war auch hier die Krafft Gottes, in dem schwachen Häufflein so mächtig, dasz die grosse Armee denen Schwächern weichen, und mit Hinterlassung desz völligen Feld-Raubs, nach 28-stündigem continuirlichem Stürmen, die Flucht nehmen muszte, worbey 25,000 Mann auf dem Platz gebliben. Wer nur der anführende Baur gewesen, oder wohin derselbige gekommen, ist Gott am besten bekandt, als der den Sieg gegeben hat, denen, die auf Ihn hoffeten, und die nunmehro vor verliehenen Sieg, in Dero gantzen Königreich Schweden dem Höchsten Lob und Danck sagen, als welcher Ihren glorwürdigsten König zu jmmerwährendem Ruhm gedeyet.

Nun jauchtzt das Gothen-Volck, auf dises grosse Sigen,
Weil derer Feinde Schaar ohn Zaal darnider ligen,
Der Schweden Held und Armb hat durch desz Höchsten Macht,
Disz wunder-volle Werck mit höchstem Ruhm vollbracht.
Der Baur den man hier sieht, der hat den Grund geleget,
Durch Gott, dasz dises Haupt, solch Sieges-Lorbeer träget.
Ob schon sein Nam der Zeit noch niemand ist bekandt,
So ist durch seine Treu Er dannoch grosz benandt,
Grosz war sein Bauren Muth sein König anzuführen
An einen solchen Ort, da nur das blosz marchiren.
Den Feinden Schrecken bracht, grosz war disz Bauren Treu,
Die seinem König er erwisz und legte bey,
Noch grösser aber ist die Tapfferkeit desz Helden,
So Carls Namen führt, von Dem wir jetzo melden.
Dasz seine Tapfferkeit ungmein gewesen sey,
Dasz ihme Gottes Krafft, und Macht gestanden bey,
Sein Haupt bleibt Seegens voll mit Lorbeer-Sieg bekrönet,
Die Czaarisch grosse Macht entgegen gantz verhönet,
Gott sey gedanckt der so den Sieg gegeben hat,
Und dises Königs Haupt erhöht, durch solche That.

Подпись: «Zu Augspurg, bey Albrecht Schmidt, Formschneider und Brieffmahler, den Laden auf Barfüsser Bruck» [1]).

Подписи императорской публичной библіотеки:

«Современное изображеніе крестьянина, служившаго проводникомъ арміи Карла XII (противъ Петра Великаго) подъ Нарвою въ 1700 году».

«Portrait contemporain du paysan qui servit de guide à l'armée de Charles XII (contre Pierre le Grand) près de Narva en 1700».

Крестьянинъ изображенъ въ ростъ, въ мѣховой шапкѣ, съ сумкой черезъ плечо. Въ правой рукѣ у него суковатая дубина, въ лѣвой рукѣ трубка.

Другія извѣстныя изображенія лифляндскаго крестьянина, указавшаго

[1]) Списокъ съ подлиннаго экземпляра (unicum) имп. публ. библіотеки, безъ пропусковъ. Въ такомъ видѣ является въ русской печати впервые. Полная выписка сдѣлана по совѣту В. В. Стасова.

Карлу XII обходную дорогу къ русскому лагерю, всѣ съ вышеприведеннаго оригинала:

8. Гравированное рѣзцомъ въ ростъ съ посохомъ въ рукѣ. Eigentliche Abbildung des jenigen Bauerns (sic), welcher Se: Kön: Maj: von Schweden etc. Anno 1700 vor der Stadt Narva durch einen Umweg hinter das Moscowittische Lager geführt; wordurch Se: Königl: Maj: einen herrlichen Sieg erhalten haben.

9. Съ тою же надписью, отпеч. типографскимъ шрифтомъ; обозначеніе (на гравюрѣ): G. J. Schneid sc., и (подъ гравюрою): Nürnberg zu finden bey den Felsseckerischen Erben.

10. Большая гравированная картина, отпеч. тремя гравир. досками. На верхней доскѣ изображено взятіе Нарвы съ медальономъ Карла XII и подписью: «Kurtzer Bericht von dem Entsatz der Stadt und Vestung (sic) Narva»; на средней доскѣ изображенъ крестьянинъ съ палкой и трубкой, заткнутой за поясомъ; вдали конное войско. По сторонамъ гравир. текстъ: «Unter den berühmten stätten... abzug verstattett»; на нижней доскѣ вырѣзанъ текстъ: «Ob nun zvar de Czar... Ehre u Preyss».

11. Гравированное рѣзцомъ изображеніе съ помѣтою вверху: къ № 15 Моск. Телегр. 1831 г.

12. Сходное съ предъидущимъ, гравир. рѣзцомъ въ ростъ. Подписи: «A Paris chez H. Bonnart, rue St.-Jaques, au Coq. Avec privil. Paysan de Livonie. C'est le portrait de celuy qui a guidé l'armée de Charles XII, Roy de Suède par les forests et des sentiers impraticables, lorsque ce Prince fit lever le Siège de Narva aux Moscovites, et gagna sur eux cette fameuse bataille, dans laquelle, avec huit mil. hommes, il en défit quatre vingts mil., le 30 Novembre 1700» [1]).

13. На портретѣ Петра Великаго работы Пикара 1717 (грав. крѣпкой водкой), вмѣстѣ со множествомъ гравированныхъ изображеній русскихъ великихъ князей и царей и планами завоеванныхъ Петромъ городовъ, значится, между прочимъ, и планъ Нарвы [2]).

14. Взятіе Нарвы въ 1704 г. Внизу картушъ съ изображеніемъ Петра Великаго на конѣ, вдали видна батарея. J. Keyser fecit [3]).

15. Гравюра на стали 1704 г. Петръ I въ Нарвѣ. Съ картины Зауервейда. Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Въ «сѣверномъ сіяніи» Генкеля [4]).

16. Memorabilia (Подъ такимъ названіемъ выходили календарные листки съ изображеніями выдающихся событій). Подъ 1704 годомъ, между прочимъ, изображеніе «Narva a Moschis recepta». (Narva wird überstiegen) [5]).

17. Императоръ Петръ Великій. Литографія. Подписи: «дозволено цензурою. Москва, 17 декабря 1875 г. Лит. И. А. Голышева, близъ с. Мстеры» Вмѣстѣ съ изображеніями разныхъ событій, относящихся до исторіи Петра Великаго (а именно: 1) Петръ Великій спасается своею матерью, 2) перенесеніе мощей св. Александра Невскаго, 3) Полтавская битва, 4) домикъ Петра Великаго въ С.-Петербургѣ, 5) памятникъ Петру Великому въ

---

[1]) Ровинскій, т. II, столб. 1127—1128.
[2]) Тамъ-же, т. III. Петръ Великій, № 301.
[3]) Тамъ-же, т. III, № 523.
[4]) Тамъ-же, т. III, № 527.
[5]) Тамъ-же, т. IV, № 1702.

С.-Петербургѣ, 6) неустрашимость Петра Великаго на Ладожскомъ озерѣ и 7) бесѣда Петра Великаго со Святителемъ Митрофаномъ), имѣется довольно фантастическій рисунокъ съ подписью «Взятіе Нарвы» (sic). Экземпляръ въ публичной библіотекѣ, въ петровской коллекціи.

18. Петръ I въ Нарвѣ. Литографія (съ картины Зауервейда). Дозволено цензурою. Москва, 28 января 1867 года. Москва. Печ. въ лит. Руднева, на Никольской ул., въ д. Шереметева. Экземпляръ въ публ. б-кѣ.

19. Взятіе Нарвы. Картина Коцебу въ военной галлереѣ Зимняго дворца и рядъ ея воспроизведеній (гравюръ, фотографій, фототипій, и т. п.).

20 Нарвскій водопадъ. Гравюра. 1780 г.

21. Тріумфальныя ворота, воздвигнутыя во время проѣзда императрицы Екатерины II черезъ Нарву.

Объ гравюры въ книгѣ «Das erfreute und illuminirte Narva».

22. На большой шестилистовой гравюрѣ конца прошлаго столѣтія, изображающей виды Москвы. С.-Петербурга и 48 другихъ русскихъ городовъ имѣется и изображеніе Нарвы съ подписью: «Градъ Нарва, санктпетербургской губерніи также славный и великій крѣпостію и красотою и презрядны (sic), прежде именовашеся Ругодевъ, но по взятіи отъ страны шведскія великимъ государемъ нашимъ императоромъ Петромъ Первымъ и Великимъ повелѣно звати Нарва, понеже стоитъ при рѣкѣ Наровѣ, въ разстояніи отъ Москвы 875 верстъ» [1]).

23. Vues des environs de Narva. De l'Imprimerie de Bassand. Dessiné et gravé par M. F. Damame Démartrais. Раскрашеная гравюра 1812 г., совершенно фантастическаго содержанія: изображенъ водопадъ, около него башня и гора; на горѣ дома и церковь.

24. Видъ сраженія при устьѣ р. Наровы 1855 года, іюня 6 дня. Рисовалъ съ натуры Вик. Сергѣевъ 2, грав. на дер. Е. Бернардскій (въ морскомъ сборникѣ за 1855 г. № 9, отд. 2).

25. Виды Нарвы. Литографія 1856 года.

Кромѣ того, нѣкоторыя изображенія перечислены въ библіографическомъ указателѣ и при обозрѣніи дворца Петра В. и медалей 1700 и 1704 г.г. [2]).

---

[1]) Ровинскій. Рус. нар. картинки, кн. IV, стр. 474—475.

[2]) Въ указателяхъ имп. публ. библіотеки, кромѣ упомянутыхъ гравюръ изъ путешествія Олеарія, значатся еще:

1) Видъ всего города, взятый съ вышины во время приступа русскихъ 18 августа (?) 1704. Надпись вверху на хартіи во всю ширину эстампа In folio

2) Narva. Видъ всего города. На первомъ планѣ нѣсколько русскихъ всадниковъ и орудіе. Внизу подъ картиной восемь знаменъ. In folio.

Виды Нарвы имѣются еще въ нѣкоторыхъ экземплярахъ книги Марсово 1713 года (въ имп. публ. б-кѣ), и затѣмъ въ новѣйшихъ изданіяхъ: въ эстонскомъ сборникѣ 1897 г. «A. Pert'i. Lihawôtte album Tallinnas» (въ г. Ревелѣ) и въ газетахъ и журналахъ (новое время, Россія, биржевыя вѣдомости, нива, новый міръ и др.) за 1900 годъ, по поводу 200-лѣтія со времени перваго боя Петра В. подъ Нарвой 19 ноября 1700 г.

Планъ сраженія 1700 г. (кромѣ перечисленныхъ плановъ въ библіограф. указателѣ) имѣется еще въ XV томѣ «theatrum europaeum».

Наконецъ, упомянемъ помѣщенную въ «домашнемъ календарѣ» Губинскаго на 1898 г. цинкографію, по рисунку Вишневскаго (совершенно произвольнаго содержанія): «взятіе Нарвы при Иванѣ IV».